АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ДРЕВНИЕ РОССИЙСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ
СОБРАННЫЕ КИРШЕЮ ДАНИЛОВЫМ

ВТОРОЕ ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

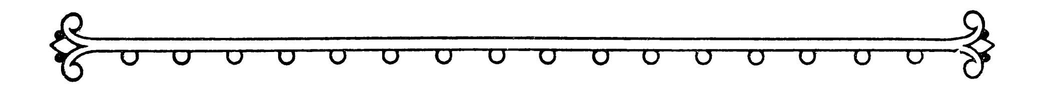
ПОДГОТОВИЛИ
А. П. ЕВГЕНЬЕВА и Б. Н. ПУТИЛОВ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
1977

Ответственный редактор

Дмитриев Л. А.

Д $\frac{70404\text{-}192}{042\ (02)\text{-}77}$ 334-77



ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем издании текст Сборника Кирши Данилова воспроизводится дважды.

Учитывая исключительную историко-культурную и научную ценность Сборника и принимая во внимание, что рукопись его практически недоступна для большинства научных работников, составители книги решили дать возможно более точное воспроизведение рукописи средствами современной печатной техники. Первый опыт в воспроизведении рукописи Сборника Кирши Данилова принадлежит П. Н. Шефферу. Издание его [1] выполнено очень тщательно. Ценными в нем являются подстрочные примечания палеографического характера (о подчистках, исправлениях букв, надписанных словах и буквах и т. д.), которые полностью сохраняются в настоящем издании. П. Н. Шеффер счел необходимым, впервые издавая точный текст Сборника, сделать некоторые отступления и внести редакторские поправки: он отделил союзы, приставки и частицы, которые в рукописи написаны обычно слитно со словами, ввел прописные буквы в именах собственных [2].

В настоящем издании принцип точного воспроизведения рукописи осуществляется последовательно, без всяких отступлений; отмечаются строки (одной вертикальной чертой) и страницы (двумя вертикальными чертами). К сожалению, нет возможности передать некоторые особенности рукописи: характер написания надстрочных букв, написание букв под титлами; известное представление об этих особенностях дают фотографические изображения отдельных страниц рукописи, помещаемые в книге.

Издание текста, воспроизводящего рукопись Сборника, адресовано специалистам — историкам фольклора и литературы, языковедам, представителям смежных научных дисциплин.

Иными задачами определяется издание другого текста, который идет в настоящей книге первым. Точное воспроизведение рукописи, очень

---

[1] «Сборник Кирши Данилова. Издание Императорской Публичной библиотеки. Под редакциею П. Н. Шеффера». СПб., 1901.

[2] О принципах издания П. Н. Шеффера см. в его вступительной статье (стр. XXXVIII—XLI).

важное само по себе, не может дать читателю представления о текстах Сборника как произведениях народной поэзии, как о песнях. Для этого необходимо, во-первых, разделение текстов на стихотворные строки и, во-вторых, освобождение их от тех особенностей рукописи, которые затрудняют понимание этих текстов и восприятие их художественной природы. Разумеется, как то, так и другое (разделение на стихи и редактирование текста) должно строиться на основе возможно более полного сохранения всех характерных и действительно важных особенностей языка и орфографии рукописи. Сказанным определяются те принципы, которыми руководствовались составители книги в работе над подготовкой текста [3].

Разделение на стихотворные строки было сделано в свое время А. Ф. Якубовичем и К. Ф. Калайдовичем; С. К. Шамбинаго произвел аналогичную работу в отношении песен, не включенных в 1-е и 2-е издания. Работа, проделанная ими, в принципе правильна и не подвергается коренному пересмотру. Для настоящего издания проведена сплошная проверка имеющихся реконструкций стихотворного текста и в ряде случаев внесены изменения и уточнения, иногда частного порядка, иногда более существенные.

Трудности в разделении текста на стихотворные строки, возможные здесь варианты и спорные случаи определяются тем, что песни, которые входят в Сборник, записывались не всегда достаточно точно: в ряде мест можно предполагать пропуски отдельных слов и групп слов (главным образом при песенных повторах), в отдельных случаях запись с голоса уступала место пересказу; поэтому в некоторых местах нарушена поэтическая система, отдельные строки не укладываются в характерную для данной песни ритмическую схему.

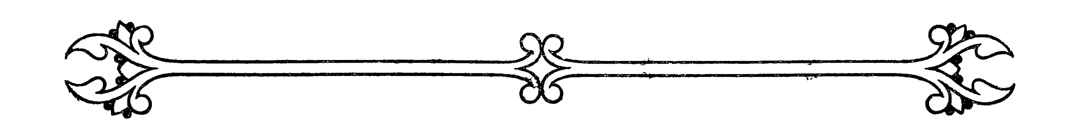
Там, где собиратель передавал стих с некоторыми сокращениями, но остов, костяк стиха оставался ясным, он дается в подготовленном тексте стихотворной строкой, и лишь когда стих разрушен пропусками и перестановками, соответствующие части даются обычной строкой. При этом никаких восстановлений пропущенных стихов или отдельных слов не делается. Восстанавливались лишь отдельные буквы, опущенные собирателем, передававшим живое произношение. Восстановленные буквы заключены в скобки. Прозаические места, имеющиеся в Сборнике, передаются обычной строкой, все сомнительные случаи оговариваются в комментариях.

Во втором издании тексты заново проверены, в необходимых случаях внесены исправления, статьи и комментарии дополнены с учетом новых данных и исследований, появившихся после 1958 г.

---

[3] О принципах редактирования текста и изменениях (графических и орфографических), внесенных в него, см. Комментарий (стр. 424—426).

ТЕКСТЫ



[ПРО] САЛОВЬЯ БУДИМЕРОВИЧА

л. 1 Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота акиян-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омоты днепровския.
Из-за моря, моря синева,
Из глухоморья зеленова,
От славного города Ле́денца,
От того-де царя ведь заморскаго
Выбегали-выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей един корабль
Славнова гостя богатова,
Молода Соловья сына Будиме́ровича.
Хорошо карабли изукрашены,
Один корабль полутче всех.
У того было сокола у ка́рабля
Вместо очей было вставлено
По дорогу каменю по яхонту;
Вместо бровей было прибивано
По черному соболю якутскому,
И якутскому ведь сибирскому;
Вместо уса было воткнуто
Два острыя ножика булатныя;
Вместо ушей было воткнуто
Два востра́ копья мурзамецкия,
И два горносталя повешены,
И два горнасталя, два зимния.
У тово было сокола у ка́рабля
Вместо гривы прибивано
Две лисицы бурнастыя;
Вместо хвоста повешено
На том было соколе-ко́рабле
Два медведя белыя заморския.

Нос, корма — по-туриному,
Бока взведены по-звериному.
Бегут ко городу Киеву,
К ласкову князю Владимеру.
На том соколе-ко́рабле
Сделан муравлен чердак,
В чердаке была беседа дорог рыбей зуб,
Подернута беседа рытым бархотом.
На беседе-то сидел купав молодец,
Молодой Соловей сын Будимерович.
Говорил Соловей таково слово́:
«Гой еси вы, гости-карабельщики
И все целовальники любимыя!
Как буду я в городе Киеве
У ласкова князя Владимера,
л. 1 об. Чем мне-ка будет || князя дарить,
Чем света жаловати?».
Отвечают гости-карабельщики
И все целовальники любимыя:
«Ты славной, богатой гость,
Молодой Соловей сын Будимерович!
Есть, сударь, у вас золота казна,
Сорок сороков черных соболей,
Вторая сорок бурнастых лисиц;
Есть, сударь, дорога камка,
Что не дорога ка́мочка — узор хитер:
Хитрости были Царя́-града
А и мудрости Иеруса́лима,
Замыслы Соловья Будимеровича;
На злате, на серебре — не по́гнется».
Прибежали карабли под славной Киев-град,
Якори метали в Непр-реку,
Сходни бросали на крут бережек,
Товарную пошлину в таможне платили
Со всех кораблей семь тысячей,
Со всех кораблей, со всего живота.
Брал Соловей свою золоту казну,
Сорок сороков черных соболей,
Второе сорок бурнастых лисиц,
Пошел он ко ласкову князю Владимеру.
Идет во гридю во светлую,
Как бы на́ пету двери отворялися,
Идет во гридню купав молодец,
Молодой Соловей сын Будимерович,

Спасову образу молится,
Владимеру-князю кланеется,
Княгине Апраксевной на особицу
И подносит князю свое дороги подарочки:
Сорок сороков черных соболей,
Второе сорок бурнастых лисиц;
Княгине поднес камку белохрущетую
Не дорога камочка — узор хитер:
Хитрости Царя́-града,
Мудрости Иеруса́лима,
Замыслы Соловья сына Будимеровича;
На злате и серебре — не по́гнется.
Князю дары полюбилися,
А княгине наипаче того.
Говорил ласковой Владимер-князь:
«Гой еси ты, богатой гость,
Соловей сын Будимерович!
Займуй дворы княженецкия,
Займуй ты боярския,
Займуй дворы и дворянския».
Отве(ча)е(т) Соловей сын Будимерович:
«Не надо мне двор(ы) княженецкия,
И не надо дворы боярския,
И не надо дворы дворянския,
Только ты дай мне загон земли,
Непаханыя и неараныя,
У своей, асударь, княженецкой племяннице,
У молоды Запавы Путятичной,
В ее, осударь, зелено́м саду,
[В] вишенье, в орешенье
л. 2 Построить || мне, Соловью, снаряден двор».
Говорил сударь, ласковой Владимер-князь:
«На то тебе с княгинею подумаю».
А подумавши, отдавал Соловью
Загон земли, непаханыя и неараныя.
Походил Соловей на свой червлен карабль,
Говорил Соловей сын Будимерович:
«Гой еси вы, мои люди работныя!
Берите вы тапорики булатныя,
Подите к Запаве в зеленой сад,
Постройте мне снаряден двор
[В] вишенье, в орешенье».
С вечера поздым-поздо,
Будто дятлы в дерево пощолкивали,
Работали ево дружина хора́брая.

Ко полуноче и двор поспел:
Три терема златове́рховаты,
Да трои сени косящетыя,
Да трои сени решетчетыя.
Хорошо в теремах изукрашено:
На небе солнце — в тереме солнце,
На небе месяц — в тереме месяц,
На небе звезды — в тереме звезды,
На небе заря — в тереме заря
И вся красота поднебесная.
Рано зазвонили к заутрени,
Ото сна-та Запава пробужалася,
Посмотрела сама в окошечко косящетое,
[В] вишенья, в орешенья,
Во свой ведь хорошой во зеленой сад.
Чудо Запаве показалося
В ее хорошом зеленóм саду,
Что стоят три терема златове́рховаты.
Говорила Запава Путятишна:
«Гой еси, нянюшки и мамушки,
Красныя сенныя девушки!
Подьте-тка, посмотрите-тка,
Что мне за чудо показалося
[В] вишенье, в орешенье».
Отвечают нянюшки-мамушки
И сенныя красныя деушки:
«Матушка Запава Путятишна,
Изволь-ко сама посмотреть —
Счас(т)ье твое на двор к тебе пришло!».
Скоро-де Запава нарежается,
Надевала шубу соболиную,
Цена-та шуби три тысячи,
А пуговки в семь ты[ся]чей.
Пошла она [в] вишенье, в орешенье,
Во свой во хорош во зеленой сад.
У первова терема послушела —
Тут в тер[е]му щелчит-молчит:
Лежит Соловьева золота казна;
Во втором терему послушела —
Тут в терему потихоньку говорят,
Помаленьку говорят, все молитву творят:
Молится Соловьева матушка
Со вдовы честны многоразумными.
У третьева терема послушела —
л. 2 об. Тут в терему музыка гремит.

Входила Запава в сени косящетые,
Отворила двери на́ пяту, —
Больно Запава испугалася,
Резвы ноги подломилися.
Чудо в тереме показалося:
На небе солнце — в тереме солнце,
На небе месяц — в тереме месяц,
На небе звезды — в тереме звезды.
На небе заря — в тереме заря
И вся красота поднебесная.
Подломились ее ноженьки резвыя,
Втапоры Соловей он догадлив был:
Бросил свои звончеты гусли,
Подхватывал девицу за белы ручки,
Клал на кровать слоновых костей
Да на те ли перины пуховыя.
«Чево-де ты, Запава, испужалася,
Мы-де оба на возрасте».
«А и я-де, девица, на выдонье,
Пришла-де сама за тебя свататься».
Тут оне и помолвили,
Целовалися оне, миловалися,
Золотыми перстнями поменялися.
Проведала ево, Соловьева, матушка
Честна вдова Амелфа Тимофеевна,
Свадьбу кончати посрочила:
«Съезди-де за моря синия,
И когда-де там расторгуешься,
Тогда и на Запаве женишься».
Отъезжал Соловей за моря синея.
Втапоры поехал и голой шап Давыд Попов,
Скоро за морями исторгуется,
А скоре́ тово назад в Киев прибежал;
Приходил ко ласкову князю с подарками:
Принес сукно смурое
Да крашенину печатную.
Втапоры князь стал спрашивати:
«Гой еси ты, голой шап Давыд Попов!
Где ты слыхал, где видывал
Про гостя богатова,
Про молода Соловья сына Будимеровича?».
Отвечал ему голой шап:
«Я-де об нем слышел
Да и сам подлинно видел —
В городе Леденце у тово царя заморскаго

Соловей у царя в пратомо́жье попал,
И за то посажен в тюрьму,
А карабли ево отобраны
На его ж царское величество».

Тут ласковой Владимер-князь закручинился, скоро вздумал о свадьбе, что отдать Запаву за голова шапа Давыда Попова.

Тысецкой — ласковой Владимер-князь,
Свашела княгиня Апраксевна,
В поезду́ — князи и бояра,
Поезжали ко церкви божии.

Втапоры в Киев флот пришел
Богатова гостя, молода Соловья сына Будимеровича ко городу ко Киеву.

Якори метали во быстрой Днепр,
Сходни бросали на крут красен бережек.
Выходил Соловей со дружиною
л. 3 Из сокола-карабля, || с каликами,
Во белом платье сорок калик со каликою.
Походили оне ко честной вдове Амелфе Тимофевне,
Правят челобитье от сына ея, гостя богатова,
От молода Соловья Будимеровича,
Что прибыл флот в девяносте караблях
И стоит на быстром Непре,
Под городом Киевым.
А оттуда пошли ко ласкову князю Владимеру на княженецкой двор
И стали во единой круг.
Втапоры следовал со свадьбою Владимер-князь в дом свой.
И пошли во гридни светлыя,
Садилися за столы белодубовыя,
За ества саха́рныя,
И позвали на свадьбу сорок калик со каликою,
Тогда ласковой Владимер-князь
Велел подносить вина им заморския и меда́ сладкия
Тотчас по поступкам Соловья опа́зновали,
Приводили ево ко княженецкому столу.
Сперва говорила Запава Путятишна:
«Гой еси, мой сударь дядюшка,
Ласковой сударь Владимер-князь!
Тот-то мой прежней обрученной жених,
Молоды́ Соловей сын Будимерович.
Прямо, сударь, скачу — обесчестю столы».

Говорил ей ласковой Владимер-князь:
«А ты гой еси, Запава Путятишна!
А ты прямо не скачи, не бесчести столы!».
Выпускали ее из-за дубовы́х столов,
Пришла она к Соловью, поздаровалась,
Взела ево за рученьку белую
И пошла за столы белоду́бовы,
И сели оне за ества саха́рныя,
На большо́ место́.
Говорила Запава таково слово́
Голому шапу Давыду Попову:
«Здраствуй женимши, да не с ким спать!».
Втапоры ласковой Владимер-князь весел стал,
А княгиня наипаче того,
Поднимали пирушку великую.

[ПРО] ГОСТЯ ТЕРЕНТИША

л. 3 об. В стольном Нове-городе,
Было в улице во Юрьевской,
В слободе было Терентьевской,
А и жил-был богатой гость,
А по имени Терентишша.
У нево двор на целой версте,
А кругом двора железной тын,
На тынинки по маковке,
А и есть по земчуженке;
Ворота были вальящетыя,
Вереи хрустальныя,
Подворотина рыбей зуб.
Середи двора гридня стоит,
Покрыта седых бобров,
Потолок черных соболей,
А и матица-та валженая,
Была печка муравленая,
Середа была кирпичная,
А на се́реди кроватка стоит,
Да кровать слоновых костей,
На кровати перина лежит,
На перине зголовье лежит,
На зголовье молодая жена
Авдотья Ивановна.

Она с вечера трудна-больна,
Со полуночи недужна вся:
Расходился недуг в голове,
Разыгрался утин в хребте,
Пустился недуг к сер(д)цу,
А пониже ея пупечка
Да повыше коленечка,
Межу ног, килди-милди.
Говорила молодая жена
Авдотья Ивановна:
«А и гой еси, богатой гость,
И по имени Терентишша,
Возьми мои золотые ключи,
Отмыкай окован сундук,
Вынимай денег сто рублев,
Ты поди дохтуров добывай,
Во́лхи-та спрашивати».
А втапоры Терентишша
Он жены своей слушелся,
И жену-та во любви держал.
Он взял золоты ее ключи,
Отмыкал окован сундук,
Вынимал денег сто рублев
И пошел дохтуров добывать.
Он будет, Терентишша,
У честна креста Здвиженья,
л. 4 У жива моста калинова,
Встречу Терентишшу веселыя скоморохи.
Скоморохи — люди вежлевыя,
Скоморохи очес(т)ливыя
Об ручку Терентью челом:
«Ты здравствую, богатой гость,
И по имени Терентишша!
Доселева те слыхом не слыхать,
И доселева видом не вида́ть,
А и ноне ты, Терентишша,
[А] и бродишь по чисту́ полю́,
Что корова заблудящая,
Что ворона залетящая».
А и на то-то он не сердится,
Говорит им Терентишша:
«Ай вы гой, скоморохи-молодцы!
Что не сам я, Терентей, зашол,
И не конь-та богатова завез,
Завела нужда-бедность . . . . .

У мене есть молодая жена
Авдотья Ивановна,
Она с вечера трудна-больна,
Со полуночи недужна вся:
Расходился недуг в голове,
Разыгрался утин в хребте,
Пустился недуг к сер(д)цу,
Пониже ее пупечка,
Что повыше коленечка,
Межу ног, килди-милди.
А кто бы-де недугам пособил.
Кто недуги бы прочь отгонил
От моей молодой жены,
От Авдотьи Ивановны,
Тому дам денег сто рублев
Без единыя денежки».
Веселыя молодцы догадалися,
Друг на друга оглянулися,
А сами усмехнулися:
«Ай ты гой еси, Терентишша,
Ты нам что за труды заплатишь?».
«Вот вам даю сто рублев!».
Повели ево, Терентишша,
По славному Нову-городу,
Завели его, Терентишша,
Во тот во темной ряд,
А купили шелковой мех,
Дали два гроша мешок;
Пошли оне во червленной ряд,
Да купили червленой вяз,
А и дубину ременчетую —
Половина свинцу налита,
Дали за нее десеть алтын.
Посадили Терентишша
Во тот шелковой мех,
Мехоноша за плеча взял.
Пошли оне, скоморохи,
Ко Терентьеву ко двору.
Молода жена опасливая
л. 4 об. В окошечко || выглянула:
«Ай вы гой еси, веселыя молодцы,
Вы к чему на двор идете,
Что хозяина в доме нет?».
Говорят веселыя молодцы:
«А и гой еси, молодая жена,

Авдотья Ивановна,
А и мы тебе челобитье несем
От гостя богатова,
И по имени Терентишша!».
И она спохватилася за то:
«Ай вы гой еси, веселыя молодцы,
Где ево видели,
А где про ево слышали?».
Отвечают веселыя молодцы:
«Мы ево слышели,
Сами доподлинна видели
У честна креста Здвиженья,
У жива моста калинова,
Голова по собе ево лежит,
И вороны в жопу клюют».
Говорила молодая жена
Авдотья Ивановна:
«Веселыя скоморохи!
Вы подите во светлую гридню,
Садитесь на лавочки,
Поиграйте во гусельцы
И пропойте-ка песенку
Про гостя богатова,
Про старово . . . . . . сына,
И по имену Терентишша,
Во дому бы ево век не видать!».
Веселыя скоморохи
Садилися на лавочки,
Заиграли во гусельцы,
Запели оне песенку.
«Слушай, шелковой мех
Механоша за плечами,
А слушай, Терентей-гость,
Что про тебя говорят,
Говорит молодая жена
Авдотья Ивановна
Про стара мужа Терентишша,
Про старова . . . . сына:
Во дому бы тебе век не видать!
Шевелись, шелковой мех
Механоша за плечами,
Ставай-ка, Терентишша,
Лечить молодую жену!
Бери червленой вяз,
Ты дубинуременчетую,

Походи-ка, Терентишша,
По своей светлой гридни
И по сéреди кирпищетой
Ка занавесу белому,
Ко кровати слоновых костей,
Ко перине ко пуховыя,
А лечи-ка ты, Терентишша,
А лечи-ка ты молоду жену
Авдотью Ивановну!».
Вставал же Терентишша,
Ухватил червленой вяз,
А дубину ременчетую —
Половина свинцу налита,
Походил он, Терентишша,
По своей светлой гридне
За занавесу белую,
Ко кровати слоновых костей.
Он стал молоду жену лечить,
Авдотью Ивановну:
Шлык с головы у нея сшиб,
Посмотрит Терентишша
На кровать слоновых костей,
На перину на пуховую, —
А недуг-ат пошевеливаится
Под одеялом соболиныем.
л. 5, Он-та, || Терентишша,
Недуга-та вон погнал
Что дубиною ременчетою,
А недуг-ат непутем в окошко скочил,
Чуть головы не сломил,
На корачках ползает,
Едва от окна отполоз.
Он оставил, недужишша,
Кафтан хрушетóй камки,
Камзол баберековой,
А и денег пять сот рублев.
Втапоры Терентишша
Дал еще веселым
Другое сто рублев
За правду великую.

ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Из-за моря, моря синева,
Из славна Волынца, красна Галичья,
Из тое Корелы богатыя,
Как есён сокóл вон вылетывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал, —
Выезжал удача доброй молодец,
Молоды Дюк сын Степанович.
По прозванью Дюк был боярской сын.
А и конь под ним как бы лютой зверь,
Лютой зверь конь, и бур, космат,
У коня грива на леву сторону до сырой земли,
Он сам на коне как есён сокóл,
Крепки доспехи на могучих плечах.
Немного с Дюком живота пошло:
Что куяк и панцырь чиста серебра,
А кольчуга на нем красна золота;
А куяку и панцырю
Цена лежит три тысячи,
А кольчугу на нем красна золота
Цена сорок тысячей,
А и конь под ним в пять тысячей.
Почему коню цена пять тысячей?
За реку он броду не спрашивает,
Котора река цела верста пятисотная,
Он скачет с берегу на берег —
Потому цена коню пять тысячей.
Еще с Дюком немного живота пошло:
Пошел тугой лук разрывчетой,
А цена тому луку три тысячи;
Потому цена луку три тысячи —
Полосы были серебрены,
А рога красна золота,
А и титивочка была шелкóвая,
А белова шолку шимаханскова.
л. 5 об. И колчан || пошел с ним каленных стрел,
А во колчане было за триста стрел,
Всякая стрела по десяти рублев,
А и еще есть во колчане три стрелы,
А и тем стрелам цены нет,
Цены не было и не сведомо.
Потому трем стрелкам цены не было, —
Колоты оне были из трость-древа,
Строганы те стрелки во Нове-городе,

Клеяны оне клеем осетра-рыбы,
Перены оне перьицам сиза́ орла́,
А сиза орла, орла орловича,
А тово орла, птицы камския, —
Не тыя-та Камы, коя в Волгу пала,
А тоя-ты Камы за синем морем,
Своим ус(т)ьем впала в сине море.
А летал орел над синем морем,
А ронил он перьица во сине море,
А бежали гости-карабельщики,
Собирали перья на сине́м море́,
Вывозили перья на светую Русь,
Продавали душам красным девицам,
Покупала Дюкова матушка
Перо во сто рублев, во тысячу.
Почему те стрелки дороги?
Потому оне дороги,
Что в ушах поставлено по ти́рону по каменю.
По дорогу самоцветному;
А и еще у тех стрелак
Подле ушей перевивано
Аравицким золотом.
Ездит Дюк подле синя моря
И стреляет гусей, белых лебедей,
Перелетных серых малых утачак.
Он днем стреляет,
В ночи те стрелки сбирает:
Как днем-та стре́лачак не видити,
А в ночи те стрелки, что свечи, горят,
Свечи теплются воску ярова;
Потому оне, стрелки, дороги.
Настрелял он, Дюк, гусей, белых лебедей,
Перелетных серых малых утачак,
Поехал ко городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру.
Он будет в городе Киеве,
Что у ласкова князя Владимера,
Середи двора княженецкого,
л. 6 А скочил он со добра́ коня,
Привезал коня к дубову́ столбу,
К кольцу булатному,
Походил во гридню во светлую
Ко великому князю Владимеру;
Он молился Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со кнегинею,
На все четыре стороны.

Тут сидят князи-бóяра,
Скочили все на резвы́ ноги́,
А гледят на молодца, дивуются.
И Владимер-князь стольной киевской
Приказал наливать чару зелена вина
В полтора ведра.
Подавали Дюку Степанову,
Принимает он, не чванится,
А принял чару единóй рукой,
А выпил чару едины́м духом;
И Владимер-князь стольной киевской
Посадил ево за единой стол хлеба кушати.
А и повары были догадливые:
Носили ества сахарныя,
И носили питья медвяныя,
И клали калачики крупичеты
Перед тово Дюка Степанова.
А сидит Дюк за единым столом
Со темя́ князи и бóяры,
Откушал калачики крупичеты,
Он верхню корачку отламыват,
А нижню корачку прочь откладыват.
А во Киеве был ща(п)лив добре
Как бы молоды Чурила сын Пленкович,
Оговорил он Дюка Степанова:
«Что ты, Дюк, чем чванишься:
Верхню корачку отламывашь,
А нижню прочь откладываешь?».
Говорил Дюк Степанович:
«Ой ты, ой еси, Владимер-князь!
В том ты на меня не прогневайся:
Печки у тебя биты глинены,
А подики кирпичные,
А помелечко мочальное
В лохань обмакивают,
А у меня, Дюка Степанова,
А у моей сударыни матушки
Печки были муравлены,
А подики медные,
Помелечко шелкóвое
В сыту медяную абмакивают;
Калачик съешь — больше хочится!».
Втапоры князю Владимеру
Захотелось к Дюку ехати,
л. 6 об. Зовет с собой || князей-бояр,

И взял Чурила Пленковича.
И приехали оне на пашню к нему,
Ко тем крестьянским дворам.
И тут у Дюка стряпчей был,
Припас про князя Владимера почестной стол,
И садился ласковой Владимер-князь
Со своими князи-бóяры
За те столы белодýбовы;
И втепоры повары были догадливы:
Носили ества сахарныя
И питья медяныя.
И будет день в половина дни,
И будет стол во полýстоле,
Владимер-князь полсытá наедается,
Полпьенá напивается,
Говорил он тут Дюку Степанову:
«Коково про тебя сказывали,
Таков ты и есть».
Покушавши, ласковой Владимер-князь
Велел дом ево переписывать,
И был в том дому сутки четвера.
А и дом ево крестьянской переписывали —
Бумаги не стало,
То оттéля Дюк Степанович
Повел князя Владимера
Со всемя́ гостьми и со всемя́ людьми
Ко своей сударыни-матушки,
Честны вдавы многоразумныя.
И будут оне в высоких теремах,
И ужасается Владимер-князь,
Что в теремах хорошо изукрашено.
И втапоры честна вдова, Дюкова матушка,
Обед чинила про князя Владимера
И про всех гостей, про всех людей.
И садился Владимер-князь
За столы убраныя, за ества сахарныя
Со всемя́ гостьми, со всемя́ людьми;
Втапоры повары были догадливы:
Носили ества сахарныя, питья медяныя.
И будет день в половина дни,
Будет стол во полýстоле,
Говорил он, ласковой Владимер-князь:
«Исполать тебе, честна вдова многоразумная,
Со своим сыном Дюком Степановым!
Уподчивала меня со всемя́ гостьми́, со всемя́ людьми;

Хотел боло ваш и этот дом описывать,
Да отложил все печали на радости».
И втапоры честна вдова многоразумная
Дарила князя Владимера
Своими честными подарками:
Сорок сороков черных соболей,
Второе сорок бурнастых лисиц,
Еще сверх того каменьи самоцветными.
То старина, то и деянье:
Синему морю на утéшенье,
Быстрым рекам слава дó моря,
А добрым людям на послýшанье,
Веселым молодцам на потéшенье.

л. 7

ЩЕЛКАН ДУДЕНТЬЕВИЧ

А и деялося в орде,
Передеялось в Большой:
На стуле золоте,
На рытом бархоте,
На чер(в)чатой камке
Сидит тут царь Азвяк,
Азвяк Таврулович;
Суды рассуживает
И ряды разряживает,
Костылем размахивает
По бритым тем усам,
По тотарским тем головам,
По синим плешам.
Шурьев царь дарил,
Азвяк Таврулович,
Городами стольными:
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме,
Одново не пожаловал —
Любимова шурина
Щелкана Дюдентевича.
За что не пожаловал?
И за то он не пожаловал, —
Ево дома не случилося.
Уезжал-та млад Щелкан
В дальную землю Литовскую,
За моря синея;
Брал он, млад Щелкан,

Дани-невыходы,
Царски невыплаты.
С князей брал по сту рублев,
С бояр по пятидесят,
С крестьян по пяти рублев;
У которова денег нет,
У тово дитя возьмет;
У которова дитя нет,
У того жену возьмет;
У котораго жены-та нет,
Тово самово головой возьмет.
Вывез млад Щелкан
Дани-выходы,
Царския невыплаты;
Вывел млад Щелкан
Коня во сто рублев,
Седло во тысячу.
Узде цены ей нет:
Не тем узда дорога,
Что вся узда золота,
Она тем, узда, дорога —
Царская жалованье,
Государево величество,
А нельзя, дескать, тое узды
Не продать, не променять
И друга дарить,
Щелкана Дюдентевича.
Проговорит млад Щелкан,
Млад Дюдентевич:
«Гой еси, царь Азвяк,
Азвяк Таврулович!
Пожаловал ты молодцов,
л. 7 об. Любимых || шуринов,
Двух удалых Борисовичев,
Василья на Плесу,
Гордея к Вологде,
Ахрамея к Костроме,
Пожалуй ты, царь Азвяк,
Пожалуй ты меня
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двомя братцами родимыми,
Дву удалыми Борисовичи».
Проговорит царь Азвяк,
Азвяк Таврулович:

«Гой еси, шурин мой
Щелкан Дюдентевич,
Заколи-тка ты сына своего,
Сына любимова,
Крови ты чашу нацади,
Выпей ты крови тоя,
Крови горячия,
И тогда я тебе пожалою
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двомя братцами родимыми,
Двy удалыми Борисовичи!».
Втапоры млад Щелкан
Сына своего заколол,
Чашу крови нацадил,
Крови горячия,
Выпил чашу тоя крови горячия.
А втапоры царь Азвяк
За то ево пожаловал
Тверью старою,
Тверью богатою,
Двомя братцы родимыми,
Два удалыми Борисовичи,
И втепоры млад Щелкан
Он судьею насел
В Тверь-ту старую,
В Тверь-ту богатую.
А немного он судьею сидел:
И вдовы-та бесчестити,
Красны девицы позорити,
Надо всеми наругатися,
Над домами насмехатися.
Мужики-та старыя,
Мужики-та богатыя,
Мужики посадския
Оне жалобу приносили
Двум братцам родимыем,
Двум удалым Борисовичем.
От народа они с поклонами пошли,
С честными подарками,
И понесли оне честныя подарки
Злата-серебра и скатнова земчуга.
Изошли ево в доме у себя,
Щелкана Дюдентевича, —
Подарки принял от них,

Чести не воздал им.
Втапоры млад Щелкан
Зачванелся он, загорденелся,
И оне с ним раздорили,
Один ухватил за волосы,
А другой за ноги,
И тут ево разорвали.
Тут смерть ему случилася,
Ни на ком не сыскалося.

МАСТРЮК ТЕМРЮКОВИЧ

л. 8 В годы прежния,
Времена первоначальныя,
При бывшем вольном царе,
При Иване Васильевиче,
Когда холост был государь,
Царь Иван Васильевич,
Поизволил он женитися.
Берет он, царь-государь,
Не у себя в каменно́й Москве,
А берет он, царь-государь,
В той Золотой орде,
У тово Темрюка-царя,
У Темрюка Степановича,
Он Марью Темрюковну,
Сестру Мастрюкову,
Купаву крымскую
Царицу благоверную.
А и царскова поезду
Полторы было тысячи:
Князи-бо́яра, могучие бога́тыри,
Пять со́т донских казаков,
Что н(и) лутчих добрых молодцов.
Здравствует царь-государь
Через реки быстрыя,
Через грязи смоленския,
Через лесы брынския,
Он здравствует, царь-государь,
В той Золотой орде,
У тово Темрюка-царя,
У Темрюка Степановича.
Он по́нел, царь-государь,
Царицу благоверную
Марью Темрюковну,

Сестру Мастрюкову,
И взял в провожатые за ней
Три стá татаринов,
Четыре стá бухаринов,
Пять сот черкашенинов
И любимова шурина
Мастрюка Темрюковича,
Молодова черкашенина.
Уж царскова поезду
Без малова три тысячи,
Везут золоту казну
Ко царю в каменнý Москву.
Переехал царь-государь
Он реки быстрыя,
Грязи смоленския
И лесы брынския,
Он здравствует, царь-государь,
У себя в каменнóй Москве,
Во полатах белокаменных.
В возлюбленной крестовой своей
Пир навеселе повел,
Столы на радостех.
И все ли князи-бóяра,
Могучие богатыри
И гости званыя,
Пять сот донских казаков
Пьют-едят, потешаются,
Зелено вино кушают,
Белу лебедь рушают,
А един не пьет да не ест
Царской гость дорогой,
Мастрюк Темрюкович,
Молодой черкашенин.
И зачем хлеба-соли не ест,
Зелена вина не кушает,
Белу лебедь не рушает?
У себя на уме держит:
Изошел он семь городов,
Поборол он семьдесят борцов
И по себе борца не нашел.
И только он думает,
Ему вера побоборотися есть
У царя в каменной Москве,
Хочет царя потешити
Со царицею благоверною
Марьею Темрюковною,

Он хочет Москву загонять,
Сильно царство Московское.
Никита Романович
Об том царю доложил,
Царю Ивану Васильевичу:
«А и гой еси, царь-государь,
Царь Иван Васильевич!
Все князи-бояра,
Могучие богатыри
Пьют-едят, потешаются
На великих на радостех,
Один не пьет, не ест
Твой царской гость дорогой,
Мастрюк Темрюкович,
Молодой черкашенин —
У себя он на уме держит,
л. 8 об. Вера поборотися есть,
Твое царское величество потешити
Со царицею благоверною».
Говорит тут царь-государь,
Царь Иван Васильевич:
«Ты садися, Никита Романович,
На добра коня,
Побеги по всей Москве,
По широким улицам
И по частым переулачкам».
Он будет, дядюшка
Никита Романович,
Середь Урья Повол[ж]скова,
Слободы Александровы, —
Два братца родимые
По базару похаживают,
А и бороды бритые,
Усы торженые,
А платья саксонское,
Сапоги с рострубами,
Аб ручку-ту дядюшке челом:
«А и гой еси ты, дядюшка
Никита Романович,
Ково ты спрашиваешь?
Мы борцы в Москве похваленые.
Молодцы поученые, славные!»
Никита Романович
Привел борцов ко дворцу,
Говорили тут борцы-молодцы:
«Ты, Никита Романович,

Ты изволь об том царю доложить,
Смет(ь) ли н[а]га спустить
С царским шурином,
И смет(ь) ли ево побороть?».
Пошел он, Никита Романович,
Об том царю доложил,
Что привел борцов ко дворцу.
Злата труба протрубела
Во полате белокаменной,
Говорил тут царь-государь,
Царь Иван Васильевич:
«Ты, Никита Романович,
Веди борцов на двор,
На дворец государевой,
Борцов ученыех,
Молодцов похваленыех,
И в том им приказ отдавай,
Кто бы Мастрюка поборол,
Царскова шурина,
Платья бы с плеч снял
Да нагова с круга спустил,
А нагова, как мать родила,
А и мать на свет пустила».
Послышал Мастрюк борцов,
Скачет прямо Мастрюк
Из места большева,
Из угла переднева
Через столы белод[у]бовы,
Через ества сахарныя,
Чрез питья медяныя,
Левой ногой задел
За столы белодубовы.
Повалил он тридцать столов
Да прибил триста гостей:
Живы да не годны,
На карачках ползают
По полате белокаменной —
То похвальба Мастрюку,
Мастрюку Темрюковичу.
Выбежал тут Мастрюк
На крылечка красное,
Кричит во всю голову,
Чтобы слышел царь-государь:
«А свет ты, вольной царь,
Царь Иван Васильевич!
Что у тебя в Москве

За похвальные молодцы,
Поученые, славные?
На ладонь их посажу,
Другой рукою роздавлю!».
С борцами сходится
Мастрюк Темрюкович,
л. 9 Борьба ево ученая,
Борьба черкасская,
Колесом он бороться пошел.
А и малой выступается
Мишка Борисович,
Смотрит царь-государь,
Что кому будет божья помочь,
И смотрят их борьбу князи-бо́яра
И могучие богатыри,
Пять сот донских казаков.
А и Мишка Борисович
С носка бросил о землю
Он царскова шурина,
Похвалил ево царь-государь:
«Исполать тебе, молодцу,
Что чиста борешься!».
А и Мишка к стороне пошел, —
Ему полно боротися.
А Потанька бороться пошел,
Костылем попирается,
Сам вперед подвигается,
К Мастрюку приближается.
Смотрит царь-государь,
Что кому будет божья помочь.
Потанька справился,
За плеча сграбился,
Согнет корчагою,
Воздымал выше головы своей,
Опустил о сыру землю:
Мастрюк без памети лежит,
Не слыхал, как платья сняли.
Был Мастрюк во всем,
Стал Мастрюк ни в чем,
Ожерелья в пять сот рублев
Без единые денежки,
А платья саксонскова
Снял на три тысячи —
Со стыду и сорому
О карачках под крылец ползет.
Как бы бела лебедушка

По заре она прокликала,
Говорила царица царю,
Марья Темрюковна:
«Свет ты, вольной царь
Иван Васильевич!
Такова у тебя честь добра́
До любимова шурина?
А детина наругается,
Что детина деревенской,
Почто он платья снимает?».
Говорил тут царь-государь:
«Гой еси ты, царица во Москве,
Да ты, Марья Темрюковна!
А не то у меня честь во Москве,
Что татары-те борются,
То-то честь в Москве,
Что русак тешится!
Хотя бы ему голову сломил,
Да любил бы я, пожаловал
Двух братцов родимыех,
Двух удалых Борисовичев».

ВОЛХ (В)СЕСЛАВЬЕВИЧ

По саду, саду, по зеленому,
Ходила-гуляла молода княжна
Марфа Всеславьевна,
Она с каменю скочила на лютова на змея;
Обвивается лютой змей
Около чебота зелен сафьян,
Около чулочика шелкова,
Хоботом бьет по белу стегну.
л. 9 об. А втапоры княгиня || понос понесла,
А понос понесла и дитя родила.
А и на небе просветя светел месяц,
А в Киеве родился могуч богатырь,
Как бы молоды Вольх Всеславьевич.
Подрожала сыра земля,
Стреслося славно царство Индейское,
А и синея моря сколыбалося
Для-ради рожденья богатырскова,
Молода Вольха Всеславьевича;
Рыба пошла в морскую глубину,
Птица полетела высоко в небеса,
Туры да олени за горы пошли,

Зайцы, лисицы по чащицам,
А волки, медведи по ельникам,
Соболи, куницы по о́стровам.
А и будет Вольх в полтора часа,
Вольх говорит, как гром гремит:
«А и гой еси, сударыня матушка,
Молода Марфа Всеславьевна!
А не пеленай во пелену чер(в)чатую,
А не пояс[ай] в поéсья шелкóвыя, —
Пеленай меня, матушка,
В крепки латы булатныя,
А на буйну голову клади злат шелом,
По праву руку — палицу,
А и тяжку палицу свинцовую,
А весом та палица в триста пуд».
А и будет Вольх семи годов,
Отдавала ево матушка грамоте учиться,
А грамота Вол(ь)ху в наук пошла;
Посадила ево уж пером писать,
Письмо ему в наук пошла.
А и будет Вол(ь)х десяти годов,
Втапоры поучился Вольх ко премудростям:
А и первой мудрости учился —
Обвертоваться ясным соколом,
Ко другой-та мудрости учился он, Вольх, —
Обвертоваться серым волком,
Ко третей-та мудрости учился Вольх —
Обвертоваться гнедым туром-золотыя рога.
А и будет Вольх во двенадцать лет,
Стал себе Вольх он дружину прибирать,
Дружину прибирал в три годы;
Он набрал дружину себе семь тысячей;
Сам он, Вольх, в пятнадцать лет,
И вся ево дружина по пятнадцати лет.
Прошла та слава великая
Ко стольному городу Киеву:
Индейской царь нарежается,
А хвалится-похваляится,
Хочет Киев-град за щитом весь взять,
А божьи церкви на дым спустить
И почестны монастыри розарить.
А втапоры Вольх он догадлив был:
Со всею дружиною хора́брою
Ко славному царству Индейскому
Тут же с ними во поход пошел.
Дружина спит, так Вольх не спит:

Он обвернется серым волком,
Бегал-скакал по темным по лесам и по раменью,
А бьет он звери сохатыя,
л. 10 А и волку, медведю спуску нет,
А и соболи, барсы — любимой кус,
Он зайцам, лисицам не брезгивал.
Вол(ь)х поил-кормил дружину хоробраю,
Абувал-адевал добрых молодцов,
Насили оне шубы соболиныя,
Переменныя шубы-то барсовыя.
Дружина спит, так Вольх не спит:
Он обвернется ясным соколом,
Полетел он далече на сине море,
А бьет он гусей, белых лебедей,
А и серым малым уткам спуску нет.
А поил-кормил дружинушку хораброю,
А все у нево были ества переменныя,
Переменныя ества, сахáрныя.
А стал он, Вол(ь)х, вражбу чинить:
«А и гой еси вы, удалы добры молодцы!
Не много не мало вас — семь тысячей,
А и ест(ь) [ли] у вас, братцы, таков человек,
Кто бы обвернулся гнедым туром,
А сбегал бы ко царству Индейскому,
Проведал бы про царство Индейское,
Про царя Салтыка Ставрульевича,
Про ево буйну голову Батыевичу?».
Как бы лист со травою пристилается,
А вся ево дружина приклоняется,
Отвечают ему удалы добры молодцы:
«Нету у нас такова молодца,
Опричь тебя, Вол(ь)ха Всеславьевича».
А тут таковой Всеславьевич
Он обвернулся гнедым туром-золотыя рога,
Побежал он ко царству Индейскому,
Он первую скок за целу версту скочил,
А другой скок не могли найти;
Он обвернется ясным соколом,
Полетел он ко царству Индейскому.
И будет он во царстве Индейском,
И сел он на полаты белокаменны,
На те на полаты царския,
Ко тому царю Индейскому,
И на то окошечко косящетое.
А и буйныя ветры по насту тянут,
Царь со царицею в разговоры говорит.

Говорила царица Аздяковна,
Молода Елена Александровна:
«А и гой еси ты, славной Индейской царь!
Изволишь ты нарежаться на Русь воевать,
Про то не знаешь-не ведаешь:
А и на небе просветя светел месяц,
А в Киеве родился могуч богатырь,
Тебе царю сопротивничик».
А втапоры Вол(ь)х он догадлив был:
Сидючи на окошке косящетом,
Он те-та де речи повыслушал,
Он обвернулся горносталем,
Бегал по подвалам, по по́гребам,
По тем по высоким теремам,
У тугих луков титивки накусывал,
У каленых стрел железцы повы́нимал,
У тово ружья ведь у огненнова
Кременья и шомполы повыдергал,
А все он в землю закапывал.
Обвернется Вольх ясным соколом,
[В]звился он высоко по поднебесью,
Полетел он далече во чисто поле,
Полетел ко своей ко дружине хоро́брыя.
л. 10 об. Дружина спит, || так Вольх не спит,
Разбудил он удалых добрых молодцов:
«Гой еси вы, дружина хоробрая,
Не время спать, пора вставать,
Пойдем мы ко царству Индейскому!».
И пришли оне ко стене белокаменной,
Крепка стена белокаменна,
Вороты у города железныя,
Крюки-засовы все медные,
Стоят караулы денны́-нощны́,
Стоит подворотня дорог рыбей зуб,
Мудрены вырезы вырезено,
А и только в вырезу мурашу́ пройти.
И все молодцы закручинилися,
Закручинилися и запечалилися,
Говорят таково слово:
«Потерять будет головки напрасныя,
А и как нам будет стена пройти?».
Молоды Вольх он догадлив был:
Сам обвернулся мурашиком
И всех добрых молодцов мурашками,
Прошли оне стену белокаменну,
И стали молодцы уж на другой стороне,

В славном царстве Индейскием,
Всех обернул добрыми молодцами,
Со своею стали сбруею со ратною,
А всем молодцам он приказ отдает:
«Гой еси вы, дружина хоробрая!
Ходите по царству Индейскому,
Рубите старова, малова,
Не оставьте в царстве на се́мена,
Оставьте только вы по выбору
Не много не мало — семь тысячей
Душечки красны девицы!».
А и ходят ево дружина по царству Индейскому,
А и рубят старова, малова,
А и только оставляют по выбору
Душечки красны девицы.
А сам он, Вольх, во полаты пошол,
Во те во полаты царския,
Ко тому царю ко Индейскому.
Двери были у полат железныя,
Крюки-пробои по булату злачены,
Говорит тут Вольх Всеславьевич:
«Хотя нога изломить, а двери выставить!».
Пнет ногой во двери железныя —
Изломал все пробои булатныя.
Он берет царя за белы́ руки,
А славнова царя Индейскова,
Салтыка Ставрульевича,
Говорит тут Вольх таково слово:
«А и вас-та, царей, не бьют-не казнят».
Ухватя ево, ударил о кирпищетой пол,
Расшиб ево в крохи говенныя.
И тут Вольх сам царем насел,
Взявши царицу Азвяковну,
А и молоду Елену Александровну,
А и те ево дружина хоробрыя
И на тех на девицах переженилися.
А и молоды Вольх тут царем насел,
А то стали люди посадския,
Он злата-серебра выкатил,
А и коней, коров табуном делил,
А на всякова брата по сту тысячей.

СЕРГЕЙ ХОРОШ

л. 11 Ай уж ли вы, миряня,
Государевы дворяне,
Благословите-тка вы, дворяня,
Про Сергея-та сказать,
Про Сергея Боркова,
Сына Федоровича.
А не сергеевской Сергей,
Не володимерской Сергей,
А живал все Сергей
На Уфе на реке,
В ямской слободе,
У попа во дворе,
В приворотней избе.
Спознала про Сергея
С гостинова двора
Гостиная жена,
Гостиная жена,
Крестиною зовут.
Она пива наварила,
И ведро вина купила,
Позвала ево, Сергея,
На пирушечку.
Приходил Сергей
Всех прежде людей.
А для-ради Сергея
И суседей позвала.
А и тот с борку,
Иной с борку,
Уже полна изба
Принабуркалася.
А и день к вечеру
Вечеряется,
Сергей молодец
Напивается,
Изволил он, Сергей,
Ко двору своему идти,
Ко подворью своему.
А в доме Сергей
Он опаслив был,
Он опаслив был
И не верел жене,
И не верил жене
И ревнив добре.
Заглянет Сергей

В огороде-хмельнике,
В огороде-хмельнике,
На повети в сеннике,
На перине на боку,
В шитом-браном пологу́,
А и ту[т] Сергей
Не видал никово.
Заглянет Сергей
Во свином котухе́,
А увидел он, Сергей,
Чужова мужика,
А чужова мужика
На жене-то своей
А мужик. . . . . . .
Сергееву жену.
Сергей заревел,
Мужика испужал,
А мужик побежал,
На поветь скакнул,
На поветь скакнул,
Он поветь обломил,
Да скотину задовил,
Он быка задовил,
Овцу яловицу,
Овцу яловицу,
Семерых поросят.
А стала у Сергея
Три беды во дому:
Первая беда —
Мужик поветь обломил,
А другая беда —
То скотину задовил,
А третья беда —
То жену его . . . .
А сел Сергей,
Сам расплачется:
«А не жаль мне повети
И скотины своея,
Жаль мне тово,
Кто жену мою . . .,
Не . . . . . . ушел, —
С тоски пропадет.
А кабы-де он . . . .,
Спасиба бы сказал,
А спасиба бы сказал,
Могорец заплатил.

А поветь-та бы цела
И скотина-та жива,
И скотина-та жива
И жена ба весела,
А столь бы весела,
Будто ни в чем не была.

ИВАН ГОСТИНОЙ СЫН

л. 11 об. В стольном в городе во Киеве,
У славнова князя Владимера
Было пированья-почестной пир,
Было столованья-почестной стол
На многи князи-бо́яра
И на русския могучия бога́тыри
И гости богатыя.
Будет день в половина дня,
Будет пир во полупире,
Владимер-князь распотешился,
По светлой гридне похаживает,
Таковы слова поговаривает:
«Гой еси, князи и бо́яра
И все русския могучия бога́тыри!
Есть ли в Киеве таков человек,
Кто б похвалился на три́ ста́ жеребцов,
На три́ ста́ жеребцов и на три́ жеребца похваленыя:
Сив жеребец да кологрив жеребец,
И которой полонен Воронко во Большой орде,
Полонил Илья Муромец сын Иванович
Как у молода Тугарина Змеевича,
Из Киева бежать до Чернигова
Два девяноста-то мерных верст
Промеж обедней и заутренею?».
Как бы большой за меньшова хоронется,
От меньшова ему тут, князю, ответу нету.
Из тово стола княженецкова,
Из той скамьи богатырския
Выступается Иван Гостиной сын,
И скочил на свое место богатырское
Да кричит он, Иван, зычным голосом:
«Гой еси ты, сударь, ласковой Владимер-князь!
Нет у тебя в Киеве охотников
А и быть перед князем невольником!
Я похвалюсь на три́ ста́ жеребцов
И на три́ жеребца похваленыя:
А сив жеребец да кологрив жеребец

Да третей жеребец — полонян Воронко,
Да которой полонян во Большой орде,
Полонил Илья Муромец сын Иванович
Как у молода Тугарина Змеевича,
Ехать дорога не ближнея
И скакать из Киева до Чернигова
Два девяноста-то мерных верст
Промежу обедни и заутрени,
Ускоки давать кониныя,
Что выметывать роздолья широкия.
А бьюсь я, Иван, о велик заклад:
Не о сте рублях, не о тысячу —
О своей буйной голове!».
л. 12 За князя Владимера держат || поруки крепкия
Все тут князи и бо́яра,
Тута-де гости-карабельщики;
Закладу оне за князя кладут на сто тысячей,
А некто́-де тут за Ивана поруки не держит.
Пригодился тут владыка черниговский,
А и он-та за Ивана поруку держит,
Те он поруки крепкия,
Крепкия на сто тысячей.
Подписался молоды Иван Гостиной сын,
Он выпил чару зелена вина в полтора ведра,
Походил он на конюшну белодубову,
Ко своему доброму коню,
К бурочку-косматочку, троелеточку,
Падал ему в правое копытечка,
Плачет Иван, что река течет:
«Гой еси ты, мой доброй конь,
Бурочко-косматочко, троелеточко!
Про то ты ведь не знаешь-не ведаешь,
А пробил я, Иван, буйну голову свою
Со тобою, добры́м конем,
Бился с князем о велик заклад,
А не о сте рублях, не о тысячу, —
Бился с ним о сте тысячей,
Захвастался на три́ ста́ жеребцо́в,
А на три́ жеребца похваленыя:
Сив жеребец да кологрив жеребец,
И третей жеребец — полонян Воронко, —
Бегати-скакать на добрых на конях,
Из Киева скакать до Чернигова
Промежу обедни, заутрени,
Ускоки давать кониныя,
Что выметывать роздолья широкия».

Провещится ему доброй конь,
Бурочко-косматочко, троелеточко,
Человеческим русским языком:
«Гой еси, хозяин ласковой мой!
Ни о чем ты, Иван, не печалуйся:
Сива жеребца тово не боюсь,
Когрива жеребца того не блюдусь,
В задор войду — у Воронка уйду,
Только меня води по три зори́,
Медвяною сытою пои́,
И сорочинским пшеном корми.
И пройдут те дни срочныя
И те часы урочныя,
Придет от князя грозен посол
По тебя-та, Ивана Гостинова,
Чтобы бегати-скакати на добрых на конях;
Не седлай ты меня, Иван, добра́ коня,
Только берись за шелко́в поводо́к,
Поведешь по двору княженецкому,
Вздень на себя шубу соболиную,
Да котора шуба в три тысячи,
Пуговки в пять тысячей.
Поведешь по двору княженецкому,
А стану-де я, бурка, передо́м ходить,
Копытами за шубу посапывати
И по черному соболю выхватывати,
На все стороны побрасовати, —
Князи-бояра подивуются,
И ты будешь жив — шубу наживешь,
А не будешь жив — будто нашивал».
По сказаному и по писаному
От великова князя посол пришел,
А зовет-та Ивана на княженецкой двор.
Скоро-де Иван нарежается,
И вздевал на себя шубу соболиную,
л. 12 об. Которой шубы цена || три тысячи,
А пуговки вольящетыя в пять тысячей;
И повел он коня за шелко́в поводок.
Он будет-де Иван середи двора княженецкова,
Стал ево бурко передом ходить,
И копытами он за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
Он на все стороны побрасовати, —
Князи и бояра дивуются,
Купецкия люди засмотрелися.
Зрявкает бурко по-туриному,

Он шип пустил по-змеиному,
Три́ ста́ жеребцов испужалися,
С княженецкого двора разбежалися,
Сив жеребец две ноги изломил,
Кологрив жеребец тот и голову сломил,
Полонян Воронко в Золоту орду бежит,
Он, хвост подняв, сам всхрапывает.
А князи-та и бояра испужалися,
Все тут люди купецкия
Акарачь оне по́ двору наползалися.
А Владимер-князь со княгинею печален стал,
По подполью наползалися.
Кричит сам в окошечко косящетое:
«Гой еси ты, Иван Гостиной сын,
Уведи ты уродья со двора долой —
Про́сты поруки крепкия,
Записи все изодраныя!».
Втапоры владыка черниго̀вской
У великова князя на почестном пиру́
Велел захватить три карабля на быстро́м Непру́,
Велел похватить ка́рабли
С теми товары заморскими, —
А князи-де и бояра никуда от нас не уйдут.

ТРИ ГОДА ДОБРЫНЮШКА СТОЛЬНИЧЕЛ

В стольном в городе во Киеве,
У славнова сударь-князя у Владимера
Три годы Добрынюшка стольничал,
А три годы Никитич приворотничал,
Он стольничал, чашничал девять лет,
На десятой год погулять захотел
По стольному городу по Киеву.
Взявши Добрынюшка тугой лук
А и колчан себе каленых стрел,
Идет он по широким по улицам,
По частым мелким переулачкам,
По горницам стреляет воробушков,
По повалушам стреляет он сизых голубей.
Зайдет в улицу Игнатьевску
И во тот переулок Маринин,
Взглянет ко Марине на широкой двор,
На ее высокия терема.
А у молоды Марины Игнатьевны,
л. 13 У ее на хорошом || высоком терему
Сидят тут два сизыя голубя

Над тем окошечком косящетым,
Цалуются оне, милуются,
Желты носами обнимаются.
Тут Дабрыни за беду стало:
Будто над ним насмехаются.
Стреляет в сизых голубей,
А спела ведь титивка у туга́ лука́,
[В]звыла да пошла калена́ стрела́.
По грехам над Добрынею учинилася:
Левая нога ево поко́льзнула,
Права рука удрогнула:
Не попал он в сизых голубей,
Что попал он в окошечко косящетое,
Проломил он окон(н)ицу стекольчетую,
Отшиб все причалины серебреныя.
Росшиб он зеркала стекольчетое,
Белодубовы столы пошаталися,
Что питья медяные восплеснулися.
А втапоры Марине безвременье было,
Умывалася Марина, снарежалася
И бросилася на свой широкий двор:
«А кто это невежа на двор заходил?
А кто это невежа в окошко стреляет?
Проломил оконницу мою стекольчетою,
Отшиб все причалины серебреныя,
Росшиб зеркала стекольчетое?».
И втепоры Марине за беду стало,
Брала она следы горячия молодецкия,
Набирала Марина беремя дров,
А беремя дров белодубовых,
Клала дровца в печку муравленую
Со темя́ следы горя́чими,
Разжигает дрова полящетым огнем
И сама она дровам приговариват:
«Сколь жарко дрова разгораются
Со темя́ следы молоде́цкими,
Разгоралось бы сер(д)це молодецкое
Как у мо́лода Добрынюшки Никитьевича!».
А и божья крепко, вражья-то лепко.
Взя́ла Добрыню пуще вострова ножа
По ево по сер(д)цу богатырскому:
Он с вечера, Добрыня, хлеба не ест,
Со полуночи Никитичу не у́снется,
Он белова свету дажидается.
По ево-та щаски великия
Рано зазвонили ко заутреням.

Встает Добрыня ранешонько,
Подпоясал себе сабельку вострою,
Пошел Добрыня к заутрени,
Прошел он церкву соборную,
Зайдет ко Марине на широкой двор,
У высокова терема послушает.
А у мóлоды Марины вечеренка была,
А и собраны были душечки красны девицы,
Сидят и молоденьки молодушки,
Все были дочери отецкия,
Все тут были жены молодецкия.
Вшел он, Добрыня, во высок терем,—
Которыя девицы приговаривают,
Она, молода Марина, отказывает и прибранивает.
л. 13 об. Втапоры Добрыня не во что положил,
И к ним бы Добрыня в терем не пошел,
А стала ево Марина в окошко бранить,
Ему больно пенять.
Завидел Добрыня он Змея Горынчета,
Тут ему за беду стало,
За великую досаду показалося,
[В]збежал на крылечка на красная,
А двери у терема железныя,
Заперлася Марина Игнатьевна.
А и молоды Добрыня Никитич млад
Ухватит бревно он в охват толщины,
А ударил он во двери железныя,
Недоладом из пяты он вышиб вон
И [в]збежал он на сени косящеты.
Бросилась Марина Игнатьевна
Бранить Добрыню Никитича:
«Деревенщина ты, детина, зашелшина!
Вчерась ты, Добрыня, на двор заходил,
Проломил мою оконницу стекольчетую,
Ты росшиб у меня зеркало стекольчетое!».
А бросится Змеишша Горынчишша,
Чуть ево, Добрыню, огнем не спалил,
А и чуть молодца хоботом не ушиб.
А и сам тут Змей почал бранити ево, больно пеняти:
«Не хочу я звати Добрынею,
Не хощу величать Никитичем,
Называю те детиною-деревенщиною и зашельшиною,
Почто ты, Добрыня, в окошко стрелял,
Проломил ты оконницу стекольчетую,
Росшиб зеркало стекольчетое!».
Ему тута-тка, Добрыни, за беду стало

И за великую досаду показалося;
Вынимал саблю вострую,
Воздымал выше буйны головы своей:
«А и хощешь ли тебе, Змея,
Изрублю я в мелкия части пирожныя,
Разбросаю далече по чисто́м полю́?».
А и тут Змей Горынич,
Хвост поджав, да и вон побежал,
Взяла его страсть, так зачал срать,
А колы́шки метал, по три пуда срал.
Бегучи, он, Змей, заклинается:
«Не дай бог бывать ко Марине в дом,
Есть у нее не один я друг,
Есть лутче меня и повежливея».
А молода Марина Игнатьевна
Она высунолась по пояс в окно
В одной рубашке без пояса,
А сама она Змея уговаривает:
«Воротись, мил надежда, воротись, друг!
Хошь, я Добрыню оберну клячею водовозною?
Станет-де Добрыня на меня и на тебя воду возить,
А еще — хош́ь, я Добрыню оберну гнеды́м туро́м?».
Обвернула ево, Добрыню, гнеды́м туро́м,
Пустила ево далече во чисто́ поля́,
А где-та ходят девять туро́в,
л. 14 А девять || туров, девять братиников,
Что Добрыня им будет десятой тур,
Всем атаман-золотыя рога!
Безвестна, не стала бога́тыря,
Молода Добрыня Никитьевича,
Во стольном в городе во Киеве.
А много-де прошло поры, много времяни,
А и не было Добрыни шесть месяцов,
По нашему-то сибирскому словет полгода.
У великова князя вечеринка была,
А сидели на пиру честныя вдовы,
И сидела тут Добрынина матушка,
Честна вдова Афимья Александровна,
А другая честна вдова, молода Анна Ивановна,
Что Добрынина матушка крестовоя;
Промежу собою разговоры говорят,
Все были речи прохладныя.
Неоткуль взялась тут Марина Игнатьевна,
Водилася с дитятеми княженецкими,
Она больно, Марина, упивалася,
Голова на плечах не держится,

Она больно, Марина, похваляется:
«Гой еси вы, княгини, боярыни!
Во стольном во городе во Киеве
А и нет меня хитрея-мудрея,
А и я-де обвернула девять молодцо́в,
Сильных-могучих бога́тырей гнедыми турами,
А и ноне я-де опустила десятова молодца,
Добрыня Никитьевича,
Он всем атаман-золотые рога!».
За то-то слово изымается
Добрынина матушка родимая,
Честна вдова Афимья Александровна,
Наливала она чару зелена́ вина́,
Подносила любимой своей кумушке,
И сама она за чарою заплакала:
«Гой еси ты, любимая кумушка,
Молода Анна Ивановна!
А и выпей чару зелена вина,
Поминай ты любимова крестника,
А и молода Добрыню Никитьевича,
Извела ево Марина Игнатьевна,
А и ноне на пиру похваляится».
Прого́ворит Анна Ивановна:
«Я-де сама эти речи слышела,
А слышела речи ее похваленыя!».
А и молода Анна Ивановна
Выпила чару зелена вина,
А Марину она по щеке ударила,
(С)шибла она с резвых ног,
А и топчет ее по белы́м грудя́м,
Сама она Марину больно бранит:
«А и, сука, ты, ...,еретница-.....!
Я-де тебе хитрея и мудренея,
Сижу я на пиру не хвастаю,
А и хошь ли, я тебя сукой обверну?
А станешь ты, сука, по городу ходить,
А станешь ты, Марина,
Много за собой псов водить!».
А и женское дело прелестивое,
Прелестивое-перепадчивое.
Обвернулася Маринка косаточкой,
Полетела далече во чисто поле,
А где-та ходят девять туро́в,
Девять братеников,
Добрыня-та ходит десятой тур.
А села она на Добрыню на правой рог,

Сама она Добрыню уговаривает:
л. 14 об. «Нагулялся ты, Добрыня, во чистом || поле,
Тебе чистое поле наскучала,
И зыбучия болота напрокучили,
А и хошь ли, Добрыня, женитися?
Возьмешь ли, Никитич, меня за себя?».
«А, право, возьму, ей богу, возьму!
А и дам те, Марина, поученьица,
Как мужья жен своих учат!».
Тому она, Марина, не поверила,
Обвернула ево добрым молодцом
По-старому-по-прежнему,
Как бы сильным-могучим бога́тырем,
Сама она обвернулася девицею,
Оне в чистом поле женилися,
Круг ракитова куста венчалися.
Повел он ко городу ко Киеву,
А идет за ним Марина роскорякою,
Пришли оне ко Марине на высо́к тере́м,
Говорил Добрынюшка Никитич млад:
«А и гой еси ты, моя молодая жена,
Молода Марина Игнатьевна!
У тебя в высоких хороших теремах
Нету Спасова образа,
Некому у тя помолитися,
Не за что стенам поклонитися,
А и, чай, моя вострая сабля заржавела».
А и стал Добрыня жену свою учить,
Он молоду Марину Игнатьевну,
Еретницу- . . . . . -безбожницу:
Он первое ученье — ей руку отсек,
Сам приговаривает:
«Эта мне рука не надобна,
Трепала она, рука, Змея Горынчишша!».
А второе ученье — ноги ей отсек:
«А и эта-де нога мне не надобна,
Оплеталася со Змеем Горынчишшем!».
А третье ученье — губы ей обрезал
И с носом прочь:
«А и эти-де мне губы не надобны,
Целовали оне Змея Горынчишша!».
Четвертое ученье — голову ей отсек
И с языком прочь:
«А и эта голова не надобна мне,
И этот язык не надобен,
Знал он дела еретическия!».

[ПРО] ВАСИЛЬЯ БУСЛАЕВА

В славном великом Нове-граде
А и жил Буслай до девяноста лет,
С Новым-городом жил, не перечился,
Со мужики новогородскими
Поперек словечка не говаривал.
Живучи Буслай состарелся,
Состарелся и переставился.
После ево веку долгова
Аставалася его житье-бытье
И все имение дворянское,
Асталася матера вдова,
Матера Амелфа Тимофевна,
И оставалася чадо милая,
Молодой сын Василей Буслаевич.
Будет Васинька семи годов,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна,
Учить ево во грамоте,
А грамота ему в наук пошла;
Присадила пером ево писать,
Письмо Василью в наук пошло;
Отдавала петью́ учить церковному,
л. 15 Петьё Василью в наук пошло.
А и нет у нас такова́ певца́
Во славном Нове-городе
Супротив Василья Буслаева.
Поводился ведь Васька Буслаевич
Со пьяницы, со безумницы,
С веселыми удалами добрыми молодцы,
Допьяна уже стал напиватися,
А и ходя в городе, уродует:
Которова возьмет он за руку, —
Из плеча тому руку выдернет;
Которова заденет за ногу, —
То из гузна ногу выломит;
Которова хватит поперек хребта, —
Тот кричит-ревет, окарачь ползет;
Пошла-та жалоба великая.
А и мужики новогородския,
Посадския, богатыя,
Приносили жалобу оне великую
Матерой вдове Амелфе Тимофевне
На тово на Василья Буслаева.
А и мать-та стала ево журить-бранить,

Журить-бранить, ево на ум учить.
Журьба Ваське не взлюбилася,
Пошел он, Васька, во высок терем,
Садился Васька на ременчетой стул,
Писал ерлыки скоропищеты,
О[т] мудрости слово поставлено:
«Кто хощет пить и есть из готовова,
Валися к Ваське на широкой двор,
Тот пей и ешь готовое
И носи платье розноцветное!».
Россылал те ерлыки со слугой своей
На те вулицы широкия
И на те частыя переулачки.
В то же время поставил Васька чан середи двора,
Наливал чан полон зелена вина,
Опущал он чару в полтара ведра.
Во славном было во Нове́-граде́,
Грамоты люди шли прочитали,
Те ерлыки скоропищеты,
Пошли ко Ваське на широкой двор,
К тому чану зелену вину.
Вначале был Костя Новоторженин,
Пришел он, Костя, на широкой двор,
Василей тут ево опробовал:
Стал ево бити червленым вязом,
В половине было налито
Тяжела свинцу чебурацкова,
Весом тот вяз был во двенадцать пуд;
А бьет он Костью по буйной голове,
Стоит тут Костя не шевел(ь)нится,
И на буйной голове кудри не тряхнутся.
Говорил Василей сын Буслаевич:
«Гой еси ты, Костя Новоторженин,
А и будь ты мне назва́ной брат
И паче мне брата родимова!».
А и мало время позамешкавши,
Пришли два брата боярченка,
Лука и Мосей, дети боярские,
Пришли ко Ваське на широкой двор.
Молоды Василей сын Буслаевич
Тем молодцам стал радошен и веселешенек.
Пришли тут мужики Залешена,
И не смел Василей показатися к ним,
Еще тут пришло семь брато́в Сбродо́вичи,
Собиралися-соходилися
Тридцать молодцов без единова,

л. 15 об. Он сам, Василей, тридцатой || стал.
Какой зайдет — убьют ево,
Убьют ево, за ворота бросят.
Послышел Васинька Буслаевич
У мужиков новгородскиех
Канун варен, пива яшныя, —
Пошел Василей со дружинею,
Пришел во братшину в Никол(ь)шину:
«Не малу мы тебе сып платим:
За всякова брата по пяти рублев!».
А за себе Василей дает пятьдесят рублев,
А и тот-та староста церковной
Принимал их во братшину в Никол(ь)шину,
А и зачали оне тут канун варен пить,
А и те-та пива ячныя.
Молоды Василей сын Буслаевич
Бросился на царев кабак
Со своею дружиною хорабраю,
Напилися оне тут зелена вина
И пришли во братшину в Никол(ь)шину.
А и будет день ко вечеру,
От малова до старова
Начали уж ребята боротися,
А в ином кругу в кулаки битися;
От тое борьбы от ребячия,
От тово бою от кулачнова
Началася драка великая.
Молоды Василей стал драку разнимать,
А иной дурак зашел с носка,
Ево по уху оплел,
А и тут Василей закричал громким голосом:
«Гой еси ты, Костя Новоторженин
И Лука, Моисей, дети боярския,
Уже Ваську меня бьют!».
Поскокали удалы добры молодцы,
Скоро оне улицу очистели,
Прибили уже много дó смерти,
Вдвое-втрое перековеркали,
Руки, ноги переламали, —
Кричат-ревут мужики посадския.
Говорит тут Василей Буслаевич:
«Гой еси вы, мужики новогородския,
Бьюсь с вами о велик заклад:
Напущаюсь я на весь Нов-город битися-дратися
Со всею дружиною хоробраю —
Тако вы мене с дружиною побьете Новым-городом,

Буду вам платить дани-выходы по смерть свою,
На всякой год пó три тысячи;
А буде же я вас побью и вы мне покоритися,
То вам платить мне такову же дань!».
И в том-та договору руки оне подписали.
Началась у них драка-бой великая,
А и мужики новгородския
И все купцы богатыя,
Все оне вместе сходилися,
На млада Васютку напущалися,
И дерутся оне день до вечера.
Молоды Василей сын Буслаевич
Со своею дружиною хороброю
Прибили оне во Навé-градé,
л. 16 Прибили уже много дó смерте.
А и мужики новгородские догадалися,
Пошли оне с дорогими подарки
К матерой вдове Амелфе Тимофевне:
«Матера вдова Амелфа Тимофевна!
Прими || у нас дороги подарочки,
Уйми свое чадо милоя
Василья Буславича!».
Матера вдова Амелфа Тимофевна
Принимала у них дороги подарочки,
Посылала девушку-чернавушку
По тово Василья Буслаева.
Прибежала девушка-чернавушка,
Сохватала Ваську во белы́ руки́,
Потащила к матушке родимыя.
Притащила Ваську на широкой двор,
А и та старуха неразмышлена
Посадила в погребы глубокия
Молода Василья Буслаева,
Затворяла дверьми железными,
Запирала замки булатными.
А ево дружина хоробрая
Со темя́ мужики новгородскими
Дерутся-бьются день до вечера.
А и та-та девушка-чернавушка
На Вольх-реку ходила по воду,
А [в]змолятся ей тут добры молодцы:
«Гой еси ты, девушка-чернавушка!
Не подай нас у дела у ратнова,
У тово часу смертнова!».
И тут девушка-чернавушка
Бросала она ведро кленовоя,

Брала коромысла кипарисова,
Коромыслом тем стала она помахивати
По тем мужикам новогородскием,
Прибила уж много дó смерте.
И тут девка запышáлася,
Побежала ко Василью Буслаеву,
Срывала замки булатныя,
Отворяла двери железные:
«А и спишь ли, Василей, или так лежишь?
Твою дружину хоробраю
Мужики новогородския
Всех прибили-переранили,
Булавами буйны головы пробиваны».
Ото сна Василей пробужается,
Он выскочил на широкой двор,
Не попала палица железная,
Что попала ему ось тележная,
Побежал Василей по Нову-городу,
По тем по широким улицам.
Стоит тут старец-пилигримишша,
На могучих плечах держит колокол,
А весом тот колокол во триста пуд,
Кричит тот старец-пилигримишша:
«А стой ты, Васька, не попорхивай,
Молоды глуздырь, не полетывай!
Из Волхова воды не выпити,
Во Новé-граде людей не выбити;
Есть молодцов сопротив тебе,
Стоим мы, молодцы, не хвастаем!».
Говорил Василей таково слово:
«А и гой еси, старец-пилигримишша,
А и бился я о велик заклад
Со мужики новгородскими,
Апричь почес(т)нова монáстыря,
Опричь тебе, старца-пилигримишша,
Во задор войду — тебе убью!».
Ударил он старца во колокол
А и той-та осью тележную, —
Начается старец, не шевелнится,
Заглянул он, Василей, старца под колоколом —
А и во лбе глаз уж веку нету.
Пошел Василей по Волх-реке,
А идет Василей по Волх-реке,
По тои Волховой по улице,
Завидели добрыя молодцы,
А ево дружина хоробрая

л. 16 об. Молода Василья || Буслаева:
У ясных соколов крылья отросли,
У их-та, молодцов, думушки прибыло.
Молоды Василей Буслаевич
Пришел-та молодцам на выручку.
Со темя́ мужики новогородскими
Он дерется-бьется день до вечера,
А уж мужики покорилися,
Покорилися и помирилися,
Понесли оне записи крепкия
К матерой вдове Амелфе Тимофевне,
Насыпали чашу чистова се́ребра,
А другую чашу краснова зо́лота,
Пришли ко двору дворянскому,
Бьют челом-поклоняются:
«А сударыня матушка!
Принимай ты дороги подарочки,
А уйми свое чадо милая,
Молода Василья со дружиною!
А и рады мы платить
На всякой год по три тысячи,
На всякой год будем тебе носить
С хлебников по хлебику,
С калачников по калачику,
С молодиц повенешное,
С девиц повалешное,
Со всех людей со ремесленых,
Опричь попов и дьяконов».
Втапоры матера вдова Амелфа Тимофевна
Посылала девушка-чернавушка
Привести Василья со дружиною.
Пошла та девушка-чернавушка,
Бежавши-та девка запыша́лася,
Нельзя пройти девки по улице:
Что полте́й по улице валяются
Тех мужиков новогородскиех.
Прибежала девушка-чернавушка,
Сохватала Василья за белы руки,
А стала ему россказавати:
«Мужики пришли новогородския,
Принесли оне дороги подарочки,
И принесли записи заручныя
Ко твоей сударыне матушке,
К матерой вдове Амелфе Тимофевне».
Повела девка Василья со дружиною
На тот на широкий двор,

Привела-та их к зелену вину,
А сели оне, молодцы, во единой круг,
Выпили ведь по чарочке зелена вина
Со тово урасу молодецкова
От мужиков новгородских.
Скричат тут робята зычным голосом:
«У мота и у пьяницы,
У млада Васютки Буславича,
Не упита, не уедено,
В кра́сне хо́рошо не ухо́жено,
А цветнова платья не уно́шено,
А увечье на век зале́зено!».
И повел их Василей обедати
К матерой вдове Амелфе Тимофеевне.
Втапоры мужики новогородския
Приносили Василью подарочки
Вдруг сто тысячей,
И затем у них мирова́ пошла́,
А и мужики новогородския
Покорилися и сами поклонилися.

О ЖЕНИТЬБЕ КНЯЗЯ ВЛАДИМЕРА

л. 17 В стольном в городе во Киеве,
Что у ласкова сударь-князя Владимера
А и было пированье-почестной пир,
Было столованье-почестной стол.
Много на пиру было князей и бояр
И русских могучих богатырей.
А и будет день в половина дня,
Княженецкой стол во полу́столе,
Владимер-князь распотешился,
По светлой гридне похаживает,
Черныя кудри росчосавает,
Говорил он, сударь ласковой Владимер-князь,
Таково слово:
«Гой еси вы, князи и бо́яра
И могучие богатыри!
Все вы в Киеве переженены,
Только я, Владимер-князь, холост хожу,
А и холост я хожу, неженат гуляю,
А кто мне-ка знает сопротивницу,
Сопротивницу знает, красну де́вицу:
Как бы та была девица станом статна́,
Станом бы статна и умом свершна́,

Ее белое лицо как бы белой снег,
И ягодицы как бы маков цвет,
А и черныя брови как соболи,
А и ясныя очи как бы у сокола».
А и тут большей за меньшева хоронится,
От меньшова ему, князю, ответу нету.
Из тово было стола княженецкова,
Из той скамьи богатырския
Выступается Иван Гостиной сын,
Скочил он на место богатырское,
Скричал он, Иван, зычным голосом:
«Гой еси ты, сударь ласковой Владимер-князь,
Благослови пред собой слово молвити,
И единое слово безопальное,
А и без тое пáлы великия.
Я ли, Иван, в Золотой орде бывал
У грознова короля Етмануила Етмануиловича
И видел во дому ево дву дочерей:
Первая дочь — Настасья королевишна,
А другая — Афросинья королевишна;
Сидит Афросинья в высоком терему,
За тридесять замками булатными,
А и буйныя ветры не вихнут на ее,
А красное со(л)нцо не печет лицо;
А и то-та, сударь, девушка станом статнá,
Станом статна и умом свершнá;
Белое лицо как бы белой снег;
А и ягодицы как маков цвет;
Черныя брови как бы соболи;
Ясныя очи как у сокола,
Посылай ты, сударь, Дуная свататься!».
Владимер-князь стольной киевской
Приказал наливать чару зелена вина в полтора ведра,
Подносить Ивану Гостиному
За те ево слова хорошия,
Что сказал ему обрушницу.
Призывает он, Владимер-князь,
Дуная Иваныча в спальну к себе
И стал ему на словах говорить:
«Гой еси ты, Дунай сын Иванович!
Послужи ты мне службу заочную:
л. 17 об. Съезди, Дунай, || в Золоту орду
Ко грозному королю Етмануилу Етмануиловичу
О добром деле — о сватонье
На ево любимой на дочери,
На чес(т)ной Афросинье королевишне.

Бери ты моей золотой казны,
Бери тр́и ст́а жеребцов
И могучих богатырей».
Подносит Дунаю чару зелена вина в полтара ведра,
Турей рог меду сладкова в полтреть́я ведра.
Выпивает он, Дунай, чару тоя зелен́а вин́а
И турей рог меду сладкова.
Разгоралася утроба богатырская,
И могучия плечи росходилися
Как у молода Дуная Ивановича,
Говорит он, Дунай, таково слово:
«А и ласково со(л)нцо, ты Владимер-князь!
Не нада мне твоя золота казна,
Не нада три ст́а жеребцов
И не нада могучия боѓатыри,
А и только пожалуй одново мне молодца,
Как бы молода Екима Ивановича,
Которой служит Алешки Поповичу».
Владимер-князь стольной киевской
Тотчас сам он Екима руками привел:
«Вот-де те, Дунаю, будет паробочок!».
А скоро Дунай снарежается,
Скор́я тово богатыри пое(зд)ку чинят
Из стольнова города Киева
В дальну орду Золоту землю.
И поехали удалы добры моладцы,
А и едут неделю сп́оряду
И едут неделю уже другую,
И будут оне в Золотой орде
У грознова короля Етмануила Етмануиловича;
Середи двора королевского
Скакали молодцы с добрых коней,
Привезали добрых коней к дубов́у столбу,
Походили во полату белокаменну.
Говорит тут Дунай таково слово:
«Гой еси, король в Золотой орде!
У тебе ли во полатах белокаменных
Нету Спасова образа,
Некому у те помолитися.
А и не за что тебе поклонитися».
Говорит тут король Золотой орды,
А и сам он, король, усмехается:
«Гой еси, Дунай сын Иванович!
Али ты ко мне приехал
По-старому служить и по-прежнему?».
Отвечает ему Дунай сын Иванович:

«Гой еси ты, король в Золотой орде!
А и я к тебе приехал
Не по-старому служить и не по-прежнему,
Я приехал о деле о добром к тебе,
О добром-то деле — о сватонье:
На твоей, сударь, любимой-то на дочере,
На чес(т)ной Афросинье королевичне,
Владимер-князь хочет женитися».
А и тут королю за беду стало,
А рвет на главе кудри черныя
И бросает о кирпищет пол,
А при том говорит таковое слово:
«Гой еси ты, Дунай сын Иванович,
Кабы прежде у меня не служил верою и правдою,
То б велел посадить во погребы глубокия
И уморил бы смертью голодною
За те твои слова за бездельныя».
Тут Дунаю за беду стало,
л. 18 Разгоралась || ево сер(д)ца богатырское,
Вынимал он свою сабельку вострую,
Говорил таково слово:
«Гой еси, король Золотой орды!
Кабы у тя во дому не бывал,
Хлеба-соли не едал,
Ссек бы по плеч буйну голову!».
Тут король неладом заревел зычным голосом,
Псы борзы заходили на цепях,
А и хочет Дуная живьем стравить
Теми кобелями меделянскими.
Скричит тут Дунай сын Иванович:
«Гой еси, Еким сын Иванович,
Что ты стал да чево гледишь?
Псы борзы заходили на цепях,
Хочет нас с тобой король живьем стравить!».
Бросился Еким сын Иванович,
Он бросился на широкой двор,
А и те мурзы-улановья
Не допустят Екима до добра коня,
До своей ево палицы тяжкия,
А и тяжкия палицы, медныя литы,
Оне были в три тысячи пуд;
Не попала ему палица железная,
Что попала ему ось-та тележная,
А и зачел Еким помахивати,
Прибил он силы семь тысячей мурзы-улановья,
Пять сот он прибил меделянских кобелей,

Закричал тут король зычным голосом:
«Гой еси, Дунай Иванович!
Уйми ты своего слугу вернова,
Оставь мне силы хоть на семены,
А бери ты мою дочь любимую,
Афросинью королевишну».
А и молоды Дунай сын Иванович
Унимал своего слугу вернова,
Пришел ко высокому терему,
Где сидит Афросинья в высоком терему,
За тридесять замками булатными.
Буйны ветры не вихнут на ее,
Красное со(л)нцо лица не печет,
Двери у полат были железныя,
А крюки-пробои по бу(л)ату злачены.
Говорил тут Дунай таково слово:
«Хоть нога изломить, а двери выставить!».
Пнет во двери железныя,
Приломал он крюки булатныя,
Все тут полаты зашаталися,
Бросится девица, испужалася,
Будто угорелая вся,
Хочет Дуная во уста цаловать.
Проговорит Дунай сын Иванович:
«Гой еси, Афросинья королевишна!
А и ряженой кус, да не суженому есть!
Не целую я тебя во сахáрныя уста,
А и бог тебе, красну девицу, милует:
Дастанешьса ты князю Владимеру».
Взял ее за руку за правую,
Повел из полат на широкой двор,
А и хочут садиться на добрых на коней,
Спохватился король в Золотой орде,
Сам говорил таково слово:
«Гой еси ты, Дунай Иванович,
Пожалуй подожди мурзы-улановья!».
И отправляет король своих мурзы-улановья
Везти за Дунаем золоту казну.
л. 18 об. И те мурзы- ‖ улановья
Тридцать телег ординских насыпали
Златом и серебром и скатным земчугом,
А сверх того каменьи самоцветными.
Скоро Дунай снарежается,
И поехали оне ко городу ко Киеву.
А и едут неделю уже спóряду,
А и едут уже другую,

И тут же везут золоту казну.
А наехал Дунай бродучей след,
Не доехавши до Киева за сто верст,
Сам он Екиму тут стал наказывать:
«Гой еси, Еким сын Иванович,
Вези ты Афросинью королевишну
Ко стольному городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру
Честно-хвально и радостно,
Было бы нам чем похвалитися
Великому князю во Киеве».
А сам он, Дунай, поехал по тому следу,
По свежему, бродучему.
А и едет уж сутки другие,
В четвертые сутки след дошел
На тех на лугах на потешныех,
Куда ездил ласковой Владимер-князь
Завсегда за охотою.
Стоит на лугах тут бел шатер,
Во том шатру опочив держит красна девица,
А и та ли Настасья королевишна.
Молоды Дунай он догадлив был,
Вымал из налушна тугой лук,
Из колчана вынул калену стрелу,
А и вытянул лук за ухо,
Калену стрелу, котора стрела семи четвертей.
Хлес(т)нет он, Дунай, по сыру дубу,
А спела ведь титивка у туга лука,
А дрогнет матушка-сыра земля
От тово удару богатырскова,
Угодила стрела в сыр крековистой дуб,
Изломала ево в черенья ножевыя,
Бросилася девица из бела шатра, будто угорелая.
А и молоды Дунай он догадлив был,
Скочил он, Дунай, со добра коня,
Воткнет копье во сыру землю,
Привязал он коня за востро копье,
И горазд он со девицею дратися,
Ударил он девицу по щеке,
А пнул он девицу под гузна, —
Женской пол от тово пухол живет,
Сшиб он девицу с резвых ног,
Он выдернул чингалишша булатное,
А и хочет взрезать груди белые.
Втапоры девица возмолилася:
«Гой еси ты, удалой доброй молодец!

Не коли ты меня, девицу, дó смерти,
Я у батюшка-сударя отпрошалася:
Кто мене побьет во чистом поле,
За тово мне, девице, замуж идти».
А и тута Дунай сын Иванович
Тому ее слову обрадовался.
Думает себе разумом своим:
«Служил я, Дунай, во семи ордах,
В семи ордах семи королям,
л. 19 А не мог || себе выжить красныя девицы,
Ноне я нашел во чистом поле
Обрушницу-сопротивницу».
Тут оне обручалися,
Круг ракитова куста венчалися.
А скоро ей приказ отдал собиратися
И обрал у девицы сбрую всю:
Куяк и панцырь с кольчугою,
Приказал он девице нарежатися
В простую епанечку белую.
И поехали ко городу ко Киеву.
Только Владимер стольной киевской
Втапоры едет от злата венца,
И приехал князь на свой княженецкой двор,
И во светлы гридни убиралися,
За убраныя столы сажалися.
А и молоды Дунай сын Иванович
Приехал ко церкви соборныя,
Ко тем попам и ко дьяконам,
Приходил он во церкву соборную,
Просит чес(т)ныя милости
У тово архерея соборнова —
Обвенчать на той красной девице.
Рады были тому попы соборныя,
В те годы присяги не ведали,
Обвенчали Дуная Ивановича.
Венчальнова дал Дунай пять сот рублев
И поехал ко князю Владимеру;
И будет у князя на широком дворе,
И скочили со добрых коней с молодой женой,
И говорил таково слово:
«Доложитесь князю Владимеру
Не о том, что идти во светлы гридни, —
О том, что не в чем идти княгине молодой:
Платья женскова только одна и есть епанечка белая»,
А втапоры Владимер-князь он догадлив был,
Знает он, ково послать:

Послал он Чурила Пленковича
Выдавать платьица женское цветное.
И выдавали оне тут соян хрущетóй камки
На тое княгиню новобрачную,
На Настасью-королевичну,
А цена тому сояну сто тысячей.
И снарядили оне княгиню новобрачную,
Повели их во полаты княженецкия,
Во те гридни светлыя,
Сажали за столы убраныя,
За ества сахарныя и за питье медяные.
Сели уже две сестры за одним столом,
А и молоды Дунай сын Иванович
Женил он князя Владимера
Да и сам тут же женился,
В том же столе столовати стал.
А жили оне время немалое.
У князя Владимера, у солнышка Сеславьевича,
Была пирушка веселая,
Тут пьяной Дунай расхвастался:
«Что нет против меня во Киеве такова стрельца
Из туга лука по приметам стрелять!».
Что взговорит молода княгиня Апраксевна:
«Что гой еси ты, любимой мой зятюшка,
л. 19 об. Молоды || Дунай сын Иванович!
Что нету-де во Киеве такова стрельца,
Как любезной сестрице моей Настастьи-королевичне».
Тут Дунаю за беду стало,
Бросали оне жéребья,
Кому прежде из туга лука стрелять,
И досталось стрелять ево молодой жене Настасьи-королевичне,
А Дунаю досталось на главе золото кольцо держать,
Отмерели место на целу версту тысячну,
Держит Дунай на главе золото кольцо,
Вытягала Настасья колену́ стрелу,
Спела-де титивка у туга лука,
Сшибла с головы золото кольцо,
Тою стрелкою каленою.
Князи и бояра тут металися,
Усмотрили калену стрелу,
Что на тех-та перушках лежит то золото кольцо.
Втапоры Дунай становил на примету свою молоду жену,
Стала княгиня Апраксевна его уговаривати:
«Ай ты гой еси, любимой мой зятюшка,

Молоды Дунай сын Иванович!
Та ведь шутачка пошучена».
Да говорила же ево и молода жена:
«Оставим-де стрелять до другова дня,
Ес(ть)-де в утробе у меня могуч богатырь.
Первой-де стрелкой не дострелишь,
А другою-де перестрелишь,
А третью-де стрелкою в меня угодишь».
Втапоры князи и бояра
И все сильны-могучи богатыри
Ево, молода Дуная, уговаривали.
Втапоры Дунай озадорелся
И стрелял в примету на целу версту в золото кольцо,
Становил стоять молоду жену.
И втапоры ево молода жена
Стала ему кланятися и перед ним убиватися:
«Гой еси ты, мой любезной ладушка,
Молоды Дунай сын Иванович!
Аставь шутку на три дни,
Хошь не для меня, но для своего сына
нерожденнаго;
Завтро рожу тебе богатыря,
Что не будет ему сопротивника».
Тому-то Дунай не поверовал,
Становил свою молоду жену Настастью-королевишну
На мету с золотым кольцом,
И велели держать кольцо на буйной главе.
Стрелял Дунай за целу версту из туга лука,
А и первой стрелой он не дострелил,
Другой стрелой перестрелил,
А третьею стрелою в ее угодил.
Прибежавши Дунай к молодой жене,
Выдергивал чингалишша булатное,
Скоро [в]спорол ей груди белыя, —
Выскочил из утробы удал молодец,
Он сам говорит таково слово:
«Гой еси, сударь мой батюшка!
Как бы дал мне сроку на три часа,
А и я бы на свете был
Попрыжея и полутчея в семь семериц тебя».
л. 20. А и тут || молоды Дунай сын Иванович запечалился,
Ткнул себя чингалишшем во белы груди,
Сгареча он бросился во быстру реку.
Потому быстра река Дунай словет,
Своим ус(т)ьем впала в сине море.
А и то старина, то и деянье.

ГРИШКА РАССТРИГА

Ты боже, боже, Спас милостивой!
К чему рано над нами прогневался,
Сослал нам, боже, прелестника,
Злаго Расстригу Гришку Атрепьева.
Уже ли он, Расстрига, на царство сел,
Называется Расстрига прямым царем;
Царем Димитрием Ивановичем Углецким.
Недолго Расстрига на царстве сидел,
Похотел Расстрига женитися,
Не у себя-то он в каменнóй Москве,
Брал он, Расстрига, в проклятой Литве,
У Юрья пана Седомирскова
Дочь Маринку Юрьеву,
Злу еретницу-безбожницу.
На вешней праздник, Николин день,
В четверг у Расстриги свадьба была,
А в пятницу праздник Николин день
Князи и бояра пошли к заутрени,
А Гришка Расстрига он в баню с женой;
На Гришки рубашка кисейная,
На Маринке соян хрущетóй камки.
А час-другой поизойдучи,
Уже князи и бояра от заутрени,
А Гришка Расстрига из бани с женой.
Выходит Расстрига на Красной крылец,
Кричит-ревет зычным голосом:
«Гой еси, клюшники мои, приспешники!
Приспевайте кушанье разное,
А и пос(т)ное и скоромное:
Заутра будет ко мне гость дорогой,
Юрья пан са паньею».
А втапоры стрельцы догадалися,
За то-то слово спохватилися,
В Боголюбов монастырь металися
К царице Марфе Матвеевне:
«Царица ты, Марфа Матвеевна!
Твое ли это чадо на царстве сидит,
Царевич Димитрей Иванович?».
А втапоры царица Марфа Матвеевна заплакала
И таковы речи во слезах говорила:
«А глупы, стрельцы, вы, недогадливы!
Какое мое чадо на царстве сидит?
На царстве у вас сидит Расстрига,
Гришка Атрепьев сын.

Потерен мой сын, царевич Димитрей Иванович, на Угличе
От тех от бояр Годуновыех,
л. 20 об. Ево мощи лежат || в каменной Москве
У чудных Сафеи Премудрыя.
У тово ли-та Ивана Великова
Завсегда звонят во царь-колокол,
Соборны попы собираются,
За всякия праздники совершают понафиды
За память царевича Димитрия Ивановича,
А Годуновых бояр проклинают завсегда».
Тут стрельцы догадалися,
Все оне собиралися,
Ко Красному царскому крылечку металися,
И тут в Москве [в]збунтовалися.
Гришка Расстрига дагадается,
Сам в верхни чердаки убирается
И накрепко запирается,
А злая ево жена Маринка-безбожница
Сорокою обвернулася
И из полат вон она вылетела.
А Гришка Расстрига втапоры догадлив был,
Бросался он со тех чердаков на копья вострыя
Ко тем стрельцам, удалым молодцам.
И тут ему такова смерть случилась.

НА БУЗАНЕ-ОСТРОВЕ

На славной Волге-реке,
На верхней и́зголове,
На Бузане-острове,
На крутом красном берегу,
На желтых рассыпных песках
А стояли беседы, что беседы дубовыя,
Исподернуты бархотом.
Во беседачках тут сидели атаманы казачия:
Ермак Тимофеевич,
Самбур Андреевич,
Анофрей Степанович.
Ане думашку думали за единое,
Как про дело ратное,
Про дабычу казачею.
Что есаул ходит по кругу
По донскому-еицкому,
Есаул кричит голосом

Во всю буйну голову:
«Ай вы гой еси, братцы атаманы казачия!
У нас кто на море не бывал,
Морской волны не видал,
Не видал дела ратнова,
Человека кровавова,
От желанье те богу не ма́ливались,
Астаньтеся таковы молодцы
На Бузане-острове».
И садилися молодцы
Во свои струги легкия,
Оне грянули, молодцы,
Вниз по матушке Волге-реке,
По протоке по Ахтубе.
А не ярыя гоголи
На сине море выплыли,
Выгребали тут казаки
Середи моря синева,
Против Матицы-острова
Легки струги выдергивали
И веселечки разбрасавали,
Майданы расставливали,
Ковры раздергивали,
Ковры те сорочинския
И беседы дубовыя,
Подернуты бархатом.
А играли казаки
л. 21, Золотыми тавлеями,
Дорогими вольящетыми.
Посмотрят казаки
Оне на море синея,
[От таво] зеленова,
От дуба крековистова —
Как бы бель забелелася,
Будто черзь зачернелася, —
Забелелися на караблях
Парусы полотняныя,
И зачернелися на море
Тут двенадцать караблей,
А бегут тут по морю
Славны гости турецкия
Со товары заморскими.
А увидели казаки
Те карабли червленыя,
И бросалися казаки
На свои струга легкия,

А хватали казаки
Оружье долгомерное
И три пушечки медные.
Напущалися казаки
На двенадцать караблей,
В три пушечки гунули,
А ружьем вдруг грянули,
Турки, гости богатыя,
На караблях от тово испужалися,
В сине море метались,
А те тавары заморския
Казакам доставалися
А и двенадцать караблей.
А на тех караблях
Одна не пужалася
Душа красная девица,
Молода Урзамовна,
Мурзы дочи турскова.
Что сговорит девица Урзамовна:
«Не троньте мене, казаки,
Не губите моей красоты,
А и вы везите мене, казаки,
К сильну царству московскому,
Государству росси(й)скому,
Приведите, казаки,
Мене в веру крещеную!».
Не тронули казаки душу красну девицу
И посадили во свои струги легкия.
А и будут казаки
На протоке на Ахтубе,
И стали казаки
На крутом красном бережку,
Майданы расставливали,
Майданы те терския,
Ковры сорочинския,
А беседы расставливали,
А беседы дубовыя,
Подернуты бархотом,
А столы дорог рыбей зуб.
А и кушали казаки
Тут оне кушанье разное
И пили питья медяныя,
Питья все заморския.
И будут казаки
На великих на радостях
Со добычи казачия,

Караулы ставили,
Караулы крепкия, отхожия,
Сверху матки Волги-реки,
И снизу таковыя ж стоят.
Запилися молодцы
А все оне до единова.
А втапоры и во то время
На другой стороне
Становился стоять персидской посол
Коромышев Семен Костянтинович
Со своими салдаты и матрозами.
Казаки были пьяныя,
А солдаты не со всем умом,
Напущалися на них дратися
Ради корысти своея.

Ведал ли не ведал о том персидской посол, как у них драка сочинилася. В той было драке персидскова посла салдат пятьдесят человек, || тех казаки (л. 21 об.) прибили до смерти, только едва осталися три человека, которыя могли убежать на карабль к своему послу сказывати. Не разобрал тово дела персидской посол, о чем у них драка сочинилася, послал он сто человек всю ту правду росспрашивати. И тем салдатам показалися, что те люди стоят недобрыя, зачали с казаками дратися.

Втапоры говорил им большой атаман
Ермак Тимофеевич:
«Гой вы еси, салдаты хорошия,
Слуги царя верныя!
Почто с нами деретеся?
Корысть ли от нас получите?».
Тут салдаты безумныя
На ево слова не сдавалися
И зачали дратися боем-та смертныем,
Что дракою некорыс(т)ною.
Втапоры доложился о том
Большой есаул Стафей Лаврентьевич:
«Гой вы еси, атаманы казачи,
Что нам с ними делати?
Салдаты упрямыя
Лезут к нам с дракою в глаза!».
И на то ево сло́ва
Большой атаман Ермак Тимофеевич
Приказал их до смерти бити
И бросати в матку Волгу-реку.
Зачали казаки с ними дратися
И прибили их всех до́ смерти,

Только из них един ушел капрал астровско́й и, прибежавши на свой карабль к послу персидскому Семену Костянтиновичу Коромышеву, стал обо всем ему россказавати, кака у них с казаками драка была. И тот персидской посол не размышлил ничего, подымался он со всею гвардию своею на тех донских казаков. Втапоры ж подымалися атаманы казачия: Ермак Тимофеевич, Самбур Андреевич и Анофрей Степанович, и стала у них драка великая и побоища смертное. А отаманы казачия сами оне не дралися, только своим казакам цыкнули, — и прибили всех солдат до́ смерти, ушло ли не ушло с десяток человек. И в той же драке убили самово посла персидскова Семена Костянтиновича Коромы́шева. Втапоры казаки все животы посла персидскова взяли себе, платье цветное клали в гору Змееву. Пошли оне, казаки, по протоке по Ахтубе, вверх по матушке Волге-реке. А и будут казаки у царства Астраханскова, называется тут Ермак со дружиною купцами заморскими, а явили в таможне тавары разныя, и с тех товаров платили пошлину в казну государеву, и теми своими товарами торговали без запрещения. Тем старина и кончилась.

ЕРМАК ВЗЯЛ СИБИРЬ

л. 22 Во славном понизовом городе Астрахане,
Против пристани матки Волги-реки,
Соходилися тут удалы добры молодцы,
Донския славны атаманы казачия:
Ермак Тимофеевич, Самбур Андреевич
И Анофрей Степанович.
И стали оне во единой круг
Как думати думушку за единое
Со крепка ума, с полна разума.
Атаман говорил донским казакам,
По имени Ермак Тимофеевич:
«Ай вы гой еси, братцы, атаманы казачия!
Некорыстна у нас шу(т)ка зашучена:
Гуляли мы по морю синему
И стояли на протоке на Ахтубе,
Убили мы посла персидскова
Со всеми ево салдатами и матрозами
И всем животом его покорыстовались.
И как нам на то будет ответствовать?
В Астрахане жить нельзя,
На Волге жить — ворами слыть,
На Яик идти — переход велик,
В Казань идти — грозен царь стоит,
Грозен царь, асударь Иван Васильевич,
В Москву идти — перехватаным быть,
По разным городам разосланым

И по темным тюрьмам рассаженым.
Пойдемтя мы в Усолья ко Строгоновым,
Ко тому Григорью Григорьевичу,
К тем господам к Вороновым,
Возьмем мы много свинцу-пороху
И запасу хлебнова».
И будут оне в Усолье у Строгонова,
Взяли запасы хлебныя, много свинцу-пороху
И пошли вверх по Чусовой реке,
Где бы Ермаку зима зимовать.
И нашли оне печеру каменну на той Чусовой реке,
На висячем большом каменю,
И зашли оне сверх того каменю,
Опущалися в ту пещеру казаки,
Много не мало — двесте человек;
А которые остались люди похужея,
На другой стороне в такую ж оне печеру убиралися,
И тут им было хорошо зима зимовать.
Та зима проходит, весна настает,
Где Ермаку путя искать?
Путя ему искать по Серебренной реке.
Стал Ермак убиратися со своими товарыщами, —
По Серебренной пошли, до Жаравля дошли.
Оставили оне тут лодки-коломенки,
На той Баранченской переволоке,

Одну тащили, да надселися, там ее и покинули. И в то время увидели Баранчу- ‖ реку, обрадовались, поделали баты сосновыя и лодки-набойницы; [л. 22 об.] поплыли по той Баранче-реке, и скоро оне выплыли на Тагиль-реку; у тово Медведя-камня, у Магницкова горы становилися. А на другой стороне была у них пло(т)бища: делали большия коломенки, чтобы можно им со всем убратися. Жили оне тут, казаки, с весны до Троицова дни, и были у них промыслы рыбныя, тем оне и кормилися. И как им путь надлежал, со всем в коломенки убиралися. И поплыли по Тагиль-реке, а и выплыли на Туру-реку, и поплыли по той Туре-реке в Епанчу-реку; и тут оне жили до Петрова дни. Еще оне тут управлялися: поделали людей соломенных и нашили на них платье цветное; было у Ермака дружины три ста́ человек, а стало уже со теми больше тысячи. Поплыли по Тоболь-реку, в Мяденски юрты приплыли, тут оне князька полонили небольшева, дабы показал им путь по Тоболь-реке. Во тех ус(т)ьях тобольскиех на изголове становилися, и собиралися во единой круг, и думали думушку крепку заедино, как бы им приплыть к горе Тобольской той. Сам он, Ермак, пошел ус(т)ьем верхнием, Самбур Андреевич — ус(т)ьем среднием, Анофрей Степанович — ус(т)ьем нижнием, которая ус(т)ья впала против самой горы Тобольския. И выплыли два атамана казачия Самбур Андревич и Анофрей Степанович со своими товары-

щами на Иртыш-реку под саму высоку гору Тобольскую. И тут у них стала баталия великая со теми татары котовскими. Татара в них бьют со крутой горы, стрелы летят, как часты дожди, а казакам взять не можно их. И была баталия целой день, прибили казаки тех татар немало число, и тому татары дивовалися: каковы русски люди крепкия, что ни едино убить не могут их, каленых стрел в них, как в снопики, налеплено, только казаки все невредимы стоят, и тому татара дивуются ноипаче того.

В то же время пришел атаман Ермак Тимофеевич со своею дружиной тою лукою Соуксанскую. Дошел до ус(т)ья Сибирки-реки и в то время полонил Кучума — царя татарскова, а первова князька поиманова отпустил со известием ко тем татарам котовскием, чтобы оне в драке с казаками помирилися: уж-де царя вашего во полон взяли тем атаманом ||
л. 23 Ермаком Тимофеевым. И таковы слова услыша, татара сокротилися и пошли к нему, Ермаку, с подарачками: понесли казну соболиную и бурых лисиц сибирскиех. И принимал Ермак у них не отсылаючи, а на место Кучума-царя утвердил Сабанака-татарина и дал ему полномочие владеть ими. И жил там Ермак с Покрова до зимнява Николина дня. Втапоры Ермак шил шубы соболиныя, нахтармами вместе сшивал, а теплыя мехи наверх обоих сторон; таковым манером и шапки шил. И убравши Ермак со всемя казаки отъезжал к каменну Москву, ко грозному царю Ивану Васильевичу. И как будет Ермак в каменной Москве, на канун праздника Христова дня, втапоры подкупил в Москве большова боярина Никиту Романовича, чтобы доложил об нем царю грозному. На самой праздник Христов день, как изволил царь-государь идти от заутрени, втапоры доложил об них Никита Романович, что-де атаманы казачия, Ермак Тимофеев с товарыщи, к твоему царскому величеству с повинностью пришли и стоят на Красной площади. И тогда царь-государь тотчас велел пред себя привести тово атамана Ермака Тимофеева со темя ево товарыщи. Татчас их ко царю представили в тех шубах соболиныех. И тому царь удивляется и не стал больше спрашивати, велел их разослать по фатерам до тово часу, когда спросятся. Втапоры царю праздник радошен был, и было пирование почестное на великих на радостях, что полонил Ермак Кучума — царя татарскова, и вся сила покорилася тому царю грозному, царю Ивану Васильевичу. И по прошествии того праздника приказал царь-государь тово Ермака пред себя привести. Тотчас их сабрали и ко царю представили, вопрошает тут их царь-государь: «Гой ты еси, Ермак Тимофеев сын, где ты бывал? сколько по воли гулял и напрасных душ губил? И каким случаем татарскова Кучума-царя полонил? И всю ево татарскую силу под мою власть покорил?». Втапоры Ермак пред грозным царем на колени пал, и письменное известие обо всем своем похождении подавал, и притом говорил таковыя слова: «Гой еси, вольной царь, царь Иван Васильевич! || Приношу тебе, асударь, повинность свою: гуляли мы,
л. 23 об. казаки, по морю синему и стояли на протоке на Ахтубе, и в то время годилося мимо идти послу персидскому Коромышеву Семену Костянтиновичу со своими салдаты и матрозами; и оне напали на нас своею волею

и хотели от нас поживитися, — казаки наши были пьяныя, а салдаты упрямыя — и тут персидскова посла устукали со теми ево салдаты и матрозами». И на то царь-государь не прогневался, ноипаче умилосердился, приказал Ермака пожаловати. И посылал ево в ту сторону сибирскую, ко тем татарам котовскием брать с них дани-выходы в казну государеву. И по тому приказу государеву поехал Ермак Тимофеевич со своими казаками в ту сторону сибирскую. И будет он у тех татар котовскиех, стал он их наибольше под власть государеву покоряти, дани-выходы без апущения выбирати. И год-другой тому времени поизойдучи, те татара [в]збу[н]товалися, на Ермака Тимофеева напущалися на той большой Енисее-реке. Втапоры у Ермака были казаки разосланы по разным дальным странам, а при нем только было казаков на дву коломенках, и билися-дралися с татарами время немалое. И для помощи своих товарыщев он, Ермак, похотел перескочити на другую свою коломенку и ступил на переходню обманчивую, правою ногою поскользнулся он, — и та переходня с конца верхнева подымалася и на ево опущалася, росшибла ему буйну голову и бросила ево в тое Енисею-быстру реку. Тут Ермаку такова смерть случилась.

[ПРО] СТАВРА-БОЯРИНА

Во стольном было городе во Киеве,
У ласкова асударь-князя Владимера
Было пированье-почестной пир,
Было столованье-почестной стол
На многи князи и бояра,
И на русския могучия богатыри,
И гости богатыя.
Будет день во половина дня,
л. 24 Будет пир во полупире,
Князи и бояра пьют, едят, потешаются
И великим князем похваляются,
И только из них один боярин Ставер Годинович
Не пьет, ни ест,
И при своей братьи не хвастает,
Только наедине с товарыщем
Таковы речи сказывает:
«Что это за крепость во Киеве
У великова князя Владимера?
У меня-де, Ставра-боярина,
Широкой двор не хуже города Киева,
А двор у меня на семи верстах,
А гридни-светлицы белодубовы,
Покрыты гридни седых бобров,
Потолок во гриднях черных соболей,

Пол-середа одново серебра,
Крюки да пробои по булату злачены».
А и были тут у князя слуги верныя,
Доносили о том самому князю Владимеру:
«Что-де, асударь, ласковой Владимер-князь,
Ставер-боярин в очи ни о чем не хвалится,
А за очи похваляется,
Что есть у него двор на семи верстах
Крепче города Киева,
Гридни-светлицы белодубовыя,
Покрыты гридни седых бобров,
Потолок черных соболей,
Пол-середа одново серебра,
Крюки да пробои по булату злачены».
Услыша о том, Владимер-князь
Приказал сковать Ставра-боярина,
На руки и на ноги железа ему,
Посадить ево в погребы глубокия,
Затворять дверями железными,
Запирать накрепко замки булатными.
И Владимер-князь посылал посла немилостивова
Ко Ставру-боярину,
Чтоб двор ево запечатати
И взять в Киев молоду ево жену
Ко великому князю Владимеру.
И ей, Ставровой молодой жене,
Перепала весть нерадошна,
Что Ставер-боярин во Киеве
Посажен в погребы глубокия,
Руки и ноги скованы.
Скоро она нарежается
И скоро убирается,
Скидавала с себя волосы женския,
Надевала кудри черныя,
А на ноги сапоги зелен сафьян,
И надевала платья богатоя,
Богатоя платья посольское,
И называлась грозным послом,
Грозным послом Васильем Ивановичем.
И поехала с великою свитою
Ко городу Киеву.
Половину дороженьки проехали,
И встречу ей из Киева грозен посол,
Тут оне съехались, послы, поздаровались,
Как послы послуются,
Оне ручки об ручку целуются,

Стал-де из Киева спрашивает посол:
«А и гой вы еси, удалы добры молодцы!
л. 24 об. Куда вы е́дите || и куда бог несет?».
И взговорят ему, послу, таковыя слова:
«А и едем мы из дальней орды, Золотой земли,
От грозна короля Етмануила Етмануиловича
Ко городу ко Киеву,
Ко великому князю Владимеру
Брать с него дани-невыплаты
Не много не мало — за двенадцать лет,
За всякой год по́ три тысячи».
Из Киева посол позадумался,
А и единое словечко повыговорит:
«Я-де из Киева грозен посол,
Еду-де я ко Ставру-боярину
Двор его запечатати,
А ево молоду жену в Киев взять».
Отвечают тут удалы добры молодцы:
«Прежде у нас тот был постоялой двор,
Ноне заезжали — в дому нет никово,
Молода ево жена убиралася
В дальну орду, Золоту землю».
Из Киева посол воротился назад,
Приехал во стольной во Киев-град,
Сказал он князю тихохунька,
Что едет из дальной орды, Золотой земли,
Грозен посол Василей Иванович.
А и тут больно князь запечалился,
Кидалися-металися, то улицы метут,
Ельник ставили перед воротами,
Ждут посла из дальней орды, Золотой земли,
От грозна короля Етмануила Етмануиловича.
И приехал он, посол, на княженецкой двор,
Оне скоро поскокали со добры́х коней,
А идут во гридни во светлыя,
Вывела княгиня князя за собой
И во те во подвалы-погребы,
Молвила словечка тихохунька:
«Ни о чем ты, асударь, не печалуйся,
А нѐ быть тому грозному послу Василью Ивановичу
Быть Ставровой молодой жене Василисе Микулишне,
Знаю я приметы — всё по-женскому:
Ана по́ двору идет, будта утачка плывет;
А по горенки идет, частенька ступает;
А на лавицу садится, каленца жмет;
А и ручки беленьки, пальчики тоненьки,

Дюжина́ из перстов не вышли все».
А и тута-тка Владимер стольной киевской
Ну же он посла стал подчивати,
Всяко питье потаковкам пьют.
Уж тут ли посол напивается,
А Владимер-князь стал проведовати,
Токо посол буде женщина,
Не станет он во Киеве боротися
Со моими могучими богатырями.
Таковы люди были в Киеве,
л. 25 На́рочны борцы, ‖ удалы молодцы,
Притченки да Хапилонки.
Выводил тут князь семь борцов,
И тово ли посол Василей не пятится,
Вышел он на двор боротися,
Середи двора княженецкова
Сошлися борцы с послом боротися:
Первому борцу из плеча руку выдернет,
А другому борцу ногу выломит,
Она третьева хватила поперек хребта,
Ушибла ево середи двора.
А плюнул князь да и прочь пошел:
«Глупая княгиня, неразумная!
У те волосы долги, ум короток:
Называешь ты богатыря женщиною, —
Такова посла у нас еще была и не видана».
Втапоры княгиня с князем заспоровалась:
«А и ты, ласковой сударь Владимер-князь,
Да не быть этому грозному послу —
Быть Ставровой молодой жене».
Говорил тут Владимир стольной киевской:
«Гой ты еси, княгиня Апраксевна,
Я ли посла Василья проведую —
Заставлю ево из туга лука стрелять
Со своими могучими богатырями».
Выводил тут Владимер стольной киевской
Двенадцать сильных могучих бога́тырей,
Стали оне стрелять по сыру́ дубу́
За целу версту, —
Попадают оне по сыру дубу.
От тех стрелачак каленых
И от той стрельбы богатырския
Только сырой дуб шатается,
Будто от погоды сильныя.
Говорил посол Василей Иванович:
«Гой еси, Владимер-князь,

Не надо мне эти луки богатырския
Есть у меня лучонко волокитной,
С которым я езжу по чисту полю».
Втапоры кинулися ее удалы добры молодцы,
Под первой рог несут пять человек,
Под другой несут столько же,
Колчан тащат каленых стрел тридцат человек,
И говорит князю таково слово:
«Что потешить-де тебя, князя Владимера».
Берет она во ту рученьку левую
И берет стрелу каленую,
Та была стрелка булатная,
Вытягала лук за ухо,
Хлес(т)нет по сыру дубу —
Изломал ево в черенья ножевыя;
Спела титивка у туга лука, —
И Владимер-князь окарачь наползался,
И все тут могучия богатыри
Встают, как угорелыя.
[В]звыла да пошла калена стрела,
л. 25 об. Угодила в сыр || крековистой дуб,
Изломала в черенья ножевыя,
И говорил посол таково слово:
«Не жаль мне сыра дуба крековистова,
Только жаль мне своей калены́ стрелы́
Никому не найти во чисто́м поле́».
Плюнул Владимер-князь, сам прочь пошел
Говорил себе таково слово:
«Разве сам Василья-посла проведаю».
Стал с ним в шахматы играть
Золотыми тавлеями:
Первую заступь заступовали,
И ту посол поиграл;
Другую заступь заступовали,
И другую заступь посол же поиграл;
Третью заступь заступовали,
Шах да и мат да и под доску.
И стал посол говорить таково слово:
«Гой еси, стольной Владимер-князь,
Отдай ты мне дани-выходы за двенадцать лет,
За всякой год по́ три тысячи»:
Говорил Владимер-князь:
«Изволь мене, посол, взять головой с женой!».
И говорил тут посол таковы слова:
«Чем ты, Владимер-князь, в Киеве потешаешься?
Есть ли у тебя веселыя молодцы?».

И тотчас посылал Владимер-князь
Искать таковых людей всяких рук,
И собрали веселых молодцов на княженецкой двор.
Втапоры у великова князя
Ради посла было пирование почестное
На великих на радостях.
И тут посол невесел сидит,
Только князю таково слово выговорит:
«Нет ли у тебе кому в гусли поиграть?».
Похватится Владимер-князь,
Послал по Ставра-боярина,
Боярина-Годиновича,
Велел ево росковать всево.
Сымали железа с рук и с ног
И приводили Ставра на почестной пир.
И втапоры посол скочил на резвы ноги,
Посадил Ставра против себя в дубову скомью.
И зачал тут Ставер поигравати,
Сыгриш сыграл Царя-града,
Танцы навел Ерусалима,
Величал князя со княгинею,
Сверх того играл еврейской стих.
Посол задремал и спать захотел,
Говорил таковы слова:
«Гой еси, Владимер-князь,
Не надо мне твои дани-выходы,
Только пожалуй веселым молодцом,
Ставром-бояриным Годиновичем».
И Владимер-князь о том радошен стал,
Отдавал Ставра руками своими.
Взявши посол Ставра, отъезжал из Киева вон,
л. 26, Пров(о)жает ево Владимер-князь || и со княгинею.
И становился он, посол, у быстра Непра,
Расставлял полатки свои белыя,
Говорил таково слово:
«Пожалуй-де, асударь Владимер-князь,
Посиди до тово часу, когда я выспюся».
Раздевался посол из своего платья посольскова
И убирался в платье женское,
Притом говорил таково слово:
«Гой еси, Ставер, веселой молодец,
Как ты мене не опазноваешь,
А доселева мы с тобой в свайку игравали,
У тебя-де была свайка серебреная,
А у меня кольцо позолоченое,
И ты меня поигравал,

А я тебе — толды-вселды».
И втапоры Ставер-боярин догадается,
Скидавал платье черное
И надевал на себя посольское,
И с великим князем и со княгинею прощалися
И отъезжали во свою землю дальную.

ИВАН ГАДЕНОВИЧ

Во стольном во городе во Киеве,
У ласкова асударь-князя Владимера вечеренка была.
На пиру у нево сидели честныя вдовы,
Пригодился тут Иван Годинович,
И проговорит ему стольной киевской Владимер-князь:
«Гой еси, Иван ты Годинович!
А зачем ты, Иванушка, не женишься?».
Отвечает Иван сын Годинович:
«Рад бы, асударь, женился, да негде взять:
Где охота брать, за меня не дают,
А где-та подают, ту я сам не беру».
А проговорит ласковой Владимер-князь:
«Гой еси, Иван сын Годинович!
А садися ты, Иван, на ременчет стул,
Пиши ерлыки скоропищеты».
И садился тотчас Иван на ременчет стул,
Написал ерлык скоропищетой
А о добром деле — о сватонье
К славному городу Чернигову,
К Дмитрею, гостю богатому.
Написал он ерлык скоропищетой,
А Владимер-князь ему руку приложил:
л. 26 об. «А не ты, ‖ Иван, поедешь свататься,
Сватаюсь я-де, Владимер-князь».
А скоро-де Иван снарежается,
А скоря́ тово поездку чинит
Ко городу Чернигову.
Два девяноста-то мерных верст
Переехал Иванушка в два часа.
Стал он, Иван, на гостином дворе,
Скочил он, Иван, со добра коня.
Привезавши коня к дубову столбу,
Походил во гридню во светлую,
Спасову образу молится,
Он Дмитрею-гостю кланеется,
Положил ерлык скоропищетой на круглой стол.

Дмитрей-гость распечатавает и рассматривает,
Просматривает и прочитавает.
«Глупой Иван, неразумной Иван!
Где ты, Иванушка, перво был?
Ноне Настасья просватана,
Душа Дмитревна запоручена
В дальну землю Загорскую
За царя Афромея Афромеевича.
За царя отдать — ей царицою слыть,
Панове все поклонятся,
Пановя и улановя,
А немецких языков с(че)ту нет;
За тебя, Иван, отдать — холопкой слыть,
Избы мести, заходы скрести».
Тут Иванушку за беду стало,
Схватя ерлык Иван да и вон побежал.
Садился Иван на добра коня,
Побежал он ко городу Киеву.
Скоро Иван на двор прибежал,
И приходит он во светлу гридню
Ко великому князю Владимеру,
Спасову образу молится,
А Владимеру-князю кланеется.
Вельми он, Иван, закручинился.
Стал его Владимер-князь спрашивати,
А стал Иван россказавати:
«Был я у Митрея во дому,
Положил ерлык на круглой стол,
Дмитрей-гость не задерживал меня в том,
Скоро ерлыки прочитавал
И говорил таковы слова:
«Глупой ты-де, Иван, неразумной, Иван!
Где ты, Иванушка, перво был?
Ноне Настасья просватана
В дальну землю Загорскую
За царя Афромея Афромеевича.
За царя-де ее отдать — царицою слыть,
Панове все поклонятся,
Панове все и улановья,
А немецких языков счету нет;
За тебя-де, Иван, отдать — холопкой слыть:
Избы мести да заходы скрести».
Тут ему, князю, за беду стало,
Рвет на главе черны кудри свои,
л. 27 Бросает их о кирпичет || пол:
«Гой еси, Иван Годинович,

Возьми ты у меня, князя, сто человек
Русских могучих богатырей,
У княгини ты бери другое сто,
У себя, Иван, третье сто,
Поезжай ты о добром деле — о сватонье,
Честью не даст, ты и силою бери».
Скоро молодцы те собираются,
А скоря́ тово пое(зд)ку чинят,
Поехали к городу Чернигову.
А и только переехали быстрова Непра,
Выпала пороха снегу белова,
По той по порохе, по белу снегу
И лежат три следа звериныя:
Первой след гнедова тура,
А другой след лютова зверя,
А третей след дикова вепря.
Стал он, Иван, разъесачавати:
Послал он за гнедым туром сто человек
И велел поймать ево бережно,
Без той раны кровавыя;
И за лютым зверям послал другое сто
И велел изымать ево бережно,
Без той раны кровавыя;
И за диким вепрям послал третье сто,
А велел изымать ево бережно,
Без тоя раны кровавыя,
И привесть их во стольной Киев-град
Ко великому князю Владимеру.
А сам он, Иван, поехал едино́й
Во Чернигов-град.
И будет Иван во Чернигове,
А у Дмитрея, гостя богатова,
Скачет Иван середи двора,
Привезал коня к дубову столбу,
Походил он во гридню светлую
К Дмитрею, гостю богатому,
Спасову образу молится,
Дмитрею-гостю не кланеется,
Походил за занавесу белую
Он к душке Настасье Дмитревне.
А тут у Дмитрея, гостя богатова,
Сидят мурзы-улановья,
По нашему, сибирскому, дру́жки словут:
Привезли оне платьица цветное
Что на душку Настасью Дмитревну,
Платья тово на сто тысячей

От царя Афромея Афромевича.
А сам царь Афромей Афромеевич
Он от Чернигова в трех верстах стоит,
А силы с ним три тысячи.
Молоды Иванушка Годинович
Он из-за занавесу белова
Душку Настасью Дмитревну
Взял за руку за белую,
Потащил он Настасью, лишь туфли звенят.
Что взговорит ему Дмитрей-гость:
л. 27 об. «Гой еси ты, Иванушка Годинович,
Сужаное пересужаваешь, ряженое переряжеваешь,
Мошно тебе взять не гордос(т)ью —
Веселым пирком-свадебкой».
Только Иван слово выговорил:
«Гой еси ты, славной Дмитрей-гость!
Добром мы у тебя сваталися,
А сватался Владимер-князь,
Не мог ты чес(т)ью мне отдать,
Ноне беру и не кланеюсь!».
Вытощил ее середи двора,
Посадил на добра коня
И сам метался в седелечко черкесское.
Некому бежать во Чернигов-град
За молодом Иванушком Годиновичем.
Переехал он, Иван, девяноста верст,
Поставил он, Иван, тут свой бел шатер,
Развернул ковры сорочинския,
Пос(т)лал потнички бумажныя,
Изволил он, Иван, с Настасьею опочив держать.
Данеслась скоро вестка нерадошна
Царю Афромею Афромевичу,
А приехали мурзы-улановья,
Телячьим языком рассказывают:
«Из славнова-де города из Киева
Прибежал удал молодец,
Увез твою противницу Настасью Дмитревну».
Царь Афромей Афромеевич
Скоро он вражбу чинил:
Обвернется гнедым туром,
Чистыя поля туром перескакал,
Темныя лесы соболем пробежал,
Быстрыя реки соколом перлетал,
Скоро он стал у бела шатра.
А и тут царь Афромей Афромеевич
Закричал-заревел зычным голосом:

«Гой еси, Иванушка Годинович!
А и ты суженое пересужаваешь, ряженое переряживаешь,
Почто увез ты Настасью Дмитревну?».
А скоро Иван выходит из бела шатра,
Говорил тут Иванушка Годинович:
«Гой еси, царь Афромей Афромеевич!
Станем мы с тобою боротися а большинé,
Что кому наша Настасья достанется».
И схватилися оне тут боротися.
Что-де ему, царю, делати
Со молодом Иваном Годиновичем:
Согнет он царя корчагою,
Опустил он о сыру землю,
Царь Афромей Афромеевич
Лежит на земли, свету не видит.
Молоды Иван Годинович
л. 28 Он ушел за кустик || мочитися,
Царь Афромей едва пропищал:
«Думай ты, Настасья, не продумайся!
За царем, за мною, быть — царицею слыть,
Панове все поклонятся, пановя все улановя,
А немецких языков счету нет;
За Иваном быть — холопкой слыть,
А избы мести, заходы скрести».
Приходит Иван ко белу шатру,
Напустился с ним опять боротися,
Схватилися оне руками боротися,
Душка Настасья Дмитревна
Изымала Ивана Годиновича зá ноги,
Тут ево двоя и осилили.
Царь Афромей на грудях сидит,
Говорит таково слово:
«А и нет чингалишша булатнова,
Нечем пороть груди белыя».
Только лишь царь слово выговорил:
«Гой еси ты, Настасья Дмитревна!
Подай чембур от добра коня».
И свезали Ивана руки белыя,
Привезали ево ко сыру дубу.
Царь Афромей в шатер пошел,
Стал с Настасьею поигравати,
А назолу дает ему, молоду Ивану Годиновичу.
По ево было талану добра молодца,
А и молода Ивана Годиновича,
Первая высылка из Киева бежит —

Ровно сто человек;
Прибежали ко тому белу шатру,
Будта зайца в кусте изъехали:
Спиря скочил, тот поспирявает,
Сёма прибежал, тот посёмавает;
Которы молодцы оне поглавнея
Срезали чембуры шелковыя,
Молода Ивана Годиновича опрастовали.
Говорил тут Иванушка Годинович:
«А и гой вы еси, дружина хоробрая!
Их-та, царей, не бьют-не казнят,
Не бьют-не казнят и не вешают,
Повезите ево ко городу ко Киеву
Ко великому князю Владимеру».
А и тут три высылки все сбиралися,
Наредили царя в платье цветное,
Повезли ево до князя Владимера.
И будут в городе Киеве,
Россказали тут удалы добры молодцы
Великому князю Владимеру
Про царя Афромея Афромеевича.
И Владимер-князь со княгинею
Встречает ево честно-хвально и радошно,
Посадил ево за столы дубовыя.
Тут у князя стол пошел
Для царя Афромея Афромеевича.
Молоды Иванушка Годинович
Астался он во белом шатре,
Стал он, Иван, жену свою учить,
Он душку Настасью Дмитревну:
л. 28 об., Он перво || ученье-то — руку ей отсек,
Сам приговаривает:
«Эта мне рука не надобна —
Трепала она, рука, Афромея царя!».
А второе ученье — ноги ей отсек:
«А и та-де нога мне не надобна —
Аплеталася со царем Афромеем неверныем!».
А третье ученье — губы ей обрезал
И с носом прочь:
«А и эти губы мне не надобны —
Целовали оне царя невернова!».
Четверто ученье — голову ей отсек
И с языком прочь:
«Это голова мне не надобна
И этот язык мне не надобен —
Говорил со царем неверныем

И сдавался на ево слова прелестныя!».
Втапоры Иван Годинович
Поехал ко стольному городу Киеву
Ко ласкову князю Владимеру.
И будет в городе Киеве,
Благодарит князя Владимера
За велику милость, что женил ево
На душке Настасье Дмитревне.
Втапоры ево князь спрашивал:
«Где же твоя молодая жена?».
Втапоры Иван о жене своей сказал,
Что хотела с Вахрамеем царем в шатре ево убить,
За что ей поученья дал — голову срубил.
Втапоры князь весел стал,
Что отпускал Вахрамея царя, своего подданника,
В ево землю Загорскую.
Только ево увидели,
Что обвернется гнедым туром,
Поскакал далече во чисто поле к силе своей.

ГАРДЕЙ БЛУДОВИЧ

л. 29 В стольном было городе во Киеве,
У ласкова асударь-князя Владимера,
Было пированье-почестной пир,
Было столование-почестной стол;
Много было у князя Владимера
Князей и бояр и княженецких жен.
Пригодились тут на пиру две честны́я вдовы́:
Первая вдова — Чесовая жена,
А другая вдова — то Блудова жена,
Обе жены богатыя,
Богатыя жены дворянския.
Промежу собой сидят за прохлад говорят.
Что взговорит тут Блудова жена:
«Гой еси ты, Авдотья Чесовая жена!
Есть у тебе девять сыновей,
А девять сыновей, как ясных соколов,
И есть у тебе дочь возлюбленна,
Молода Авдотья Чесовична,
Та ведь девица как лебедь белая;
А у меня, у вдовы, Блудовы жены,
Един есть сын Горден как есен сокол,
Многия пожитки осталися ему
От своего родимаго батюшка;

Ноне за прохлад за чужим пирком
Молвим словечко о добром деле — о сватонье:
Я хощу у тебя свататься
За молода Гордена Блудовича
Дочь твою возлюбленну Авдотью Чесовичну».
Втапоры Авдотья Чесова жена
На то осердилася,
Била ее по щеке,
Таскала по полу кирписчету
И при всем народе, при беседе,
Вдову опазорела,
И весь народ тому смеялися.
Исправилась она, Авдотья Блудова жена,
л. 29 об. Скоро пошла ко двору своему,
Идет ко двору, шатается,
Сама больно закручинилася.
И завидел Горден сын Блудович,
Скоро он метался с высока терема,
Встречал за воротами ее,
Поклонился матушке в праву ногу:
«Гой еси, матушка!
Что ты, сударыня, идешь закручинилася?
Али место тебе было не по вотчине?
Али чаром зеленом вином обносили тебе?».
Жалобу приносит матера вдова,
Авдотья Блудова жена,
Жалобу приносит своему сыну Гордену Блудовичу:
«Была я на честно́м пиру
У великова князя Владимера,
Сидели мы с Авдотьей Часовой женой,
За прохлад с нею речи говорили
О добром деле — о сватонье,
Сваталась я на ее любимой на дочери Авдотьи Часовичне
За тебе, сына, Гордена Блудовича.
Те ей мои речи не взлюбилися,
Била мене по щеке
И таскала по полу кирписчетому,
И при всем народе на пиру обе(сч)естила».
Молоды Горден сын Блудович
Уклал спать свою родимую матушку:
Втапоры она была пьяная.
И пошел он на двор к Чесовой жене,
Сжимал песку горсть целую,
И будет против высокова терема,
Где сидит молода Авдотья Чесовична,

Бросил он по высоком терему —
Полтерема сшиб, виноград подавил.
Втапоры Авдотья Чесовична
Бросилась, будто бешеная, из высокова терема,
Середи двора она бежит,
Ничего не говорит,
Пропустя она Гордена сына Блудовича,
Побежала к своей родимай матушке
Жаловатися на княженецкой пир.
Втапоры пошел Горден на княженецкой двор
Ко великому князю Владимеру
Рассматривать вдову, Чесову жену.
л. 30 Та || вдова, Чесова жена,
У великова князя сидела на пиру за убраными столы.
И тут молоды Горден выходил назад,
Выходил он на широкой двор,
Вдовины ребята с ним наздорели;
А и только не все оне пригодилися,
Пригодилось их тут только пять человек,
Взяли Гордена пощипавати,
Надеючи на свою родимую матушку.
Молоды Горден им взмолится:
«Не троните мене, молодцы!
А меня вам убить, не корысть получить!».
А оне тому не веруют ему,
Опять приступили к нему,
И он отбивался и метался от них,
И прибил всех тут до единова.
Втапоры донесли народ киевской
Честной вдове, Часовой жене,
Что молоды Горден Блудович
Учинил драку великую,
Убил твоих детей до́ смерти.
И посылала она, Часова жена,
Любимых своих четырех сыновей
Ко тому Гордену Блудовичу,
Чтоб он от того не убрался домой,
Убить бы ево до́ смерти.
И настигли ево на широкой улице,
Тут обошли вкруг ево,
Ничего с ним не говорили,
И только один хотел боло ударить по́ уху,
Да не удалось ему:
Горден верток был, —
Тово он ударил о́ землю
И ушиб ево до́ смерти;

Другой подвернется — и тово ушиб,
Третей и четвертой кинулися к нему —
И тех всех прибил дó смерти.
Пошел он, Горден, к Авдотьи Чесовичне,
Взял ее за белы руки
И повел ко божьей церкви,
С вечернями обручается,
Обручался и обвенчался с ней и домой пошел.
Поутру Горден стол собрал,
Стол собрал и гостей позвал,
Позвал тут князя со княгинею
И молоду свою тещу, Авдотью Чесовую жену.
Втапоры боло честна вдова, Чесовая жена, загорденелася,
Не хотела боло идти в дом к зятю своему,
Тут Владимер-князь стольной киевской и со княгинею
Стали ее уговаривати,
Чтобы она на то больше не кручинилася,
Не кручинилася и не гневалася.
И она тут их послушела,
Пришла к зятю на веселой пир.
Стали пити, ясти, прохложатися.

ЧУРИЛА ПЛЕНКОВИЧ

л. 30 об. Во стольном в городе во Киеве,
У ласкова асударь-князя Владимера,
Было пирование-почестной пир,
Было столование-почестной стол
На многи князи и бояра
И на русския могучия богатыри.
Будет день в половина дня,
А и будет стол во полустоле,
Князь Владимер распотешился.
А незнаемы люди к нему появилися:
Есть молодцов за сто человек,
Есть молодцов за другое сто,
Есть молодцов за третье сто,
Все оне избиты-изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бь(ю)т челом, жалобу творят:
«Свет государь ты, Владимер-князь!
Ездили мы по полю по чистому,
Сверх тое реки Чéреги,

На твоем государевом займище,
Ничего мы в поле не наезжавали,
Не наезжавали зверя прыскучева,
Не видали птицы перелетныя,
Только наехали во чистом поле
Есть молодцов за́ три ста́ и за́ пять со́т,
Жеребцы под ними латынския,
Кафтанцы на них камчатныя,
Однорядочки-то голуб скурлат,
А и колпачки — золоты плаши.
Оне соболи, куницы повыловили
И печерски лисицы повыгнали,
Туры, олени выстрелили,
И нас избили-изранели,
А тебе, асударь, добычи нет,
А от вас, асударь, жалованья нет,
Дети, жены осиро́тили,
Пошли по миру скитатися».
А Владимер-князь стольной киевской
Пьет он, есть, прохложается,
Их челобитья не слушает.
А и та толпа со двора не сошла,
А иная толпа появилася:
Есть молодцов за́ три ста́,
Есть молодцов за́ пять со́т.
Пришли охотники-рыбало́выя,
л. 31 Все избиты || -изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны,
Бьют челом, жалобу творят:
«Свет государь ты, Владимер-князь!
Ездили мы по рекам, по озерам,
На твои щаски княженецкия
Ничего не пойма́вали, —
Нашли мы людей:
Есть молодцов за́ три ста и за́ пять сот,
Все оне белую рыбицу повыловили,
Щуки, караси повыловили ж
И мелкаю рыбицу повыдавили,
Нам в том, государь, добычи нет,
Тебе, государю, приносу нет,
От вас, государь, жалованья нет,
Дети, жены осиро́тили,
Пошли по миру скитатися,
И нас избили-изранели».
Владимер-князь стольной киевской

Пьет-ест, прохложается,
Их челобитья не слушает.
А и те толпы со двора не сошли,
Две толпы вдруг пришли:
Первая толпа — молодцы сокольники,
Другия — молодцы кречатники,
И все они избиты-изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны,
Бьют челом, жалобу творят:
«Свет государь, Владимер-князь!
Ездили мы по полю чистому,
Сверх тое Че́реги,
По твоем государевом займищу,
На тех на потешных островах,
На твои щаски княженецкия
Ничево не поймавали,
Не видали сокола и кречета перелетнова,
Только наехали мы молодцов за тысячу человек,
Всех оне ясных соколов повыхватали
И белых кречетов повыловили,
А нас избили-изранели, —
Называются дружиною Чуриловою».
Тут Владимер-князь за то слово спохватится:
«Кто это Чурила есть таков?».
Выступался тута старой Бермята Васильевич:
«Я-де, асударь, про Чурила давно ведаю,
Чурила живет не в Киеве,
А живет он пониже малова Киевца.
Двор у нево на семи верстах,
Около двора железной тын,
л. 31 об. На всякой || тынинки по маковке,
А и есть по земчуженке,
Середи двора светлицы стоят,
Гридни белодубовыя,
Покрыты седых бобров,
Потолок черных соболей,
Матица-та валженая,
Пол-середа одново серебра,
Крюки да пробои по булату злачены,
Первыя у нево ворота вольящетыя,
Другия ворота хрустальныя,
Третьи ворота оловянныя».
Втапоры Владимер-князь и со княгинею
Скоро он снарежается,
Скоря́ тово пое(зд)ку чинят;

Взял с собою князей и бояр
И магучих богатырей:
Добрыню Никитича
И старова Бермята Васильевича, —
Тут их собралось пять сот человек
И поехали к Чурилу Пленковичу.
И будут у двора ево,
Встречает их старой Плен,
Для князя и княгини отворяет ворота вольящетыя,
А князем и боярам — хрустальныя,
Простым людям — ворота оловянныя,
И наехала их полон двор.
Старой Пленка Сароженин
Приступил ко князю Владимеру
И ко княгине Апраксевне,
Повел их во светлы гридни,
Сажал за убраныя столы,
В место почестное,
Принимал, сажал князей и бояр
И могучих русских богатырей.
Втапоры были повары догадливыя —
Носили ества сахарныя и питья медяныя,
А питья все заморския,
Чем бы князя развеселить.
Веселыя беседа — на радости день:
Князь со княгинею весел сидит.
Посмотрил в окошечко косящетое
И увидел в поле толпу людей,
Говорил таково слово:
«По грехам надо мною, князем, учинилося:
Князя меня в доме не случилася,
Едет ко мне король из орды
Или какой грозен посол».
Старой Пленка Сороженин
Лишь только усмехается,
Сам подчивает:
«Изволь ты, асударь, Владимер-князь со княгинею
И со всеми своими князи и бояры, кушати!
Что-де едет не король из орды
И не грозен посол,
Едет-де дружина хоробрая сына моего,
Молода Чурила сына Пленковича,
л. 32, А как он, асударь, будет, —
Пред тобою ж будет!».

Будет пир во полупире,
Будет стол во полустоле,
Пьют оне, едят, потешаются,
Все уже оне без памяти сидят.
А и на дворе день вечеряется,
Красное солнушка закотается,
Толпа в поле сбирается:
Есть молодцов их за́ пять сот,
Есть и до тысячи:
Едет Чурила ко двору своему,
Перед ним несут подсолнучник,
Чтоб не запекла солнца бела́ ево лица.
И приехал Чурила ко двору своему,
Перво ево скороход прибежал,
Заглянул скороход на широкой двор:
А и некуды Чуриле на двор ехати
И стоят(ь) со своим промыслом.
Поехали оне на свой окольной двор,
Там оне становилися и со всем убиралися.
Втапоры Чурила догадлив был:
Берет золоты ключи,
Пошел во подвалы глубокия,
Взял золоту казну,
Сорок сороков черных соболей,
Другую сорок печерских лисиц,
И брал же камку белохрущету,
А цена камке сто тысячей,
Принес он ко князю Владимеру,
Клал перед ним на убранной стол.
Втапоры Владимер-князь стольной киевской
Больно со княгинею возрадовалися,
Говорил ему таково слово:
«Гой еси ты, Чурила Пленкович!
Не подобает тебе в деревне жить,
Подобает тебе, Чуриле, в Киеве жить,
князю служить!».
Втапоры Чурила князя Владимера не ослушался
Приказал тотчас коня оседлать,
И поехали оне все в тот стольной Киев-град
Ко ласкову князю Владимеру.
В добром здоровье их бог перенес.
А и будет на дворе княженецкием,
Скочили оне со добрых коней,
Пошли во светлицы-гридни,
Садилися за убраныя столы,

Посылает Владимер стольной киевской
Молода Чурила Пленковича
Князей и бояр звать в гости к себе,
А зватова приказал брать со всякова по десяти рублев,
Обходил он, Чурила, князей и бояр
л. 32 об. И собрал ко князю || на почестной пир.
А и зайдет он, Чурила Пленкович,
В дом ко старому Бермяте Васильевичу,
Ко ево молодой жене,
К той Катерине прекрасной,
И тут он позамешкался.
Ажидает ево Владимер-князь,
Что долго замешкался.
И мало время поизойдучи,
Пришел Чурила Пленкович.
Втапоры Владимер-князь не во что положил,
Чурила пришел, и стол пошел,
Стали пити-ясти, прохложатися.
Все князи и бояры допьяна́ напивалися
Для новаго стольника Чурила Пленко́вича,
Все оне напивалися и домой разъезжалися.
Поутру рано-ранешонько,
Рано зазвонили ко заутрени,
Князи и бояра пошли к заутрени,
В тот день выпадала пороха снегу белова,
И нашли оне свежей след.
Сами оне дивуются:
Либо зайка скакал, либо бел горносталь,
А иныя тут усмехаются, сами говорят:
«Знать это не зайко скокал, не бел горносталь —
Это шел Чурила Пленкович к старому Бермяке Васильевичу,
К ево молодой жене Катерине прекрасныя».

ВАСИЛЕЙ БУСЛАЕВ МОЛИТЬСЯ ЕЗДИЛ

Под славным великим Новым-городом,
По славному озеру по Ильменю
Плавает-поплавает сер селезень,
Как бы ярой гоголь поныривает,
А плавает-поплавает червлен карабль
Как бы молода Василья Буславьевича,
А и молода Василья со ево дружиною хоробраю,
Тридцать удалых молодцов:

Костя Никитин корму держит,
Малинькой Потаня на носу стоит,
А Василе-ет по караблю похаживает,
л. 33 Таковы слова || поговаривает:
«Свет, моя дружина хоробрая,
Тридцать удалых добрых молодцов!
Ставьте карабль поперек Ильменя,
Приставайте молодцы ко Нову-городу!».
А и тычками к берегу притыкалися,
Сходни бросали на крутой бережок,
Походил тут Василей
Ко своему он двору дворянскому,
И за ним идут дружинушка хоробрая,
Только караулы оставили.
Приходит Василей Буслаевич
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударыне-матушке,
Матерой вдове Амелфе Тимофеевне.
Как вьюн, около ее убивается,
Просит благословение великое:
«А свет ты, моя сударыня-матушка,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна!
Дай мне благословение великое —
Идти мне, Василью, в Ерусалим-град
Со своею дружиною хоробраю,
Мне-ка господу помолитися,
Святой святыни приложитися,
Во Ердане-реке искупатися».
Что взговорит матера Амелфа Тимофеевна:
«Гой еси ты, мое чадо милая,
Молоды Василей Буслаевич!
То коли ты пойдешь на добрыя дела,
Тебе дам благословение великое,
То коли ты, дитя, на розбой пойдешь,
И не дам благословение великова,
А и не носи Василья сыра земля!».
Камень от огня разгорается,
А булат от жару растопляется,
Материна сер(д)це распущается,
И дает она много свинцу-пороху,
И дает Василью запасы хлебныя,
И дает оружье долгомерное:
«Побереги ты, Василей, буйну голову свою!».
Скоро молодцы собираются
И с матерой вдовой прощаются.
Походили оне на червлен карабль,

Подымали тонки парусы полотняныя,
Побежали по озеру Ильменю.
Бегут оне уж сутки другия,
А бегут уже неделю другую,
Встречу им гости-карабельщики:
«Здравствуй, Василей Буслаевич!
Куда, молодец, поизволил погулять?».
Отвечает Василей Буслаевич:
л. 33 об. «Гой еси вы, гости-карабельщики!
А мое-та ведь гулянье неохотное:
Смолода бита, много граблена,
Под старость надо душа спасти.
А скажите вы, молодцы, мне прямова путя́
Ко святому граду Иерусалиму».
Отвечают ему гости-карабельщики:
«А и гой еси, Василий Буслаевич!
Прямым путем в Ерусалим-град
Бежать семь недель,
А окольной дорогой — полтора года:
На славном море Каспицкием,
На том острову на Куминскием
Стоит застава крепкая,
Стоят атаманы казачия,
Не много не мало их — три тысячи;
Грабят бусы-галеры,
Разбивают червлены карабли».
Говорит тут Василей Буслаевич:
«А не верую я, Васюнька, ни в сон ни в чох,
А и верую в свой червленой вяз.
А беги-ка-тя, ребята, вы прямым путем!».
И завидел Василей гору высокую,
Приставал скоро ко круту берегу,
Походил-су Василей сын Буслаевич
На ту ли гору Сорочинскую,
А за ним летят дружина хоробрая.
Будет Василей в полу́горе,
Тут лежит пуста голова,
Пуста голова — человечья кость.
Пнул Василей тое голову с дороги прочь,
Провещится пуста голова человеческая:
«Гой еси ты, Василей Буславьевич!
Ты к чему меня, голову, побрасоваешь?
Я, молодец, не хуже тебя был,
Умею я, молодец, волятися
А на той горе Сорочинския.
Где лежит пуста голова,

Пуста голова молодецкая,
И лежать будет голове Васильевои!».
Плюнул Василей, прочь пошел:
«Али, голова, в тебе враг говорит
Или нечистой дух!».
Пошел на гору высокую,
На самой сопки тут камень стоит,
В вышину три сажени печатныя,
А и через ево толька топор подать,
В далину́ три аршина с четвертью.
л. 34 И в том-та подпись || подписана:
«А кто-де станет у каменя тешиться,
А и тешиться-забавлятися,
Вдоль скокать по каменю, —
Сломить будет буйну голову».
Василей тому не верует,
Приходил со дружиною хороброю,
Стали молодцы забавлятися,
Поперек тово каменю поскакивати,
А вдоль-та ево не смеют скакать.
Пошли со горы Сорочинския,
Сходят оне на червлен карабль,
Подымали тонки парусы поло́тняны,
Побежали по морю Каспицкому,
На ту на заставу карабельную,
Где-та стоят казаки-разбойники,
А стары атаманы казачия.
На пристани их стоят сто человек,
А и молоды Василей на пристань стань,
Сходни бросали на крут бережок,
И скочил-та Буслай на крут бережок,
Червленым вязом попирается,
Тут караульщики, удалы добры молодцы,
Все на карауле испужалися,
Много ево не дожидаются,
Побежали с пристани карабельныя
К тем атаманам казачиям.
Атаманы сидят не дивуются,
Сами говорят таково слово:
«Стоим мы на острову тридцать лет,
Не видали страху великова,
Это-де идет Василей Буславьевич:
Знать-де полетка соколиная,
Видеть-де поступка молодецкая!».
Пошахал-та Василей со дружиною,
Где стоят атаманы казачия.

Пришли оне, стали во единой круг,
Тут Василей им поклоняется,
Сам говорит таково слова:
«Вздравствуйте, атаманы казачия!
А скажите вы мне прямова путя́
Ко святому граду Иерусалиму».
Говорят атаманы казачия:
«Гой еси, Василей Буслаевич!
Милости тебе просим за единой стол хлеба кушати!».
Втапоры Василей не ослушался,
Садился с ними за единой стол.
л. 34 об. Наливали ему чару зелена вина в полтара || ведра,
Принимает Василей единой рукой
И выпил чару единым духом,
И только атаманы тому дивуются,
А сами не могут и по полуведру пить.
И хлеба с солью откушали,
Собирается Василей Буслаевич
На свой червлен карабль,
Дают ему атаманы казачия подарки свои:
Первую мису чиста серебра
И другую — красна золота,
Третью — скатнова земчуга.
За то Василей благодарит и кланеется,
Просит у них до Ерусалима провожатова.
Тут атаманы Василью не отказовали,
Дали ему молодца провожатова,
И сами с ним прощалися.
Собрался Василей на свой червлен корабль
Со своею дружиною хоробраю,
Подымали тонки парусы полотняныя,
Побежали по морю Каспицкому.
Будут оне во Ердан-реке,
Бросали якори крепкия,
Сходни бросали на крут бережок.
Походил тут Василей Буслаевич
Со своею дружиною хоробрoю в Ерусалим-град,
Пришел во церкву соборную,
Служил обедни за здравие матушки
И за себя, Василья Буславьевича,
И обедню с панафидою служил
По родимом своем батюшке
И по всему роду своему.
На другой день служил обедни с молебнами

Про удалых добрых молодцов,
Что смолоду бито, много граблено.
И ко святой святыни приложился он,
И в Ердане-реке искупался,
И расплатился Василей с попами и с дьяконами,
И которыя старцы при церкви живут, —
Дает золотой казны не считаючи,
И походит Василей ко дружине из Ерусалима
На свой червлен карабль.
Втапоры ево дружина хоробрая
Купалися во Ердане-реке,
Приходила к ним баба залесная,
Говорила таково слово:
«Почто вы купаетесь во Ердан-реке?
А некому купатися, опричь Василья Буславьевича,
Во Ердане-реке крестился
л. 35. Сам господь Иисус || Христос;
Потерять ево вам будет,
Большова атамана Василья Буславьевича».
И оне говорят таково слово:
«Наш Василей тому не верует,
Ни в сон ни в чох».
И мало время по(и)зойдучи,
Пришел Василей ко дружине своей,
Приказал выводить карабль из ус(т)ья Ердань-реки.
Поднели тонки парусы полотняны,
Побежали по морю Каспицкому,
Приставали у острова Куминскова,
Приходили тут атаманы казачия
И стоят все на пристани карабельныя.
А и выскочил Василей Буслаевич
Из своего червленаго ка́рабля,
Поклонились ему атаманы казачия:
«Здравствуй, Василей Буслаевич!
Здорово ли съездил в Еруса́лим-град?».
Много Василей не ба́ит с ними,
Подал письмо в руку им,
Что много трудов за их положил:
Служил обедни с молебнами за их, молодцов.
Втапоры атаманы казачия звали Василья обедати,
И он не пошел к ним,
Прощался со всеми теми атаманы казачими,
Подымали тонки парусы полотняныя,
Побежали по морю Каспицкому к Нову-городу.
А и едут неделю спо́ряду,
А и едут уже другую,

И завидел Василей гору высокую Сорочинскую,
Захотелось Василью на горе побывать.
Приставали к той Сорочинской горе,
Сходни бросали на ту гору,
Пошел Василей со дружиною,
И будет он в полгоры,
И на пути лежит пуста голова, человечья кость,
Пнул Василей тое голову с дороги прочь,
Провещится пуста голова:
«Гой еси ты, Василей Буслаевич!
К чему меня, голову, попиноваешь
И к чему побрасоваешь?
Я, молодец, не хуже тебя был,
Да умею валятися на той горе Сорочинские.
Где лежит пуста голова,
Лежать будет и Васильевой голове!».
Плюнул Василей, прочь пошел.
Взашел на гору высокую,
На ту гору Сорочинскую,
Где стоит высокой камень,
В вышину три сажени печатныя,
А через ево только топором подать,
В долину — три аршина с четвертью.
И в том-та подпись подписана:
«А кто-де у камня станет тешиться,
А и тешиться-забавлятися,
Вдоль скакать по каменю, —
л. 35 об. Сломить будет || буйну голову».
Василей тому не верует,
Стал со дружиною тешиться и забавлятися,
Поперек каменю поскаковати,
Захотелось Василью вдоль скакать,
Разбежался, скочил вдоль по каменю —
И не доскочил только четверти
И тут убился под каменем.
Где лежит пуста голова,
Там Василья схоронили.
Побежали дружина с той Сорочинской горы
На свой червлен карабль,
Подымали тонки парусы полотняныя,
Побежали ко Нову-городу.
И будут у Нова-города,
Бросали с носу якорь и с кормы другой,
Чтобы крепко стоял и не шатался он,
Пошли к матерой вдове, к Амелфе Тимофеевне,
Пришли и поклонилися все,

Письмо в руки подали.
Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала,
Говорила таковы слова:
«Гой вы еси, удалы добры молодцы!
У меня ныне вам делать нечево,
Подите в подвалы глубокия,
Берите золотой казны не считаючи».
Повела их девушка-чернавушка
К тем подвалам глубокиям,
Брали оне казны по малу числу,
Пришли оне к матерой вдове,
Взговорили таковы слова:
«Спасиба, матушка Амелфа Тимофеевна,
Что поила-кормила,
Обувала и одевала добрых молодцов!».
Втапоры матера вдова Амелфа Тимофеевна
Приказала наливать по чаре зелена вина,
Подносит девушка-чернавушка
Тем удалым добрым молодцам,
А и выпили оне, сами поклонилися,
И пошли добры молодцы, кому куды захотелося.

АЛЕША ПОПОВИЧ

л. 36 Из славнова Ростова, красна города,
Как два ясныя соколы вылетывали,
Выезжали два могучия богатыри:
Что по имени Алешинька Попович млад
А со молодом Екимом Ивановичем.
Оне ездят, богатыри, плеча о плечо,
Стремяно в стремяно богатырское.
Оне ездили-гуляли по чисту полю,
Ничего оне в чистом поли не наезживали,
Не видали птицы перелетныя,
Не видали оне зверя прыскучева,
Только в чистом поле наехали —
Лежит три дороги широкия,
Промежу тех дорог лежит горюч камень,
А на каменю подпись подписана.
Взговорит Алеша Попович млад:
«А и ты, братец Еким Иванович,
В грамоте поученой человек!
Посмотри на каменю подписи,
Что на каменю подписано».
И скочил Еким со добра коня,

Посмотрил на каменю подписи, —
Росписаны дороги широкия:
Первая дорога во Муром лежит,
Другая дорога — в Чернигов-град,
Третья — ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру.
Говорил тут Еким Иванович:
«А и братец, Алеша Попович млад,
Которой дорогой изволишь ехать?».
Говорил ему Алеша Попович млад:
«Лутче нам ехать ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру».
Втапоры поворотили добрых коней
И поехали оне ко городу ко Киеву.
Не доехавши оне до Сафат-реки,
Становились на лугах на зеленыех,
Надо Алеши покормить добрых коней,
Расставили тут два бела шатра,
Что изволил Алеша опочив держать,
А и мало время позамешкавши,
Молоды Еким со добры кони,
Стреножемши, в зелен луг пустил,
л. 36 об. Сам ложился в свой шатер || опочив держать.
Прошла та ночь осен(н)ея,
Ото сна Алеша пробужается,
Встает рано-ранешонько,
Утрен(н)ей зарею умывается,
Белаю ширинкаю утирается,
На восток он, Алеша, богу молится.
Молоды Еким сын Иванович
Скоро сходил по добрых коней,
А сводил он поить на Сафет на реку,
И приказал ему Алеша
Скоро седлать добрых коней.
Аседлавши он, Еким, добрых коней,
Нарежаются оне ехать ко городу ко Киеву.
Пришел тут к ним калика перехожей,
Ла́патки на нем семи шелков,
Подковырены чистым серебром,
Личико унизано красным золотом,
Шуба соболиная долгополая,
Шляпа сорочинская земли греческой в тридцать пуд,
Шелепуга подорожная в пятьдесят пуд,
Налита свинцу чебурацкова,
Говорил таково слово:
«Гой вы еси, удалы добры молодцы!

Видел я Тугарина Змеевича,
В вышину ли он, Тугарин, трех сажен,
Промеж плечей косая сажень,
Промежу глаз калена стрела,
Конь под ним как лютой зверь,
Из хайлиша пламень пышет,
Из ушей дым столбом стоит.
Привезался Алеша Попович млад:
«А и ты, братец, калика перехожея!
Дай мне платье каличее,
Возьми мое богатырское,
Ла́патки свои семи шелков,
Подковырены чистым се́ребром,
Личико унизано красным золотом,
Шубу свою соболиную долгополую,
Шляпу сорочинскую земли греческой в тридцать пуд,
Шелепугу подорожную в пятьдесят пуд,
Налита свинцу чебурацкова».
Дает свое платье калика Алеши Поповичу, не отказываючи,
А на себе надевал то платье богатырское.
Скоро Алеша каликою нарежается
И взял шелепугу дорожную,
Котора была в пятьдесят пуд,
И взял в запас чингалиша булатное,
Пошел за Сафат-реку.
Завидел тут Тугарин Змеевич млад,
Заревел зычным голосом,
Подрогнула дубровушка зеленая,
Алеша Попович едва жив идет,
Говорил тут Тугарин Змеевич млад:
«Гой еси, калика перехожея!
л. 37 А где ты слыхал и где видал
Про молода Алешу Поповича?
А и я бы Алешу копьем заколол,
Копьем заколол и огнем спалил».
Говорил тут Алеша каликою:
«А и ты ой еси, Тугарин Змеевич млад!
Поезжай поближе ко мне,
Не слышу я, что ты говоришь».
И подъезжал к нему Тугарин Змеевич млад.
Сверстался Алеша Попович млад
Против Тугарина Змеевича,
Хлес(т)нул ево шелепугою по буйной голове,
Росшиб ему буйну голову,

И упал Тугарин на сыру землю,
Скочил ему Алеша на черну грудь.
Втапоры взмолится Тугарин Змеевич млад:
«Гой еси ты, калика перехожея!
Не ты ли Алеша Попович млад?
Токо ты Алеша Попович млад,
Сем побратуемся с тобой».
Втапоры Алеша врагу не веровал,
Отрезал ему голову прочь,
Платья с него снимал цветное на сто тысячей,
И все платья на себе надевал,
Садился на ево добра коня
И поехал к своим белым шатрам.
Втапоры увидели Еким Иванович
И калика перехожея,
Испужалися ево, сели на добрых коней,
Побежали ко городу Ростову.
И постигает их Алеша Попович млад,
Обвернется Еким Иванович,
Он выдергивал палицу баёвую в тридцать пуд,
Бросил назад себе:
Показалося ему, что Тугарин Змеевич млад,
И угодил в груди белыя Алеши Поповича,
Сшиб из седелечка черкесскова,
И упал он на сыру землю.
Втапоры Еким Иванович
Скочил со добра коня, сел на груди ему,
Хочет пороть груди белыя,
И увидел на нем золот чуден крест,
Сам заплакал, говорил калики перехожему:
«По грехам надо мною, Екимом, учинилося,
Что убил своего братца родимова».
И стали ево оба трести и качать
И потом подали ему питья заморскова,
От того он здрав стал.
Стали оне говорити
И между собою платьем меняти:
Калика свое платье надевал каличье,
А Олеша — свое богатырское,
л. 37 об. А Тугарина Змеевича платье цветное
Клали в чебодан к себе.
Сели оне на добрых коней
И поехали все ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру.
А и будут оне в городе Киеве
На княженецком дворе,

Скочили со добрых коней,
Привезали к дубовым столбам,
Пошли во светлы гридни,
Молятся Спасову образу
И бьют челом-поклоняются
Князю Владимеру и княгине Апраксевне,
И на все четыре стороны.
Говорил им ласковой Владимер-князь:
«Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитеся, как вас по именю зовут,
А по именю вам мочно место дать,
По изо(т)честву можно пожаловати».
Говорит тут Алеша Попович млад:
«Меня, асударь, зовут Алешою Поповичем,
Из города Ростова старова попа соборнова».
Втапоры Владимер-князь обрадовался,
Говорил таковы слова:
«Гой еси, Алеша Попович млад!
По отечеству садися в большое место, в передней уголок,
В другое место богатырское —
В дубову скомью против меня,
В третье место, куда сам захошь».
Не садился Алеша в место большее
И не садился в дубову скамью,
Сел он со своими товарыщи на полатной брус.
Мало время позамешкавши,
Несут Тугарина Змеевича
На той доске красна золота
Двенадцать могучих богатырей.
Сажали в место большое,
И подле ево сидела княгиня Апраксевна.
Тут повары были догадливы:
Понесли ества сахарные и питья медяныя,
А питья все заморския.
Стали тут пить, есть, прохложатися,
А Тугарин Змеевич нечестно хлеба ест:
По целой ковриге за́ щеку ме́чит,
Те ковриги монастырския;
И нечестно Тугарин питья пьет:
По целой чаше охлестовает,
Котора чаша в полтретья ведра.
И говорил втапоры Алеша Попович млад:
«Гой еси ты, ласковой сударь Владимер-князь!
Что у тебя за болван пришел,
Что за дурак неотесоной?

Нечестно у князя за столом сидит,
Ко княгине он, собака, руки в пазуху кладет,
Целует во уста сахарныя,
Тебе, князю, насмехается!
л. 38 А у моево сударя-батюшка
Была собачишша старая,
Насилу по подстолью таскалася,
И костью та собака подавилася, —
Взял ее за хвост, под гору махнул;
От меня Тугарину то же будет!».
Тугарин почернел, как осення ночь,
Алеша Попович стал как светел месяц.
И опять втапоры повары были догадливы:
Носят ества сахарныя.
И принесли лебедушку белую,
И ту рушала княгиня лебедь белую,
Обрезала рученьку левую,
Завернула рукавцом, под стол опустила,
Говорила таково слово:
«Гой вы еси, княгини-боярыни,
Либо мне резать лебедь белова,
Либо смотреть на мил живот,
На молода Тугарина Змеевича».
Он взявши, Тугарин, лебедь белую,
Всю вдруг проглатил,
Еще тут же ковригу монастырскую.
Говорит Алеша на полатном брусу:
«Гой еси, ласковой асударь Владимер-князь!
Что у тебе за болван сидит?
Что за дурак неотесоной?
Нечестно за столом сидит,
Нечестно хлеба с солью ест:
По целой ковриге зá щеку мéчит
И целу лебедушку вдруг проглотил.
У моево сударя-батюшка,
Федора попа ростовскаго,
Была коровишша старая,
Насилу по двору таскалася,
Забилася на поварню к поварам,
Выпила чан браги пресныя,
От того она лопнула, —
Взял за хвост, под гору махнул.
От меня Тугарину то же будет!».
Тугарин потемнел, как осення ночь,
Выдернул чингалишша булатное,
Бросил в Алешу Поповича.

Алеша на то-то вёрток был,
Не мог Тугарин попасть в него,
Подхватил чингалишша Еким Иванович,
Говорил Алеши Поповичу:
«Сам ли ты бросаешь в ево, али мне велишь?».
— «Нет, я сам не бросаю и тебе не велю,
Заутра с ним переведаюсь:
Бьюсь я с ним о велик заклад —
Не о сте рублях, не о тысячи,
А бьюсь о своей буйной голове!».
Втапоры князи и бояра скочили на резвы ноги
И все за Тугарина поруки держат:
Князи кладут по сту рублев,
л. 38 об. Бояра — по пятидесят,
Крестьяна — по пяти рублев.
Тут же случилися гости купеческия,
Три карабля свои подписывают
Под Тугарина Змеевича,
Всяки тавары заморския,
Которы стоят на быстром Непре,
А зо Алешу подписавал
Владыка черниговской.
Втапоры Тугарин [в]звился и вон ушел.
Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажных крыльех поднебесью летать.
Скочила княгиня Апраксевна на резвы ноги,
Стала пенять Алеши Поповичу:
«Деревеншина ты, засельшина!
Не дал посидеть другу милому».
Втапоры тово Алеша не слушался,
[В]звился с товарыщи и вон пошел.
Садился на добры кони,
Поехали ко Сафат-реке,
Поставили белы шатры,
Стали опочив держать,
Коней опустили в зелены луга.
Тут Алеша всю ночь не спал,
Молился богу со слезами:
«Создай, боже, тучу грозную,
А и тучи-то с градом дождя!».
Алешины молитвы доходны ко Христу.
Дает господь бог тучу с градом дождя,
Замочила Тугарина крылья бумажныя,
Падает Тугарин, как собака, на сыру землю.
Приходил Еким Иванович,
Сказал Алеши Поповичу,

Что видел Тугарина на сырой земле.
И скоро Алеша нарежается,
Садился на добра коня,
Взял одну сабельку вострую
И поехал к Тугарину Змеевичу.
И увидел Тугарин Змеевич Алешу Поповича,
Заревел зычным голосом:
«Гой еси ты, Алеша Попович млад!
Хошь ли, я тебе огнем спалю?
Хошь ли, Алеша, конем стопчу
Али тебе, Алешу, копьем заколю?».
Говорил ему Алеша Попович млад:
«Гой ты еси, Тугарин Змеевич млад!
Бился ты со мною о велик заклад —
л. 39 Биться-драться || один на один,
А за тобою ноне силы сметы нет
На меня, Алешу Поповича».
Оглянется Тугарин назад себя,
Втапоры Алеша подскочил,
Ему голову срубил,
И пала глава на сыру землю, как пивной котел.
Алеша скочил со добра коня,
Отвезал чембур от добра коня,
И проколол уши у головы Тугарина Змеевича,
И привезал к добру коню,
И привез в Киев на княженецкой двор,
Бросил середи двора княженецкова.
И увидел Алешу Владимер-князь,
Повел во светлы гридни,
Сажал за убраны столы;
Тут для Алеши и стол пошел.
Сколько время покушавши,
Говорил Владимер-князь:
«Гой еси, Алеша Попович млад!
Час ты мне свет дал,
Пожалуй ты живи в Киеве,
Служи мне, князю Владимеру,
До́ люби тебе пожалую!».
Втапоры Алеша Попович млад
Князя не ослушался,
Стал служить верою и правдою;
А княгиня говорила Алеши Поповичу:
«Деревеншина ты, засельшина!
Разлучил меня с другом милым,
С молодым Змеем Тугаретиным».
Отвечает Алеша Попович млад:

«А ты гой еси, матушка княгиня Апраксевна!
Чуть не назвал я тебе сукою,
Сукою-ту — волочайкаю!».
То старина, то и деянье.

ДОБРЫНЯ ЧУДЬ ПОКОРИЛ

В стольном городе в Киеве,
Что у ласкова сударь-князя Владимера
Было пирование-почестной пир,
Было столование-почестной стол
На многие князи и бояра
И на русския могучия богатыри.
А и будет день в половина дня,
И будет стол во полустоле,
л. 39 об. Владимер-князь распотешился,
По светлой гридни похаживает,
Черны кудри расчесовает,
Таковы слова поговаривает:
«Есть ли в Киеве тако(й) человек
Из сильных-могучих богатырей,
А кто бы сослужил службу дальную,
А и дальну службу заочную,
Кто бы съездил в орды немирныя
И очистил дороги прямоезжия
До моево тестя любимова,
До грозна короля Этмануила Этмануиловича;
Вырубил чудь белоглазую,
Прекротил сорочину долгополую,
А и тех черкас петигорскиех
И тех калмыков с татарами,
Чукши все бы и алюторы?».
Втапоры большой за меньшева хоронится,
А от меньшева ему, князю, ответу нет.
Из тово было стола княженецкова,
Из той скамьи богатырские
Выступается удал доброй молодец,
Молоды Добрыня Никитич млад:
«Гой еси, сударь ты мой дядюшка,
Ласково со(л)нцо Владимер-князь!
Нет у тебе в Киеве охотников
Быть перед князем невольником.
Я сослужу службу дальную,
Службу дальную заочную,
Съезжу я в орды немирныя,

Очищу дороги прямоезжия
До твоего тестя любимова,
До грозна короля Этмануила Этмануиловича,
А и вырублю чудь белоглазую,
Прекрочу сорочину долгополую,
А и тех черкас петигорскиех
И тех колмыков с татарами,
Чукши все и алюторы!».
Втапоры Владимер-князь
Приказал наливать чару зелена вина в полтора ведра,
И турей рог меду сладкова в полтретья ведра,
Подавали Добрыни Никитичу,
Принимает он, Добрыня, единой рукой,
Выпивает молодец единым духом
И турей рог меду сладкова.
И пошел он, Добрыня Никитич млад,
С княженецкова двора
Ко своей сударыни-матушки
Просить благословение великое:
«Благослови мене, матушка,
Матера вдова Афимья Александровна,
Ехать в дальны орды немирныя,
Дай мне благословение на шесть лет,
л. 40 Еще в запас || на двенадцать лет!».
Говорила ему матушка:
«На ково покидаешь молоду жену,
Молоду Настасью Никулишну?
Зачем же ты, дитетка, и брал за себе?
Что не прошли твои дни свадбенные,
Не успел ты отпраз(д)новати радости своей,
Да перед князем расхвастался в поход итить?».
Говорил ей Добрынюшка Никитьевич:
«А ты гой еси, моя сударыня-матушка,
Честна вдова Афимья Александровна!
Что же мне делать и как же быть?
Из чево же нас, богатырей, князю и жаловати?»
И дает ему матушка свое благословение великое
На те годы уреченныя.
Прощается Добрыня Никитич млад
С молодой женой, с душой Настасьей Никулишной,
Сам молодой жене наказывает:
«Жди мене, Настасья, шесть лет,
А естли бо не дождешься в шесть лет,
То жди мене в двенадцать лет.
Коли пройдет двенадцать лет,

Хоть за князя поди, хоть за боярина,
Не ходи только за брата названова,
За молода Алешу Поповича!».
И поехал Добрыня Никитич млад
В славныя орды немирныя.
А и ездит Добрыня неделю в них,
В тех ордах немирныех,
А и ездит уже другую,
Рубит чудь белоглазую
И тое сорочину долгополую,
А и тех черкас петигорскиех,
А и тех калмык с татарами,
И чукши все и алюторы, —
Всяким языком спуску нет.
Очистил дорогу прямоезжую
До ево-та тестя любимова,
До грознова короля Этмануила Этмануиловича.
А втапоры Настасьи шесть лет прошло,
И немало время замешкавши,
Прошло ей, Никулишне, все сполна двенадцать лет,
А некто́ уже на Настасьи не сватается,
Посватался Владимер-князь стольной киевской
А за молода Алешуньку Поповича.
А скоро эта свадьба учинилася,
И скоро ту свадьбу ко венцу повезли.
Втапоры Добрыня едет в Киев-град,
Старые люди переговаривают:
«Знать-де полетка соколиная,
Видеть и пое(зд)ка молодецкая —
Что быть Добрыни Никитичу!».
л. 40 об. И проехал молодец на вдовей двор;
Приехал к ней середи двора,
Скочил Добрыня со добра коня,
Привезал к дубову столбу,
Ко тому кольцу булатному.
Матушка ево старехунька,
Некому Добрынюшку встретити.
Походил Добрыня во светлу гридню,
Он Спасову образу молится,
Матушке своей кланеется:
«А ты здравствуй, сударыня-матушка,
Матера вдова Афимья Александровна!
В доме ли женишка моя?».
Втапоры ево матушка заплакала,
Говорила таковы слова:
«Гой еси, мое чадо милая,

А твоя ли жена замуж пошла
За молода Алешу Поповича,
Ныне оне у венца стоят».
И походит он, Добрыня Никитич млад,
Ко великому князю появитися.
Втапоры Владимер-князь
С тою свадьбою приехал от церкви
На свой княженецкой двор,
Пошли во светлы гридни,
Садилися за убраныя столы.
Приходил же тут Добрыня Никитич млад,
Он молится Спасову образу,
Кланеется князю Владимеру и княгине Апраксевне,
На все четыре стороны:
«Здравствуй ты, асударь Владимер-князь
Со душою княгинею Апраксевною!
Сослужил я, Добрыня, тебе, князю, службу заочную,
Съездил в дальны орды немирныя
И сделал дорогу прямоезжую
До твоего тестя любимова,
До грознова короля Этмануила Этмануиловича;
Вырубил чудь белоглазую,
Прекротил сорочину долгополую
И тех черкас петигорскиех,
А и тех калмыков с татарами,
Чукши все и алюторы!».
Втапоры за то князь похвалил:
«Исполать тебе, доброй молодец,
Что служишь князю верою и правдою!».
Говорил тут Добрыня Никитич млад:
«Гой еси, сударь мой дядюшка,
Ласково со(л)нцо Владимер-князь!
л. 41 Не диво Алеши || Поповичу,
Диво князю Владимеру —
Хочет у жива мужа жену отнять!».
Втапоры Настасья засавалася,
Хочет прямо скочить, избесчестить столы.
Говорил Добрыня Никитич млад:
«А и ты душка Настасья Никулишна!
Прямо не скачи, не бесчести столы, —
Будет пора, кругом обойдешь!».
Взял за руку ее и вывел из-за убраных столов,
Поклонился князю Владимеру
Да и молоду Алеши Поповичу,
Говорил таково слово:

«Гой еси, мой названой брат
Алеша Попович млад!
Здравствуй женивши, да не с ким спать!».

МИХАЙЛА КАЗАРИНОВ

Как из далеча было, из Галичья,
Из Волынца города из Галечья,
Как есён сокол вон вылетывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал,
Выезжал удача доброй молодец,
Молоды Михайла Казаренин.
А и как конь под ним — как бы лютой зверь,
Он сам на коне — как есён сокол;
Крепки доспехи на могучих плечах:
Куяк и панцырь чиста серебра,
А кольчуга на нем красна золота.
А куяку и панцырю цена стоит на́ сто тысячей,
А кольчуга на нем красна золота,
Кольчуги цена сорок тысячей;
Шелом на буйной голове замычется,
Шело́му цена три тысячи;
Копье в руках марзамецкая, как свеча, горит;
Ко левой бедре припоясана сабля вострая,
В долину сабля сажень печатная,
В ширину сабля осьми вершков;
Еще с ним тугой лук разрывчетой,
А цена тому луку три тысячи,
л. 41 об. Потому цена лука три тысячи:
Полосы были булатныя,
А жилы слоны сохатныя,
И рога красна золота,
И титивочка шелковая,
Белова шолку шимаханскова;
И колчан с ним каленых стрел,
А во колчане было полтораста стрел,
Всякая стрела по пяти рублев.
А конь под ним — как лютой зверь,
Цены коню сметы нет,
Почему коню цены-сметы нет?
Потому ему цены-сметы нет —
За реку броду не спрашивает,
Он скачет, конь, с берегу на́ берег,
Котора река шириною пятнадцать верст.
А и едет ко городу Киеву,

Что ко ласкову князю Владимеру,
Чудотворцом в Киеве молитися,
И Владимеру-князю поклонитися,
Послужить верою и правдою,
Позаочью князю не изменою.
Как и будет он в городе Киеве,
Середи двора княженецкова,
Скочил Казаренин со добра коня,
Привезал коня к дубову столбу,
К дубову столбу, к кольцу булатному,
Походил во гридню во светлую,
Ко великому князю Владимеру,
Молился Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею
И на все четыре стороны.
Говорил ему ласковой Владимер-князь:
«Гой еси, удача доброй молодец!
Откуль приехал? Откуль тебе бог принес?
Еще как тебе, молодца, именем зовут?
А по имени тебе можно место дать,
По изо(т)честву можно пожаловати».
И сказал удалой доброй молодец:
«А зовут мене Михайлою Казаренин,
А Казаренин душа Петрович млад».
А втапоры стольной Владимер-князь
Не имел у себя стольников и чашников,
Наливал сам чару зелена вина,
Не велика мера — в полтора ведра,
И проведовает могучева богáтыря,
Чтобы выпил чару зелена вина
И турей рог меду сладкова в полтретья ведра.
Принимает Казаренин единой рукой,
А и выпил единым духом
И турей рог меду сладкова.
Говорил ему ласковой Владимер-князь:
«Гой еси ты, молоды Михайла Казаренин!
Сослужи ты мне службу заочную,
Съезди ко морю синему,
л. 42 Настреляй || гусей, белых лебедей,
Перелетных серых малых утачак
Ко моему столу княженецкому, —
Дó люби я молодца пожалую».
Молоды Михайла Казаренин
Великова князя не ослушался,
Помолился богу, сам и вон пошел,
И садился он на добра коня,

И поехал ко морю синему,
Что на теплы тихи заводи.
Как и будет у моря синева,
На ево щаски великия
Привалила птица к берегу.
Настрелял он гусей, лебедей,
Перелетных серых малых утачак
Ко ево столу княженецкому.
Обвезал он своего добра коня
По могучим плечам до сырой земли
И поехал от моря от синева
Ко стольному городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру.
Наехал в поле сыр крековистой дуб,
На дубу сидит тут черны ворон,
С ноги на ногу переступавает,
Он прави́льна перушка поправливает,
А и ноги, нос, что огонь, горят.
А и тут Казаренину за беду стало,
За великую досаду показалося,
Он, Казаренин, дивуется,
Говорил таково слово:
«Сколько по полю я езживал,
По ево государевой вотчине,
Такова чуда не наезживал,
И наехал ныне черна ворона».
Втапоры Казаренин
Вынимал из налушна свой тугой лук,
Из колчана калену стрелу,
Хочет застрелить черна ворона,
А и тугой лук свой потягивает,
Калену стрелу поправливает,
И потянул свой тугой лук за ухо,
Калену стрелу семи четвертей.
И завыли рага у туга́ лука́,
Заскрыпели полосы булатныя,
Чуть боло спустит калену стрелу, —
Провещится ему черны ворон:
«Гой еси ты, удача доброй молодец!
Не стреляй мене ты, черна ворона,
Моей крови тебе не пить будет,
Моево мяса не есть будет,
Надо мною сер(д)це не изнести.
Скажу я тебе добычу богатырскую:
Поезжай на гору высокою,
Посмотри в раздолья широкая

И увидешь в поле три бела шатра,
И стоит беседа дорог рыбей зуб,
На беседе сидят три татарина,
л. 42 об. Как бы || три сабаки-наез(д)ники,
Перед ними ходит красна девица,
Русская девица-полоняночка,
Молода Марфа Петровична».
И за то слово Казарин спохватается,
Не стрелял на дубу черна ворона,
Поехал на гору высокую,
Смотрил раздолья широкия
И увидел в поле три бела шатра,
Стоит беседа дорог рыбей зуб,
На беседе сидят три татарина,
Три сабаки-наез(д)ники,
Перед ними ходит красна девица,
Русская девица-полоняночка,
Молода Марфа Петровична,
Во слезах не может слово молвити,
Добре жалобна причитаючи:
«О злочастная моя буйна голова,
Горе-горькая моя русая коса!
А вечéр тебе матушка расчесовала,
Расчесала, матушка, заплетала,
Я сама, девица, знаю-ведаю:
Росплетать будет моя руса коса
Трем татарам-наездником».
Оне те-та речи, татара, договаривают,
А первой татарин проговорит:
«Не плачь, девица, душа красная!
Не скорби, девица, лица белова!
Азделу-татарину достанешься,
Не продам тебе, девицу, дешево,
Отдам за сына любимова,
За мирнова сына в Золотой орде».
Со тыя горы со высокия,
Как есён сокол напущается
На синем море на гуси и лебеди,
Во чистом поле напущается
Молоды Михайла Казаренин,
А Казаренин душа Петрович млад.
Приправил он своего добра коня,
Принастегивал багатырскова,
И в руке копье морзамецкое —
Первова татарина копьем сколол,
Другова сабаку конем стоптал,

Третьева — о сыру землю.
Скочил Казаренин с добра коня,
Сохватал девицу за белы ручки,
Русску девицу-полоняночку,
Повел девицу во бел шатер.
Как чуть с девицою ему грех творить,
А грех творить, с ней блуд блудить,
л. 43 Росплачется || красная девица:
«А не честь твоя молодецкая богатырская,
Не спросил не дядины, не вотчины:
Княженецкая л(ь) дочь и боярская.
Была я дочи гостиная,
Из Волынца города из Галичья,
Молода Марфа Петровична».
И за то слово Казаренин спохватается:
«Гой еси, душа красная девица,
Молода Марфа Петровична!
А ты по роду мне родна сестра,
И ты как татарам досталася,
Ты как трем сабакам-наез(д)никам?».
Говорит ему радная сестра:
«Я вечéр гуляла в зеленóм садý
Со своей сударынею-матушкою,
Как из далеча из чистá поля,
Как черны вороны налетывали,
Набегали тут три татарина-наез(д)ники,
Полонили мене, красну девицу,
Повезли мене во чисто поле,
А я так татарам досталася,
Трем сабакам-наез(д)никам».
Молоды Михайла Казаренин
Собирает в шатрах злата-серебра,
Он кладет во те сумы переметныя,
Переметныя сыромятныя,
И берет беседу дорог рыбей зуб,
Посадил девицу на добра коня
На русскова богатырскова,
Сам садился на тотарскова,
Как бы двух коней в поводу повел
И поехал к городу Киеву.
Въезжает в стольной Киев-град,
А и стольники, приворотники
Доложили князю Владимеру,
Что приехал Михайла Казаренин.
Поколь Михайла снял со добра коня
Свою сестрицу родимую

И привезал четырех коней к дубову столбу,
Идут послы от князя Владимера,
Велят итить Михайле во светлу гридню.
Приходил Казаренин во светлу гридню
Со своею сестрицею родимаю,
Молится Спасову образу,
Кланеется князю Владимеру
И княгине Апраксевне:
л. 43 об. «Здравствуй || ты, ласковой сударь Владимер-князь
Со душею княгинею Апраксевною!
Куда ты мене послал, то сослужил —
Настрелял гусей, белых лебедей
И перелетных серых малых утачак,
А и сам в добычи богатырския
Убил в поле трех татаринов,
Трех сабак-наез(д)ников
И сестру родную у них выручил,
Молоду Марфу Петровичну».
Владимер-князь стольной киевской
Стал о том светел-радошен,
Наливал чару зелена вина в полтора ведра
И турей рог меду сладкова в полтретья ведра,
Подносил Михайлу Казарину.
Принимает он, Михайла, единой рукой
И выпил единым духом.
Втапоры пошли они на широкой двор,
Пошел князь и со княгинею,
Смотрел ево добрых коней,
Добрых коней татарскиех,
Велел тут князь со добра коня птиц обрать
И велел снимать сумы сыромятныя,
Относить во светлы гридни,
Берет беседу дорог рыбей зуб,
А и коней поставить велел по стойлам своим,
Говорил тут ласковой Владимер-князь:
«Гой еси ты, удача доброй молодец,
Молоды Михайла Казаренин,
А Казаренин душа Петрович млад!
У мене есть три ста жеребцов
И три любимы жеребца,
А нет такова единова жеребца.
Исполать тебе, добру молодцу,
Что служишь князю верою и правдою!»

ПОТУК МИХАЙЛА ИВАНОВИЧ

л. 44 Во стольном городе во Киеве,
У ласкова князя Владимера
Было пирование-почестной пир
На три братца названыя,
Светорусские могучие богатыри:
А на первова братца названова —
Светорусскова могучева богатыря,
На Потока Михайла Ивановича,
На другова братца названова,
На молода Добрыню Никитича,
На третьева братца названова,
Что на молода Алешу Поповича.
Что взговорит тут Владимер-князь:
«Ай ты гой еси, Поток Михайла Иванович!
Сослужи мне службу заочную:
Съезди ты ко морю синему,
На теплыя тихи заводи,
Настреляй мне гусей, белых лебедей,
Перелетных малых утачак
К моему столу княженецкому,
До́ люби я молодца пожалую».
Поток Михайла Иванович
Не пьет он, молодец, ни пива и вина,
Богу помолясь, сам и вон пошел.
А скоро-де садился на добра́ коня,
И только ево увидели,
Как молодец за ворота выехал:
л. 44 об. В чистом поле || лишь дым столбом.
Он будет у моря синева,
По ево по щаски великия,
Привалила птица к круту берегу,
Настрелял он гусей, белых лебедей
И перелетных малых утачак.
Хочет ехать от моря синева,
Посмотрить на тихия заводи,
И увидел белую лебедушку:
Она через перо была вся золота,
А головушка у ней увивана красным золотом
И скатным земчугом усажена.
Вынимает он, Поток,
Из налушна свой тугой лук,
Из колчана вынимал калену стрелу,
И берет он тугой лук в руку левую,

Калену стрелу — в правую,
Накладыват на титивочку шелковую,
Потянул он тугой лук зá ухо,
Калену стрелу семи четвертей,
Заскрыпели полосы булатныя,
И завыли рога у туга лука.
А и чуть боло спустить калену стрелу,
Провещится ему лебедь белая,
Авдотьюшка Леховидьевна:
«А и ты, Поток Михайла Иванович!
Не стреляй ты мене, лебедь белую,
Нé в кое время пригожуся тебе!».
Выходила она на крутой бережок,
Обвернулася душой красной девицой.
А и Поток Михайла Иванович
Воткнет копье во сыру землю,
Привезал он коня за востро копье,
Сохватал девицу за белы ручки
И целует ее во уста сахарныя.
Авдотьюшка Леховидьевна
Втапоры больно ево уговаривала:
«А ты, Поток Михайла Иванович,
Хотя ты на мне и женишься,
И кто из нас прежде умрет,
Второму за ним живому во гроб идти».
Втапоры Поток Михайла Иванович
Садился на своего добра коня,
Говорил таково слово:
«Ай ты гой еси, Авдотья Леховидьевна!
Будем в городе Киеве,
В соборе ударят к вечерне в колокол,
И ты втапоры будь готовая,
Приходи к церкви соборныя —
л. 45 Тут примим с тобою || обрученье свое».
И скоро он поехал к городу Киеву
От моря синева.
Авдотьюшка Леховидьевна полетела она
Белой лебедушкай в Киев-град
Ко своей сударыне-матушке,
К матушке и к батюшке.
Поток Михайла Иванович
Нигде не мешкал, не стоял;
Авдотьюшка Леховидьевна
Перво ево в свой дом ускорить могла,
И сидит она под окошечком косящетым, сама усмехается,

А Поток Михайла Иванович едет, сам дивуется:
«А негдé я не мешкал, не стоял,
А она перво меня в доме появилася».
И приехал он на княженецкой двор,
Приворотники доложили стольникам,
А стольники князю Владимеру,
Что приехал Поток Михайла Иванович,
И велел ему князь ко крылечку ехать.
Скоро Поток скочил со добра коня,
Поставил ко крылечку красному,
Походит во гредню светлую,
Он молится Спасову образу,
Поклонился князю со княгинею
И на все четыре стороны:
«Здравствуй ты, ласковой сударь Владимер-князь!
Куда ты мене послал, то сослужил:
Настрелял я гусей, белых лебедей,
Перелетных малых утачак.
И сам сговорил себе красну девицу,
Авдотьюшку Леховидьевну,
К вечерне быть в соборе
И с ней обрученье принять.
Гой еси, ласковой сударь Владимер-князь!
Хотел боло сделать пир простой
На три брата названыя,
А ныне для меня одново
Доспей свадбенной пир веселой,
Для Потока Михайла Ивановича!».
А и тут в соборе к вечерне в колокол ударили,
Поток Михайла Иванович к вечерне пошел,
С другу сторону — Авдотьюшка Леховидьевна,
л. 45 об. Скоро втапоры нарежалася || и убиралася,
Убравши, к вечерне пошла.
Ту вечерню отслушали,
А и Поток Михайла Иванович
Соборным попам покланяется,
Чтоб с Авдотьюшкой обрученье принять.
Эти попы соборныя,
Тому они делу радошны,
Скоро обрученье сделали,
Тут обвенчали их
И привели к присяге такой:
Кто перво умрет,
Второму за ним живому в гроб идти.
И походит он, Пóтак Михайла Иванович,
Из церкви вон со своею молодою женою,

С Авдотьюшкой Леховидьевной,
На тот широкой двор ко князю Владимеру.
Приходит во светлы гридни,
И тут им князь стал весел-радошен,
Сажал их за убраны столы.
Втапоры для Потока Михайла Ивановича
Стол пошел, —
Повары были догадливы:
Носили ества сахарныя
И питья медяные,
А и тут пили-ели-прохлажалися,
Пред князем похвалялися.
И не мало время замешкавши,
День к вечеру вечеряется,
Красное со(л)нцо закатается,
Поток Михайла Иванович
Спать во подкле(т) убирается,
Свели ево во гридню спальную.
Все тут князи и бояра разъехалися,
Разъехались и пешком разбрелись.
А у Потока Михайла Ивановича
Со молодой женой Авдотьей Леховидьевной
Немного житья было — полтора года:
Захворала Авдотьюшка Леховидьевна,
С вечера она расхворается,
Ко полуночи разболелася,
Ко утру и преставилася.
Мудрости искала над мужем своим,
Над молодом Потоком Михайлою Ивановичем.
Рано зазвонили к заутрени,
Он пошел, Поток, соборным попам весть подавать,
Что умерла ево молода жена.
Приказали ему попы соборныя
Тотчас на санях привезти
Ко тоя церкви соборныя,
Поставить тело на паперти.
л. 46 А и тут стали || магилу капáть,
Выкопали магилу глубокую и великую,
Глубиною-шириною по двадцати сажен,
Сбиралися тут попы со дьяконами
И со всем церковным причетом,
Погребали тело Авдотьино,
И тут Поток Михайла Иванович
С конем и сбруею ратною
Опустился в тое ж магилу глубокаю.
И заворочали потолоком дубовыем,

И засыпали песками желтыми,
А над могилаю поставили деревянной крест,
Только место [о]ставили веревке одной,
Которая была привязана к колоколу соборному.
И стоял он, Поток Михайла Иванович,
В могиле с добрым конем
С полудни до полуночи,
И для страху, дабыв огня,
Зажигал свечи воску ярова.
И как пришла пора полуночная,
Собиралися к нему все гады змеиныя,
А потом пришел большой змей,
Он жжет и палит пламем огне(н)ным,
А Поток Михайла Иванович
На то-то не ро́бак был,
Вынимал саблю вострую,
Убивает змея лютова,
Иссекает ему голову,
И тою головою змеиною
Учал тело Авдотьино мазати.
Втапоры она, еретница, из мертвых пробужалася.
И он за тое веревку ударил в колокол,
И услышал трапезник,
Бежит тут к магиле Авдотьеной,
Ажно тут веревка из могилы к колоколу торгается.
И собираются тут православной народ,
Все тому дивуются,
А Поток Михайла Иванович
В могиле ревет зычным голосом.
И разрывали тое могилу наско́ро,
Опускали лес(т)ницы долгия,
Вынимали Потока и с добрым конем,
И со ево молодой женой,
И объявили князю Валадимеру
И тем попам соборныем,
Поновили их святой водой,
Приказали им жить по-старому.
И как Поток живучи состарелся,
Состарелся и переставелся,
Тогда попы церковныя
По прежнему их обещанию
Ево Потока, похоронили,
А ево молоду жену Авдотью Леховидьевну
С ним же живую зарыли во сыру землю.
И тут им стала быть память вечная.
То старина, то и деянье.

СОРОК КАЛИК СО КАЛИКОЮ

л. 46 об. А из пустыни было Ефимьевы,
Из монастыря из Боголюбова,
Начинали калики нарежатися
Ко святому граду Иерусалиму,
Сорок калик их со каликою.
Становилися во единой круг,
Оне думали думушку единую,
А едину думушку крепкую;
Выбирали бóльшева атамана
Молоды Касьяна сына Михайлыча.
А и молоды Касьян сын Михайлович
Кладет он заповедь великую
На всех тех дородных молодцов:
«А итить нам, братцы, дорога не ближнея —
Идти будет ко городу Иерусалиму,
Святой святыни помолитися,
Господню гробу приложитися,
Во Ердань-реке искупатися,
Нетленною ризой утеретися,
Идти селами и деревнями,
Городами теми с пригородками.
А в том-та ведь заповедь положена:
Кто украдет или кто солжет,
Али кто пустится на женской блуд,
Не скажет большему атаману,
Атаман прó то дело проведает, —
Едина оставить во чистом поле
И окопать по плеча во сыру землю».
И в том-та ведь заповедь подписана,
Белыя рученьки исприложены:
Атаман Косьян сын Михайлович,
Податаманья — брат ево родной
Молоды Михайла Михайлович.
Пошли калики в Ерусалим-град.
А идут неделю уже споряду,
Идут уже время немалое,
л. 47 Подходят уже они под Киев-град,
Сверх тое реки Чéреги,
На ево потешных на островах
У великова князя Владимера
А и вышли оне из раменья,
Встречу им-та Владимер-князь:
Ездит он за охотою,
Стреляет гусей, белых лебедей,

Перелетных малых утачак,
Лисиц, зайцов всех поганивает.
Пригодилося ему ехати поблизости,
Завидели ево калики тут перехожия,
Становилися во единой круг,
Клюки-п(о)сохи в землю потыкали,
А и сумочки исповесили,
Скричат калики зычным голосом, —
Дрогнет матушка сыра земля,
С дерев вершины попадали,
Под князем конь окарачелся,
А богатыри с коней попадали,
А Спиря стал постыривать,
Сёма стал пересёмовать.
Едва пробудится Владимер-князь,
Рассмотрил удалых добрых молодцов,
Оне-та ему поклонилися,
Великому князю Владимеру,
Прошают у него свету́ю милостиню,
А и чем бы молодцам душа спасти.
Отвечает им ласковой Владимер-князь:
«Гой вы еси, калики перехожия!
Хлебы с нами завозныя,
А и денег со мною не годилося,
А и езжу я, князь, за охотою,
За зайцами и за лисицами,
За соболи и за куницами,
И стреляю гусей, белых лебедей,
Перелетных малых утачак,
Изволите вы идти во Киев-град
Ко душе княгине Апраксевне;
Честна роду дочь королевична
Напоит-накормит вас, добрых молодцов,
Наделит вам в дорогу злата-серебра».
Недолго калики думу думали,
л. 47 об., Пошли ко городу ко Киеву.
А и будут в городе Киеве,
Середи двора княженецкова,
Клюки-посохи в землю потыкали,
А и сумочки исподвесили,
Подсумочья рыта бархата,
Скричат калики зычным голосом, —
С теремов верхи поволялися,
А с горниц охлупья попадали,
В погребах питья сколыбалися.
Становилися во единой круг,

Прошают святую милостыню
У молоды княгини Апраксевны.
Молода княгина испужалася,
А и больно она передрогнула,
Посылает стольников и чашников
Звать калик во светлу гридню.
Пришли тут стольники и чашники,
Бьют челом-поклоняются
Молоду Касьяну Михайлову
Со своими его товарыщами
Хлеба есть во светлу гридню
К молодой княгине Апраксевне.
А и тут Косьян не ослушался,
Походил во гридню во светлую,
Спасову образу молятся,
Молодой княгине поклоняются.
Молода княгиня Апраксевна
Поджав ручки, будто турчаночки,
Со своими нянюшки и мамушки,
С красными сенными деушки.
Молоды Касьян сын Михайлович
Садился в место большее,
От лица ево молодецкова,
Как бы от солнучка от краснова,
Лучи стоят великия.
Убиралис(ь) тут все добры молодцы,
А и те калики перехожия
За те столы убраныя.
А и стольники-чашники
Поворачевают-пошевеливают
Своих оне приспешников,
Понесли-та ества сахарныя,
Понесли питья медвяныя.
л. 48 А и те калики перехожия
Сидят за столами убраными,
Убирают ества сахарныя,
А и те видь пьют питья медяныя,
И сидят оне время час-другой,
Во третьем часу подымалися,
Подымавши, оне богу молятся,
За хлеб за соль бьют челом
Молодой княгине Апраксевне
И всем стольникам и чашникам.
И тово оне еще ожидаючи
У молодой княгини Апраксевны,
Наделила б на дорогу златом-серебром,

Сходить бы во град Иерусалим.
А у молодой княгини Апраксевны
Не то в уме, не то в разуме:
Пошлет Алешуньку Поповича
Атамана их уговаривати
И всех калик перехожиех,
Чтоб не идти бы им сево дня и сего числа.
И стал Алеша уговаривати
Молода Касьяна Михайловича,
Зовет к княгине Апраксевне
На долгия вечеры посидети,
Забавныя речи побаити,
А сидеть бы наедине во спальне с ней.
Молоды Касьян сын Михайлович,
Замутилось ево сер(д)це молодецкое,
Отказал он Алеши Поповичу,
Не идет на долгия вечеры
К молодой княгине Апраксевне
Забавныя речи баити.
На то княгиня осердилася,
Посылает Алешуньку Поповича
Прорезать бы ево суму рыта бархата,
Запехать бы чарочку серебрену,
л. 48 об., Которой чарочкой князь на приезде || пьет.
Алеша-та догадлив был:
Распорол суму рыта бархата,
Запехал чарочку серебрену
И зашивал ее гладехонько,
Что познать было не можно то.
С тем калики и в путь пошли,
Калики с широка двора,
С молодой княгиней не прошаются,
А идут калики не оглянутся.
И верст десяток отошли оне
От стольнова города Киева,
Молода княгиня Апраксевна
Посылает Алешу во погон за ним.
Молоды Алеша Попович млад
Настиг калик во чистом поле,
У Алеши ве[ж]ство нерожденое,
Он стал с каликами [в]здорити,
Обличает ворами-разбойниками:
«Вы-та, калики, бродите по миру по крещеному,
Ково окрадите, своем зовете,
Покрали княгиню Апраксевну,
Унесли вы чарочку серебрену,

Которой чарочкой князь на приезде пьет!».
А в том калики не даются ему,
Молоду Алеши Поповичу,
Не давались ему на обыск себе.
Поворчал Алешинька Попович млад,
Поехал ко городу Киеву,
И так приехал во стольной Киев-град.
Во то же время и во тот же час
Приехал князь из чиста поля,
И с ним Добрынюшка Никитич млад.
Молода княгиня Апраксевна
Позовет Добрынюшку Никитича,
Посылает за каликами,
л. 49 За Косьяном || Михайловичем.
Втапоры Добрынюшка не ослушался,
Скоро поехал во чисто поле,
У Добрыни ве[ж]ство рожденое и ученое
Настиг он калик во чистом поле,
Скочил с коня, сам бьет челом:
«Гой еси, Касьян Михайлович,
Не наведи на гнев князя Владимера,
Прикажи обыскать калики перехожия,
Нет ли промежу вас глупова!».
Молоды Касьян сын Михайлович
Становил калик во единой круг
И велел он друг друга обыскавать
От малова до старова,
От старова и до больша́ лица́,
До себя, млада Касьяна Михайловича.
Негде́ та чарочка не явилася —
У млада Касьяна пригодилася.
Брат ево, молоды Михайла Михайлович,
Принимался за заповедь великую,
Закопали атамана по плеча во сыру землю,
Едина оставили во чистом поле
Молода Касьяна Михайловича,
Отдавали чарочку серебрену
Молоду Добрынюшки Никитичу,
И с ним написан виноватой тут
Молоды Касьян Михайлович.
Добрыня поехал он во Киев-град,
А и те калики — в Ерусалим-град.
Молоды Касьян сын Михайлович
С ними, калики, прощается.
И будет Добрынюшка в Киеве
У млады княгини Апраксевны,

Привез он чарочку серебрену,
Виноватова назначено —
Молода Касьяна сына Михайлова.
А с таво время-часу захворала она скорбью недоброю:
Слегла княгиня в великое во агноище.
Ходили калики в Ерусалим-град,
Вперед шли три месяца.
л. 49 об. А и будут в граде || Ерусалиме,
Святой святыни помолилися,
Господню гробу приложилися,
Во Ёрдане-реке искупалися,
Нетленною ризою утиралися,
А всё-та молодцы отправили;
Служили обедни с молебнами
За свое здравие молодецкое,
По поклону положили за Касьяна Михайловича.
А и тут калики не замешкались,
Пошли ко городу Киеву
И ко ласкову князю Владимеру
И идут назад уже месяца два,
На то место не угодили они,
Обошли маленькай сторонкаю
Ево, молода Касьяна Михайловича;
Голосок наносит помалехоньку,
А и тут калики остоялися,
А и место стали опознавать,
Подалися малехонько
И увидели молода Касьяна сын Михайлович:
Он ручкой ма́шит, голосом кричит.
Подошли удалы добры молодцы,
Вначале атаман, родной брат ево
Михайла Михайлович,
Пришли все оне, поклонилися,
Стали здравствовать.
Подает он, Касьян, ручку правую,
А оне-та к ручке приложилися,
С ним поцеловалися
И все к нему переходили.
Молоды Касьян сын Михайлович
Выскакивал из сырой земли,
Как есён сокол из тепла гнезда.
А все оне, молодцы, дивуются,
На ево лицо молодецкое
Не могут зрить добры молодцы,
А и кудри на нем молодецкия до самаго пояса.
И стоял Касьян не мало число, —

Стоял в земле шесть месяцов,
А шесть месяцов будет полгода.
л. 50 Втапоры пошли || калики ко городу Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру.
Дошли оне до чудна креста Леванидова,
Становилися во единой круг,
Клюки-посохи в землю потыкали,
И стоят калики потихохуньку.
Молоды Михайла Михайлович
Атаманом еще правил у них,
Посылает легкова молодчика
Доложиться князю Владимеру:
«Прикажит ли идти нам поабедати?».
Владимер-князь пригодился в доме,
Послал он своих клюшников-ларешников
Побить челом и поклонитися им-та, каликам,
Каликам пообедати,
И молоду Касьяну на особицу.
И тут клюшники-ларешники
Пришли оне к каликам, поклонилися,
Бьют челом к князю пообедати.
Пришли калики на широкой двор,
Середи двора княженецкова
Поздравствовал ему Владимер-князь,
Молоду Касьяну Михайловичу,
Взял ево за белы руки,
Повел во светлу гридню.
А втапоры молоды Касьян Михайлович
Спросил князя Владимера
Про молоду княгиню Апраксевну:
«Гой еси, сударь Владимер-князь!
Здравствует ли твоя княгиня Апраксевна?».
Владимер-князь едва речи выговорил:
«Мы-де уже неделю-другу не ходим к ней».
Молоды Касьян тому не брезгует,
Пошел со князем во спальну к ней,
А и князь идет свой нос зажал,
Молоду Касьяну то нечтó ему,
Никакова духу он не верует.
Отворяли двери у светлы гридни,
Раскрывали окошечки косящетые,
Втапоры княгиня прощалася,
Что нанесла речь напрасную.
л. 50 об. Молоды Касьян || сын Михайлович
А и дунул духом святым своим
На младу княгиню Апраксевну, —

Не стало у ней тово духу-пропасти,
Оградил ея святой рукой,
Прощает ее плоть женскую,
Захотелось ей, и пострада она:
Лежала в страму полгода.
Молоды Касьян сын Михайлович
Пошел ко князю Владимеру во светлу гридню,
Помолился Спасу образу
Со своими каликами перехожими,
И сажалися за убраны столы,
Стали пить-есть, потешатися.
Как будет день в половина дня,
А и те калики напивалися,
Напивалися и наедалися,
Владимер-князь убивается,
А калики-та в путь нарежаются.
Просит их тут Владимер-князь
Пожить-побыть тот денек у себе.
Молода княгиня Апраксевна
Вышла из кожуха, как из прóпости,
Скоро она убиралася,
Убиралася и нарежалася,
Тут же к ним к столу пришла
С няньками, с мамками
И с сенными красными девицами
Молоду Касьяну поклоняется
Без стыда-без сорому,
А грех свой на уме держит.
Молоды Касьян сын Михайлович
Тою рученькой правою размахивает
По тем ествам сахарныем,
Крестом огражает и благословляет,
Пьют-едят, потешаются.
Втапоры молоды Касьян сын Михайлович
Вынимал из сумы книжку свою,
Посмотрил и число показал,
Что много мы, братцы, пьем-едим, прохложаемся,
Уже третей день в доходе идет,
И пора нам, молодцы, в путь идти.
Вставали калики на резвы ноги,
Спасову образу молятся
И бьют челом князю Владимеру
С молодой княгиней Апраксевной
За хлеб за соль ево,
И прощаются калики с князем Владимером
И с молодою княгинею Апраксевною.

Собрались оне и в путь пошли
До своего монастыря Боголюбова
И до пустыни Ефимьевы.
То старина, то и деянье.

КАЛИН-ЦАРЬ

л. 51 Да из орды, Золотой земли,
Из тое Могозеи богатыя
Когда подымался злой Калин-царь,
Злой Калин-царь Калинович
Ко стольному городу ко Киеву
Со своею силою с поганою,
Не дошед он до Киева за семь верст,
Становился Калин у быстра Непра;
Сбиралося с ним силы на сто верст
Во все те четыре стороны.
Зачем мать сыра земля не погнется?
Зачем не расступится?
А от пару было от конинова
А и месец, со(л)нцо померкнула,
Не видить луча света белова;
А от духу татарскова
Не можно крещеным нам живым быть.
Садился Калин на ременчет стул,
Писал ерлыки скоропищеты
Ко стольному городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимеру,
Что выбрал татарина выше всех,
А мерою тот татарин трех сажен,
Голова на татарине с пивной котел,
Которой котел сорока ведер,
Промеж плечами касая сажень.
От мудрости слово написано,
Что возьмет Калин-царь
Стольной Киев-град,
А Владимера-князя в полон полонит,
Божьи церквы на дым пустит.
Дает тому татарину ерлыки скоропищеты
И послал ево в Киев наскоро.
Садился татарин на добра коня,
Поехал ко городу ко Киеву,
л. 51 об. Ко ласкову || князю Владимеру.
А и будет он, татарин, в Киеве,
Середи двора княженецкова

Скокал татарин с добра коня,
Не вяжет коня, не приказавает,
Бежит он во гридню во светлую,
А Спасову образу не молится,
Владимеру-князю не кланется
И в Киеве людей ничем зовет.
Бросал ерлыки на круглой стол
Перед великова князя Владимера,
Атшод, татарин слово выговорил:
«Владимер-князь стольной киевской!
А наскоре сдай ты нам Киев-град
Без бою, без драки великия
И без того кроволития напраснаго!».
Владимер-князь запечалился,
А наскоре ерлыки распечатовал и просматривал
Гледючи в ерлыки, заплакал свет:
По грехам над князем учинилося —
Богатырей в Киеве не случилося,
А Калин-царь под стеною стоит,
А с Калином силы написано
Не много не мало — нá сто верст
Во все четыре стороны,
Еще со Калином сорок царей со царевичем,
Сорок королей с королевичем,
Под всяким царем силы по три тьмы-по три тысячи;
По правую руку ево зять сидит,
А зятя зовут у нево Сартаком,
А по леву руку сын сидит,
Сына зовут Лоншеком.
И то у них дело не окончено,
Татарин из Киева не выехал,
Втапоры Василей-пьяница
[В]збежал на башню на стрельную,
Берет он свой тугой лук разрывчетой,
Калену стрелу переную,
Наводил он трубками немецкими,
А где-та сидит злодей Калин-царь,
И тот-та Василей-пьяница
Стрелял он тут во Калина-царя,
Не попал во собаку Калина-царя,
Что попал он в зятя ево Сартака,
Угодила стрела ему в правой глаз,
л. 52 Ушиб ево дó смерти.
И тут Калину-царю за беду стало,
Что перву беду не утушили,
А другую беду оне загрезили:

Убили зятя любимова
С тоя башни стрельныя.
Посылал другова татарина
Ко тому князю Владимеру,
Чтобы выдал тово виноватова.
А мало время замешкавши,
С тое стороны полуденныя,
Что ясной сокол в перелет летит,
Как белой кречет перепорхавает,
Бежит паленица удалая,
Старой казак Илья Муромец.
Приехал он во стольной Киев-град,
Середи двора княженецкова
Скочил Илья со добра коня,
Не вяжет коня, не приказывает,
Идет во гридню во светлую,
Он молится Спасу со Пречистою,
Бьет челом князю со княгинею
И на все четыре стороны,
А сам Илья усмехается:
«Гой еси, сударь Владимер-князь,
Что у тебе за болван пришел?
Что за дурак неотесоной?».
Владимер-князь стольной киевской
Подает ерлыки скоропищеты,
Принял Илья, сам прочитывал.
Говорил тут ему Владимер-князь:
«Гой еси, Илья Муромец!
Пособи мне думушку подумати:
Сдать ли мне, не сдать ли Киев-град
Без бою мне, без драки великия,
Без того кроволития напраснаго?».
Говорит Илья таково слово:
«Владимер-князь стольной киевской!
Ни о чем ты, асударь, не печалуйся:
Боже-Спас оборонит нас,
А нечто́ пречистой и всех сохранит!
Насыпай ты мису чиста серебра,
Другую — красна золота,
Третью мису — скатнова земчуга;
Поедем со мной ко Калину-царю
Со своими честными подарками,
л. 52 об. Тот татарин || дурак нас прямо доведет».
Нарежался князь тут поваром,
Заморался сажаю котельною.
Поехали оне ко Калину-царю,

А прямо их татарин в лагири ведет.
Приехал Илья̀ ко Калину-царю
В ево лагири татарския,
Скочил Илья со добра коня,
Калину-царю поклоняется,
Сам говорит таково слово:
«А и Калин-царь, злодей Калинович!
Прими наши дороги подарочки
От великова князя Владимера:
Перву мису чиста серебра,
Другу — красна золота,
Третью мису — скатнова земчуга,
А дай ты нам сроку на три дни,
В Киеве нам приуправиться:
Отслужить обедни с понафидами,
Как-де служат по усопшим душам,
Друг с дружкой проститися!».
Говорит тут Калин таково слово:
«Гой еси ты, Илья Муромец!
Выдайте вы нам виноватова,
Которой стрелял с башни со стрельныя,
Убил моево зятя любимова!».
Говорит ему Илья таково слово:
«А ты слушай, Калин-царь, повеленое,
Прими наши дороги подарочки
От великова князя Владимера.
Где нам искать такова человека и вам отдать?».
И тут Калин принял золоту казну нечестно у нево.
Сам прибранивает.
И тут Ильи за беду стало,
Что не дал сроку на три дни и на три часа,
Говорил таково слово:
«Сабака, проклятой ты, Калин-царь,
Отойди с татарами от Киева!
Охото ли вам, сабака, живым быть?».
И тут Калину-царю за беду стало,
Велел татарам сохватать Илью.
Связали ему руки белыя
Во крепки чембуры шелковыя.
л. 53, Втапоры Ильи || за беду стало,
Говорил таково слово:
«Сабака, проклятой ты, Калин-царь,
Отойди прочь с татарами от Киева!
Охото ли вам, сабака, живым быть?».
И тут Калину за беду стало
И плюет Ильи во ясны очи:

«А русской люд всегды хвастлив,
Опутан весь, будто лысай бес,
Еще ли стоит передо мною, сам хвастает!».
И тут Ильи за беду стало,
За великую досаду показалося,
Что плюет Калин в я́сны очи,
Скочил в полдрева стоячева,
Изарвал чембуры на могучих плечах.
Не допустят Илью до добра коня
И до ево-та до палицы тяжкия,
До медны литы в три тысячи.
Схвотил Илья татарина за́ ноги,
Которой ездил во Киев-град,
И зачал татарином помахивати,
Куда ли махнет — тут и улицы лежат,
Куды отвернет — с переулками,
А сам татарину приговаривает:
«А и крепок татарин — не ломится,
А жиловат сабака — не изорвется!».
И только Илья слово выговорил,
Оторвется глава ево татарская,
Угодила та глава по силе вдоль,
И бьет их, ломит, вконец губит.
Достальныя татара на побег пошли,
В болотах, в реках притонули все,
Оставили свои возы и лагири.
Воротился Илья он ко Калину-царю,
Схватал он Калина во белы руки,
Сам Калину приговаривает:
«Вас-та, царей, не бьют-не казнят,
Не бьют-не казнят и не вешают!».
Согнет ево корчагою,
Воздымал выше буйны головы своей,
Ударил ево о горюч камень,
Росшиб он в крохи говенныя.
л. 53 об. Достальныя татара на побег бегут,
Сами оне заклинаются:
«Не дай бог нам бывать ко Киеву,
Не дай бог нам видать русских людей!
Неужто в Киеве все таковы:
Один человек всех татар прибил?».
Пошел Илья Муромец искать своего товарыща
Тово ли Василья-пьяницу Игнатьева,
И скоро нашел ево на кружале Петровскием,
Привел ко князю Владимеру.
А пьет Илья довольно зелено вино

С тем Васильем со пьяницой,
И называет Илья тово пьяницу Василья
Братом названым.
То старина, то и деянье.

ЦАРЬ САУЛ ЛЕВАНИДОВИЧ

Царь Саул Леванидович
Поёхал за море синея,
В дальну орду, в Полувецку землю,
Брать дани и невыплаты.
А царица ево проводила
От первова стану до второва,
От второва стану до третьева,
От третьева стану воротилася,
А сама она царю поклонилася:
«Гой еси ты есми, царь Саул,
Царь Саул Леванидович!
А кому мене, царицу, приказываешь,
А кому мене, царицу, наказываешь?
Я остаюсь, царица, черовоста,
л. 54, Черевоста осталась на тех || порах».
А и только царь слово выговорил,
Царь Саул Леванидович:
«А и гой еси, царица Азвяковна,
Молода Елена Александровна!
Некомý я тебе, царицу, не приказаваю,
Не приказаваю и не наказаваю,
А то коли тебе господи сына даст,
(В)спой-(в)скорми и за мной ево пошли,
А то коли тебе господи дочеря даст,
(В)спой-(в)скорми, замуж отдай,
А любимова зятя за мной пошли:
Поеду я на двенадцать лет».
Вскоре после ево царице бог сына даст,
Поп приходил со молитвою,
Имя дает Костентинушком Сауловичем.
А и царское дитя не по годам растет,
А и царско дитя не по месяцам,
А которой ребенок двадцати годов,
Он, Костентинушка, семи годков.
Присадила ево матушка грамоте учиться,
Скоро ему грамота далася и писать научился.
Будет он, Костентинушка, десяти годов,
Стал-та по улицам похаживати,

Стал с ребятами шутку шутить,
С усатами, с бородатами,
А которые ребята двадцати годов
И которые во полутриддцети;
А все ведь дети княженецкие,
А все-та ведь дети боярские,
И все-та ведь дети дворянския,
Еще ли дети купецкия.
Он шутку шутит не по-ребячью,
О[н] творки творил не по маленьким:
Которова возьмет за руку,
Из плеча тому руку выломит;
И которова заденет за ногу,
По гузна ногу оторвет прочь;
И которова хватит поперек хребта,
Тот кричит-ревет, окарачь ползет,
Без головы домой придет.
л. 54 об. Князи-бояра || дивуются
И все купцы богатыя:
«А что это у нас за урод растет?
Что это у нас за выблядочок?».
Доносили оне жалобу великую
Как бы той царице Азвяковне,
Молоды Елены Александровны.
Втапоры скоро завела ево матушка во теремы свои,
Тово ли млада Костентинушка Савуловича,
Стала ево журить-бранить,
А журить-бранить, на ум учить,
На ум учить — смиренно жить.
А млад Костентин сын Саулович
Только у матушки выспросил:
«Гой еси, матушка,
Молоды Елена Александровна,
Есть ли у мене на роду батюшка?».
Говорила царица Азвяковна,
Молоды Елена Александровна:
«Гой еси, мое чадо милая,
А и ты, младой Костентинушка Саулович!
Есть у тебе на роду батюшка,
Царь Саул Леванидович,
Поехал он за море синея,
В дальну орду, в Полувецку землю,
Брать дани-невыплаты,
А поехал он на двенадцать лет,
Я осталася черевоста,
А черевоста осталась на тех порах.

Только ему, царю, слово выговорила:
«А кому мене, царицу, приказываешь и наказываешь»?
Только лишь царь слово выговорил:
«Некому́ я тебе, царицу, не приказаваю и не наказаваю,
А то коли тебе господь сына даст,
Ты де вспой-(в)скорми,
Сына за мной пошли;
А то коли тебе господи дочеря даст,
Вспой-(в)скорми, замуж отдай,
А любимова зятя за мной пошли».
Много царевич не спрашивает,
Выходил на крылечко на красное:
«Конюхи-приспешники!
Оседлайте скоро мне добра коня
Под то седелечко черкес(с)кое,
л. 55, А в задней слуке || и в передней слуке
По тирону по каменю,
По дорогу по самоцветному,
А не для-ради мене, молодца, басы, —
Для-ради богатырские крепости,
Для-ради пути, для дороженьки,
Для-ради темной ночи осенней,
Чтобы видеть при пути-дороженьки
Темна ночь до бела света».
А и только видь матушка видела:
Ставал во стремя вольящетое,
Садился во седелечко черкес(с)кое,
Только он в ворота выехал, —
В чистом поле дым столбом.
А и только с собою ружье везет,
А везет он палицу тяжкую,
А и медну литу в триста пуд.
И наехал чесовню, зашел богу молитися,
А от той часовни три дороги лежат:
А и перва дорога написана,
А написана дорога вправо,
Кто этой дорогой поедет,
Конь будет сыт, самому — смерть;
А другою крайнею дорогою левою, —
Кто этой дорогой поедет,
Молодец сам будет сыт, конь голоден;
А середнею дорогою поедет —
Убит будет смертью напрасною.
Втапоры богатырское сер(д)це разъерилася,
Могучи плечи расходилися,
Молодой Костентинушка Савулович

Поехал он дорогою среднею,
Доезжать до реки Смородины.
А втапоры Кунгур-царь перевозится
Со темя́ ли татары погаными,
Тут Костентинушка Савулович
Зачал татаров с краю бить
Тою палицою тяжкою,
Он бьется-дерется целой день,
Не пиваючи, не едаючи,
Ни на малой час отдыхаючи.
День к вечеру вечеряется,
л. 55 об. Уж красное со(л)нцо закотается,
Молодой Костентинушка Саулович
Отъехал от татар прочь,
Где бы молодцу опочив держать,
Опочив держать и коня кормить.
А ко утру заря занимается,
А и младой Костентинушка Саулович,
Он, молодец, ото сна подымается,
Утрен(н)ей расо́й умывается,
Белым полотном утирается,
На восток он богу молится,
Скоро-де садится на добра коня,
Поехал он ко Смородины-реки.
А и тута татары догадалися,
Оне к Кунгуру-царю пометалися:
«Гой еси ты, Кунгур-царь,
Кунгур-царь, Самородович!
Как нам будет детину ловить:
Силы мало осталося у нас!».
А и Кунгур-царь Самородович
Научил тех ли татар поганыех
Копати ровы глубокия:
«Заплетайте вы туры высокия,
А ставьте поторчины дубовые,
Колотите вы надолбы железныя!».
А и тут тотары поганыя
И копали оне ровы глубокия,
Заплетали туры высокия,
Ставили поторчены дубовыя,
Колотили надолбы железныя.
А поутру рано-ранешенько,
На светлой заре рано-утре(н)ней,
На всходе краснова солнушка
Выезжал удалой доброй молодец,
Млады Костентинушка Савулович,

А и бегает-скачет с одной стороны
И завернется на другу сторону,
Усмотрел их татарские вымыслы:
Тамо татара просто стоят,
И которых веслау́хих — всех прибил,
л. 56 И которых висячих — всех || оборвал,
И приехал к шатру к Кунгуру-царю,
Розбил ево в крохи говенныя,
А достальных татар домой опустил.
И поехал Костентинушка ко городу Угличу.
Он бегает-скачет по чисту полю,
Хоботы метал по темным лесам,
Спрашивает себе сопротивника,
Сильна-могуча богатыря,
С кем побиться-подраться и порататься.
А углицки мужики были лукавыя:
Город Углич крепко заперли
И (в)збегали на стену белокаменну,
Сами оне ево обмановают:
«Гой еси, удалой доброй молодец!
Поезжа(й) ты под стену белокаменну,
А и нету у нас царя в Орде, короля в Литве,
Мы тебе поставим царем в Орду, королем в Литву».
У Костентинушка умок молодешонёк,
Молодешенёк умок, зеленешонёк,
И сдавался на их слова прелестныя,
Подъезжал под стену белокаменну.
Оне крюки-багры заметовали,
Подымали ево на стену высокою
Со ево добрым конем.
Мало время замешкавши,
И связали ему руки белыя
В крепки чембуры шелковыя;
И сковали ему ноги резвыя
В те ли железа немецкия,
Взяли у нево добра коня
И взяли палицу медную,
А и тяжку литу в триста пуд;
Сняли с нево платье цветное царское
И надевали на нево платье опальное,
Будто тюремное;
Повели ево в погребы глубокия,
Место темной темницы,
Только ево посадили, молодца,
Запирали дверями железными
И засыпали хрещом, пески мелкими.

Тут десятники засовалися,
Бегают оне по Угличу,
Спрашивают подводы под царя Саула Леванидовича,
л. 56 об. И которые || под царя пригодилися.
И проехал тут он, царь Саул,
Во свое царство в Алыберское,
Царица ево, царя, стретила,
А и молоды Елена Александровна.
За первом поклоном царь поздравствовал:
«Здравствуй ты, царица Азвяковна,
А и ты, молода Елена Александровна!
Ты осталася черевоста,
Что после мене тебе бог дал?».
Втапоры царица заплакала,
Сквозь слезы едва слова выговорила:
«Гой еси, царь Саул Леванидович!
Вскоре после тебе бог сына дал
Поп приходил со молитвою,
Имя давал Костентинушком».
Царь Саул Леванидович
Много ли царицу не спрашивает,
А и только он слово выговорил:
«Конюхи вы мои, приспешники!
Седлайте скоро мне добра коня,
Которой жеребец стоит тридцать лет!».
Скоро тут конюхи металися,
Оседлали ему тово добра коня,
И берет он, царь, свою сбрую богатырскую,
Берет он сабельку вострую
И копье морзамецкое,
Поехал он скоро ко городу Угличу.
А те же мужики-угличи, извощики,
С ним ехавши, россказовают,
Какова молодца посадили в погребы глубокия,
И сказывают, каковы коня приметы
И каков был молодец сам.
Втапоры царь Саул догадается,
Сам говорил таково слово:
«Глупы вы, мужики, неразумныя,
Не спросили удала добра молодца
Ево дядины-вотчины,
Что он прежде того
л. 57, Немало у Кунгура-царя || силы порубил,
Можно за то вам ево благодарити и пожаловати,
А вы ево назвали вором-разбойником,
И оборвали с нево платье цветное,

И посадили в погреба глубокия,
Место темной темницы!».
И мало время поизойдучи,
Подъезжал он, царь, ко городу Угличу,
Просил у мужиков-угличов,
Чтобы выдали такова удала добра молодца,
Которой сидит в погребах глубокиех.
А и тут мужики-угличи
С ним, со царем, заздорили:
Не пущают ево во Углич-град
И не сказавают про тово удала добра молодца,
Что-де у нас нет такова и не бывало.
Старики тут вместе соходилися,
Оне думали думу единую,
Выводили тут удала добра молодца
Из тово ли погреба глубокова
И сымали железа с резвых ног,
Развязали чембуры шелковыя,
Приводили ему добра коня,
А и отдали палицу тяжкую,
А медну литу в триста пуд
И ево платьица царское цветное.
Нарежался он, младой Костентинушка Саулович,
В тое свое платье царское цветное,
Подошел Костентинушка Саулович
Ко царю Саулу Леванидовичу,
Стал свою родину рассказавати.
А и царь Саул спохватается,
А берет ево за руку за правую
И целует ево во уста сахарныя:
«Здравствуй, мое чадо милая,
л. 57 об., Младой Костентинушка || Саулович!».
А и втапоры царь Саул Леванидович
Спрашивает мужиков-угличов:
«Есть ли у вас мастер заплечной с подмастерьями?».
И тут скоро таковых сыскали
И ко царю привели.
Царь Саул Леванидович
Приказал казнить и вешати,
Которые мужики были главные во Угличи,
И садилися тут на свои добры кони,
Поехали во свое царство в Алыберское.
И будет он, царь Саул Леванидович,
Во своем царстве в Алыберском со своим сыном,
Младом Костентинушком Сауловичем,
И съехалися со царицою, обрадовалися,

Не пива у царя варить, не вина курить, —
Пир пошел на радостях,
А и пили да ели, потешалися.
А и день к вечеру вечеряется,
Красное со(л)нцо закатается,
И гости от царя разъехалися.
Тем старина и кончилася.

АГАФОНУШКА

А и на Дону, Дону, в избе на дому
На крутых берегах, на печи на дровах,
Высока ли высота потолоч[н]ая,
Глубока глубота подпольная,
А и широко раздолье — перед печью шесток,
Чистое поле — по подлавечью,
А и синее море — в лохани вода.
А у белова города, у жорнова,
А была стрельба веретенная,
А и пушки-мушкеты горшечныя,
л. 58. Знамена поставлены || помельныя,
Востры сабли — кокошники,
А и тяжкия палицы — шемшуры,
А и те шешумры были тюменских баб.
А и билася-дралася свекры со снохой,
Приступаючи ко городу ко жорному,
О том пироге, о яшном мушнике,
А и билися-дралися день до вечера,
Убили оне курицу пропашшую.
А и на ту-та на драку-великой бой
Выбежал сильной-могуч богатырь,
Молодой Агафонушка Никитин сын.
А и шуба-та на нем была свиных хвостов,
Бо́лестью опушена, комухой подложена,
Чирьи да вереды — то пуговки,
Сливныя коросты — то петельки.
А втапоры старик на полатех лежал,
Силу-ту смечал, во штаны насрал;
А старая баба, умом молода,
Села срать, сама песни поет.
А слепыя бегут, спинаючи гледят;
Безголовыя бегут, оне песни поют,
Бездырыя бегут-попёрдовают,
Безносыя бегут-понюхивают,
Безрукой втапоры клеть покрал,

А нагому безрукай за пазуху наклал,
Безъязыкова, тово на пытку ведут;
А повешены — слушают,
А и резаной — тот в лес убежал.
На ту же на драку-великой бой
Выбегали тут три могучие богатыри:
А у первова могучева богатыря
Блинами голова испроломана,
А другова могучева богатыря
Соломой ноги изломаны,
У третьева могучева богатыря
Кишкою брюхо пропо́роно.
В то же время и в тот же час
На море, братцы, овин горит
С репою, со печенкою.
А и середи синя моря Хвалынскова
Выростал ли тут крековист дуб,
л. 58 об. А на том на сыром || дубу крековостом
А и сивая свинья на дубу гнездо свила,
На дубу гнездо свила,
И детей она свела — сивиньких поросяточок,
Поросяточок полосатиньких.
По дубу оне все разбегалися,
А в воду оне гледят — притонути хотят,
В поле гледят — убежати хотят.
А и по чистому полю карабли бегут,
А и серой волк на корме стоит,
А красна лисица потакивает:
«Хоть вправо держи, хоть влево, затем куда хошь».
Оне на небо гледят, улетети хотят.
Высоко ли там кобыла в шебуре летит.
А и чорт ли видал, что медведь летал,
Бурою корову в когтях носил.
В ступе-де курица объегнилася,
Под шес(т)ком-та карова еицо́ снесла,
В осеку овца отелилася.
А и то старина, то и деянье.

САДКО-БОГАТОЙ ГОСТЬ

По славной матушке Волге-реке
А гулял Садко молодец тут двенадцать лет,
Никакой над собой притки и скорби
Садко не видовал,
А все молодец во здоровье пребывал,

Захотелось молодцу побывать во Нове-городе,
Отрезал хлеба великой сукрой,
А и солью насолил,
л. 59 Ево || в Волгу опустил:
«А спасиба тебе, матушка Волга-река!
А гулял я по тебе двенадцать лет,
Никакой я прытки-скорби не видавал над собой
И в добром здоровье от тебе отошел,
А иду я, молодец, во Нов-город побывать».
Проговорит ему матка Волга-река:
«А и гой еси, удалой доброй молодец!
Когда придешь ты во Нов-город,
А стань ты под башню проезжую,
Поклонися от меня брату моему,
А славному озеру Ильменю».
Втапоры Садко-молодец, отошед, поклонился.
Подошел ко Нову-городу
И будет у тоя башни проезжия,
Подле славнова озера Ильменя,
Правит челобитья великое
От тоя-та матки Волги-реки,
Говорит таково слово:
«А и гой еси, славной Ильмень-озеро!
Сестра тебе, Волга, челобитья посылает».
Двою говорил сам и кланелся.
Малое время замешкавши,
Приходил тут от Ильмень-озера
Удалой доброй молодец,
Поклонился ему добру молодцу:
«Гой еси, с Волги удал молодец!
Как ты-де Волгу, сестру, знаешь мою?».
А и тот молодец Садко ответ держит:
«Что-де я гулял по Волге двенадцать лет,
Со вершины знаю и до ус(т)ья ее,
А и нижнея царства Астраханскова».
А стал тот молодец наказовати,
Которой послан от Ильмень-озера:
«Гой еси ты, с Волги удал молодец!
Проси бошлыков во Нове-городе
Их со тремя неводами
И с теми людьми со работными,
И заметовай ты неводы во Ильмень-озера,
Что будет тебе божья милость».
Походил он, молодец,
К тем бошлыкам новогородскием,
л. 59 об. И пришел он, сам кланеится,

Сам говорит таково слово:
«Гой вы еси, башлыки, добры молодцы!
А и дайте мне те три невода
Со теми людьми со работными
Рыбы половити во Ильмени-озере,
Я вам, молодцам, за труды заплачу».
А и втапоры ему бошлыки не отказовалися,
Сами пошли, бошлыки, со работными людьми
И закинули три невода во Ильмень-озеро.
Первой невод к берегу пришел —
И тут в нем рыба белая,
Белая ведь рыба мелкая;
И другой-та ведь невод к берегу пришел —
В том-та рыба красная;
А и третей невод к берегу пришел —
А в том-та ведь рыба белая,
Белая рыба в три четверти.
Перевозился Садко-молодец на гостиной двор
Со тою рыбою ловленою,
А и первую рыбу перевозили,
Всю клали оне рыбу в погребы;
Из другова же невода он в погреб же возил,
Та была рыба вся красная;
Из третьева невода возили оне
В те же погребы глубокия,
Запирали оне погребы накрепко,
Ставили караулы на гостином на дворе,
А и отдал тут молодец тем бошлыкам
За их за труды сто рублев.
А не ходит Садко на тот на гостиной двор по три дни,
На четвертой день погулять захотелось,
А и первой в погреб заглянет он,
А насилу Садко тута двери отворил:
Котора была рыба мелкая,
Те-та ведь стали деньги дробныя,
И скора Садко опять запирает;
А в другом погребу заглянул он:
Где была рыба красная,
Очутилась у Садка червонцы лежат;
В третьем погребу загленул Садко:
Где была рыба белая,
А и тут у Садка всё монеты лежат.
л. 60 Втапоры Садко-купец, || богатой гость,
Сходил Садко на Ильмень-озеро,
А бьет челом-поклоняется:
«Батюшко мой, Ильмень-озеро!

Поучи мене жить во Нове-граде!».
А и тут ему говорил Ильмень-озеро:
«А и гой еси, удалой доброй молодец!
Поводись ты со людьми со таможенными,
А и только про их ты обед доспей,
Позови молодцов, посадских людей,
А станут те знать и ведати».
Тут молодец догадается,
Сделал обед про томожных людей,
А стал он водиться со посадскими людьми.
И будет во Нове-граде
У тово ли Николы Можайскова,
Те мужики новогородские
Соходилися на братшину Никольшину,
Начинают пить канун, пива яшныя,
И пришел тут к нам удалой доброй молодец,
Удалой молодец был вол(ж)ской сур,
Бьет челом-поклоняется:
«А и гой вы еси, му́жики новогородские!
Примите меня во братшину Никольшину,
А и я вам сыпь плачу немалую».
А и те мужики новогородские
Примали ево во братшину Никольшину,
Дал молодец им пятьдесят рублев,
А и за́чили пить пива яшныя.
Напивались молодцы уже допьяна,
А и с хмелю тут Садко захвастался:
«А и гой еси вы, молодцы славны купцы!
Припасите вы мне товаров во Нове-городе
По три дня и по три у́повода,
Я выкуплю те товары
По три дни по три уповода,
Не оставлю товаров не на денежку,
Ни на малу разну полушечку,
А то коли я тавары не выкуплю,
Заплачу казны вам сто тысячей».
л. 60 об. А и тут мужики || новогородские
Те-та-де речи ево записавали,
А и выпили канун, пива яшные,
И заставили Садко ходить по Нову-городу,
Закупати товары во Нове-городе
Тою ли ценою повольною.
А и ходит Садко по Нову-городу,
Закупает он товары повольной ценою,
Выкупил товары во Нове-городе,
Не оставил товару не на денежку,

Ни на малу разну полушечку.
Влажи́л бог желанье в ретиво сер(д)це:
А и шод Садко, божей храм сорудил
А и во имя Стефана-архидьякона,
Кресты, маковицы золотом золотил,
Он местны иконы изукрашевал,
Изукрашевал иконы, чистым земчугом усадил,
Царские двери вызолочевал.
А и ходит Садко по второй день по Нову-городу, —
Во Нове-граде товару больше старова.
Он выкупил товары и по второй день,
Не оставил товару не на денежку,
Ни на малу разну полушечку.
И влаживал ему бог желанье в ретиво сер(д)це:
Шед Садко, божей храм сорудил
А и во имя Сафе́и Премудрыя,
Кресты, маковицы золотом золотил,
Местны иконы изукрашевал,
Изукрашевал иконы, чистым земчугом усадил,
Царские двери вызолачевал.
А и ходит Садко по третей день,
По третей день по Нову-городу, —
Во Нове-городе товару больше старова,
Всяких товаров заморскиех.
Он выкупил товары в половина дня,
Не оставил товару не на денежку,
Ни на малу разну полушечку.
Много у Садка казны осталося,
Вложил бог желанье в ретиво сер(д)це:
Шед Садко, божей храм сорудил
Во имя Николая Можайскова,
л. 61, Кресты, маковицы золотом || золотил,
Местны иконы вызукрашевал,
Изукрашевал иконы, чистым земчугом усадил,
Царские двери вызолочевал.
А и ходит Садко по четвертой день,
Ходил Садко по Нову-городу
А и целой день он до вечера,
Не нашел он товаров во Нове-городе
Ни на денежку, ни на малу разну полушечку,
Зайдет Садко он во темной ряд —
И стоят тут черепаны-гнилые горшки,
А все горшки уже бития,
Он сам Садко усмехается,
Дает деньги за те горшки,
Сам говорит таково слово:

«Пригодятся ребятам черепками играть,
Поминать Садко-гостя богатова,
Что не я Садко богат,
Богат Нов-город всякими товарами заморскими
И теми черепанами-гнилыми горшки».

МИХАЙЛА СКОПИН

Как бы во сто двадцать седьмом году,
В седьмом году восьмой тысячи
А и деялось-учинилося,
Кругом сильна царства московского
Литва облегла со все четыре стороны,
А и с нею сила сорочина долгополая
И те черкасы петигорские,
Еще ли калмыки с татарами,
Со татарами, со башкирцами,
Еще чукши с олюто́рами;
л. 61 об. Как || были припасы многие:
А и царские и княженецкие,
Боярские и дворянские —
А нельзя ни протти, ни проехати
Ни конному, ни пешему
И ни соколом вон вылетити
А из сильна царства Московскова
И великова государства Росси(й)скова.
А Скопин-князь Михайла Васильевич,
Он правитель царству Московскому,
Обережатель миру крещеному
И всей нашей земли светорусския,
Что есён сокол вон вылетывал,
Как бы белой кречет вон выпархивал,
Выезжал воевода московской князь,
Скопин-князь Михайла Васильевич,
Он поход чинил ко Нову-городу.
Как и будет Скопин во Нове-граде,
Приезжал он, Скопин, на съезжей двор,
Походил во избу во съезжую,
Садился Скопин на ременчет стул,
А и берет чернилицу золотую,
Как бы в не(й) перо лебединое,
И берет он бумагу белую,
Писал ерлыки скоропищеты
Во Свицкую землю, Саксонскую
Ко любимому брату названому,

Ко с[в]ицкому королю Карлосу.
А от мудрости слово поставлено:
«А и гой еси, мой названой брат.
А ты свицкий король Карлус!
А и смилуйся-смилосердися,
Смилосердися, покажи милость:
А и дай мне силы на подмочь,
Наше сильно царство Московское
Литва облегла со все четыре стороны,
Приступила сорочина долгополая,
А и те черкасы петигорския,
А и те калмыки со башкирцами,
А и те чукши с олюторами,
И не можем мы с ними управиться.
Я зокладоваю три города русския».
А с ерлыками послал скорого почтаря,
л. 62 Своего любимова шурина,
А таво Митрофана Фунтосова.
Как и будет почтарь в Полувецкой орде
У честна короля, честнова Карлуса,
Он въезжает прямо на королевской двор,
А ко свицкому королю Карлусу,
Середи двора королевскова
Скочил почтарь со добра коня,
Везал коня к дубову столбу,
Сумы похватил, сам во полаты идет.
Не за чéм почтарь не замешкался,
Приходит во полат(у) белокаменну,
Росковыривал сумы, вынимал ерлыки,
Он кладет королю на круглой стол.
Принимавши, король роспечатовает,
Роспечатал, сам просматривает,
И печальное слово повыговорил:
«От мудрости слово поставлено —
От любимова брата названова,
Скопина-князя Михайла Васильевича:
Как просит силы на подмочь,
Закладывает три города русския».
А честны король, честны Карлусы
Показал ему милость великую,
Отправляет силы со трех земель:
А и первыя силы — то свицкия,
А другия силы — саксонския,
А и третия силы — школьския,
Тово ратнова люду ученова
А не много не мало — сорок тысячей.

Прибыла сила во Нов-город,
Из Нова-города в каменну Москву.
У ясна сокола крылья отросли,
У Скопина-князя думушки прибыло.
А поутру рано-ранешонько
В соборе Скопин он заутреню отслужил,
Отслужил, сам в поход пошел,
Подымавши знаменье царские:
А на знаменье было написано
Чуден Спас со Пречистою,
На другой стороне было написано
Михайло и Гаврило архангелы,
л. 62 об. Еще вся тута сила небесная.
В восточную сторону походом пошли —
Оне вырубили чудь белоглазую
И ту сорочину долгополую;
В полуденную сторону походом пошли —
Прекротили черкас петигорскиех,
А немного дралися; скоро сами сдались —
Еще ноне тут Малорос(с)ия;
А на северну сторону походом пошли —
Прирубили калмык со башкирцами;
А на западну сторону и в ночь пошли —
Прирубили чукши с олюторами.
А кому будет божья помочь —
Скопину-князю Михайлу Васильевичу:
Он очистел царство Московское
И велико государство росси(й)ское.
На великих тех на радостях
Служили обедни с молебнами
И кругом города ходили в каменной Москвы.
Отслуживши обедни с молебнами
И всю литоргию великую,
На великих (н)а радостях пир пошел,
А пир пошел и великой стол
И Скопина-князя Михайла Васильевича,
Про весь православной мир.
И велику славу до веку поют
Скопину-князю Михайлу Васильевичу.
Как бы малое время замешкавши,
А во той же славной каменной Москвы
У тово ли было князя Воротынскова
Крестили младова кнезевича,
А Скопин-князь Михайла кумом был,
А кума была дочи Малютина,
Тово Малюты Скурлатова.

У тово-та князя Воротынскова
Как будет и почестной стол,
Тута было много князей и бояр и званых гостей.
Будет пир во полупире,
Кнеженецкой стол во полустоле,
Как пья́ниньки тут расхвастались:
л. 63 Сильны || хвастает силою,
Богатой хвастает богатеством,
Скопин-князь Михайла Васильевич
А и не пил он зелена вина,
Только одно пиво пил и сладкой мед,
Не с большева хмелю он похвастается:
«А вы, глупой народ, неразумныя!
А все вы похваляетесь безделицей,
Я, Скопин Михайла Васильевич,
Могу, князь, похвалитися,
Что очистел царство Московское
И велико государство Рос(с)и(й)ское,
Еще ли мне славу поют до́ веку
От старова до малова,
А от малова до веку моего».
А и тут боярам за беду стало,
В тот час оне дело сделали:
Поддернули зелья лютова,
Подсыпали в стокан, в меды сладкия,
Подавали куме ево крестовыя,
Малютиной дочи Скурлатовой.
Она знавши, кума ево крестовая,
Подносила стокан меду сладкова
Скопину-князю Михайлу Васильевичу.
Примает Скопин, не отпирается,
Он выпил стокан меду сладкова,
А сам говорил таково слово,
Услышел во утробе неловко добре;
«А и ты съела меня, кума крестовая,
Молютина дочи Скурлатова!
А зазнаючи мне со зельем стокан подала,
Съела ты мене, змея подколодная!».
Голова с плеч покатилася,
Он и тут, Скопин, скоро со пиру пошел,
Он садился, Скопин, на добра коня,
Побежал к родимой матушке.
А только успел с нею проститися,
А матушка ему пенять стала:
«Гой еси, мое чадо милая,
Скопин-князь Михайла Васильевич!

Я тебе приказовала,
Не велела ездить ко князю Воротынскому,
л. 63 об. А и ты мене не послушался.
Лишила тебе свету белова
Кума твоя крестовая,
Малютина дочи Скурлатова!».
Он к вечеру, Скопин, и преставился.
То старина то и деянье
Как бы синему морю на утишенье,
А быстрым рекам слава до моря,
Как бы добрым людям на послу́шанье,
Молодым молодцам на перени́манье,
Еще нам, веселым молодцам, на поте́шенье,
Сидючи в беседе смиренныя,
Испиваючи мед, зелена вина;
Где-ка пива пьем, тут и честь воздаем
Тому боярину великому
И хозяину своему ласкову.

ВЗЯТЬЕ КАЗАНСКОЕ ЦАРСТВО

Середи было Казанскова царства
Что стояли белокаменны полаты,
А из спал(ь)ны белокаменной полаты
Ото сна тут царица пробужалася,
Царица Елена Семиону-царю
она сон рассказала:
«А и ты встань, Семиен-царь, пробудися!
Что начесь мне, царице, мало спалося,
В сновиденьице много виделося:
Как от сильнова Московскова царства
Кабы сизой орлишша стрепенулся,
Кабы грозная туча подымалась,
л. 64 Что на наше ведь царство || наплывала».
А из сильнова Московскова царства
Подымался великой князь московски,
А Иван сударь Васильевич прозритель,
Со темя ли пехотными полками,
Что со старыми славными казаками,
Подходили под Казанское царство за пятнадцать верст,
Становились оне подкопью под Булат-реку,
Подходили под другую под реку под Казанку;
С черным порохом бочки закатали,
А и под гору их становили,
Подводили под Казанское царство,

Воску ярова свечу становили,
А другую ведь на поле в лагире;
Еще на поле свеча-та сгорела,
А в земле-та идет свеча тишея.
Воспалился тут великий князь московский,
Князь Иван сударь Васильевич прозритель,
И зачел конанеров тут казнити,
Что начался от кананеров измена.
Что большой за меньшова хоронился,
От меньшева ему, князю, ответу нету,
Еще тут ли молодой конанер выступался:
«Ты великий, сударь-князь московский!
Не вели ты нас, конанеров, казнити:
Что на ветре свеча горит скорее,
А в земле-та свеча идет тишее».
Позадумался князь московски,
Он и стал те-та речи размышляти собою,
Еще как бы это дело оттянути.
Оне те-та речи говорили,
Догорела в земле свеча воску ярова
До тоя-та бочки с черным порохом;
Принималися бочки с черным порохом,
Подымала высокую гору-ту,
Разбросала белокаменны полаты.
И бежал тут велики князь московски
На тое ли высокую гору-ту,
Где стояли царские полаты.
Что царица Елена догадалась:
Она сыпала соли на ковригу,
Она с радостью московскаго князя встречала,
А таво ли Ивана сударь Васильевича прозрителя.
И за то он царицу пожаловал
л. 64 об. И привел || в крещеную веру.
В монастырь царицу постригли,
А за гордость царя Симеена,
Что не встретил великова князя,
Он и вынял ясны очи косицами,
Он и взял с него царскую корону,
И снял царскую перфиду,
Он царской костыль в руки принел.
И в то время князь воцарился
И насел в Московское царство,
Что тогда-де Москва основалася,
И с тех пор великая слава.

ПОД КАНАТОПОМ ПОД ГОРОДОМ

За рекою, переправою,
За деревнею Сосновкою,
Под Конотопом под городом,
Под стеною белокаменной,
На лугах, лугах зеленыех
Тут стоят полки царские,
Все полки государевы,
Да и роты были дворянские.
А из да́леча-дале́ча, из чиста́ поля́,
Из тово ли из роздолья широкова,
Кабы черныя вороны тобуном тобунилися, —
Собирались-съезжались
Калмыки со башкирцами,
Напущалися татарове
На полки государевы.
Оне спрашивают, татарове,
Из полков государевых
Себе сопротивника,
А из полку государева
л. 65, Сопротивника не выбрали
Не из стрельцов, не из салдат-молодцов.
Втапоры выезжал Пожарской князь,
Князь Семен Романович,
Он боярин большей словет
Пожарской князь.
Выезжал он на вылозку
Сопротив татарина
И злодея наез(д)ника.
А татарин у себя держит в руках
Копье вострое,
А славны Пожарски(й)-князь —
Одну саблю вострую
Во рученьки правыя.
Как два ясныя соколы
В чистом поле слеталися,
А съезжались в чистом поле
Пожарской-боярин с татарином.
Помогай, бог, князю Семену Романовичу Пожарскому!
Своей саблей вострою,
Он отводил востро копье татарское
И срубил ему голову,
Что татарину-наез(д)нику.
А завыли злы татарове поганыя:

Убил у них наез(д)ника,
Что не славнова татарина.
А злы татарове крымския,
Оне злы да лукавые:
Подстрелили добра коня
У Семена Пожарскова.
Падает ево окарачь доброй конь,
Воскричит Пожарской-князь
Во полки государевы:
«А и вы, салдаты новобраные,
Вы стрельцы государевы!
Подведите мне добра коня,
Увезите Пожарскова,
Увезите во полки государевы!».
Злы татарове крымские,
Оне злы да лукавые,
А металися грудою,
Полонили князя Пожарскова,
Увезли ево во свои степи крымския,
К самому хану крымскому,
Деревенской шишиморы.
Ево стал он допрашивать:
«А и гой еси, Пожарской-князь,
Князь Семен Романович!
Послужи мне верою,
Да ты верою-правдою,
Заочью не изменою,
л. 65 об. Еще как ты царю || служил,
Да царю своему белому,
А и так-та ты мне служи,
Самому хану крымскому,
Я ведь буду тебе жаловать
Златом и серебром,
Да и женки прелес(т)ными,
И душами красными девицами!».
Отвечает Пожарской-князь
Самому хану крымскому:
«А и гой еси, крымской хан,
Деревенской шишимары!
Я бы рад тебе служить,
Самому хану крымскому,
Кобы́ не скованы мои резвы ноги,
Да не связаны белы руки
Во чембуры шелковыя;
Кабы мне сабелька вострая, —
Послужил бы тебе верою

На твоей буйной голове,
Я срубил (бы) тебе буйну голову!».
Скричит тут крымской хам,
Деревенской шишимары:
«А и вы, татары поганыя!
Увезите Пожарскова на горы высокия,
Срубите ему голову,
Изрубите ево бело тело
Во части во мелкие,
Разбросайте Пожарскова
По далече чисту полю!».
Кабы черныя вороны
Закричали-загайкали,
Ухватили татарове
Князя Семена Пожарскова,
Повезли ево татарове
Оне на гору высокую,
Сказнили татарове
Князя Семена Пожарскова,
Отрубили буйну голову,
Иссекли бело тело
Во части во мелкия,
Разбросали Пожарскова
По далече чисту полю,
Оне сами уехали
К самому хаму крымскому.
Оне день-другой не идут,
Никто не проведает,
А из полку было государева,
Казаки двоя выбрались,
Эти двоя казаки-молодцы,
Оне на гору пешком пошли,
И [в]зошли тута на гору высокую,
И увидели те молодцы
То ведь тело Пожарскова:
Голова его по собе лежит,
л. 66 Руки, ноги разбросаны,
А ево бело тело во части изрублено
И разбросано по раздолью широкому.
Эти казаки-молодцы ево тело собрали,
Да в одно место складовали,
Оне сняли с себя липовой луб
Да и тут положили ево,
Увезали липовой луб накрепко,
Понесли ево, Пожарского,
(К) Конотопу ко городу.

В Конотопе-городе
Пригодился там епископ быть,
Собирал он, епископ, попов и дьяконов
И церковных причетников
И тем казакам, удалым молодцам,
Приказал обмыть тело Пожарскова.
И склали ево бело тело в домовище дубовое,
И покрыли тою крышкою белодубовою.
А и тут люди дивовалися,
Что ево тело вместо срасталося.
Отпевавши надлежащее погребение,
Бело тело ево погребли во сыру землю
И пропели петье вечное
Тому князю Пожарскому.

СВЕТЕЛ-РАДОШЕН ЦАРЬ АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Когда светел-радошен
Во Москве благоверной царь,
Алексей царь Михайлович:
Народил бог ему сына,
Царевича Петра Алексеевича,
Первова императора по земле [св]еторусския.
Как плотники-мастеры
Во всю ноченьку не спали:
Колыбель-люльку делали
л. 66, об., Оне || младому царевичу,
А и нянюшки-мамушки,
Сенныя красныя деушки
Во всю ноченьку не спали:
Шинкарочку вышивали
По белому рытому бархоту
Оне красныем золотом;
Тюрьмы с покаяннами
Оне все распущалися;
А и погребы царские
Оне все растворялися.
У царя благовернова
Еще пир и стол на радосте;
А князи сбиралися,
Бояра съезжалися
А дворяна сходилися,
А все народ божей
На пиру пьют-едят,
Прохложаются.

Во веселье, в радосте
Не видали, как дни прошли
Для младова царевича
Петра Алексеевича,
Первова императора

КОГДА БЫЛО МОЛОДЦУ ПОРА-ВРЕМЯ ВЕЛИКАЯ

Когда было молодцу
Пора-время великая,
Честь-хвала молодецкая, —
Господь-бог миловал,
Государь-царь жаловал,
Отец-мать молодца
У себя во любве держал,
А и род-племя на молодца
Не могут насмотретися,
Суседи ближния
Почитают и жалуют,
Друзья и товарыщи
На совет съезжаются,
Совету советовать,
Крепку думушку думати
Оне про службу царскую
И про службу воинскую.
Скатилась ягодка
л. 67 С са[хар]нова деревца,
Отломилась веточка
От кудрявыя от яблони,
Отстает доброй молодец
От отца, сын, от матери.
А ныне уж молодцу
Безвремянье великое:
Господь-бог прогневался,
Государь-царь гнев взложил,
Отец и мать молодца
У себя не в любве держ(а)л,
А и род-племя молодца
Не могут и видети,
Суседи ближния
Не чтут-не жалуют,
А друзья-товарыщи
На совет не съезжаются
Совету советовать,

Крепку думушку думати
Про службу царскую
И про службу воинскую.
А ныне уж молодцу
Кручина великая
И печаль немалая.
С кручины-де молодец,
Со печали великия,
Пошел доброй молодец
Он на свой конюшенной двор,
Брал доброй молодец
Он добра коня стоялова,
Наложил доброй молодец
Он уздицу тесмяную,
Седелечко черкасское,
Садился доброй молодец
На добра коня стоялова,
Поехал доброй молодец
На чужу дальну сторону.
Как бы будет молодец
У реки Смородины,
А и [в]змолится молодец:
«А и ты, мать быстра река,
Ты быстра река Смородина!
Ты скажи мне, быстра река,
Ты про броды кониныя,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частыя!».
Провещится быстра река
Человеческим голосом,
Да и душей красной девицей:
«Я скажу те, быстра река,
Добро[й] молодец,
Я про броды кониныя,
Про мосточки калиновы,
Перевозы частыя:
Со броду конинова
Я беру по добру коню,
С перевозу частова —
По седелечку черкесскому,
Со мосточку калинова —
По удалому молодцу,
А тебе, безвремяннова молодца,
Я и так тебе пропущу».
Переехал молодец
За реку за Смородину,

Он отъехал, молодец,
Как бы версту-другую,
Он своим глупым разумом,
л. 67 об. Молодец, || похваляется:
«А сказали про быстру реку Смородину:
Не протти, не проехати
Не пешему, ни конному —
Она хуже, быстра река,
Тое лужи дожжевыя!».
Скричит за молодцом
Как в сугонь быстра река Смородина
Человеческим языком,
Душей красной девицей:
«Безвремянной молодец!
Ты забыл за быстрой рекой
Два друга сердечныя,
Два востра ножа булатныя, —
На чужой дальной стороне
Оборона великая!».
Воротился молодец
За реку за Смородину,
Нельзя что не ехати
За реку за Смородину,
Не узнал доброй молодец
Тово броду конинова,
Не увидел молодец
Перевозу частова,
Не нашел доброй молодец
Он мосточку колинова.
Поехал-де молодец
Он глубокими омоты;
Он перву ступень ступил —
По черев конь утонул,
Другу ступень с(ту)пил —
По седелечко черкесское,
Третью ступень конь ступил —
Уже гривы не видити.
А и (в)змолится молодец:
«А и ты мать, быстра река,
Ты быстра река Смородина!
К чему ты меня топишь,
Безвремяннова молодца?»
Провещится быстра река
Человеческим языком,
Она душей красной девицей:
«Безвремянной молодец!

Не я тебе топлю,
Безвремяннова молодца,
Топит тебе, молодец,
Похвальба твоя, пагуба!».
Утонул доброй молодец
Во Москве-реке, Смородине.
Выплывал ево доброй конь,
На крутые береги,
Прибегал ево доброй конь
К отцу ево, к матери,
На луке на седельныя
Ерлычек написаной:
«Утонул доброй молодец
Во Москве-реке, Смородине».

№ 68 ПОД РИГОЮ СТОЯЛ ЦАРЬ-ГОСУДАРЬ

А под славным было городом под Ригою,
Что стоя(л) царь-государь по три годы,
Еще бывшей Алексей-царь Михайлович.
Изволил царь-государь нарежатися,
Нарежается царь-государь в каменну Москву,
А и бывшей Алексей-царь Михайлович.
Что поутру было рано-ранешонько,
Как на светлой заре на утренней,
На восходе было краснова солнушка,
Как бы гуси-лебеди воскикали,
Говорили салдаты новобраныя:
«А свет-государь, благоверной царь,
А и бывшей Алексей-царь Михайлович!
Ты изволишь нарежаться в каменну Москву,
Не оставь ты нас, бедных, под Ригою,
Уж и так нам-де Рига наскучила,
Она скучила нам, Рига, напрокучила:
Много холоду-голоду принели,
Наготы-босоты вздвое того».
Что злата труба под Ригою протрубила,
Прогласил государь благоверной царь:
«А и детушки, вы, салдаты новобраные!
Не одним вам Рига-та наскучила,
Самому мне, государ(ю), напроскучила.
Когда бог нас принесет в каменну Москву,
А забудем бедность-нужу великую,
А и выставлю вам погребы царския,
Что с пивом, с вином, меды сладкия».

л. 68 об.

ПОХОД СЕЛЕНГИНСКИМ КАЗАКАМ

А за славным было батюшком за Бойкалом-морем,
А и вверх было по матке Селенге по реке,
Из верхнева острогу Селендинскова,
Только высылка была удалым молодцам,
Была высылка добрым молодцам,
Удалым молодцам, селенденским казакам,
А вторая высылка — посольским стрельцам,
На подачу им даны были тобуноцки мужики,
Тобуноцки мужики, люди ясашныя.
Воевода походил у них Федор молодой Дементьянович
Есаулом походил у нево брат родной,
А по именю Прокопей Козеев молодец.
Переправились казаки за Селенгу за реку,
Напущались на улусы на мунгальския.
По грехам над улусами учинилося,
А мунгалов в домах не годилося:
Оне ездили за зверями обловами.
Оне тута, казаки, усмехаются,
Разорили все улусы мунгальские,
Он(е) жен-детей мунгалов во полон взяли,
Шкарб и живот у них обрали весь.
Оне стали, казаки, переправлятися
На другу сторону за Селенгу-реку,
Опилися кумысу, кобыльева молока.
Из-за тово было белова каменя
Как бы черныя вороны налетывали,
Набегали тут мунгалы из чиста поля,
Учинилася бой-драка тут великая:
Оне жен-детей мунгалок и отбили назад,
А прибили казаков много дó смерти,
Вдвое-втрое казаков их переранили,
Тобуноцки мужики на побег пошли,
Достальных казаков своих выдали.
А прибудут казаки в Селенденской острог,
По базарам казаки оне похаживают,
А и хвастают казаки селендинскии молодцы,
А своими ведь дырами широкими.

л. 69

ПО ДАЛАМ ДЕВИЦА КОПАЛА КОРЕНЬЯ ЛЮТАЯ

Кабы по гара́м, гора́м, по высокием гора́м,
Кабы по дала́м, дола́м, по широкием дола́м,
А и покрай было моря синева
И по тем по хорошием зеленым лугам,
Тут ходила-гуляла душа красная девица,
А копала она коренья-зелья лютое.
Она мыла те кореньица в синем море,
А сушила кореньица в муравленой печи,
Растирала те коренья во серебряном кубце,
Разводила те кореньица меды сладкими,
Рассычала коренья белым сахором
И хотела извести своего недруга.
Невзначае извела своего друга милова,
Она по роду братца родимова.
И росплачится девица над молодцом,
Она плачет, девица, убиваючи,
Она жалобна, девица, причитаючи:
«Занапрасно головушка погибнула!».

ПЕРЕД НАШИМИ ВОРОТАМИ УТОПТАНА ТРАВА

Перед нашими широкими воротами
А утоптана трава, утолочена мурава,
А(щ)ипаны цветочки лазоревые.
Еще кто траву стоптал, кто мураву столочил?
л. 69 об., Сотоптала-столочила красная девица || душа,
Стоючи она с надежею, с милым другом.
Он держал красну девицу за белы ручки
И за хороши за перстни злаче́ныя,
Целовал-миловал, ко сер(д)цу прижимал,
Называл красну девицу животом своим.
И проговорит девица-душа красная:
«Ты надежа мой, надежа, сердечной друг!
А не честь твоя хвала молодецкая —
Без числа больно, надежа, упиваешься,
А и ты мной, красной девицей, похваляишься;
А и ты будто надо мной все насмехаешься!».
Ему тута молодцу за беду стало,
Как он бьет красну девицу по белу ее лицу:
Он расшиб у девицы лицо белое,
Проливал у девицы кровь горячую,

Замарал на девицы платье цветное.
Расплачится девица перед молодцом:
«Когда тебе девица не в любви пришла,
А и ты сделай мне, надежа, ветляниинькой стружек,
А и ты сделай мне на нем муравленой чердачок,
А и сделай беседу дорог рыбей зуб,
Исподерни ту беседу рытым бархатом,
А и дай мне, надежа, пятьдесят гребцов,
А другое пятьдесят в провожатые,
Отпусти меня, друг-надежа, за сине море,
За сине море во почестной монастырь,
Постригусь я, молодешунька, посхимлюся;
На пострыженья ты дай мне пятьдесят рублев,
На посхименья дай мне другое пятьдесят».

л. 70 ДА НЕ ЖАЛЬ ДОБРА МОЛОДЦА БИТОВА — ЖАЛЬ ПОХМЕЛЬНОВА

А и не жаль мне-ка битова, грабленова,
А и тово ли Ивана Сутырина,
Только жаль доброва молодца похмельнова,
А того ли Кирилы Даниловича:
У похмельнова доброва молодца бойна голова болит.
«А вы, милы мои братцы-товарищи-друзья!
Вы купите винца, опохмельтя молодца.
Хотя горько да жидко — давай еще!
Замените мою смерть животом своим:
Еще не в кое время пригожусь я вам всем!».

ИЗ КРЫМУ И ИЗ НАГАЮ

А из Крыму ли, братцы, из Нагаю,
Из тоя ли орды бесурманския,
А ехали два братца родимыя,
Под бóльшим-та братом конь уставает,
А меньшей за бóльшева умирает:
«А и гой еси, мой братец родимой!
А я тебе, братец, посверстняе,
А пеша ту дороженьку повыду».
Когда было добру молодцу время,
Народ, господа ево почитали,
А стало доброму молодцу безвременье —
Некто́-де молодца не почитает,
А сам се молодец размышляет:

«Сокол ли то на сем свете не птица?
На ево-та безвременьица бывает:
Он пеш да по чисту полю гуляет;
Худая та птичка — куличонко,
И та над соколом насмеялась,
Наперед-та ево залетела».

л. 70 об. ПОКРАЙ МОРЯ СИНЕГО СТОЯЛ АЗОВ-ГОРОД

А и покрай было моря синева,
Что на ус(т)ье Дону-та тихова,
На крутом красном бережку,
На желтых рассыпных песках
А стоит крепкой Азов-город
Со стеною белокаменною,
Землян(ы)ми роскатами,
И ровами глубокими,
И со башними караульными,
Середи Азова-города
Стоит темная темница,
А злодейка земляная тюрьма.
И во той было темной темницы
Что двери были железныя,
А замок был в три пуда,
А пробои были булатныя,
Как засовы были медныя.
Что во той темной темницы
Засажóн сидит донской казак
Ермак Тимофеевич.
Мимо той да темной темницы
Случилося царю идти,
Самому царю тому турецкому
Салтану Салтановичу.
А кричит донской казак
Ермак Тимофеевич:
«А ты гой еси, турецкой царь
Салтан Салтанович!
Прикажи ты меня поить-кормить,
Либо казнить, либо на волю пустить!».
Постоялся турецкой царь
Салтан Салтанович:
«А мурзы вы, улановья!
А вы сгаркаите из темницы
Тово тюремнова старосту».

А и мурзы-улановья
л. 71 Металися || через голову,
Привели ево улановья
Оне старосту тюремнова;
И стал он, турецкой царь,
У тюремнова старосты спрашивать:
«Еще что за человек сидит?».
Ему староста россказывает:
«Ай ты гой еси, турецкой царь
Салтан Салтанович!
Что сидит у нас донской казак
Ермак Тимофеевич».
И приказал скоро турецкой царь:
«Вы, мурзы-улановья,
Ведите донскова казака
Ко полатам моим царскием!».
Еще втапоры турецкой царь
Напоил-накормил добра молодца
И тожно стал ево спрашивати:
«А ты гой еси, донской казак!
Еще как ты к нам в Азов попал?».
Россказал ему донской казак:
«А и я послан из каменной Москвы
К тебе, царю, в Азов-город,
А и послан был скорым послом
И гостинницы дорогие к тебе вез,
А на заставах твоих
Меня всего ограбили,
И мурзы-улановья моих товарыщей
Рассадили, добрых молодцов,
И по разным темным темницам».
Еще втапоры турецкой царь
Приказал мурзы-улановьям
Собрать добрых молодцов,
Ермаковых товарыщев.
Опущает добрых молодцов
Ермака в каменну Москву,
Снарядил доброва молодца
Ермака Тимофеевича,
Наградил златом-серебром.
Еще питьями заморскими.
Отлучился донской казак
От Азова-города,
Загулялся донской казак
По матушке Волге-реке,
Не явился в каменну Москву.

л. 71 об. [ПРО] БОРИСА ШЕРЕМЕТЕВА

Во славном городе в Орешке,
По нынешнему званию Шлюшенбурха,
Пролегла тута широкая дорожка.
По той по широкой дорожке
Идет тут царев большой боярин,
Князь Борис сын Петрович Шереметев,
Со темя он со пехотными полками,
Со конницею и со драгунами,
Со удалыми донскими казаками.
Вошли оне во Красну мызу
Промежу темя высокими горами,
Промежу темя широкими долами,
А все полки становилися.
А втапоры Борис сын Петрович
В объезд он донских казаков посылает,
Донских, гребецких да ейцкиех.
Как скрали оне швецкия караулы,
Маэора себе во полон полонили,
Привезли его в лагири царския.
Злата труба в поле протрубила,
Прогласил государь, слово молвил,
Государь московской, первой император:
«А и гой еси, Борис сын Петрович!
Изволь ты маэора допросити тихонько-помалешуньку:
А сколько-де силы в Орешке у вашего короля щвецкова?».
Говорит тут маэор не с упадкою,
А стал он силу рассказавать:
«С генералом в поле нашим — сорок тысячей,
С королем в поле — сметы нет».
л. 72, А втапоры царев большой боярин,
Князь Борис сын Петрович Шереметев,
А сам он царю репортует,
Что много-де силы в поле той швецкой:
С генералом стоит силы сорок тысячей,
С королем в поле силы смету нет.
Злата труба в поле в лагире протрубила,
Прогласил первой император:
«А и гой еси, Борис Петрович!
Не устрашися маэора допросити,
Не корми маэора целы сутки,
Еще вы ево повторите,

Другие вы сутки не кормите,
И сладко он росскажет,
Сколько у них силы швецкия».
А втапоры Борис Петрович Шереметев
На то-то больно догадлив:
А двое-де сутки маэора не кормили,
Во третьи винца ему подносили.
А втапоры маэор россказал,
Правду истинну россказал всем:
«С королем нашим и генералом силы семь тысячей,
А более того нету!».
И тут государь [в]звеселился,
Велел ему маэора голову отляпать.

БЛАГОСЛОВИТЕ, БРАТЦЫ, ПРО СТАРИНУ СКАЗАТЬ

Благословите, братцы, старину сказать,
Как бы старину стародавную.
Как бы в стары годы, прежния,
Во те времена первоначальныя
А и сын на матере снопы возил,
Молода жена в при́прежи была,
Ево матушка обленчива,
Молода жена зарывчева,
Молоду жену свою поддерживал,
л. 72 об., Он матушку || свою подстегивал
Своим кнутиком воровинныем,
Изорвался кнутик, он — березиной.

[ПРО] КНЯЗЯ РЕПНИНА

Промеж было Казанью, промеж Астраханью,
А пониже города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Из тое ли было нагорную сторонушки
Как бы прошла-протекла Камышевка-река,
Своим ус(т)ьем она впала в матушку Волгу-реку.
А по славной было матушке Камы́шевке-реке
Выгребали-выплывали пятьдесят легких стругов
Воровскиех казаков,
А на всяком стручежку по пятьдесят гребцов,
По пятьдесят гребцов-воровскиех казаков.
Заплывали-загребали в Коловинские острова,

Становились молодцы во тихих заводях
Выгулять оне на зеленые луга,
Расставили майданы терския
И раздернули ковры сорочинския;
А играли казаки золотыми оне тавлеями,
Кто-де костью, кто-де картами — все удалы молодцы.
Посмотрят молодцы вниз по Волге-реке:
Как бы черн(ь)-та на Волге зачернеется,
А идут гребныя из Астрахани.
Дожидались казаки, удалые молодцы,
Губернатора из Астрахани
Репнина-князя Данилу Александровича.
л. 73 А на что душа рождена, || тово бог и дал:
Подошли те гребныя в Коловинские острова,
И бросали казаки оне потехи все,
И бросалися во свои легонски стружки,
Напущалися казаки на гребныя струги:
Оне все тута торговых перещупали,
Оне спрашивают губернатора из Астрахани:
«А то коли он с вами, покажите ево нам,
А до вас, до купцов, удалых молодцов, и дела нет».
Потаили купцы губернатора у себя,
Оне спрятовали под товары под свои.
Говорили молодцы, воровские казаки:
«А вы сами себе враги, за что ево спратовали».
Обыскали под товарами губернатора,
Репнина-князя Данилу Александровича,
Изрубили ево во части мелкия,
Разбросали по матушке Волге-реке,
А ево-то госпожу, губернаторску жену,
И со малыми детушками
Оне все молодцы воровские казаки, помиловали,
А купцов-молодцов ограбили,
Насыпали червонцами легки свои струги,
Пошли по Комышевке-реке.

ВО СИБИРСКОЙ УКРАИНЕ, ВО ДОУРСКОЙ СТОРОНЕ

Во сибирской во украине,
Во Даурской стороне,
В Даурской стороне,
А на славной н(а) Амуре-реке,
На ус(т)ье Комары-реке

Казаки царя белова
Оне острог поставили,
Острог поставили,
Есак царю собрали
Из-за сабельки вострыя,
Из-за сабли вострыя,
Из-за крови горячи(я).
Круг оне ‖ острогу Камарскова
л. 73 об. Оне глубокой ров вели,
Высокой вал валилися,
Рогатки ставили,
Чеснок колотили,
Смолье приготовили.
Поутру рано-ранешонько
Равно двадцать пять человек
Выходили молодцы оне
На славну Амуру-реку
С неводочками шелковыми
Оне по рыбу свежею.
Несчастье сделалось
Над удалыми молодцы:
Из далеча из чиста поля,
Из раздолья широкова,
С хребта Шингальскова,
Из-за белова каменя,
Из-за ручья глубокова
Выкоталася знамечка,
Выкоталася знамечко большее;
А знамя за знамем идет,
А рота за ротами валит,
Идет боидоской князец,
Он со силою поганою,
Со силою поганою
Ко острогу Комарскому.
Как вешнея вода
По лугам разлилася,
Облелеила сила поганая
Вкруг острогу Комарскова,
Отрезали у казаков
Ретиво сер(д)це с печенью,
Полонили молодцов
Двадцать пять человек
С неводочки шелковоми
И с рыбою свежею.
А и ездит боидоской князец
На своем на добром коне,

Как черной ворон летает
Круг острогу Комарскова,
Кричит боидоской князец
Ко острогу Комарскому:
«А сдайтеся, казаки,
Из острогу Комарскова!
А и буду вас жаловать
Златом-серебром
Да и женски прелестными,
А женски[ми] прелестными,
И душами красны[ми] девиц[ами]».
Не сдаются казаки
Во остроге сидечи,
Кричат оне, казаки,
Своим громким голосом:
«Отъезжай, боидоской князец,
От острогу Комарскова!».
А втапоры боидоско(й) князец
Со своею силою поганою
Плотной приступ чинит
Ко острогу Комарскому.
Казаки оне справилися,
За ружье сграбелися,
А бы́ла у казаков
л. 74 Три пушки || медныя
А ружье долгомерное.
Три пушечки гунули,
А ружьем вдруг грянули,
А прибили оне, казаки,
Тое силы боидоские,
Тое силы боидоские,
Будто мушки ильинские,
Тое силы поганые.
Заклинался боидоской князец,
Бегучи от острогу прочь,
От острогу Комарскова,
А сам заклинается:
«А не дай, боже, напредки бывать!».
На славной Амуре-реке
Крепость поставлена,
А и крепость поставлена крепкая
И сделан гостиной двор
И лавки каменны.

НИКИТЕ РОМАНОВИЧУ ДАНО СЕЛО ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ

Да в старые годы, прежния,
Во те времена первоначальныя,
Когда воцарился царь-государь,
А грозны царь Иван Васильевич,
Что взял он царство Казанское,
Симеона-царя во полон полонил
С царицею со Еленою
Выводил он измену из Киева,
Что вывел измену из Нова-города,
Что взял Резань, взял и Астрахань.
А ныне у царя в каменной Москве
Что пир идет у него навеселе,
А пир идет про князей, про бояр,
Про вельможи, гости богатыя,
Про тех купцов про сибирскиех.
Как будет летне-ет день в половина дня,
л. 74 об. Смиренна беседушка || навеселе,
А все тута князи-бояра
И все на пиру напивалися,
Промеж собою оне расхвасталися:
А сильной хвастает силою,
Богата-ет хвастает богатеством.
Злата труба в царстве протрубила,
Прогласил царь-государь, слово выговорил:
«А глупы бояра, вы, неразумныя!
А все вы безделицой хвастаетесь,
А смею я, царь, похвалитися,
Похвалитися и похвастати,
Что вывел измену я из Киева
Да вывел измену из Нова-города,
А взял я Резань, взял и Астрахань».
В полатах злата труба протрубила,
Прогласил в полатах царевич молодой,
Что меньшей Федор Иванович:
«А грозной царь Иван Васильевич!
Не вывел измены в каменной Москве:
Что есть у нас в каменной Москве
Что три большия боярина,
А три Годуновы изменники!».
За то слово царь спохватается:
«Ты гой еси, чадо мое милое,
Что меньшей Федор Иванович!
Скажи мне про трех ты бояринов,

Про трех злодеев-изменников:
Первова боярина в котле велю сварить,
Другова боярина велю на кол посадить,
Третьева боярина скоро велю сказнить».
Ответ держит тут царевич молодой,
Что меньшей Федор Иванович:
«А грозной царь Иван Васильевич!
Ты сам про них знаешь и ведаешь,
Про трех больших бояринов,
Про трех Годуновых-изменников,
Ты пьешь с ними, ешь с еднова блюда,
Единую чарой с ними требуешь!».
То слово царю не взлюбилося,
То слово не показалося:
Не сказал он изменников по имени.
Ему тута за беду стало,
л. 75 За великую досаду показалося,
Скрычал он, царь, зычным голосом:
«А ест(ь) ли в Москве немилостивы палачи?
Возьмите царевича за белы ручки,
Ведите царевича со царскова двора
За те за вороты москворецкия,
За славную матушку за Москву за реку,
За те живы мосты калиновы,
К тому болоту поганому,
Ко той ко луже кровавыя,
Ко той ко плахе белодубовой!».
А все палачи испужалися,
Что все в Москве разбежалися,
Един палач не пужается,
Един злодей выступается:
Малюта-палач сын Скурлатович.
Хватя он царевича за белы ручки,
Повел царевича за Москву за реку.
Перепахнула вестка нерадошна
Во то во село в Романовское,
В Романовское во боярское
Ко старому Никите Романовичу,
Нерадошна вестка, кручинная:
«А и гой еси, сударь мой дядюшка,
Ты старой Никита Романович!
А спишь-лежишь, опочив держишь,
Али те, Никите, мало можется?
Над собою ты невзгоды не ведаешь:
Упала звезда поднебесная,
Потухла в соборе свеча местная,

Не стало царевича у нас в Москве,
А меньшева Федора Ивановича!».
Много Никита не выспрашивает,
А скоро метался на широкой двор,
Скричал он, Никита, зычным голосом:
«А конюхи, мои приспешники!
Ведите наскоре добра коня
Неседленова, неуздонова!».
Скоро-де конюхи метались,
Подводят наскоре добра коня,
Садился Никита на добра коня,
За себе он, Никита, любимова конюха хватил,
Поскакал за матушку Москву за реку,
А шапкой машет, головой качает,
л. 75 об. Кричит он, ревет || зычным голосом:
«Народ православной! не убейтеся,
Дайте дорогу мне широкую!».
Настиг палача он во полупутя,
Не дошед до болота поганова,
Кричит на ево зычным голосом:
«Малюта-палач сын Скурлатович!
Не за свойской кус ты хватаешься,
А этим кусом ты подавишься!
Не переводи ты роды царския!».
Говорит Малюта, немилостивой палач:
«Ты гой, Никита Романович!
А наше-та дела повеленое.
Али палачу мне самому быть сказнену?
А чем окровенить саблю вострую?
Что чем окровенить руки, руки белыя?
А с чем притить к царю пред очи,
Пред ево очи царския?».
Отвечает Никита Романович:
«Малюта-палач сын Скурлатович!
Сказни ты любимова конюха моево,
Окровени саблю вострую,
Замарай в крове руки белыя свои,
А с тем поди к царю пред очи,
Перед ево очи царския!».
А много палач не выспрашивает,
Сказнил любимова конюха ево,
Окровенил саблю вострую,
Заморал руки белые свои,
А прямо пошел к царю пред очи,
Подмастерья ево голову хватил;
Идут к царю пред очи ево царския,

В ево любимою крестовою.
А грозны царь Иван Васильевич,
Завидевши сабельку вострую,
А востру саблю кровавую
Тово палача немилостива,
Потом же увидел и голову у них,
А где-ка стоял он, и тута упал:
Что резвы ноги подломилися,
Что царски очи замутилися,
Что по три дня ни пьет не ест.
Народ-християне православныя
Положили любимова конюха
л. 76 На те || на телеги на ординския,
Привезли до Ивана Великова,
Где кладутся цари и царевичи,
Где их роды, роды царския,
Завсегда звонят во царь-колокол.
А старой Никита Романович,
Хватя он царевича, на добра коня посадил,
Увез во село свое Романовское,
В Романовское и боярское.
Не пива ему варить, не вина курить,
А пир пошел у него на радостях,
А в трубки трубят по-ратному,
Барабаны бьют по-воинскому,
У той у церкви соборныя
Сбирались попы и дьяконы,
А все ведь причетники церковныя,
Отпевали любимова конюха.
А втапоры пригодился царь,
А грозны царь Иван Васильевич,
А трижды земли на могилу бросил,
С печали царь по царству пошел,
По тем широким по улицам.
А те бояре Годуновые идут с царем,
Сами подмолвилися:
«Ты грозны царь Иван Васильевич!
У тебя кручина несносная,
У боярина пир идет навеселе,
У старова Никиты Романовича».
А грозны царь он и крут добре:
Послал посла немилостивова,
Что взять его, Никиту, нечестно к нему.
Пришел посол ко боярину в дом,
Взял Никиту, нечестно повел,
Привел ко царю пред ясны очи.

Не дошед, Никита поклоняется
О праву руку до сыру землю,
А грозны царь Иван Васильевич
А в правой руке держит царской костыль,
А в левой руке держит царско жезло,
По нашему, сибирскому, — вострo копье,
А ткнет он Никиту в праву ноги,
Пришил ево ко сырой земли,
А сам он, царь, приговаривает:
л. 76 об. «Велю я Никиту || в котле сварить,
В котле сварить, либо на кол посадить,
На кол посадить, скоро велю сказнить:
У меня кручӥна несносная,
А у тебя, боярина, пир навеселе!
К чему ты, Никита в доме добре радошен?
Али ты, Никита, какой город взял?
Али ты, Никита, корысть получил?».
Говорит он, Никита, не с упадкою:
«Ты грозны царь Иван Васильевич!
Не вели мене казнить, прикажи говорить:
А для того у мене пир навеселе,
Что в трубочки трубят па-ратному,
В барабаны бьют по-воинскому —
Утешают млада царевича,
Что меньшева Федора Ивановича!».
А много царь не выспрашивает,
Хватя Никиту за праву руку,
Пошел в палаты во боярския,
Отворяли царю на́ пету,
Вошел в палаты во боярския.
Поднебестна звезда уж высоко взашла,
В соборе местна свеча затеплялася,
Увидел царевича во большом месте,
В большом месте, в переднем угле,
Под местными иконами, —
Берет он царевича за белы ручки,
А грозны царь Иван Васильевич,
Целовал ево во уста сахарныя,
Скричал он, царь, зычным голосом:
«А чем боярина пожаловати,
А старова Никиту Романовича?
А погреб тебе злата-серебра,
Второе тебе — питья разнова,
А сверх того — грамата тарханная:
Кто церкву покрадет, мужика ли убьет,
А кто у жива мужа жену уведет

И уйдет во село во боярское
Ко старому Никите Романовичу, —
И там быть им не в вы́доче».
А было это село боярское,
Что стало село Пребраженское
По той по грамоте тарханныя.
Отныне ана словет и до веку.

л. 77 ИЗ МАНАСТЫРЯ БОГОЛЮБОВА СТАРЕЦ ИГР[ЕН]ИЩО

Из монастыря да из Боголюбова
Идет старец Игренища,
Игренища-Кологрениша,
А и ходит он по монастырю,
Просил честныя милостыни,
А чем бы старцу душа спасти,
Душа спасти, душа спасти, ее в рай спусти.
Пришел-та старец под окошечко
(К) человеку к тому богатому,
Просил честную он милостыню,
Просил редечки горькия,
Просил он капусты белыя,
А третьи — свеклы красныя.
А тот удалой господин добре
Сослал редечки горькия
И той капусты он белыя,
А и той свеклы красныя
А с тою ли девушкой повареннаю.
Сошла та девка со двора она
И за те за вороты за широкия,
Посмотрит старец Игрениша-Кологренища
Во все четыре он во стороны,
Не увидел старец он, Игрениша,
Во всех четырех во сторонушках
Никаких людей не шатаются-не матаются,
И не рад-та старец Игрениша
А и тое ли редечки горькия,
А и той капусты белыя,
А третьи — свеклы красныя,
А и рад-та девушке-чернавушке.
Ухватил он девушку-чернавушку,
Ухватил он, посадил в мешок,
Со тою-та редькою горькаю,
И со той капустой белою,
И со той со свеклой со красною.

Пошел он, старец, по мана́стырю,
И увидели ево ребята десятильниковы,
И бросалися ребята оне ко старцу,
Хватали оне шилья сапожныя,
А и тыкали у старца во шелковай мешок:
Горька редька рыхнула,
Белая капуста крикнула,
л. 77 об. Из красной свеклы росол || пошел.
А и тута ребята десятильниковы,
Оне тута со старцом заздорили.
А и молится старец Игрениша,
А Игрениша-Кологренища:
«А и гой вы еси, ребята десятильниковы!
К чему старца меня обидите?
А меня вам обидить — не корысть получить.
Будьте-тка вы ко мне в Боголюбов монастырь,
А и я молодцов вас пожалую:
А и первому дам я пухов колпак,
А и век-та носить, да не износить;
А другому дам комчат кафтан,
Он весь-та во титивочку повыстеган;
А третьему дам сапожки зелен сафьян
Со темя подковами немецкими.
А и тут ему ребята освободу дают,
И ушел он, старец Игрениша,
А Игренишша-Кологренишша
Во убогия он свои во кели(й)ки.
А по утру раненько-ранешонько
Не изробели ребята десятильниковы,
Промежу обедни, заутрени
Пришли оне, ребята десятильниковы,
Ходят оне по мана́стырю,
А и спрашивают старца Игрениша,
Игрениша-Кологрениша.
А увидел сам старец Игрениша,
Он тем-та ребятам поклоняется,
А слово сказал им ласковое:
«Вы-та, ребята разумныя,
Пойдем-ка ко мне, в келью идите».
Всем россказал им подробна все:
А четверть пройдет — другой приди,
А всем россказал, по часам россказал.
Монастырски часы были верныя,
А которой побыстрея их, ребят,
Наперед пошел ко тому старцу ко Игренишу.
Первому дал он пухов калпак:

А брал булаву в полтретья пуда,
Бил молодца по буйной голове —
Вот молодцу пухов колпак,
Век носить, да не износить,
Поминать старца Игрениша.
И по тем часам монастырскием
А и четверть прошла — другой пришел.
л. 78 А втапоры старец || Игренища
Другому дает кофтан комчатной:
Взял он плетку шелковую,
Разболок ево, детину, донага,
Полтараста ударов ему в спину влепил.
А и тех-та часов монастырскиех
Верно та их четверть прошла,
И третей молодец во монастырь пошел
Ко тому старцу ко Игренишу,
Допрошался старца Игрениша.
И завидел ево старец Игрениша,
Игрениша-Кологрениша,
А скоро удобрил и в келью взял,
Берет он полена березовое,
Дает ему сапожки зелен сафьян:
А и ногу перешиб и другую подломил.
«А вот вы, ребята десятильниковы,
Всех я вас, ребят, пожаловал:
Первому дал пухов колпак,
А и тот ведь за кельей валяится,
А другому наделил я комчат кафтан,
А и тот не ушел из монастыря,
А последнему — сапожки зелен сафьян,
А и век ему носить да не износить».

САДКОВ КОРАБЛЬ СТАЛ НА МОРЕ

Как по морю, морю по синему
Бегут-побегут тридцать кораблей,
Тридцать кораблей, един сокол-корабль
Самово Садка, гостя богатова.
А все карабли, что соколы летят,
Сокол-карабль на море стоит.
Говорит Садко-купец, богатой гость;
«А ярыжки вы, люди наемные,
А наемны люди, подначальныя!
л. 78 об., А вместо все || вы собирайтеся,
А и режьтя жеребья вы валжены,
А и всяк-та пиши на имена

И бросайте вы их на сине море».
Садко покинул хмелево перо,
И на ем-та подпись подписано.
А и сам Садко приговариват:
«А ярыжки, люди вы наемныя!
А слушай речи праведных,
А бросим мы их на сине море,
Которые бы по́верху пловут,
А и те бы душеньки правыя,
Что которые-то во море тонут,
А мы тех спихнем во сине море».
А все жеребья поверху пловут,
Кабы яры гоголи по заводям,
Един жеребей во море тонет,
Во море тонет хмелево перо
Самово Садка, гостя богатова.
Говорил Садко-купец, богатой гость:
«Вы ярыжки, люди наемныя,
А наемны люди, подначальныя!
А вы режьтя жеребья ветляныя,
А пишите всяк себе на имена,
А и сами к ним приговаривай:
А которы жеребьи во море тонут, —
А и то бы душеньки правыя».
А и Садко покинул жеребей булатной,
Синева булату ведь заморскова,
Весом-то жеребей в десеть пуд.
И все жеребьи во море тонут, —
Един же́ребей поверху пловет,
Самово Садка, гостя богатова.
Говорит тут Садко-купец, богатой гость:
«Вы ярыжки, люди наемныя,
А наемны люди, подначальныя!
Я са(м), Садко, знаю-ведаю:
Бегаю по́ марю двенадцать лет,
Тому царю заморскому
Не платил я дани-пошлины,
И во то сине море Хвалынское
Хлеба с солью не опу́сковал, —
По меня, Садка, смерть пришла,
И вы, купцы-гости богатыя,
А вы, целовальники любимыя,
А и все приказчики хорошия!
Принесите шубу соболиную!».
И скоро Садко нарежается,
Берет он гусли звончаты

Со хороши струны золоты,
л. 79, И берет он ша́хмотницу дорогу
Со золоты тавлеями,
Со темя́ дороги вольящеты.
И спущали сходню ведь серебрену
Под красным золотом,
Походил Садко-купец, богатой гость,
Спущался он на сине море,
Садился на ша́хмотницу золоту.
А и ярыжки, люди наемныя,
А наемны люди, подначальныя
Утащили сходню серебрену
И серебрену под красным золотом ее на сокол-корабль,
А Садка остался на синем море.
А сокол-карабль по морю пошел,
А все карабли, как соколы, летят,
А един карабль по морю бежит, как бел кречет,
Самово Садка, гостя богатова.
Отца-матери молитвы великия,
Самово Садка, гостя богатова:
Подымалася погода тихая,
Понесло Садка, гостя богатова.
Не видал Садко-купец, богатой гость,
Ни горы, не берегу,
Понесло ево, Садка, к берегу,
Он и сам, Садко, тута дивуется.
Выходил Садко на круты береги,
Пошел Садко подле синя моря,
Нашел он избу великую,
А избу великую, во все дерево,
Нашел он двери, в избу пошел.
И лежит на лавке царь морской:
«А и гой еси ты, купец-богатой гость!
А что душа радела, тово бог мне дал:
И ждал Садка двенадцать лет,
А ныне Садко головой пришел,
Поиграй, Садко, в гусли звончаты!».
И стал Садко царя тешити,
Заиграл Садко в гусли звончаты,
А и царь морской зачал скакать, зачал плесать,
И тово Садка, гостя богатова,
Напоил питьями разными.
Напивался Садко питьями разными,
И развалялся Садко, и пьян он стал,
И уснул Садко-купец, богатой гость.
л. 79. об. А во сне пришел святитель Николай к нему,

Говорит ему таковы речи:
«Гой еси ты, Садко-купец, богатой гость!
А рви ты свои струны золоты
И бросай ты гусли звончаты:
Расплесался у тебе царь морской,
А сине море сколыбалося,
А и быстры реки разливалися,
Топят много бусы-корабли,
Топят души напрасныя
Тово народу православнова».
А и тут Садко-купец, богатой гость,
Изорвал он струны золоты
И бросает гусли звончаты.
Перестал царь морской скакать и плесать,
Утихла моря синея,
Утихли реки быстрыя,
А поутру стал тута царь морской,
Он стал Садка уговаривать:
А и хочет царь Садка женить
И привел ему тридцать девиц.
Никола ему во сне наказовал:
«Гой еси ты, купец-богатой гость,
А станет тебе женить царь морской,
Приведет он тридцать девиц, —
Не бери ты из них хорошую, белыя румяныя,
Возьми ты девушку поваренную,
Поваренную, что котора хуже всех».
А и тут Садко-купец, богатой гость,
Он думался, не продумался,
И берет он девушку поваренную,
А котора девушка похуже всех.
А и тута царь морской
Положил Садка на подклете спать,
И ложился он с новобра[ч]ною.
Николай во сне наказал Садку
Не обнимать жену, не целуй ее!
А и тут Садко-купец, богатой гость,
С молодой женой на подклете спит,
Свои рученьки ко сер(д)цу прижал,
Со полуноче в просонье
Ногу леву накинул он на молоду жену.
Ото сна Садко пробужался,
л. 80 Он очутился || под Новым-городом,
А левая нога во Волх-реке, —
И скочил Садко, испужался он,
Взглянул Садко он на Нов-город,

Узнал он церкву — приход своих,
Тово Николу Можайскова,
Перекрестился крестом своим.
И гледит Садко по Волх, по Волх-реке:
От тово синя моря Хвалынскова
По славной матушке Волх-реке
Бегут-побегут тридцать кораблей,
Един корабль самово Садко, гостя богатова.
И стречает Садко-купец, богатой гость,
Целовальников любимыех.
Все корабли на пристань стали
Сходни метали на крутой берег,
И вышли целовальники на крут берег,
И тут Садко поклоняется:
«Здравствуйте, мои целовальники любимыя
И приказчики хорошия!».
И тут Садко-купец, богатой гость,
Со всех кораблей в таможню положил
Казны своей сорок тысящей,
По три дни не осматривали.

ДОБРЫНЯ КУПАЛСЯ — ЗМЕЙ УНЕС

Доселева Резань она селом слыла,
А ныне Резань словет городом,
А жил во Резане тут богатой гость,
А гостя-та звали Никитою,
Живучи-та, Никита состарелся,
Состарелся, переставился.
После веку ево долгова
Осталось житье-бытье-богатество,
Осталось ево матера жена
Амелфа Тимофеевна,
Осталась чадо милая,
Как молоды Добрынюшка Никитич млад.
л. 80 об. А и будет Добрыня семи годов,
Присадила ево матушка грамоте учиться,
А грамота Никите в наук пошла,
Присадила ево матушка пером писать.
А будет Добрынюшка во двенадцать лет,
Изволил Добрыня погулять молодец
Со своею дружиною хоробраю
Во те жары петровския.
Просился Добрыня у матушки:
«Пусти меня, матушка, купатися,
Купатися на Сафат-реку!».
Она, вдова многоразумная,

Добрыни матушка наказывала,
Тихонько ему благословение дает:
«Гой еси ты, мое чадо милая,
А молоды Добрыня Никитич млад!
Пойдешь ты, Добрыня, на Израй на реку,
В Израе-реке станешь купатися —
Израй-река быстрая,
А быстрая она, сердитая:
Не плавай, Добрыня, за перву струю,
Не плавай ты, Никитич, за другу струю».
Добрыня-та матушки не слушался,
Надевал на себя шляпу земли греческой,
Над собой он, Добрыня, невзгоды не ведает,
Пришел он, Добрыня, на Израй на реку,
Говорил он дружинушки хоробрыя:
«А и гой еси вы, молодцы удалыя!
Не мне вода греть, не тешити ее».
А все молодцы разболокалися
И тут Добрыня Никитич млад.
Никто молодцы не смеет, никто нейдет,
А молоды Добрынюшка Никитич млад,
Перекрестясь, Добрынюшка в Израй-реку пошел,
А поплыл Добрынюшка за перву струю, —
Захотелось молодцу и за другую струю;
А две-та струи сам переплыл,
А третья струя подхватила молодца,
Унесла во пещеры белокаменны.
Неоткуль вз(я)лось тут лютой зверь,
Налетел на Добрынюшку Никитича,
А сам говорит-та Горынчища,
А сам он, Змей, приговаривает:
«А стары люди пророчили,
Что быть Змею убитому
л. 81 От молода || Добрынюшки Никитича,
А ныне Добрыня у меня сам в руках!».
Молился Добрыня Никитич млад:
«А и гой еси, Змеишша Горынчишша!
Не честь-хвала молодецкая
На ногое тело напущаешься!».
И тут Змей Горынчишша мимо ево пролетел,
А стали ево ноги резвыя,
А молоды Добрынюшки Никитьевича,
А грабится он ко желту песку,
А выбежал доброй молодец,
А молоды Добрынюшка Никитич млад,
Нагреб он шляпу песку желтова,

Налетел на ево Змей Горынчишша,
А хочет Добрыню огнем спалить,
Огнем спалить, хоботом ушибить.
На то-то Добрынюшка не робок был:
Бросает шляпу земли греческой
Со темя пески желтыми
Ко лютому Змею Горынчишшу, —
Глаза запорошил и два хобота ушиб.
Упал Змей Горынчишша
Во ту во матушку во Израй-реку.
Когда ли Змей исправляется,
Во то время и во тот же час
С(х)ва(т)ал Добрыня дубину тут, убил до смерти.
А вытощил Змея на берег ево,
Повесил на осину на кляплую:
Сушися ты, Змей Горынчишша,
На той-та осине на кляплыя.
А поплыл Добрынюшка
По славной матушке по Израй-реке,
А заплыл в пещеры белокаменны,
Где жил Змей Горынчишша,
Застал в гнезде ево малых детушак,
А всех прибил, попалам перервал.
Нашел в пещерах белокаменных
У лютова Змеишша Горынчишша,
Нашел он много злата-серебра,
Нашел в полатах у Змеишша
Свою он любимую тетушку,
Тое-та Марью Дивовну,
Выводит из пещеры белокаменны
И собрал злата-серебра.
Пошел ко матушке родимыя своей,
А матушки дома не годилася:
л. 81 об. Сидит у князя || Владимера.
Пришел-де он во хоромы свои,
И спрятал он свою тетушку,
И пошел ко князю явитися.
Владимер-князь запечалился,
Сидит он, ничего свету не видит,
Пришел Добрынюшка к великому князю Владимеру,
Он Спасову образу молится,
Владимеру-князю поклоняется,
Скочил Владимер на резвы ноги,
Хватя Добрынюшку Никитича,
Целовал ево во уста сахарныя;
Бросилася ево матушка родимая,

Схватала Добрыню за белы руки,
Целовала ево во уста сахарныя.
И тут с Добрынею разговор пошел,
А стали у Добрыни выспрашивати,
А где побывал, где начевал.
Говорил Добрыня таково слово:
«Ты гой еси, мой сударь-дядюшка,
Князь Владимер, со(л)нцо киевско!
А был я в пещерах белокаменных
У лютова Змеишша Горынчишша,
А все породу змеиную ево я убил
И детей всех погубил,
Родимую тетушку повыручил!».
А скоро послы побежали по ее,
Ведут родимую ево тетушку,
Привели ко князю во светлу гридню, —
Владимер-князь светел-радошен,
Пошла-та у них пир-радость великая
А для-ради Добрынюшки Никитича,
Для другой сестрицы родимыя Марьи Дивовны.

л. 82 ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА ИЛЬИ МУРОМЦА В КИЕВ

Как из (с)лавнова города из Мурома,
Из тово села Корочаева
Как была-де поездка богатырская,
Нарежался Илья Муромец Иванович
Ко стольному городу ко Киеву
Он тою дорогою прамоезжую,
Котора залегла равно тридцать лет,
Через те леса брынския,
Через черны грязи смоленския,
И залег ее, дорогу, Соловей-разбойник.
И кладет Илья заповедь велику,
Что проехать дорогу прямоезжую,
Котора залегла равно тридцать лет,
Не вымать из налушна тугой лук,
Из колчана не вымать калену стрелу,
Берет благословение великое у отца с матерью.
А и только ево, Илью, видели.
Прощался с отцом, с матерью
И садился Илья на своего добра коня,
А и выехал Илья со двора своего
Во те ворота широкия.
Как стегнет он коня по ту(ч)ным бедрам,
А и конь под Ильею рассержается,

Он перву скок ступил за пять верст,
А другова ускока не могли найти.
Поехал он через те лесы брынския,
Через те грязи смоленския.
Как бы будет Илья во темных лесах,
Во темных лесах во брынских,
Наезжал Илья на девяти дубах,
И наехал он, Илья, Соловья-разбойника.
И заслышел Соловей-разбойник
Тово ли топу конинова
И тое ли он пое(зд)ки богатырския,
Засвистал Соловей по-соловьиному,
А в другой зашипел разбойник по-змеиному,
А в-третьи зрявкает по-звериному.
Под Ильею конь окарачелся
И падал ведь на кукарачь.
Говорит Илья Муромец Иванович:
«А ты, волчья сыть, травеной мешок!
Не бывал ты в пещерах белокаменных,
Не бывал ты, конь, во темны́х лесах,
Не слыхал ты свисту соловьинова,
Не слыхал ты шипу змеинова,
л. 82 об. А тово ли ты ‖крику зверинова,
А зверинова крику, туринова?».
Разрушает Илья заповедь великую:
Вымает калену стрелу
И стреляет в Соловья-разбойника,
И попал Соловья да в правой глаз.
Полетел Соловей с сыра дуба
Комом ко сырой земли,
Подхватил Илья Муромец Соловья на белы руки,
Привезал Соловья ко той ко луке ко седельныя.
Проехал он воровску заставу крепкую,
Подъезжает ко подворью дворянскому,
И завидела-де ево молода жена,
Она хитрая была и мудрая,
И [в]збегала она на чердаки на вышния:
Как бы двор у Соловья был на семи верстах,
Как было около двора железной тын,
А на всякой тыныньки по маковке —
И по той по голове богатырския,
Наводила трубками немецкими
Ево, Соловьева, молодая жена,
И увидела доброва молодца Илью Муромца.
И бросалась с чердака во свои высокия терема
И будила она девять сыновей своих:

«А встаньте-обудитесь, добры молодцы,
А девять сынов, ясны соколы!
Вы подите в подвалы глубокия,
Берите мои золотыя ключи,
Отмыкаете мои вы окованны ларцы,
А берите вы мою золоту казну,
Выносите ее за широкой двор
И встречаете удала доброва молодца.
А наедет, молодцы, чужой мужик,
Отца-та вашего в тороках везет».
А и тут ее девять сыновей закорелися
И не берут у нее золотые ключи,
Не походят в подвалы глубокия,
Не берут ее золотой казны,
А худым видь свои думушки думают:
Хочут обвернуться черными воронами
Со темя носы железными,
Оне хочут расклевать добра молодца,
Тово ли Илью Муромца Ивановича,
Подъезжает он ко двору ко дворянскому,
И бросалась молода жена Соловьева,
А и молится-убивается:
«Гой еси ты, удалой доброй молодец!
Бери ты у нас золотой казны, сколько надобно,
Опусти Соловья-разбойника,
Не вози Соловья во Киев-град!».
А ево-та дети Соловьевы
Неучливо оне поговаривают,
Оне только Илью видели,
Что стоял у двора дворянскова.
И стегает Илья он добра коня,
А добра коня по ту(ч)ным бедрам:
Как бы конь под ним асержается,
Побежал Илья, как сокол летит.
Приезжает Илья он во Киев-град,
Середи двора княженецкова
л. 83 И скочил он, Илья, со добра || коня,
Привезал коня к дубову столбу.
Походил он во гридню во светлую
И молился он Спасу со Пречистою,
Поклонился князю со княгинею,
На все на четыре стороны.
У великова князя Владимера,
У нево, князя, почестной пир,
А и много на пиру было князей и бояр,
Много сильных-могучих богатырей.

И поднесли ему, Илье, чару зелена вина
В полтора ведра,
Принимает Илья единой рукой,
Выпивает чару единым духом.
Говорил ему ласковой Владимер-князь:
«Ты скажись, молодец, как именем зовут,
А по имению тебе можно место дать,
По изо(т)честву пожаловати».
И отвечает Илья Муромец Иванович:
«А ты ласковой стольной Владимер-князь!
А меня зовут Илья Муромец сын Иванович,
И проехал я дорогу прамоезжую
Из стольнова города из Мурома,
Из тово села Карачаева».
Говорят тут могучие богатыри:
«А ласково со(л)нцо, Владимер-князь,
В очах детина завирается!
А где ему проехать дорогою прямоезжую:
Залегла та дорога тридцать лет
От тово Соловья-разбойника».
Говорит Илья Муромец:
«Гой еси ты, сударь Владимер-князь!
Посмотри мою удачу богатырскую,
Вон я привез Соловья-разбойника
На двор к тебе!».
И втапоры Илья Муромец
С великим князем на широкой двор
Смотреть его удачи богатырския,
Выходили тута князи-бояра,
Все русские могучие богатыри:
Самсон-богатырь Колыванович,
Сухан-богатырь сын Домантьевич,
Светогор-богатырь и Полкан другой
И семь-та братов Сбродо́вичи,
Еще мужики были Залешана,
А еще два брата Хапиловы, —
Только было у князя их тридцать молодцов.
Выходил Илья на широкой двор
Ко тому Соловью-разбойнику,
Он стал Соловья уговаривать:
«Ты послушай меня, Соловей-разбойник млад!
Посвисти, Соловей, по-соловьиному,
Пошипи, змей, по змеиному,
Зрявкай, зверь, по-туриному
И потешь князя Владимера!».
Засвистал Соловей по-соловьиному,

Оглушил он в Киеве князей и бояр,
Зашипел злодей по-змеиному,
Он в-третье зрявкает по-туриному,
А князи-бояра испугалися,
На корачках по двору наползалися
И все сильны богатыри могучия.
И накурил он беды несносныя:
Гостины кони с двора разбежалися,
И Владимер-князь едва жив стоит
л. 83 об. Со душей княгиней Апраксевной.
Говорил тут ласковой Владимер-князь:
«А и ты гой еси, Илья Муромец сын Иванович!
Уйми ты Соловья-разбойника,
А и эта шутка нам не надобна!».

ИЛЬЯ ЕЗДИЛ С ДОБРЫНЕЮ

Как из славнова города из Киева
Поезжали два могучие богатыри:
Поезжал Илья Муромец
Со своим братом названыем,
С молодым Добрынею Никитичем.
А и будут оне во чистом поле,
Как бы сверх тое реки Череги,
Как бы будут оне у матушки у Сафат-реки,
Говорит Илья Муромец Иванович:
«Гой еси ты, мой названой брат,
Молоды Добрынюшка Никитич млад!
Поезжай ты за горы высокия,
А и я, дескать, поеду подле Сафат-реки».
И поехал Добрыня на горы высокия,
И наехал он, Добрынюшка Никитич млад, бел шатер,
И начался Добрыня, какой сильной-могуч богатырь.
Из тово бела шатра полотнянова
Выходила тут баба Горынинка,
Заздрорелася баба Горынинка.
Молоды Добрыня Никитич,
Скочил Добрыня со добра коня,
Напущался он на бабу Горынинку —
Учинилася бой-драка великая:
Оне тяжкими палицами ударились —
У них тяжкия палицы разгоралися,
И бросили они палицы тяжкия,
Оне стали уже драться рукопашным боем.
Илья Муромец сын Иванович
А ездил он подле Сафат-реки,

И наехал он тута бродучей след
И поехал и по тому следу бродучему,
А наезжает он богатыря в чистом поле,
Он Збута Бориса-королевича.
А навтапоры Збут-королевич млад
И отвязывал стремя вожья выжлока,
Со руки опускает ясна сокола,
А сам ли-та выжлуку наказывает:
«А теперь мне не до тебе пришло,
А и ты бегай, выжлок, по темным лесам
И корми ты свою буйну голову!».
И ясну соколу он наказыват:
л. 84 «Полети ты, сокол, на сине море
И корми свою буйну голову,
А мне, молодцу, не до тебе пришло!».
Наезжает Илья Му́ромец Иванович,
Как два ясна сокола слеталися,
И наехал Збут-королевич млад,
Напущается он на старова,
На стара казака Илью Муромца,
И стреляет Илью во белы груди,
Во белы груди из туга лука.
Угодил Илью он во белу грудь,
Илья Муромец сын Иванович
Не бьет ево палицой тяжкою,
Не вымает из налушна тугой лук,
Из колчана калену стрелу,
Не стреляет он Збута Бориса-королевича, —
Ево только сх(в)атил во белы руки
И бросает выше дерева стоячева.
Не видал он, Збут Борис-королевич,
Что тово ли свету белова
И тое-та матушки сырой земли,
И назад он летит ко сырой земли,
Подх(в)атил Илья Муромец Иванович
На свои он руки богатырския,
Положил ево да на сыру землю,
И стал Илья Муромец спрашивать:
«Ты скажись мне, молодец, свою дядину-вотчину!».
Говорит Збут Борис-королевич млад:
«Кабы у тебя на грудях сидел,
Я спорол бы тебе, старому, груди белыя».
И до тово ево Илья бил, покуда правду сказал.
А и сговорит Збут Борис-королевич млад:
«Я тово короля задонскова».
А втапоры Илья Муромец Иванович,

Гледючи на свое чадо милое,
И заплакал Илья Муромец Иванович:
«Поезжай ты, Збут Борис-королевич млад,
Поезжай ты ко своей, ты ко своей сударыни матушки.
Кабы ты попал на наших русских богатырей,
Не опустили бы тебе оне живова от Киева».
И поехал тут Збут-королевич млад,
И приехал тут Збут-королевич млад
К тому царю задонскому,
Ко своей сударыне-матушке.
Матушке стал свою удачу рассказывать:
«А и гой еси, сударыня-матушка!
Ездил я, Збут-королевич млад,
Ко великому князю Владимеру
На ево потешных лугах,
И наехал я в поле старова,
И стрелял ево во белы груди,
И схватал меня старой в чистом поле,
Меня чуть он не забросил за облако,
И опять подх(в)атил меня на белы груди».
Еще втапоры ево матушка
Тово короля задонскова
Разилася о сыру землю
И не может во слезах слово молвити:
«Гой еси ты, Збут Борис-королевич млад!
Почто ты напущался на старова?
Не надо бы тебе с ним дратися,
Надо бы съехаться в чистом поле
И надо бы тебе ему поклонитися
А праву руку до сырой земли:
Он по роду тебе батюшка!».
Стары казак Илья Муромец сын Иванович
И поехал он на горы высокия
А искати он брата названова,
Молоду Добрынюшку Никитича.
л. 84 об. И дерется || он с бабой Горынинкой,
Едва душа ево в теле полуднует.
Говорит Илья Муромец сын Иванович:
«Гой еси, мой названой брат,
Молоды Добрынюшка Никитич млад!
Не умеешь ты, Добрыня, с бабой дратися,
А бей ты бабу, ..., по щеке
Пинай растуку мать под гузно,
А женской пол от тово пухол!».
А и втапоры покорилася баба Горынинка,
Говорит она, баба, таковы слова:

«Не ты меня побил, Добрыня Никитич млад,
Побил меня стары казак Илья Муромец
Единым словом».
И скочил ей Добрыня на белы груди
И выдергивал чингалище булатное,
Хочет (в)спороть ей груди белыя.
И молится баба Горынинка:
«Гой еси ты, Илья Муромец Иванович!
Не прикажи ты мне резать груди белыя,
Много у меня в земле останется злата и серебра».
И схватал Илья Добрыню за белы руки,
И повела их баба Горынинка
Ко своему погребцу глубокому,
Где лежит залота казна,
И довела Илью с Добрынею,
И стали они у погреба глубокова.
Оне сами тута, богатыри, дивуются,
Что много злата и серебра,
А цветнова платья все русскова.
Огленулся Илья Муромец Иванович
Во те во раздолья широкия,
Молоды Добрынюшка Никитич млад
Втапоры бабе голову срубил.
То старина, то и деянье.

КНЯЗЬ РОМАН ЖЕНУ ТЕРЯЛ

А князь Роман жену терял,
Жену терял, он тело терзал,
Тело терзал, во реку бросал,
Во ту ли реку во Смородину.
Слеталися птицы разныя,
Сбегалися звери дубравныя;
Откуль взелся млад сизой орел,
Унес он рученьку белую,
А праву руку с золотом перс(т)нем.
Сх(в)атилася молода княжна,
Молода княжна Анна Романовна:
«Ты гой еси, сударь мой батюшка,
А князь Роман Васильевич!
Ты где девал мою матушку?».
л. 85, Ответ держит ей князь Роман,
А князь Роман || Васильевич:
«Ты гой еси, молода княжна,
Молода душа Анна Романовна!
Ушла твоя матушка мытися,

А мытися и белитися,
А в цветно платье нарежатися».
Кидалась молода княжна,
Молода душа Анна Романовна:
«Вы гой еси, мои нянюшки-мамушки,
А сенные красны девушки!
Пойдем-та со мной на высокие теремы
Смотреть мою сударыню-матушку,
Каково она моится, белится,
А в цветно платья нарежается».
Пошла она, молода княжна,
Со своими няньки-мамками,
Ходила она по всем высокем теремам,
Не могла-та найти своей матушки.
Опять приступила к батюшки:
«Ты гой еси, сударь мой батюшка,
А князь Роман Васильевич!
А где ты девал мою матушку?
Не могли мы сыскать в высокиех тéремах».
Проговорит ей князь Роман,
А князь Роман Васильевич:
«А и гой еси ты, молода княжна,
Молода душа Анна Романовна,
Со своими няньками-мамками,
Со сенными красными девицами
Ушла твоя матушка родимая,
Ушла во зеленой сад,
Во вишенье, в орешенье!».
Пошла ведь тут молода княжна
Со няньками-мамками во зеленой сад,
Весь повыгуляли, нековó не нашли в зеленом саду,
Лишь только в зеленом саду увидели,
Увидели новую диковинку:
Неоткуль взялся млад сизой орел,
В когтях несет руку белую,
А и белу руку с золоты перс(т)нем;
Уронил он, орел, белу руку,
Белу руку с золотым перс(т)нем
Во тот ли зеленой сад.
А втапоры нянюшки-мамушки
Подхватили оне рученьку белую,
Подавали оне молодой княжне,
Молодой душе Анне Романовне.
А втапоры Анна Романовна
Увидела она белу руку,
Опáзновала она хорош золот перстень

Ее родимыя матушки;
Ударилась о сыру землю,
Как белая лебедушка скрикнула,
Закричала тут молода княжна:
«А и гой еси вы, нянюшки-мамушки
А сенныя красныя деушки!
Бегите вы скоро на быстру реку,
На быструю реку Смородину,
А что тамо птицы слетаются,
Дубравныя звери сбегаются?».
Бросалися нянюшки-мамушки
А сенныя красныя деушки:
Покрай реки Смородины
Дубравныя звери кости делят,
Сороки, вороны кишки тащат.
А ходит тут в зеленом саду
Молода душа Анна Романовна,
А носит она руку белую,
А белу руку с золотым перс(т)нем,
А только ведь нянюшки
л. 85 об. Нашли оне пусту голову,
Сбирали оне с пустою головой
А все тут кости и ребрушки,
Хоронили оне и пусту голову
Со темя костьми, со ребрушки
И ту белу руку с золотым перстнем.

ВО ХОРОШЕМ ВЫСОКОМ ТЕРЕМЕ, ПОД КРАСНЫМ КОСЯЩЕТЫМ ОКОШКОМ

Во хорошем-та высоком тереме,
Под красным, под косящетым окошком
Что голубь со голубушкой воркует,
Девица с молодцом речи говорила:
«А душечка, удалой доброй молодец!
Божился доброй молодец, ратился,
А всякими неправдами заклинался,
Порукою давал мне Спасов образ,
Светителя Николу Чудотворца:
Не пить бы пива пьянова допьяна,
Зеленова вина не пить до повалу,
Сладкиев медов беспросыпных.
А ноне ты, мой надежда, запиваешься:
Ты пьешь-та пива пьянова допьяна,
Зеленое вино пьешь до повалу,
А сладкие пьешь меды без просыпу».

Ответ держит удалой доброй молодец:
«Ты глупая девица да неразумная!
Не с радости пью я, молодец, — с кручины,
С тое ли . . . . . великия печали:
Записан доброй молодец в салдаты,
Поверстан доброй молодец я в капралы,
Не то мне, доброму молодцу, забедно,
Что царь меня на службу ту посылает,
А то мне, доброму молодцу, забедно —
Отец-мати старешуньки остаются,
А некому поить будет их, кормити;
Еще мне, доброму молодцу, забедно,
Что с недругом в одном мне полку быти.
В одной мне шириночке служити.

[ПРО] АТАМАНА ПОЛЬСКОВА

Зарайским городом,
За Резанью за старою,
Из далеча чиста поля,
Из раздолья широкова
Как бы гнедова тура
Привезли убитова,
Привезли убитова
л. 86 Атамана || польскова,
Атамана польскова,
А по имени Михайла Черкашенина.
А птицы-ластицы
Круг гнезда убиваются,
Еще плачут малы ево дети
Над белым телом,
С высокова терема
Зазрила молодая жена,
А плачет-убивается
Над ево белым телом,
Скрозь слезы свои
Она едва слово промолвила,
Жалобно причитаючи,
Ко ево белу телу:
«Казачья вольная
Поздорову приехали,
Тебе, света моего,
Привезли убитова,
Привезли убитова
Атамана польскова,
А по имени Михайла Черкашенина».

НА ЛИТОВСКОМ РУБИЖЕ

Как да́лече-дале́че во чисто́м поле́,
Далече во чистом поле,
На литовском н(а) рубиже,
Под Смоленским городом,
Под Смоленским городом,
На лугах, лугах зеленыех,
На лугах, лугах зеленыех,
Молода коня имал,
Молодец коня имал,
Дворянин-душа спрашивает:
«А и конь-та ли, доброй конь,
А конь наступчивой!
Зачем ты травы не ешь,
Травы, конь, зеленыя?
Зачем, конь, травы зеленыя не ешь,
Воды не пьешь ключевыя?».
Провещится доброй конь
Человеческим языком:
«Ты хозяин мой ласковой,
Дворянин-душа отецкой сын!
Затем я травы не ем,
Травы не ем зеленые
И воды не пью ключевыя,
Я ведаю, доброй конь,
Над твоей буйной голове
Невзгоду великую:
Поедешь ты, молодец,
На службу царскую
И на службу воинскую, —
А мне, коню, быть подстрелену,
Быть тебе, молодцу, в поиманье.
Потерпишь ты, молодец,
Потерпишь, молодец,
Нужи-бедности великия,
А примешь ты, молодец,
Много холоду-голоду,
Много холоду, ты, голоду,
Наготы-босоты вдвое того».
Позабыл доброй молодец
А и то время не(сч)ас(т)ливое,
Повестка ему молодцу
На ту службу на царскую.
Поехал он, молодец,

Он во полках государевых.
л. 86 об., От Смоленца || -города
Далече во чистом поле
Стоят полки царския,
А и роты дворянския,
А все были войска ро(с)сий(й)ския.
Из далеча чиста поля,
Из роздолья широкова
Напущалися тут на их
Полки неверныя,
Полки неверныя,
Все чудь поганая.
А Чуда поганая на вылазку выехал,
А спрашивал противника
Из полков государевых,
Из роты дворянския,
Противника не выскалось,
А он-то задорен был,
Дворянин, отецкой сын,
На вылозку выехал
Со Чудом дратися,
А Чудо поганое [о] трех руках.
Съезжаются молодцы
Далече во чистом поле,
А у Чуда поганова
Одно было побоишша,
Одно было побоишша —
Большая рагатина,
А у дворянина — сабля вострая.
Сбегаются молодцы,
Как два ясные соколы
В едино место слеталися.
Помогай бог
Молодцу дворянину русскому!
Он отводит рогатину
Своей саблей вострою
Что у Чуда поганова;
Отвел ево рагатину,
Прирубил у него головы все.
Идолища поганая
Подстрелили добра коня,
Подстрелили добра коня,
У дворенина смоленскова —
Он ведь пеш, доброй молодец,
Бегает пеш по чисту полю,
Кричит-ревет молодец

Во полки государевы:
«Стрельцы вы старыя,
Подведите добра коня,
Не выдайте молодца
Вы у дела ратнова,
У часочку смертнова!».
А идолы поганыя
Метались грудою все,
Схватили молодца,
Увезли в чисто поле,
Стали ево мучати:
И не поят, не кормят ево,
Морят ево смертью голодною
И мучат смертью неподобною.
А пала молодцу на ум
Не(сч)астье великое,
Что ему доброй конь наказывал.
Изгибла головушка.
Ни за едину денежку.

ОХ, В ГОРЕ ЖИТЬ — НЕКРУЧИННУ БЫТЬ

А и горя, горе-гореваньица!
А в горе жить — некручинну быть,
Нагому ходить — не стыдитися,
А и денег нету — перед деньгами,
Появилась гривна — перед злыми дни,
Не бывать плешатому кудрявому,
Не бывать гулящему богатому,
Не отростить дерева суховерхова,
Не откормить коня сухопарова,
л. 87 Не утешити дитя без матери,
Не скроить атласу без мастера.
А горя, горе-гореваньица!
А и лыком горе подпоясалась,
Мочалами ноги изапутаны!
А я от горя — в темны леса,
А горя прежде век зашол;
А я от горя — в поче[ст]ной пир,
А горя зашел, впереди сидит;
А я от горя — на царев кабак,
А горя встречает, уж пива тащит,
Как я наг-та стал, насмеялся он.

ВО ЗЕЛЕНОМ САДОЧКУ

Во хорошом во зеленом садочку
Гуляла душа красна девица.
Завидел удалой доброй молодец:
«Не моя ли-та земчуженка ката(е)тся?
Не моя ли-та алмазная ката(е)тся?
А сам бы-та я тое земчуженку проалмазил,
Посадил бы я на золотой свой спеченик,
Ко яхантам, двум камушкам, придвинул».
А девушка у девушки спрашивала:
«А с кем ночесь, сестрица, ты начевала?»
«Одна-де начесь я начевала,
В полночь лишь приходил ко мне докука,
Засыкал белу рубашку до пупа».
А девушка-та девушке припеняла:
«Зачем ты мне, сестрица, не сказала?
А я бы-де докуке досадила:
Всю ночь бы с себя я не спустила».

ЧУРИЛЬЯ-ИГУМЕНЬЯ

Да много было в Киеве божьих церквей,
А больше того почес(т)ных монастырей;
А и не было чуднея Благовещения Христова.
А у всякай церкви по два попа,
Кабы по два попа, по два дьякона
л. 87 об. И по малому певчему, по дьячку;
А у нашева Христова Благовещенья чес(т)нова
А был у нас-де Иван понамарь,
А гораз(д)-де Иванушка он к заутрени звонить.
Как бы русая лиса голову клонила,
Пошла-та Чурилья к заутрени:
Будто галицы летят, за ней старицы идут,
По правую руку идут сорок девиц,
Да по левую руку друга сорок,
Позади ее девиц и сметы нет.
Девицы становилися по крылосам,
Честна Чурилья в олтарь пошла.
Запевали тут девицы четью петь,
Запевали тут девицы стихи верхния,
А поют оне на крылосах, мешаются,
Не по-старому поют, усмехаются.
Проговорит Чурилья-игуменья:
«А и Федор-дьяк, девей староста!

А скоро походи ты по крылосам,
Ты спроси, что поют девицы, мешаются,
А мешаются девицы, усмехаются».
А и Федор-дьяк стал их спрашивать:
«А и старицы-черницы, души красныя девицы!
А что вы поете, сами мешаетесь,
Промежу собой девицы усмехаетесь?».
Ответ держут черницы, души красныя девицы:
«А и Федор-дьяк, девей староста!
А сором сказать, грех утаить,
А и то поем, девицы, мешаемся,
Промежу собой, девицы, усмехаемся:
У нас нету дьяка-запевальшика,
А и молоды Стафиды Давыдовны,
А Иванушки понамаря зде же нет».
А сказал он, девей староста,
А сказал Чурилье-игуменье:
«То девицы поют, мешаются,
Промежу собой девицы усмехаются:
Нет у них дьяка-запевальшика,
Стафиды Давыдьевны, понамаря Иванушки».
И сказала Чурилья-игуменья:
«А ты, Федор-дьяк, девей староста!
А скоро ты побеги по манастырю,
Скоро обойди триста келей,
Поищи ты Стафиды Давыдьевны.
Али Стафиды ей мало можется,
Али стоит она перед богом молится?».
А Федор-дьяк заскакал-забежал,
А скоро побежал по манастырю,
А скоро обходил триста келей,
Дошел до Стафидины келейки:
Под окошечком огонек горит,
Огонек горит, караул стоит.
А Федор-дьяк караул скрал,
Караулы скрал, он в келью зашел,
Он двери отворил и в келью зашел:
«А и гой еси ты, Стафида Давыдьевна,
А и царская ты богомольщица,
л. 88 А и ты же княженецка племянница!
Не твое-то дело тонцы водить,
А твое бо дело богу молитися,
К заутрени итти!».
Бросалася Стафида Давыдьевна,
Наливала стакан винца-водки добрыя,
И другой — медку сладкова,

И пали ему, старосте, во резвы ноги:
«Выпей стакан зелена вина,
Другой — меду сладкова
И скажи Чурилье-игуменье,
Что мало Стафиде можется,
Едва душа в теле полуднует».
А и тот-та Федор-девей староста
Он скоро пошел ко заутрени
И сказал Чурилье-игуменье,
Что той-де старицы, Стафиды Давыдьевны,
Мало можется, едва ее душа полуднует.
А и та-та Чурилья-игуменья,
Отпевши заутрени,
Скоро поезжала по манастырю,
Испроехала триста келей
И доехала ко Стафиды кельицы,
И взяла с собою питья добрыя,
И стала ее лечить-поить.

ВЫСОТА ЛИ, ВЫСОТА ПОДНЕБЕСНАЯ

Высока ли высота поднебесная,
Глубока глубота акиян-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омоты Непровския,
Чуден крест Леванидовской,
Долги плеса Чевылецкия,
Высокия горы Сорочинския,
Темны леса Брынския,
Черны грязи Смоленския,
А и быстрыя реки понизовския.
При царе Давыде Евсеевиче,
При старце Макарье Захарьевиче,
Было беззаконство великое:
Старицы по кельям — родильницы,
Че(р)н(е)цы по дарогам — разбойницы,
Сын с отцом на суд идет,
Брат на брата с боем идет,
Брат сестру за себя емлет.
Из далеча чиста поля
Выскокал тут, выбегал
Суровец-богатырь Суздалец,
л. 88 об. Богатова гостя, || заморе́нин, сын.
Он бегает-скачет по чисту полю,
Спрашивает себе сопротивника,

Себе сильна-могуча богатыря
Побиться-подраться-порататься,
Силы богатырски протведати,
А могучи плечи приоправити.
Он бегал-скакал по чисту полю,
Хобаты метал по темным лесам —
Не нашел он в поле сопротивника.
И поехал ко городу Покидашу,
И приезжал ко городу Покидошу.
Во славном городе Покидоше,
У князя Михаила Ефимонтьевича,
У него, князя, почестной пир.
А и тут молодцу пригодилося,
Приходил на княженецкой двор,
Походил во гридню во светлую,
Спасову образу молится,
Великому князю поклоняются.
А князь Михайла Ефимонтьевич
Наливал чару зелена вина в полтора ведра,
Подает ему, доброму молодцу,
А и сам говорил таково слово:
«Как молодец, именем зовут,
Как величать по изо(т)честву?».
Стал молодец он рассказовати:
«Князь-де Михайла Ефимонтьевич,
А мене зовут, добра молодца,
Суровец-богатырь Суздалец,
Богатова гостя, заморéнин, сын».
А и тут князю то слово полюбилося,
Посадил ево за столы убраныя,
В ту скамью богатырскую
Хлеба с солью кушати
И довольно пити, прохлажатися.

л. 89

[ПРО] ДУРНЯ

А жил-был дурень,
А жил-был бабин,
Вздумал он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати,
Отшедши дурень
Версту, другу,
Нашел он, дурень,

Две избы пусты,
В третей людей нет.
Заглянет в подполье, —
В подполье черти
Вострологовы,
Глаза, что часы,
Усы, что вилы,
Руки, что грабли,
В карты играют,
Костью бросают,
Деньги считают,
Груды переводят.
Он им молвил:
«Бог вам помочь,
Добрым людям!».
А черти не любят,
С(х)ватили дурня,
Зачели бити,
Зачели давити,
Едва ево, дурня,
Жива опустили.
Пришедши дурень домой-та,
Плачет, голосом воит,
А мать — бранити,
Жена — пеняти,
Сестра-та — также:
«Ты глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То же бы ты слово
Не та́к же бы молвил,
А ты бы молвил:
„Будь, враг, проклят
Именем господним
Во веки веков, аминь".
Черти б убежали,
Тебе бы, дурню,
Деньги достались,
Место кла́ду».
«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,

Людей видати,
Себя казати,
Увидел дурень
Четырех братов, —
Ечмень молотят.
Он им молвил:
«Будь, враг, проклят
Именем господним!».
Бросилися к дурню
Четыре брата,
Стали ево бити,
Стали колотити,
Едва его, дурня,
Жива опустили.
Пришедши дурень домой-та,
Плачет, голосом воит.
А мать — бранити,
Жена — пеняти,
Сестра-та — также:
«А глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То же бы ты слово
Не так же бы молвил,
Ты бы молвил
Четырем братам,
Крестьянским детям:
„Дай вам боже
По́ сту на день,
По тысячу на неделю!“».
«Добро ты, баба,
Баба-ба(ба)риха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Я таков не буду!».
Пошел же дурень,
Пошел же бабин
На Русь гуляти,
Себя казати.
Увидел дурень
л. 89 об. Семь || братов
Мать хоронят,
Отца поминают,
Все тут плачут,
Голосом воют.
Он им молвил:

«Бог вам в помочь,
Семь вас братов,
Мать хоронити,
Отца поминати!
Дай господь бог вам
По́ сту на день,
По тысячу на неделю!».
Схватили ево, дурня,
Семь-та братов,
Зачели ево бити,
По земле таскати,
В говне валяти,
Едва ево, дурня,
Жива опустили.
Идет-та дурень домой-та,
Плачет, голосом воит.
Мать — бранити,
Жена — пеняти,
Сестра-та — также:
«А глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То же бы ты слово
Не так же бы молвил,
Ты бы молвил:
„Прости, боже, благослови,
Дай боже, им
Царство небесное,
В земли упокой,
Пресветлой рай всем!“.
Тебе бы, дурня,
Блинами накормили,
Кутьей напитали».
«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Таков не буду!».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Себя казати,
Людей видати.
Встречу ему свадьба,
Он им молвил:
«Прости, боже, бласлови!
Дай вам господь бог

Царство небесно,
В земле упокой,
Пресветлы рай всем!».
Наехали дру́жки,
Наехали бояра,
Стали дурня
Плетьми стегати,
По ушам хлестати.
Пошел, заплакал,
Идет да воет.
Мать — его бранити,
Жена — пеняти,
Сестра-та — также:
«Ты глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То же бы слово
Не так же бы молвил,
Ты бы молвил:
„Дай господь бог
Новобра(ч)ному князю
Сужено поняти,
Под злат венец стати,
Закон божей прияти,
Любовно жити,
Детей сводити!“».
«Потом я, дурень,
Таков не буду».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Встречу дурню
Идет старец,
Он ему молвил:
«Дай господь бог
тебе же, старцу,
Сужено поняти,
Под злат венец стати,
Любовно жити,
Детей сводити!».
Бросился старец,
Схватал ево, дурня,
Стал ево бити,
Костылем коверкать,
И костыль изломал весь:
Не жаль старцу

Дурака-та,
Но жаль ему, старцу,
л. 90 Костыля-та.
Идет-та дурень домой-та,
Плачет, голосом воет,
Матери росскажет.
Мать — ево бранити,
Жена — журити,
Сестра-та — также:
«Ты глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То ж бы ты слово
Не так же бы молвил,
Ты бы молвил:
„Благослови меня, отче,
Святы игумен!“.
А сам бы мимо».
«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Впредь таков не буду!».
Пошел он, дурень,
На Русь гуляти,
В лесу ходити,
Увидел дурень
Медведя за сосной:
Кочку роет,
Корову коверкат,
Он ему молвил:
«Благослови мя, отче,
Святы игумен!
А от тебя дух дурен!».
Схватал ево медведь-ят,
Зачал драти,
И всего ломати,
И смертно коверкать,
И жопу выел,
Едва ево, дурня,
Жива оставил:
Пришедчи дурень домой-та,
Плачет, голосом воет,
Матери росскажет.
Мать — ево бранити,
Жена — пеняти,

Сестра-та — также:
«Ты глупой, дурень,
Неразумной, бабин!
То же бы слово
Не так же бы молвил,
Ты́ бы зауськал,
Ты бы загайкал,
Ты бы заулюкал».
«Добро ты, баба,
Баба-бабариха,
Мать Лукерья,
Сестра Чернава!
Потом я, дурень,
Таков не буду!».
Пошел же дурень
На Русь гуляти,
Людей видати,
Себя казати.
Будет дурень
В чистом поле,
Встречу дурню
Шишков-полковник,
Он зауськал,
Он загайкал,
Он заулюкал.
Наехали на дурня салдаты,
Набежали драгуны,
Стали дурня бити,
Стали колотити,
Тут ему, дурню,
Голову сломили
И под кокору бросили,
Тут ему, дурню,
И смерть случилась.

л. 90 об. ГОЛУБИНА КНИГА СОРОКА ПЯДЕНЬ

Да с начала века животленнова
Сотворил бог небо со землею,
Сотворил бог Адама со Еввою,
Наделил питаньем во светлом раю,
Во светлом раю жити во свою волю.
Положил господь на их заповедь великую:
А и жить Адаму во светлом раю,
Не скушать Адаму с едново древа
Тово сладка плоду виноградова.

А и жил Адам во светлом раю,
Во светлом раю со своею со Еввою
А триста тридцать три годы.
Прелестила змея подколодная,
Приносила ягоды с едина древа, —
Одну ягоду воскушал Адам со Еввою
И узнал промеж собою тяжкой грех,
А и тяжкой грех и великой блуд:
Согрешил Адаме во светлом раю,
Во светлом раю со своею со Еввою.
Оне тута стали в раю нагим-ноги,
А нагим-ноги стали, босешуньки, —
Закрыли соромы ладонцами,
Пришли оне к самому Христу,
К самому Христу-царю небесному.
Зашли оне на Фаор-гору,
Кричат-ревут зычным голосом:
«Ты небесной царь, Исус Христос!
Ты услышал молитву грешных раб своих,
Ты спусти на землю меня трудную,
Что копать бы землю капарулями,
А копать землю капарулями,
А и сеить семена первым часом».
А небесной царь, милосерде свет,
Опущал на землю ево трудную.
А копал он землю копарулями,
А и сеил семена первым часом,
Выростали семена другим часом,
Выжинал он семена третьим часом.
От своих трудов он стал сытым быть,
Обуватися и одеватися.
От тово колена от Адамова,
От това ребра от Еввина
Пошли христиане православныя
л. 91 По всей земли светорусския.
Живучи Адаме состарелся,
Состарелся, переставился,
Свята глава погребенная.
После по той потопе по Ноевы,
А на той горе Сионския,
У тоя главы святы Адамовы
Выростала древо кипарисова.
Ко тому-та древу кипарисову
Выпадала книга голубиная,
Со небес та книга повыпадала:
В долину та книга сорока пядей,

Поперек та книга двадцети пядей,
В толшину та книга тридцети пядей.
А на ту гору на Сионскую
Собиралися-соезжалися сорок царей со царевичем.
Сорок королей с королевичем,
И сорок калик со каликою,
И могучи-сильныя богатыри,
Во единой круг становилися.
Проговорит Волотомон-царь,
Волотомон-царь Волотомонович,
Сорок царей со царевичем,
Сорок королей с королевичем,
А сорок калик со каликою
И все сильныя-могучи богатыри
А и бьют челом покланяются
А царю Давыду Евсеевичу:
«Ты премудры царь Давыд Евсеевич!
Подыми ты книгу голубиную;
Подыми книгу, распечатывай,
Распечатовай ты, просматривай,
Просматривай ее, прочитывай:
От чего зачелся наш белой свет?
От чего зачался со(л)нцо праведно?
От чего зачелся и светел месец»?
От чего зачалася заря утрення?
От чего зачалася и вечерняя?
От чего зачалася темная ночь?
От чего зачалися часты звезды?».
Проговорит премудры царь,
Премудры царь Давыд Евсеевич:
«Вы сорок царей со царевичем,
А и сорок королей с королевичем,
И вы сорок калик со каликою,
И все сильны могучи богатыри!
Голубина книга не малая,
А голубина книга великая:
В долину книга сорока пядей,
Поперек та книга двадцети пядей,
В толшину та книга тридцети пядей,
На руках держать книгу — не удержать,
Читать книгу — не прочести.
Скажу ли я вам своею памятью,
Своей памятью, своей старою,
От чего зачался наш белой свет,
От чего зачался со(л)нцо праведно,
л. 91 об. От чего зачался || светел месяц,

От чего зачалася заря утрення,
От чего зачалася и вечерняя,
От чего зачалася темная ночь,
От чего зачалися часты звезды.
А и белой свет — от лица божья,
Со(л)нцо праведно — от очей его,
Светел месяц — от темичка,
Темная ночь — от затылечка,
Заря утрення и вечерняя — от бровей божьих,
Часты звезды — от кудрей божьих!».
Все сорок царей со царевичем поклонилися,
И сорок королей с королевичем бьют челом,
И сорок калик со каликою,
Все сильныя-могучия богатыри.
Проговорит Волотомон-царь,
Волотомон-царь Волотомович:
«Ты премудры царь Давыд Евсеевич!
Ты скажи, пожалуй, своею памятью;
Своей паметью стародавную:
Да которой царь над царями царь?
Котора моря всем морям отец?
И котора рыба всем рыбам мати?
И котора гора горам мати?
И котора река рекам мати?
И котора древа всем древам отец?
И котора птица всем птицам мати?
И которой зверь всем зверям отец?
И котора трава всем травам мати?
И которой град всем градом отец?»
Проговорит премудры царь,
Премудры царь Давыд Евсеевич:
«А небесной царь — над царями царь,
Над царями царь, то Исус Христос;
Акиян-море — всем морям отец.
Почему он всем морям отец?
Потому он всем морям отец, —
Все моря из него выпали
И все реки ему покорилися.
А кит-рыба — всем рыбам мати.
Почему та кит-рыба всем рыбам мати?
Потому та кит-рыба всем рыбам мати, —
На семи китах земля основана.
Ердань-река — рекам мати.
Почему Ердань-река рекам мати?
Потому Ердань-река рекам мати, —
Крестился в ней сам Исус Христос.

Сионская гора — всем горам мати, —
Ростут древа кипарисовы,
л. 92, А берется сера по всем церквам,
По всем церквам место ладону.
Кипарис-древа — всем древам отец.
Почему кипарис всем древам отец?
Потому древам всем отец, —
На нем распят был сам Исус Христос,
То небесной царь.
Мать божья плакала Богородица,
А плакун-травой утиралася,
Потому плакун-трава всем травам мати.
Единорог-зверь — всем зверям отец.
Почему единорог всем зверям отец?
Потому единорог всем зверям отец, —
А и ходит он под землею,
А не держут ево горы каменны,
А и те-та реки ево быстрыя;
Когда выдет он из сырой земли,
А и ищет он сопротивника,
А тово ли люта льва-зверя;
Сошлись оне со львом во чистом поле,
Начали оне, звери, дратися:
Охота им царями быть,
Над всемя́ зверями взять большину́,
И дерутся оне о своей большине́.
Единорог-зверь покоряется,
Покоряется он льву-зверю,
А и лев подписан — царем ему быть,
Царю быть над зверями всем,
А и хвост у него колечиком.
(А) нагой-птица — всем птицам мати,
А живет она н(а) акиане-море,
А вьет гнездо на белом камене;
Набежали гости карабельшики
А на то гнездо нагай-птицы
И на ево детушак на маленьких,
Нагай-птица вострепенется,
Акиан-море восколыблется,
Кабы быстры реки разливалися,
Топят много бусы-корабли,
Топят много червленыя корабли,
А все ведь души напрасныя.
Ерусалим-град — всем градам отец.
Почему Иерусалим всем градам отец?
Потому Ерусалим всем градам отец,

Что распят был в нем Исус Христос,
Исус Христос, сам небесной царь,
Опричь царства Московскаго».

ТАМ НА ГОРАХ НАЕХАЛИ БУХАРЫ

л. 92 об. Еще там на горах наехали бухары. (*Дважды*).
Весур, весур валахтантарарах-тарандаруфу!
А наехал Жинжа: «Здравствуй, масти пане!» (*Дважды*).
Весур, весур валахтантарарах-тарандаруфу!
Потонцуй же, Жинжа! — гаразд, масти пане! (*Дважды*).
Весур, весур валахтантарарах-тарандаруфу!
Он зачел же скакать, учел припевати. (*Дважды*).
Весур, весур валахтантарарах-тарандафуру!
Привели ему, жиду, что жидовку хорошу. (*Дважды*).
Весур, весур валахтантарарах-тарандаруфу!
Он зачал охлестывати и ошевертовати. (*Дважды*).
Весур, весур валахтантарарах-тарандаруфу!
Еще имали был свои добрыя кони. (*Дважды*).
Весур, весур валахтаптарарах-тарандаруфу!
А поехали былы на своих добрыех конях. (*Дважды*)
Весур, весур валахтантарарах-тарандаруфу!
Оне с холмы на холмы, на холмы-горы. (*Дважды*).
Весур, весур валахтантарарах-тарандаруфу!
Еще хелмы да велми куварзы визан! (*Дважды*).
Весур, весур валахтантарарах-тарандаруфу!
Еще шанцы да шпенцы, бекбеке бекенцы,
бекушенцы.

л. 93 ОХ, ГОРЮНА! ОХ, ГОРЮ ХМЕЛИНА!

Ох, горюна! Ох, горю хмелина!
Гуляли девушки подле реки
По круту по красну бережку.
Ох, горюна! ох, горю хмелина!
Садили девушки хмель в огород.
Ох, горюна! ох, горю хмелина!
Сами оне приговаривали:
«Ох, горюна! ох, горю хмелина!
Рости, хмелюшка, корнем глубок,
Корнем глубок да ты ли́стом широк!
Ох, горюна! ох, горю хмелина!
Шишки велики, белы, что снег.
Ох, горюна! ох, горю хмелина!

Без тебе, хмелюшка,
Пива не варят и вина не курят,
Добрыя молодцы не женются,
Красны девицы замуж не идут.
Ох, горюна! ох, горю хмелина!».
Теща к зятю боса пришла,
Она в полог к зятю нага легла,
Поутру встала, сам мокра:
«Зять-злокоман, не ты ли пошутил?
Нё ты ли пошутил, подол намочил?».
«А и тешшинька ты, ты те(ш)ша ласковая!
Ко греху пришло до . . . дошло».
Теща к зятю закаялася:
«Да не дай бог бывать ко зятю в дом,
Да не дай бог бывать у зятя в доме,
Завали, боже, дорогу пеньем-колодьем,
Пеньем-колодьем и выскорью!».

У СПАСА К ОБЕДНЕ ЗВОНЯТ

л. 93 об. У Спаса к обедне звонят,
У прихода часы говорят,
По манастырям благовестят.
Теща к обедни спешит,
На мутовке рубашку сушит,
На повареньки — кокошнечки.
А и теща к обедни пошла
Что идет помалешоньку,
Ступает потихошуньку,
С ноги на ногу поступовает,
На бошмачки посматривает,
Чеботы накалачивает.
Все боги теща прошла,
А зашод-та — Николе челом,
А Николе Месницкому.
Все люди теща прошла,
А зашод-та — она зятю челом
Да Денису Борисовичу.
А и зять на нее не гледит,
Господин слово не говорит.
«А и вижу я, вижу сама,
А что есть на нем бешеная,
Бить зятю дочи моя,
Прогневит(ь) сер(д)це материна
И пролить бы горячу кровь.

А и чем будет зятя дарить,
Чем господина дарить?
Есть у мене, у вдовы,
Будет с нево живота.
Пойду млада в торги,
Куплю млада камки,
Сошью ли я зятю кофтан,
Сошью дочери сарафан,
Чтобы зять дочери не бил,
Не гневил сер(д)це материна,
Не проливал бы горячу кровь».
У Спаса к обедни звонят,
У прихода часы говорят,
По манастырям благовестят.
Теща к обедни спешит,
На мутовке рубашку сушит,
На поваренки — кокошнички.
Она, теща, к обедни пошла,
А идет помалешоньку,
Ступает потихошуньку,
С ноги на ногу поступовает,
На бошмачки посматривает,
Чеботы наколачивает.
А все боги теща прошла,
А зашод-та — Николе челом,
А Николе Месницкому.
Все люди теща прошла,
А зашод — она зятю челом
Да Денису Борисовичу.
Зять на нее не гледит,
Господин слово не говорит,
«Вижу я, вижу сама,
л. 94 А что есть || на нем бешеная,
Бить зятю дочерь моя,
Прогневить сер(д)це материна,
Проливать бы горячу кровь.
Чем будет зятя дарить,
Чем господина дарить?
Есть у меня, у вдовы,
Есть у меня, молоды,
А три церкви, три каменны,
А и маковицы серебрены,
Кресты позолочены,
Промежу теми церкви
Протекла быстрая река,
А на той на быстрой на реке

Много гусей-лебедей,
Много серых малых утачек,
А и тем будет зятя дарить,
Мне-ка тем господина дарить
И Дениса Борисовича».
А и зят(ь) на нее поглядел,
Господин слово выговорил:
«Теща, ты теща моя,
Богоданная матушка!
Ты поди-тка живи у мене,
А работы не робь на мене,
Только ты баню топи,
Только ты воду носи,
Еще мне робенки кочай!».

ТЕЩА, ТЫ ТЕЩА МОЯ

«А и теща, ты теща моч,
А ты чертова перешница!
Ты поди, погости у мене!».
А и ей выехать не́ на чем.
Пешком она к зятю пришла,
А в полог отдыхать легла
Она в жары петровския.
А зять на пиру пировал,
А увидел за женой за своей,
За ее-та за дочерью,
На повете чужова мужика,
Он худыя-та шутки шутил.
Осердяся он домой-та ушел,
Ему тут поталанелося;
Изашел свою тешшенку
У себя в пологу, на мосту.
Смех отсмехивает,
Он и трублю от(т)рубливает.

УСЫ, УДАЛЫ МОЛОДЦЫ

л. 94 об. Ах, даселева Усов и слыхом не слыхать,
А слыхом их не слыхать и видом не видать,
А нонеча Усы проявились на Руси,
А в Новом Усолье у Строгонова.
Они щепетко по городу похаживают,
А караблики бобровые, верхи бархатные,

На них смурые кафтаны с подпушечками с комчатыеми,
А и синие чулки, астраханския черевики,
А красныя рубашки — косые воротники, золотые плетни.
Собиралися Усы на царев на кабак,
А садилися молодцы во единой круг
Большой Усища всем атаман,
А Гришка-Мурышка, дворянской сын,
Сам говорит, сам усом шевелит:
«А братцы Усы, удалые молодцы!
А и лето проходит, зима настает,
А и нада чем Усом голова кормить,
На полатех спать и нам сытым быть.
Ах нутя-тка, Усы, за свои промыслы!
А мечитеся по кузницам,
Накуйте топоры с подбородышами,
А накуйте ножей по три четверти,
Да и сделайте бердыши и рогатины
И готовьтесь все!
Ах, знаю я крестьянина, богат добре,
Живет на высокой горе, далеко в стороне,
Хлеба он не пашет, да рожь продает,
Он деньги берет да в кубышку кладет,
Он пива не варит и соседей не поит,
А прохожиех-та людей начевать не пущат,
А прямые дороги не сказывает.
Ах, надо-де к крестьянину умеючи идти:
А пó палю идти — не посвистовати,
А и пó бору идти — не покашливати,
л. 95, Ко двору ево идти — не пошарковати.
Ах, у крес(т)янина-та в доме борзы́е кобели
И ограда крепка, избушка заперта,
У крестьянина ворота крепко заперты».
Пришли оне, Усы, ко крестьянскому двору,
А хваталися за забор да металися на двор.
Ах, кто-де во двери, атаман — в окно,
А и тот с борку, иной с борку,
Уж полна избушка принабуркалася.
А Гришка-Мурышка, дворянской сын,
Сел впереди под окном,
Сам и локоть на окно, ноги под гузно,
Он сам говорит и усом шевелит:
«А и ну-тка ты, крестьянин, поворачивайся!
А и дай нам, Усам, и попить и поесть,
И попить и поесть и позавтрекати».

Ох, метался крестьянин в большей анбар,
И крестьянин-ат несет пять пуд толокна,
А старуха-та несет три ушата молока.
Ах, увидели Усы, молодые молодцы,
А и ка(дь) большу, в чем пива варят,
Замешали молодцы оне теплушечку,
А нашли в молоке лягушечку.
Атаман говорит: «Ах вы, добрые молодцы,
Вы не брезгуйте:
А и по-нашему, по-русски, холоденушка!».
Оне по кусу хватили, только голод заманили,
По другому хватили, приоправилися,
Как по третьему хватили, ему кланелися:
«А спасиба те, крестьянин, на хлебе-на соли
И на кислом молоке, на овсяном толокне!
Напоил нас, накормил да и животом надели,
Надели ты нас, Усов, по пятидесят рублев,
А большему атаману полтараста рублев».
А крестьянин-ат божится: «Права, денег нет».
А старуха ратится: «Не полушечки!».
А дурак на печи, что клеит, говорит:
«А братцы Усы, удалы молодцы!
А и есть-де ведь у батюшки денежки,
А и будет вас, Усов, всех оделять,
А мне-де дураку, не достанется;
А все копит зятьям, растаким матерям».
А проговорит Усища, большей атаман:
«Братцы Усы, за свои промыслы!
л. 95 об. Ох, ну-тко, || Афонас, доведи ево до нас!
Ах, ну-тко, Агафон, да вали ево н(а) агонь!
А берите топоры с подбородышами,
Ах, колите заслон, да щепайте лучину,
Добывайте огонь, кладите на огонь середи избы,
Валите крестьянина брюхом в огонь,
А старуху валите жопой на огонь!».
Не мог крестьянин огня стерпеть,
Ах, стал крестьянин на огонь пердеть,
Побежал крестьянин в большой анбар,
Вынимал из-под каменю с деньгами кубышечку,
Приносил крестьянин да бряк на стол:
«Вот вам, Усам, по пятидесят рублев,
А большому-та Усищу полтараста рублев!».
Вставали Усы, они крестьянину кланеются:
«Да спасибо те, крестьянин, на хлебе-на соли,
И на овсяном толокне, на кислом молоке!
Напоил нас, накормил, животом наделил.

Ах, мы двор твой знаем и опять зайдем,
И тебя убьем, и твоих дочерей уведем,
А дурака твоего в есаулы возьмем».

л. 96

КТО ТРАВНИКА НЕ СЛЫХАЛ

А и деялося в весне
На старой на Канакже,
Ставил Потанька плужок
Под окошко к себе на лужок.
От моря-та синева,
Из-за гор высокиех,
Из-за лесу, лесу темнова
Вылетал молодой Травник.
Прилетал молодой Травник,
Молодой зуй болотиник,
А садился Травник на лужок,
А травку пощипывает,
По лужку похаживает.
Ходючи Травник по лужку,
Да попал Травник в плужок,
Своей левой ноженькой,
Он правым крылошком,
Да мезиным перстичком.
А и пик, пик, пик Травник!
Сидючи Травник на лужку,
На лужку Травник во плужку,
Едва Травник вырволся.
(В)звился Травник высоко,
Полетел Травник далеко,
Залетел Травник в Москву
И нашел в Москве кабачок,
Тот кабачок-то кручок.
А и тут поймали ево,
Били ево в дуплю,
Посадили ево в тюрьму.
Пять недель, пять недель посидел,
Пять алтын, пять алтын заплатил.
И за то ево выпустили,
Да кнутом ево выстегали,
По редам ево выводили.
Едет дуга на дуге,
Шелудяк на храмой лошеди,
А все Травника смотрет(ь),
Все молодова смотреть —

Едва Травник вырволся.
Взвился Травник высоко,
Полетел Травник далеко,
На старую Канакже,
Ко Семену Егупьевичу
И ко Марьи Алфертьевне,
И ко Анне Семеновне.
Залетел Травник в окно,
По избе он похаживает,
л. 96 об. А низко спину || гнет,
Носом в землю прет,
Збой за собой держит
И лукавство великое.
А Семен Травника не взлюбил,
Господин Травника не взлюбил:
«А что за птица та,
А что за лукавая?
Она ходит лукавится,
Збой за собой держит,
А и низко спину гнет,
А носом в землю прет».
И Семен Травника по щеке,
Господин по другой стороне,
А спину — хребет столочил,
Тело-печен(ь) прочь отоптал.
Пряники сладкия,
Сапогами печатаныя,
Калачи крупичетыя,
Сапогами толоченыя.
Втапоры мужики,
Неразумныя канакжана,
Оне ходят дивуются:
«Где Травника не видать?
Где молодова не слыхать?
Не клюет травыньки
Он вечны зеленыя».
Говорит Травникова жена,
Душа Анна Семеновна,
А наливная ягодка,
Виноградная вишенье:
«А глупы мужики,
Неразумныя канакжана!
Травник с похмелья лежит,
Со Семенова почести,
А Семен ево подчивал,

Господин ево чествовал:
Спину-хребет столочил,
Тело-печень отоптал».

л. 97

СВИНЬИ ХРЮ, ПОРОСЯТА ХРЮ

Свиньи хрю, поросята гиги, гуси гого.
Встани, затопляй, перекисла, мешай.
Чья была кручина — нещопана лучина,
А великая печаль — на пече детей кочать.
Плачет дитя, возрыдает дитя — пособити нельзя.
Бачка сердит, так мачка . . .
Пиво-то в шубе, вино в зипуне, брага в шебуре.
Прощелыга вода и нога и боса, она без пояса.
Кто напьется воды — не боится беды,
Никакой кормолы и не дьявольшены.
Когда Москва женилась, Казань понела,
Понизовные городы в приданыя взела:
Иркутска, Якутска, Енисейской городок,
А и Нов-город был тысяцкой,
А Уфа-та . . . сваха была,
Кострома-город хохочет,
В поезду ехать не хочет.
А вздумали-(в)згодали по Куракина послали.
А Куракин говорит:
«Изопьем-ка вина, то прибудет ума!».
Испили маленько, шумит в голове,
Испить боло побольше — побольше шумит,
Изопьем, посидим, пошлем по жены, по свои госпожи.
А жены наши идут, будто утачки плывут,
А и матери идут, будто свиньи бредут.
А и ел чеснок, отрыгается,
Целовал молоду, то забыть нельзя.
А капуста в масле — не ества ли то?
А грибы с чесноком — не волога ли то?
Молодица в шапке — не девка ли то?
Веселый молодец — не утеха ли то?
Мать дочери своей говаривала и наказывала:
Не велела молоденьки с мужем спать,
Под одежду. . .
А и я молода с глупа разума-ума
Потихоньку . . . . . . и всего мужа . . . .
«А спи ты, мой муж, не раскатывайся,
Что сизой голубок на гнездушке».

л. 97 об. А и мужу-то жена свету || видети дала:
Петлю на шею сама взложила,
Ана милому в окошко конец подала:
«Мил, потени! мой голубчик, потени!».
Милой потянул, ее муж-ат захрипел,
Будто спать захотел.
А и я мужа не била, не бранивала,
А и только . . . . сыну говаривала:
«Ешь, муж, нож, ты гложи ножны,
А и сохни с боку, боли с хребту,
Со всего животу!».
А и ела баба сметану, да брюхо болит,
А гледела бы на милова да муж не велит,
Под лавкой лежит, он сабакой ворчит,
Кобелем визжит.
Баба . . . . . ., хочет баню сбить, потолок своротить,
Двери выставити, баню выстудити.
Ваня — в баню, жена ево — за баню,
Василей — на сенях.
Бог дал сына, сына Екима,
А затем будет Иван, добро будет и нам.
А щука-де — не рыба, лень — не еда,
А чужа жена — ожога,
Ожгла молодца поперек животца.
А (щу)чины не ем, коросей-та не ем,
А и ем треску, припру к шес(т)ку.
А жена мужу . . . на истопке,
Привела ево смотреть:
«Вот, муженек, голубей гнездо
Тебе киевских, мохноногиньких».
Попадья на попа разгузынилася-распечалился,
А кобылу-ту колом и корову-ту колом,
Она мелкова скота ослопиною с двора,
Он видит, поп, неминучую свою,
Ухватил он книгу, сам бегом из избы.

СТАТЬ ПОЧИТАТЬ, СТАТЬ СКАЗЫВАТЬ

л. 98 А стать почитать, стать сказывати:
А и городы все, пригородья все,
Малую деревню — и ту спомянуть.
А в Нижнем славном Нове-городе, на перегородье
В бубны звонят, в горшки благовестят,
Да помелами кадят, мотовилами крестят,
Стих по стиху на дровнях волокут.

А и молоду молодку под полос(т)ью везут.
А на лавицы ковер, на пече приговор,
На полатех мужик с Ориною лежит.
А не мил мне Семен: не купил мне серег,
Только мил мне Иван: да купил сарафан,
Он, положа на лавку, примеривать стал,
Он красной клин в середку вбил.
А был я на Волме, на Волме-горах,
А купил я девоньку, да Улкой зовут,
Дал я за девоньку полтину да рубль.
. . . .

л. 100 об.

О СТАНИШНИКАХ ИЛИ РАЗБОЙНИКАХ

Как да́лече-дале́че во чистом поле,
Что ковыль-трава во чистом в поле шатается, —
А и ездит в поле стар-матер человек,
Старой ли казак Илья Муромец.
А и конь ли под ним кабы лютой зверь,
Он сам на коне, как ясен сокол.
Со старым ведь денег не годилося:
Только червонцов золотых с ним семь тысячей,
Дробных денег сорок тысячей,
Коню ведь под старым цены не было.
Почему-то цены ему не было?
Потому-то коню цены не было, —
За реку-то он броду не спрашивал,
Котора река цела верста,
А скачет он с берегу на берег.
Наехали на старова станишники,
По-нашему, русскому, разбойники,
Кругом ево, старова, облавили,
Хотят ево, старова, ограбити,
С душей, с животом ево разлучить хотят.
Говорит Илья Муромец Иванович:
«А и гой есть вы, братцы станишники!
Убить меня, старова, вам не за что,
А взяти у старова нечево!».
Вы(мал) он из налушна крепкой лук,
Винимал он ведь стрелку каленую,
Он стреляет не по станишникам, —
Стреляет он, старой, по сыру дубу.
А спела титивка у туга лука,
Станишники с коней попадали,
Угодила стрела в сыр кряковистой дуб,

Изломала в черенья в ножевыя дуб.
От тово-та ведь грому богатырскова,
Тово-та станишники испужалися,
л. 101 А и пять оне часов без ума || лежат,
А и будто ото сна сами пробужаются:
А Селма стает, пересемывает,
А Спиря стает, то постыривает,
А все оне, станишники, бьют челом:
«Ты старой казак Илья Муромец!
Возьми ты нас в холопство вековечное!
Дадим рукописанье служить до веку».
Говорит Илья Муромец Иванович:
«А и гой есть вы, братцы станишники!
Поезжайте от меня во чисто поле,
Скажите вы Чурилу сыну Пленковичу
Про старова казака Илью Муромца».

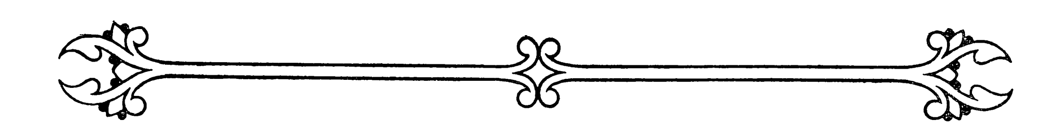
О АТАМАНЕ ФРОЛЕ МИНЕЕВИЧЕ

Приуныли, приутихли (*Дважды*) на Дону донски да каза[ки]
А еицкие, донские (*Дважды*), запороцкие.
А и почем он[и при]уныли?
Потому оне приуныли (*Дважды*) на Дону дон[ски да ка]заки,
Ах, что взял у них государь-царь (*Дважды*). . . город
Со тремя с темя са малыми с пригородка[ми],
А и со славною су Губаньей, с крепким Лютиком.
А во славном да во Черкасском во земляном городке
А стоит у казаков золотой бунчуг,
А на бунчуге стоит чуден золот крест,
А перед крестом туто стоит войскавой их атаман,
А по имеңю ли Фрол сын Минеевич.
Ко кресту тут собиралися донски казаки,
А и донские, гребенские, запоротски хохлачи.
Становились молодцы во единой войской круг,
Среди круга стоит войсковой атаман,
л. 101 об. А по именю ли Фрол сын Минеевич.
Атаман речи говорил, || будто в трубу трубил:
«А и вы, братцы казаки, вы яицкие, донски (*Дважды*), запоротские!
Пособите мне, атаману, [в]ы думу думати:
Челобитна ли нам писати, государю . . . подавать?
Самому ли мне, атаману, в Москву ехати?
[Пе]ремерье бы нам взять перед самим царем:

[З]але[г]ли пути-дороги за сине море гулять (*Дважды*)
Еще от вора от Васьки от Голицына с детьми,
Залегли пути-дороги за сине море,
А и не стало нам добычи на синем море
И на тихом Дону на Иваныче».
И поехал атаман в каменну Москву.
Еще будет атаман [в к]аменной Москве,
Поклонился государю о праву руку,
С[кво]зь слезы он словечко едва выговорил:
«Ах ты, свет (н)аш, надежда, благоверны царь,
А и грозен судар(ь), Петр Алексеевич!
Прикажи нам на Дону чем кормитися: (*Дважды*)
Залегли пути-дорож[ки] за си[н]е море
От вора от Васьки от Голицына с детьми,
Еще те . . . . . . дороги увольные».
. . . .

О СТЕНЬКЕ РАЗИНЕ

А и по (к)рай было моря синева, (*Дважды*)
А на ус(т)ь(е) Дону тихова,
На крутом красном берегу
А и стоит крепкой Азов-город (*Дважды*)
Со стеной белокаменной, (*Дважды*)
И со башными наугольными, (*Дважды*)
И со рвами глубокими, (*Дважды*)
С земляными роскатами, (*Дважды*)
И с рогатками железными.
Середи Азова-города
Тут сто[ит] темна темница.



л.1

САЛОВЬЯ БУДИМЕРОВИЧА

Высотали высота поднебесная, глубота глубота | акиянъ море, широко раздолье повсеи земли, глубоки омоты | днепровския, иззаморя моря синева ӱзглухоморья зеленова | отславного города леденца ѿтогоде царя веть заморскаго | выбегали выгребали тритцать кораблеи тритцать | кораблеи единъ корабль славнова гостя богатова молода | соловья сына будимеровича хорошо карабли — изукрашены | одинъ корабль полутче всехъ утого было сокола укарабля | вместо очеи было вставлено подорогу каменю пояхонту | вместо бровеи было прибивано почерному соболю якуцкому | ӱякуцкому веть сибирскому вместо уса было воткнуто | два острыя ножика булатныя вместо ушеи было вотъ|кнуто два востра копья мурзамецкия идва горносталя | повешены идва горнасталя два•зимния утово было сокола | укарабля вместо гривы прибивано две лисицы бурнастыя | вместо хвоста повешено натомъ было соколе корабле | два медведя белыя заморския нѿ корма потуриному | бока взведены позвериному бегутъ когороду киеву | класкову князю владимеру натомъ соколе корабле | зделанъ муравленъ чердакъ вчердаке была беседа | дорогъ рыбеи зубъ подернута беседа рытымъ | бархотомъ набеседето сиделъ купавъ молодецъ | молодои соловеи сынъ будимеровичь говорилъ соловеи | таково слово гои еси вы гости карабелщики ивсе | целовалники любимыя
л. 1 об. какъ буду я вгороде киеве | уласкова князя владимера чемъ мнека будетъ|| князя дарить чемъ света жаловати ѿвечаютъ гости | карабелщики ӱвсе целовалники любимыя ты славной | богатои гость молодои соловеи сын будимеровичь есть | сударь увасъ золота казна сорокъ сороковъ чер-

ныхъ собо|леи вторая сорокъ бурнастыхъ лисицъ есть сударь | дорога камка что недорога камочка узоръ хитеръ хитрости | были царя града аимудрости иерусалима замыслы соловья | будимеровича назлате насеребре непогневатца[1] прибежали | карабли подславнои киевъ градъ якори метали внепръ | реку сходни бросали накрутъ бережекъ товарную пошлину | втаможне платили совсехъ кораблеи семъ[2] тысячеи | совсехъ кораблеи совсего живота бралъ соловеи свою золоту | казну сорокъ сороковъ черныхъ соболеи второе сорокъ бурнастыˣ | лисиц пошелъ онъ коласкову князю владимеру идетъ | вогридю восветлую какъбы напету двери ѿворялися идетъ | вогридню купавъ молодецъ молодои соловеи сынъ буди|меровичь спасову образу молитца владимеру князю кла|нѣетца княгине апраеѕевнои наособицу иподноситъ князю | свое дороги подарочки сорокъ сороковъ черныхъ соболеи | второе сорокъ бурнастыхъ лисицъ княгине поднесъ камку | бело хрущетую недорога камочка узоръ хитеръ хитрости | царя града мудрости иерусалима замыслы соловья | сына будимеровича назлате ј͗серебре[3] непогневатца | князю дары полюбилися акнягине наипаче того говорилъ | ласковои владимеръ князь гои еси ты богатои гость | соловеи сынъ будимеровичь заимуи дворы княженецкия | заимуи ты боярския заимуи дворы идворянския ѿве. . е. .| соловеи сынъ будимеровичь ненадо мне двор[4]. | княженецкия иненадо дворы боярския иненадо дворы | дворянския толко ты даи мне загонъ земли | непаханыя инеараныя усвоей — асударь княженецкои | племяннице умолоды запавы путятичнои въее | осударь зеленомъ саду вишенье ворешенье построить||мне соловью снаряденъ дворъ говорил сударь ласковой | владимеръ князь нато тебе скнягинею подумаю аподу|мавши ѿдавалъ соловью загонъ земли непаханыя | ј͗неараныя походилъ соловеи насвои червленъ карабль | говорилъ соловеи сынъ будимеровичь гои еси вы мои люди | работныя берите вы тапорики булатныя подите кзапаве | взеленои садъ построите мне снаряденъ дворъ вишенье | ворешенье свечера поздымъ поздо будто дятлы вдерево | пощолкивали работали ево дружина хорабрая кополуноче | идворъ поспелъ три терема златоверховаты датрой | сени косящетыя датрои сени решетчетыя хорошо втере|махъ изукрашено нанебе солнце втереме солнце нанебе | мсцъ втереме мсцъ нанебе звезды втереме звезды | нанебе заря втереме заря ився красота поднебесная[5] | рано зазвонили кзаутрени отосната запава пробужалася | посмотрела сама вокощечко косящетое вишенья ворешенья | восвои веть[6]

л. 2

[1] ва *написано, по-видимому, другим почерком.*

[2] ь *или* ъ *в оригинале — не ясно.*

[3] ј *написано по подскобленному.*

[4] *Правый нижний угол листа подмочен, и в 6-й и 7-й строках снизу не все последние буквы могут быть разобраны. У Калайдовича (стр. 5; см. Список сокращений на стр. 427) это место читается:* Отвѣчает Соловей, сын Будимировичь: «Ненадо мнѣ дворы княженецкие».

[5] о *написано по подскобленному.*

[6] *Сначала было написано* весь; с *исправлено на* т *другими чернилами.*

хорошои возеленои садъ чюдо запаве пока|залося въее хорошомъ зеленомъ саду что стоят три | терема златоверховаты говорила запава путятишна | гои еси нянюшки имамушки красныя сенныя девушки | подтетка посмотритетка что мне зачюдо показалося | вишенье ворешенье ѿвечаютъ нянюшки мамушки | јсенныя красныя деушки матушка запава путятишна | изволко сама посмотреть счасъе твое надворъ ктебе | пришло скороде запава нарежаетца надевала шубу собо|линую цената шуби три тысячи апуговки всемь ты|. . чей[7] пошла она вишенье ворешенье восвои вохорошъ | возеленои садъ упервова терема послушела тутъ | втер. му[8] щелчитъ молчитѣ лежитъ соловьева золота | казна вовтором терему послушела тутъ втерему | потихонку говорятъ помаленку говорятъ все молитву | творятъ молитца соловьева матушка совдовы | честны много-
л. 2 об. разумными утретьева терема послушела || тутъ втерему музыка гремитъ та[9] входила запава | всени косящетые ѿворила[10] двери напяту болно запава | јспугалася резвы ноги подломилися чудо втереме показа|лося нанебе солнце втереме солнце нанебе мс̃цъ втереме[11] | мс̃цъ нанебе звезды втереме звезды нанебе заря втереме | заря ився красота поднебесная подломились еѣ ноженки | резвыя втапоры соловеи онъ догадливъ былъ бросилъ | свои звончеты гусли подхватывалъ девицу забелы ручки | клалъ накровать слоновыхъ костеи данатели перины | пуховыя чеводе ты запава испужалася мыде оба навозрасте | аияде девица навыдонье пришладе сама затебя свататца | тутъ оне ипомолвили целовалися оне миловалися золотыми[12] | перьстнями поменялися проведала ево соловьева матушка | честна вдова амелфа тимофеевна свадбу кончати посрочила | съездиде заморя синия икогдаде тамъ расторгуесся тогда | иназапаве женисся ѿезжалъ соловеи заморя синея втапоры | поехалъ иголои шапъ давыдъ поповъ скора заморями | исторгуетца аскоре тово назадъ вкиевъ прибежалъ приходилъ | коласкову князю сподарками принесъ сукно смурое дакрашенину | печатную втапоры князь сталъ спрашивати гои еси | ты голои шапъ давыдъ поповъ где ты слыхалъ | где видывалъ прогостя богатова промолода соловья | сына будимеровича ѿвечалъ ему голои шапъ яде обнемъ | слышелъ даисамъ подлинно виделъ вгороде леденце | утово царя заморскаго соловеи уцаря впратоможъе | попалъ изато посаженъ втюрму акарабли ево отобраны | наегожъ царское величество тутъ ласковои владимеръ | князь закручинился, скоро вздумалъ освадбе, что ѿдать, | запаву заголова шапа давыда попова тысецкои лас . .в . и[13] |

---

[7] *Левый нижний угол листа подмочен, и некоторых букв в этом месте нельзя разобрать. У Калайдовича (стр. 7)* тысячей.
[8] *См. предыдущее примечание. У Калайдовича (стр. 8)* теремѣ.
[9] *В оригинале* та *зачеркнуто другими чернилами.*
[10] и *сделано другими чернилами из* я.
[11] *Сначала переписчик вместо третьего* е *написал, кажется,* и.
[12] ло *написано, по-видимому, другим почерком.*
[13] *Подмочено. У Калайдовича (стр. 10)* ласковой.

владимеръ князь свашела княгиня апраз̆евна впоезду | князи ибояра поезжали коцеркви божїи втапоры | вкиевъ флотъ пришелъ богатова гостя молода соловья | сына будимеровича когороду кокиеву якори метали | вобыстрои днепръ сходни бросали накрутъ красенъ | бережекъ выходилъ соловеи содружиною изсокола карабля || съкаликами[14] вобеломъ л. 3 платье сорокъ каликъ сокаликою похо|дили оне кочестной вдове, амелфе тимофевне, правятъ | челобитье ѿсына ея гостя богатова, отмолода соловья | будимеровича, что прибылъ флотъ вдевяносте карабляхъ, | истоитъ набыстромъ непре подгородомъ киевымъ, аѿтуда | пошли коласкову князю владимеру, накняженецкои дворъ, | истали воединой кругъ. втапоры следовал сосвадбою, вла|димеръ князь вдомъ свой, ипошли вогридни светлыя, | садилися застолы белодубовыя, заества сахарныя, ипозвали | насвадбу сорокъ каликъ сокаликою, тогда ласковои владимеръ | князь, велелъ подносить, вина имъ заморския, имеда | сладкия тотъ часъ попоступкамъ соловья опазновали | приводили ево кокняженецкому.[15] столу сперва говорила | запава путятишна гои еси мои сударь дядюшка | ласковои сударь владимеръ князь тотъто мои прежнеи | обруче^{н}нои[16] женихъ молоды соловеи сынъ будимеровичь | прямо сударь скачю обесчестю столы говорилъ ей | ласковои владимеръ князь аты гои еси запава путя|тишна аты прямо нескачи небесчести столы выпускали | ее иззадубовыхъ столовъ, пришла она ксоловью позда|ровалась, взела ево заpученку белую, ипошла застолы | белодубовы, исели оне заества сахарныя, наболшо место, | говорила запава токово слово, голому шапу давыду попову | здраствуи женимши данескимъ спать, втапоры | ласковои владимеръ князь веселъ сталъ акнягиня | наипаче того поднимали пирушку великую.

---

[14] съ, *кажется, приписано к слову* каликами.

[15] у *написано по подскобленному.*

[16] чѣ *написано другими чернилами и сделано из* ш, *так что первоначальное чтение было, по-видимому,* обрушной.

л. 3 об.

ГОСТЯ ТЕРЕНТИША [1]

Встолномъ нове городе было вулице воюрьевской вслободе | было терентьевскои, аижилъ былъ богатои гость, апоимeню | терenти^{ш}ша, унево дворъ нацелои версте, акругомъ двора | железнои тынъ, натынинки помаковке, аиесть поземчю | женке, ворота были вальящетыя, вереи хрустална, | подворотина рыбеи зубъ, середи двора гридня стоитъ, | покрыта седыхъ бобровъ, потолокъ черныхъ соболеи, | аиматицата валженая, была печка муравленая, середа | была кирпичная, анасереди кроватка стоитъ, дакровать | слоновыхъ костеи, накровати перина лежитъ, наперине | зголовье лежитъ, назголовье молодая жена, авдотья | ӏвановна, она свечера трудна, болна сополуночи недужна, | вся, расходился недугъ вголове, разыгрался утинъ вхрепте, | пустился недугъ ксерцу, апониже ея пупечка, даповыше | коленечка. межу ногъ. килди милди. говорила молодая | жена. авдотья ивановна. аи гои еси богатои гость, | ипоимeню терenти^{ш}ша, возми мои золотые ключи, | ѿмыкаи окованъ сундукъ, вынимаи денегъ сто рублев, | ты поди дохтуровъ, добываи волхита спрашивати, | автапоры терenти^{ш}ша, онъ жены своеи слушелся, | иженута волюбви держалъ, онъ взялъ золоты, | ее. ключи, ѿмыкалъ окованъ, су^{н}дукъ, вынималъ | денегъ сто рублевъ, ипошелъ дохтуровъ добыва^{т}, | онъ будетъ
л. 4 терenти^{ш}ша учестна креста здвиженья || ужива моста калинова встречю терenти^{ш}шу веселыя скоморохи, скоморохи люди вежлевыя скоморохи очесли|выя обручку терентью челомъ ты здравствую богатой | гость ипоимeню терenти^{ш}ша доселева те слыхомъ | неслыхать идоселева видомъ невидать аи ноне ты [2] тере|нти^{ш}ша ои [3] бродишъ почисту полю что корова заблу|дящая что ворона залетящая аи натото онъ не серди|тца говоритъ имъ терenти^{ш}ша аи вы гои скомо|рохи молодцы что несамъ я терентеи зашолъ | инеконта богатова завесъ завела нужда бедность | блядь умене есть молодая жена авдотья ивановна | она свечера трудна болна сополуночи

---

[1] *Седьмая от начала нота* (*la*) *написана на кусочке бумаги, приклеенном к листу после того, как на нем проведены были нотные линейки; очертание этого кусочка видно на снимке.*

[2] ты *вписано, по-видимому, другими чернилами.*

[3] о *сделано из какой-то другой буквы.*

недужна вся | расходился недугъ вголове разыгрался утинъ вхрепте |
пустился недугъ ксерцу пониже еѣ. пупечка что повыше | коленечка межу[4]
ногъ килди милди ахто быде недугамъ | пособилъ[5] хто недугибы прочь
ѿгонилъ ѿмоеи моло|дои жены ѿавдотьи ивановны, тому дамъ денегъ, |
сто рублевъ безъединыя денешки веселыя молодцы | догадалися друг
надруга оглянулися асами усме|хнулися аи ты гои еси теренти^{ш}ша ты
намъ что | затруды заплатишъ вотъ вамъ даю сто | рублевъ повели ево
теренти^{ш}ша пославному нову | городу завели ево теренти^{ш}ша вототъ[6]
вотемнои | рядъ акупили шелховои мехъ дали два гроша | мешокъ пошли
оне вочервленнои рядъ дакупили | червленои вязъ аидубину ременчетую
половина | свинцу налита дали занее десеть алтынъ | посадили терен-
ти^{ш}ша вототъ шелховои мехъ | мехоноша заплеча взялъ[7] пошли оне ско-
морохи | котерентьеву кодвору молода жена опасливая[8] вокошечко || л. 4 об.
выглянула аи. вы.[9] гои еси веселыя молодцы вы кчему | надворъ идете
что хозяина вдоме нетъ говорятъ | веселыя молодцы а гои еси молодая
жена авдотья | ивановна аимы тебе челобитье несемъ ѿгостя бога|това
ипоимени[10] теренти^{ш}ша иона спохватилася зато | аи вы гои еси веселыя
молодцы где ево видели агде | проево слышали отвечаютъ веселыя молодцы
мы ево | слышели сами доподлинна видели учестна креста | здвиженья
ужива моста калинова голова пособе ево | лежитъ ивороны вжопу клюютъ
говорила молодая | жена авдотья ивановна веселыя скоморохи вы подите |
восветлую гридню садитесь налавочки поиграите | вогуселцы ипропои-
тека песенку прогостя богатова | простарова блядина сына ипоименю
терентишъша | водомубы ево векъ невидать веселыя скоморохи | сади-
лися налавочки заиграли вогуселцы запели^{оне} песенку | слушаи шелхо-
вои мехъ мехоноша заплечами | аслушаи терентеи гость что протебя
говорятъ | говоритъ молодая жена авдотья ивановна простара | мужа те-
ренти^{ш}ша простарова блядина сына | водомубы тебе векъ невидать ше-
велись шелховои | мехъ мехоноша заплечами вставаика теренти^{ш}ша |
лечить молодую жену бери червленои вязъ ты дубину | ременчетую по-
ходика теренти^{ш}ша посвоеи светлои | гридни ипосереди кирпищетои ка-
занавесу белому[11] | кокровати слоновыхъ костеи коперине копуховыя |
алечика ты теренти^{ш}ша алечика ты молоду жену | авдотью ивановну
въставалже[12] терентишъша | ухватилъ червленои вязъ адубину ремен-
четую | половина свинцу налита походилъ онъ теренти^{ш}ша | посвоеи
светлои гридне зазанавесу белую кокровати | слоновыхъ костеи онъ сталъ
молоду жену | лечить авдотью ивановну шлыкъ зголовы унея сшибъ по-

---

[4] е *написано другими чернилами; сначала было* мужу.
[5] *Второе* о *сделано, кажется, из* е.
[6] *Второе* т *сделано из* м.
[7] *Между словами* заплеча *и* взялъ *выскоблены две-три буквы.*
[8] я, *кажется, приписано.*
[9] и.вы. *написано по подскобленному.*
[10] *Третье* и *сделано из* ю.
[11] м *сделано из другой буквы.*
[12] ъ, *по-видимому, сделано из* о.

смотри^т | теренти^ш^ша накровать слоновыхъ костей наперину напуховую анедугатъ[13] | пошевеливаитца пододеяломъ соболиныемъ онъта ||
л. 5 терентишша недугата вонъ погналъ что дубиною реме|нчетою анедугатъ непутемъ вокошко скочилъ | чуть головы несломилъ накорачкахъ ползаетъ | ѣдва[14] отокна ѽполозъ онъ оставилъ недужи^ш^ша | кавтанъ[15] хрущетои камки, камзолъ бабереговой | аиденегъ пять сотъ рублевъ втапоры теренти^ш^ша | далъ еще веселымъ другое сто рублевъ заправду великую,

ДЮК СТЕПАНОВИЧЬ

Ї з> за моря моря синева, изславна волынца красна | галичья, истое корелы богатыя, как есенъ, соколъ вонъ, | вылетывал; какъбы белои кречетъ вонъ выпархивалъ, | выезжалъ удача доброи молодецъ, молоды дюкъ сынъ | степановичь, попрозванью, дюкъ былъ боярскои сынъ, | аиконь поднимъ какъбы лютои зверь,[1] лютои зверь | конь ибуръ косматъ, уконя грива налеву сторону досырой | земли, онъ самъ наконе какъ есенъ соколъ, крепки доспехй | намогучихъ плечахъ, немного здюкомъ живота пошло, | что куякъ ипанцырь чиста серебра, аколчюга нанемъ | красна золота, акуяку.[2] ипанцырю[3] цена лежитъ три | тысячи, аколчюгу нанемъ красна золота, цена сорокъ | тысячеи, аиконь поднимъ впять тысячеи, почему | коню^цена^[4] пять тысячеи, зареку онъ броду неспрашиваетъ, | котора река цела верста пятисотная, онъ скачетъ | зберегу наберегъ, потому цена^коню^ пять тысячеи | еще здюкомъ ^не много^ живота пошло, пошолъ тугои | лукъ разрывчетои, ацена тому луку три тысячи, | потому цена луку три тысячи, полосы были сере | брены, арога красна золота, аититивочка была | шелковая, абелова шолку шимаханскова,[5] иколчанъ || пошолъ снимъ каленныхъ стрелъ, авоколчане было | затриста стрелъ,
л. 5 об. всякая стрела по десяти рубле^в^, | аиеще есть воколчане три стрелы, аи-

[13] г *сделано другими чернилами из* х.
[14] *Сначала было написано* одва; ѣ *сделано из* о *другими чернилами.*
[15] *Первое* а *сделано из* о *другими чернилами.*

[1] р *сделано из* л.
[2] у. *написано по подскобленному.*
[3] и *сделано из* а.
[4] *Сначала было надписано* зена; з *исправлено на* ц *другими чернилами.*
[5] *Второе* а *сделано из* и *другими чернилами.*

темъ стрела[м] | цены нет, цены небыло[6] инесведомо, потому | тремъ стрел-
камъ[7] цены небыло, колоты оне | былй истрость древа, строганы те
стрелки | вонове городе, клеяны оне клеемъ осетрарыбы, | перены оне
перьицамъ сиза орла, асиза орла | орла орловича, атово орла птицы кам-
ския, неты|ята камы коя вволгу пала, атояты камы заси|немъ моремъ,
своимъ усьемъ впала всине море, | алеталъ орелъ надсинемъ моремъ, аро-
нилъ онъ | перьица восине море, абежали гости карабелщики, | собирали
перья[8] насинемъ море, вывозили перья | насветую русь, продавали ду-
шамъ краснымъ | девицамъ, покупала дюкова матушка, перо восто |
рублевъ вотысячю, почему те стрелки дороги. | потому оне дороги, что
вушахъ поставлено поти|рону, покаменю подорогу самоцветному, аиеще
утехъ | стрелакъ, подле ушеи перевивано, аравицкимъ | золотомъ; ездитъ
дюкъ подле синя моря истреляе[т][9] | гусеи белыхъ, лебедеи, перелетныхъ
серыхъ малы[х] | утачакъ, онъ днемъ стреляетъ вночи те стрелки | збираетъ,
какъ днемта стрелачакъ невидити, | авночи те стрелки что свечи горятъ
свечи | теплютца[10] воску ярова, потому оне стрелки | дороги; настрелялъ
онъ дюкъ гусеи белыхъ, | лебедеи перелетныхъ, серыхъ малыхъ утачакъ, |
поехалъ когороду киеву коласкову князю владимеру, | онъ будетъ вго-
роде киеве, что уласкова князя | владимера, середи двора княженецкова ||
аскочилъ онъ содобра коня, привезалъ коня гду|бову столбу, хколцѹ[11] л. 6
булатному, походилъ вогри|дню восветлую, ковеликому князю влади-
меру, | онъ молился[12] спасу сопречистою, поклонился | князю сокне-
гинею, навсе четыре стороны, тутъ | сидятъ князи[13] бояра, скочили все
нарезвыноги | агледятъ намолотца дивуютца, ивладимеръ[14] | князь стол-
нои киевскои, приказалъ наливать чару | зелена вина, вполтора ведра,
подавали дюку | степанову, принимаетъ онъ нечванитца, апринялъ |
чару единой рукои, авыпилъ чару единымъ духомъ, | ивладимеръ князь
столнои киевскои, посадилъ ево | заединои столъ хлеба кушати, аиповары
были | догадливые носили ества сахарныя иносили питья | медвяныя
иклали калачики крупичеты передтово | дюка степанова, асидитъ дюкъ
заединымъ столомъ, | сотемя князи ибояры, ѻкушалъ калачики крупи-
четы | онъ верхню корачку отламыватъ анижню кора|чку прочь отклады-
ватъ; авокиеве былъ щасливъ[15] | добре, какъбы молоды чюрила сынъ плен-
ковичь, | оговорилъ онъ дюка степанова что ты дюкъ | чемъ чванисься
верхню корачку отламывашъ | анижню прочь откладываешъ[16], говорилъ

---

[6] *После* небыло *в оригинале запятая, перечеркнутая двумя черточками.*
[7] к *вписано.*
[8] пе *написано по подскобленному.*
[9] и стреляе[т] *написано по подскобленному.*
[10] *Сначала переписчик, по-видимому, написал* ч, *потом сделал из него* ц.
[11] ѹ *сделано из* о *другими чернилами.*
[12] лся *написано по подскобленному.*
[13] *После* князи *в оригинале запятая, перечеркнутая двумя черточками.*
[14] *Первое* и *написано по подскобленному.*
[15] *Сначала было написано* щапливъ, *затем* п *переделано на* с.
[16] к *и* е *вписаны, кажется, другими чернилами.*

дюкъ | степановичь ои. ты ои еси владимеръ князь | втомъ ты наменя непрогневаися печки утебя | биты [17] глинены аподики кирпичные апомелечко моча|лное[18], влохань[19] обмакиваютъ ауменя дюка | степанова, аумоеи сударыни матушки, печки были | муравлены, аподики медные, помелечко шелковое | всыту медяную абмакиваютъ, калачикъ сьешъ | болше хочитца, втапоры князю владимеру | захотелось кдюку ехати, зоветъ ссобои ||
л. 6 об. князеи бояръ, ивзялъ чюрила пленковича иприехали оне напашню кнему, котемъ крестьянским | дворамъ, итутъ удюка стряпчеи былъ, при|пасъ прокнязя владимера почестнои столъ, | исадился ласковой владимеръ князь, сосвоими | князи бояры, зате столы белодубовы ивтепоры | повары были догадливы, носили ества сахарныя, | ипитья медяныя, ибудетъ день въполовина [20] дни, | ибудетъ столъ вополу столе, владимеръ князь | полсыта наедаетца, полъпьена напиваетца, говорилъ | онъ тутъ дюку степанову, коково протебя сказывали, | таковъ ты иесть, покушавши ласковои владимеръ князь | велелъ домъ ево переписывать ибылъ втомъ дому | сутки четвера, аидомъ ево крестьянскои переписывали, | бумаги нестало то отеля дюкъ степановичь повелъ | князя владимера совсемя гостми исовсемя людми косвоеи [21] | сударыни матушки честны вдавы много разумныя ибу|дутъ оне ввысокихъ теремахъ иужасаетца владимеръ | князь что втеремахъ хорошо изукрашено ивтапоры че|стна вдова дюкова матушка обедъ чинила прокнязя вла|димера ипровсехъ гостеи провсехъ людеи исадился владимеръ | князь застолы убраныя заества сахарныя совсемя гостми | совсемя людми втапоры повары были догадливы носили | ества сахарныя питья медяныя ибудетъ день въпо|ловина[1] дни будетъ столъ вополу столе говорилъ онъ | ласковои владимеръ князь исполать тебе честна вдова | многоразумная сосвоимъ сыномъ дюкомъ степановым | уподчивала меня совсемя гостми совсемя людми хоте|лболо вашъ иетотъ [22] домъ описывать даотложилъ | все печали нарадосте ивтапоры честна вдова многоразу|мная дарила князя владимера, своими честными подарками | сорокъ сороковъ черныхъ соболеи второе сорокъ бурна|стыхъ лисицъ еще сверхъ того каменьи самоцветными | то старина то идеянье синему морю наутешенье быстрым | рекамъ слава доморя адобрымъ людямъ напослушанье | веселымъ молотцамъ напотешенье./[23]

---

[17] ы *подправлено или сделано из другой буквы; между* биты *и* глинены *над строкой можно прочесть подскобленное* би.

[18] ч *написано по подскобленному.*

[19] ь *сделано из* ъ.

[20] ъ *здесь, как и на листе 11 об. в тожественном случае, сделано, кажется, другими чернилами из* о.

[21] оеи *написано другими чернилами; первоначально было, кажется,* свеи.

[22] *Второе* т *написано по подскобленному.*

[23] *Здесь и в некоторых других случаях (см. ниже) в рукописи в конце песни — наклонная черта.*

ЩЕЛКАНЪ ДУДЕНТЬЕВИЧЬ

л. 7

Аидеялося ворде передеялось вболшои настуле золоте | нарытомъ бархоте начерчатой камке сидитъ тутъ | царь азвякъ азвякъ тавруловичь суды разсуживаетъ [1] | иряды разряживаетъ [2] костылемъ размахиваетъ | побритымъ темъ усамъ пототарскимъ темъ го|ловамъ посинимъ плешамъ шурьевъ царь дарилъ [3] | азвякъ тавруловичь городами столными василья | наплесу гордея квологде ахрамея хкостроме одново | непожаловалъ любимова шурина щелкана дюдентевича | зачто непожаловалъ изато онъ непожаловалъ ево | дома неслучилося уезжалта младъ щелканъ вдалную| землю литовскую заморя синея бралъ онъ младъ | щелканъ дани невыходы царски невыплаты скнязеи | бралъ посту рублевъ збояръ попятидесять скрестьянъ | попяти рублевъ укоторова денегъ нетъ утово дитя | возметъ укоторова дитя нетъ утого жену возме^{т} [4] | укотораго женыта нетъ тово самово головои возметъ | вывезъ младъ щелканъ дани выходы царския невы|платы вывелъ младъ щелканъ коня восто рублевъ | седло вотысячю узде цены еи нетъ нетемъ узда дорога | что вся узда золота она темъ узда дорога царская. | жалованье государево величество анелзя дескать | тое узды непродать непроменять идруга дарить | щелкана дюдентевича проговоритъ младъ щелканъ | младъ дюдентевичь гои [5] еси царь азвякъ азвякъ | тавруловичь пожаловалъ ты молодцовъ любимыхъ || шуриновъ л. 7 об.
двухъ удалыхъ борисовичевъ василья на|плесу гордея квологде ахрамея хкостроме пожалуи ты | царь азвякъ пожалуй ты меня тверью старою тверью | богатою двомя братцамй родимымй дву удалыми | борисовичи проговоритъ царь азвякъ азвякъ тавру|ловичь гой есй шуринъ мой щелканъ дюдентевичь | заколитка ты сына своего сына любимова крови | ты чашу нацадй выпеи ты крови тоя кровй | горячия итогда я тебе пожалою тверью старою | тверью богатою двомя братцами родимымй дву удалыми борисовичи втапоры младъ щелканъ | сына своего закололь чашу крови нацадилъ крови горячия | вышилъ чашу тоя крови горячия автапоры царь азвякъ | зато ево пожаловалъ тверью старою тверью богатою | двомя братцы родимыми два удалыми борисовичи ивте|поры младъ щел-

---

[1] ив *написано по подскобленному.*

[2] *Первое* а *сделано из* я.

[3] лъ *написано по подскобленному.*

[4] *На полях против* возме^{т} *и против* у *стоит по знаку* F.

[5] и *сделано из какой-то другой буквы.*

канъ онъ судьею населъ втверь ту | старую втверь ту богатую анемного онъ судьею сиделъ | ївдовыта безчестити красны девицы позорити надо-всем[м] | наругатися надъдомами насмехатися мужикита | старыя мужикита богатыя | мужики посацкия | оне жалобу приносили двумъ братцамъ родимыем | двумъ удалымъ борисовичемъ ѿнарода они споклонам | пошли счестными подарками ипонесли оне честныя | подарки злата серебра искатнова земчюга изошли | ево вдоме усебя щелкана дюдентевича подарки принялъ | отнихъ чести невоздалъ имъ втапоры младъ ще|лканъ зачванелся онъ загорденелся ионе снимъ раздорили | одинъ ухватилъ заволосы адругои заноги итутъ ево | разорвали тутъ смерть ему случилася нинакомъ несы|скалося:[6]

л. 8

МАСТРЮК ТЕМРЮКОВИЧЬ

Вгоды прежния времена первоначалныя прибывшемъ волномъ царе| приїване *васи*льевиче когда холостъ былъ гсдрь царь иванъ ва|сильевичъ поївволилъ онъ женитися беретъ онъ царь государь не | усебя вкаменнои москве аберетъ онъ царь государь втои золотои | орде утово темрюка царя утемрюка степановича онъ марью темрюковну | сестру мастрюкову купаву крымскую царицу благоверную аицарскова поезду | полторы было тысячи князи бояра могучие богатыри пяты[1] ѿдонских | казаковъ что нелутчихъ добрыхъ молотцовъ здравствуетъ царь гсдрь | черезъреки быстрыя черезъ грязи смоленския черезъ лесы брынския | онъ здравствуетъ царь гсдрь втои золотои орде утово темрюка | царя утемрюка степановича онъ понелъ царь гсдрь царицу благоверную | марью темрюковну сестру мастрюкову ивзялъ впровожатые занеи | триста татариновъ четыреста бухариновъ пять сотъ черкашениновъ | илюбимова[2] шурина мастрюка темрюковича молодова черкашенина ужъ | царскова поезду безмалова[3] три тысячи везутъ золоту казну коцарю | вкаменну москву переехалъ царь гсдрь онъ реки быстрыя грязи смоленския | илесы брынския онъ

---

[6] *В конце песни росчерк, похожий на запутанную монограмму.*

[1] *Очевидно, переписчик принял* ьс *оригинала за* ы, *и* пятьсѿ *превратилось в* пяты ѿ.
[2] ю *сделано из какой-то другой буквы, кажется, из* и.
[3] б *сделано, кажется, из* м.

здравствуетъ царь г^{с}дрь усебя вкаменнои | москве вополатахъ белокамен-
ныхъ ввозлюбленнои крестовои | своеи пиръ навеселе повелъ столы на-
радостехъ ивсели князи | бояра могучие богатыри игости званыя, пять
сотъ донскихъ казако^{в} | пьютъ едятъ потешаютца зелено вино кушаютъ
белу лебедь рушаютъ | аединъ непьетъ данеестъ царской гость дорогой
мастрюкъ темрюковичь | молодои черкашенинъ изачемъ хлеба соли неестъ
зелена вина неку|шаетъ белу лебедь[4] нерушаетъ усебя науме держитъ
изошелъ|онъ семъ городовъ поборолъ онъ семдесятъ борцов, ипосебе
борца,[5] | ненашолъ, итолко онъ думаетъ ему вера поборотися, есть уцаря |
вкаменнои москве хочетъ царя потешити соцарицею благоверною | марьею
темрюковною онъ хочетъ Москву загонять[6] силно царство | московское
никита романовичь обтомъ царю доложилъ царю | ивану васильевичу,
аи гои еси царь государь царь иванъ васильевичь, | все князи бояра мо-
гучие богатыри, пьютъ едятъ потешаютца, | навеликихъ нарадостех,
одинъ непьетъ неестъ твои царскои | гость дорогои, мастрюкъ темрюковичь
молодои черкашенинъ || усебя онъ науме держитъ вера поборотися есть л. 8 об.
твое царское | величество потешити соцарицею благоверною, говоритъ тутъ
царь | г^{с}дрь царь иванъ васильевичь, ты садися, никита романовичь,
надобра | коня побеги повсеи москве поширокимъ улицамъ ипочастымъ
переулачка^{м} | онъ будетъ дядюшка никита романовичь середь урья по-
во^{л}скова[7] | слободы алеѯандровы два братца родимые побазару поха-
живаютъ | аи бороды бритые усы торженые. аплатья саксонское сапоги
сроструба^{м} | абручкуту дядюшке челомъ аи гои еси ты дядюшка никита
романовичь | ково ты спрашиваешъ мы борцы вмоскве похваленые мо-
лодцы поученые | славные никита романовичь привелъ борцовъ кодворцу
говорили | тутъ борцы молодцы ты никита романовичь ты изволь обтомъ |
царю доложить сметли нога спустить[8] сцарскимъ шуриномъ | исметли ево
побороть пошелъ онъ никита романовичь[9] | обтомъ царю доложилъ что
привелъ борцовъ кодворцу | злата труба протрубела вополате белокамен-
нои говорилъ | тутъ царь государь царь иванъ васильевичь ты никита |
романовичь веди борцовъ надворъ надворецъ государевои | борцовъ уче-
ныехъ молодцовъ похваленыехъ ивтомъ | имъ приказъ.[10] отдаваи, ктобы
мастрюка поборолъ | царскова шурина платьябы[11] сплечь снялъ, дана-
гова | скруга спустилъ анагова какъ мать родила аимать | насветъ пу-
стила, послышалъ мастрюкъ борцовъ | скачетъ прямо мастрюкъ, изместа
болшева, изугла | переднева черезъ столы, белодыбовы, черезъ ества |
сахарныя чрезъ питья медяныя, левои ногои заде^{л} | застолы белодубовы

---

[4] ь *или* ъ *в оригинале — не ясно.*
[5] борца *приписано к* и посебе *другими чернилами и, кажется, другим почерком.*
[6] а *сделано другими чернилами из* е.
[7] л *надписано, кажется, другими чернилами.*
[8] уст *написано по подскобленному.*
[9] *Против этого слова на полях стоит знак* ⊧.
[10] ъ *написано по подскобленному.*
[11] Платьябы *написано по подскобленному.*

повалилъ онъ тритцать | столовъ даприбилъ триста гостеи живы данего | дны накарачкахъ ползаютъ пополате белокаменнои | то похвалба мастрюку мастрюку темрюковичу выбежалъ | тутъ мастрюкъ накрылечка красное кричитъ вовсю | голову чтобы слышелъ царь государь асветъ ты | волнои царь царь иванъ васильевичь што утебя | вмоскве запохвалные молодцы поученые славные наладонь | их посажу другои рукою роздавлю | сбор-
л. 9 цами сходитца мастрюкъ темрюковичь || борба ево ученая борба черкаская колесомъ онъ | боротца пошолъ аи малои выступаетъца мишка | борисовичь, смотритъ царь гсдрь что кому будетъ | божья помочь, и смотрятъ ихъ бо̆рбу князи бояра | имогучие богатыри, пять сотъ донскихъ казаковъ | аимишка борисовичь сноска бросилъ оземлю, онъ ца|рскова шурина, похвалилъ ево царь гсдрь, исполать[12] | тебе молодцу что чиста боресса аимишка ксторone | пошелъ ему полно боротися, апотанка боротца | пошолъ костылемъ попираетца, самъ впередъ подви|гаетца кмастрюкꙋ приближаетца, смотритъ | царь гсдрь что кому будетъ божья помочь, пота|нка справился заплеча зграбился, согнетъ корча|гою воздымалъ выше головы своеи, опустилъ | осыру землю мастрюкъ безпамети лежитъ | неслыхалъ какъ платья сняли. былъ мастрюкъ | вовсемъ сталъ мастрюкъ нивчемъ ожерелья впять | сотъ рублевъ безъединые денешки аплатья саѯонскова | снялъ натри тысячи состыдꙋ исорому окарачкахъ | подкрылецъ ползетъ. какъ бы бела лебедушка позаре | она прокликала говорила царица царю марья те|мрюковна светъ ты волнои царь иванъ васильевичь | такова утебя честь добра долюбимова шурина' | адетина наругаетца что детина деревенскои почто | онъ платья снимаетъ говорилъ тут царь гсдрь гои | еси ты царица вомаскве даты марья темрюковна.| ането уменя честь вомаскве что татары те борютца | тото честь вмоскве что русакъ тешитца хотябы | ему голову сломилъ далюбилбы я пожаловалъ двухъ | братцовъ родимыехъ двухъ удалыхъ борисовичевъ.|

ВОЛХЪ СЕСЛАВЬЕВИЧЬ

Посаду саду позеленомꙋ ходила гуляла молода | княжна марфа всеславьевна она скаменю скочила | налютова назмея обвиваетца лютои змеи около | чебота зеленъ сафьянъ около чюлочика шелкова[1] | хоботомъ бьетъ
л. 9об. побелу стегну[1] автапоры княгиня || поносъ понесла апоносъ понесла идитя

[12] с, *кажется, вписано.*

[1] шелкова *и* стегну *написано по подскобленному.*

родила аина[2] | небе просветя светелъ м^{с}цъ авкиеве родился могучь |
богатырь какъбы молоды вольхъ всесла^{въ}евичь подро|жала сыра земля
стреслося славно царство инде|иское аисинея моря сколыбалося для ради
рожденья | богатырскова молода вольха всеславьевича рыба | пошла
вморскую глубину птица полетела высоко | внебеса туры даолени˙ за-
горы пошли заицы лисицы | почащицамъ аволки медведи поелникамъ
соболи | куницы поостровамъ аибудетъ вольхъ вполтара | часа вольхъ
говоритъ какъ громъ гремитъ аи гои | еси сударыня матушка молода
марфа всеславьевна | анепеленаи[3] вопеленȣ черчатую анепоясы впоесья[4]
ше|лковыя пеленаи меня матушка вкрепки латы була|тныя анабуину го-
ловȣ клади златъ шеломъ поправу | руку палицу аитяшку палицу свин-
цовую авесомъ | та палица втриста пудъ аибудетъ вольхъ семи|годовъ
ѿдавала ево матушка грамоте учитца | аграмота волхȣ внаукъ пошла
посадила ево ужъ | перомъ писать писмо емȣ внаукъ пошла аи буде^{т}[5]|
волхъ десяти годовъ втапоры поучился вольхъ | копремудростямъ аипер-
вои[6] мудрости учился обве|ртоватца аяснымъ[7] соколомъ кодругоита муд-
рости | учился онъ вольхъ обвертоватца серымъ волкомъ | котретеита
мудрости учился волхъ обвертоватца | гнедымъ туромъ золотыя рога аи-
будетъ вольхъ | водвенатцать[8] летъ сталъ себѣ вольхъ онъ дружину |
прибирать, дружину прибиралъ втри, годы онъ набра^{л} | дружинȣ себе
семь тысячеи самъ онъ вольхъ впя|тнатцать летъ ився ево дружина по-
пятнатцати | летъ прошла та слава великая костолному городу | киеву
индеискои царь нарежаетца ахвалитца похва|ляитца хочетъ киевъ градъ
защитомъ весь взять | абожьи церкви надымъ спустить ипочестны мона-
стыри | розарить автапоры вольхъ онъ догадливъ былъ | совсею дружи-
ною хораброю кославному царствȣ инде|искомȣ тутъже сними вопоходъ
пошолъ дружина | спитъ такъ вольхъ неспитъ онъ обвернетца | серымъ
волкомъ бегалъ скакалъ потемнымъ | полесамъ ипораменью абьетъ онъ
звери сохатыя || аиволку медведю спускȣ нетъ аисоболи барсы любимои | л. 10
кусъ онъ заицамъ ли́сицамъ небрезгивалъ волхъ | поилъ кормилъ дружинȣ
хоробраю абувалъ адевалъ | добрыхъ молодцовъ насили оне шубы собо-
линыя пере|менныя шубы то барсовыя дружина спитъ такъ | вольхъ не-
спитъ ѿнъ обвернетца яснымъ соколомъ | полетелъ онъ далече насине море
абьетъ[9] онъ гусеи | белыхъ лебедеи аисерымъ малымъ уткамъ спускȣ |
нетъ апои^{л} кормилъ дружинушкȣ хоораброю авсе унево | были ества пе-
ременныя переменныя ества сахарныя | асталъ онъ волхъ вражбу[10] чи-
нитъ[10] аи гои еси вы удалы | добры молодцы немного немало васъ семь

---

[2] аи *подправлено или сделано из каких-то других букв*
[3] *Второе* а *сделано другими чернилами из* ы.
[4] я *написано по подскобленному.*
[5] б *написано другими чернилами; сначала было* д.
[6] а *как будто сделано другими чернилами из* о.
[7] а *зачеркнуто другими чернилами.*
[8] ь *сделано из какой-то другой буквы.*
[9] ъ *написано по подскобленному.*
[10] бу *и* тъ *написано по подскобленному.*

тысячеи[11] аиест . .[12] | увасъ братцы таковъ члбвкъ[13] хтобы обвернулся гне| дымъ туромъ азбегалбы коцарству индеискомꙋ про| ведалъбы процарство индеиское процаря салтыка ста | врульевича проево буину голову батыевичу какъбы ли|стъ сотравою пристилаетца ався ево дружина при|клоняетца ѿвечаютъ ему удалы добры молодцы нету | унасъ такова молодца опричь тебя волха всеславьевич.[14] | атутъ таковои всеславьевичь онъ обвернулся гнедым[15] | туромъ золотыя рога побежалъ онъ коцарству индеиском[15] | онъ первую скокъ зацелу версту скочилъ адругои скокъ | немогли наити онъ обвернетца яснымъ соколомъ поле | телъ онъ коцарствꙋ индеискому ибудетъ онъ воца|рстве индеискомъ иселъ онъ наполаты белокаменны | нате наполаты царския котомꙋ царю индеискому инато | окошечко косящетое аибуиныя ветры понастꙋ тянутъ | царь соцарицею вразговоры говоритъ говорила царица | аздяковна молода елена алеѯандровна аи гои еси ты сла|вной индеискои царь изволишъ ты нарежатца нарусь во|евать прото незнаешъ неведаешъ аинанебе просветя | светелъ мсцъ авкиеве родился могучь богатырь тебе | царю сопротивничикъ автапоры волхъ онъ догадливъ | былъ сидючи наокошке косящетомъ онъ тетаде речи | повыслушалъ онъ обвернулся горносталемъ бегалъ поподвалам[15] | попогребамъ потемъ повысокимъ теремамъ утугихъ | луковъ титивки накусывалъ укаленыхъ стрелъ железцы | повынималъ утово ружья веть угненнова кременья ишо|мполы повыдергалъ авсе онъ вземлю закапывалъ обве|рнетца вольхъ яснымъ соколомъ звился онъ высоко | поподнебесью полетелъ онъ далече вочисто поле поле|телъ косвоеи кодружине хоробрыя дружина спитъ
10 л. об. ‖ такъ вольхъ неспитъ разбудилъ онъ удалыхъ добрых | молодцовъ гои еси вы дружина хоробрая невремя спать | пора вставать поидемъ мы коцарству индеискомꙋ | ипришли оне костене белокаменнои крепка стена бе|локаменна вороты угорода железныя крюки засовы | все медные стоятъ караулы денны нощны стоитъ | подворотня дорогъ рыбеи зубъ мудрены вырезы выре|зено аитолко ввырезу мурашꙋ проити[16] ивсе молодцы | закручинилися закручинилися изапечалилися говорятъ | таково слово потерять будетъ головки напрасныя | аи какъ намъ будетъ стена проити молоды вольхъ | онъ догадливъ былъ самъ обвернулся мурашикомъ | ивсехъ добрыхъ молодцовъ мурашками прошли оне | стенꙋ белокаменну истали молодцы ужъ надругои сто|роне вславномъ царстве индеискїемъ[17] всехъ обернулъ | добрыми молодцами сосвоею стали збруею соратною | авсемъ молодцамъ онъ приказъ ѿдаетъ гои еси вы | дружина хоробрая ходите поцарству индеискому | рубите старова малова неоставте

---

[11] и *сделано из какой-то другой буквы.*

[12] *Конечные буквы некоторых строк этого листа обрезаны при переплете. У Калайдовича (стр. 48) это место читается:* А и если, братцы, у васъ таковъ человѣкъ.

[13] *В оригинале между* члбвкъ *и* хтобы *находится знак*.

[14] *Последняя буква обрезана.*

[15] *От буквы* м *уцелел только кусочек.*

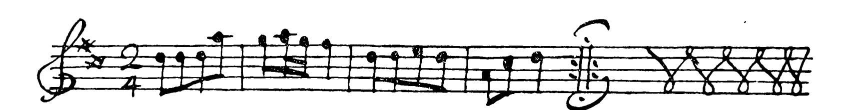
[16] о, *кажется, вписано.*

[17] їе *написано, кажется, по подскобленному.*

вцарстве насемена | оставте толко вы повыборꙋ немного немало семь | тысячеи душечки красны девицы аиходятъ ево дружина | поцарствꙋ индеискомꙋ аирубятъ старова малова | аитолко оставляютъ повыборꙋ душечки красны девицы | асамъ онъ вольхъ вополаты пошолъ воте вополаты | царския котому царю коиндеискому двери были упола^т | железныя крюки пробои побулату злачены говоритъ | ту^т вольхъ всеславьевичь хотя нога изломить адвери | выставить пнетъ ногои водвери железныя изломалъ | все пробои булатныя онъ беретъ царя забелы руки | аславнова царя индеискова салтыка ставрульевича[18] | говори^т ту^т вольхъ таково слово аивасъта цареи небью^т | неказнятъ ухватя ево ударилъ окирпищетои полъ | разшибъ ево вкрохи говенныя иту^т вольхъ самъ царе^м | населъ взявши царицу азвяковну аимолоду елену але | ѯандровну аите ево дружина хоробрыя инатехъ надеви|цахъ пережениилися аимолоды вольхъ ту^т царемъ | населъ ато стали люди посацкия онъ злата | серебра выкатилъ аиконеи коровъ табуномъ | дели^л анавсякова брата посту тысячеи,

СЕРГЕИ ХОРОШЪ

л. 11



Аїушъли вы миряня государевы дворяне благослови|тетка вы дворяня просергеята сказать просергея | боркова сына ѳедоровича анесергѣевскои сергеи неволо|димерскои сергеи аживалъ все сергеи науѳе нареке | въямскои слободе упопа водворе вприворотнеи избе | спознала просергея згостинова двора гостиная жена | гостиная жена крестиною зову^т она пива наварила | иведро вина купила позвала ево сергея напирушечку | приходил^л сергеи всехъ прежде людеи адля ради сергея | исуседеи позвала аито^т зборку инои зборку уже полна | изба принабуркалася аидень квечерꙋ вечеряетца | сергеи молодецъ напиваетца изволи^л онъ сергеи | кодвору своему итъти коподворью своему авдоме сергеи | онъ опасливъ былъ онъ опасливъ былъ иневерелъ | жене иневерилъ жене иревнивъ добре заглянетъ сергеи | вогороде хмелнике вогороде хмелнике наповети все|нънике наперине набоку вшитомъ браномъ пологу | аиту^т сергеи невидалъ никово заглянетъ сергеи во|свиномъ котухе аувиделъ онъ сергеи чюжова мужика | ачюжова мужика наженета своеи амужикъ бабу |. . . . сергѣеву жену сергеи заревелъ мужика испу|жалъ амужикъ побежа^л наповѐтъ скакнулъ напо|веть скакнулъ онъ поветь обломилъ даскотину задо|вилъ онъ быка задови^л овцу яловицу овцу яловицу | семерыхъ

[18] *Первое* в, *кажется, вписано.*

поросятъ астала усергея три беды во | дому первая беда мужикъ поветь обломилъ адру|гая беда то скотину задовилъ атретья беда | то жену ево. . . аселъ сергеи самъ расплачетца | анежаль мне повети искотины своея жаль мне тово | хто жену мою, ... не . . . . . . ушолъ стоски пропаде^т | акабыде онъ . . . . . спасибабы сказалъ аспасибабы | сказа^л могорецъ заплатилъ аповетьтабы цела | искотината жива искотината жива иженаба | весела астольбы весела будто нивчемъ | небыла,[1]

ИВАНЪ ГОСТИНОИ СЫНЪ

л. 11 об.

Встолномъ вгороде вокиеве уславнова князя влади|мера было пированья почестнои пиръ было столованья | почестнои столъ намноги князи бояра инаруския | могучия богатыри игости богатыя будетъ день | въполовина[1] дня будетъ пиръ вополу пире влади|меръ князь распотешился посветлои гридне поха|живаетъ таковы слова поговариваетъ гои еси князи[2] | ӱбояра ивсе руския *м*огучия[3] богатыр*и* естли вки | еве таковъ человекъ *х*тобъ похвалился натриста | жеребцовъ натриста жеребцовъ инатри жеребца | похваленыя сивъ жеребецъ дакологривъ жеребецъ | икоторои полоненъ воронко воболшои орде полони^л | илья муромецъ сынъ ивановичь какъ умолода ту|гарина змеевича искиева бежать дочернигова | два девяноста то мерныхъ верстъ промежъ | обеднеи изаутренею какъбы болшои заменшова | хоронетца ѿменшова ему ту^т князю ѿветꙋ нетꙋ | истово стола княжецкова истои скамьи богаты|рския выступаетца иванъ гостинои сынъ искочилъ | насвое место богатырское дакричи^т онъ иванъ | зычнымъ голосомъ гои еси ты сударь ласковои | владимеръ князь нетъ утебя вкиеве охотниковъ | аибыть передкняземъ неволникомъ я похвалюсь | натри ста жеребцовъ инатри жеребца похваленыя | асивъ жеребецъ дакологривъ жеребецъ датретеи | жеребецъ полонянъ воронко дакоторои полонянъ | воболшои орде полонинъ илья муромецъ сынъ | ивановичь какъ умолода тугарина змеевича | ехать дорога неближнея искакать искиева доче|рнигова два девяноста то мерныхъ верстъ | промежу

---

[1] ла *написано по подскобленному.*

[1] ъ *сделано, кажется, другими чернилами из* о.
[2] и *сделано из какой-то другой буквы.*
[3] *Буквы, набранные курсивом в этой и следующих строках, написаны по подскобленному.*

обедни изаутрени ускоки давать кони | ныя что выметывать роздолья широкия абъю[с] | я иванъ овеликъ закладъ неосте рубляхъ неотысячю | освоеи буинои голове закнязя владимера держа[т] || поруки крепкия все л. 12
тутъ князи ибояра тутаде | гости карабелшики закладу оне закнязя кладутъ | насто[4] тысячеи анехтоде ту[т] заивана порȣки недержи[т] | пригодился ту[т] владыка черниговскои аионта заивана | поруку держитъ те онъ поруки крепкия крепкия насто | тысячеи подписалї́ся[5] молоды иванъ гостинои сынъ онъ | выпилъ чару зелена вина вполтора ведра походилъ онъ | наконюшну белодубову косвоему добромȣ коню кбурочку | косматочку троелеточку па[да]лъ[6] ему вправое копытечка | плачетъ иванъ что река течетъ гои еси ты мои | доброи конь бурочко косматочко троелеточко прото | тыветь незнаешь неведаешь апробилъ я иванъ | буину голову свою сотобою добрымъ конемъ бился | скняземъ овеликъ закладъ анеосте рубляхъ неоты|сячю бился снимъ осте тысячеи захвастался натриста | жеребцовъ анатри жеребца похваленыя сивъ жеребецъ | дакологривъ жеребецъ итретеи жеребецъ полонянъ | воронко бегати скакать надобрыхъ, наконяхъ искиева | скакать дочернигова промежу обедни заутрени | ускоки давать конины что выметывать роздолья | широкия провещитца ему доброи конь бурочко косма|точко троелеточко человеческимъ рускимъ языкомъ | гои еси хозяинъ ласковои мои ниочемъ ты иванъ | непечалуися сива жеребца тово небоюсь кологрива | жеребца тово неблюдусь взадоръ воиду уворȏнка | уидȣ толко меня води по .З. зори медвяною сытою | пои исорочинскимъ пшеномъ корми ипроидȣтъ те дни | срочныя ите часы урочныя придетъ ѿкнязя грозенъ | посолъ потебята ивана гостинова чтобы бегати | скакати надобрыхъ наконяхъ[7] неседлаи ты меня | иванъ добра коня толко берись зашелковъ поводокъ | поведешъ подвору княженецкому[8] вздень насебя шубу | соболиную дакотора шуба втри тысячи пуговки | впять тысячеи поведешъ подвору княженецкому | астануде я бурка передомъ ходить копытами | зашубу посапывати ипочерному соболю выхватывати | навсе стороны побрасовати князи бояра подивуютца | иты будешъ живъ шубу наживешъ анебудешъ живъ | бу[т]то нашивалъ[9] посказаному ипописаному ѿвеликова | князя посолъ пришо[л] азоветъта ивана накняже|нецкои дворъ скороде иванъ нарежаетца ивзде|валъ насебя шубу соболиную которои шубы цена || три тысячи апуговки вольящетыя впять тысячеи | л. 12 об.
иповелъ онъ коня зашелковъ поводокъ онъ бедетъде | иванъ середи двора княженецкова сталъ ево бурко | передомъ ходить икопытами онъ зашубу посапывати | ипочерномȣ соболю выхватывати онъ навсе стороны | побрасовати князи ибояра[10] дивуютца купецкия | люди засмотрелися зряв-

---

[4] на *приписано к слову* сто *на полях.*
[5] ї *вписано.*
[6] *В оригинале между* троелеточку *и* па[да]лъ *находится знак* ☰.
[7] на *приписано к слову* коняхъ *другими чернилами.*
[8] у *написано по подскобленному.*
[9] лъ *написано по подскобленному.*
[10] б *написано по подскобленному.*

каетъ [11] бурко потуриномȣ | онъ шипъ пустилъ позмеиномȣ триста жеребцовъ | испужалися скняженецкова двора разбежалися [12] | сивъ жеребецъ две ноги изломилъ кологривъ жере|бецъ тотъ иголовȣ сломилъ полонянъ воронко | взолоту орду бежи^{т} онъ хвостъ поднявъ самъ всхра|пываетъ акнязита ибояра испужалися все тутъ | люди купецкия акарачь оне подворȣ наползалися | авладимеръ князь сокнягинею печаленъ^{сталъ} [поподъполью | [наползалися [13] кричитъ самъ вокошечко косящетое | гои еси ты иванъ гостинои сынъ уведи ты уродья | содвора долои просты порȣки препкия записи все изо|драныя втапоры владыка черниговскои увеликова | князя напочестномъ пирȣ велелъ захватить три | карабля набыстромъ непру велелъ похватить | карабли стеми товары [14] заморскими акнязиде | ибояра никуда ѿнасъ неуидутъ.

ТРИ ГОДА ДОБРЫНЮШКА СТОЛЬНИЧЕЛЪ

Встолномъ вгороде вокиеве уславнова сударь князя | увладимера три годы добрынюшка столничалъ | атри годы никитичь приворотничалъ онъ столни|чалъ чашничалъ девять летъ надесятои годъ | погулять захотелъ постолному городȣ покиевȣ | взявши добрынюшка тугои лукъ аиколчанъ себе | каленыхъ стрелъ идетъ онъ поширокимъ поули|цамъ почастымъ мелкимъ переулачкамъ пого|рницамъ стреляетъ воробушковъ поповалȣшамъ | стреляетъ онъ сизыхъ голубеи заидетъ вулицȣ | игнатьевску ивототъ переулокъ марининъ взгляне^{т} | комарине нашарокои дворъ наеѣ высо-
л. 13 кия терема | аумолоды марины игнатьевны уѣе нахорошомъ || высокомъ теремȣ сидя^{т} тутъ два сизыя голубя надъте^{м} | окошкомъ косящетымъ цалуютца оне милуютца | желты носами обнимаютца тутъ дабрыни забедȣ | стало будто наднимъ насмехаютца стреляетъ | всизыхъ голубеи аспела вить титивка утуга лȣка | звыла дапошла калена стрела погрехамъ на^{д}добры|нею учинилася левая нога ево поколзнула права | рука удрог-

---

[11] я *сделано из* а.

[12] р *сделано, кажется, из* з.

[13] *Слова* печален^{стал}, *как и скобки, написаны другими чернилами, причем* печален *написано по подскобленному; после* поподъполью *и* наползалися *стояло сначала по скобке, но обе они выскоблены.*

[14] *Слово* товары *написано по подскобленному.*

нула непопалъ онъ всизыхъ голубеи | что попалъ онъ вокошечко[1] кося-
щетое проломилъ | онъ оконицу стеколчетȣю ѿшибъ все причалины |
серебреныя розшибъ онъ зеркала стеколчетое бело|дубовы столы поша-
талися что питья медяныя | восплеснулися автапоры марине безвременье
было | умывалася марина снарежалася ибросилася насвои | широкои
дворъ ахто ето невежа надворъ заходи^{л} | ахто ето невежа вокошко стре-
ляетъ проломилъ | око^{н}ницȣ мою стеколчетою ѿшибъ все причалины |
серебреныя розшибъ зеркала стеколчетое, ј̈втепоры | марине забеду стало
брала она следы горячия | молодецкия набирала марина беремя дровъ
аберемя | дровъ белодубовыхъ клала дровца впечку мура|вленую сотемя
следы горячими разжигаетъ дрова | полящетымъ огнемъ исама она дро-
вамъ пригова̀ри|ватъ сколь жарко дрова разгораютца сотемя | следы мо-
лодецкими разгоралось бы серце молодецкое | какъ умолода добрынюшки
никитьевича аибожья | крепко вражьято лепко взяла добрыню пуще |
вострова ножа поево посерцу богатырскому | онъ свечера добрыня хлеба
неестъ сополуночи | никитичю неуснетца онъ белова свету дажида|етца
поевота щаски великия рано зазвонили | козаутренямъ[2] встаетъ добрыня
ранешонко подпояса^{л} | себе сабелку вострою пошолъ добрыня кзаутрени |
прошолъ онъ церквȣ соборную заидетъ комарине | нащирокои дворъ увы-
сокова терема послушаетъ | аумолоды марины вечеренка была аисобраны |
были душечки красны девицы сидя^{т} имолоденки | молодушки все были
дочери отецкия все ту^{т} были | жены молодецкия вшелъ онъ добрыня во-
высокъ | теремъ которыя девицы приговариваютъ она | молода марина
ѿказываетъ иприбраниваетъ || втапоры добрыня невошто положи^{л} ик- л. 13 об.
нимъбы | добрыня втеремъ непошелъ астала ево марина | вокошко бра-
ни^{т} ему болно пенять завиделъ добрыня | онъ змея горынчета тутъ емȣ
забеду стало[3] за | великую досаду показалося збежалъ накрылечка |
накрасная адвери утерема железныя заперлася | марина игнатьевна аи-
молоды[4] добрыня никитичь | младъ ухватитъ бревно онъ вохва^{т} толщины
ауда|рилъ онъ водвери железныя недоладомъ испяты | онъ вышибъ вонъ
избежалъ онъ насени косящеты | бросилась марина игнатьевна бранить
добрыню | никитича деревенщина ты детина заше^{л}шина | вчерась ты до-
брыня надворъ заходи^{л} проломилъ | мою око^{н}ницȣ стеколчетую ты роз-
шибъ уменя | зеркало стеколчетое аброситца змеи^{ш}ша горынчи|шша чють
ево добрыню огнемъ неспали^{л} аичють | молодца хоботомъ неушибъ аисамъ
ту^{т} змеи | почалъ бранити ево болно пеняти нехочю я звати | добрынею
нехощю величать никитичемъ называюте | детиною деревенщиною иза-
ше^{л}шиною почто ты | добрыня вокошко стреля^{л} проломилъ ты окон^{н}ицȣ |
стеколчетȣю розшибъ зеркало стеколчетое емȣ | тутатка добрыни забедȣ
стало изавеликую досадȣ | показалося вынималъ саблю вострую возды-

---

[1] ш *написано по подскобленному.*
[2] а *сделано из* я.
[3] *В оригинале между* стало *и* за *находится знак* ⩨.
[4] *Первое* о *сделано, кажется, из* е.

малъ | выше буниы головы своеи аихощешьли тебѣ змея | изрублю я вмелкия части пирожныя разбросаю да|лече почистомъ [5] полю аитѹтъ змеи горыничь | хвостъ поджавъ даивонъ побежалъ взяла ево | страсть такъ зачалъ срать аколышки металъ | потри пуда сралъ бегучи онъ змеи заклинаетца | недаи богъ бывать комарине вдомъ есть | унѣе неодинъ я дрѹгъ есть лутче [6] меня ипове|жливея амолода марина игнатьевна она высунолась | попоясъ вокно водной рѹбашке беспояса асама | она змея уговариваетъ воротись милъ надежа | воротись дрѹгъ хошь я добрыню оберну [7] клячею | водовозною станетъде добрыня наменя инатебя | водѹ возить аеще хошъ я добрыню обвернѹ | гнедым тѹромъ обвернула ево добрыню гнедым | тѹромъ пустила [пустила] ево далече вочисто | поля агл. 14 дета ходятъ девять туровъ адевять || туровъ девять братиниковъ что добрыня имъ | будетъ десятои туръ всемъ атаманъ золотыя | рога безвестна нестала богатыря молода добрыня | никитьевича востолномъ вгороде вокиеве амногоде | прошло поры много времяни аинебыло добрыни шесть | мсцовъ понашемуто сибирскомѹ словетъ полгода | увеликова князя вечеринка была асидели напирѹ | честныя вдовы исидела тѹтъ добрынина матушка | честна вдова афимья алеѯсандровна адрѹгая честна | вдова молода анна ивановна что добрынина мату|шка крестовая промежѹ собою разговоры говорятъ | все были речи прохладныя небкуль взялась тутъ | марина игнатьевна водилася здитятеми княженецким | она болно марина упивалася голова наплечахъ неде|ржитца она болно марина похваляетца гои еси | вы княгини боярыни востолномъ вогороде вокиеве | аинетъ меня хитрея мудрея аияде обвернѹла девят | молодцовъ силныхъ могучихъ богатыреи гнедыми | турами аиноне яде опустила десятова молодца | добрыня никитьевича онъ всемъ атаманъ золотыя | рога затото слово изымаетца добрынина матушка | родимая честна вдова афимья алеѯандровна на|ливала она чарѹ зелена вина подносила любимои | своеи кумѹшне асама она зачарою заплакала | гои еси ты любимая кумѹшка молода анна ива|новна аи выпеи чарѹ зелена вина поминаи ты | любимова крестника аимолода добрыню никить|евича извела ево марина игнатьевна аиноне | напирѹ похваляитца проговорит анна ивановна | яде сама ети речи слышела аслышела речи еѣ по|хваленыя аимолода анна ивановна выпила чарѹ зелена | вина амарину она пощеке ударила щибла она срезвых | ногъ аитопчетъ еѣ побелымъ грѹдямъ сама она | маринѹ болно бранитъ аисука ты блядь еретница | блять яде тебѣ хитрея имудренея сижѹ я напирѹ | нехвастаю аихошли я тебя сукои обверну астанешъ | ты сука погородѹ ходить астанешъ ты марина | много засобои псовъ водить аиженское дело преле|стивое прелестивое перепадчивое обвернулася ма|ринка косаточкои полетела далече вочисто поле | агдета ходят девять тѹровъ девять братени|ковъ добрынята ходитъ десятои туръ асела она | надобрыню направои рогъ сама она добрыню уго|вариваетъ нагулялся

---

[5] п *написано по подскобленному.*
[6] тч *написано по подскобленному.*
[7] б *написано по подскобленному.*

ты добрыня вочистомъ || поле тебе чистое поле наскучала изыбучия болота | л. 14 об.
напрокучили аихошли добрыня женитися возмешли | никитичь меня засебя аправо возмѹ еибогу возмѹ | аидамте марина поученьица какъ мужья женъ | своихъ учатъ томѹ она марина неповерила | обвернѹла ево добрымъ молодцомъ постарому | попрежнемѹ какъбы силнымъ могучимъ богатыре[м] | сама она обвернулася девицею оне вчистомъ поле | женилися крѹгъ ракитова куста венчалися повелъ | онъ когороду кокиеву аидетъ занимъ марина роско|рякою пришли оне комарине навысокъ теремъ | говорилъ добрынюшка никитичь младъ аигои еси | ты моя молодая жена молода марина игнатьевна | утебя ввысокихъ хорошихъ теремахъ нетѹ спасова | образа некомѹ утя помолитися незашто стенамъ | поклонитися аи чаи моя вострая сабля заржавела аиста[л] | добрыня женѹ свою учить онъ молоду марину игнать|евнѹ еретницѹ блядь безбожницѹ онъ первое ученье | еи рѹку ѿсекъ самъ приговариваетъ ета мне рука | ненадобна трепала она рука змея горынчи[ш]ша авторое | ученье ноги [8] еи ѿсекъ аиета[де] нога мне ненадобна оплеталася[9] | созмѣемъ горынчи[ш]шемъ атретье ученье губы еи обреза[л] | исносомъ прочь аиетиде мне губы ненадобны целовали | оне змея горынчи[ш]ша четвертое ученье голову еи отсекъ | исьязыкомъ прочь аиета голова ненадобна мне иетѿ | языкъ ненадобенъ зналъ онъ дела еретическия: |

ВАСИЛЬЯ БУСЛАЕВА

Вславномъ великомъ нове граде аижилъ буслаи додевя|носта летъ сновымъ городомъ жилъ неперечился | сомужики новогороцкими поперекъ словечка неговаривалъ | живучи буслаи состарелся состарелся ипереставился после | ево веку долгова аставалася ево житье бытье ивсе | имение дворянское[1] асталася матера вдова матера | амелфа тимофѣвна иоставалася чадо милая молодои | сынъ василеи буслаевичь [2] будетъ васинка семи годовъ | ѿдавала матушка родимая матера вдова амелфа | тимофѣевна учить ево вограмоте аграмота ему | внаукъ пошла присадила перомъ ево писать писмо | василью внаукъ пошло ѿдавала петью учить церковно[му] || л. 15

---

[8] *Слова* ноги еи ѿсекъ *и т. д. до* исносомъ прочь *написаны по подскобленному.*
[9] *Второе* а *сделано из какой-то другой буквы.*

[1] к *вписано другими чернилами.*
[2] *В оригинале между* буслаевичь *и* будетъ *находится знак* ⁝.

петье василью внаукъ пошло аинетъ унасъ такова | певца вославномъ нове городе супротивъ василья бусла|ева поводилсяветь васка буслаевичь сопьяницы збезу|мницы свеселыми удалами добрыми молодцы допьяна | ужъ сталъ напиватися аиходя вгороде уродуетъ | которова возметъ онъ зарукȣ исплеча тому рȣкȣ вы|дернетъ которова заденетъ заногу то изгузна | ногу выломитъ которова хвати^т поперекъ хрепта | тотъ кричитъ реветъ окарачь ползетъ пошлата | жалоба великая аимужики новогороцкия посацкия | богатыя приносили жалобу оне великую матерои вдове | амелфе тимофевне натово навасилья буслаева аима|тьта стала ево жȣрить бранить журить бранить | ево наумъ учить журба васке невзлюбилася пошолъ | онъ васка вовысокъ теремъ садился васка наременчетои | стулъ писалъ ерлыки скоропищеты ѿмудрости слово поста|влено хто хощетъ пить иесть изготовова,[3] валися кваске | нашировои дворъ тѿ пеи иешъ готовое иноси платье | розноцветное розсыла^лте ерлыки сослугои своеи нате | вулицы широкия инате частыя переулачки втоже | время поставилъ васка чанъ середи двора наливалъ | чанъ полонъ зелена вина опущалъ онъ чарȣ вполтара | ведра вославномъ было вонове граде грамоты люди | шли прочитали те ерлыки скоропищеты пошли коваске | нашировои дворъ ктому чану зелену вину вначале бы^л | костя новоторженинъ пришолъ онъ костя нашировои | дворъ висилеи ту^т ево опробовалъ сталъ ево бити | червленымъ вязомъ вполовине было налито тяжела | свинцу чебурацкова весомъ тотъ вязъ былъ водве|натца^т пудъ абъетъ онъ костю побуиной голове | стоитъ ту^т костя нешевелнитца инабуиной голове | кудри нетряхнутца говори^л василеи сынъ буслаевичь | гои еси ты костя новоторженинъ аибудь ты мне | названои братъ ипаче мне брата родимова | аималo время позамешкавши пришли два брата[4] | боярченка лука и мосеи дети боярские пришли коваске | нашировои дворъ молоды василеи сынъ буслаевичь | темъ молодцамъ сталъ радо^шшенъ ивеселешонекъ | пришли ту^т мужики залешена инесмелъ василеи | показатися книмъ еще ту^т пришло семь братовъ | сбродовичи собиралися соходилися тритцать моло|дцовъ безъединова онъ самъ василеи тритцатои ‖ сталъ какои заидетъ убъю^т ево
л. 15 об.
убъютъ ево | заворота бросятъ послышелъ васинка буслаевичь | умȣжиковъ новгородцкиехъ канунъ варенъ пива | яшныня пошолъ василеи содрȣжинею пришолъ | вобратшину вниколшину немалу мы тебе сыпъ | платимъ завсякова брата попяти рублевъ | азасебе василеи даетъ пятьдесятъ рȣблевъ аито|тъта староста церковнои принималъ ихъ вобра|тшинȣ вниколшину аизачали оне тутъ канунъ | варенъ пить аитета пива ячныя молоды васи|леи сынъ буслаевичь бросился нацаревъ кабакъ | сосвоею дружиною хорабраю напилися оне тута | зелена вина ипришли вобратшину вниколшинȣ | аибудетъ день ковечеру ѿмалова достарова начали | ужъ ребята боротися авыномъ кругу вкулаки | битися ѿтое борбы

---

[3] ова, *написано по подскобленному.*
[4] р *вписано.*

ѿребячия ѿтово бою ѿкула |чнова началася драка великая молоды василеи |
сталъ драку разнимать аинои дуракъ зашолъ | сноска ево поуху оплелъ
аиту^{т} василеи закрича^{л} | громкимъ голосомъ гои еси ты костя новотор-
же|нинъ илука моисеи дети боярския уже васку | меня бъютъ поскокали
удалы добры молодцы | скоро оне улицȣ очистели прибили уже много до-
сме|рти вдвое втрое перековеркали руки ноги перела|мали кричатъ ре-
вутъ мужики посацкия говори^{т} | тутъ василеи буслаевичь гои еси вы му-
жики ново|гороцкия бъюсь свами овеликъ заклатъ[5] напуща|юсь я навесь
новъ городъ битися дратися совсею | дружиною хоробраю таковы менѣ
здрȣжиною по|бьете новымъ городомъ будȣ вамъ платить | дани выходы
посмерть свою навсякои годъ потри | тысячи абудеже я васъ побью ивы
мне покори|тися то вамъ платить мне таковуже дань | ивтомта договору
руки оне подписали началась | унихъ драка бои великая аимужики нов-
гороцкия | ивсе купцы богатыя все оне вместе сходилися | намлада
васю^{т}ку напущалися идерутца оне | день довечера молоды василеи сынъ
буслаевичь | сосвоею дружиною хороброю прибили ене вонаве | граде
прибили уже много досмерте аимужики | новгороцкие догадалися пошли
оне здорогими | подарки кматерои вдове амелфе тимофѣевне | матера вдова
амелфа тимофевна прими || унасъ дороги подарочки уими свое чадо милоя | л. 16
василья буславича матера вдова амелфа тимофе|вна принимала унихъ
дороги подарочки посылала | девушку чернавушку потово василья бус-
лаева прибе|жала девушка чернавушка сохватала васку вобелы | руки
потащила кматушке родимыя притащила | васку наширокои дворъ аита[6]
старуха неразмышлена | посадила впогребы глубокия молода василья
бусла|ева затворяла дверми железными запирала | замки булатными аево
дружина хоробрая сотемя | мужики новгороцкими дерутца бьютца день
дове|чера аитата девушка чернавушка навольхъ | реку ходила поводȣ
азмолятца еи ту^{т} добры | молодцы гои еси ты девушка чернавушка не-
подаи | насъ удела уратнова утово часу смертнова итутъ | девушка чер-
навушка бросала она ведро кленовоя | брала коромысла кипарисова коро-
мысломъ темъ | стала она помахивати потемъ мужикамъ новогоро|цкиемъ
прибила ужъ много досмерте иту^{т} девка | запышалася побежала ковасилью
буслаеву срывала | замки булатныя ѿворяла двери, железные аиспишли |
василеи или такъ лежишъ твою дружину хоробраю | мужики новогоро^{д}-
цкия всехъ прибили пере^{р}анили була|вами буины головы пробиваны ото-
сна василеи пробу|жаетца онъ выскочилъ наширокои дворъ непопала |
палица железная что попала ему ось тележная | побежалъ василеи понову
городу потемъ пошироки^{м} | улицамъ стоитъ ту^{т} старецъ пилигрими^{ш}ша
намогу|чихъ плечахъ держитъ колоко^{л} авесомъ то^{т} коло|колъ вотриста пудъ[7]
кричитъ то^{т} старецъ пилигри|ми^{ш}ша астоиты васка непопорхиваи молоды
глуздырь | неполетываи ïзволхова воды невышити вонове граде | людеи

---

[5] *Первое* а *написано по подскобленному.*
[6] т *написано по подскобленному.*
[7] *В оригинале между* пудъ *и* кричитъ *находится знак* $\equiv$.

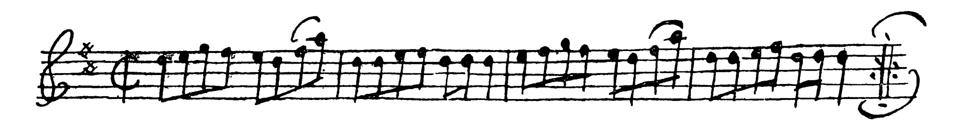
невыбити есть молодцовъ сопротивъ тебѣ | стоимъ мы молодцы нехвастаемъ говорилъ васи|леи таково слово аи гои еси старецъ пилигримиᵐша | аибился я овеликъ закладъ сомужики новогородцкиᵐ | апричь почеснова монастыря опричь тебе старца | пилигримиᵐша возадоръ воиду тебѣ убью ударилъ | онъ старца воколоколъ аитоита осью тележную на|чаетца старецъ нешевелнитца заглянулъ онъ | василеи старца подколоколомъ аи волбе гласъ ушъ|веку нету пошоˡ василеи по волхъ реке аидетъ василей | поволхъ реке потои волховои поулице завидели добрыя | молодцы аево
16 л. об. дружина хоробрая молода василья || буслаева уясныхъ соколовъ крылья ѿросли уихта | молодцовъ думушки прибыло молоды василеи бусла|евичь пришолта молодцамъ навыручку [8] сотемя | мужики новогороцкими онъ деретца бьетца день | довечера аушъ мужики покорилися покорилися ипоми|рилися понесли оне записи крепкия кматерои вдове | амелфе тимофевне насыпали чашу чистова сере|бра адругую чашу краснова золота пришли кодвору | дворянскому бьюᵀ челомъ поклоняютца асударыня | матушка принимаи ты дороги подарочки ауими | свое чадо милая молода василья содружиною | аирады мы платить навсякои годъ потри тысячи | навсякои годъ будемъ тебе носить схлебниковъ | похлебику скалачниковъ покалачику смолодицъ | повенешное сдевицъ повалешное совсехъ людеи | соремесленыхъ опричь поповъ идьяконовъ втапоры | матера вдова амелфа тимофевна посылала деву|шка чернавушка привести василья содружиною | пошлата девушка чернавушка бежавши та де|вка запышалася нелзя протъти девки поулице | что полтеи поулице валяютца техъ мужиковъ | новогороцкиехъ прибежала девушка чернавушка | сохватала василья забелы руки астала емȣ | росказавати мужики пришли новогороцкия принесли | оне дороги подарочки ипринесли записи заручныя ко | твоеи сударыне матушке кматерои вдове аме|лфе тимофевне повела девка василья содружиною | натотъ наширокои дворъ привела та ихъ кзелену | вину асели оне молодцы воединои кругъ выпили | веть почарочке зелена вина сотово урасу молоде|цкова ѿмужиковъ новгороцкихъ скричатъ тутъ | робята зычнымъ голосомъ умота иупьяницы | умлада васютки буславича неупита неуедено | вкрасне хорошо неухожено ацветнова платья | неуношено аувечье навекъ залезено иповелъ ихъ | василеи обедати кматерои вдове амелфе ти|мофѣевне втапоры мужики новогороцкия при|носили василью подарочки вдругъ сто тысячеи | изатемъ унихъ мирова пошла аимужики | новогороцкия покорилися исами покло|нилися:/

---

[8] а *написано по подскобленному.*

О ЖЕНИДЬБЕ КНЯЗЯ ВЛАДИМЕРА

л. 17



Встолномъ вгороде вокиеве, что уласкова сударь | князя владимера, аибыло пированье почестнои пиръ, | было столованье почестнои столъ, много напиру было | князеи ибояръ, ирускихъ могучихъ богатыреи, аибудетъ | день въполовина дня, княженецкои столъ вополу столе, | владимеръ князь распотешился, посветлои гридне | похаживаетъ, черныя кудри росчосаваетъ, говорилъ | онъ сударь ласковои владиме*ръ* [1] князь, таково слово, — гои еси вы князи ибояра, имогучие богаты*ри*, все вы | вкиеве пережженены, толко я *в*ладимеръ князь холостъ | хожу, аихолостъ я хожу неженатъ гуляю, ахто мнека | знаетъ сопротивницу, сопротивницу знаетъ красну | девицу, какъ бы та была девица станомъ статна, | станомъ бы статна, иумомъ свершна, еѣ белое лицо | какъ бы белои снегъ, иягодицы какъ бы маковъ цветъ, | аичерныя брови какъ соболи, аиясныя очи какъбы усокола, | аитутъ болшеи заменшева хоронитца, ѿменшова ему | князю ѿвету нету, истово было стола княженецкова | истои скамьи богатырския, выступаетца иванъ гостинои | сынъ, скочилъ онъ наместо богатырское скричалъ онъ | иванъ зычнымъ голосомъ, гои еси ты сударь ласковои | владимеръ князь, бла^г^слови предсобои слово молвити | иединое слово безопалное аибестое палы великия | яли иванъ взолотои орде былъ угрознова короля | ^ва^ етмануила етмануиловича ивиделъ водому ево дву | дочереи первая дочь настасья королевишна адругая | афросинья королевишна, сидитъ афросинья ввысокомъ | терему затридесять замками булатными аибуиныя | ветры невихнутъ наеѣ, акрасное сонцо непечотъ | лицо, аитота сударь девушка станомъ статна, | станомъ статна иумомъ свершна, белое лицо | какъ бы белои снегъ, аиягодицы какъ маковъ цветъ | черныя брови какъ бы соболи ясныя очи какъ усокола | посылаи ты сударь дуная сватактца владимеръ | князь столнои киевскои приказалъ наливать чару | зелена вина вполтара ведра подносить ивану | гостиному зате ево слова хорошия что сказалъ | ему обрушницȣ, призываетъ онъ владимеръ князь | дуная иваныча вспалну ксебе исталъ ему наслова^х^ | ховорить гои еси | ты дунаи сынъ ивановичь | послужи ты мне службу заочную съезди дунаи || взолоту ордȣ когрозному королю ет*мануилу* [2] л. 17 об.
етма|нуиловичу одобромъ деле осватонье *на ево* люби*мои* | надочери на-

---

[1] *Буквы, набранные курсивом в этой и следующих двух строках, написаны по подскобленному.*

[2] *Буквы, набранные курсивом в этой и следующих строках, написаны по подскобленному (выскоблено, по-видимому, чернильное пятно).*

чесной афросинье короле*вишне* бери ты | моеи золотои казны бери три ста
жере*бцо*въ имогу|чихъ богатыреи подноситъ дунаю чару зелена вина |
вполтара ведра туреи рогъ меду сладкова вполтретья ведра[3] выпивае^{т} | онъ
дунаи чару тоя зелена вина ит*уреи* рогъ меду | сладкова разгоралася
утроба богаты*рская* имогучия | плечи росходилися какъ умолода дуная
*ивано*вича го|воритъ онъ дунаи таково слово аиласково сонцо̄ | ты вла-
димеръ князь ненада мне твоя золота ка|зна ненада три ста жеребцовъ
иненада могучия | богатыри аитолко пожалуи одново мне молодца | какъ
бы молода екима ивановича которои служитъ | алешки поповичу влади-
меръ князь стол̆нои киевской | тотчасъ самъ онъ екима руками привелъ
во^{т}де | те дунаю будетъ паробочокъ аскоро дунаи снаре|жаетца скоря
тово богатыри поеску чинятъ | їзстолнова города киева вдалну орду зо-
лоту землю | ипоехали удалы добры моладцы аиедутъ неделю | спорядy
иедутъ неделю уже другую ибудꙋтъ оне | взолотои орде угрознова короля
етмануила етма|нуиловича середи двора королевского скакали молодцы |
здобрыхъ конеи привезали добрыхъ конеи кдубову | столбу походили
вополату белокаменну говори^{т} ту^{т} | дунаи таково слово гои еси король
взолотои орде | утебели вополатахъ белокаменных нету спасова | образа
некому уте помолитися аинезаштo тебе | поклонитися говоритъ тутъ
король золотои орды | аисамъ онъ король усмехаетца гои еси дунаи сынъ |
ивановичь али ты комне приехалъ постарому служи^{т} | ипопрежнему
ѿвечаетъ ему дунаи сынъ ивановичъ | гои еси ты король взолотои орде
аия ктебе приеха^{л} | непостарому служить инепопрежнему я приехалъ |
оделе одобромъ ктебе одобромъ то деле осватонье | натвоеи сударь люби-
мои то надочере начесной | афросинье королевичне владимеръ князь
хочетъ | женитися аиту^{т} королю забеду стало арветъ | наглаве кудри
черныя ибросаетъ окирпищетъ | полъ апритомъ говори^{т} таковое слово
гои еси ты | дунаи сн̃ъ ивановичь кабы прежде уменя неслужи^{л} | верою
иправдою тобъ велелъ посадить вопогребы | глубокия иуморилбы смертью
голодною зате твои | слова забезделныя ту^{т} дунаю забеду стало разго-
л. 18 рала^{с} || ево серца богатырское вынималъ онъ свою сабелку | вострую
говорилъ таково слово гой еси король золотой | орды кабы утя водому
небывалъ хлеба соли неедалъ | ссекбы поплечь буину голову, тутъ король
неладомъ | заревелъ зычнымъ голосомъ псы борзы заходли наце|пяхъ
аихочетъ[4] дуная живьемъ стравить теми кобеля^{ї}^{м} | меделянскими скри-
читъ тутъ дунаи сынъ ивановичь | гои еси екимъ сынъ ивановичь что ты
сталъ дачево гледи^{ш}[5] | псы[6] борзы заходили нацепяхъ хочетъ насъ
стобои король | живьемъ стравить бросился екимъ сынъ ивановичь онъ |
бросился наширокой дворъ аите мурзы улановья недопустятъ | екима
додобра коня досвоей ево палицы тяшкия аитяшкїя | палицы медныя литы

---

[3] вполтретья ведра *написано другими чернилами.*
[4] а *приписано другими чернилами.*
[5] *В оригинале* чево *находится в конце строки*, гледи^{ш} *приписано на полях.*
[6] пс *было написано сначала так, что сочетание этих букв легко можно было принять за* т; *затем* с *переделано на* с *гораздо большего размера.*

оне были втри тысячи пудъ | непопала ему палица железная что попала
ему осьта | тележная аизачелъ екимъ помахивати прибилъ | онъ силы
семь тысячей мурзы улановья [7] пять сотъ онъ | прибилъ меделянскихъ
кобелей, закричалъ тутъ король | зычнымъ голосомъ гой еси дунай ива-
новичь уими ты | своего слугу вернова оставь мне силы хоть насемены |
абери ты мою дочь любимую афросинью королевишну | аимолоды дунай
сынъ ивановичь унималъ своего | слугу вернова пришолъ ковысокому те-
рему где сидитъ | афросинья ввысокомъ терему затридесятъ замкам | бу-
латными буины ветры невихнутъ наеѣ, красное | сонцо лица непечетъ
двери уполатъ были железныя | акрюки пробой побурату злачены гово-
рилъ тутъ дунай | таково слово хоть нога изломить адвери выставить |
пнетъ водвери железныя приломалъ онъ крюки булатныя | все тутъ по-
латы зашаталися броситца девица | испужалася бутъто угорелая вся,
хочетъ дуная воуста | цаловать проговоритъ дунаи сын ивановичь | гой
еси афросинья королевишна аиряженой кусъ | данесуженому есть нецелую
я тебя [8] восахарныя уста | аибогъ тебѣ красну девицу милуетъ дастанесъса |
ты князю владимеру взялъ еѣ заруку заправую | повелъ исполатъ наши-
рокои дворъ аихочутъ садитца | надобрыхъ наконей спохватился король
взолотой | орде самъ говорилъ таково слово гои еси ты дунаи ивановичь |
пожалуи подожди мурзы улановья ибправляетъ король своих мурзы |
улановья вести задунаемъ золоту казну ите мурзы || улановья тритцать л. 18 об.
телегъ ординскихъ насыпали златомъ | исеребромъ искатнымъ земчюгомъ
асверхъ того каменьй | самоцветными скоро дунай снарежаетца ипоехали
оне | когороду кокиеву аиедутъ неделю уже спорядy аиедутъ | уже дру-
гую итутже везутъ золоту казнѹ анаехалъ | дунай бродѹчей следъ недо-
ехавши докиева засто | верстъ самъ онъ екиму тутъ сталъ наказывать |
гой еси екимъ сынъ ивановичь вези ты афросинью | королевишну костол-
ному городу кокиеву коласкову князю | владимеру честно хвално ирадо-
стно былобы намъ чемъ | похвалитися великому князю вокиеве асамъ [9]
онъ дунай | поехалъ потому следу посвежему бродучему аиедетъ ужъ |
сутки другие вчетвертые сутки следъ дошолъ натехъ | налугахъ напо-
тешныехъ куда ездилъ ласковой владимеръ | князь завсегда заохотою
стоитъ налугахъ тутъ белъ | шатеръ вотомъ шатру опочивъ держитъ
красна девица | аи талй настасья королевишна молоды дунай онъ догад-
ливъ | былъ вымалъ изналушна тугой лукъ исколчана вынулъ | калену
стрелу аивытянулъ лукъ заухо, калену стрелу | котора стрела семи чет-
вертей хлеснетъ онъ дунай | посыру дубу аспела ветъ титивка утуга лука
адрогнетъ | матушка сыра земля отово удару богатырскова угодила |
стрела всыръ крековистой дубъ изломала ево вчеренья | ножевыя бро-
силася девица избела шатра бутъто | угорелая аимолоды дунай онъ до-
гадливъ былъ скочилъ | онъ дунай содобра коня воткнетъ копье восыру

---

[7] *В оригинале после* улановья *стоят две запятые, одна над другой.*
[8] я *сделано из* е.
[9] аса *написано по подскобленному.*

землю | привезалъ онъ коня завостро копье игораздъ онъ | содевицею
дратися ударилъ онъ девицу пощеке | апнулъ онъ девицу подгузна жен-
ской полъ ѿтово | пухолъ живетъ сшибъ онъ девицу срезвыхъ ногъ | онъ
выдернулъ чингали^{ш}ша булатное аихочетъ | взрезать груди белые вта-
поры девица возмоли|лася [10] гой еси ты удалой доброй молодецъ неколи
ты | меня девицу досмерти я убатюшка сударя ѿпрошалася | кто мене
побъетъ вочистомъ поле затово мнедевице | замужъ итъти аитута дунаи
сынъ ивановичь тому еѣ | слову обрадовался думаетъ себе разумомъ
своимъ служилъ я | дунаи восеми ордахъ всеми ордахъ семи королямъ
л. 19 анемогъ ‖ себе вӹжить красныя девицы ноне я нашолъ | вочистомъ поле
обрӱшницу сопротивницу ту^{т} оне | обручалися кругъ ракитова куста
венчалися аскоро | еи приказъ ѿдалъ собиратися иобралъ удевицы | збрую
всю куякъ ипанцырь сколчюгою, приказалъ | онъ девице нарежатися
впростую епанечьку [11] | белую ипоехали [12] когороду кокиеву толко вла-
димеръ | столнои киевскои втапоры едетъ ѿзлата венца | иприехалъ
князь насвои княженецкои дворъ | ивосветлы гридни убиралися заубра-
ныя столы | сажалися аимолоды дунаи сынъ ивановичь при|ехалъ ко-
церкви соборныя котемъ попамъ икодь|яконамъ приходилъ онъ воцеркву
соборную | проситъ чесныя мл^{с}ти утово архерея соборнова | обвенчать
натои красноi девице рады были то^{ум} | попы соборныя вте годы присяги
неведали обве|нчали дуная ивановича венчалнова далъ дунаи [13] | пять
сотъ рублевъ ипоехалъ кокнязю владимеру | ибудетъ укнязя наширокомъ
дворе искочили со | добрыхъ конеи смолодои женои иговорилъ таково |
слово доложитесь князю владимеру неотомъ | что и^{т}ти восветлы гридни
отомъ что невчемъ | и^{т}ти княгине молодои, платья женскова толко | одна
иесть епанечка белая, автапоры, влади|меръ князь онъ догадливъ былъ
знаетъ онъ | ково послать послалъ онъ чюрила пленковича | выдавать
платьица женское цветное ивыдавали | оне ту^{т} соянъ хрущетои камки
натое княгиню | новобрачную [14] нанастасью королевичну ацена то^{ум} | со-
яну сто тысячеи иснарядили оне княгиню ново|брачную [14] повели ихъ
вополаты княженецкия воте | гридни светлыя сажали застолы убраныя
за | ества сахарныя изапитье медяные сели уже | две сестры заоднимъ
столомъ аимолоды | дунаи сынъ ивановичь женилъ онъ князя влади|мера
даисамъ [15] тутже женился втомже столе | столовати сталъ ажили оне время
немалое | укнязя владимера усолнышка сеславьевича была | пирушка
веселая ту^{т} пьянои дунаи расхвастался | что нетъ противъ меня вокиеве
такова стре|лца їстуга лука поприметамъ стрелять что | взговоритъ молода
л. 19 об. княгиня апраксевна что | гои еси ты любимои мои зятюшка молоды ‖ ду-

---

[10] ла *сделано, кажется, из* т.

[11] *Сначала было написано* епанченку; *затем буквы* чен *исправлены, кажется, другими чернилами соответственно на буквы* ечь.

[12] ли *написано по подскобленному.*

[13] д *написано по подскобленному.*

[14] ч *написано по подскобленному, второе* н *подправлено, кажется, другими чернилами.*

[15] ъ *написано по подскобленному.*

наи сынъ ивановичь что нетуде вокиеве такова | стрелца какъ любезнои сестрице моеи настасьи | королевичне тутъ дунаю забеду стало бросали | оне жеребья кому прежде истуга лука стрелят | идосталось стрелять ево молодои жене настасьи | королевичне адунаю досталось наглаве золото | колцо держат ѿмерели место нацелу версту ты|сячну держит дунаи наглаве золото колцо вы|тягала настасья калену стрелу спеладе титивка | утѹга лука сшибла зголовы золото колцо тою | стрелкою каленою князи ибояра тут металися | усмотрили калену стрелу что натехта перушках | лежит то золото колцо втепоры дунаи ста|новилъ напримету свою молоду жену стала кня|гиня апраѯевна ево уговаривати аиты гои еси | любимои мои зятюшка молоды дунаи сынъ ива|новичь тавет шутачка пошучена даговорилаже | ево имолода жена оставимде стрелять додру|гова дня есде вутробе уменя могучь богатырь | первоиде стрелкои недострелишь адругоюде пере|стрелишъ атретьюде стрелкою вменя угодиш | втапоры князи ибояра ивсе силны могучи бога|тыри ево молода дуная уговаривали втапоры | дунаи озадорелся истреляль впримету нацелу | версту взолото колцо становилъ стоять молоду | жену ивтапоры ево молода жена стала ему | кланятися ипереднимъ убиватися гои еси ты мои | любезнои ладушка молоды дунаи сынъ ивановичь | аставь шутку [16] натри дни хошъ недля меня но | для своего сына нерожденнаго завтро рожѹ | тебѣ богатыря что небудетъ ему сопроти|вника томуто дунаи неповеровалъ становилъ | свою молоду жену настасью королевишну намету | сзолотымъ колцомъ ивелели держат колцо на|буинои главе стрелял дунаи зацелу версту истуга | лука аипервои стрелои онъ недострелилъ другои | стрелои перестрелилъ атретьею стрелою въеѣ угодил | прибежавши дунаи кмолодои женѣ выдергивалъ | чингалишша булатное скоро спорол ъ еи груди | белыя выскочилъ изутробы удалъ молодецъ | онъ самъ говоритъ таково слово гои еси | сударь мои батюшка какъбы далъ мне сроку | натри часа аиябы насвете былъ попрыжея | иполутчея всемь семерицъ тебя аитутъ ‖ л. 20
молоды дунай сынъ ивановичь запечалился ткнулъ | себя чингалишшемъ вобелы груди згареча онъ бросился | вобыстру реку потому быстра река дунаи словетъ | своимъ усьемъ впала всине море аито старина|то идеянье: /

[16] ш *написано по подскобленному.*

ГРИШКА РАСТРИГА

Ты боже боже спасъ҃ милостивой кчему рано наднами | прогневался сослалъ намъ боже прелестника злаго растригу | гришку атрепьева ужели онъ растрига нацарство селъ | называетца растрига прямымъ царемъ: царемъ дими|триемъ ивановичемъ углецкимъ недолго растрига наца|рстве сиделъ похотелъ растрига женитися неусебято | онъ вкаменной москве бралъ онъ растрига впроклятой | литве уюрья пана седомирскова дочь маринку юрьеву | злу еретницу безбожницу навешней праздникъ николинъ | день вчетвергъ урастриги свадба была авпятницу пра|здникъ николинъ день князи ибояра пошли кзаутрени агри|шка растрига онъ вбаню зженой нагришки рубашка кисе|иная намаринке соянъ хрущетой камки ачасъ другой | поизоидучи уже князи ибояра ѿзаутрени агришка растрига | избани зженой выходитъ растрига накрасной крылецъ | кричитъ реветъ зычнымъ голосомъ гои еси клюшники | мой приспешники приспеваите кушанье разное аипосное | искоромное заутра будетъ комне гость дорогой юрья | панъ сапаньею автапоры стрелцы догадалися затото | слово спохватилися вбоголюбовъ монастырь мета|лися кцарице марфе матвѣевне царица ты марфа | матвѣевна твоели ето чадо нацарстве сидитъ | царевичь димитрей ивановичь автапоры царица | марфа матвѣевна заплакала итаковы речи вослеза[x] | говорила аглупы стрелцы вы недогадливы какоемое | чадо нацарстве сидитъ нацарстве увасъ сидитъ | растрига гришка атрепьевъ сынъ, потеренъ мой | сынъ царевичь димитрей ивановичь наугличе | ѿтехъ ѿбояр годуновыехъ ево мощи лежатъ ‖ вкаменной
л. 20 об. москве учѹдныхъ сафей премудрыя утоволита | ивана великова завсегда звонятъ воцарь колоколъ соборны | попы собираютца завсякия праздники совершаютъ пона|фиды запамять царевича димитрия ивановича агодуновы[x] | бояръ проклинаютъ завсегда тутъ стрелцы догадалися | все оне собиралися кокрасному царскому крылечку метались | итутъ вмоскве збунтовалися гришка растрига дагадаетца | самъ вверхни чердаки убираетца инакрепко запираетца | азлая ево жена маринка безбожница сорокою обвернулася | ї исполатъ вонъ она вылетела агришка растрига втапоры | догадливъ былъ бросался онъ сотехъ чердаковъ накопья | вострыя котемъ стрелцамъ удалымъ молодцамъ | итутъ ему такова смерть случилась,

НАБУЗАНЕ ОСТРОВЕ

Наславной волге реке наверхнеи изголове набузане острове | накрутомъ красномъ берегу нажелтыхъ расъсыпныхъ пескахъ | астояли беседы что беседы дубовыя исподернуты бархотомъ | вобеседачкахъ тутъ сидели атаманы казачия ермакъ | тимофеевичь самбуръ андреевичь анофреи степановичь | ане думашку думали заединое какъ продело ратное | продабычу казачею что есаулъ ходитъ покругу подонскому | еицкому есаулъ кричитъ голосомъ вовсю буину голову | аи вы гои еси братцы атаманы казачия унасъ кто | наморе небывалъ морскои волны невидалъ невидалъ дела | ратнова человека кровавова ѿжеланье те богу немаливалис | астантеся таковы молодцы набузане острове исадилися | молодцы восвой струги лехкия оне грянули молодцы | внизъ поматушке волге реке попротоке поахтубѣ | анеярыя гоголи насине море выплыли выгребали тутъ | казаки середи моря синева противъ матицы острова | лехки струги выдергивали ивеселечки разбрасавали | маиданы раставливали ковры раздергивали ковры те сорочи|нския ибеседы дубовыя подернуты бархотомъ аиграли казаки || золотыми тавлеями дорогими вольящетыми посмотрятъ | л. 21
казаки оне наморе синея атаву зеленова ѿдуба крековистова | какъбы бель забелелася будто черзь зачернелася забелилися | накарабляхъ парусы полотняныя изачернелися наморе тутъ | двенатцать караблей абегутъ тутъ поморю славны гости | турецкия сотовары заморскими аувидели казаки те карабли | червленыя ибросалися казаки насвой струга лехкия ахватали | казаки оружье долгомерное итри пушечки медные напущалися | казаки надвенатцать караблей вътри пушечки гунули аружъ|емъ вдругъ грянули турки гости богатыя накарабляхъ | ѿтово испужалися всине море металися ате тавары | заморския казакамъ доставалися аидвенатцать караблей | анатехъ карабляхъ одна непужалася душа красная девица | молода урзамовна мурзы дочи турскова что зговоритъ | девица урзамовна [1] нетронте менѣ казаки негубите моеи красоты | аивывезите менѣ казаки ксилну царству московскому | государству росискому приведите [2] казаки менѣ|вверу крещеную нетронули казаки душу красну девицу | ипосадили восвой струги лехкия аибудутъ казаки |

---

[1] урзамовна *написано другими чернилами и более новым почерком.*
[2] д *написано по подскобленному.*

напротоке наахтубе истали казаки накрутомъ красномъ | берешку маиданы раставливали маиданы те терския | ковры сорочинския абеседы раставливали абеседы дубовыя | подернуты бархотомъ астолы дорогъ рыбеи зубъ аикуша | казаки тутъ оне кушанье разное ипили питья медя|ныя питья все заморския ибудутъ казаки наве|ликихъ нарадостяхъ содобычи казачия караулы | ставили караулы крепкия ѿхожия сверху матки | волги реки иснизу таковыяжъ стоятъ запилися | молодцы авсе оне доединова автапоры ивото | время надругои стороне становился стоять | персицкои посолъ коромышевъ семенъ костя|нтиновичь сосвоими салдаты иматрозами | казаки были пьяныя асалдаты несовсемъ умомъ | напущалися нанихъ дратися ради корысти | своея ведалъли неведалъ отомъ персицкои | посолъ какъ унихъ драка сочинилася втой | было драке
л. 21 об. персицкова посла салдатъ пятдесятъ человекъ ‖ техъ казаки прибили досмерти толко едва осталися | три члвка которыя могли убежать накарабль ксвоему | послу сказывати неразобралъ тово дела персицкои посолъ | очемъ унихъ драка сочинилася послалъ онъ сто члвкъ | всю ту правду розспрашивати итемъ салдатамъ показа|лися что те люди стоятъ недобрыя зачали сказаками | дратися втапоры говорилъ имъ болшой атаманъ ермакъ | тимофѣевичь гои вы еси салдаты хорошия слуги царя | верныя почто снами деретеся корыстли ѿнасъ получите | тутъ салдаты безумныя наево слова нездавалися | изачали дратися боемта смертныемъ что дракою | некорысною втапоры доложился отомъ болшои есаулъ стафеї | лаврентьевичь [3] гой вы еси атаманы казачи что намъ | сними делати салдаты упрямыя лезутъ кнамъ здракою | вглаза инато ево слова болшои атаманъ ермакъ ти|мофѣевичь приказалъ ихъ досмерти бити ибросати вматку | волгу реку зачали казаки сними дратися иприбили | ихъ всехъ досмерти толко изнихъ единъ ушолъ капралъ | астровскои иприбежавши насвои карабль кпослу [4] персицкому | семену костянтиновичу коромышеву сталъ обовсемъ ему | росказавати кака унихъ сказаками драка была | итотъ персицкои посолъ неразмышлилъ ничего подымался | онъ совсею [5] гвардию своею натехъ донскихъ казаковъ | втапорыжъ подымалися атаманы казачия ермакъ тимо|фѣевичь самбуръ андреевичь ианофреи степановичь истала | унихъ драка великая ипобоища смертное аотаманы | казачия сами оне недралися толко своимъ казакамъ | цыкнули иприбили всехъ салдатъ досмерти ушлоли | неушло здесятокъ члвкъ ивтоиже драке убили самово | посла персицкова семена костянтиновича коромышева | втапоры казаки все животы посла персицкова взяли | себе платье цветное клали вгору змеевую пошли оне | казаки попротоке поахтубе вверхъ поматушке волге | реке аибудутъ казаки уцарства астраханскова называ|етца тутъ ермакъ содружиною купцами

---

[3] ье *сделано из каких-то других букв.*

[4] к *сделано из* х.

[5] вс *сделано из других букв; сначала было, кажется,* своею.

заморскиі м | аявили втаможне тавары разныя истех товаровъ | платили пошлину вказну государеву итеми своими това|рами торговали беззапрещения темъ старина | икончилась: /

ЕРМАКЪ ВЗЯЛЪ СИБИРЬ

л. 22

Вославномъ понизовомъ городе астрахане противъ | пристани матки волги реки соходилися тут удалы | добры молодцы донския славны атаманы казачия | ермакъ тимофѣевичь самбуръ андреевичь ианофреи | степановичь ѝстали оне воединои кругъ какъ думати | дубушкꙋ заединое сокрепка ума сполна разꙋма ата|манъ говорилъ донскимъ казакамъ поименю ермакъ | тимофѣевичь аивы гои еси братцы атаманы казачия | некорыстна унасъ шушка зашꙋчена гуляли мы | поморю синемꙋ ѝстояли напротоке наахтꙋбе убили | мы посла персицкова совсеми ево салдатами има|трозами ѝвсемъ животомъ его покорыстовались | икакъ намъ нато будет ѡветствовать вастрахане | жить нелзя наволге жить ворами слыть наяикъ | итъти перехотъ великъ вказань итти грозенъ царь | стоитъ грозенъ царь асударь иванъ васильевичь вмо|скву итти перехватанымъ быть поразнымъ: городам | разосланымъ инотемнымъ тюрмамъ разсаженым | поидемтя мы вусолья кострогоновымъ котомꙋ | григорью григорьевичу ктемъ господамъ квороновым | возмемъ мы много свинцꙋ пороху изапасꙋ хлебнова | ибудꙋтъ оне вусолье устрогонова взяли запас*ы* [1] | хлебныя много свинцꙋ порохꙋ ипошли вверхъ | почюсовои рекѣ гдебы ермаку зима *зим*овать | ѝнашли оне печерꙋ каменнꙋ натои чюсовои рекѣ | нависячемъ болшомъ каменю изашли оне сверхъ | того каменю опущалися вту пе*щ*ерꙋ казаки много | немало двесте члѻвкъ акоторые остались люди | похужея надругои стороне втакуюжъ оне печерꙋ | убиралися итутъ имъ было хорошо зима зимовать | та зима проходит весна настаетъ где ермаку | путя искать путя ему искать посеребреннои | реке сталъ ермакъ убиратися сосвоими това|рыщами посеребреннои пошли дожаравля дошли | оставили оне тут лотки коломенки натои бара|нченскои переволоке одну тащили данадселися | тамъ еѣ ипокинули ивто время увидели баранчу ‖ реку обрадовались поделали баты сосновыя илотки | набоиницы поплыли потои баранче реке искоро оне | выплыли натагиль реку утово медведя камня | умагниц- л. 22 об.

[1] *Буквы, набранные курсивом, написаны по подскобленному.*

17*

кова горы становилися анадр8гои стороне | была уних плодбища делали болшия коломенки | чтобы можно имъ совсемъ убратися жили оне | тутъ казаки свесны дотроицова дни ибыли уних | промыслы рыбныя темъ оне икормилися икакъ имъ | п8ть надлежалъ совсемъ вколоменки убиралися | ипоплыли потагиль рекѣ аивыплыли натур8 рек8 | ипоплыли потои т8ре реке въепанч8 реку итутъ | оне жили допетрова дни еще оне тутъ управлялися | поделали людеи соломенныхъ инашили нанихъ платье | цветное было уермака др8жины три ста члвкъ астало | уже сотеми болше тысячи поплыли потоболь рек8 | вмяденски юрты приплыли тутъ оне княска полонили | неболшева дабы показалъ имъ пут [2] потоболь рекѣ | вотехъ усьяхъ тоболскиехъ наизголове становилися | исобиралися воединои кр8гъ идумали дум8шку крепк8 | заедино какъ бы имъ приплыть кгоре тоболскоитои [3] | самъ онъ ермакъ пошолъ усьемъ верхниемъ самбуръ | андрѣевичь усьемъ средниемъ анофреи степановичь | усьемъ нижниемъ которая усья впала противъ | самои горы тоболския ивыплыли два атамана | казачия самбуръ андревичь ї анофреи степановичь | сосвоими товарыщами наиртышъ [4] реку подсам8 | высоку гор8 тоболск8ю итут унихъ стала баталия [5] | великая сотеми татары котовскими татара вних | бъотъ сокр8тои горы стрелы летятъ какъ часты | дожди аказакамъ взять неможно ихъ ибыла бата|лия [5] целои день прибили казаки техъ татаръ не|мало число итом8 татары дивовалися каковы руски | люди крепкия что ниедино убить немогутъ ихъ ка|леныхъ стрелъ вних какъ вснопики налеплено то|лко казаки все невредимы стоятъ итому татара | дивуютца ноипаче того втоже время пришолъ | атаманъ ермакъ тимофѣевичь сосвоею дружиною | тою лукою со8ксанск8ю дошелъ доусья сибирки | реки ивто время полонилъ куч8ма царя татаръ|скова апервова княска поиманова отпустилъ | соизвестиемъ котемъ татарамъ котовскиемъ | чтобы оне вдраке сказаками помирилися ужде | царя вашего вополонъ

л. 23 взяли темъ атаманом || ермакомъ тимофѣевымъ итаковы слова услыша татара | сокротилися ипошли кнему ермаку сподарачками | понесли казну соболиную ибурыхъ лисицъ сибирскиехъ | ипринималъ ермакъ уних необсылаючи анаместо | кучюма царя утвердилъ сабанака татарина идалъ | ему полномочие владеть ими ижилъ тамъ ермакъ | спокрова дозимнява николина дня втапоры ермакъ шилъ | шубы [6] соболиныя нахтармами вместе сшивалъ атеплыя | мехи наверхъ обоихъ сторонъ таковышъ манеромъ | ишапки шилъ иубравши ермакъ совсемя казаки | отезжалъ вкаменну москву когрозному царю ивану | васильевичу икакъ будетъ ермакъ вкаменнои москве | наканунъ праздника христова дня втапоры подкупил | вмоскве болшова боярина никиту романовича чтобы | доложилъ обнемъ царю грозному насамои праздникъ | христовъ день какъ

---

[2] *Сначала было написано, кажется,* тут, *потом одна из трех палочек первой буквы* т *выскоблена.*

[3] *Второе* и *приписано другими чернилами.*

[4] рт *написано по подскобленному другими чернилами.*

[5] я *написано по подскобленному.*

[6] бы *написано по подскобленному.*

изволилъ царь гсдрь итти ѿзаутрени | втапоры доложилъ обнихъ никита романовичь чтоде | атаманы казачия ермакъ тимофѣевъ стоварыщи | ктвоему царскому величеству сповинностью пришли | истоятъ накрасной площади итогда царь государь | тотчасъ велелъ предсебя привести тово атамана | ермака тимофѣева сотемя ево товарыщи татчасъ ихъ | коцарю представили втехъ шубахъ соболиныехъ итому | царь удивляетца инесталъ болше спрашивати | велелъ ихъ розослать пофатерамъ дотово часу | когда спросятца втапоры царю праздникъ радошенъ | былъ ибыло пирование почестное навеликихъ | нарадостяхъ что полонилъ ермакъ кучума царя | татарскова ився сила покорилася тому царю грозному | царю ивану васильевичу ипопрошестви того праздника | приказалъ царь государь тово ермака предсебя привести | тотчасъ ихъ сабрали икоцарю представили вопрошаетъ | тутъ ихъ царь гсдрь гои ты еси ермакъ тимофѣевъ | сынъ гдѣ ты бывалъ сколко поволи гулялъ инапра|сныхъ душъ губилъ икакимъ случаемъ татарскова | кучума царя полонилъ ивсю ево татарскую силу | подмою власть покорилъ втапоры ермакъ предгрозным | царемъ наколени палъ иписменное известие обовсемъ | своемъ похождени подавалъ ипритомъ говорилъ | таковыя слова гои еси волнои царь царь иванъ васильевичь || приношу тебе асударь повинность свою л. 23 об.
гуляли мы | казаки поморю синему истояли напротоке наахтубе | ивто время годилося мимо итти послу персицкому | коромышеву семену костянтиновичу сосвоими салдаты | иматрозами ионе напали нанасъ своею волею ихотели | отнасъ поживитися казаки наши были пьяныя аса|лдаты упрямыя итутъ персицкова посла устукали | сотеми ево салдаты иматрозами инато царь | гсдрь непрогневался ноипаче умилосердился прика|залъ ермака пожаловати ипосылалъ ево вту | сторону сибирскую котемъ татарамъ котовскиемъ | брать снихъ дани выходы вказну государеву | ипотому приказу государеву поехалъ ермакъ | тимофѣевичь сосвоими казаками вту сторону сиби|рскую ибудетъ онъ утехъ татаръ котовскиехъ | сталъ онъ ихъ наиболше подвласть государеву | покоряти дани выходы безапущения выбирати | игодъ другои тому времени поизоидучи те татара збузто|валися наермака тимофѣева капущалися натой | болшой енисѣе реке втапоры уермака были казаки | разосланы поразнымъ далнымъ странамъ апринемъ | толко было казаковъ надву коломенкахъ ибилися дралися | статарами время немалое идля помощи своихъ | товарыщевъ онъ ермакъ похотелъ перескочити надругую | свою коломенку иступилъ напереходню обманчивую правою | ногою посколзнулся онъ ита переходня сконца верхнева подымалася | инаево опущалася розшибла ему буину голову ибросила ево втое | енисею быстру реку тутъ ермаку такова смерть случилась:

СТАВРА БОЯРИНА

Востолномъ было городе вокиеве уласкова асударь | князя владимера было пированье почестнои пиръ | было столованье почестной столъ намноги | князи ибояра инаруския могучия богатыри | игости богатыя
л. 24 будетъ день вополовина дня || будетъ пиръ вополу пире князи ибояра пьютъ | едятъ потешаютца ивеликимъ княземъ похва|ляютца ї̆толко изнихъ одинъ бояринъ ставеръ | годиновичь непьетъ ниестъ [1] ї̆присвоеи братьи не|хвастаетъ толко наедине стоварыщемъ та|ковы речи сказываетъ что ето закрепость | вокиевѣ увеликова князя владимера уменяде | ставра боярина широкои дворъ [2] нехуже города | киева адворъ уменя насеми верстахъ агридни | светлицы белодубовы покрыты гридни седыхъ | бобровъ потолокъ вогридняхъ черныхъ соболеи | полъ середа [3] одново серебра крюки дапробои | побулату злачены аибыли тȣтъ укнязя слуги | верныя доносили отомъ самомȣ князю владимерȣ | чтоде асударь ласковои владимеръ князь ставеръ | бояринъ вочи ниочемъ нехвалитца азаочи по|хваляетца что есть унего дворъ насеми верста^х | крепче города киева гридни светлицы белодубо|выя покрыты гридни седыхъ бобровъ потолокъ | черныхъ соболеи полъ середа одново серебра | крюки дапробои побулатȣ злачены услыша ото^м | владимеръ владимеръ князь приказалъ скова^т | ставра боярина нарȣки инаноги желѣза ему | посадить ево впогребы глубокия затворять | дверями железными запирать накрепко замки | булатными ивладимеръ князь посылалъ посла | немилостивова коставрȣ боярину чтобъ дворъ | ево запечатати ивзять вкиевъ молоду ево | жену ковеликомȣ князю владимерȣ иеи ставровои | молодои жене перепала весть нерадошна что | ставеръ бояринъ вокиеве посажетъ впогребы | глубокия руки иноги скованы скоро она нарежа|етца искоро убираетца скидавала ссебя волосы | женския надевала кудри черныя ананоги | сапоги зеленъ сафьянъ инадевала платья | богатоя богатоя платья посолское ина|зывалась грознымъ послом грознымъ посло^м | васильемъ ивановичемъ ипоехала свеликою | свитою когородȣ киевȣ половину дороженки | проехали ивстречю еи искиева грозенъ посолъ | ту^т оне сьехались послы поздаровались какъ | послы послуютця оне ручку обрȣчкȣ целуютца | сталъде искиева спрашиваетъ посолъ аи, гои, | вы

---

[1] т *вписано другими чернилами.*
[2] о *сделано из* е.
[3] еда *написано по подскобленному.*

еси удалы добры молодцы куда вы едите || икуда богъ несетъ ивзговорятъ л. 24 об.
ему послу та|ковыя слова аиедемъ мы издалнои орды | золотои земли ѻгрозна короля етмануила етма|нуиловича когороду кокиеву ковеликому князю | владимеру брать снего дани невыплаты немного | немало задвенатцать летъ завсякои годъ | потри тысячи искиева посолъ позадумался | аиединое словечко повыговоритъ яде искиева | грозенъ посолъ едуде я коставру боярину дворъ | ево запечатати аево молоду жену вкиевъ | взять ѻвечаютъ ту^т удалы добры молодцы | прежде унасъ тотъ былъ постоялои дворъ | ноне заезжали вдому нетъ никово молода | ево жена убиралася вдалну орду золоту | землю искиева посолъ воротился назадъ | приехалъ востолнои вокиевъ градъ сказалъ | онъ князю тихохꙋнка что едетъ издалнои | орды золотои земли грозенъ посолъ василеи | ивановичь аитутъ болно князь запечалился | кидалися металися то улицы метутъ елникъ | ставили передворотами ждутъ посла изда|лнои орды золотои земли ѻгрозна [4] короля | етмануила етмануиловича иприехалъ онъ | посолъ накняженецкои дворъ оне скоро поско|кали содобрыхъ конеи аиду^т вогридни во | светлыя вывела княгиня князя засобои | ивоте воподвалы погребы молвила слове|чка тихохꙋнка ниочемъ ты асꙋдарь непе|чалуися анебыть тому грозному послу | василью ивановичю быть ставровои молодои | жене василисе микулишне знаю я приметы | все поженскому ана подвору идетъ бутъта | утачка плыветъ апогоренки идетъ частенка | ступаетъ аналавицꙋ садитца каленца | жметъ аирꙋчки беленки палчики тоненки | дюжина исперстовъ невышли все аитута^тка | владимеръ столнои киевскои нуже онъ посла | сталъ подчивати всяко питье потаковкамъ | пьютъ ужъту^тли посолъ напиваетца авла|димеръ князь сталъ проведовати [5] токо | посолъ будет женщина нестанетъ онъ во | киевѣ боротися сомоими могучими богатырями | таковы люди были вкиевѣ нарочны борцы || удалы молодцы притченки дахапилонки выво|- л. 25
дилъ ту^т князь семь борцовъ итоволи посолъ | василеи непятитца вышолъ онъ надворъ боро|тися середи двора княженецкова сошлися борцы | спосломъ боротися первому борцꙋ исплеча рꙋку | выдернетъ [6] адрꙋгому борцу ногу выломить она | третьева хватила поперекъ хрепта ушибла | ево середи двора аплюнулъ князь даипрочь | пошолъ глупая княгиня неразумная уте во|лосы долги умъ коротокъ называешъ ты бо|гатыря женшиною [7] такова посла унасъ | еще была иневидана втапоры княгиня | скняземъ заспоровалась аиты ласковои сударь | владимеръ князь данебыть [8] етомꙋ грозному | послꙋ быть ставровои молодои жене гово|рилъ тутъ владимеръ столнои киевскои | гои ты еси княгиня апраѯевна яли посла | василья проведую заставлю ево истуга лука | стрелять сосвоими могучими богатырями | выводилъ тутъ владимеръ столнои киевскои | двенатцать силныхъ могучихъ богатыреи | стали оне стрелять посырꙋ

---

[4] *Сначала было написано* ѻгрознава, *потом* ва *выскоблено.*
[5] р *вписано другими чернилами.*
[6] ет *написано по подскобленному.*
[7] о *написано по подскобленному.*
[8] б *написано по подскобленному.*

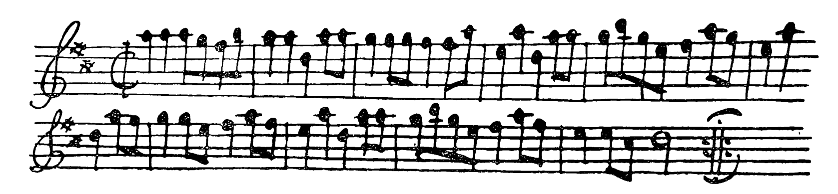
дубȣ зацелȣ | верстȣ попадаютъ оне посыру дубȣ ѿтехъ | стрелачакъ ка-
леныхъ иѿтои стрелбы бога|тырския толко сырои дубъ шатаетца будто |
ѿпогоды силныя говорилъ посолъ василеи їва|новичь гои еси владимеръ
князь ненадо мне | эти луки богатырския есть уменя лучонко | воло-
китнои скоторымъ я езжȣ почисту полю | втапоры кинулися еѣ удалы
добры молодцы | подпервои рогъ несутъ пять чл^{о}вкъ по^{д}другои | несутъ
столкоже колчанъ тащатъ калены^{х} | стрелъ тритцать чл^{о}вкъ иговоритъ
князю таково слово | что потешитьде тебя князя владимера беретъ она |
воту рученьку левую иберетъ стрелу каленую табыла | стрелка булатная
вытягала лукъ заухо хлеснетъ | посыру дубу изломалъ ево вчеренья
ножевыя | спела титивка утуга лука ивладимеръ | князь окарачь напол-
зался ивсе ту^{т} могучия | богатыри встаютъ какъ угорелыя звыла | да-
25 л. об. пошла калена стрела угодила всыръ || крековистои дубъ изломала вче-
ренья ножевыя | иговорилъ посолъ таково слово нежаль мне сыра |
дуба крековистова толко жаль мне своеи | калены стрелы никому не-
наи^{т}ти вочистомъ | поле плюнулъ владимеръ князь самъ прочь | пошолъ
говорилъ себе таково слово разве | самъ василья посла проведаю [9] сталъ
снимъ | вшахматы [10] играть золотыми тавлеями | первую заступь засту-
повали иту посолъ | поигралъ другую застȣпь застȣповали идру|гую
заступь посолже поигралъ третью за|ступь заступовали шахъ даима^{т}
даипо^{д}доску иста^{л} | посолъ говорить таково слово гои еси столнои вла-
димеръ | князь о^{т}даиты мне дани выходы задвенатцать летъ | завсякои
годъ потри тысячи говорилъ владимеръ князь | изволь мене посолъ
взять головой зженои. иговори^{л} ^{тут} посо^{л} | таковы слова чемъ ты вла-
димеръ князь вкиеве поте|шаесся естли утебя веселыя моло^{д}цы ито^{т} часъ
посыла^{л} | владимеръ князь искать таковыхъ людеи всяки^{х} рукъ | исобрали
веселыхъ моло^{д}цовъ накняженецкои дворъ | втапоры увеликова князя ради
посла было | пирование почестное навеликихъ нарадостя^{х} | иту^{т} посолъ неве-
селъ сидитъ толко князю та|ково слово выговоритъ нетли утебѣ кому | вгусли
поиграть похвати^{т}ца владимеръ князь | послалъ поставра боярина боя-
рина годино|вича велелъ ево росковать всево [11] сымали | железа срукъ
исногъ иприводили ставра | напочестнои пиръ ивтапоры посолъ скочилъ |
нарезвы ноги посадилъ ставра противъ | себя вдубову скомью изачал
тутъ ставеръ | поигравати [12] сыгришъ сыгралъ царя града | танцы навелъ
ерȣсалима величалъ князя | сокнягинею сверхъ того игралъ евреискои
стихъ | посолъ задремалъ испать захотелъ гово|рилъ таковы слова гои еси
владимеръ | князь ненадо мне твои дани выходы толко | пожалуи весе-
лымъ молодцомъ ставромъ | бояриномъ годиновичемъ ивладимеръ князь |
отомъ радошенъ сталъ ѿдавалъ ставра рука^{мї} | своими взявши посолъ
л. 26 ставра ѿезжалъ иски|ева вонъ провжаетъ ево владимеръ князь || исокня-
гинею истановился онъ посолъ убыстра | непра раставлялъ полатки

---

[9] а *написано по подскобленному.*
[10] ма *сделано из каких-то других букв.*
[11] вс *написано по подскобленному.*
[12] *Первое* а *сделано из какой-то другой буквы.*

свои белыя | говорилъ таково слово пожалуиде асударь | владимеръ князь посиди дотово часу когда | я выспюся раздевался посолъ изсвоего пла|тья [12] посолскова иубирался вплатье женское | притомъ говорилъ таково слово гои еси | ставеръ веселои молодецъ какъ ты мене | неопазноваешъ адоселева мы стобои всваику | игравали утебяде была сваика серебреная | ауменя колцо позолоченое иты меня поигра|валъ ая тебѣ толды вселды ивтапоры | ставеръ бояринъ догадаетца скидавалъ | платье черное инадевалъ на|себя посолское | јсвеликимъ князем исокнягинею прощалися иотъезжали восвою землю далную.

ИВАНЪ ГАДЕНОВИЧЬ



Востолномъ въвогороде вокиевѣ уласкова | асударь князя владимера вечеренка была | напирȣ унево сидели честныя вдовы пригоди|лся тутъ иванъ годиновичь ипроговоритъ | ему столнои киевскои владимеръ князь гои | еси иванъ ты годиновичь азачемъ ты ива|нушка неженисься ȣ̃вечаетъ иванъ сынъ | годиновичь радбы асȣдарь женился данегде | взять где охота брать заменя недаю^{т} | агдета подаютъ ту я самъ неберȣ апрого|-воритъ ласковои владимеръ князь гои еси ива^{н} | сынъ годиновичь асадися ты иванъ нареме|нчетъ стȣлъ пиши ерлыки скоропищеты | исадился тотчасъ иванъ наременчетъ | стулъ написалъ ерлыкъ скоропищетои аодо|-бромъ деле осватонье кславному городȣ | чернигову кдмитрею гостю богатому на|писалъ онъ ерлыкъ скоропищетои авлади|меръ князь ему рȣку приложилъ анеты || иванъ поедешъ свата^{т}ца сватаюсь яде | влади- л. 26 об.
меръ князь аскороде иванъ снарежае|тца, аскоря тово поескȣ чинитъ когородȣ | чернигову два девяноста то мерныхъ верстъ | переѣхалъ иванушка вдва часа сталъ онъ | иванъ нагостиномъ дворе скочилъ онъ иванъ | содобра коня привезавши коня кдубовȣ столбу | походилъ вогридню восветлую спасову образу | молитца онъ дмитрею гостю кланѣетца | положилъ ерлыкъ скоропищетои накрȣглои сто^{л} | дмитреи гость распечатаваетъ ира^{з}сматривае^{т} | просматриваетъ ипрочитаваетъ глупои иванъ | неразумнои иванъ где ты иванушка перво | былъ ноне настасья просватана душа дми|тревна запорȣчена вдалну землю загорскȣю | зацаря афромея афромѣевича зацаря ȣ̃да^{т} | еи царицою слыть панове все покло-ня^{т}ца | пановя иулановя анемецкихъ языковъ | сщоту нетъ затебя иванъ ȣ̃датъ холопкои | слыть избы мести заходы скрести тутъ | иванушку [1]

[1] ш *написано по подскобленному.*

забеду стало схватя ерлыкъ | ївань даивонъ побежалъ садился иванъ | надобра коня побежалъ онъ когороду киевѹ | скоро иванъ надворъ прибежалъ иприходитъ | онъ восветлу гридню ковеликому князю вла|димеру спасову образу молитца авлади|мерѹ князю кланѣетца велми онъ иванъ | закрѹчинился сталъ ево владимеръ князь | спрашивати асталъ иванъ росказавати | былъ я умитрея водому положилъ ерлыкъ | накрѹглои столъ дмитреи гость незадержи|валъ меня втомъ скоро ерлыки прочита|валъ иговорилъ таковы слова глупои тыде | їванъ неразѹмнои иванъ где ты иванушка | перво былъ ноне настасья просватана | вдалну землю загорскѹю зацаря афромѣя | афромѣевича зацаряде еѣ ѻдать царицою | слыть панове все поклонятца панове все | иулановья анемецкихъ языковъ счоту | нетъ затебяде иванъ ѻдать холопкои | слыть избы мести дазаходы скрести тут | ему князю забеду стало рветъ наглаве | черны
л. 27 кудри свои бросаетъ ихъ окирпичетъ || пол гои еси иванъ годиновичь возми ты | уменя князя сто человекъ руских могучихъ | богатыреи укнягини ты бери дрѹгое сто усебя | иванъ третье сто поезжаи ты одобромъ делѣ | осватонье честью недастъ ты исилою бери | скоро молодцы те собираютца аскоря тово | поескѹ чинятъ поехали кгородѹ черниговѹ | аитолко перѣехали быстрова непра выпала | пороха снегу [2] белова потои попорохе побелу | снегу илежатъ три следа звериныя первои | следъ гнедова тура адрѹгои следъ лютова | зверя атретеи следъ дикова вепря сталъ | онъ иванъ разьесачавати послалъ онъ загне|дымъ туром сто члвкъ ивелелъ поимать | ево бережно безтои раны кровавыя изалю|тымъ зверямъ послалъ дрѹгое сто ивелелъ | изымать ево бережно безтои раны кровавыя | изадикимъ вепрямъ послалъ третье сто | авелелъ изымать ево бережно безтоя раны | кровавыя ипривесть ихъ востолнои киевъ|градъ ковеликомѹ князю владимерѹ асамъ | онъ иванъ поехалъ единои вочернигов градъ | ибудетъ иванъ вочернигове аудмитрея [3] гостя | богатова скачетъ иванъ середи двора при|везалъ коня кдубову столбу походилъ онъ | вогридню светлую кдмитрею [3] гостю богатом | спасовѹ образѹ молитца дмитрею гостю | некланѣетца походилъ зазанавесѹ белую | онъ кдушке настасье дмитревне атутъ удми|трея гостя богатова сидятъ мурзы ула|новья понашему сибирскому дрѹшки словутъ | привезли оне платьица цветное что наду|шку настасью дмитревну платья тово на | сто тысячеи ѻцаря афромѣя афромевича | асамъ царь афромѣи афромѣевичь онъ | ѻчернигова втрехъ верстахъ стоит асилы | снимъ три тысячи [4] молоды иванушка годи|новичь онъ изазанавесу белова душку на|стасью дмитревну взялъ зарѹку забелую | потащилъ онъ настасью лишъ туфли
л. 27 об. зве|нятъ что взговоритъ ему дмитреи гость || гои еси ты иванушка годиновичь сужаное | пересужаваешь ряженое переряжеваешъ мошно | тебе взять негордосью веселымъ пиркомъ | свадебкои толко иванъ слово выговорилъ гои | еси ты славнои дмитреи гость добромъ мы | утебя свата-

---

[2] г *написано по подскобленному.*
[3] м *написано по подскобленному.*
[4] с *сделано из* ч.

лися асватался владимеръ | князь немогъ ты чесью мне ѿдать ноне берꙋ |
инекланеюсь вытощилъ [5] еѣ середи двора по|садилъ надобра коня исамъ
метался вседе|лечко черкеское некому бежать вочерниговъ | градъ замо-
лодомъ ї̈ванушкомъ годиновиче^{м} | переѣхалъ онъ иванъ девяноста верстъ |
поставилъ онъ иванъ тутъ свои белъ шатеръ | развернулъ ковры соро-
чинския послалъ по^{т}нички | бумажныя изволилъ онъ иванъ снастасьею |
опочивъ держать данеслась скоро вестка | нерадошна царю афромѣю
афромѣвичю апри|ехали мурзы улановья телячьимъ языкомъ | росказы-
ваютъ изславноваде города искиева | прибежалъ удалъ молодецъ увесъ
твою | противницу настасью дмитревну царь афро|мѣи афромѣевичь
скоро онъ вражбу чинилъ | обвернетца гнедымъ туромъ чистыя поля |
туромъ перескакалъ темныя лесы соболемъ | пробежалъ быстрыя реки
соколомъ перлета^{л} | скоро онъ сталъ убела шатра аитутъ | царь афромѣи
афромѣевичь закричалъ за|ревелъ зычнымъ голосомъ гои еси иванушка |
годиновичь аиты суженое пересужаваешъ | ряженое переряживаешъ
почто увесъ ты | настасью дмитревну аскоро иванъ выходи^{т} | избела
шатра говорилъ тутъ иванушка го|диновичь гои еси царь афромѣи афро-
мѣевичь | станемъ мы стобою боротися аболшине что | кому наша на-
стасья достанетца исхвати|лися оне ту^{т} боротися чтоде ему царю дела|ти
сомолодомъ иваномъ годиновичемъ | согнетъ онъ царя корчагою опустилъ
онъ | осыру землю царь афромѣи афромѣевичь | лежитъ наземли свету
невидитъ молоды | иванъ годиновичь онъ ушолъ закустикъ || мочитися л. 28
царь афромѣи едва пропищалъ думаи | ты настасья непродумаися заца-
ремъ замною | быть царицею слыть панове все поклонятца | пановя все
улановя анемецкихъ языковъ счоту | нетъ заиваномъ быть холопкои
слыть аизбы | мести заходы скрести приходитъ иванъ кобелу | шатрꙋ
напустился снимъ опять боротися схва|тилися оне рꙋками боротися душка
настасья | дмитревна изымала ивана годиновича заноги | тутъево двоя
иосилили царь афромѣи нагрудя^{х} | сидитъ говоритъ таково слово аинетъ
чингали^{ш}ша | булатнова нечемъ пороть грꙋди белыя толко | лишъ царь
слово выговорилъ гои еси ты наста|сья дмитревна подаи чембуръ ѿдобра
коня | исвезали ивана рꙋки белыя привезали ево | косꙋрꙋ дубꙋ царь
афромеи вшатеръ пошолъ | сталъ снастасьею поигравати аназолу даетъ |
ему молодꙋ ивану годиновичю поево было талану | добра молодца аимо-
лода ивана годиновича | первая высылка искиева бежитъ ровно сто
чл^{б}вкъ | прибежали котому белу [6] шатрꙋ бут^{т}а заица вкусте | изъехали
спиря скочилъ тотъ посспиряваетъ | сьома прибежалъ тотъ посьомаваетъ
которы | молодцы оне поглавнея срезали чембуры шелковыя | молода
ивана годиновича опрастовали говорилъ | тутъ иванушка годиновичь
аи гои вы еси дрꙋ|жина хоробрая ихъ та цареи небьютъ нека|знятъ не-
бьют неказнятъ ї̈невешаютъ пове|зите ево когороду кокиеву ковеликому
князю | владимерꙋ аитутъ три высылки все збира|лися наредили царя
вплатье цветное повезли | ево докнязя владимера ибудꙋтъ вгороде киеве |

и *сделано из какой-то другой буквы.*

белу *надписано другими чернилами.*

росказали тутъ удалы добры молодцы великому | князю владимеру процаря [7] афромѣя афромѣевича | ивладимеръ князь сокнягинею встречаетъ | ево честно хвално ирадошно посадилъ ево | застолы дубовыя тутъ укнязя столъ пошолъ | для царя афромѣя афромѣевича молоды | иванушка годиновичь астался онъ вобеломъ | шатре сталъ онъ иванъ
л. 28 об. жену свою учить | онъ д8шк8 настасью дмитревну онъ перво || ученье то р8ку еи ѿсекъ самъ приговариваетъ | эта мне р8ка ненадобна трепала она рука | афромѣя царя авторое ученье ноги еи ѿсекъ | аитаде нога мне ненадобна аплеталася | соцаремъ афромѣемъ неверныемъ атретье | ученье губы еи обрезалъ исносомъ прочь | аи эти губы мне ненадобны целовали [8] | оне царя невернова четверто ученье го|лову еи ѿсекъ исъязыкомъ прочь это голова | мне ненадобна иэтотъ языкъ мне ненадо|бенъ говорилъ соцаремъ неверныемъ изда|вался наево слова прелестныя втапоры | ӏванъ годиновичь поехалъ костолному го|роду киеву коласкову князю владимеру ибу|детъ вгороде киевѣ благодаритъ князя | владимера завелику млстъ что женилъ | ево надушке настасье дмитревне втапоры | ево князь спрашивалъ гдѣже твоя моло|дая жена втапоры иванъ ожене своеи | сказалъ что хотела свахрамѣемъ | царемъ вшатре ево убить зачто еи поуче|нья далъ голову срубилъ втапоры князь | веселъ сталъ что ѿпускалъ вахрамѣя | царя своего подъданника вьево землю за|горскую толко ево увидели что обвернетца | гнедымъ туромъ поскакалъ далече вочисто | поле ксиле своеи,

ГАРДЕИ БЛУДОВИЧЬ

л. 29

Въстолномъ было городе вокиеве уласкова | асударь князя владимера было пированье | почестнои пиръ было столование почестнои | столъ много было укнязя владимера князеи | ибояръ икняженецкихъ женъ

[7] ря *приписано другими чернилами и другим почерком.*

[8] *По-видимому, переписчик написал сначала* ч, *потом сделал из него* ц; и *сделано другими чернилами из* а.

пригодились | тут напиру две честныя вдовы первая | вдова чесовая жена адругая вдова то блудова | жена обе жены богатыя богатыя жены дво|рянския промежу собои сидятъ запрохладъ | говорятъ что взговоритъ тутъ блудова | жена гои еси ты авдотья чесовая жена | есть утебе девять сыновеи адевять сыно|веи какъ ясныхъ соколовъ иесть утебе | дочь возлюбленна молода авдотья чесовична | таветь девица какъ лебедь белая | аумeня увдовы блудовы жены единъ | есть сынъ горденъ [1] какъ есенъ соколъ мно|гия пожитки осталися ему ѿсвоего роди|маго батюшка ноне запрохладъ зачюжи^{м} | пиркомъ молвимъ словечко одобромъ деле | осватонье я хощю утебя сватaтца | замолода гордена блудовича [2] дочь твою | возлюбленну авдотью чесовичну втапоры | авдотья чесова жена нато осердилася | била еѣ пощекѣ таскала пополу кирпи|счету ипривсемъ народе прибеседе вдову | опазорела ивесь народъ тому смеялися | испра-вилась она авдотья блудова жена || скоро пошла кодворȣ своему аидетъ л. 29 об.
ко|дворȣ шатаетца сама болно закрȣчинилася | изавиделъ горденъ сынъ блудовичь скоро | онъ метался свысока терема встречалъ | заворотами еѣ поклонился матушке вправу | ногу гои еси матушка что ты сударыня | идешъ закрȣчинилася али место тебѣ было неповотчине али чаромъ зеле-номъ | виномъ обносили тебѣ жалобу приноситъ | матера вдова авдотья блудова жена | жалобу приноситъ своему сыну гордену | блудовичу была я начестномъ пиру уве|ликова князя владимера сидели мы савдо|-тьеи часовои женой запрохладъ снею речи | говорили одобромъ делѣ осватонье ста|талась я наеѣ любимои надочери авдотьи | часовичне за-тебе сына гордена блудовича | те еи мои речи невзлюбилися била мене | пощеке итаскала пополу кирписчетому | ипривсемъ народе напирȣ обѣ-щестила | молоды горденъ сынъ блудовичь уклалъ | спать свою родимую матушкȣ втапоры | она была пьяная ипошелъ онъ надворъ | кчесовои женѣ сжималъ пескȣ горсть | целую ибудетъ противъ высокова | терема гдѣ сидитъ молода авдотья | чесовична бросилъ онъ повысокомъ терему | полтерема сшибъ виноградъ подавилъ | втапоры авдотья чесовична бро-силась бу|тъто бешеная извысокова терема | середи двора она бежитъ ничего негово|ритъ пропустя она гордена сына блудо|вича побежала ксвоеи родимаи матушке | жаловатися накняженецкои пиръ вта|поры пошолъ горденъ накняженецкои | дворъ ковеликому [3] князю владимерȣ | разсматривать вдову чесову жену та || вдова чесова жена увеликова л. 30
князя сидела | напирȣ заубраными столы итутъ молоды | горденъ выхо-дилъ назадъ выходилъ онъ | наширокои дворъ вдовины ребята снимъ [4] | заздорели аитолко невсе оне пригодилися | пригодилось ихъ тутъ толко пять чл^{о}вкъ | взяли гордена пощипавати надеючи насвою родимую ма-тушкȣ молоды горденъ имъ | взмолитца нетроните менѣ молодцы | аменя вамъ убить некорысть получить аоне | тому неверȣютъ ему опять при-

---

[1] *Сначала было написано* гордеи; *другими чернилами из* и *сделано* н *и приписано* ъ.
[2] бл *написано по подскобленному.*
[3] у *написано по подскобленному.*
[4] ъ *сделано другими чернилами из* и.

ступили кнем | ионъ ѽбивался иметался ѽнихъ иприбилъ [5] | всехъ тутъ доединова втапоры донесли народъ | киевскои честнои вдове часовои жене что молоды | горденъ блудовичь учинилъ драку великую убилъ | твоихъ детѣи досмерти ипосылала она часова | жена любимыхъ своихъ четырехъ сыновѣи | котому гордену блудовичю чтобъ онъ отого | неубрался домои убитьбы ево досмерти ина|стигли ево нашироксои улице тутъ обошли | вкр8гъ ево ничего [6] снимъ неговорили итолко | одинъ хотелъ боло ударить поух8 данеудало | ему горденъ вертокъ былъ тово онъ ударилъ | оземлю иушибъ ево досмерти др8гои подверне|тца итово ушибъ третеи ичетвертои ки|нулися кнему итехъ всехъ прибилъ досмерти | пошолъ онъ горденъ кавдотьи чесовичне взял | еѣ забелы руки иповелъ кобожьеи церкви | свечернями обр8чаетца обручался иобвенча|лся снеи идомои пошелъ поутр8 горденъ стол | собралъ столъ собралъ игостеи позвалъ позвал | тутъ князя сокнягинею имолод8 свою тещ8 | авдотью чесов8ю жену втапоры боло честна | вдова чесовая жена загорденелася нехотела | боло итти вдомъ кзятю своему тут влади|меръ князь столнои киевскои исокнягинѣю | стали еѣ уговаривати чтобы она нато болше | некр8чинилася некручинилася инегневалася | иона тутъ ихъ послушела пришла [7] кзятю навеселой [8] пиръ|стали пити ясти прохложатися: /

л. 30 об.

ЧЮРИЛА ПЛЕНКОВИЧЬ [1]

Востолномъ вгороде вокиеве уласкова ас8дарь | князя владимера было пирование почестнои | пиръ было столование почестнои столъ намноги | князи ибояра инар8ския могучия богатыри | будетъ день вполовина дня аибудетъ столъ | вополу столе князь владимеръ распотешился | анезнаемы люди кнему появилися есть | молодцовъ [2] засто члвкъ есть молодцовъ | задругое сто есть молодцовъ затретье | сто все оне избиты изранены булавами | буину головы пробиваны кушаками

---

[5] ъ *сделано из какой-то другой буквы.*
[6] ничего *написано по подскобленному.*
[7] пришла *написано другими чернилами.*
[8] й *приписано другими чернилами.*

[1] *Верхние части букв этого заглавия срезаны при переплете.*
[2] *Сначала было написано* молодцы; *другими, кажется, чернилами* ы *переделано в* о *и приписано* въ.

головы | завязаны бьетчеломъ жалобу творятъ | светъ гсдрь ты владимеръ князь ѣздили|мы пополю почистому сверхъ тое реки череги | натвоемъ государевомъ заимище ничего | мы вполе ненаезжавали [ненаезжавали] [3] | зверя прыскучева невидали птицы перелетныя | толко наехали вочистомъ поле есть моло|дцовъ затриста изапять сотъ жеребцы | подними латынския кафтанцы [4] нанихъ | камчатныя однорядочки то голубъ скурлат | аиколпачки золоты плаши оне соболи куницы | повыловили ипечерски лисицы повыгнали | туры олени выстрелили инасъ избили изра|нели атебе асударь добычи нетъ авасъ | асударь жалованья нетъ дети жены оси|ротили пошли помиру скитатися авлади|меръ князь столнои киевскои пьетъ онъ есть прохложаетца ихъ челобитья неслу|шаетъ аита толпа содвора несошла | аиная толпа появилася есть молодцовъ | затриста есть молодцовъ запять сотъ | пришли охотники рыбаловыя все избиты || изранены л. 31
булавами буины головы пробиваны | кушаками головы завязаны бьютчеломъ | жалобу творятъ светъ государь ты вла|димеръ князь ездили мы порекамъ поѡзе|рамъ натвой[5] щаски княженецкия ничего | непоимавали нашли мы людеи есть моло|дцовъ затриста изапять сотъ все оне | белую рыбицу повыловили щуки караси | повыловилижъ имелкаю рыбицу повыдавили | намъ втомъ гсдрь добычи нетъ тебѣ | госудаpю приносу нетъ вбасъ гсдрь жало|ванья нетъ дет и жены осиротили пошли | помиру скитатися инасъ избили изранели | владимеръ князь столнои киевскои пьетъ | естъ прохложаетца ихъ челобитья неслу|шаетъ аите толпы содвора несошли две | толпы вдругъ пришли первая толпа | молодцы соколники другия молодцы кре|чатники ивсе они избиты изранены була|вами буины головы пробиваны кушаками | головы завязаны бьютчеломъ жалобу | творятъ светъ государь владимеръ князь | ѣздили мы пополю чистому сверхъ тое череги | потвоемъ гсдревом заимищу натехъ напотешных | островах на твои щаски княженецкия ничево | непоимавали невидали сокола икречета переле|тнова толко наехали мы молодцовъ заты|сячю члвкъ всехъ оне ясныхъ соколовъ | повыхватали ибелыхъ кречетовъ повыло|вили анасъ избили изранели называютца | дружиною чюриловою тутъ владимеръ | князь зато слово спохватитца хто ето | чюрила есть таковъ выступался тута | старои бермята васильевичь яде асударь | прочюрила давно ведаю чюрила живетъ | невкиевѣ аживетъ онъ пониже малова | киевца дворъ унево насеми верстахъ | около двора железнои тынъ навсякои || тынинки помаковке аиесть поземчюженке | середи л. 31 об.
двора светлицы стоятъ гридни | белодубовыя покрыты седыхъ бобровъ | потолокъ черныхъ соболеи матицата ва|лженая полъ середа однова серебра крюки | дапробою побулату злачены первыя унево | ворота вольящетыя другия ворота | хрусталныя третьи ворота оловянныя | втапоры владимеръ князь исокнягинею | скоро онъ снарежаетца скоря тово поеску | чинятъ взялъ ссобою князеи ибояръ има|гучихъ богатыреи добрыню

---

[3] *Скобки сделаны другими чернилами.*

[4] *Сначала переписчик написал, по-видимому,* в, *потом переделал его на* ф.

[5] о *сделано из какой-то другой буквы;* й *приписано, кажется, другими чернилами.*

никитича | истарова бермята васильевича тутъ и[х] | собралось пять сотъ
чл[о]вкъ ипоехали кчю|рилу пленковичю ибудутъ удвора ево встре|чаетъ
ихъ старои пленъ для князя икня|гини ѿворяетъ ворота вольящетыя
акнязе[м] | ибоярамъ хрусталныя простымъ людямъ | ворота оловянныя
инаехала ихъ полонъ | дворъ старои пленка сароженинъ приступи[л] |
кокнязю владимерȣ икокнягине апразевне | повелъ ихъ восветлы гридни
сажалъ заубра|ныя столы вместо почестное принималъ сажа[л] | князеи
ибояръ имогучихъ рȣскихъ богаты|реи втапоры были повары догадливыя
носили | ества сахарныя ипитья медяныя апитья | все заморския чемъбы
князя развеселить | веселыя беседа нарадости день князь сокнягинею |
веселъ сидитъ посмотрилъ вокошечко кося|щетое иувиделъ вполе толпу
людеи говори[л] | таково слово погрехамъ надомною княземъ | учинилося
князя меня вдоме неслучилася | едетъ комне король изорды или какои
гро|зенъ посолъ старои пленка сороженинъ | лишъ толко усмехаетца
самъ подчивае[т] | изволь ты асударь владимеръ князь со|княгинею исо-
всеми своими князи ибояры | кушати чтоде едетъ некороль изорды ине|-
грозенъ посол едетъде дружина хоробрая | сына моего молода чюрила
л. 32 сына пленковича || акакъ онъ асударь будетъ предтобоюжъ | будетъ бу-
детъ пиръ вополу пире будетъ | столъ вополу столе пьютъ оне едятъ
поте|шаютца все уже оне безпамяти сидятъ | аинадворе день вечеряетца
красное солнушка | закотаетца толпа вполе збираетца есть | молодцовъ
ихъ запять сотъ есть идоты|сячи едетъ чюрила кодвору своему передни[м] |
несутъ подсолнучникъ чтобъ незапекла | солнца бела ево лица иприехалъ
чюрила | кодворȣ своему перво ево скороходъ прибе|жалъ заглянулъ
скороходъ наширокои дворъ | аинекуды чюриле надворъ ехати истоятъ |
сосвоимъ промысломъ поехали оне насвои | околнои дворъ тамъ оне ста-
новилися исо|всемъ убиралися втапоры чюрила догадливъ | былъ беретъ
золоты ключи пошолъ вопо|двалы глубокия взялъ золоту казну сорокъ |
сороковъ черныхъ соболеи другȣю сорокъ | печерскихъ лисицъ ибралже
камку белохрȣщету | ацена камкѣ сто тысячеи принесъ онъ | кокнязю
владимеру клалъ переднимъ наубранпои | столъ втапоры владимеръ
князь столнои ки|евскои болно сокнягинею возрадовалися гово|рилъ ему
таково слово гои еси ты чюрила | пленковичь неподобаетъ тебѣ вдеревне
жи[т] | подобаетъ тебе чюриле вкиеве жить князю | служить втапоры
чюрила князя владимера | неослушался приказалъ тотъ часъ коня осе-
дла[т] | ипоехали оне все втотъ столнои киевъ градъ | коласкову князю
владимеру вдобромъ здоровье | ихъ богъ перенесъ аибудетъ надворе
княже|нецкиемъ скочили оне содобрыхъ конѣи | пошли восветлицы
гридни садилися заубраныя | столы посылаетъ владимеръ столнои киев-
скои | молода чюрила пленковича князеи ибояр | звать вгости ксебе
азватова приказалъ | брать совсякова подесяти рублевъ обходилъ | онъ
л. 32 об. чюрила князеи ибояръ исобралъ кокнязю || напочестнои пиръ аизаидетъ
онъ чюрила | пленковичь вдомъ костарому бермяте василь|евичю коево
молодои женѣ ктои катерине | прекраснои итутъ онъ позамешкался
ажидае[т] | ево владимеръ князь что долго замешкался | имало время
поизоидучи пришолъ чюрила | пленковичь втапоры владимеръ князь

невочто | положилъ чюрила пришолъ истолъ пошолъ | стали пити ясти прохложатися все князи | ибояры допьяна напивалися для новаго | столника чюрила пленковича все оне напива|лися [6] идомои разьезжалися поутрꙋ рано ране|шонко рано зазвонили козаутрени князи ибо|яра пошли кзаутрени втотъ день выпа|дала пороха снегу белова инашли оне свежеи | следъ сами оне дивуютца либо заика скака[л] | либо белъ горносталь аиныя тутъ усмеха|ютца сами говорятъ знать ето незаико | скокалъ небелъ горносталь это шолъ чюрила | пленковичь кстарому [7] бермяке васильевичю | къево молодои жене катерине прекрасныя,

ВАСИЛЕИ БУСЛАЕВЪ МОЛИТЦА ЕЗДИЛЪ

Подславнымъ великимъ новымъ городомъ | пославному озерꙋ поилменю плаваетъ попла|ваетъ серъ селезень какъбы ярои [1] гоголь | поныриваетъ аплаваетъ поплаваетъ че|рвленъ карабль какъбы молода василья | буславьевича аимолода василья соево дрꙋ|жиною хоробраю тритцать удалыхъ моло|дцовъ костя никитинъ корму держитъ мали|нкои потаня наносу стоитъ авасилѣетъ по|караблю похаживаетъ таковы слова || л. 33
поговариваетъ светъ моя дрꙋжина хоробрая | тритцать удалыхъ добрыхъ молодцовъ | ставте карабль поперекъ їльменя приставаите | молодцы конову городу аитычками кберегу | притыкалися сходни бросали накрутои бережокъ | походилъ ту[т] василеи косвоему онъ двору | дворянскомꙋ изанимъ идутъ дружинушка | хоробрая толко караулы оставили приходитъ | василеи буслаевичь косвоему дворꙋ дворянском[у] | косвоеи сударыне матушке матерои вдове | амелфе тимофѣевне какъ вьюнъ около ея | убиваетца проситъ благословение великое | асветъ ты моя сударыня матушка матера | вдова амелфа тимофѣевна даи мне благосло|вение великое и[т]ти мнѣ василью [2] вьерусали[м] | градъ сосвоею дрꙋжиною хоробраю мнѣка | г[с]ду помолитися святои святыни приложитися | воердане реке искупатися что взговоритъ ма|тера вдова матера амелфа тимофѣевна | гои еси ты мое чадо милая молоды василеи | буслаевичь то коли ты поидешъ надобрыя | дела тебѣ дамъ бласловение великое токоли | ты дитя

---

[6] ли *написано по подскобленному.*
[7] ро *написано по подскобленному.*

[1] р *и* и *написано по подскобленному.*
[2] ю *сделано из какой-то другой буквы.*

нарозбои поидешъ инедамъ бласловение | великова аиненоси василья сыра земля камень | ѿгня разгораетца абулатъ ѿжарȣ растопля|етца материна серце распусъщается идае[т] | она много свинцу пороху идаетъ василью | запасы хлебныя идаетъ оружье долгоме|рное побереги ты василеи буину голову свою | скоро молодцы собираютца исматерои | вдовои прощаютца походили оне начервленъ | карабль подымали тонки парусы полотняныя | побежали поозеру [3] илменю бегутъ оне ужъ | сутки[з]другия абегутъ уже неделю другую | встречю имъ гости карабелщики здравствуи | василеи буслаевичь куда молодецъ поизвольи[л] | погулять ѿве-
л. 33 об. чаетъ василеи буслаевичь || гои еси вы гости карабелщики амоета веть | гулянье неохотное смолода бита много гра|блена подстарость надо душа спасти аска|жите вы молодцы мне прямова путя косвя|тому граду иерȣсалиму ѿвечаютъ ему гости | карабелщики аи гои еси василеи буслаевичь | прямымъ путемъ въерусалимъ градъ | бежать семь н҃едель аоколнои дорогои по|лтора года наславномъ море каспицкие[м] | натомъ острову накуминскиемъ стоитъ | застава крепкая стоятъ атаманы | казачия немного немало ихъ три тысячи | грабятъ [бусы][4] галеры разбиваютъ червлены | карабли говоритъ тутъ василеи буслаевичь | аневерую я васюпка нивсонъ нивчохъ | аиверую всвои червленои вязъ абеги катя | ребята вы прямымъ путемъ изавиделъ | василеи гору высокую приставалъ скоро кокруту | берегу походилъ су василеи сынъ буслаевичь | натули горȣ сорочинскȣю азанимъ летятъ | дрȣжина хоробрая будетъ василеи вполȣ | горе тутъ лежитъ пуста голова пуста голова | человечья кость пнулъ василеи тое голову | здороги прочь провещитца пуста голова | человеческая гои еси ты василеи буславьевичь | ты кчему меня голову побрасоваешъ я мо|лодецъ нехуже тебя былъ умею я моло|децъ волятися анатои горе сорочинския | где лежитъ пуста голова пуста голова | молодецкая илежать будетъ голове ва|сильевои плюнулъ василеи прочь пошолъ | али голова втебѣ врагъ говоритъ или | нечистои духъ пошолъ нагорȣ высокую | насамои сопки тутъ камень стоитъ | ввышину три сажени печатныя аичерезъ | ево толка топоръ подать вдалину три | аршина
л. 34 счетвертью ивтомта подпись || подписана ахтоде станетъ укаменя те|шитца аитешитца забавлятися вдоль | скокать покаменю сломить будетъ буину | голову василеи тому неверуетъ приходилъ | содружиною хороброю стали молодцы заба|влятися поперекъ тово каменю поскаки|вати авдолта ево несмеютъ скакать | пошли согоры сорочинския сходятъ оне | начервленъ карабль подымали тонки | парусы полотняны побежали поморю ка|спицкому нату назаставу карабелную | гдета стоятъ казаки разбойники астары | атаманы казачия напристани ихъ стоя[т] | сто человекъ аимолоды василеи наприста[н] | стань сходни бросали накрутъ бережокъ | искочилта буслаи накрутъ бережокъ че|рвленымъ вязомъ попираетца тутъ | караульшики удалы добры молодцы все | накарауле испужалися много ево недожида|ютца побежали спристани карабелныя | ктемъ ата-

[3] озе *написано по подскобленному.*
[4] *Слово* бусы *написано другими чернилами.*

манамъ казачиямъ атаманы | сидятъ недивуютца сами говорятъ та|ково
слово стоимъ мы наострову тритца^{т} | летъ невидали страху великова
этоде | идетъ василеи буславьевичь знатьде поле|тка соколиная видетьде
поступка моло|децкая пошахалта василеи содружиною | где стоятъ
атаманы казачия пришли оне | стали воединои крȣгъ тутъ василеи имъ
покло|няетца самъ говоритъ таково слова [5] вздра|вствуите атаманы ка-
зачия аскажите вымне [6] | прямова путя косвятому граду иерȣсалиму |
говорятъ атаманы казачия гои еси василеи | буслаевичь мл^{с}ти тебѣ
просимъ заединои | столъ хлеба кушати втапоры василеи | неослушался
садился сними заединои сто^{л} | наливали ему чарȣ зелена вина вполтара || л.
ведра принимаетъ василеи единои рȣкои ивы|пилъ чарȣ единымъ духомъ 34 об.
итолко атаманы | тому дивуютца асами немогутъ ипополу | ведру пить
ихлеба ссолью ѿкушали збираетца | василеи буслаевичь насвои червленъ
карабль | даютъ ему атаманы казачия подарки свои | первую мису чиста
серебра идрȣгую красна | золота третью скатнова земчюга зато | василеи
благодаритъ икланѣетца проситъ уни^{х} | доерȣсалима провожатова тутъ
атаманы | василью не^{т}оказовали дали ему молодца | провожатова исами
снимъ прощалися | собрался василеи насвои червленъ корабль | сосвоею
дрȣжиною хоробраю подымали конки | парȣсы полотняныя побежали
поморю каспицком^{у} | будȣтъ оне воердань рекѣ бросали якори | крепкия
сходни бросали накрȣтъ бережокъ | походилъ тутъ василеи буслаевичь
сосвоею | дрȣжиною хороброю въерȣсалимъ градъ пришо^{л} | воцерквȣ со-
борную слȣжилъ обедни заздравие | матушки изасебя василья буславье-
вича | иобедню спонафидою слȣжилъ породимомъ | своемъ батюшке ипо-
всему роду своему на | дрȣгои день слȣжилъ обедни смолебнами | проуда-
лыхъ добрыхъ молодцовъ что смолоду | бито много граблено икосвятои
святыни | приложился онъ ивьердане реке искȣпался ирасплатїлся [7] |
василеи спопами исъдьяконами икоторыя | старцы прицеркви живутъ
даетъ золотои | казны несчитаючи иходитъ василеи ко|дрȣжине изъе-
рȣсалима насвои червленъ | карабль втапоры ево дрȣжина хоробрая |
купалися воердане рекѣ приходила книмъ | баба залесная говорила таково
слово | почто вы купаетесь воердань рекѣ анеком^{у} | купатися опричь
василья буславьевича | воердане реке крестился самъ г^{с}дь и^{с}съ || хри- л. 35
стосъ потерять ево вамъ будетъ болшова | атамана василья буславьевича
ионе говорятъ | таково слово нашъ василеи тому неверȣетъ нивсо^{н} |
нивчохъ имало время поизоидучи пришолъ | василеи кодрȣжине своеи
приказалъ выводить | карабль изусья ердань реки поднели тонки [8] |
парȣсы полотняны побежали поморю каспицкому | приставали уострова
куминскова приходили тутъ | атаманы казачия истоятъ все напристани |
карабелныя аивыскочилъ василеи буслаевичь | изсвоего червленаго ка-

[5] а *или* о *написано в оригинале — нельзя разобрать.*
[6] аскажите вымне *написано по подскобленному.*
[7] ирасплатїлся *приписано другими чернилами и, кажется, другим почерком.*
[8] ки *написано по подскобленному.*

рабля поклонились [9] | ему атаманы казачия здравствуи василеи | буслаевичь здороволи съездилъ въерȣсалимъ | градъ много василеи небаитъ сними подалъ | писмо врȣку имъ что много трȣдовъ заихъ | положилъ слȣжилъ обедни смолебнами заихъ | молодцов втапоры атаманы казачия звали | василья обедати [10] ионъ непошолъ книмъ прощался | совсеми теми атаманы казачими подымали | тонки парȣсы полотняныя побежали поморю | каспицкомȣ кнову городу аиедутъ неделю | спорядупаиедутъ уже дрȣгую изавиделъ василеи | горȣ высокую сорочинскȣю захотелось василью | нагоре побывать приставали ктои сорочинскои | горе сходни бросали нату гору пошолъ василеи | содружиною ибудетъ онъ вполгоры инапути лежитъ пуста | голова человечья кость пнулъ василеи тое голову здороги прочь | провещитца пуста голова гои еси ты василеи буслаевичь кчему | меня голову попиноваешъ икчему побрасоваешъ я молодецъ | нехуже тебя былъ [11] даумею валятися натои горе сорочинские | где лежитъ пуста голова лежать будетъ ивасильевои голове | плюнулъ василеи прочь пошелъ взашелъ нагору высокую | нату гору сорочинскую где стоитъ высокои камень ввышину | три сажени печатныя ачерезъ ево толко топором [12] подать | вдолину три аршина счетвертью ивтомта подпись по|дписана ахтоде укаменя станетъ тешитца аитешитца | забавля-

л. 35 об. тися вдоль скакать покаменю сломить будетъ || буину голову василеи тому неверуетъ сталъ содружиною | тешитца изабавлятися попорекъ каменю поскаковати | захотелось василью вдоль скакать разбежался скочилъ | вдоль покаменю инедоскочилъ толко четверти итутъ | убился подкаменемъ гдележитъ пуста голова тамъ | василья схоронили побежали дружина стои сорочинскои | горы насвои червленъ карабль подымали тонки парусы | полотняныя побежали конову городу ибудутъ унова | города бросали сносу якорь искормы другои чтобы крепко | стоялъ инешатался онъ пошли кматерои вдове камелфе | тимофѣевне пришли ипоклонилися все писмо вруки подали | прочитала писмо матера вдова сама [13] заплакала говорила | таковы слова гои вы еси удалы добры молодцы уменя | ныне вамъ делать нечево подите вподвалы глубокия | берите золотои казны несчитаючи повела ихъ девушка, | чернавушка ктемъ подваламъ глубокиямъ брали | оне казны помалу числу пришли оне кматерои вдове | взговорили таковы слова спасиба матушка амелфа | тимофевна что поила кормила обувала иодевала | добрыхъ молодцовъ втапоры матера вдова амелфа | тимофѣевна приказала наливать почаре зелена | вина подноситъ девушка чернавушка темъ удалым | добрымъ молодцамъ аивыпили оне сами покло|нилися ипошли добры молодцы кому куды | захотелося,

---

[9] ь *сделано из* ъ.

[10] и *написано по подскобленному.*

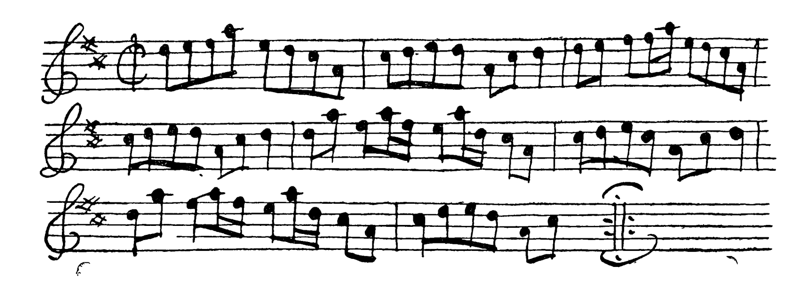
[11] *В оригинале между* былъ *и* даумею *находится знак* ꟳ.

[12] *Сначала было написано* топоръ.

[13] *Сначала вместо* с *было написано* з.

АЛЕША ПОПОВИЧ

л. 36



Изславнова ростова красна города какъ два ясныя соколы | вылетывали выезжали два могучия богатыри что по|именю алешинка попович младъ асомолодомъ екимомъ | ївановичемъ оне ездятъ богатыри плеча оплечо стремяно | встремяно богатырское оне ездили гуляли почисту полю | ничего оне [1] вчистомъ поли ненаезживали невидали птицы | перелетныя невидали оне зверя пр̆ыскучева толко вчистомъ | поле наехали лежитъ три дороги широкия промежу техъ | дорогъ лежитъ горюч камень анакаменю подпись подписана | взговоритъ алеша попович младъ аиты братецъ екимъ | ївановичь вграмоте поученои чл^о^вкъ посмотри накаменю | подписи что накаменю подписано искочилъ екимъ содобра | коня посмотрилъ накаменю подписи росписаны дороги | широкия первая дорога вомуромъ лежитъ другая дорога | вчерниговъ градъ третья когороду кокиеву коласкову князю | владимеру говорилъ тутъ екимъ иванович аибратецъ | алеша попович младъ которои дорогои изволишъ ехать | говорилъ ему алеша попович младъ лутче намъ ехать | когороду кокиеву коласкову князю [2] владимеру втапоры | поворотили добрыхъ конеи ипоехали оне когороду кокиеву | недоехавши оне досафатъ реки становились налугахъ | назеленыехъ надо алеши покормить добрыхъ конеи | раставили тутъ два бела шетра что изволилъ алеша | опочївъ [3] держать аимало время позамешкавши | молоды екимъ содобры кони стреножемши взеленъ | лугъ пустилъ самъ ложился всвои шатеръ опочивъ || держать прошла та ночь осенѣя отосна алеша пробу|жаетца встаетъ рано ранешонко утренѣи зарею умы|ваетца белаю ширинкаю утираетца навостокъ онъ | алеша богу молитца молоды екимъ сынъ иванович | скоро сходилъ подобрыхъ конеи асводилъ онъ поить | насафетъ нареку иприказалъ ему алеша скоро седлать | добрыхъ конеи аседлавши онъ екимъ добрыхъ конеи | нарежаютца оне ехать когороду кокиеву пришолъ тутъ | книмъ калика перехожеи лапатки нанемъ семи шелко^в^ | подковырены чистымъ серебромъ личико унизано красны^м^ | золотомъ

л. 36 об.

---

[1] о *сделано другими чернилами, кажется, из* е.
[2] ю *написано по подскобленному.*
[3] опочївъ *написано по подскобленному.*

шуба соболиная долгополая шляпа сорочинская | земли греческои втритцать пудъ шелепуга подорожная | впятдесятъ пудъ налита свинцу чебурацкова говорилъ | таково слово гои вы еси удалы добры молодцы виделъ | я тугарина змѣевича ввышинули онъ тугаринъ трехъ | саженъ промежъ плечеи косая сажень промежу гласъ калена стрела | конь поднимъ какъ лютои зверь јизъхаилиша пламень | пышетъ изушеи дымъ столбомъ стоитъ привезался | алеша попович младъ аиты братецъ калика перехо|жея даи мне платье каличѣе возми мое богатырское | лапатки свои семи шелковъ, подковырены чистымъ | серебромъ, личико унизано краснымъ золотомъ, шубу | свою соболиную долгополую, шляпу сорочинскую земли | греческои, втритцать [4] пудъ шелепугу подорожную, впя|тдесятъ пудъ налита свинцу чебурацкова, даетъ | свое платье калика алеши поповичу неотказываючи | анасебе надевалъ то платье богатырское, скоро | алеша каликою нарежаетца ивзялъ шелепугу [5] до|рожную котора была впятдесятъ пудъ ивзялъ | взапасъ чингалиша булатное пошолъ засафатъ реку | завиделъ тутъ тугаринъ змѣевичь младъ заревелъ | зычнымъ голосомъ подрогнула дубровушка зеленая | алеша поповичь едва живъ идетъ говорилъ тутъ | тугаринъ змѣевичь младъ гои еси калика

л. 37 перехожея || агде ты слыхалъ игде видалъ промолода алешу попо|вича аиябы алешу копьемъ закололъ копьемъ заколо^л | иогнемъ спалилъ говорилъ тутъ алеша каликаю аиты | ои еси тугаринъ змеевичь младъ поезжаи поближе | комне неслышу я что ты говоришъ иподъезжалъ | кнему тугаринъ змѣевичь младъ сверстался алеша | поповичь младъ противъ тугарина змѣевича хлеснулъ | ево шелепугою побуинои голове розшибъ ему буину | голову иупалъ тугаринъ насыру землю скочилъ ему алеша | начерну грудь втапоры взмолитца тугаринъ змѣевичь | младъ гои еси ты калика перехожѣя [6] нетыли алеша | поповичь младъ токоты алеша поповичь младъ семъ | побрату^емся [7] стобои втапоры алеша врагу неверовалъ | (т)орезалъ ему голову прочь платья снего снималъ цве|тное насто тысячеи ивсе платья насебе надевалъ | садился наево добра коня ипоехалъ ксвоимъ белымъ шатра^м | втапоры увидели екимъ ивановичь икалика перехожея | испужалися ево сели надобрыхъ конеи побежали когороду | ростову ипостигаетъ ихъ алеша поповичь младъ обве|рнетца екимъ ивановичь онъ выдергивалъ палицу | баевую втритцать пудъ бросилъ назадъ себе пока|залося ему что тугаринъ змѣевичь младъ иугодилъ | вгруди белыя алеши поповича сшибъ изседелечка черке|скова иупалъ онъ насыру землю втапоры екимъ ива|новичь скочилъ содобра [8] коня селъ нагруди ему хочетъ | пороть груди белыя иувиделъ нанемъ золотъ чюденъ | крестъ самъ заплакалъ говорилъ калики перехожем^у | погрехамъ надомною екимомъ учинилося что убихъ | своего

---

[4] в *приписано другими чернилами.*
[5] *Между* шелепугу *и* дорожную *одна или две буквы выскоблены.*
[6] я *сделано, кажется, из* е.
[7] *Сначала было написано, кажется,* побратимся.
[8] д *сделано из* б.

братца родимова истали ево оба трести | икачать ипотомъ подали ему питья заморскова | ѿтого онъ здравъ сталъ стали оне говорити имежду | собою платьемъ меняти калика свое [9] платье | надевалъ каличье аолеша свое богатырское || атугарина змѣевича платье цветное клали вчебоданъ | л. 37 об.
ксебе сели оне надобрыхъ конѣи ипоехали все когороду | кокиеву коласкову князю владимеру аибудутъ оне вго|роде киеве накняженецкомъ дворе скочили содобрыхъ | конѣи привезали кдубовымъ столбамъ пошли восветлы | гридни молятся спасову образу ибьютчеломъ покланяютца | князю владимеру икнягине апраѯевне, инавсе четыре | стороны говорилъ имъ ласковои владимеръ князь гои вы еси, | добры молодцы скажитеся какъ васъ поимeню зовутъ | апоимeню вамъ мочно место дать поизочеству можно | пожаловати говоритъ тутъ алеша поповичь младъ | меня асударь зовутъ алешою поповичемъ изгорода ростова | старова попа соборнова втапоры владимеръ князь обра|довался говорилъ таковы слова гои еси алеша поповичь | младъ поѡтечеству садися вболшое место впереднеи уго^ло^къ [10] | вдругое место богатырское вдубову скомью противъ меня | втретье место куда самъ захошъ несадился алеша вместо | болшее инесадился вдубову скомью селъ онъ сосвоими това|рыщи наполатнои брусъ мало время позамешкавши несутъ | тугарина змеевича натои доске красна золота двенатцать | могучихъ богатыреи сажали вместо болшое иподле ево | сидела княгиня апраѯевна тутъ повары были догадливы | понесли ества сахарные ипитья медяныя апитья | все заморския стали тутъ пить есть прохложатися | атугарин змѣевичь нечестно хлеба естъ поцелои |ковриге защеку мечитъ те ковриги монастырския ине|честно тугаринъ питья пьетъ поцелои чаше охлестовае^т^ | котора чаша вполтретья ведра иговорилъ втапоры | алеша поповичь младъ гои еси ты ласковои сударь | владимеръ князь что утебя заболванъ пришолъ что | задуракъ неотесонои нечестно укнязя застоломъ | сидитъ кокнягине [11] онъ собака руки впазуху кладетъ | целуетъ воуста сахарныя [12] тебе князю насмехаетца || аумоево л. 38
сударя батюшка была сабачи^ш^ша старая насилу | поподстолью таскалася икостьюта сабака подавилася | взялъ ее захвостъ подгору махнулъ ^т^оменя тугарину | тоже будетъ тугаринъ почернелъ какъ осеньня [13] ночь алеша | поповичь сталъ какъ светелъ м^с^цъ иопять втапоры | повары были догадливы носятъ ества сахарныя ипринесли | лебедушку белую иту рушала княгиня лебедь белую обрезала | рученку левую завернула рукавцомъ подстолъ опустила | говорила таково слово гои вы еси княгини боярыни либо | мне резать лебедь белова либо смотреть намилъ живо^т^ | намолода тугарина змѣевича онъ взявши тугаринъ | лебедь белую всю вдругъ проглатилъ еще тутже | ковригу монастырскую говоритъ алеша наполатномъ | брусу гои еси ласковои асударь владимеръ князь что | утебѣ заболванъ сидитъ что задуракъ неотесоной | нечестно застоломъ

---

[9] с *сделано из* е.

[10] *Сначала было написано* уголъ; *затем* л *переделано в* к *и надписано* ло.

[11] *Второе* к *сделано из какой-то другой буквы.*

[12] *Сначала вместо* с *было написано* х.

[13] *Буквы* ьн *сделаны из какой-то другой буквы, кажется, из* я.

сидитъ нечестно хлеба ссолью естъ | поцелои ковриге защеку мечитъ
ицелу лебедушку | вдругъ проглотилъ умоево[14] сударя ѿбатюшка федора | попа ростовскаго была корови[ш]ша старая насилу подвору | таскалася забилася наповарню кповарамъ выпила | чанъ браги пресныя ѿтого
она лопнула взялъ захвостъ[15] | подгору махнулъ ѿменя тугарину тоже
будетъ туга|ринъ потемнелъ какъ осеньня ночь выдернулъ чинга|ли[ш]ша
булатное бросилъ валешу поповича алеша | натото вертокъ былъ немогъ
тугаринъ попасть | внего подхватилъ чингалиша екимъ ивановичь |
говорилъ алеши поповичу самли ты бросаешъ въево | али мне велишь
нетъ я самъ небросаю итебе | невелю заутра снимъ переведаюсь бьюсь я
| снимъ овеликъ закладъ неосте рубляхъ неотысячи | абьюсь
освоеи буинои голове втапоры князи | ибояра скочили нарезвы
ноги ивсе затугарина | поруки держатъ князи кладутъ посту рублевъ ||
л. 38 об. бояра попятидесятъ крестьяна попяти рублевъ | тутже случилися гости
купеческия три карабля | свои подписаваютъ подъ тугарина змѣевича
всяки | тавары заморския которы стоятъ набыстромъ | непре азоалешу
подписавалъ владыка черниговской | втапоры тугарин звился ивонъ
ушолъ садился | насвоего добра коня поднялся набумажныхъ кры|льехъ
поднебесью летать скочила княгиня апраξе|вна нарезвы ноги стала пенять
алеши поповичю | деревеншина ты заселшина недалъ посидеть | другу
милому втапоры тово алеша неслушался | звился стоварыши ивонъ
пошолъ садилися надо|бры кони поехали косафатъ реке поставили | белы
шатры стали опочивъ держать конѣи | опустили взелены луга тутъ алеша
всю ночь | неспалъ молился богу сослезами[16] создаи боже тучю | грозную
аитучи то зградомъ дождя алешины мо|литвы доходны кохристу даетъ
господь богъ тучю | зградомъ дождя замочила тугарина[17] крылья | бумажныя падаетъ тугаринъ какъ сабака | насыру землю приходилъ екимъ
ивановичь сказа[л], | алеши поповичю что виделъ тугарина насырои |
земле искоро алеша нарежаетца садился надобра | коня взялъ одну
сабелку вострую ипоехалъ кту|гарину змѣевичю иувиделъ тугаринъ
змеевичь | алешу поповича заревелъ зычнымъ голосомъ | гои еси ты алеша
поповичь младъ хошли | я тебе огнемъ спалю хошли алеша конемъ |
стопчу али тебѣ алешу копьемъ заколю | говорилъ ему алеша поповичь
младъ | гои ты еси тугаринъ змѣевичь младъ бился | ты сомнною овеликъ
л. 39 закладъ битца дратца || единъ наединъ азатобою ноне силы сметы нетъ
наменя | алешу поповича оглянетца тугаринъ назадъ себя, втапоры |
алеша подъскочилъ ему голову срубилъ ипала глава насы[ру] | землю
какъ пивнои котелъ алеша скочилъ содобра | коня ѿвезалъ чембуръ
ѿдобра коня ипрококолоъ уши уголовы | тугарина змѣевича ипривезалъ
кдобру коню ипривезъ вкиевъ | накняженецкои дворъ бросилъ середи
двора княженецкова | иувиделъ алешу владимеръ князь повелъ восветлы
гридни | сажалъ заубраны столы тутъ для алеши истолъ пошелъ | сколко

[14] о *или* а *последняя буква в оригинале — нельзя разобрать.*
[15] ъ *сделано из* ь.
[16] и *сделано из* ъ.
[17] р *сделано из какой-то другой буквы.*

время покушавши говорилъ владимеръ князь | гои еси алеша попович младъ часъ ты мне светъ далъ | пожалуи ты живи вкиеве служи мне князю владимеру | долюби тебѣ пожалую втапоры алеша попович младъ | князя неослушался сталъ служить верою иправдою: акнягиня | говорила алеши поповичю деревеншина ты заселшина разлу|чилъ меня здругомъ милымъ смолодымъ змѣемъ | тугаретинымъ о^{т}вечаетъ алеша попович младъ аты | гои еси матушка [18] княгиня апраѯевна чють неназвалъ | я тебѣ сукою сукоюту волочаикаю то старина то | јдѣянье,

ДОБРЫНЯ ЧЮТЬ ПОКОРИЛЪ

Встолномъ городе вкиеве что уласкова сударь | князя владимера было пирование почестнои пиръ | было столование почестнои столъ намногие князи | ибояра инаруския могучия богатыри аибудетъ | день вполовина дня ибудетъ столъ вополу столе || владимеръ князь распоте- л. 39 об.
шил’ся посвѣт’лои | гридни похаживаетъ черны кудри расчесоваетъ [1] |таковы слова поговариваетъ естьли вкиеве тако^{в} | человекъ јзъси^{л}ныхъ могучихъ богатыреи ахтобы | сослужи^{л} службу да^{л}ную аидальну службу заочную | ктобы съезди^{л} ворды немирныя иочисти^{л} дороги | прямоезжия домоево тестя любимова догро^{з}на | короля эт’мануила этмануиловича выруби^{л} | чуть белоглазую прекротилъ сорочину до^{л}гополую | аитехъ черкасъ петигорскиехъ итехъ ка^{л}мыко^{в} | статарами чюкши всебы иалюторы втапоры | большои заменшева хоронитца ао^{т}меншева | ему князю отъвету нетъ истово было стола | княженецкова истои скамьи богатырские выступаетца | удалъ доброи молодецъ молоды добрыня никитичь | младъ гои еси сударь ты мои дядюшка ласково сонцо | владимеръ князь нетъ утебе вкиеве охотниковъ | быть передкняземъ неволникомъ я сослужу службу | далную службу далную заочную съезжу я ворды немирныя | очищу дороги прямоезжия дотвоего тестя любимова | догрозна короля этмануила этмануиловича аивы|рублю чють белоглазую прекрочю сорочину долгополую | аитехъ черкасъ петигорскиехъ итехъ колмыковъ | статарами чюкши все иалюторы втапоры владимеръ | князь приказалъ наливать чару зелена вина | вполтора ведра итуреи рогъ меду слаткова |

---

[18] *Вместо первого* а *было написано сначала, кажется,* у; ш *написано по подскобленному*

[1] *Сначала вместо* р *было написано* с.

впоптретья ведра подавали добрыни никитичу прини |маетъ онъ добрыня
единои рукои выпиваетъ моло|децъ единымъ духомъ итуреи рогъ меду
сладкова | ипошелъ онъ добрыня никитичь младъ скняженецкова | двора
косвоеи сударыни матушки проситъ благословенїе | великое благослови
менѣ матушка матера вдова | афимья алеѯандровна ехать вдалны орды
л. 40 немирныя | даи мне благословлѣние нашесть летъ еще взапасъ || надве-
натцать летъ говорила ему матушка наково | покидаешъ молоду жену
молоду настасью никулишну | зачемже ты дитетка ибралъ засебе что
непрошли | твои дни свадбенные неуспелъ ты ѿпразновати | радости своеи
дапередкняземъ рас^{х}вастался [2] впоходъ | итить говорилъ еи добрынюшка
никитьевичь [3] аты | гои еси моя сударыня матушка честна вдова афїмья |
але ѯандровна чтоже мне делать икакже быть ĵсче|воже насъ богатыреи
князю ижаловати идаетъ ему | матушка свое благословение великое
нате годы уре|ченныя прощаетца добрыня никитичь младъ смолодои | же-
нои сдушои настасьеи никулишнои самъ молодои | жене наказываетъ
жди менѣ настасья [4] шесть | летъ аестлибо недождесся вшесть летъ то жди
менѣ | вдвенатцать летъ коли проидетъ двенатцать летъ | хоть закнязя
поди хоть забоярина [5] неходи толко | забрата названова замолода алешу
поповича ипоеха^{л} | добрыня никитичь младъ вславныя орды немирныя |
аиездитъ добрыня неделю внихъ втехъ ордахъ неми|рныехъ аиездитъ уже
другую рубитъ чють белогла|зую итое сорочину долгополую аитехъ чер-
касъ петиго|рскиехъ аитехъ калмыкъ статарами ичюкши все | иалюторы
всякимъ языкомъ спуску нетъ очистилъ | дорогу прямоезжую доевота
тестя любимова догро|знова короля этмануила этмануиловича авта-
поры | настасьи шесть летъ прошло инемало время за|мешкавши [6] прошло
еи никулишне все сполна двена|тцать летъ анехто уже нанастасьи несва-
таетца | посватался владимеръ князь столнои киевскои | азамолода але-
шунку поповича аскоро эта свадба | учинилася искоро ту свадбу ковенцу
повезли втапоры | добрыня едѣтъ вкиевъ градъ старыя люди пере|говари-
ваютъ знатьде полетка соколиная видеть | ипоеска молодецкая что быть
л. 40 об. добрыни никитичу || ĵпроехалъ молодецъ навдовеи дворъ приехалъ кнеи |
середи двора скочилъ добрыня содобра коня привезалъ | кдубову столбу
котому колцу булатному матушка | ево старехунка некому добрынюшку
встретити | походилъ добрыня восветлу гридню онъ спасову образу |
молитца матушке своеи кланѣетца аты здра|вствуи сударыня матушка
матера вдова афимья | але ѯандровна вдомели женишка моя втапоры |
ево матушка заплакала говорила таковы слова | гои еси мое чадо милая
атвояли жена зумушъ пошла | замолода алешу поповича ныне оне увенца
стоятъ | ипоходитъ [7] онъ добрыня никитичь младъ ковели|кому князю

---

[2] *Сначала вместо* в *было написано* х; *затем это* х *переделано на* в *и* х *надписано над строкой.*

[3] *Первое* ъ *сделано из* е.

[4] нас *сделано из каких-то других букв.*

[5] *В оригинале после слова* забоярина *две запятые, одна над другой.*

[6] *Перед* замешкавши *выскоблено, по-видимому, не более двух букв, и* т *написано по подскобленному.*

появитися втапоры владимеръ князь | стою свадбою приехалъ ѿцеркви насвои княженецкои | дворъ пошли восветлы гридни садилися заубраныя | столы приходилже тутъ добрыня никитичь млад | онъ молитца спасову образу кланѣетца князю | владимеру икнягине апраѯевне навсе четыре стороны | здравствуи ты асударь владимеръ князь содушою | княгинею апраѯевною сослужилъ я добрыня тебѣ | князю службу заочную съездилъ вдалны орды | немирныя изделалъ дорогу прямоезжую дотвоего | тестя любимова догрознова короля этмануила | этмануиловича вырубилъ чють белоглазую пре|кротилъ сорочину долгополую итехъ черкасъ петиго|рскиехъ аитехъ калмыковъ статарами чюкши | все ialюторы втапоры зато князь похвалилъ [8] | ѵ̈сполать тебе доброи молодецъ что служишъ | князю верою иправдою говорилъ тутъ добрыня | никитичь младъ гои еси сударь мои дядюшка | ласково сонцо владимеръ князь недиво алеши || поповичу диво князю владимеру хочетъ ужива мужа | л. 41
жену отнять втапоры настасья засавалася хочетъ | прямо скочить избесчеститъ столы говорилъ добрыня | никитичь младъ аиты душка настасья никулишна | прямо нескачи небезчести столы будетъ пора кругомъ | обоидешъ взялъ заруку еѣ | ивывелъ изаубраныхъ | столовъ поклонился [9] князю владимеру даимолоду алеши | поповичю говорилъ таково слово гои еси мои названои | братъ алеша поповичь младъ здравствуи | женивши данескимъ спать /

МИХАИЛА КАЗАРИНОВЪ

Какъ издалеча было изгаличья, изволынца города | изгалечья, какъ есенъ соколъ вонъ вылетывалъ, какъбы | белои кречетъ вонъ, выпархивалъ, выезжалъ удача | доброи молодецъ, молоды михаила казаренинъ, аикакъ [1] конь | поднимъ какбы лютои зверь, онъ самъ наконе какъ есенъ | соколъ, крепки доспехи намогучихъ плечахъ, куякъ ипанцырь | чиста серебра, аколчюга нанемъ красна золота, акуяку | ипанцырю цена стоитъ насто тысячей, аколчюга нанем | красна золота, колчюги цена сорокъ тысячеи, шеломъ | набуинои голове замычетца, шелому цена три тысячи, |

---

[8] *Первое* л *написано по подскобленному.*
[9] лонил *написано по подскобленному.*

[1] аи *надписано, кажется, другим почерком.*

копье врукахъ марзамецкая, какъ свеча горитъ колевои | бедре, припоя-
сана сабля вострая, вдолину сабля сажень | печатная, вширину сабля
осми вершковъ, еще снимъ | тугои лукъ разрывчетой, ацена тому луку
л. 41 об. три тысячи, || потому цена лука три тысячи, полосы были булатныя |
ажилы слоны сохатныя, ирога красна золота, атити|вочка шелковая, бе-
лова шолку шимаханскова, иколчанъ | снимъ каленыхъ стрелъ, авокол-
чане было полтораста | стрелъ, всякая стрела попяти рублевъ, аконь
подни^{м} | какъ лютои зверь, цены коню сметы нетъ, почему | коню цены
сметы[2] нетъ, потому ему цены сметы нетъ, | зареку броду неспрашиваетъ,
онъ скачетъ конь зберегу | наберегъ, котора река шириною пятнатцать
верстъ, | аиедет[3] когороду киеву, что коласкову князю владимеру, |
чюдотворцомъ вкиеве молитися, ивладимеру князю | поклонитися, по-
служить верою иправдою, позаочью князю | неизменою, какъ ибудет
онъ вгороде киеве, середи двора | княженецкова, скочилъ казаренинъ
содобра коня, приве|залъ коня кдубову столбу, кдубову столбу хколцу
булатно^{у}м, | походилъ вогридню восветлую, ковеликому князю влади-
меру, | молился спасу сопречистою, поклонился князю сокнягинею, |
инавсе четыре стороны, говорилъ ему ласковои владимеръ | князь, гои
еси удача доброи молодецъ, ѿкуль приехалъ | ѿткуль тебе богъ принесъ,
еще какъ тебѣ молодца | именемъ зовутъ апоимену тебе можно место |
дать поизочеству можно пожаловати исказалъ | удалои доброи молодецъ
азовутъ менѣ михаилою | казаренинъ аказаренинъ душа петровичь младъ |
автапоры столнои владимеръ князь неимелъ усебя | столниковъ ичашни-
ковъ наливалъ самъ чару зелена | вина невелика мера вполтора ведра
ипроведоваетъ | могучева богатыря чтобы выпилъ чару зелена вина |
їтуреи рогъ меду сладкова вполтретья ведра | принимаетъ казаренинъ
единои рукои аивыпилъ | единымъ духомъ итуреи рогъ меду сладкова |
говорилъ ему ласковои владимеръ князь гои еси | ты молоды михаила
казаренинъ сослужи ты мне | службу заочную съезди коморю синему
л. 42 настреляи || гусеи белыхъ лебедеи перелетныхъ серыхъ малыхъ | утачакъ
комоему столу княженецкому долюби я молодца | пожалую молоды ми-
хаила казаренинъ великова князя | неослушался помолился богу самъ
ивонъ пошелъ исадился | онъ надобра коня ипоехалъ коморю синему что
натеплы | тихи заводи какъ ибудетъ уморя синева наево щаски | великия
привалила птица кберегу настрелялъ онъ гусеи | лебедеи перелетныхъ
серыхъ малыхъ утачакъ коево | столу княженецкому обвезалъ онъ своего
добра коня | помогучимъ плечамъ досырои земли ипоехалъ ѿморя |
ѿсинева костолному городу киеву коласкову князю вла|димеру наехалъ
вполе сыръ крековистои дубъ надубу | сидитъ тутъ черны воронъ сноги
наногу переступавае^{т} | онъ правилна перушка поправливаетъ аиноги
носъ | что огонь горятъ[4] аитутъ казаренину забеду стало | завеликую
досаду показалося онъ казаренинъ дивуетца | говорилъ таково слово

---

[2] цены сметы *написано по подскобленному.*
[3] *Первое* е *вписано.*
[4] я *сделано из какой-то другой буквы.*

сколко пополю я езживалъ | поево государевои вотчине такова чюда [5] ненаезживалъ | инаехалъ ныне черна ворона втапоры казаренинъ | вынималъ изналушна свои тугои лукъ исколчана | калену стрелу хочетъ застрелить черна ворона | аитугои лукъ свои потягиваетъ калену стрелу | поправливаетъ ипотянулъ свои тугои лукъ заухо | калену стрелу семи четвертеи изавыли рага утуга | лука заскрыпели полосы булатныя чють боло спустит | калену стрелу провещитца ему черны воронъ гои еси | ты удача доброи молодецъ нестреляи менѣ [6] ты черна | ворона моеи крови тебе непить будетъ моево | мяса неесть будетъ надомною [7] серце неизнѣсти | скажу я тебѣ добычю [8] богатырскȣю поезжаи нагору | высокою посмотри враздолья широкая иувидешъ | вполе три бела шатра истоитъ беседа дорогъ рыбеи | зубъ небеседе сидятъ три татарина какъбы || три сабаки наезники передними ходитъ красна | девица руская девица полоняночка молода марфа | петровична изато слово казаринъ спохватаетца | нестрелялъ надубу черна ворона поехалъ нагору высокую | смотрилъ раздолья широкия иувиделъ [9] вполе три | бела шатра стоитъ беседа дорогъ рыбеи зубъ | набеседе сидятъ три татарина три сабаки наезники л. 42 об.

передни̇м [10] | ходитъ красна девица руская девица полоняночка | молода марфа петровична вослезахъ неможетъ слово | молвити добре жалобна причитаючи озлочастная | моя буина голова горе горкая моя руса коса | авечеръ тебе матушка расчесовала расчесала [11] ма|тушка заплетала я сама девица знаю ведаю | росплетать будетъ моя руса коса тремъ татарам | наездникомъ оне тета речи татара договариваютъ | апервои татаринъ проговоритъ неплачь девица | душа красная нескорби девица лица белова азделу | татарину достанесся непродамъ тебѣ девицу дешево | ѿдамъ засына залюбимова замирнова сына | взолотои орде сотыя горы совысокия какъ есенъ | соколъ напущаетца насинемъ море нагуси [12] ӏлебели | вочистомъ поле напущаетца молоды‿михаила | казаренинъ аказаренинъ душа петровичь младъ | приправилъ онъ своего добра коня принастегивалъ | багатырскова ивруке копье морзамецкое первова | татарина копьемъ сколол другова сабаку коне | стопталъ третьева осыру землю скочилъ казаре|нинъ сдобра коня сохваталъ девицу забелы ручки | руску девицу полоняночку повелъ девицȣ вобелъ | шатеръ какъ чють здевицою ему грехъ творить | агрехъ творить снею блудъ блудить росплачетца [13] || красная девица анечесть твоя молодецкая бога|тырская неспросилъ недядины невотчины княженецкая | дочь ибоярская была я л. 43

---

[5] а *сделано из какой-то другой буквы.*
[6] менѣ *написано по подскобленному.*
[7] *Сначала переписчик вместо* м *написал, кажется,* в.
[8] *Сначала вместо* ч *было написано* л.
[9] ви *написано по подскобленному.*

[10] передни̇м *приписано как будто другим почерком.*
[11] ала *написано по подскобленному.*
[12] си *написано по подскобленному.*
[13] т *написано по подскобленному.*

дочи гостиная изволынца | города изгаличья молода марфа петровична изато | слово казаренинъ спохватаетца гои еси душа | красная девица молода марфа петровична аты | породу мне родна сестра иты какъ татарамъ | досталася ты какъ тремъ сабакамъ наездникамъ | говоритъ ему радная сестра я вечеръ гуляла взе|леномъ саду сосвоеи сударынею матушкою какъ | издалеча изчиста поля какъ черны вороны налетывали | набегали [14] тутъ три татарина наезники полонили | менѣ красну девицу повезли менѣ вочисто поле | ая такъ татарамъ досталася тремъ сабака[м] | наезникамъ молоды михаила казаренинъ соби|раетъ [15] вшатрахъ злата серебра онъ кладетъ | воте сумы переметныя переметныя сыромятныя | иберетъ беседу дорогъ рыбеи зубъ посадилъ девицу | надобра коня наруского богатырскова самъ | садился натотарскова какъбы двухъ конѣи вповоду | повелъ ипоехалъ кгороду киеву въезжаетъ встолно[и] | киевъ градъ аистолники приворотники доложили | князю владимеру что приехалъ михаила казаре|нинъ поколь михаила снялъ содобра коня свою | сестрицу родимую ипривезалъ четырехъ конѣи | кдубову столбу идут послы откнязя владимера | велятъ итить михаиле восветлу гридню приходи[л] | казаренинъ восветлу гридню сосвоею сестрицею | родимаю молитца
л. спасову образу кланѣетца князю | владимеру икнягине апраѯевне здрав-
43 об. ствуи ‖ ты ласковои сударь владимеръ князь содушею | княгинею апраѯевною куда ты менѣ послалъ | то сослужилъ настрелялъ гусеи белыхъ лебе|деи иперелетныхъ серыхъ малыхъ утачакъ | аисамъ вдобычи богатырския убилъ вполе | трехъ татариновъ трехъ сабакъ наезнико[в] | исестру родную унихъ выручилъ молоду марфу | петровичну владимеръ князь столнои киевскои | сталъ отомъ светелъ радошенъ наливалъ | чару зелена вина вполтора ведра итуреи | рогъ меду сладкова вполтретья ведра | подносилъ михаилу казарину принимаетъ | онъ михаила единои рукои ивыпилъ единымъ | духомъ втапоры пошли они наширокои дворъ | пошелъ князь исокнягинею смотрелъ ево | добрыхъ конеи добрыхъ коней татарскиехъ велелъ | тутъ князь содобра коня птицъ обрать | ивелелъ снимать сумы сыромятныя ѿносить | восветлы гридни беретъ беседу дорогъ рыбеи | зубъ аиконѣи поставить велелъ постоиламъ | своимъ говорилъ тутъ ласковои владимеръ князь | гои еси ты удача доброи молодецъ молоды михаила | казаренинъ аказаренинъ душа петровичь младъ | уменѣ есть триста жеребцовъ итри любимы | жеребца анетъ такова единова жеребца исполать | тебе добру молодцу что служишъ князю верою | иправдою:/

---

[14] *Первое* а *сделано из* е.
[15] тъ *написано по подскобленному.*

ПОТУКЪ МИХАИЛА ИВАНОВИЧЬ

Востолномъ городе вокиеве уласкова князя вла|димера было пирование почестнои пиръ натри братца | названыя светоруские могучие богатыри анапервова | братца названова светорускова могучева богатыря | напотока михаила ивановича надругова братца | названова намолода добрыню никитича натретьева | братца названова что намолода алешу поповича | что взговоритъ тутъ владимеръ князъ аиты|гои еси потокъ михаила ивановичь сослужи мне | службу заочную съезди ты коморю синему натеплыя | тихи заводи настреляи мне гусеи белыхъ лебедеи | перелетныхъ малыхъ утачакъ кмоему столу княжеенецкому долюби я молодца пожалую потокъ | михаила ивановичь непьетъ онъ молодецъ нипива | ивина богу помолясь самъ ивонъ пошолъ аскоро^де | садился надобра коня итолко ево увидели какъ | молодецъ заворота выехалъ вчистомъ полѣ||лишъ дымъ столбомъ онъ будетъ уморя синева | поево пощаски великия привалила птица хкруту | берегу настрелялъ онъ гусеи белыхъ лебедеи ипере|летныхъ малыхъ утачакъ хочетъ ехать ѿморя | синева посмотрить натихия заводи иувиделъ белую | лебедушку она черезъ перо была вся золота аголовушка | унеи увивана краснымъ золотомъ искатнымъ | земчюгомъ усажена вынимаетъ онъ потокъ | изналушна свои тугои лукъ исколчана вынималъ | калену стрелу иберетъ онъ тугои лукъ вруку левую | калену стрелу вправую накладыватъ натитивочку | шелковую потянулъ онъ тугои лукъ заухо калену | стрелу семи четвертеи заскрыпели полосы булатныя | изавыли рога утуга лука аичють боло спустить | калену стрелу провещитца ему лебедь белая авдо|тьюшка леховидьевна аиты потокъ михаила їва|новичь нестреляи ты мене лебедь

л. 44 об.

белую невкое время | пригожуся тебе выходила она накрутои бережокъ | обвернулася душой краснои девицои аипотокъ михаила | ивановичь воткнетъ копье восыру землю привезалъ | онъ коня завостро копье сохваталъ девицу забелы | ручки ицелуетъ её воуста сахарныя авдотьюшка | леховидьевна втапоры болно ево уговаривала аты | потокъ михаила ивановичь хотя ты намне иже|нисься икто изнасъ прежде умретъ второму | занимъ живому вогробъ итъти втапоры потокъ | михаила ивановичь садился насвоего добра коня | говорилъ таково слово аиты гои еси авдотья | леховидьевна будемъ вгороде киеве всоборе ударятъ | квечерне вколоколъ иты втапоры будь готовая | приходи кцеркви соборныя тутъ при-
л. 45 мимъ [1] стобою || обрученье свое искоро онъ поехалъ кгороду киеву | ѿморя синева авдотьюшка леховидьевна полетела | она белой лебедушкай вкиевъ градъ косвоеи сударыне | матушке кматушке икбатюшке потокъ михаила | ивановичь нигде немешкалъ нестоялъ авдотьюшка | леховидьевна перво ево всвои домъ ускорить могла | исидитъ она подокошечкомъ косящетымъ сама | усмехаетца апотокъ михаила ивановичь едетъ | самъ дивꙋетца анегде я немешкалъ нестоялъ аона | перво меня вдоме появилася иприехалъ онъ накня|женецкои дворъ приворотники доложили столникамъ | астолники князю [2] владимеру что приехалъ потокъ | михаила ивановичь ивелелъ ему князь кокрылечку | ехать скоро потокъ скочилъ содобра коня постави[л] | кокрылечку красному походитъ вогредню светлую | онъ молитца спасову образу поклонился князю | сокнягинею инавсе четыре стороны здравствуи, ты | ласковои сударь владимеръ князь куда ты мене | послалъ то сослужилъ настрелялъ я гусеи белы[х] | лебедеи перелетныхъ малыхъ утачакъ исамъ | зговорилъ себе красну девицу авдотьюшку леховидьевну | квечерне быть всоборе иснеи обрученье принять | гои еси ласковои сударь владимеръ князь хотел боло | зделать пиръ простои натри брата названыя | аныне для меня одново доспеи свадбеннои пиръ | веселои для потока михаила ивановича аитутъ | всоборе квечерне вколоколъ ударили потокъ михаила | ивановичь квечерне пошолъ здругу сторону авдо|тьюшка леховидьевна
л. 45 об. скоро втапоры нарежалася || ӥубиралася убравши квечерне пошла ту вечерню ѿслушали | аипотокъ михаила ивановичь соборнымъ попамъ | покланяетца чтобъ савдотьюшкой обрученье принять | эти попы соборныя тому они делу радошны скоро | обрученье зделали ту[т] обвенчали ихъ ипривели | babкприсяге такой кто перво умретъ второму занимъ | живому [вгробъ3] итъти иподходитъ онъ потакъ михаила | ивановичь исцеркви вонъ сосвоею молодою женою | савдотьюшкой леховидьевной натотъ широкои дворъ | кокнязю владимеру приходитъ восветлы гридни | итутъ имъ князь сталъ веселъ радошенъ сажалъ | ихъ заубраны столы втапоры для потока михаила | ӥванавича[4] столъ пошолъ повары были дога[д]ливы |

[1] *Первое* м *сделано другими чернилами из* н.
[2] ю *написано по подскобленному.*
[3] вгробъ *надписано другими чернилами и другим почерком.*
[4] н *сделано из какой-то другой буквы, кажется, из* ч.

носили ества сахарныя ипитья медяные аиту[т] | пили ели прохлажалися предъ князямъ похвалялися | ӏнемало время замешкав'ши день квечеру вече|ряется красное сонцо закатается потокъ ми|хаила ивановичь спать вопо[д]к'ледъ убираетца | свели ево вогридню спалную все тутъ князи ибояра | разъехалися: разъехались ипешкомъ разбрелись | аупотока михаила ивановича сомолодои женои авдо|тьеи леховидьевнои немного житья было полтора | года захворала авдотьюшка леховидьевна свечера | она расхвораетца кополуночи разболелася коутру | ипреставилася мудрости искала надмужемъ своимъ | надмолодомъ потокомъ михаилою ивановичемъ | рано зазвонили кзаутрени онъ пошелъ потокъ | соборнымъ попамъ весть подавать что умерла | ево молода жена приказали ему попы соборныя | тотъ часъ насаняхъ привести котоя церкви | соборныя поставить тело напаперти аитутъ стали || магилу капать выкопали магилу глубокую ивеликую | глубиною шириною подватцати саженъ збиралися | л. 46 тутъ попы содьяконами исовсемъ церковнымъ причето[м] | погребали тело авдотьино итутъ потокъ михаила | ивановичь сконемъ изброуею ратною опустился втое [ж] | магилу глубокаю изаворочали потолокомъ дубовые[м] | изасыпали песками желтыми анадмогилаю поставили, | деревяннои крестъ толко место ставили веревке | однои которая была привязана хколоколу соборно[м] | истоялъ онъ потокъ михаила ивановичь вмогиле | здобрымъ конемъ сполудни дополуночи идля страху | дабывъ огня зажигалъ свечи воску ярова икакъ | пришла пора полуночная собиралися кнему все гады | змеиныя апотомъ пришелъ болшои змеи онъ | зжетъ ипалитъ пламемъ огненымъ апотокъ | михаила ивановичь натото неробакъ былъ вынима[л] | саблю вострую убиваетъ змѣя лютова изсекаетъ | ему голову итою головою змеиною учалъ тело | авдотьино мазати втапоры она еретница изме|ртвыхъ пробужалася ионъ затое веревку удари[л], | вколоколъ иуслышалъ трапезникъ бежитъ | тутъ кмагиле авдотьеной ажно тутъ веревка | измогилы хколоколу торгаетца исобираютца тутъ | православнои народъ все тому дивуютца апотокъ | михаила ивановичь вмогиле реветъ зычнымъ голосомъ | иразрывали тое могилу наскоро опускали лесницы долгия выни|мали потока издобрымъ конемъ исоево молодои женои ӏобъ|явили [5] князю владимеру итемъ попамъ соборныемъ поновили | их'ъ святои водой приказали имъ жить постарому икакъ по|токъ живучи состарелся состарелся ипереставелся тогда попы | церковныя попрежнему ихъ обещанию ево потока похоронилй аево | молоду жену авдотью леховидьевну снимже живую зарыли восыру землю [6] | и тутъ имъ стала быть память вечная то старина то идеянье,

[5] о сделано, кажется, из й.
[6] ю подправлено или сделано из какой-то другой буквы.

СОРОКЪ КАЛИКЪ СОКАЛИКОЮ

л. 46 об.

Аизпустыни было ефимьевы измонастыря | избоголюбова начинали калики нарежатися косвятом[1] | граду иерусалиму сорокъ каликъ ихъ сокаликою ста|новилися воединои кругъ оне думали думушку единую | аедину думушку крепкую выбирали болшева атамана | молоды касьяна сына михаилыча аимолоды касьянъ | сынъ михаиловичь кладетъ онъ заповедь великую | навсехъ техъ дородныхъ молодцовъ аитить намъ | братцы дорога неближнѣя итти будетъ когороду | иерусалиму святои святыни помолитися господню | гробу приложитися воердань реке искупатися нетле|нною ризои утеретися итти селами идеревнями | городами теми спригородками автомъта веть | заповедь положена кто украдетъ или кто солжетъ | али кто пуститца наженскои блудъ нескажетъ | болшему атаману атаманъ прото дело проведает | едина оставить вочистомъ поле иокопать | поплеча восыру землю[2] ивтомта веть заповедь | подписана и руки белые рученки исприложены[3] атаманъ | косьянъ сынъ михаиловичь подъатаманья | братъ ево родной молоды михаила михаиловичь | пошли калики въерусалимъ градъ аидутъ | неделю уже споряду идутъ уже время немалое ||

л. 47 подходятъ уже они подкиевъ градъ сверхъ тое|реки череги наево потешныхъ наостровахъ увеликова | князя владимера аивышли оне израменья встречу | имъта владимеръ князь[4] ездитъ онъ заохотою | стреляетъ гусеи белыхъ лебедеи перелетныхъ |малыхъ утачакъ лисицъ заицовъ всехъ поганивает | пригодилося ему ехати поблизости завидели | ево калики тутъ перехожия скановилися воединой | кругъ клюки пасохи вземлю потыкали, аисумочки | исповесили скричатъ калики зычнымъ голосомъ | дрогнетъ матушка сыра земля здеревъ вершїны | попадали подкняземъ конь окарачелся, абогатыри | сконеи попадали аспиря сталъ постыривать[5] | сема сталъ пересемовать едва пробудитца | владимеръ князь разсмотрилъ удалыхъ добрых | молодцовъ онета ему поклонилися великому | князю владимеру прошают унего светую | млстиню аичемъбы молодцамъ душа спасти | отвечаетъ имъ ласковои владимеръ князь | гои вы еси калики перехожия хлебы снамй |

---

[1] я *сделано, кажется, из* а.

[2] л *подправлено или сделано из какой-то другой буквы.*

[3] *В оригинале слово* рученки *и две первые буквы слова* исприложены *зачеркнуты;* и руки *приписано другим, по-видимому, более новым, почерком, тем же, которым в этой песне ниже сделано еще несколько приписок.*

[4] з *написано по подскобленному.*

[5] ь *сделано из какой-то другой буквы.*

завозныя аиденегъ сомною негодилося аиезжу | я князь заохотою зазаицами изалисицами | засоболи изакуницами истреляю гусеи белы^х | лебедеи перелетныхъ малыхъ утачакъ | изволите вы ј^тти вокиевъ градъ кодуше | княгине апраѯевне честна роду дочь | королевична напоитъ накормитъ васъ | добрыхъ молодцовъ наделитъ вамъ вдорогу | злата серебра недолго калики думу думали || пошли когороду кокиеву аибудутъ л. 47 об.
вгороде киевѣ | середи двора княженецкова клюки посохи вземлю | потыкали аисумочки исподвесили подъсумочья рыта | бархата скричатъ калики зычнымъ голосомъ | стеремовъ верхи поволялися азгорницъ охлупья | попадали впогребахъ питья сколыбалися стано|вилися воединои кругъ прошаютъ святую мл^ст_ыню | умолоды княгини апраѯевны молода княгиня | испужалася аиболно она передрогнула посылаетъ | столниковъ ичашниковъ звать каликъ восве|тлу гридню пришли тутъ столники ичашники | бьютчеломъ поклоняютца молоду касьяну михаилову | сосвоими его товарыщами хлеба есть восветлу | гридню кмолодои княгине апраѯевне аитутъ | косьянъ неослушался походилъ вогридню восветлую | спасову образу молятца молодои княгине покло|няютца молода княгиня апраѯевна поджавъ | ручки будто турчаночки сосвоими нянюшки | имамушки скрасными сенными деушки молоды | касьянъ сынъ михаиловичь садился вместо | болшѣе ѽлица ево молодецкова какъбы ѽсо|лнучка ѽкраснова лучи стоятъ великия убирали^с | тутъ все добры молодцы аите калики пере|хожия зате столы убраныя аистолники | чашники поворачеваютъ пошевеливаютъ | своихъ оне приспешниковъ понеслита | ества сахарныя понесли питья мед^вяныя || аите калики пере- л. 48
хожия сидятъ застолами | убраными убираютъ ества сахарныя аите | вить пьютъ питья медяныя [6] исидятъ оне | время часъ другои вотретьемъ часу подымалися | подымавши оне богу молятца захлебъ засоль | бьютчеломъ молодои княгине апраѯевне ивсемъ | столникамъ ичашникамъ итово оне еще | ожидаючи умолодои княгини апраѯевны наде|лилабъ надорогу златомъ серебромъ сходитьбы | воградъ иерусалимъ аумолодои княгини апра|ѯевны нето вуме нето [7] вразуме пошлетъ алешунку | поповича атамана ихъ уговаривати ивсехъ | каликъ перехожиехъ чтобъ неи^т-тибы имъ | сево дня исего числа исталъ алеша угова|ривати молода касьяна михаиловича зове^т | хнягине апреѯевне надолгия вечеры посидети | забавныя речи побаити асидетьбы наедине | (во спалне со кнегинею с нѣй [8]) молоды касьянъ сынъ | михаиловичь замутилось ево серце | молодецкое ѽказалъ онъ алеши поповичу | неидетъ надолгия вечеры кмолодои кня|-гине апраѯевне забавныя речи баити | нато княгиня осердилася посылаетъ| алешунку поповича прорезатьбы ево суму | рыта бархата запехатьбы чарочку | серебрену которой чарочкои князь наприезде || пьетъ алешата л. 48 об.
догадливъ былъ распоролъ | суму рыта бархата запехалъ чарочку сере|-

---

[6] *Первое* я *сделано, кажется, из* е.
[7] нето *вписано.*
[8] во спалне с нѣй *зачеркнуто,* со кнегинею *надписано другим почерком (см. прим.* 1 *на стр. 290).*

брену изашивалъ ее[9] гладехонко что познать | было неможно то[9] стемъ калики ивпуть пошли | калики сширока двора [10] смолодои княгиней | непрощаютца аидутъ калики неоглянутца | иверстъ десятокъ отошли оне ѿстолнова | города киева молода княгиня апраξевна | посылаетъ алешу вопогонъ занимъ молоды | алеша попович младъ настигъ каликъ | вочистомъ поле уалеши вешство неро|жденое онъ сталъ скаликами здорити | обличаетъ ворами разбоиниками выта | калики бродите помиру покрещеному ково | окрадите своемъ зовете покрали княгиню | апраξевну унесли вы чарочку серебрену которои | чарочкои князь наприезде пьетъ автомъ | калики недаютца ему молоду алеши поповичю | недавались ему наобыскъ себѣ поворчалъ | алешинка попович младъ поехалъ когороду | киеву итакъ приехалъ востолнои киевъ | градъ вотоже время ивототже часъ | приехалъ князь изчиста поля иснимъ | добрынюшка никитичь младъ молода | княгиня апраξевна позоветъ добрынюшку | никитича по-
л. 49 сылаетъ закаликам закосьяном || михаиловичемъ втапоры добрынюшка неослушался | скоро поехалъ вочисто полѣ удобрыни весштво ро|жденое иученое настигъ онъ каликъ вочистомъ | поле скочилъ сконя самъ бьетчеломъ гои еси | касьянъ михаиловичь ненаведи нагневъ князя | владимера прикажи обыскать калики перехожия | нетли промежу васъ глупова молоды касьянъ | сынъ михаиловичь становилъ каликъ воединой | кругъ ивелелъ онъ другъ друга обыскавать | отмалова достарова ѿстарова идоболша лица | досебя млада касьяна михаиловича негдета | чарочка неявилася умлада касьяна пригодилася | братъ ево молоды михаила михаиловичь принимался | зазаповедь великую закопали атамана поплеча | закопали [11] восыру землю едина оставили вочистомъ поле | молода касьяна михаиловича ѿдавали чарочку | серебрену молоду добрынюшки микитичю иснимъ | написанъ виноватои тутъ молоды касьянъ | михаиловичь добрыня поехалъ онъ вокиевъ | градъ аите калики въерусалимъ градъ молоды | касьянъ сынъ михаиловичь сними калики | прощаетца ибудетъ добрынюшка вкиеве | умлады [12] княгини апраξевны привесъ онъ чарочку | серебрену виноватова назначено молода касьяна | сына михаилова аставо время часу захворала она, | захворала [13] скорбью недоброю слегла княгиня ввеликое | воагноище ходили калики въеру-
л. 49 об. салимъ градъ | впередъ шли [14] три мсца аибудутъ вграде || ерусалиме святои святыни помолилися господню | гробу приложилися воердане реке искупалися | нетленною ризою утиралися асвета молодцы | ѿправили служили обедни смолебнами засвое | здравие молодецкое попоклону положили закасьяна | михаиловича аитутъ калики незамешкались | пошли когороду киеву иколаскову князю владимеру | аидутъ назадъ уже мсца

---

[9] *Слова* ее *и* то *надписаны другим почерком (см. прим.* [1] *на стр. 290).*
[10] *Слова* калики сширока двора *зачеркнуты.*
[11] закопали *написано другим почерком* (*см. прим.* [1] *на стр. 290*).
[12] *Сначала вместо* у *была написана какая-то другая буква.*
[13] она *приписано,* захворала *надписано другим почерком* (*см. прим.* [1] *на стр. 290*).
[14] *Между словами* впередъ *и* шли *выскоблено не более двух-трех букв.*

два нато место | неугодили они обошли маленкаи сторонкаю [15] | ево молода касьяна михаиловича голосокъ | наноситъ помалехонку аитутъ калики осто|ялися аиместо стали опознавать пода|лися малехонко иувидели молода касьяна | сынъ михаиловичь онъ ручкои машитъ | голосомъ кричитъ подошли удалы добры | молодцы вначале атаманъ родной братъ | ево михаила михаиловичь пришли | все оне поклонилися стали здравство|вать подаетъ онъ касьянъ ручку правую | аонета кручке приложилися [16] снимъ поцелова|лися ивсе кнему переходили молоды касьянъ | сынъ михаиловичь выскакивалъ изъсырои | зем'ли какъ есенъ сокол изтеп'ла гнезда | авсе оне молодцы дивуютца наево лицо | молодецкое немогутъ зрить добры молодцы | аикудри нанемъ молодецкия досамаго | пояса истоялъ касьян немало число | стоял взем'ле шесть мсцов ашесть | мсцов будетъ полгода втапоры пошли || калики когороду киеву коласкову князю л. 50
владимеру | дошли оне дочюдна креста леванидова становилися | воединои кругъ клюки посохи вземлю потыкали | истоятъ калики потихохунку молоды михаила | михаиловичь атаманомъ еще правилъ унихъ | посылаетъ лехкова молодчика доложитъца [17] князю | владимеру прикажитли итти намъ поабедати | владимеръ князь пригодился вдоме посылалъ | онъ своихъ клюшниковъ ларешниковъ побитче|ломъ ипоклонитися имта каликамъ, каликам | пообедати имолоду касьяну наособицу итутъ | клюшники ларешники пришли оне хкаликамъ | поклонилися бьютчеломъ хкнязю пообедати | пришли калики нашироком дворъ середи двора | княженецкова поздравствовалъ ему владимеръ [18] | князь молоду касьяну михаиловичю взялъ | ево забелы руки повелъ восветлу гридню | автапоры молоды касьянъ михаиловичь спросил | князя владимера промолоду княгиню апраксевну | гои еси сударь владимеръ князь здравствуетли | твоя княгиня апраксевна владимеръ князь | едва речи выговорилъ мыде уже неделю другу неходим | кнеи молоды касьянъ тому небрезгуетъ пошел | сокняземъ воспалну кнеи аикнязь идетъ свои | носъ зажалъ молоду касьяну то нечто ему | никакова духу онъ неверуетъ отворяли двери | усветлы гридни раскрывали окошечки кося|щетые втапоры княгиня прощалася что | нанесла речь напрасную молоды касьянъ || сынъ л. 50 об.
михаиловичь аидунулъ духомъ святым | своимъ намладу княгиню апраксевну нестало | унеи тово духу пропасти оградилъ ея святои | рукои прощаетъ ее плоть женскую захотелос, | еи иhousehould страда она лежала встраму полгода молоды | касьянъ сынъ михаиловичь пошелъ кокнязю владимеру | восветлу гридню помолился спасову [19] образу сосвоими | каликами перехожими исажалися заубраны [20] столы | стали пить есть потешатися какъ будетъ день | вполовина дня аите калики напивалися, напива|лися инаедалися владимеръ князь убиваетца акаликита | впуть нарежаютца

[15] *Сначала было написано* стороною, *затем* ою *исправлено*, *кажется*, *на* каю *или* кои.
[16] или *написано по подскобленному*.
[17] *Сначала было написано* доложить, *затем* ь *исправлено на* ъ *и приписано* ца.
[18] ъ *сделано из* ь.
[19] спа' *написано по подскобленному*.
[20] ы *написано по подскобленному*.

проситъ ихъ тутъ владиме^{р} | князь пожить побыть тотъ денекъ усебе молода | княгина апраѯевна вышла искожуха какъ испропости, | скоро она убиралася убиралася инарежалася тутже | книмъ кстолу пришла снянками смамками їссенными | красными девицами молоду касьяну поклоняетца бестыда | безсорому агрехъ свои науме держитъ молоды [21] касьянъ | сынъ михаиловичь тою ручонкои правою размахивае^{т} | потемъ ествамъ [22] сахарныемъ крестомъ огражаетъ | їблагословляетъ пьютъ едятъ потешаютца втапоры | молоды касьянъ сынъ михаиловичь вынималъ изсумы | книшку свою посмотрилъ ичисло показалъ что | много мы братцы пьемъ едимъ прохложаемся | уже третеи день вдоходе идетъ ипора намъ | молодцы впуть и^{т}ти вставали калики нарезвы | ноги спасову образу молятца ибьютчеломъ князю влади|меру смолодои княгинеи апраѯевнои захлебъ засоль | ево ипрощаютца калики скняземъ владимеромъ исмолодою | княгинею апраѯевною собрались оне ивпуть пошли досвоего мо|настыря боголюбова идопустыни ефимьевы, то старина то | идеянье,

л. 51

КАЛИНЪ ЦАРЬ

Даизорды золотои земли истое могозей | богатыя когда подымался злои калинъ царь | злой калинъ царь калиновичь костолному городу | кокиеву сосвоею силою споганою недошедъ онъ до|киева засемь верстъ становился калинъ убыстра | непра збиралося снимъ силы насто верстъ вовсе|те четыре стороны зачемъ [1] | мать сыра земля | непогнетца зачемъ нераступитца аб҃пару [2] было | б҃конинова аимесецъ сонцо померкнула невидить | луча света белова аб҃духу татарскова неможно | крещенымъ намъ живымъ быть садился калинъ | наременчетъ стулъ писалъ ерлыки скоропищеты | костолному городу кокиеву коласкову князю владимеру | что выбралъ татарина выше всехъ амерою | тотъ татаринъ

---

[21] *Первое* о *сделано, кажется, из* ы.
[22] в *сделано из какой-то другой буквы.*

[1] че *сделано из* м.
[2] ар *сделано из каких-то других букв.*

трехъ саженъ голова нататарине | спивнои котелъ которои котелъ со-
рока ведеръ | промѐжъ плечами касая сажень ѿмудрости слово | напи-
сано что возметъ [3] калинъ царь столной, | киевъ градъ авладимера князя
вполонъ полонить | божьи церквы надымъ пустить даетъ [4] тому | тата-
рину. ерлыки скоропищеты ипослал ево | вкиевъ наскоро садился тата-
ринъ надобра, | коня поехалъ когороду кокиеву коласкову || князю л. 51 об.
владимеру аибудетъ онъ татаринъ вкиеве | середи двора княженецкова
скокалъ татаринъ здобра | коня невяжетъ коня неприказаваетъ бежитъ |
онъ вогридню восветлую аспасову образу немолитца | владимеру князю
некланетца ї вкиеве людеи ничемъ | зоветъ бросалъ ерлыки накруглой
столъ пере|дъвеликова князя владимера атшодъ татаринъ | слово выгово-
рилъ владимеръ князь столнои киевской | анаскоре здаи ты намъ киевъ
градъ безбою бездракй, | великия ибестого кроволития напраснаго влади-
меръ | князь запечалился анаскоре ерлыки распечатова^{л} | ипросматри-
валъ гледючи въерлыки заплакалъ све^{т} | погрехамъ надкняземъ учини-
лося богатырей | вкиеве неслучилося акалинъ царь подстеною | стоитъ
аскалиномъ силы написано немного | немало насто верстъ вовсе четыре
стороны | еще сокалиномъ сорокъ цареи соцаревичемъ сорокъ | королеи
скоролевичемъ подвсякимъ царемъ силы | потри тмы потри тысячи по-
праву руку ево | зять сидитъ азятя зовутъ унево сартакомъ | аполеву
руку сынъ сидитъ сына зовутъ лоншеко^{м}[5] | ито унихъ дело неокончено
татаринъ искиева | невыехалъ втапоры василеи пьяница збежалъ | на-
башню настрелную беретъ онъ свои тугои лукъ | разрывчетой калену
стрелу перенуую наводилъ онъ | трубками немецкими агдета сидитъ зло-
дей | калинъ царь итѿта василеи пьяница стрелялъ | онъ тутъ вокалина
царя непопалъ вособаку | калина царя что попалъ онъ взятя ево | сар-
така угодила стрела ему вправои глас || ушибъ ево досмерти итутъ ка- л. 52
лину царю забеду | стало что перву беду неутушили адругую беду | оне
загрезили убили зятя любимова стоя башки | сострелныя посылалъ
другова татарина котому | князю владимеру чтобы выдалъ тово винова-
това | амало время замешкавши стое стороны полуден^{н}ыя | что ясной
соколъ вперелетъ летитъ какъ белой | кречетъ перепорхаваетъ бежитъ
паленица удалая | старои казакъ илья муромецъ приехалъ онъ | востол-
нои киевъ градъ середи двора княженецкова | скочилъ илья содобра коня
невяжетъ коня непри|казываетъ идетъ вогридню восветлую онъ молитца |
спасу сопречистою бьетчеломъ князю сокнягинею | инавсе четыре сто-
роны асамъ илья усмехаетца | гои еси сударь владимеръ князь что утебе |
заболванъ пришелъ что задуракъ неотесоной | владимеръ князь столнои
киевской подаетъ | ерлыки скоропищеты принялъ илья самъ прочи|-
тавалъ говорилъ тутъ ему владимеръ князь | гои еси илья муромецъ
пособи мне думушку | подумати [6] здатли мне нездатли киевъ градъ |

[3] о *сделано из* с.
[4] а *сделано из* е.
[5] лонше *написано по подскобленному.*
[6] по *приписано на полях.*

безбою мне бездраки великия безтого кроволития | напраснаго говоритъ
илья таково слово владимеръ | князь столнои киевской ниочемты асударь
непе|чалуися боже спасъ оборонитъ насъ анечто | пречистои ивсехъ
сохранитъ насыпаи ты мису | чиста серебра другую красна золота, тре-
тью | мису скатнова земчюга поедемъ сомнои кокалину. | царю сосвоими
л. 52 об. честными подарками тотъ татаринъ. || дуракъ насъ прямо доведетъ на-
режался князь | тутъ поваромъ заморался сажаю котелною | поехали оне
кокалину царю апрямо ихъ татаринъ | влагири ведетъ приехалъ илья
кокалину царю вьево | лагири татарския скочилъ илья содобра коня |
калину царю поклоняетца самъ говоритъ таково | слово аикалинъ царь
злодеи калиновичь прими | наши дороги подарочки ѿвеликова князя
владимера | перву мису чиста серебра другую красна золота | третью
мису скатнова земчюга адаи ты намъ | сроку натри дни вкиеве намъ
приуправитца | ѿслужить обѣдни спонафидами какъдеслужатъ | поусоб-
шимъ душамъ другъ здрушкои проститися | говоритъ тутъ калинъ та-
ково слово гои еси | ты илья муромецъ выдаите вы намъ виноватова |
которои стрелялъ збашни сострелныя [7] убилъ моево | зятя любимова
говоритъ ему илья таково слово | аты слушаи калинъ царь повеленое
прими наши | дороги подарочки ѿвеликова князя владимера | где намъ
искать такова чл^{в}вка ивамъ ѿдать | итутъ калинъ принялъ золоту казну
нечестно | унево самъ прибраниваетъ итутъ ильи забеду | стало что не-
далъ сроку натри дни инатри часа | говорилъ таково слово сабака про-
клятой ты | калинъ царь отоиди статарами ѿкиева охотоли | вамъ са-
бака, живымъ [8] быть итутъ калину | царю забеду стало велелъ татарамъ |
сохватать илью связали ему руки белыя | вокрепки чембуры шелковыя
л. 53 втапоры ильй || забеду стало говорилъ таково слово сабака проклятой |
ты калинъ царь отоиди прочь статара^{м} ѿкиева | охотоли вамъ сабака
живымъ быть итутъ|калину забеду стало иплюетъ ильи воясны очи |
аруской людъ всегды хвастливъ опутанъ весь | бу^{т}то лысаи бесъ ещели
стоитъ передомною | самъ хвастаетъ итутъ ильи забеду стало | завеликую
досаду показалося что плюетъ | калинъ вьясны очи скочилъ вполдрева
стоячева | изарвалъ чембуры намогучихъ плечахъ недо|пустятъ илью
додобра коня идоевота допалицы | тяшкия домедны [9] литы втри тысячи
схвотилъ | илья татарина заноги которои ездилъ вокиевъ | градъ изачалъ
татариномъ помахивати кудали | махнетъ тутъ иулицы лежатъ куды
ѿвернетъ | спереулками асамъ татарину приговариваетъ | аикрепокъ та-
таринъ неломитца ажиловатъ | сабака неизорветца итолко илья слово
выговорилъ | оторветца глава ево татарская угодила | та глава посиле
вдоль ибьетъ ихъ ломитъ | вконецъ губитъ досталныя татара напобегъ |
пошли вболотахъ врекахъ притонули все | оставили свои возы илагири
воротился илья | онъ кокалину зарю схваталъ онъ калина | вобелы руки

---

[7] со *вписано.*

[8] *Между* сабака *и* живымъ *выскоблено не более двух-трех букв; запятая поставлена на подскобленном месте.*

[9] *Сначала было написано, по-видимому,* домедныя, *потом* я *выскоблено.*

самъ калину приговариваетъ васта | цареи небьютъ неказнятъ небьютъ неказнятъ | иневешаютъ согнетъ ево корчагою воздымалъ | выше буины головы своеи ударилъ ево огорючь | камень росшибъ онъ вкрохи говенныя || досталныя татара напобегъ бегутъ сами | оне заклинаютца недаи богъ намъ бывать кокиеву. недаи богъ намъ видать | рускихъ людеи неуштo вкиеве все таковы одинъ | чл^овкъ всехъ татаръ прибилъ пошелъ илья | муромецъ искать своего товарыща тоболи | василья пьяницу игнатьева искоро нашелъ | ево накружале петровскиемъ привелъ кокнязю | владимеру апьетъ илья доволно зелено вино | стемъ васильемъ сопьяницой иназываетъ | илья тово пьяницу василья братомъ названые^м | то старина то идеянье: / л. 53 об.

ЦАРЬ САУЛЪ ЛЕВАНИДОВИЧЬ

Царь саулъ леванидовичь поехалъ заморе | синея вдалну орду вполувецку землю [1] брать | дани иневыплаты ацарица ево проводила | ѿпервова стану довторова ѿвторова стану | дотретьева ѿтретьева стану воротилася | асама она царю поклонилася гои еси ты | есми царь саулъ царь саулъ леванидовичь | акому менѣ царицу приказываешъ акому | мене царицу наказываешъ я остаюсь | царица черовоста черевоста [2] осталась натех || порахъ аитолко царь слово выговорилъ царь | саулъ леванидовичь аи л. 54
гои еси царица азвяковна | молода елена алеѯандровна некому я тебѣ | царицу неприказаваю неприказаваю иненаказаваю | атоколи тебе гс҃ди сына дастъ спои скорми иза|мной ево [3] пошли атоколи тебе гс҃ди дочеря | дастъ спои скорми замужъ ѿдаи алюбимова [4] | зятя замнои пошли поеду я надвенатцать | летъ вскоре после ево царице богъ сына дастъ | попъ приходилъ сомолитвою имя даетъ косте|нтинушкомъ сауловичемъ аицарское дитя | непогодамъ ростетъ аицарско дитя непомесяца^м | акоторои ребенокъ дватцати годовъ онъ косте|нтинушка семи годковъ присадила ево матушка | грамоте учитца скоро ему грамота даласся | иписать научился будетъ онъ костентинушка | десяти годовъ сталъта поулицамъ похаживати | сталъ сребятами шутку шутить сусатами | збородатами акоторые ребята дватцатй | годовъ икоторые вополутритцети авсе веть |

[1] ю *сделано из какой-то другой буквы.*
[2] ев *написано по подскобленному.*
[3] е *написано по подскобленному.*
[4] *Первое* а *сделано, кажется, из* и.

дети княженецкие авсета веть дети боярские | ивсета веть дети дворян-
ския ещели детй | купецкия онъ шутку шутитъ непоребячью | ѿворки
творилъ непомаленкимъ которова | возметъ заруку исплеча тому рукꙋ
выломитъ | икоторова заденетъ заногу погузна ногу оторве^{т} | прочь
икоторова хватитъ поперекъ хрепта | тотъ кричитъ реветъ окарачь
л. 54 об. ползетъ | безголовы домои придетъ князи бояра [5] || дивуютца ивсе купцы
богатыя ачто ето уна^{с} | заурод ъ ростетъ что это унасъ завыблядочокъ |
доносили оне жалобу великую какъ бы тои царїце | азвяковне молоды
елены алеѯандровны втапоры | скоро завела [6] ево матушка во теремы
свой | товоли млада костентинушка. савуловича стала | ево журить
бранить а журить бранить [7] наумъ учить на умъ учить [8] смиренно жить |
амладъ костентинъ сынъ сауловичь толко | уматушки выспросилъ гои
еси матушка молоды, | елена алеѯандровна естли умене народу батюшка |
говорила царица азвяковна молоды елена але|ѯандровна гои еси мое чадо
милая аиты младои | костентинушка сауловичь есть утебе народу |
батюшка царь саулъ леванидовичь поехалъ | онъ заморе синѣя вдалну
орду вполувецку | землю брать дани невыплаты апоехалъ онъ | надве-
натцать [9] летъ я осталася черевоста | ачеревоста осталась натехъ порахъ
толко | ему царю слово выговорила акомумене царицу | приказываешъ
инаказываешъ толко лишъ | царь слово выговорилъ некому я тебѣ ца-
рицу | неприказаваю иненаказаваю атоколи тебѣ | г^{с}дь сына дастъ тыде
вспои скорми сына | замнои пошли атоколи тебе г^{с}ди дочеря [10] дастъ |
вспои скорми замужъ ѿдаи алюбимова зятя | замнои пошли много царе-
вичь неспрашивае^{т} | выходилъ накрылечко накрасное конюхи | приспеш-
ники оседлаите скоро мне добра коня | подто седелечко черкеское авзаднеи
л. 55 слуке || јвпереднеи слуке потирону покаменю подорогу | посамоцветному
анедля ради мене молодца | басы для ради богатырские крепости для ради |
пути для дороженки для ради темнои ночи | осеньнеи чтобы видеть при
пути дороженки | темна ночь добела света аитолко вить | матушка видела
ставалъ востремя вольящетое | садился воседелечко черкеское толко онъ
вворота | выехалъ вчистомъ поле дымъ столбомъ | аитолко ссобою ру-
жье везетъ авезетъ онъ | палицу тяшкую аи медну литу втриста пудъ |
јнаехалъ чесовню зашолъ богу молитися аѿтои | часовни три дороги ле-
жатъ аиперва дорога напи|сана анаписана дорога вправо кто этои до-
рогои | поедетъ конь будетъ сытъ самому смерть | адругою краинею
дорогою левою кто этои дорогои | поедетъ молодецъ самъ будетъ сытъ
конь | голоденъ асереднею дорогою поедетъ убитъ буде^{т} | смертью на-
прасною втапоры богатырское | серце разъерилася могучи плечи расхо-
дилися | молодои костентинушка савуловичь поехалъ | онъ дорогою сред-
нею доезжать дореки смородины автапоры кунгуръ царь перевозитца

[5] *Перед* бояра *выскоблена какая-то буква.*
[6] в *сделано из* л.
[7] *Надписанные над строкой слова* журить бранить *зачеркнуты.*
[8] на умъ учить *надписано другими чернилами и более новым почерком.*
[9] *Первое* ат *написано по подскобленному.*
[10] *я сделано из какой-то другой буквы.*

сотемяли | татары погаными тутъ костентинушка | савуловичь зачалъ татаровъ скраю бить | тою палицою тяшкою онъ бьетца деретца | целои день непиваючи неедаючи нинамалой | часъ ѻдыхаючи день квечеру вечеряетца || ушъ красное сонцо закотаетца молодои косте|нтинушка сауловичь ѻехалъ онъ ѻтатаръ прочь | гдебы молодцу опочивъ держать опочивъ | держать иконя кормить акоутру заря зани|маетца аимладои костентинушка сауловичь | онъ молодецъ ѻ ѡсна подымаетца утренеи расои | умываетца белымъ полотномъ утираетца | навостокъ онъ богу молитца, скороде садился | надобра коня поехалъ онъ космородины реки | аитута татары догадалися оне хкунгурȣ | царю пометалися гои еси ты кунгуръ царь | кунгуръ царь самородовичь какъ намъ будетъ | детину ловить силы мало осталося унасъ | аикунгуръ царь самород°вичь научилъ техли | татаръ поганыехъ копати ровы глубокия | заплетаите вы туры высокия аставте поторчины | дубовые колотите вы надолбы железныя аиту^т | тотары поганыя икопали оне ровы глубокия | заплетали туры высокия ставили поторчены | дубовыя колотили надолбы железныя апоутру | рано ранешенко насветлои [11] заре рано утренеи | навсходе краснова солнушка выезжалъ удалой | доброи молодецъ млады [12] костентинушка | савуловичь аибегаетъ скачетъ содной | стороны изавернетца надругу сторонȣ | усмотрелъ ихъ татарские вымыслы тамо | татара просто стоятъ икоторыхъ веслаухи^х | всехъ прибилъ икоторыхъ висячихъ всехъ || ѡборвалъ иприехалъ кшатру хкунгуру царю | розбилъ ево вкрохи говенныя адосталныхъ | татаръ домои опустилъ ипоехалъ костентинушка | когороду угличю онъ бегаетъ скачетъ почисту | полю хоботы металъ потемнымъ лесамъ | спрашиваетъ себе сопротивника силна могуча | богатыря скемъ побитца подратца ипорататца | ауглицки мужики были лукавыя городъ угличь | крепко заперли избегали настену белокаменну | сами оне ево обмановаютъ гои еси удалои доброй | молодецъ поезжа ты подстену белокаменну аинету | унасъ царя ворде короля влитве мы тебе поста|вимъ царемъ ворду королемъ влитву укосте|нтинушка умокъ молодешенiо̂къ молодешонiо̂къ | умокъ зеленешонiо̂къ издавался наихъ слова | прелестныя подъезжалъ подстену белокаменну | оне крюки багры заметовали подымали ево | настену высокою соево добрымъ конемъ мало | время замешкавши исвязали ему руки белыя | вкрепки чембуры шелковыя исковали ему ноги | резвыя втели железа немецкия взяли унево | добра, коня ивзяли палицȣ медную аитяшку | литу втриста пудъ сняли снево платье цветное | царское инадевали наnево платье опалное будто | тюремное повели ево впогребы глубокия место | темнои темницы толко ево посадили молодца | запирали дверями железными изасыпали | хрещомъ пески мелкими тутъ десятники | засовалися бегаютъ оне поугличу спрашиваютъ | подводы подцаря саула леванидовича икоторые || подцаря пригодилися ипроехалъ тут онъ | царь саулъ восвое царство валыберское царица | ево царя стретила аимолоды елена алеѯандро|вна запервомъ

л. 55 об.

л. 56

л. 56 об.

[11] *Сначала вместо* л *была написана какая-то другая буква.*
[12] *Сначала переписчик вместо* м *написал, кажется,* в.

поклономъ царь поздравствовалъ | здравствуи ты царица азвяковна аиты |
молода елена алеѯандровна ты осталася | черевоста что после мене тебе
богъ далъ | втапоры царица заплакала скрозь слезы | едва слово выговорила гои еси царь саулъ | леванидовичь вскоре после тебѣ богъ сына |
далъ попъ приходилъ сомолитвою имя | давалъ костентинушкомъ царь
саулъ лева|нидовичь многоли царицу неспрашиваетъ | аитолко онъ слово
выговорилъ конюхи вы мои | приспешники седлаите скоро мне добра
коня | которои жеребецъ стоитъ тритцатьлетъ | скоро тутъ конюхи
металися оседлали ему | тово добра коня иберетъ онъ царь свою | збрую
богатырскую беретъ онъ сабелку | вострую икопье морзамецкое поехалъ
онъ | скоро когороду угличю атеже мужики угличи | извощики снимъ
ехавшй росказоваютъ | какова молодца посадили впогребы глубокия |
исказываютъ каковы коня приметы икако^{в} | былъ молодецъ самъ втапоры
царь саулъ | догадаетца самъ говорилъ таково слово | глупы вы мужики
неразумныя неспросили | удала добра молодца ево дядины вотчины | что
л. 57 онъ прежде того немало укунгура царя || силы порубилъ можно зато
вамъ ево благо|дарити ипожаловати авы ево назвали воро^{м} | разбоиникомъ иборвали снево платье цветное | ипосадили впогреба глубокия
место темной | темницы ималo время поизоидучи подъезжалъ | онъ царь
когороду угличу просилъ умужиковъ | угличовъ чтобы выдали такова
удала добра | молодца которои сидитъ впогребахъ глубокие^{х} | аитутъ
мужики угличи снимъ соцаремъ | заздорили непущаютъ ево воуглич
градъ | инесказаваютъ протово удала добра молодца | чтоде уна́съ нетъ
такова инебывало старики [13] | тутъ вместе соходилися оне думали думу |
единую выводили тутъ удала добра молодца | истово^{л}и погреба глубокова
исымали железа | срезвыхъ ногъ развязали чембуры шелковыя | приводили ему добра коня аиб̅дали палицу | тяшкую амедну литу втриста пудъ
иево | платьица царское цветное нарежался | онъ младои костентинушка
сауловичь | втое свое платье царское цветное подошо^{л} | костентинушка
сауловичь коцарю саулу | леванидовичу сталъ свою родину расказа|вати
аицарь саулъ спохватаетца | аберетъ ево заруку заправую ицелуе^{т} |
ево воуста сахарныя здравствуи [14] | мое чадо милая младои костенти-
л. 57 об. нушка || сауловичь аивтапоры царь саулъ леванидовичь | спрашиваетъ
мужиковъ угличовъ естли увасъ | мастеръ заплечной сподмастерьями
итутъ скоро | таковыхъ сыскали икоцарю привели царь саулъ | леванидовичь приказалъ казнить ивешати которые | мужики были главные воуглич исадилися тутъ насвой | добры кони поехали восвое царство валыберское ибудетъ | онъ царь саулъ леванидовичь восвоемъ царстве валыберскомъ сосвоимъ сыномъ младомъ костентинушкомъ | сауловичемъ
исъехалися соцарицою обрадовалися непива | уцаря варить невина курить пиръ пошелъ нарадостяхъ | аипили даели потешалися аидень квечеру вечеряетца | красное сонцо закатаетца игости б̅царя разъехалися |
темъ старина икончилася

---

[13] *Сначала переписчик вместо* а *написал* р.
[1] и *написано по подскобленному.*

АГАФОНꙊШКА

Аинадону дону вызбе надому накрутыхъ берега^{х} | напечи надровахъ
высокали высота [1] потолочкая | глубока глубота подполная аишироко
раздолье | передпечью шестокъ чистое поле пополълавечью | аисинее
море влохани вода аубелова города | ужорнова абыла стрелба верете^{н}ная
аипушки | мушкеты горшечныя знамена поставлены ‖ помелныя востры л. 58
сабли кокошники аитяшкия | палицы шемшуры аите шешумры были
тюменски^{х} | бабъ аибилася дралася свекры соснохой приступа|ючи
когороду кожорному отомъ пироге ояшномъ | мушнике аибилися дралися
день довечера убили | оне курицу пропа^{ш}шую аинатута надраку великой |
бой выбежалъ силнои могучь богатырь молодой | агафонушка никитинъ
сынъ аишубата нанемъ | была свиныхъ хвостовъ болестью опушена |
комухои подложена чирьи давереды топуговкй | сливныя коросты то
петелки автапоры старикъ | наполатехъ лежалъ силу ту смечалъ вош-
таны | насралъ астарая баба умомъ молода села | срать сама песни поетъ
аслепыя бегутъ | спинаючи гледятъ безголовыя бегут оне | песни поютъ
боздырыя бегут попердоваютъ | безносыя бегут понюхиваютъ безрукой
втапоры | клеть покралъ анагому безрꙋкаи запа|зꙋхꙋ наклалъ безъязы-
кова тово напы|ткꙋ ведутъ аповешены [2] слушаютъ | аирезанои тотъ влесъ
убежалъ натꙋже | надракꙋ великои бои выбегали тутъ | три могучие бо-
гатыри [3] аупервова могучева | богатыря блинами голова испроломана адру-
гова | могучева богатыря соломой ноги изломаны | утретьева могучева
богатыря кишкою брюхо | пропороно втоже время ивтотже часъ наморе |
братцы овинъ горитъ срепою сопеченкою | аисереди синя моря хвалын-
скова выросталъли | тутъ крековистъ дубъ анатомъ насыро^{м} ‖ дубу кре- л. 58 об.
ковостомъ аисивая свинья надубу | гнездо свила надубу гнездо свила
идетеи она | свела сивинкихъ поросяточокъ поросяточокъ | полосатинкихъ
подубу оне все разбегалися | авводу оне гледятъ притонути хотятъ вполе |
гледятъ убежати хотятъ [4] аипочистому | полю карабли бегутъ аисерои

[1] та *сделано, кажется, из* ка.
[2] *Сначала вместо* ш *переписчик написал* з.
[3] *Сначала вместо* и *было написано* е.
[4] от *написано по подскобленному.*

волкъ накорме | стоитъ акрасна лисица потакиваетъ | хоть вправо держи хоть влево затемъ куда хошъ | оне нанебо гледятъ улетети хотятъ высоколи | тамъ кобыла вшебуре летитъ аичортли видалъ | что медведъ леталъ бурою корову вкохтяхъ носилъ | вступеде курица обьегнилася подшескомъ такарова | еицо снесла восеку овца отелилася аито старина | то идеянье,

САДКО БОГАТОИ ГОСТЬ

Пославной [1] матушке волге реке агулялъ | садко молодецъ тутъ двенатцать летъ | никакой надсобой притки искорби садко невидавалъ | авсе молодецъ воздоровье пребывалъ захотело[с] | молодцу побывать вонове городе отрезалъ | хлеба великои сукрой аисолью насолилъ ево || вволгу опустилъ аспасиба тебе матушка волга | река агулялъ я потебе
л. 59 двенатцать летъ ника|кой я прытки скорби невидавалъ надсобои ивдобро[м] | здоровье ѿтебе отошелъ аиду я молодецъ воновъ | городъ побывать проговоритъ ему матка | волга река аи гой еси удалой доброй молодецъ | когда придешъ ты воновъ городъ астань | ты подбашню проезжую поклонися ѿменя | брату моему аславному озеру илменю втапоры | садко молодецъ отошедъ поклонился подошелъ | конову городу ибудетъ утоя башни проезжия | подле славнова озера илменя правитъ челобитья | великое ѿтоята матки волги реки говоритъ | таково слово аи гои еси славнои илмень озеро | сестра тебе волга [2] челобитья посылаетъ двою | говорилъ самъ икланелся малое время замешка|вши приходилъ тутъ ѿилмень озера удалой | доброй молодецъ поклонился ему добру молодцу | гои еси сволги удалъ молодецъ какъ тыде волгу | сестру знаешъ мою аитотъ молодецъ садко | ѿветъ держитъ чтоде я гулялъ поволге | двенатцать летъ совершины знаю идоусья | еѣ аинижнея царства астраханскова асталъ | тотъ молодецъ наказовати которои посланъ | ѿилмень озера гои еси ты сволги удалъ молодецъ | проси бошлыковъ вонове городе ихъ сотремя | неводами истеми людми соработными | изаметоваи ты неводы воилмень озера | что будетъ тебе божья милость походилъ | онъ молодецъ ктемъ

---

[1] *Сначала вместо* а *было написано* е.

[2] в *сделано другими чернилами из какой-то другой буквы, кажется, из* г.

бошлыкамъ новогороцкие[м] || ипришолъ онъ самъ кланеитца самъ говорит [3] | л. 59 об.
таково слово гои вы еси башлыки добры молодцы | аидаите мне те три невода сотеми людми | соработными рыбы половитй воилмени озере | я вамъ молодцамъ затруды заплачю аивта|поры ему бошлыки неѿказовалйся сами пошли | бошлыки соработными людми изакинули | три невода воилмень озеро первои неводъ | кберегу пришелъ итутъ внемъ рыба белая | белая веть рыба мелкая идругоита веть | неводъ кберегу пришелъ втомта рыба кра|сная аитретеи неводъ кберегу пришелъ автомта | веть рыба белая белая рыба втри четверти | перевозился садко молодецъ нагостинои дворъ | сотою рыбою ловленою аиперву рыбу перевозили | всю клали оне рыбу впогребы и[з]друговаже | невода онъ впогребъже возилъ та была рыба | вся красная истретьева невода возили оне [4] | втеже погребы глубокия запирали оне погребы | накрепко ставили караулы нагостиномъ надворе | аиѿдалъ тутъ молодецъ темъ бошлыкамъ | заихъ затруды сто рублевъ анеходитъ садко | натотъ нагостинои дворъ потри дни начетвертои | день погулять захотелось аипервои впогребъ | заглянетъ онъ анасилу садко тута двери ѿвори[л] | котора была рыба мелкая тета веть стали | денги дробныя искора садко опять запираетъ [5] | авдругомъ погребу заглянулъ онъ где была | рыба красная очютилась усадка червонцы | лежатъ втретьемъ погребу загленулъ садко | где была рыба белая аитутъ усадка | все монеты лежатъ втапоры садко купецъ || богатои л. 60
гость сходилъ садко наилмень | озеро абъетчеломъ [6] поклоняетца батюшко | мои илмень [7] озеро поучи менѣ жить вонове граде | аитутъ ему говорилъ илмень озеро аи гои | еси удалои доброи молодецъ поводисъ ты солюдми | сотаможенными аитолко проихъ ты обедъ | доспеи позови молодцовъ посацкихъ людей | астанутъ те знать иведати тутъ молодецъ | догадаетца зделалъ обедъ протоможныхъ | людей асталъ онъ водитца сопосацкими | людми ибудетъ вонове городе утоволи николы | можаискова те мужики новогороцкие соходилися | набратшину николшину начинаютъ пить | канунъ пива яшныя ипришолъ тутъ кнамъ | удалои доброи молодецъ удалои молодецъ | былъ волскои суръ бъетчеломъ поклоняетца | аи гои вы еси мужики новогороцкие примите | меня вобратшину николшину аия вамъ | сыпь плачю немалую аите мужики новогоро|цкие примали ево вобратшину николшину | далъ молодецъ имъ пятдесятъ рублевъ | аизачили пить пива яшныя напивались | модцы уже допьяна аисхмелю [8] тутъ садко | захвастался аи гои еси вы молодцы славны | купцы припасите вы мне товаровъ вонове | городе потри дня ипотри уповода я выкуплю, | те товары потри дни потри уповода неоста|влю товаровъ ненаденешку нинамалу разну | полушечку атоколи я тавары невыкуплю заплачу | казны вамъ сто тысячеи аитутъ мужики, || новогороцкие тетаде речи ево записавали | л. 60 об.

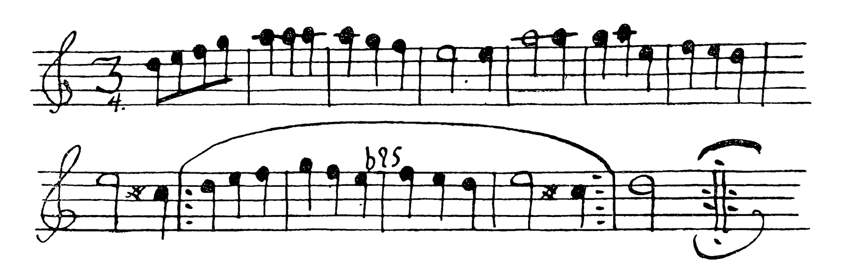
---

[3] т *написано по подскобленному.*
[4] он *сделано из* т.
[5] р *сделано из* с.
[6] а *написано по подскобленному.*
[7] ил *написано по подскобленному.*
[8] лю *написано по подскобленному.*

аивыпили канунъ пива яшные изаставили | садко ходить понову городу закупати товары | вонове городе тоюли ценою поволною аиходитъ | садко понову городу закупаетъ онъ товары поволной | ценою выкупилъ товары вонове городе неостави[л] | тавару ненаденешку нинамалу разну полушечку | влажилъ богъ желанье вретиво серце аишодъ | садко божеи храмъ сорудилъ аивоимя стефана | архидьякона кресты маковицы золотомъ золотилъ | онъ местны иконы изукрашевалъ изукрашева[л] | иконы чистымъ земчюгомъ усадилъ царские | двери вызолочевалъ аиходитъ садко повторой | день понову городу вонове граде товару болше | старова онъ выкупилъ товары иповторои день | неоставилъ товару ненаденешку нинамалу разну | полушечку ивлаживалъ ему богъ желанье вретиво| серце шедъ садко божеи храмъ сорудилъ | аивоимя сафеи премудрыя кресты маковицы | золотомъ золотилъ местны иконы изукрашева[л] | изукрашевалъ иконы чистымъ земчюгомъ усадилъ | царские двери вызолачевалъ аиходитъ садко | потретеи день потретеи день понову городу | вонове городе товару болше старова всякихъ | товаровъ заморскиехъ онъ выкупилъ | товары вполовина дня неоставилъ товару | ненаденешку нинамалу разну полушечку | много усадка казны осталося вложилъ | богъ желанье вретиво серце шедъ садко | божеи храмъ сорудилъ воимя
л. 61 николая | можаискова кресты маковицы золотомъ || золотилъ местны иконы вызукрашевалъ изу|крашевалъ иконы чистымъ земчюгомъ усадилъ | царские двери вызолочевалъ аиходитъ садко | почетвертои день ходилъ садко понову городу | аицелои день онъ довечера ненашелъ онъ товаровъ | вонове городе нинаденешку нинамалу разну полушечку | заидетъ садко онъ вотемнои рядъ истоятъ тутъ | черепаны гнилые горшки авсе горшки уже битыя | онъ самъ [9] садко усмехаетца даетъ денги зате | горшки самъ говоритъ таково слово пригодятца | ребятамъ черебками играть поминать садко | гостя богатова что нея садко богатъ богатъ новъ | городъ всякими таварами заморскими итеми | черепанами гнилыми горшки,

[9] *Сначала переписчик вместо* м *написал какую-то другую букву.*

МИХАИЛА СКОПИНЪ



Какъбы восто дватцать седмомъ году вседмо^{м}[1] | году восмои тысячи
аидеялось учинилося | кругомъ силна царства московского литва | объ-
легла совсе четыре стороны аиснею сила | сорочина долгополая ите чер-
касы петигорские | ещели калмыки статарами сотатарами | собашкир-
цами еще чюкши солюторами какъ || были припасы многие аицарские ик- л. 61 об.
няженецкие | боярские идворянские анелзя нипро^{т}ти нипроехати | ни-
конному ни̇пешему инисоколомъ вонъ вылетити | аизсилна царства мос-
ковскова ивеликова государства | роси^{с}кова аскопинъ[2] князь михаила
васильевичь | онъ правитель царству московскому обережатель | миру
крещеному ивсеи нашеи земли светоруския | что есенъ соколъ вонъ вы-
летывалъ какъ бы | белой кречетъ вонъ выпархивалъ выезжалъ | воевода
московскои князь скопинъ князь ми|хаила васильевичь онъ походъ чи-
нилъ конову | городу какъ ибудетъ скопинъ вонове граде | приезжалъ
онъ скопинъ насъезжеи дворъ | походилъ воизбу восъезжую садился ско-
пинъ | наременчетъ стулъ аиберетъ чернилицу | золотую какъбы вьне
перо лебединое иберетъ | онъ бумагу белую писалъ ерлыки скоропищеты |
восвицкую землю саѯонскую колюбимому брату | названому косвицкому
королю карлосу аб̄мудрости | слово поставлено аи гои еси мои названои
братъ | аты свицкїи король карлусъ аисмилуися | смилосердися смило-
сердися покажи милость | аидаи мне силы наподмочь наше силно
царство | московское литва облегла совсе четыре стороны | приступила
сорочина долгополая аите черкасы | петигорския аите калмыки собаш-
кирцами | аите чюкши солюторами инеможемъ мы | сними управитца
я зокладоваю три города | руския асъерлыками послалъ скорого поч-
таря || своего любимова шурина атаво митрофана фунто|сова какъ ибу- л. 62
детъ почтарь вполувецкои орде | учестна короля честнова карлуса онъ
въезжаетъ | прямо накоролевскои дворъ акосвицкому королю | карлусу
середи двора королевскова скочилъ | почтарь содобра коня везалъ коня
кдубову | столбу сумы похватилъ самъ вополаты | идетъ незачемъ почтарь
незамешкался | приходитъ вополаты белокаменну[3] росковыривалъ |

---

[1] дм *сделано, кажется, из каких-то других букв.*

[2] *Сначала переписчик вместо* н *написал, по-видимому,* л.

[3] у *сделано из какой-то другой буквы.*

суммы вынималъ ерлыки онъ кладетъ королю | накруглой столъ принимавши король роспеча | товаетъ распечаталъ [4] сам просматриваетъ ипечалное | слово повыговорилъ ѿмудрости слово поставлено | ѿлюбимова брата названова скопина князя | михаила васильевича какъ проситъ силы напо | дмочь закладываетъ три города руския | ачестны король честны карлусы показалъ ему | милость великую ѿправляетъ силы сотрехъ | земель аипервыя силы то свицкия адругия | силы саѯонския аитретия силы школския | тово ратнова люду ученова анемного немало | сорокъ тысячеи прибыла сила воновъ городъ | изнова города вкаменну москву уясна сокола | крылья отросли ускопина князя думушки | прибыло апоутру рано ранешонко всоборе | скопинъ онъ заутреню ѿслужилъ ѿслужилъ самъ | впоходъ пошолъ подымавши знаменье | царские аназнаменье было написано чюденъ | спасъ сопречистою надругои стороне было | написано михаило

л. 62 об. игаврило архангелы || еще вся тута сила небесная ввосточкую | сторону походомъ пошли оне вырубили чють | белоглазую иту сорочину долгополую вполуденную | сторону походомъ пошли прекротили черкасъ | петигорскиехъ анемного дралися скоро сами | здались еще ноне тутъ малоросия анасе | верну сторону походомъ пошли прирубили | калмыкъ собашкирцами аназападну сторону | ивночь пошли прирубили чюкши солюторами | акому будетъ божья помочь скопину князю | михаилу васильевичу онъ очистелъ царство | московское ивелико гсдръство росиское навеликих | техъ нарадостяхъ служили обедки смолебнам | икругомъ города ходили вкаменнои москвы | ѿслуживши обедни смолебнами ивсю литоргию | великую навеликихъ карадостяхъ пиръ пошел | апиръ пошелъ ивеликой столъ ископина князя | михаила васильевича провесъ православнои миръ | ивелику славу довеку поютъ скопину князю | михаилу васильевичю какъбы малое время | замешкавши авотоиже славной каменной | москвы утоволи было князя воротынскова | крестили младова кнезевича аскопинъ | князь михаила кумомъ былъ акума была | дочи малютина тово малюты скурлатова | утовота князя воротынскова какъ будетъ | ипочестнои столъ тута было много князеи | ибояръ изваныхъ гостеи будетъ пиръ | вополу пире княженецкой столъ вополу столе | какъ пьянинки тутъ расхвастались силны || хвастаетъ силою богатой хвастаетъ

л. 63 богате | ствомъ скопинъ князь михаила васильевичь | аинепилъ онъ зелена вина толко одно пиво пилъ | исладкои медъ незболшева хмелю онъ похваста | етца авы глупой народъ неразумныя авсе, вы | похваляетесь безделицеи я скопинъ михаила | васильевичъ могу князь похвалитися что | очистелъ царство московское ивелико гсдрство | росиское ещели мне славу поютъ довеку | ѿстарова домалова аѿмалова довеку моего | аитутъ боярамъ забеду стало втотъ часъ | оне дело зделали подъдернули зелья лютова | подсыпали встоканъ [5] вмеды сладкия подавали | куме ево крестовыя малютиной дочи скурлатовой | она знавши кума ево крестовая подносила

---

[4] распечаталъ *надписано, по-видимому, другим почерком и другими чернилами.*

[5] н *сделано, кажется, из* л.

стоканъ | меду сладкова скопину князю михаилу василь|евичу примаетъ скопинъ неѿпираетца онъ | выпилъ стоканъ меду сладкова асамъ говорилъ| таково слово услышелъ воутробе неловко добре | аиты съела меня кума крестовая молютина | дочи скурлатова азазнаючи мне созельемъ | стоканъ подала съела ты мене змея подко|лодная голова сплечь покатилася онъ итутъ | скопинъ скоро сопиру пошелъ онъ садился ско|пинъ [6] надобра коня побежалъ кродимои | матушке атолко успелъ снею проститися | аматушка ему пенять стала го еси мое | чадо милая скопинъ князь михаила | васильевичь я тебе приказовала | невелела ездить кокнязю воротынскому || аиты мене непослушался лишила тебе свету | белова кума л. 63 об.
твоя крестовая малютина | дочи скурлатова онъ квечеру скопинъ ипреста|вился то старина то идеянье какъбы синему | морю наутишенье абыстрымъ рекамъ слава | доморя какъбы добрымъ людямъ напослушанье | молодымъ молодцамъ наперениманье еще | намъ веселымъ молодцамъ напотешенье | сидючи вбеседе смиренныя испиваючи медъ | зелена вина гдека пива пьемъ тутъ ичесть | воздаемъ тому боярину великому ихозяину | своему ласкову: /

ВЗЯТЬЕ КАЗАНСКОЕ ЦАРСТВО [1]

Середи было казанскова царства / что стояли | белокаменны полаты / аизъ спалны белокаме|нной полаты / ѿсна тутъ царица пробужа|лася, царица елена[2] семиону царю она сонъ | расказала, аиты встань семиенъ царь | пробудися, что начесь мне царице мало | спалося, всновиденьице много виделося, какъ | ѿсилнова московскова царства, кабы сизой | орлиш›ша стрепенулся, кабы грозная туча | подымалась, что нанаше веть царство || наплывала, аизсилнова московскова царства, | подымался ве- л. 64

---

[6] ъ *сделано из* ь.

[1] *Наклонные черточки в тексте этой и некоторых из следующих песен (сопровождаемых ссылками на настоящее примечание) передают черточки, которыми в оригинале текст этих песен местами разбит, очевидно, на стихи. Расставлены эти черточки в оригинале несколько позднее, чем написан самый текст, но они сделаны чернилами, очень сходными, если не тожественными, с теми, которыми написан текст, и определенно сказать в каждом отдельном случае, поставлена ли черточка при написании текста или позднее, едва ли можно.*

[2] царица елена *зачеркнуто.*

ликой князь московски, аиванъ | сударь васильевичь прозритель[3] сотемяли пехотными полками, что состарыми славными | казаками, подходили подказанское царство запя|тнадцать верстъ, становились оне подкопью | по^{д}булатъ реку, по^{д}ходили по^{д}другую подреку по^{д}казанку, | счернымъ порохомъ бочки закатали, аипо^{д}гору ихъ ста|новили, по^{д}водили по^{д}казанское царство, воску ярова | свечу становили, адругую веть наполе влагире, еще | наполе свечата згорела, авземлета идетъ свеча тишея, | воспалился тутъ великiи князь, московскiи князь | иванъ сударь васильевичь, прозритель[4] изачелъ | конанеровъ тутъ казнити что начался ѿканонеро^{в} | измена, что болшои заменшова хоронился, ѿменшева | ему князю ѿвету нету, еще тутли молодои кона|неръ выступался, ты великiи сударь князь | московскiи невели ты насъ конанеровъ казнити, | что наветре свеча горитъ скорее, авземлета | свеча идетъ тишѣе,[5] позадумался князь | московски онъ, исталъ тета речи размы|шляти, собою еще какъбы это дело ѿтянути, | оне тета речи говорили, догорела вземле свеча | воску ярова, дотоята бочки счернымъ порохомъ, | принималися бочки счернымъ порохомъ, поды|мала высокую[6] гору^{ту},[7] разбросала белокаменны | полаты, ибежалъ тутъ велики князь | московски, натоели высокую гору^{ту} [7] гдестояли | царские полаты, что царица елена догадала^{с}, | она сыпала соли наковригу, она срадостью | московскаго князя встречала, атаволи | ӏвана сударь васильевича, прозрителя | изато онъ царицу по-
64 л. об. жаловалъ иопривелъ || вкрещеную веру, вмонастырь царицу постригли, | азагордость царя симеена, что невстретилъ | великова князя онъ, ивынялъ ясны очи косица^{м}, | онъ ивзялъ снего царскую корону, иснялъ | царскую перфиду, онъ царской костыль | вруки принелъ, ивто время князь воцарился, | инаселъ вмосковское царство, что тогдаде |москва основалася,^{и} [8] стехъ поръ иве|ликая[9] слава,

---

[3] о *подправлено или сделано из другой буквы.*
[4] *Слово* прозритель *зачеркнуто.*
[5] ш *написано по подскобленному.*
[6] *Вместо* с *сначала было написано* о.
[7] ту *написано, по-видимому, другим почерком.*
[8] и *написано, кажется, другим почерком.*
[9] *Первое* и *зачеркнуто.*

ПОДКАНАТОПОМЪ ПОДГОРОДОМЪ [1]

Зарекою переправою, задеревнею сосновкою, | подконотопомъ под-
городомъ, подстеною бело|каменной, налугахъ лугахъ зеленыехъ,' | тутъ
стоятъ полки царские, всеполки | государевы, даироты были дворянские,
аизда|леча далеча изчиста поля, истоволи изро|здолья широкова, кабы
черныя вороны | тобуномъ тобунилися, собирались съезжали^{с}| калмыки
собашкирцами, напущалися [2] | татарове наполки государевы, оне спра-
ши|ваютъ татарове, исполковъ государевы^{х} | себе сопротивника, аисполку
государева || сопротивника, невыбрали неизстрелцовъ неизса|лдатъ мо- л. 65
лодцовъ, втапоры выезжалъ пожарской | князь, князь семенъ романовичь,
онъ бояринъ | болшеи словетъ пожарской князь, выезжалъ | онъ навы-
лоску, сопротивъ татарина, излодея | наезника, ататаринъ усебя держитъ
врука^{х} | копье вострое, аславны пошарски князь, одну | саблю вострую,
воручѣнки, правыя / какъ два | ясныя соколы,[3] вчистомъ поле слеталися, |
асъезжались вчистомъ поле, пожарской | бояринъ статариномъ, помогаи
богъ князю | семену романовичу пожарскому, своеи саблеи | вострою,
онъ ѿводилъ востро копье татарское, | исрубилъ ему голову, что татарину
наезнику, | азавыли злы татарове поганыя, убилъ уни^{х} | наезника, что
неславнова татарина, азлы | татарове крымския, оне злы далукавые, |
подстрелили добра коня, усемена пожарскова | падаетъ ево окарачь
доброи конь, воскричи^{т} | пожарскои князь, вополки государевы, аивы |
салдаты новобраные, вы стрелцы государевы, | подведите мне добра коня,
увезите пожа|рскова, увезите вополки г^{с}древы, злы | татарове крымские,
оне злы далукавые | аметалися грудою полонили князя пожа|рскова,
увезли ево восвой степи крымския, | ксамому хану крымскому, деревен-
скои шиши|моры, ево сталъ онъ допрашивать / аи гои еси | пожарскои
князь, князь семенъ романовичь, | послужи мне верою, даты верою прав-
дою, | заочью неизменою, еще какъ ты царю || служилъ, дацарю своему л. 65 об.
белому, аитакъта | ты мне служи, самому хану крымскому / я веть |

---

[1] *См. прим.* [1] *на стр. 307.*

[2] *Сначала вместо* л *было написано* р.

[3] *Сначала вместо* л *было написано* р.

буду тебе жаловать, златом исеребромъ, | даиженки прелесными, идушами красными | девицами, ѿвечаетъ пожарскои князь, самом^{у} | хану крымскому, аи гои еси крымскои ханъ, | деревенской шишимары, ябы радъ тебе | служить, самому хаму крымскому, кобы | нескованы мои резвы ноги, данесвязаны белы | руки, вочембуры шелковыя, кабы мне сабелка[4] | вострая, послужилбы тебе верою, натвоеи | буинои голове, я срубилъ тебе буину голову, | скричитъ тутъ крымскои хамъ,[5] деревенской | шишимары, аи вы татары поганыя, увезите | пожарскова нагоры высокия, срубите ему | голову, изрубите ево бело тело, вочасти | вомелкие, разбросаите пожарскова, подалече | чисту полю, кабы черныя вороны, закричали, | загаикали, ухватили татарове, князя семена | пожарскова, повезли ево татарове, оне | нагору высокую, сказнили татарове, князя | семена пожарскова, отрубили буину голову, | изсекли бело тело, вочасти^{во}[6] мелкия, разъ|бросали пожарскова, подалече чисту полю, | оне сами уехали, ксамому хаму крымскому, | оне день другои неидутъ, никто непроведае^{т}, | аисполку было г^{с}древа, казаки двоя выбрали^{с}, | эти двоя казаки молодцы, оне нагору | пешкомъ пошли, изошли тута[7] нагору высо|кую,[8] иувидели те молодцы, то веть[9] тело | пожарскова, голова ево по-
л. 66 собе лежитъ, || руки ноги разбросаны, аево бѣло[10] тело вочасти | изрублено, иразбросано пораздолью широкому, | эти казаки молодцы, ево тело собрали, даводно | место складовали, оне сняли ссебя липовой | лупъ,[11] даитутъ положили ево, увезали | липовои лупъ накрепко, понесли ево пожарского, | конотопу когороду, вконотопе городе, пригоди|лся тамъ епископъ быть, собиралъ онъ | епископъ поповъ идьяконовъ, ицерковныхъ | причетниковъ, итемъ казакамъ удалымъ | молодцамъ, приказалъ обмыть тело пожарскова, | исклали ево бело тело, вдомовище дубовое, | ипокрыли тою крышкою белодубовою, аитутъ | люди дивовалися, что ево тело вместо срасталося, | отпевавши надлежащѣе погребение, бело[12] тело | ево погребли, восыру землю, ипропели петье | вечное, тому князю пожарскому,

---

[4] *Сначала вместо* б *было написано* м.
[5] м, *кажется, сделано из* н.
[6] во *надписано другим почерком.*
[7] ут *написано по подскобленному.*
[8] в *сделано из* б.
[9] ь *сделано из* ъ.
[10] ѣ *написано по подскобленному.*
[11] ъ *сделано, кажется, из* ь.
[12] *Сначала вместо* л *была написана какая-то другая буква, кажется,* ѣ.

СВЕТЕЛЪ РАДОШЕНЪ ЦАРЬ АЛЕѮЕИ МИХАИЛОВИЧЬ

Когда светелъ радошенъ вомоскве[1] благовернои | царь[2] алеѮеи царь[2] михаиловичь народилъ | богъ ему сына царевича петра алеѮеевича | первова императора поземле всето руския | какъ плотники мастеры вовсю[3] ноченку | неспали колыбель люлку делали оне || младому царевичю аи- л. 66 об. нянюшки мамушки | сенныя красныя деушки вовсю ноченку неспали | шинъкарочку вышивали побелому рытому | бархоту оне красныемъ золотомъ тюрмы | спокаяннами оне все распущалися аипогребы | царские оне все растворялися уцаря благо|вернова еще пиръ истолъ нарадосте акнязи | збиралися бояра съезжалися идворяна | сходилися авсе народъ божеи напиру пьютъ | едятъ прохложаютца вовеселье врадосте | невидали какъ дни прошли для младова | царевича петра алеѮѣевича[4] первова | императора,

КОГДА БЫЛО МОЛОТЦУ ПОРА ВРЕМЯ ВЕЛИКАЯ[1]

Когда было молодцу, пора время великая, честь | хвала молодецкая, гͨдь богъ миловалъ / гͨдрь царь | жаловалъ, отецъ мать молодца, усебя волюбве | держалъ, аиродъ племя намолодца, немогутъ | насмотретися,

[1] *Первое* о *вписано.*
[2] ь *сделано из* ъ.
[3] ю *сделано из* е.
[4] петра алеѮѣевича *написано гораздо более крупными буквами, чем остальной текст.*

[1] *См. прим.* [1] *на стр. 307.*

суседи ближния, почитаютъ | ижалуютъ, друзья итоварыщи, насоветъ | съезжаютца, совету советовать, крепку | думушку думати, оне прослужбу
л. 67 царскую, | ипрослужбу воинскую, скатилась[2] ягодка, || съсархановa деревца, | ѿломилась веточка, ѿку|дрявыя ѿяблони, ѿстаетъ доброй молодецъ ѿотца | сн҃ъ отматери, аныне ужъ молодцу, безвремянье | великое, гс҃дь богъ прогневался, гс҃дрь царь гневъ | взложилъ, оц^{т}ъ имать молодца, усебя невлюбве | держлъ, аиродъ племя молодца, немогутъ ивидети, | суседи ближния, нечтутъ нежалуютъ, адрузья | товарыщи, насоветъ несъезжаютца, совету | советовать, крепку думушку думати, прослужбу | царскую, ипрослужбу воинскую, аныне ужъ молодцу, | кручина великая, ипечаль немалая, скручиныде[3] | молодецъ, сопечали великия, пошелъ доброй | молодецъ, онъ насвой конюшенной дворъ, бралъ[4] | доброи молодецъ, онъ добра коня стоялова /[5] нало|жилъ доброи молодецъ, онъ уздицу тесмяную, | седелечко черкаское, садился доброи молодецъ, | надобра коня стоялова, поехалъ доброи молодецъ, | начюжу далну сторону, какъбы будетъ молодецъ, | уреки смородины, аизмолитца молодецъ, аиты | мать быстра река, та быстра река смородина, | ты скажи мне быстра река, ты пброды | конииныя, промосточки калиновы, перевозы | частыя, провещитца быстра река, человечески^{м} | голосомъ, даидушеи красной девицеи, я скажуте | быстра река, доброи^{му}[6] молодецъ,[7] я пброды | кониныя, промосточки калиновы, перевозы частыя, | собpоду конинова, я беру подобру коню, сперевозу | частова, поседелечку черкескому, сомосточку | калинова, поудалому молодцу, атебѣ безвре|мяннова молодца, я итакъ тебѣ пропущу, | переехалъ молодецъ, зареку засмородину, | онъ ѿехалъ молодецъ, какъбы версту другую, | онъ своимъ глупымъ ра-
л. 67 об. зумомъ, молодецъ || похваляетца, асказали пробыстру реку смородину, | непрот҃и непроехати, непешему никонному, она | хуже быстра река, тое лужи до^{ж}жевыя, скричитъ | замолодцомъ, какъ всугонь быстра река сморо|дина, человеческимъ языкомъ, душеи красной | девицеи, безвремянной молодецъ, ты забылъ | забыстрои рекои, два друга сердечныя, два востра | ножа булатныя, начужои далнои стороне, оборона | беликая, воротился молодецъ, зареку засмородину, | нелзя что неѣхати, зареку засмородину, неузналъ | доброи молодецъ, тово броду конинова, неувиделъ | молодецъ, перевозу частова, ненашолъ доброи | молодецъ, онъ мосточку колинова, поехалъде | молодецъ, онъ глубокими омоты, онъ перву | ступень ступилъ, почеревъ конь утонулъ, другу | ступень спилъ, поседелечко черкеское, третью ступень | конь ступилъ, уже гривы невидити, аизмолитца | молодецъ, аиты мать быстра река, ты быстра | река смородина, кчему ты меня топишъ, безвре|мяннова молодца, провещитца

[2] ь *сделано из* ъ.
[3] р *вписано.*
[4] бралъ *написано по подскобленному.*
[5] *В оригинале здесь черточка пересекает поставленную сначала запятую.*
[6] му *надписано, по-видимому, другим почерком.*
[7] *Над* ъ, *кажется, надписано* у.

быстра река, | человеческимъ языкомъ, она душеи красной | девицеи, безвремянnои молодецъ, нея тебе | топлю, безвремяннова молодца, топитъ [8] | тебе молодецъ, похвалба твоя пагуба, | утонулъ доброи молодецъ, вомосквереке | смородине, выплывалъ ево доброи конь, накру|тые береги, прибегалъ ево доброи конь, котцу | ево кматери [9] налуке наседелныя, ерлычекъ | написанои / [10] утонулъ, доброи молодецъ / [10] вомоскве | реке смородине,

ПОД РИГОЮ СТОЯЛЪ ЦАРЬ ГОСУДАРЬ

л. 68

Аподславнымъ было городомъ подригою чтостоял | царь гсдрь потри годы, еще бывшеи алеѯеи | царь михаиловичь, изволилъ царь гсдрь нарежатися, | нарежаетца царь государь вкаменну москву, аибы|вшеи алеѯеи царь михаиловичь; что поутру | было рано ранешонко, какъ насветлой заре | наутренеи, навосходе было краснова солнушка, | какъбы гуси лебеди воскикали, говорили салдаты | новобраныя,[1] асветъ гсдрь благовернои царь, | аибывшеи алеѯеи царь михаиловичь, ты | изволишъ нарежатца вкаменну москву, | неоставь ты насъ бедныхъ подригою, ушъ | итакъ намъде рига наскучила, онаскучила | намъ рига напрокучила, много холоду | голоду принели, наготы босоты вздвое | того, что злата труба подригою протрубила, | прогласилъ гсдрь благоверной царь, аиде|-тушки вы салдаты новобраные, неоднимъ | вамъ ригата наскучила, самому мне гсдру | напроскучила, когда богъ насъ принесетъ | вкаменну москву, азабудемъ бедность нужу | великую, аивыставлю вамъ погребы царския, | что спивомъ свиномъ меды сладкия:/.

---

[8] ъ *сделано из* ь.
[9] к *или* и *написано в оригинале не вполне ясно.*
[10] *В оригинале здесь черточки пересекают поставленные сначала запятые.*

[1] а *сделано, кажется, из* ы.

л. 68 об.

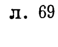
ПОХОДЪ СЕЛЕНГИНСКИМЪ КАЗАКАМЪ

Азаславнымъ[1] было батюшкомъ забоикаломъ | моремъ, аивверхъ было поматке селенге | пореке, изверхнева острогу селендинскова, толко | высылка была удалымъ молодцамъ, была | высылка добрымъ молодцамъ, удалымъ моло|дцамъ селенденскимъ казакамъ, авторая высылка | посолскимъ стрелцамъ, наподачу имъ даны | были тобуноцки мужики, тобуноцки мужики | люди ясашныя, воевода походилъ уних федоръ | молодой дементьяновичь, есауломъ походилъ | унево братъ родной, апоименю прокопеи козѣевъ | молодецъ, переправились казаки заселенгу зареку, | напущались наулусы намунгалския, погрехамъ | надулусами учинилося, амунгаловъ вдомахъ него|дилося, оне ездили зазверями обловами, оне тута | казаки усмехаютца, разорили все улусы мȣнгалские,[2] онъ | женъ детеи мунгаловъ вополонъ взяли,[3] шкарбъ ижи|вотъ унихъ обрали весь, оне стали казаки перепра|влятися, надругу сторону заселенгу зареку,[4] опилися кумысу | кобыльева молока, иззатово было белова каменя, какъбы | черныя вороны налетывали, набегали тутъ мунгалы | изчиста поля, учинилася бои драка тутъ великая, | оне женъ детеи мунгалокъ иббили назадъ, апри|били казаковъ много досмерти, вдвое втрое | казаковъ ихъ переранили, тобуноцки мужики | напобегъ пошли, досталныхъ казаковъ своихъ | выдали, априбудутъ казаки вселенденскои острогъ, | побазарамъ казаки оне похаживают, аихва|стають казаки селендинскїй, молодцы, асвоими | веть дырами широкими:/

---

[1] ы *сделано, кажется, из* о.
[2] ȣ *сделано из какой-то другой буквы.*
[3] *Сначала вместо* з *переписчик написал, по-видимому,* с.
[4] за *вписано.*

ПОДАЛАМЪ ДЕВИЦА КОПАЛА КОРЕНЬЯ ЛЮТАЯ



Кабы погарамъ горамъ повысокиемъ горамъ | кабы подаламъ доламъ поширокиемъ доламъ аипо|краи было моря синева ипотемъ похорошиемъ | зеленымъ лугамъ тутъ ходила гуляла душа | красная девица акопала она коренья зелья лютое | она мыла те кореньица всинемъ море асушила | кореньица вмуравленои печи растирала те коренья | восеребреномъ кубце разводила те кореньица меды | сладкими разсычала коренья белымъ сахоромъ ихотела | извести своего недруга невзначае извела своего друга | милова она породу братца родимова иросплачитца | девица надмолодцомъ она плачетъ девица убива|ючи она жалобна девица причитаючи занапрасно | головушка погибнула,

ПЕРЕДНАШИМИ ВОРОТАМИ УТОПТАНА ТРАВА

Переднашими широкими воротами аутоптана | трава утолочена мурава а^{с}шипаны цветочки ла|зоревые еще кто траву стопталъ кто мураву | столочилъ сотоптала столочила красная девица || душа стоючи она снадежею смилымъ другомъ | онъ держалъ красну девицу забелы ручки иза|хороши заперстни злаченыя целовалъ миловалъ | косерцу прижималъ называлъ красну девицу | животомъ своимъ ипроговоритъ девица | душа красная ты надежа мой надежа серде|чной другъ анечесть твоя хвала молоде|цкая безчисла болно надежа упиваесься аиты|мнои красной девицей похваляис^{с}я аиты будто | надомной все насмехае^{с}ся ему ту^{д}та молоцу | забеду столо какъ онъ бьетъ красну девицу | побелу её лицу онъ разшибъ удевицы лицо | белое проливалъ удевицы кровь горячую | замаралъ надевицы платье цветное распла|читца девица передмолодцомъ когда тебе | девица невлюбви пришла аиты зделай | мне надежа ветлянинкой стружекъ аиты | зделаи мне нанемъ муравленои чердачокъ | аизделаи беседу дорогъ рыбеи л. 69 об.

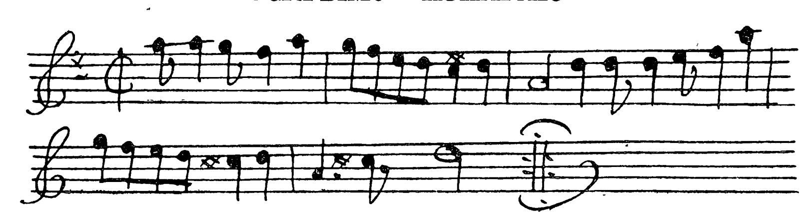
зубъ испо|дерни ту беседу рытымъ бархатомъ | аидаи мне надежа пятдесятъ гребцовъ | адругое пятдесятъ впровожатые ѿпусти | меня другъ надежа засине море засине | море вопочестной мнстрь постригусь я | молодешунка посхимлюся напострыженья | ты даи мне пятдесятъ рублевъ напосхи|менья[1] даи мне другое патдесятъ.

ДАНЕЖАЛ ДОБРА МОЛОТЦА БИТОВА ЖАЛ ПОХМЕЛНОВА

л. 70

Аинежаль мнека битова грабленова аитоволи | ивана сутырина толко жаль доброва молодца | похмелнова атоволи кирилы[1] даниловича упохме|лнова доброва молодца боина голова болитъ | авы милы мои братцы товарыщи друзья вы | купите винца опохмелтя молодца хотя горко | дажитко даваи еще замените мою смерть животом | своимъ еще невкое время пригожусь я вамъ всемъ.|

ІСКРЫМУ ІИЗНАГАЮ



Аискрымули братцы изнагаю истояли орды бесурманския аехали | два братца родимыя подболшимта братомъ конь уставаетъ | аменшей заболшева умираетъ аи гои еси мой братецъ | родимой ая тебѣ братецъ посверстняе апеша ту доро|женку повыду когда было добру молодцу время | народъ господа ево почитали астало доброму молодцу | безвременье нехтоде молодца непочитаетъ асамъсе | молодецъ размышляетъ соколълито насемъ | свете нептица наевота безвременьица бываетъ | онъ пешъда почисту полю гуляетъ худаята | птичка куличонко ита надсоколомъ насмеялась | напередта ево залетела,

---

[1] *Сначала вместо* х *переписчик написал* к *или* и.

Сначала вместо л *было написано* р.

ПОКРАИ МОРЯ СИНЯГО СТОЯЛЪ АЗОВЪ ГОРОДЪ [1]

л. 70 об.

Аипокрай было моря синева, что наусье | донута тихова, накрутомъ красномъ берешку, | нажелтыхъ разсыпныхъ [2] пескахъ, астоитъ | крепкой азовъ городъ, состеною белокаменною | землянами роскатами, ировами грубокими, | исобашними караульными, середи азова города, | стоитъ темная темница, азлодеика земляная | тюрма,[3] ивотои было темной темницы, что | двери были железныя, азамокъ былъ | втри пуда, апробои были булатныя, какъ | засовы были мѣдныя, что вотои темной | темницы, засажонъ сидитъ донскои казакъ, | донск. козакъ [4] ермакъ тимофѣевичь, мимо той датемнои | темницы, лучилося царю иᵀти/, самому, | царю тому/ турецкому салтану салтановичу/ [5] | акричитъ донскои казакъ | ермакъ тимофѣ|евичь, аты гои еси турецкои царь / салтанъ | салтановичь/ [5] прикажи ты меня поить | кормить/ [6] либо казнить либо наволю пустить/, | постоялся турецкои царь/ салтанъ салта|новичь/ [6] амурзы вы улановья/ [6] авы зга|ркаите истемницы/ [6] тово тюремнова|старосту/ [6] аимурзы улановья/ металися || черезъ голову/, привели ево улановья/ [6] оне ста|- л. 71
росту [7] тюремнова, исталъ онъ турецкои царь, | утюремнова старосты спрашивать, еще что | зачеловекъ сидитъ, ему староста росказываетъ, | аиты гой еси турецкои царь / салтанъ салта|новичь/, что сидитъ унасъ донскои казакъ/ | ермакъ тимофѣевичь/ [6] иприказалъ скоро | турецкои царь, вы мурзы улановья / ведите | донскова казака, кополатамъ моимъ ца|рскиемъ, еще втапоры турецкои царь/, | напоилъ накормилъ добрᵃова [8] молодца [6]/ итожно | сталъ ево спрашивати/, аты гои еси | донскои казакъ/ [6] еще какъ ты кнамъ | вазовъ попалъ, росказалъ ему донскои казакъ/, | аия посланъ искаменнои москвы/ [6] ктебе царю | вазовъ городъ/ [6] аипосланъ былъ скорымъ | посломъ/ [6] игостинницы дорогие ктебе везъ/ [6] | а [9] назаставахъ

---

[1] *См. прим.* [1] *на стр. 307.*

[2] н *сделано из какой-то другой буквы.*

[3] ю *сделано из какой-то другой буквы, кажется, из* у.

[4] донск. козакъ *написано более новым почерком.*

[5] *В оригинале здесь черточки пересекают поставленные сначала запятые.*

[6] *В оригинале здесь черточки пересекают поставленные сначала запятые.*

[7] ст *написано по подскобленному.*

[8] ова *зачеркнуто;* а *надписано, кажется, другим почерком.*

[9] а *написано в оригинале, по-видимому, другим почерком на полях, на некотором расстоянии от* на *(которое в оригинале находится в начале строки).*

твоихъ / меня всего ограбили/ [6] | имурзы улановья / моихъ товарыщеи, разсадили | добрыхъ молодцовъ/ [6] ипоразнымъ темнымъ | темницамъ/ [6] еще втапоры турецкои царь/, | приказалъ мурзы улановьямъ/ [6] собрать добры[х] молодцовъ/ ермаковыхъ товарыщевъ, опущаетъ | добрыхъ молодцовъ / ермака вкаменну москву/, | снарядилъ доброва молодца / ермака тимофѣевича [10]/, | наградилъ златомъ серебромъ/ [6] еще питьями | заморскими/ [6] отлучился донскои казакъ/ базова | города/ [6] загулялся донскои казакъ/ поматушке | волге реке,/неявился вкаменну москву,

БОРИСА ШЕРЕМЕТЕВА [1]

л. 71 об.

Вославномъ городе воре[ш]ке/по нынешнему | званию шлюшенбурха [2] / пролегла тута широ|кая дорошка, потои поширокой дорошке, идетъ | тутъ царевъ болшой бояринъ, князь борисъ | сынъ петровичь шереметевъ, сотемя онъ сопе|хотными полками, соконницею исодрагунами, | соудалыми донскими казаками, вошли оне | вокрасную мызу, промежу темя высокими | горами, промежу темя широкими долами, | авсе полки становилися, автапоры борисъ | сынъ петровичь, вобъездъ онъ донскихъ | казаковъ [3] посылаетъ / донскихъ гребецкихъ, | да еицкиехъ/какъ скрали оне швецкия | караулы / маэора себе вополонъ полонили/ | привезли ево влагири царския / злата | труба вполе [4] протрубила / прогласилъ г[с]дрь | слово молвилъ /г[с]дрь московской первой | ǰмператоръ [5] /, аи гои еси борисъ сынъ пе|тровичь, изволты маэора допросити, | тихонко помалешунку, асколкоде силы | ворешке, увашего короля швецкова, говоритъ | тутъ маэоръ несупадкою, асталъ онъ силу | расказавать, сгенераломъ вполе нашимъ | сорокъ тысячеи, скоролемъ вполе сметы нетъ, ‖ автапоры
л. 72 царевъ болшеи бояринъ кназь, | борисъ сынъ петровичь шереметевъ, асамъ | онъ царю репортуетъ, что многоде силы | вполе тои швецкой, сгенераломъ стоитъ | силы сорокъ тысячеи, скоролемъ вполе силы |

---

[10] тимофѣевича *написано по подскобленному.*

[1] *См. прим.* [1] *на стр. 307.*
[2] по нынешнему званию шлюшенбурха *зачеркнуто.*
[3] *После слова* казаковъ *стоит запятая, перечеркнутая двумя черточками.*
[4] о *сделано из* е.
[5] *Слово* ǰмператоръ *написано более крупными буквами, чем остальной текст.*

смету нетъ, злата труба вполе влагире | протрубила, прогласилъ первои императоръ | аи гои еси борисъ петровичь, неустрашися | маэора [6] допросити, некорми маэора целы | судки, еще вы ево повторите, другие вы судки, | некормите исладко онъ роскажетъ, сколко | унихъ силы швецкия, автапоры борисъ | петровичь шереметевъ, натото болно догадли[в], | адвоеде судки маэора некормили, вотретьй | винца ему подносили, автапоры маэоръ | росказалъ, правду истинну росказалъ, всемъ | скоролемъ нашимъ/ [7] игенераломъ, силы семь | тысячеи/ [7] аболѣе того нету/ [7] итутъ г^сдрь звесе|лился / велелъ ему маэора голову отляпать: [8]/

БЛАГОСЛОВИТЕ БРАТЦЫ ПРОСТАРИНУ СКАЗАТЬ

Благословите братцы старину сказать | какъбы старину стародавную какъбы встары | годы прежния воте времена первоначалныя | аисынъ наматере снопы возилъ молода | жена вприпрежи была ево матушка | обленчива молода жена зарывчева молоду | жену свою подъдерживалъ онъ матушку || свою подстегивалъ своимъ кнутикомъ воро|винныемъ л. 72 об.
изорвался кнутикъ онъ березиной.

КНЯЗЯ РЕПНИНА

Промежъ [1] было казанью промежъ астраханью | апониже города саратова аповыше было | города царицына истоели было нагорную | сторонушки какъбы прошла протекла камы|шевка река своимъ усьемъ она

[6] *Сначала вместо* м *была написана какая-то другая буква.*
[7] *В оригинале здесь черточки пересекают поставленные сначала запятые.*
[8] велелъ ему маэора голову отляпать *зачеркнуто.*

[1] *Сначала вместо* ъ *было написано* у.

впала вма|тушку волгу реку апославнои было матушке | камышевке реке выгребали выплывали пятде|сятъ лехкихъ струговъ воровскиехъ казаковъ | анавсякомъ стружечку попятдесятъ гребцо[в] | попятдесятъ гребцовъ воровскиехъ казаковъ | заплывали загребали вколовинские острова | становились молодцы вотихихъ заводяхъ | выгулять оненазеленые луга раставили | маиданы терския ираздернули ковры сорочи|нския аиграли казаки золотыми оне тавле|ями хтоде костью хтоде картами все удалы | молодцы посмотрятъ молодцы внизъ | поволге реке какъбы чернта наволге | зачернеетца аидутъ гребныя изастрахани | дожидались казаки удалые молодцы губе|рнатора изастраханй репнина князя | да-
л. 73 нилу але҃андровича анашто душа рождена || тово богъ идалъ подошли [2] те гребныя вколовинъ|ские острова ибросали казаки оне потехи все | ибросалися восвой легонски струшки напущалися | казаки нагребныя струги оне все тута торго|выхъ перещупали оне спрашиваютъ губернатора | изастрахани атоколи онъ свами покажите ево | намъ адовасъ докупцовъ удалыхъ молодцовъ | идела нетъ потаили купцы губернатора | усебя оне спрятовали подтовары подсвой | говорили молодцы воровские казаки авы сами | себе враги зачто ево спратовали обыскали | подтоварами губернатора репнина князя | данилу але҃андровича изрубили ево вочасти | мелкия разбросали поматушке волге реке аевото | госпожу губернаторску жену исомалыми детушка[м] | ѡне все молодцы воровские казаки помиловали | акупцовъ молодцовъ ограбили насыпали червонца[м] | лехки свой струги пошли покомышевке реке:/|

ВОСИБИРСКОИ УКРАИНЕ ВВОДОУРСКОИ СТОРОНЕ [1]

Восибирской воукраине | водаурской стороне / | вдаурской стороне / анаславной намуре реке / | наусье [2] комары реке / казаки царя белова / | оне острогъ поставили / острогъ поставили | есакъ царю собрали /

---

[2] *Переписчик сначала вместо* подошли *написал, кажется,* пошли.

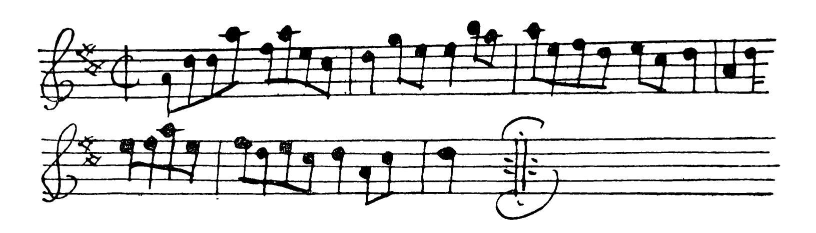
[1] *См. прим.* [1] *на стр. 307.*
[2] у *вписано.*

и³засабелки вострыя / | иззасабли вострыя / изакрови горячи / кругъ оне, || острогу камарскова / оне [3] глубокой ровъ вели / | высокои валъ вали- л. 73 об.
лися / рогадки ставили / | чеснокъ колотили / смолье приготовили [4] / поутру | рано ранешонко / равно дватцать пять человекъ / | выходили молодцы оне / наславну амуру реку / | сневодочками шелковыми / оне порыбу свежею / | нещастье зделалось / надъудалыми молодцы / | издалеча изчиста поля / израздолья широкова / | схрепта шингалскова / и³забелова каменя / | и³заручья глубокова / выкоталася знамечка / | выкоталася знамечко [5] болшѣе / боидоской [6] | азнамя зазнамемъ идетъ / арота заротами | валитъ / идетъ боидоской князецъ / онъ | сосилою поганою / сосилою поганою / коѡстрогу | комарскому | какъ вешнея вода / полугамъ разли|лася / облелеила сила поганая / вкругъ острогу | комарскова / ѿрезали указаковъ / ретиво серце | спеченью / полонили молодцовъ / дватцать пять | человекъ / сневодочки шелковоми / исрыбою свежею. / | аиездитъ боидоской князецъ / насвоемъ надобро^м | коне / какъ чернои воронъ летаетъ / кругъ | острогу комарскова / кричитъ боидоскои князецъ / | коострогу комарскому / аздаитеся казаки | / изострогу комарскова / аибуду ^васъ жаловать / златомъ | серебромъ / даиженски прелестными / аженскими [7] | прелестными / идушами красными [7] девицами.[8] ^ы нездаютца казаки / воѡстроге сидечи / кричатъ | оне казаки / своимъ громкимъ голосомъ / | ѿезжаи боидоскои князецъ / ѿострогу комарскова / | автапоры боидоско князецъ / сосвоею силою [9] | поганою / плотнои приступъ чинить / коострогу / комарскому | казаки оне справилися / за ружье | зграбелися / абыла указаковъ / три пушки. || медныя аружье долгомерное / три пушечки | гунули / аружьемъ вдругъ л. 74
грянули, априбили | оне казаки, тое силы боидоские, тое силы | боидоские, бу^тто мушки ильинские, тое | силы поганые, заклинался боидоскои князецъ, | бегучи ѿѡстрогу прочь, ѿѡстрогу комарскова, | асамъ заклинается, анедаи боже напредки | бывать, наславнои амуре реке, крепость | поставлена аикрепость поставлена крепкая /. | изделанъ гостинои дворъ илавки каменны [10]: /

---

[3] е *сделано из какой-то другой буквы.*
[4] *Первое* и *сделано из* о; от *написано по подскобленному.*
[5] *Слово* знамечко *зачеркнуто.*
[6] *Слово* боидоской *зачеркнуто.*
[7] ми *зачеркнуто.*
[8] ами *зачеркнуто*; ы *написано, по-видимому, другими чернилами.*
[9] ю *сделано из* й.
[10] изделанъ гостинои дворъ илавки каменны *зачеркнуто.*

НИКИТЕ РАМАНОВИЧУ ДАНО СЕЛО ПРЕБРАЖЕНСКОЕ



Давстарые годы прежния воте времена | первоначалныя когда воцарился царь гⷭдрь | агрозны царь иванъ васильевичь что | взялъ онъ царство казанское симеона | царя вополонъ полонилъ сцарицею соеленою | выводилъ онъ измену искиева что вывелъ | измену изнова города что взялъ резань | взялъ иастрахань аныне уцаря вкаменной | москве что пиръ идетъ унего навеселе | апиръ идетъ прокнязеи пробояръ прове|лможы [1] гости богатыя протехъ купцовъ | просибирскиехъ какъ
л. 74 об. будетъ летнѣетъ | день вполовина дня смиренна беседушка || навеселе авсе тута князи бояра ивсе напиру | напивалися промежъ собою оне расхвасталися | асилной хвастаетъ силою богатаетъ хвастаетъ | богатеством злата труба вцарстве протру|била прогласилъ царь гⷭдрь слово выговорилъ | аглупы бояра вы неразумныя авсе вы безде|лицой хвастаетесь асмею я царь похва|литися [2] похвалитися ипохвастати что | вывелъ измену я изкиева давывелъ измену | изнова города авзялъ я резань взялъ | иастрахань вполатахъ злата труба протру|била прогласилъ вполатахъ царевичь моло|дой что меншеи федоръ ивановичь агрозной | царь иванъ васильевичь невывелъ измены | вкаменнои москве что есть унасъ вкаме|нной москве что три болшия боярина | атри годуновы изменники зато слово царь | спохватается ты гои еси чадо мое милое | что меншеи федоръ ивановичь скажи мне | протрехъ ты бояриновъ протрехъ злодеевъ | изменниковъ первова боярина вкотле | велю сварить другова боярина велю наколъ | посадить третьева боярина скоро велю | сказнить оⷮветъ держитъ тутъ царе|вичь [3] молодой что меншеи [4] федоръ [5] ива|новичь агрознои царь иванъ васильевичь | ты самъ пронихъ знаешъ иведаешъ | протрехъ болшихъ бояриновъ протрехъ | годуновыхъ изменниковъ ты пьешъ | сними ешъ съеднова блюда единую чарой | сними требуешъ то слово царю невзлюбилося | то слово непоказалося несказалъ онъ | изменниковъ поимени ему тута забеду стало, ||
л. 75 завеликую досаду показалося скрычалъ онъ | царь зычнымъ голосомъ аестли вмоскве | немилос-

---

[1] ж *сделано, по-видимому, из* н.
[2] л *написано по подскобленному.*
[3] ичь *написано по подскобленному.*
[4] нш *написано по подскобленному.*
[5] ъ *сделано из* ь.

тивы палачы возмите царевича за|белы ручки ведите царевича соцар-
скова двора | зате завороты москворецкия заславную мату|шку замоскву
зареку зате живы мосты кали|новы ктому болоту поганому котои колуже |
кровавыя котои коплахе белодубовой авсе | палачи испужалися что все
вмоскве разбе|жалися единъ палачь непужаетца единъ | злодей высту-
паетца малюта палачь сынъ | скурлатовичь хватя онъ царевича забелы |
ручки повелъ царевича замоскву зареку | перепахнула вестка нерадошна
вото восело | вромановское вромановское вобоярское коста|рому никите
романовичу нерадошна вестка | кручинная аи гои еси сударь мои дя-
дюшка | ты старои никита романовичь аспишъ | лежишъ опочивъ дер-
жишъ али те никите | мало можется надсобою ты невзгоды неве|даешъ
упала звезда поднебесная потухла | всоборе свеча местная нестало ца-
ревича | унасъ вмоскве аменшева федора ивановича | много никита невы-
спрашиваетъ аскоро | метался наширокой дворъ скричалъ онъ | никита
зычнымъ голосомъ аконюхи мой | приспешники ведите наскоре добра
коня | неседленова неуздонова скороде конюхи мета|лися подводятъ
наскоре добра коня | садился никита надобра коня засебя | онъ никита
любимова конюха хватилъ | поскакалъ заматушку москву зареку ашап-
кой | машетъ головои качаетъ кричитъ онъ реветъ || зычнымъ голосомъ л. 75 об.
народъ православнои неубеитеся | даите дорогу мне широкую настигъ
палача | онъ вополу путя недошедъ доболота поганова | кричитъ наево
зычнымъ голосомъ малюта | палачь сынъ скурлатовичь незасвоискои
кусъ|ты хватаесься аэтимъ кусомъ ты подависся | непереводи ты роды
царския говоритъ малюта | немилостивой палачь ты гои никита романо|-
вичь анашета дела повеленое али палачу | мне самому быть сказнену
ачемъ окровенить [6] | саблю вострую что чемъ окровенить руки | руки
белыя асчемъ притить кцарю [7] предъочи | предъево очи царския ѿвечаетъ
никита рома|новичь малюта палачь сынъ скурлатовичь | сказни ты люби-
мова конюха моево окровени | саблю вострую замараи вкрове руки бе-
лыя | свои астемъ поди кцарю предъочи передъ [8] ево | очи царския
амного палачь невыспрашиваетъ | сказнилъ любимова конюха ево окро-
венилъ | саблю вострую заморалъ руки белыя свой | апрямо пошелъ
кцарю предъочи подмастерья | ево голову хватилъ идутъ кцарю предъочи |
ево царския въево любимою крестовою | агрозны царь иванъ васильевичь
завидевши | сабелку вострую авостру саблю кровавую | тово палача
немилостива потомже увиделъ | иголову унихъ агдека стоялъ онъ итута |
упалъ что резвы ноги подломилися что | царски очи замутилися что потри
дня | нипьетъ неестъ народъ християне право|славныя положили люби-
мова конюха нате || нателеги наординския привезли доивана | великова л. 76
где кладутца цари ицаревичи где | ихъ роды роды царския завсегда
звонятъ | воцарь колоколъ астарой никита романовичь | хватя онъ царе-
вича надобра коня посадилъ | увесъ восело свое романовское вроманов-

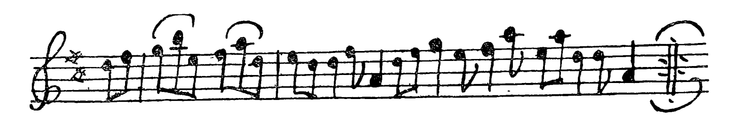
[6] к *сделано, кажется, из* р.
[7] ю *написано по подскобленному.*
[8] *Первое* е *вписано.*

ское | ибоярское непива ему варить невина курить | апиръ пошолъ унего нарадостяхъ автрубки | трубятъ поратному борабаны бъютъ пово|инскому утои уцеркви соборныя збиралисъ | попы идьяконы авсе веть причетники церко|вныя ѽпевали любимова конюха автапоры | пригодился царь агрозны царь иванъ василь|евичь атрижды земли намогилу бросилъ | спечали царь поцарству пошелъ потемъ | широкимъ поулицамъ ате бояра годуновые | идутъ сцаремъ сами подмолвилися ты | грозны царь иванъ васильевичь утебя кру|чина несносная убоярина пиръ идетъ навеселе | устарова никиты романовича агрозны царь | онъ икрутъ добре послалъ посла немилостивова | что взять его никиту нечестно кнему | пришолъ посолъ кобоярину вдомъ взялъ | никиту нечстно повелъ привелъ коцарю | предъясны очи недошедъ никита поклоня|етца оправу руку досыру землю агрозны | царь иванъ васильевичь авправои руке | держитъ царской костыль авлевои руке | держтъ царско жезло понашему сибирскому | востро копье аткнетъ онъ никиту вправу | ноги пришилъ ево косырои
л. 76 об. земли асамъ | онъ царь приговариваетъ велю я никиту || вкотле сварить вкотле сварить либо наколъ | посадить наколъ посадить скоро велю сказнить | уменя кручина несносная аутебя боярина пиръ | навеселе кчему ты никита вдоме добре радо|шенъ али ты никита какой городъ взялъ | али ты никита корысть получилъ говоритъ | онъ никита несупадкою ты грозны царь иван | васильевичь невели мене казнить прикажи | говорить адля того умене пиръ навеселе | что втрубочки трубятъ паратному вбарабаны | бъютъ повоинскому утешаютъ млада царевича | что меншева федора ива́новича амного царь | невы́спрашиваетъ хватя никиту заправу | руку пошелъ впалаты вобоярския ѽворяли | царю напету вошелъ[9] впалаты вобоярския | поднебестна звезда ушъ высоко взашла | всоборе местна свеча затеплялася увиделъ | царевича воболшомъ месте вболшомъ месте | впереднемъ угле подместными иконами | беретъ онъ царевича забелы ручки агрозны | царь иванъ василльевичь целовалъ ево воуста | сахарныя скричалъ онъ царь зычнымъ | голосомъ ачемъ боярина пожаловати | астарова никиту романовича апогребъ тебе | злата серебра второе тебе питья разнова | асверхъ того грамата тарханная кто це|ркву покрадетъ мужикали убьетъ ахто ужива | мужа жену уведетъ иуидетъ восело вобоярское | костарому никите романовичу итамъ быть | имъ неввыдоче абыло это село боярское что | стало село пребраженское потои пограмоте | тарханныя ѽныне ана словетъ ї̈довеку: /

---

[9] ш *сделано, по-видимому, из какой-то другой буквы.*

ИЗМАНАСТЫРЯ БОГОЛЮБОВА СТАРЕЦЪ ИГРИМИЩО л. 77



Ѷзмонастыря даизбоголюбова идетъ старецъ | игренища игренища
кологрениша аиходитъ онъ | помнстрю просилъ честныя млстыни ачемъбы |
старцу душа спасти душа спасти душа спасти | еѣ враи спусти пришолъта
старецъ подоко|шечко человеку ктому богатому просилъ честную | онъ
млстню просилъ редечки горкия просилъ онъ | капусты белыя атретьй
свеклы красныя атотъ | удалой господинъ добре сослалъ редечки гор-
кия | итои капусты онъ белыя аитои свеклы красныя | астоюли девушкой
повареннаю сошла та девка | содвора она изате завороты зашарокия |
посмотритъ старецъ игрениша кологренища | вовсе четыре онъ востороны
неувиделъ старецъ | онъ игрениша вовсехъ четырехъ восторонушках |
никакихъ людей нешатаются нематаютца | анерадта старецъ игрениша
аитоели редечки | горкия аитой капусты белыя атретьи свеклы | красныя
аирадта девушке чернаушке ухва|тилъ онъ деушку чернаушку ухватилъ |
онъ посадилъ вмешокъ сотоюта редкою | горкаю исотой капустой белою
исотой сосвеклой | сокрасною пошелъ онъ старецъ поманастырю | иуви-
дели ево ребята десятилниковы ибро|салися ребята оне костарцу хватали
оне | шилья сапожныя аитыкали устарца вошелковаи | мешокъ горка
редка рыхнула белая капуста | крикнула искраснои свеклы росолъ по-
шелъ || аитѹта ребята десятилниковы оне тута соста|рцомъ заздорили л. 77
аимолитца старецъ [1] игрениша | аигрениша кологренища аи гои вы еси об.
ребята | десятилниковы кчему старца меня обидите аменя | вамъ обидить
некорысть получить буттетка | вы комне вбоголюбовъ монастырь аия
молодцовъ | васъ пожалую аипервому дамъ я пуховъ колпакъ | аивекъта
носить данеизносить адругому | дамъ комчатъ кафтанъ онъ весьта воти-
тивочкѹ | повыстеганъ атретьемѹ дамъ сапошки зеленъ | сафьянъ сотемя
подковами немецкими аитутъ | ему ребята освободу даютъ иушолъ онъ
старецъ | игрениша аигренишша кологренишша воубогия | онъ свой во-
келики апоутрѹ раненко ранешонко | неизребели ребята десятилниковы
промежѹ обедни | заутрени пришли оне ребята десятилниковы | ходят оне
поманастырю аиспрашиваютъ | старца игрениша игрениша кологрениша
ауви|делъ самъ старецъ игрениша онъ темта | ребятамъ поклоняетца
аслово сказалъ имъ | ласковое выта ребята разумныя поидемка | комне
вкелью идите всемъ росказалъ имъ | подробна все, ачетверть проидетъ дру-
гой | приди, авсемъ росказалъ почасамъ росказалъ | монастырски часы
были верныя акоторой | побыстрея ихъ ребятъ напередъ пошелъ | котому
старцу коигренишѹ первому далъ | онъ пуховъ калпакъ абралъ булаву

[1] *Сначала вместо* ц *было написано* з.

вполъ | третья пуда билъ молодца побуинои голове | вотъ молодцу пуховъ колпакъ векъ носить | данеизносить поминать старца игрениша | ипотемъ часамъ монастырскиемъ аичетверть | прошла другой пришолъ
л. 78 автапоры старецъ. || јгренища другому даетъ кофтанъ комчатной | взялъ онъ плетку шелковую разболокъ ево детину | донага полтараста ударовъ ему вспину влепилъ | аитехта часовъ монастырскиехъ верно та ихъ | четверть прошла итретей молодецъ вомона|стырь пошелъ [2] котому старцу коигренишѹ | допрошался старца игрениша изавиделъ ево | старецъ игрениша игрениша кологрениша аскоро | удобрилъ ивкелью взялъ беретъ онъ полена | березовое даетъ ему сапошки зеленъ сафьянъ | аиногу перешибъ идругую подломилъ авотъ | вы ребята десятилниковы всехъ я васъ ребятъ | пожаловалъ первому далъ пѹховъ колпакъ | аитответь закельеи валяитца адругому [3] | наделилъ я комчатъ кафтанъ [4] аитотъ | неушолъ измонастыря апоследнему сапошки | зеленъ сафьянъ аивекъ ему носить данеизносить.

САДКОВЪ КОРАБЛЬ СТАЛЪ НАМОРѢ

Какъ поморю морю посинему бегутъ побегутъ | тритцать кораблеи тритцать кораблеи единъ | соколъ корабль самово садка гостя богатова | авсе карабли что соколы летятъ соколъ | карабль наморе стоитъ говоритъ садко | купецъ богатой гость аярышки вы люди наемные | анаемны люди
л. 78 об. подначалныя авместо || все вы собираитеся аирештя жеребья вы валжены | аивсякта пиши наимена ибросаите вы ихъ на|сине море садко покинулъ хмелево перо инаемта | подпись подписано аисамъ садко приговариватъ | аярышки люди вы наемныя аслушаи речи праве|дныхъ абросимъ мы ихъ насине море которыебы | поверху пловутъ аитебы душенки правыя | что которыето воморе тонутъ амы техъ спихнем | восине море авсе жеребья поверху пловутъ кабы | яры гоголи позаводямъ единъ жеребеи воморе | тонетъ воморе тонетъ хмелево перо самово | садка гостя богатова говорилъ садко купецъ | богатой гость вы ярышки люди наемныя | анаемны люди подначалныя авы реште жеребья | ветляныя апишите всякъ себе

---

[2] о *или* а — *в оригинале не ясно.*

[3] *В оригинале на полях против этого слова находится подчеркнутый знак NB.*

[4] ф *написано по подскобленному.*

наимена | аисами книмъ приговариваи акоторы жеребьй | воморе тонутъ
аитобы душенки правыя аисадко | покинулъ жеребей булатной синева
булату | веть заморскова весомъ то жеребей вдесеть | пудъ ивсе жеребьй
воморе тонутъ единъ | жеребеи поверху пловетъ самово садка гостя |
богатова говоритъ тутъ садко купецъ [1] богатой | гость вы ярышки люди
наемныя анаемны | люди подначалныя я садъ садко знаю ведаю | бегаю
помарю двенатцать летъ тому царю | заморскому неплатилъ я дани пош-
лины ивото | сине море хвалынское хлеба ссолью неопусковалъ | поменя
садка смерть пришла ивы купцы | гости богатыя авы целовалники лю-
бимыя | аивсе прикащики хорошия принесите шубу | соболиную искоро
садко нарежаетца беретъ онъ | гусли звончаты сохороши струны золоты ||
иберетъ отъ шахмотницу дорогу созолоты | тавлеями сотемя дороги волья- л. 79
щеты испущали | сходню веть серебрену подкраснымъ золотомъ | похо-
дилъ садко купецъ богатой гость спущался | онъ насине море садился
нашахмотницу золоту | аиярышки люди наемныя анаемны люди подна|-
чалныя утащили сходню серебрену исереблену | подкраснымъ золотомъ
еѣ насоколъ корабль | асадка остался насинемъ море асоколъ корабль |
поморю пошелъ авсе карабли какъ соколы летя^{т} | аединъ карабль поморю
бежитъ какъ белъ крече^{т} | самово садка гостя богатова о҃ца матери м҃лтвы |
великия самово садка гостя богатова подымалася [2] | погода тихая понесло
садка гостя богатова | невидалъ садко купецъ богатой гость нигоры |
неберегу понесло ево садка [3] кберегу онъ исамъ | садко тута дивуетца
выходилъ садко накруты | береги пошелъ садко подле синя моря нашолъ |
онъ избу великую аизбу великую вовсе дерево | нашолъ онъ двери ивызбу [4]
пошелъ илежитъ | налавке царь морской аи гои еси ты купецъ | богатои
гость ачто душа радела тово богъ | мне далъ иждалъ садка двенатцать
летъ | аныне садко головои пришолъ поиграи садко | вгусли ты звон-
чаты исталъ садко царя | тешити заигралъ садтко вгусли звончаты |
аицарь морской зачалъ скакать зачалъ | плесать итово садка гостя бога-
това напоилъ | питьями разными напивался садко питьями | разными
иразвалялся садко ипьянъ онъ | сталъ иуснулъ садко купецъ богатои
гость. || авосне пришолъ святитель николай кнему гово|ритъ ему таковы л. 79 об.
речи гои еси ты садко купецъ | богатои гость арви ты свои струны зо-
лоты | ибросай ты гусли звончаты расплесался утебѣ | царь морскои
асине море сколыбалося аибыстры | реки разливалися топятъ много
бусы корабли | топятъ души напрасныя тово народу православнова |
аитутъ садко купецъ богатои гость изорвалъ | онъ струны золоты ибро-
саетъ гусли звончаты | пересталъ царь морской скакать иплесать | утихла
моря синея утихли реки быстрыя | апоутру сталъ тута царь морской
онъ сталъ | садка уговаривать аихочетъ царь садка | женить ипривелъ
ему тритцать девицъ | никола ему восне наказовалъ гой еси ты | купецъ

---

[1] к *подправлено или сделано из другой буквы.*
[2] *Второе* а *вписано.*
[3] *Первое* а *подправлено или сделано из другой буквы.*
[4] в *сделано, кажется, из* б.

богатои гость астанетъ тебе женить | царь морской приведетъ онъ трит-
цать | девицъ небери ты изнихъ хорошую белыя | румяныя возми ты де-
вушку поваренную | поваренную что котора хуже всехъ аитутъ | садко
купецъ богатои гость онъ думался | непродумался иберетъ онъ деушку
поваре|нную акотора деушка похуже всехъ аитута | царь морскои по-
ложилъ садка наподклете | спать иложился онъ сновображною николаи |
восне наказалъ садку необнимать жену | нецелуи еѣ аитутъ садко купецъ
богатой | гость смолодой женои наподклете спитъ | свои рученки косерцу
прижалъ сополуноче | впросонье ногу леву накинулъ онъ намолоду [5] |
л. 80 жену отосна садко пробужался онъ очютился || подновымъ городомъ
алевая нога воволхъ реке | искочилъ садко испужался онъ взглянулъ
садко | онъ нановъ городъ узналъ онъ церкву приходъ | своихъ тово
николу можаискова перекрестился | крестомъ своимъ игледитъ садко
поволхъ | поволхъ реке ѿтово синя моря хвалынскова | пославной матушке
волхъ реке бегутъ побегу[т] | тритцать кораблей единъ корабль самово
садко | гостя богатова истречаетъ садко купецъ богатои | гость целовал-
никовъ любимыехъ все карабли | напристань стали сходни метали на-
крутой | берехъ ивышли целовалники накрутъ берегъ | итутъ садко по-
клоняется здравствуите мой | целовалники любимыя иприкащики хоро-
шия итутъ | садко купецъ богатой гость совсехъ кораблей | втаможню
положилъ казны своей сорокъ тысящей | потри дни неосматривали: /

ДОБРЫНЯ КУПАЛСЯ ЗМЕИ УНЕСЪ

Доселева резань она селомъ слыла аныне | резань словетъ городомъ
ажилъ ворезане | тутъ богатои гость агостята звали никитою | живучита
никита состарелся состарелся | переставился после веку ево долгова
осталось | житье бытье богатество осталось ево матера | жена амелфа
тимофеевна осталась чадо милая | какъ молоды добрынюшка никитичь
л. 80 об. младъ || аибудетъ добрыня семи годовъ присадила ево | матушка грамоте
учитца аграмота никите | внаукъ пошла присадила ево матушка перомъ |
писать абудетъ добрынюшка водвенатцать | летъ изволилъ добрыня по-
гулять молодецъ | сосвоею дружиною хоробраю воте жары петровския |

---

[5] ол *подправлено или сделано из других букв.*

просился добрыня уматушки пусти меня матушка | купатися купатися[1]
насафатъ реку она вдова многоразумная | добрыни матушка наказывала
тихонко ему бла|гословение даетъ гои еси ты мое чадо милая | амолоды
добрыня никитичь младъ поидешъ ты | добрыня наизраи нареку вызрае
реке станешъ | купатися израи река быстрая абыстрая она | сердитая
неплавай добрыня заперву струю непла|вай ты никитичь задругу струю
добрынята | матушки неслушался надевалъ насебя шляпу | земли гре-
ческой надсобой онъ добрыня невзгоды | неведаетъ пришолъ онъ добрыня
наизраи нареку | говорилъ онъ дружи́нушки хоробрыя аи гои еси |
вы молодцы удалыя немне вода греть[2] нетешити, | еѣ авсе молодцы раз-
болокалися итутъ добрыня | никитичь младъ никто молодцы несмеѣтъ |
нихто неидетъ амолоды добрынюшка никитичь | младъ перекрестясь
добрынюшка вызраи | реку пошелъ аноплылъ добрынюшка заперву |
струю захотелось молодцу изадругую струю | адвета струй самъ пере-
плылъ атретья | струя подхватила молодца унесла вопещеры | бело-
каменны неоткуль взалось тутъ лютои | зверь налетелъ надобрынюшку
никитича | асамъ говоритъта горынчища[3] асамъ онъ | змеи приговари-
ваетъ астары люди пророчили | что быть змею убитому отмолода || добры- л. 81
нюшки никитича аныне добрыня уменя самъ | врукахъ[4] молился добрыня
никитичь младъ | аи гой еси змеи^{ш}ша горынчи^{ш}ша нечесть хвала |
молодецкая наногое тело напущаесься итутъ | змей горынчи^{ш}ша мимо ево
пролетелъ астали | ево ноги резвыя амолоды добрынюшки никить|евича
аграбитца онъ кожелту песку авы|бежалъ доброй молодецъ амолоды
добры|нюшка никитичь младъ нагребъ онъ шляпу | песку желтова на-
летелъ наево змеи горынчи^{ш}ша | ахочетъ[5] добрыню огнемъ спалить
огнемъ спа|лить хоботомъ ушибить натото добрынюшка | неробокъ былъ
бросаетъ шляпу земли гре|ческой сотемя пески желтыми колютому |
змею горынчи^{ш}шу[6] глаза запорошилъ идва хобота[7] | ушибъ упалъ
змей горынчи^{ш}ша воту воматушку | воизраи рекꙋ когдали змеи исправ-
ляетца | вото время ивототже часъ свашалъ добры|ня дубину тутъ убилъ
досмерти авыто|щилъ змея наберегъ ево повесилъ наосину | накляплую
сушися ты змей горынчи^{ш}ша на|тоита осине накляплыя аноплылъ |
добрынюшка пославной матушке поизраи | реке азаплылъ впещеры бело-
каменны | где жилъ змеи горынчи^{ш}ша засталъ[8] вгнезде | ево малыхъ
детушакъ авсехъ прибилъ | попаламъ перервалъ нашолъ впещерахъ |
белокаменныхъ улютова змеи^{ш}ша горынчи^{ш}ша | нашелъ онъ много злата
серебра нашелъ | вполатахъ узмеи^{ш}ша свою онъ любимую | тетушку
тоета марью дивовну выводитъ[9] | испещеры белокаменны исобралъ

---

[1] купатися *надписано, кажется, другими чернилами и другим почерком.*
[2] ть *написано по подскобленному.*
[3] чи, *по-видимому, сделано из* ш.
[4] в *написано по подскобленному.*
[5] а, *по-видимому, приписано к слову* ахочетъ.
[6] *Сначала вместо* у *было написано* а.
[7] т, *по-видимому, сделано из какой-то другой буквы.*
[8] т *сделано другими чернилами, кажется, из* п.
[9] т *сделано, кажется, из* л.

злата | серебра пошелъ коматушке родимыя своей | аматушки дома него-
л. 81 об. дилася сидитъ укнязя || владимера пришелде онъ вохоромы свой | испряталъ онъ свою тетушку ипошелъ | кокнязю явитися владимеръ князь | запечалился сидитъ онъ ничего свету | невидитъ пришолъ добрынюшка квеликому | князю владимеру онъ спасову образу молитца | владимеру князю поклоняется [10] скочилъ | владимеръ нарезвы ноги хватя добрынюшку | никитича целовалъ ево воуста сахарныя | бросилася ево матушка родимая схватала | добрыню забелы руки целовала ево воуста | сахарныя итутъ здобрынею разговоръ пошо^л | астали удобрыни выспрашивати агдепобы̆ва^л | где начевалъ говоритъ добрыня таково | слово ты гои еси мои сударь дядюшка | князь владимеръ сонцо киевско абылъя | впещерахъ белокаменныхъ улютова | змеи^шша горынчи^шша авсе породу змеиную | ево я убилъ идетеи всехъ погубилъ | родимую тетушку повыручилъ аскоро | послы побежали поѣ̆ ведутъ родимую | ево тетушку привели кокнязю восветлу | гридню владимеръ князь светелъ радошенъ | пошлата унихъ пиръ радость великая | адля ради добрынюшки никитича для другои | сестрицы родимыя марьй дивовны: /

л. 82

ПЕРВАЯ ПОЕСКА ИЛЬИ МУРОМЦА ВКИЕВЪ

Какъ излавнова города [1] измурома истово села | корочаѣ̆ва [2] какъ быладе поеска богатырская нарежа^лся [3] | илья муромецъ ивановичь костолному городȣ кокиеву | онъ тоюдорогою прамоезжую котора залегла равно | тритцать летъ черезъ те леса брынския через черны | грязи смоленския изалегъ ее дорогу соловеи разбоиникъ | икладетъ илья заповедь велику что проехать | дорогу прямоезжую котора залегла равно тритцать | летъ невымать изналушна тугои лукъ исколчана | невымать калену стрелу беретъ благословение | великое уо̄ца сматерью аитолко ево илью видели | прощался [4] со̄цомъ [5] сматерью исадился илья насвоего |

[10] *Второе* о *сделано из какой-то другой буквы.*

[1] г *написано по подскобленному.*
[2] ѣ *написано по подскобленному.*
[3] с *сделано, кажется, из* л.
[4] а *или* и *написано в оригинале — не ясно.*
[5] с, *кажется, подправлено или сделано из другой буквы.*

добра коня аивыехалъ илья содвора своего вотеворота | широкия какъ стегнетъ онъ коня потушнымъ | бедрамъ аиконь по^{д}ильею разсержаетца онъ перву | скокъ ступилъ запять верстъ адругова ускока | немогли наити поехалъ онъ черезъ те лесы брынския | черезъ те грязи смоленския какъбы будетъ илья | вотемныхъ лесахъ вотемныхъ лесахъ вобрынски^{х} | наезжалъ илья надевяти дȣбахъ инаехалъ онъ илья | соловья разбоиника изаслышелъ соловеи разбоиникъ то|воли топу конинова итоели онъ поески 5огатырския засви|сталъ соловеи посоловьиному авдрȣгои зашипелъ ϱазбо|иникъ позмеиному автретьи зравкаетъ позверииомȣ | подъильею конь окарачелся ипадалъ веть накукарачь гово|ритъ илья муромецъ ивановичь аты волчья сыть [6] тра|веной мешокъ небывалъ ты впещерахъ белокаменны^{х} | небывалъ ты конь вотемныхъ лесахъ неслыхалъ^{ты} [7] свисту | соловьинова неслыхалъ ты шипу змеинова атоволиты || крику л. 82 об.
зверинова азверинова крику туринова разрушаетъ | илья заповедь великую вымаетъ калену стрелу истреляе^{т} | всоловья разбоиника ипопалъ [8] соловья давправои глазъ | полетелъ соловеи съсыра дȣба комомъ косырои земли по^{д}хватилъ илья муромецъ соловья набелы руки при|везалъ соловья котои колуке коседелныя проехалъ онъ | воровску заставу крепкую по^{д}езжаетъ коподворью | дворянскому изавидела де ево молода жена она хитрая | была имудрая избегала она начердаки навышния | какъбы дворъ усоловья былъ насеми верста^{х} какъ было | около двора железнои тынъ анавсякои тыныньки | помаковке ипотои поголове богатырския наводила | трубками немецкими ево соловьева молодая жена | иувидела [9] доброва молодца илью муромца ибросала^{с} | счердака восвои высокия терема ибудила она девя^{т} | сыновеи своихъ австанте обудитесь добры молодцы | адевять сыновъ ясны соколы вы подите вподвалы | глубокия берите мои золотыя ключи ѿмыкаете мои | вы окованны ларцы аберите вы мою золотȣ казну | выносите еѣ заширокои дворъ ивстречаете удала | доброва молодца анаедетъ молодцы чужои мужикъ | ѿцата вашего второкахъ везетъ аитутъ еѣ девя^{т} | сыновеи закорелися ǰнеберутъ унѣе золотые ключи | непоходятъ вподвалы глубокия неберутъ еѣ золотои | казны ахудымъ вить свои дȣмушки дȣмаютъ хочутъ | обвернутца [10] черными воронами сотемя носы железными [11] | оне хочутъ расклевать ʳдобра молодца toволи илью | муромца ивановича подъезжаетъ онъ ⁿкодворȣ | кодворянскому ибросалась молода жена соловьева | аимолитца убиваетца гои еси ты удалои доброи | молодецъ бери ты унасъ золотои казны сколко | надобно опусти соловья разбоиника невози соловья | вокиевъ градъ аевота дети соловъевы неучливо | оне поговариваютъ оне толко илью ивидели [12] что сто|ялъ удвора дворянскова истегаетъ илья онъ добра |

---

[6] ь, *по-видимому, сделано из* ъ.
[7] ты *надписано другим почерком и другими чернилами.*
[8] *Второе* п *написано по подскобленному.*
[9] у *сделано из* и.
[10] ве *написано по подскобленному.*
[11] *Сначала вместо* и *было написано, кажется,* у.
[12] *Первое* и *написано по подскобленному.*

коня адобра коня по тушнымъ бедрамъ какъбы конь | поднимъ асержаетца [13] побежалъ илья какъ соколъ | летитъ приезжаетъ илья онъ вокиевъ
л. 83 градъ | середи двора княженецкова искочилъ онъ илья содобра || коня привезалъ коня кдубову столбу походилъ онъ вогридню | восветлую имолился онъ спасу сопречистою поклонился | князю сокнягинею навсе начетыре стороны увеликова | князя владимера унево князя почестнои [14] пиръ аимного | напирꙋ было князеи ибояръ много силныхъ могучихъ бога|тыреи иподнесли ему илье чару зелена вина вполтора ведра | принимаетъ илья единои рукои выпиваетъ чарꙋ едины^м^ | духомъ говорилъ ему ласковои владимеръ князь ты скажи^с^ | молодецъ какъ именемъ зовутъ апоимено тебе можно | место дать поизочеству пожаловати иѿвечаетъ илья | муромецъ ивановичь аты ласковои столнои владимеръ | князь аменя зовутъ илья муромецъ сынъ ӏвановичь | ипроехалъ я дорогу прамоезжую изстолнова города измурома | ӏзтово села карачаева говорятъ тꙋтъ могучие богатыри | аласково сонцо владимеръ князь вочахъ детина завираетца | агде ему проехать дорогою прямоезжую залегла та дорога | тритцать летъ ѿтово соловья разбоиника говоритъ | илья муромецъ гои еси ты сударь владимеръ князь | посмотри мою удачу богатырскую вонъ я привезъ соловья | разбоиника надворъ ктебе ивтапоры илья муромецъ | свеликимъ княземъናширокои дворъ смотреть его | удачи богатырския выходили тута князи бояра все руские | могучие богатыри самсонъ богатырь колывановичь | суханъ богатырь сынъ домантьевичь светогоръ богаты^р^ | иполканъ другои исемьта [15] братовъ збродовичи еще мужики | были залешана аеще два брата хапиловы толко было | укнязя ихъ тритцать молодцовъ выходилъ илья наши|рокои дворъ котому соловью разбоинику онъ ста^л^ соло^в^я | уговаривать ты послушаи меня соловеи разбоиникъ | младъ посвисти соловеи посоловъиному пошипи змеи | позмеиному зрявкаи зверь потꙋриному ипотешъ | князя владимера засвисталъ соловеи посоловъиному | оглушилъ онъ вкиеве князеи ибояръ зашипелъ зло|деи позмеиному онъ втретье зрявкаетъ потуриному | [позмеиному] акнязи бояра испужалися накорачкахъ | подворꙋ наползалися ивсе силны [16] богатыри могучия | инакурилъ онъ беды несносныя гостины кони здвора | разбежалися ивладимеръ князь
л. 83 об. едва жив стоитъ || содушеи княгинеи апраѯевнои говорилъ тутъ ласковои | владимеръ князь аиты гои еси илья муромецъ | сынъ ивановичь уими ты соловья разбоиника | аиета шутка намъ ненадобна,

---

[13] *Сначала вместо* ж *была написана, по-видимому, какая-то другая буква.*
[14] почестнои *написано по подскобленному.*
[15] се *вписано.*
[16] и *сделано из какой-то другой буквы.*

ИЛЬЯ ЕЗДИЛЪ ЗДОБРЫНЕЮ

Какъ изславнова [1] города искиева поезжали два могу|чие богатыри поезжалъ илья муромецъ сосвоимъ | братомъ званыемъ смолодымъ добрынею ники|тичемъ аибудутъ оне вочистомъ поле какъбы сверхъ | тое реки череги какъ бы будутъ оне уматушки усафа^{т} | реки говоритъ илья муромецъ ивановичь гои еси ты | мои званои братъ молоды добрынюшка никитичь | младъ, поезжаиты загоры высокия аиядескать поедȣ | подле сафатъ реки ипоехалъ добрыня нагоры высокия | инаехалъ онъ добрынюшка никитичь младъ белъ ша|теръ иначался добрыня какои силнои могучь богатырь | истово бела шетра полотнянова выходила тутъ | баба горынинка [2] заздорелася баба горынинка молоды | добрыня никитичь скочилъ добрыня содобра коня | напущался онъ набабу горынинку учинилася [3] бои драка | великая оне тяшкими палицами [4] ударились унихъ | тяшкия палицы разгоралися ибросили они палицы | тяшкия оне стали уже драться рукопашнымъ боемъ | илья муромецъ сынъ ивановичь аездилъ онъ по^{д}ле | сафатъ реки инаехалъ онъ тута бродучеи следъ ипоеха^{л} | їпотому [5] следȣ бродȣчему анаезжаетъ онъ богатыря | вчистомъ поле онъ збута бориса королевича анавтапоры | збутъ королевичь младъ їȣвязывалъ стремя вожья | выжлока соруки опускаетъ ясна сокола асамлита | выжлуку наказыватъ атепере мне недотебе пришло | аиты бегаи выжлокъ потемнымъ лесамъ икорми | ты свою буину голову иясну соколу онъ наказыватъ || полети ты соколъ насине море икорми свою буину голову | л. 84
амне молодцу недотебе пришло наезжаетъ илья муро|мецъ ивановичь какъ два ясна сокола слеталися їна|ехалъ збутъ королевичь младъ напущаетца онъ наста|рова настара [6] казака їлью [7] муромца їстреляетъ | илью вобелы груди вобелы груди истȣга лука угодилъ илью | онъ вобелу грудь їлья муромецъ сынъ ивановичь | небъетъ ево палицои тяшкою невымаетъ їзналушна | тугои лукъ изколчана калену стрелу нестреляетъ

---

[1] с, *кажется, вписано.*
[2] нка *написано по подскобленному.*
[3] *Второе* и *сделано из какой-то другой буквы.*
[4] ц *сделано из какой-то другой буквы.*
[5] ї *приписано к* потому, *по-видимому, другими чернилами.*
[6] *Второе* а *написано по подскобленному; между словами* стара *и* казака *выскоблено две-три буквы.*
[7] ю *сделано другими чернилами из какой-то другой буквы.*

онъ збута | бориса королевича ево толко схатилъ вобелы руки ибросает | выше дерева стоячева невидалъ онъ збудъ борисъ короле|вичь что товоли свету белова итоета матушки сырои | земли їназадъ онъ летитъ косырои земли подхатилъ илья | муромецъ ивановичь насвои онъ руки богатырския положил | ево данасыру землю исталъ илья муромецъ спрашивать | ты скажись мне молодецъ свою дядину вотчину | говоритъ [8] збудъ борисъ королевичь младъ кабы утебя | нагрудяхъ [9] сиделъ я спörолбы тебе старому груди белыя | їдотовоево [10] илья билъ покуда правдȣ сказалъ аизговоритъ | збутъ борисъ королевичь младъ я тово короля задонскова | автапоры илья муромецъ ивановичь гледючи насвое | чадо милое изаплакалъ илья муромецъ ивановичь | поезжаи ты збудъ борисъ королевичь младъ поезжаи ты косвоеи | ты косвоеи сударыни [11] матушки кабы ты попалъ нанашиx рускиx | богатыреи неопустилибы тебеоне [12] живова ѿкиева ипоехал тутъ | збудъ королевичь младъ иприехалъ тутъ збутъ королевичь | младъ котому царю задонскому косвоеи сударыне матушке, | матушке асталъ [13] свою удачу расказывать аи гои еси сударыня | матушка ездилъ я збутъ королевичь младъквеликому князю | владимеру наево потешныx лугахъ инаехалъ я вполе | старова истрелялъ ево вобелы груди исхватал меня старои | вчистомъ поле меня чють онъ незабросилъ заоблако їопят | подхатилъ [подхатилъ] [14] меня набелы груди еще втапоры | ево матушка тово короля задонскова разилася [15] осыру [16] | земю инеможетъ вослезахъ слово молвити гои еси | ты збутъ борисъ королевичь младъ почто ты напу|щался настарова ненадобы тебе снимъ дратися надобы | съ ехатца вчистомъ поле инадобы тебе ему поклонитися | аправу [17] руку досырои земли онъ породȣ тебе батюшка | стары казакъ илья муромецъ сынъ ивановичь | ипоехалъ онъ нагоры высокия аискати онъ брата |
л 84 об. названова молодȣ добрынюшку никитича идеретца || онъ збабои горынинкои едва душа ево втеле полуднует | говоритъ илья муромецъ сынъ ивановичь гои еси мои | названои братъ молоды добрынюшка никитичь младъ | неумеешъ ты добрыня збабои дратися абеи ты бабу | блядь по щеке пинаи растуку мать подгузно аженскои · | полъ ѿтово пухолъ аивтапоры покорилася баба горы|нинка говоритъ она баба таковы слова неты меня | побилъ добрыня никитичь младъ побилъ меня стары | казакъ илья муромецъ единымъ словомъ искочилъ | еи добрыня набелы груди ивыдергивалъ чингалище | булатное хочет спороть еи груди белыя имолитца | баба горынинка гои еси ты илья муромецъ ивановичь | неприкажи ты мне резать груди белыя много уменя | вземле останетца злата исеребра

---

[8] тъ *написано по подскобленному.*
[9] н, *кажется, сделано из какой-то другой буквы.*
[10] ево *надписано другим почерком и другими чернилами.*
[11] и *сделано из какой-то другой буквы.*
[12] оне *надписано другим почерком и другими чернилами.*
[13] *Первое* а *вписано другими чернилами и, по-видимому, другим почерком.*
[14] *Скобки сделаны другими чернилами.*
[15] **ила** *написано по подскобленному.*
[16] *Сначала вместо* с *было написано* **р.**
[17] *Первое* а *написано по подскобленному;* **п** *подправлено или сделано из другой буквы.*

исхваталъ илья | добрыню забелы руки иповела ихъ баба горынинка | косвоему погребцу глубокому где лежитъ залота казна | идовела илью здобрынею истали они упогребца глубокова | оне сами тута богатыри дивуютца что много злата | исеребра ацветнова платья всерускова огленулся илья | муромецъ ивановичь воте вораздолья широкия молоды | добрынюшка никитичь младъ втапоры бабе голову | срубилъ то старина то идеянье,

КНЯЗЬ РОМАНЪ ЖЕНУ ТЕРЯЛЪ

Акнязь романъ жену терялъ, жену терялъ онъ | тело терзалъ, тело терзалъ вореку бросалъ, вотули | реку восмородину, слеталися птицы разныя, збегалися | звери дубравныя, ѿкуль взелся младъ сизои орелъ, | унесъ онъ рученку белую, аправу руку ззолотымъ перснеᴹ, | схатилася молода княжна, молода княжна анна рома|новна, ты гои еси сударь мои батюшка, акнязь | романъ васильевичь, ты где девалъ мою матушку, | ѿветъ держитъ еи князь романъ, акнязь романъ || васильевичь, ты гои еси молода княжна, молода душа | анна романовна ушла твоя матушка мытися, амытися | ибелитися, авцветно платье нарежатися, кидалась | молода княжна, молода душа анна романовна, вы гои еси | мои нянюшки мамушки, асенные красны девушки, поиде|мта сомнои навысокие теремы, смотреть мою сударыню | матушку, каково она моитца белитца, авцветно плаᵀя | нарежаетца, пошла она молода княжна, сосвоими няᴴки | мамками, ходила она повсемъ высокемъ теремамъ, | немоглата наити своеи матушки, опять приступила | кбатюшки, ты гои еси сударь мои батюшка, акнязь | романъ васильевичь, агде ты девалъ мою матȣшку, | немогли мы сыскать въвысокиехъ теремахъ, прого|воритъ еи князь романъ, акнязь романъ васильевичь, | аи гои еси ты молода княжна, молода дȣша анна рома|новна, сосвоими нянками мамками, сосенными кра|сными девицами, ушла твоя матушка родимая, | ушла гулять возеленои садъ, вовишенье ворешенье, | пошла веть тутъ молода княжна, сонянками мамками, | возеленои садъ, весь повыгуляли некова ненашли, | взеленомъ саду лишъ толко взеленомъ саду увидели, увиделї [1] | новую диковинку неѿкуль взялся младъ сизои орелъ, | вкохтяхъ несетъ руку белую аибелу руку ззолотыᴹ перснеᴹ | уронилъ онъ орелъ белу руку белу руку ззолотымъ перснеᴹ | вототли зеленои садъ автапоры нянюшки мамушки | л. 85

[1] увиделї *приписано к* увидели *другим почерком и другими чернилами.*

подхватили оне рученку белую подавали оне молодои | княжне молодои душе анне романовне автапоры анна | романовна увидела она белу руку опазновала она хорош | золотъ перстень [2] еѣ родимыя матушки ударилас осыру | землю какъ белая лебедушка скрикнула закричала | тутъ молода княжна аи гои еси вы нянюшки мамушки | асенныя красныя деушки бегите вы скоро набыстру | реку набыстру реку смородину ачто тамо птицы слета|ютца дубравныя звери збегаютца бросалися няню|шки мамушки асенныя красныя деушки покраи реки | смородины дубравныя звери кости делятъ сороки вороны | кишки тащатъ аходитъ тут взеленом
л. 85 об. садȣ молода душа | анна романовна аноситъ она руку белую абелȣ | руку ззолотымъ перснемъ атолко веть нянюшки, || нашли оне пусту голову збирали оне спустою головои | авсе тутъ кости иребрушки хоронили оне ȷпустȣ | голову сотемя костьми соребрушки иту белȣ | руку ззолотымъ перстнемъ,

ВОХОРОШЕМЪ ВЫСОКОМЪ ТЕРЕМЕ ПОДКРАСНЫМ КОСЯЩЕТЫМ ОКОШКОМ

Вохорошемъ та высокомъ тереме подкраснымъ подко|сящетымъ окошкомъ что голубъ [1] соголубушкои воркуетъ |девица смолодцомъ речи говорила адушечка удалои доброи | молодецъ божился доброи молодецъ ратился авсякими | неправдами заклинался порȣкою давалъ мне спасовъ | образъ светителя николу чудотворца непитьбы пива | пьянова допьяна зеленова вина непить доповалу | сладкиевъ медовъ безпросыпныхъ аноне ты мои | надежа запивасся ты пъешъ та пива пъянова | допьяна зеленое вино пьешъ доповалȣ асладкие пъешъ | меды безпросыпȣ ȣветъ держитъ удалои доброи молодецъ | ты глупая девица данеразумная несрадости пью я | молодецъ скручины стоели бляди великия печали запи|санъ доброи молодецъ всалдаты поверстан доброи мо|лодец я вкапралы нето мне доброму молодцу забедно | что царь меня наслужбу ту посылаетъ ато мне доброму | молодцȣ забедно отецъ мати старешунки остаютца | анекому поить будетъ ихъ кормити еще мне доброму | молодцу забедно что снедругомъ водномъ мне полку быти | воднои мне шириночке служити.

---

[2] р *вписано.*

[1] ъ *или* ь *написано в оригинале — не ясно.*

АТАМАНА ПОЛСКОВА

Зараискимъ городомъ зарезанью застарою издалеча | чиста поля из-раздолья широкова какбы гнедова | тура привезли убитова привезли убитова атамана, || полскова атамана полскова апоимени михаила черка|- л. 86 шенина аптицы ластицы кругъ гнезда убиваютца еще | плачутъ малы ево дети надбелымъ теломъ свысокова | терема зазрила молодая жена аплачетъ убиваетца | надъево белымъ теломъ скрозь слезы свои она едва | слово промолвила жалобно причитаючи коево белу | телу казачья[1] волная поздорову приехали тебе света | моего привезли убитова привезли убитова[2] атамана по^{л}скова апоимене | михаила черкашенина,

НАЛИТОВСКОМЪ РУБИЖЕ

Какъ далече далече вочистомъ поле далече[1], вочистомъ | поле налитовскомъ нерубиже по^{д}смоленскимъ городомъ | по^{д}смоленскимъ городомъ налугахъ лугахъ зеленыехъ | налугахъ лугахъ зеленыехъ молода коня ималъ моло|децъ коня ималъ дворянинъ душа спрашиваетъ | аиконьтали доброи конь аконь наступчивои зачемъ | ты травы неешъ травы конь зеленыя зачемъ конь | травы зеленыя неешъ воды непъешъ ключевыя | провещитца доброи конь человеческимъ языкомъ | ты хозяинъ мои ласковои дворянинъ душа отецкои | сынъ затемъ я травы неемъ травы неемъ зеленые | иводы непью ключевыя я ведаю доброи конь на^{д}твоеи | буиног

---

[1] ачья *написано по подскобленному.*
[2] привезли убитова *надписано другим почерком и другими чернилами.*

[1] *Сначала вместо* л *было написано* е.

голове невзгоду великую поедешъ ты·молодецъ | наслужбу царскую ина-
службу воинскую амне коню быть | по^{д}стрелену быть тебе молодцу впо-
иманье [2] потерпи^{ш} | ты молодецъ потерпишъ молодецъ нужи бедности |
великия апримешъ ты молодецъ много холодȣ голоду много холодȣ ты
голодȣ наготы босоты вдвое | того позабылъ доброи молодецъ аито время
нещасливое | повестка ему молодцу нату службу нацарскую [3] поехалъ |
л. 86 об. онъ молодецъ онъ вополкахъ государевыхъ ѿсмоле^{н}ца || города далече
вочистомъ поле стоятъ полки царския | аироты дворянския авсе были
воиска росиския издалеча | чиста поля изроздолья широкова напущалися
тутъ | наихъ полки неверныя полки неверныя все чють | поганая ачуда
поганая навыласку выехалъ аспраши|валъ противника исполковъ госу-
даревыхъ изроты | дворянския противника невыскалось аонъ то задо|ренъ
былъ дворянинъ отецкои сынъ навылоеку вы|ехалъ сочудомъ [4] дратися
ачудо поганое трехъ рука^{х} | съезжаютца молодцы далече вочистомъ поле
аучуда | поганова одно было побоиш^{ш}а одно было побоишша | болша^{г}
рагатина аудворянина сабля вострая збега|ютца молодцы какъ два ясные
соколы въедино | место слеталися помогаи богъ молодцȣ дворянину |
рускому онъ ѿводитъ рогатину своеи саблеи вострою | что учуда поганова
ѿвелъ ево рагатину прирубилъ | унего головы все идолища поганая по^{т}
стрелили | добра коня по^{д}стрелили добра коня удворенина смоле|нскова
онъ веть пешъ доброи молодецъ бегаетъ | пешъ почисту полю кричитъ
реветъ молодецъ | вополки государевы стрелцы вы старыя по^{д}ведите |
добра коня невыдаите молодца вы удела ратнова | учасочку смертнова
аидолы поганыя металися грудою | все схватили молодца увезли вчисто
поле стали | ево мучати инепоятъ некормятъ ево морятъ | ево смертью
голодною ј̈мучатъ смертью неподобною | апала молодцу наумъ нещастье
великое что ему | доброи конь наказывалъ, изгибла головушка низа|-
едину денешку.

ОХЪ ВГОРЕ ЖИТЬ НЕКРУЧИННУ БЫТЬ

Аигоря горе гореваньица авгоре жить некру|чинну быть нагому ходить
нестыдитися аиденегъ | нету передъ денгами появилась гривна передъ |
злыми дни небывать плешатому кудрявому | небывать гулящему богатому
л. 87 неѿростить | дерева суховерхова неѿкормить коня сухопарова || неуте-

[2] ь *вписано.*
[3] на *вписано другим почерком и другими чернилами.*
[4] *Первое* о, *кажется, вписано.*

шити дитя [1] безматери-нескроить атласу безма|стера агоря горе горе-ваньица аилыкомъ горе подпо|ясалась мочалами ноги изапутаны ая бгоря втемны | леса агоря прежде векъ зашолъ ая бгоря впоченои пиръ | агоря зашолъ впереди сидитъ ая бгоря нацаревъ | кабакъ агоря встречаетъ ушъ пива тащитъ | какъ [2] я нагъ та сталъ насмеялся онъ,

ВОЗЕЛЕНОМЪ САДОЧКУ [1]

Вохорошомъ возеленомъ садочку гуляла душа красная | девица завиделъ удалои доброи молодецъ немоя | лита земчюженка кататца немоялита алъмазная [2] | кататца асамбы [3] тая тое земчуженку проа^{л}мази^{л} [4] | посадилбы я назолотои свои спеченикъ кояханта^{м} | двумъ камушкамъ придвину^{л} адевушка удевушки | спрашала аскемъ ночесь сестрица ты начевала однаде | начесь я начевала вполночь лишь приходилъ комне | докука засыкалъ белу рубашку допупа адевушка | та девушке припеняла зачемъ ты мне сестрица | несказала аябыде | докуке досадила, всю ночь бы | ссебя [5] я неспустила,

---

[1] и *написано по подскобленному.*
[2] *Второе* к *подправлено или сделано из другой буквы.*

[1] *В оригинале у второй от начала ноты первой строки выскоблен хвостик; первоначально эта нота представляла собой la восьмое.*
[2] лъ *сделано из* м.
[3] *По-видимому,* с *вписано, второе* а *сделано из другой буквы.*
[4] м *подправлено или сделано из другой буквы.*
[5] *Второе* с *написано по подскобленному.*

ЧЮРИЛЬЯ ИГУМЕНЬЯ

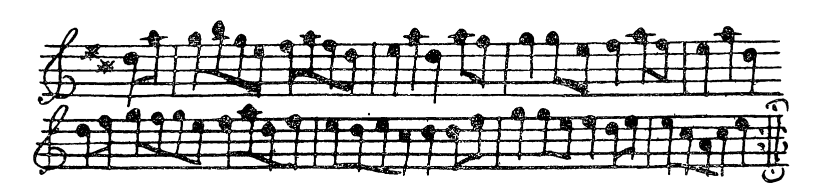
Дамного было вкиеве божьихъ церквеи, | абольше того почесныхъ
монастыреи, аинебыло | чуднея благовещения христова, аувсякаї
87 л. об. церквй | подва попа, кабы подва попа подва дьякона || ипомалому певчему
по^{д}ячку, аунашева христова благо|вещенья, чеснова [1] абылъ унасъде
иванъ понамарь, | агоразде иванушка онъ кзаутрени звонить, какъбы |
русая лиса голову клонила, пошлата чюрилья кзау|трени, будто [2] галицы
летятъ занеи старицы идутъ, | поправую руку идутъ сорокъ девицъ,
даполевую | руку друга сорокъ, позади еѣ девицъ исметы нетъ, | девицы
становилися покрылосамъ, честна чурилья | волтарь пошла, запевали тутъ
девицы четью петь, | запевали тутъ девицы стихи верхния, апоютъ |
оне накрылосахъ мешаются, непостарому поютъ | усмехаютца, проговоритъ
чурилья игуменья, аифедоръ | дьякъ девеи староста, аскоро походиты
покрылоса^{м}, | ты спроси что поютъ девицы [3] мешаются, амеша|-
ютца девицы усмехаютца, аифедоръ дьякъ | сталъ ихъ спрашивать, аистарицы
черницы | души красныя девицы, ачто вы поете сами меша|етесь,
промежу собои девицы усмехаетесь, ѻветъ | держутъ черницы дȣши
красныя девицы, аифедоръ [4] | дьякъ девеи староста, асоромъ сказать
грехъ | утаить, аито поемъ [5] девицы мешаемся, промежȣ | собои девицы
усмехаемся, унасъ нету дьяка запева|лшика, аимолоды стафиды давыдовны,
аиванушки | понамаря здеже нетъ, асказалъ онъ девеи староста, | аска-
залъ чюрилье игуменье, то девицы поютъ | мешаютца, промежу собои
девицы усмехаютца, | нетъ уни^{х} дьяка запевалшика, стафиды давыдь-
евны, | понамаря иванушки, исказала чурилья игуменья, | аты федоръ
дьякъ девеи староста, аскоро ты | побеги поманастырю, скоро обоиди
триста келеи, | поищи ты стафиды давыдьевны, али стафиды | еи мало
можется, али стоитъ она передбогомъ | молитца, афедоръ дьякъ заскакалъ
забежалъ, | аскоро побежалъ [6] по манастырю, аскоро обходилъ | триста
келеи, дошелъ до стафидины келеики, | подокошечко^{м} огонекъ горитъ,

---

[1] чеснова *зачеркнуто.*
[2] *Сначала вместо* т *было написано, по-видимому,* ш.
[3] ы *сделано из какой то другой буквы.*
[4] а, *кажется, приписано к* и.
[5] м *подправлено или сделано из другой буквы.*
[6] *Сначала вместо* п *было написано* з.

огонекъ горитъ | карaулъ стоитъ, афедоръ дьякъ караулъ скралъ, | караулы [7] скралъ онъ вкелью зашо^л^, онъ двери | б̃ворилъ ивкелью зашолъ, аи гои еси ты | стафида давыдьевна аицарская ты богомо^л^щица, || л. 88
аиты же княженецка [8] племянница, нетвоето дело | тонцы водить, атвоебо дело богу молитися | кзаутрени ј̈^т^ти, бросалася стафида давыдьевна, | наливала стаканъ винца вотки добрыя, | идругои медку сладкова, ипали ему старосте | ворезвы ноги, выпеи [9] стаканъ зелена вина [10] | другои меду слаткова, искажи чурилье игуменье | что мало стафиде можется, едва душа втеле | полуднуетъ, аитб̃та федоръ девеи староста, | онъ скоро пошелъ козаутрени, исказалъ чурилье | игуменье, что тоиде старицы, стафиды давы|дьевны мало можетца, едва еѣ душа полу|днуетъ,[11] аитата чурилья игуменья б̃певши | заутрени, скоро поезжала поманастырю, испроехала | триста келеи, идоехала костафидины кельицы, | ивзяла ссобою питья добрыя, истала еѣ лечить | поить,

ВЫСОТАЛИ ВЫСОТА ПО^Д^НЕБЕСНАЯ



Высокали [1] высота по^д^небесная, глубока глубота | акиянъ море, широко раздолье повсеи земли, | глубоки омоты непровския, чюденъ крестъ лева|нидовскои, долги плеса чевылецкия, высокия | горы сорочинския, темны леса брынския, черны | грязи смоленския, аибыстрыя реки понизовския, | прицре давыде, евсеевиче,[2] пристарце макарье | захарьевиче, было беззаконство великое, ста | рицы покельямъ родилницы, ченцы, подарогамъ | разбоиницы, сынъ сотцомъ насудъ идетъ, | братъ набрата збоемъ идетъ, братъ сестрȣ | засебя емлетъ, издалеча чиста поля выскока^л^ | тутъ выбегалъ суровецъ богатырь, суздалецъ,[3] | богатова гостя [4] ||

---

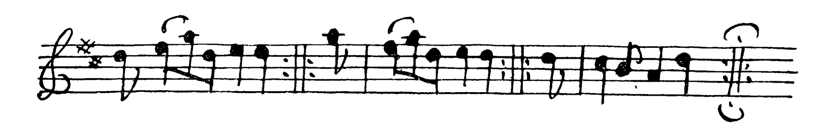
[7] ы *сделано, кажется, из* ъ.
[8] *Первое* н, *кажется, подправлено или сделано из другой буквы.*
[9] пеи *подправлено или сделано из других букв.*
[10] зелена вина *написано по подскобленному.*
[11] душа полу *написано по подскобленному.*

[1] кали *написано по подскобленному.*
[2] *Между словами* давыде *и* евсеевиче *выскоблено несколько букв; запятая и начальное* е *стоят на подскобленном месте.*
[3] а *подправлено или сделано из другой буквы.*
[4] богатова гостя *написано, кажется, другим почерком и настолько разгонисто, что эти слова занимают целую строку.*

заморенинъ сынъ онъ бегаетъ скачетъ почисту | полю спрашиваетъ себе [5]
л. 8 об. сопротивника себѣ сильна | могуча богатыря побитца подратца порататца | силы богатырски протведати амогучи плечи | приоправити [6] онъ бега^{л} скака^{л} почисту полю | хобаты мета^{л} потемнымъ лесамъ ненашолъ | онъ вполе сопротивника ипоехалъ когороду | покидашу иприезжа^{л} когороду покидошу | вославномъ городѣ покидоше укнязя миха|ила ефимоньтьевича унего князя почестнои | пиръ аитутъ моло^{д}цу пригодилося прихо|ди^{л} накняженецкои дворъ походи^{л} вогридню | восветлую [7] спасову образу молитца велико^{му} | князю поклоняютца акнязь михаила | ефимоньтьевичь налива^{л} чару зелена | вина вполтора ведра подаетъ ему добро^{му} | моло^{д}цу аисамъ говори^{л} таково слово какъ | молодецъ именемъ зовутъ какъ величать | поизочеству сталъ молодецъ онъ расказовати | князь де михаила еѳимоньтьевичь амене | зовутъ добра моло^{д}ца суровецъ богатырь | суздалѣцъ богатова гостя заморенинъ | сынъ аитутъ князю то слово полюбилося | посади^{л} ево застолы убраныя вту скамью | богатырскую [8] хлеба ссолью кушати идово^{л}но | пити прохлажатися.

л. 89

ДУРЬНЯ



Ажилъ былъ дурень ажилъ былъ бабинъ вздума^{л} | онъ дурень нарусь гуляти людеи видати себя казати | ѿшедши дурень версту другу нашелъ онъ дурень | две избы пусты втретеи людеи нетъ заглянетъ | впо^{д}полье, впо^{д}полье черти востроголовы глаза что|часы усы что вилы руки что грабли вкарты игра|ютъ костью бросаютъ денги считаютъ груды | переводятъ онъ имъ молвилъ богъ вамъ впомочь | добрымъ людямъ ачерти нелюбятъ сватили | дурня зачели бити зачели давити едва ево | дурня жива опустили пришедши дурень домоита | плачетъ голосомъ воитъ амать бранити жена | пеняти сестрата также ты глупои дꙋрень | неразумнои бабинъ тожебы ты слово нетакжебы | молвилъ атыбы молвилъ будь врагъ проклятъ | именемъ госпо^{д}нимъ вовеки вековъ аминь чертибъ | убежали тебебы дурню денги достались место | кладꙋ доброты баба баба.[1] бабариха мать лукерья сестра | чернава потомъ я дурень таковъ небудꙋ пошелъ |

---

[5] *Сначала вместо второго* е *было написано* я.
[6] приопр *написано по подскобленному.*
[7] во *приписано к* светлую *другими чернилами.*
[8] о *подправлено или сделано из какой-то другой буквы.*

[1] баба баба *написано по подскобленному.*

онъ дурень нарусь гуляти людеи видати себя казати | увиделъ дурень четырехъ братовъ ечмень моло|тятъ онъ имъ молвилъ будь врагъ проклятъ | именемъ господнимъ бросилися кдурню четыре брата | стали ево бити стали колотити едва его дȣрня | жива опустили пришедши дурень домоита плачет | голосомъ воитъ амать бранити жена пеняти | сестрата также аглупои дурень неразумнои бабинъ | тожебы ты слово нетакжебы молвилъ тыбы | молвилъ четыремъ братам крестьянскимъ | детямъ даи вам боже посту наден потысячу | нанеделю добро ты баба баба бариха мать [2] лукерья | сестра чернава потомъ я дурень таковъ небудȣ | пошелже дурень пошелже бабинъ нарусь | гуляти себя казати увиделъ дурень семь || л.
братовъ мать хоронятъ ѿца поминаютъ все | тутъ плачутъ голосом воютъ 89 об.
онъ имъ молвилъ | богъ вамъ впомочь семь васъ братовъ мать хоро|нити ѿца поминати даи господь богъ вамъ посту | наденъ потысячу нанеделю схатили ево дурня | семь та братовъ зачели ево бити поземле таскати | вговне валяти едва ево дȣрня жива опустили | идетъ та дурень домоита плачетъ голосомъ воитъ | мать бранити жена пеняти сестрата также | аглупои дурень неразумнои бабинъ тожебы ты | слово нетакжебы молвилъ тыбы молвилъ прости | боже благослови даи боже имъ царство небесное | вземли упокои пресветлои раи всемъ тебебы | дурня блинами накормили кутьеи напитали до|бро ты баба баба бабариха мать лукерья сестра | чернава потомъ я дурень таковъ небудȣ пошолъ | онъ дурень нарȣсь гуляти себя казати людеи видати | встречу ему свадьба онъ имъ молвилъ прости боже | бласлови даи вамъ господь богъ царство небесно | вземле упокои пресветлы раи всемъ наехали дружки | наехали бояра стали дурня плетьми стегати | поушамъ хлестати пошолъ заплакалъ идетъ | давоетъ мать его бранити жена пеняти сестрата | также ты глупои дурень неразумнои бабинъ то|жебы слово нетакжебы молвилъ тыбы молвилъ [3] даи господь богъ | новобрашному князю сужено поняти подзлатъ | венецъ стати законъ божеи приятu любовно | жити детеи сводити потомъ я дурень таков | небудȣ пошелъ онъ дȣрень нарусь гуляти людеи | видати себя казати встречу дурню идетъ ста|рец онъ ему молвилъ даи господь богъ тебеже | старцу сужено понятн подзлатъ венецъ стати | любовно жити детеи сводити бросился старецъ | схватал ево дȣрня сталъ ево бити костылем | коверкать икостыль изломалъ весь нежалъ старцу | дураката но жаль ему старцу костылята || идетъ та дурень домоита плачетъ голо- л. 90
сомъ | воетъ матери роскажетъ мать ево бранити | жена журити сестрата также ты глупои | дурень неразумнои [4] бабинъ тожъ бы ты слово нетакже | бы молвилъ тыбы молвилъ благослови меня | ѿче святы игуменъ асамбы мимо доброты | баба баба бабариха мать лукерья сестра чернава | потомъ я дурень впредь таковъ небуду пошолъ | онъ дȣрень нарусь гуляти влесу ходити увиделъ | дурень медведя засоснои кочку роетъ корову ко|веркатъ онъ ему молвилъ благословимя ѿче | святы игуменъ аѿтебя духъ дȣренъ

---

[2] **мать** *написано по подскобленному.*
[3] **тыбы молвилъ** *надписано другими чернилами и, по-видимому, другим почерком.*
[4] **о** *сделано из какой-то другой буквы.*

схвата[л] | ево медведятъ зачалъ драти ивсего ломати | исмертно коверкать ижопу выелъ едва ево | дурня жива оставилъ пришедчи дурень домоита | плачетъ голосомъ воетъ матери роскажетъ | мать ево бранити жена пеняти сестрата | также ты глупои дурень неразумнои бабинъ | тожебы слово нетакжебы молвилъ ты бы | заускал тыбы загаикалъ [5] тыбы заулюкалъ | добро ты баба баба бабариха мать лукерья | сестра чернава потомъ я дурень таковъ небудꙋ | пошелже дурень нарусь гуляти людеи видати | себя казати будетъ дурень вчистомъ полѣ | встречу дурню шишковъ полковникъ онъ за|ускалъ онъ загаикалъ онъ заулюкалъ наехали | надурня салдаты набежали драгуны стали | дурня бити стали колотити тутъ ему | дурню голову сломили иподкокору бросили | тутъ ему дурню исмерть слу|-чилась,[6]

ГОЛУБИНА КНИГА СОРОКА ПЯДЕНЬ

л. 90 об.

Дасначала века животлѣннова сотворилъ богъ | небо соземлею сотворилъ богъ адама соеввою | наделилъ питаньемъ восветломъ раю восветло[м] | раю жити восвою волю положилъ господь наихъ | заповедь великую аижить адаму восветломъ раю | нескушать адаму сьедново древа тово сла[д]ка [1] | плоду винограднова аижилъ адамъ восветломъ | раю восветломъ раю сосвоею соеввою атриста три|тцать три годы прелестила змея по[д]колодная при|носила ягоды съедина древа одну ягоду вокушалъ ада[м] | соеввою иузналъ промежъ собою тяшкои грехъ аитя|шкои грехъ ивеликои блудъ согрешилъ адаме восве|тломъ раю восветломь раю сосвоею соеввою оне | тута стали враю нагимъ ноги анагимъ ноги стали | босешунки закрыли сороми ладонцами пришли | оне ксамому христу[к самому христу] [2] царю небесному зашли оне | нафаоръ гору кричатъ ревутъ зычнымъ голосомъ | ты небесной царь исусъ христосъ ты услышалъ | молитву грешныхъ рабъ своихъ ты спусти на | землю меня трудную что

[5] г *сделано, по-видимому, из* з.
[6] слу *написано по подскобленному.*

[1] *В оригинале к* сладка *примыкали сначала, по-видимому, еще две-три буквы, но они выскоблены.*
[2] ксамому христу *надписано, кажется, другим почерком.*

копать бы землю капа|рулями акопать землю капарулями аисеить | семена первымъ часомъ. анебеснои царь милосерде[н] | светъ опущалъ навемлю ево трудную акопалъ | онъ землю копарулями аисеилъ семена первымъ | часомъ выростали семена другимъ часомъ | выжиналъ [3] онъ семена третьимъ часомъ ѿсвоих | трудовъ онъ сталъ сытымъ быть обуватися | иодеватися ѿтово колена ѿадамова ѿтова | ребра ѿеввина пошли христиане православныя, || повсеи земли светоруския живучи адаме л. 91
состарелся | состарелся переставился свята глава погре|бенная после потои потопе поноевы анатои | горе сионския утоя главы святы адамовы | выростала древо кипарисова котомута древу | кипарисову выпадала книга голубиная сонебесъта [4] | книга повыпадала вдолину та книга сорока | пядеи поперекъ та книга дватцети пядеи въ|толшину та книга тритцети [5] пядеи анату | гору насионскую собиралися соезжалися сорокъ цареи | соцаревичемъ сорокъ королеи скоролевичемъ | исорокъ каликъ сокаликою имогучи силныя бога|тыри воединои кругъ становилися проговоритъ | волотомонъ царь волотомонъ царь волотомо|новичь сорокъ цареи соцаревичемъ сорокъ ко|ролеи скоролевичемъ асорокъ каликъ сокаликою | ивсе силныя могучи богатыри аибьютчеломъ | покланяютца ацарю давыду евсеевичу ты | премудры царь давыдъ евсеевичь подыми | ты книгу голубиную подыми книгу распечатываи | распечатоваи ты[просматриваи] [6] просматриваи еѣ прочитываи | ѿтчего зачелся нашъ белои светъ ѿчего зачался | сонцо праведно ѿчего зачелся исветелъ[месецъ] [7] ѿчего зача|лся заря утрення ѿчего зачалася и вечерняя | ѿчего зачалася темная ночь ѿчего зачалися | часты звезды проговоритъ премудры царь [8] | премудры царь давыдъ евсеевичь вы сорокъ | цареи соцаревичемъ аисорокъ королеи скороле|вичемъ ївы сорокъ каликъ сокаликою ївсе силны | могучи богатыри голубина книга немалая аголу|бина книга великая вдолину книга сорока пядеи | поперекта книга дватцети [9] пядеи втолшинута | книга тритцети пядеи нарукахъ держать | книгу неудержать читать книгу непрочести | скажули я вамъ своею памятью своеи памятью | своеи старою ѿчего зачался нашъ белои све[т] | ѿчего зачался нонцо праведно ѿчего
зачался, || светелъ м[с]цъ ѿчего зачалася заря утрення ѿчего | зачалася л. 91 об.
ивечерняя ѿчего зачалася темная | ночь ѿчего зачалися часты звезды, аибелои | светъ ѿлица божья сонцо праведно ѿочеи | его светелъ м[с]цъ ѿтемичка темная ночь | ѿзатылечка заря утрення ивечерняя [10] ѿброви | божьихъ часты звезды ѿкудреи божьихъ все | сорокъ цареи соцаревичемъ поклонилися исорокъ | королеи скоролевичемъ бьютъ челомъ исорокъ | каликъ сокаликою все силныя могучия богатыри | проговоритъ

---

[3] ж *сделано из* ш.
[4] та *приписано, кажется, другим почерком и другими чернилами.*
[5] *Сначала переписчик вместо* ц *написал, по-видимому,* ч.
[6] просматриваи *надписано другим почерком и другими чернилами.*
[7] месецъ *надписано другим почерком и другими чернилами.*
[8] *Сначала переписчик вместо* ц *написал, по-видимому,* ч.
[9] а *сделано из* я.
[10] р *сделано из какой-то другой буквы.*

волотомонъ царь волотомонъ | царь волотомовичь ты премудры царь
давыдъ | евсеевичь ты скажи пожалуи своею памятью | своеи паметью [11]
стародавную дакоторои царь | надцарями царь котора моря всемъ морямъ |
отецъ икотора рыба всемъ рыбамъ мати | икотора гора горамъ мати ико-
тора река | рекамъ мати икотора древа всемъ древамъ | отецъ икотора
птица всемъ птицамъ | мати икоторои зверь всемъ зверямъ | отецъ икотора
трава всемъ травамъ | мати икоторои градъ всемъ градомъ отецъ | про-
говоритъ премудры царь премудры царь | давыдъ евсеевичь анебеснои
царь надцарями | царь надцорями царь то исусъ христосъ | акиянъ море
всемъ морямъ отецъ почему онъ | всемъ морямъ отецъ потому онъ всемъ
моря^{м} | отецъ все моря изнего выпали ивсе реки | ему покорилися акитъ
рыба всемъ рыбамъ | мати почему та кикъ рыба всемъ рыбамъ | мати
потому та китъ рыба всемъ рыбамъ | мати насеми китахъ земля основана
ердань | река рекамъ мати почему ердань река река^{м} | мати потому ердань
река рекамъ мати кре|стился внеи самъ исусъ христосъ сионская | гора
л. 92 всемъ горамъ [12] мати росту^{т} древа кипарисовы || аберетца сера повсемъ
церквамъ повсемъ церква^{м} | место ладону кипарисъ древа всемъ древамъ
отецъ почему [13] | кипарисъ всемъ древамъ отецъ [14] потому древамъ всемъ
отецъ на немъ распя^{т} | былъ самъ исусъ христосъ то небеснои царь | мать
божья плакала б^{д}ца аплакунъ травои | утиралася потому плакунъ трава
всемъ тра|вамъ мати единорогъ зверь всемъ зверямъ | отецъ почему
единорогъ всемъ зверямъ отецъ | потому единорогъ всемъ зверямъ отецъ
аихо|дитъ онъ по^{д}землею анедержутъ ево горы каменны | аитета [15] реки
ево быстрыя когда выдетъ онъ | изсырои земли аиищетъ онъ сопротивника
ато|воли люта лва зверя сошлисъ оне солвомъ вочи|стомъ поле начали оне
звери дратися охота | имъ царями быть на^{д}всемя зверями взять | бол-
шину идерутца оне освоеи болшине единорогъ | зверь покоряетца поко-
ряется онъ лву зверю аиле^{в} | подписанъ царемъ ему быть царю быть |
надзверями всемъ аихвостъ унего колечико^{м} | аснагои птица всемъ пти-
цамъ мати | аживетъ она накиане море авъетъ гнездо | набеломъ камене
набежали гости карабелшики | анато гнездо нагаи птицы инаево дету-
шакъ | намаленкихъ [16] нагаи птица вострепенетца | акианъ море воско-
лыблетца [17] кабы быстры | реки разливалися топятъ много бусы | корабли
топятъ много червленыя корабли авсе | веть души напрасныя ерусалимъ
градъ | всемъ градамъ отецъ почему [18] иерусалимъ | всемъ градамъ отецъ
потому ерусалимъ | всемъ градамъ отецъ что распятъ былъ вне^{м} | исус
христосъ исусъ христосъ самъ небеснои | царь опричь царства московскаг

---

[11] е *сделано, кажется, из* а.
[12] гор *написано по подскобленному.*
[13] почему *приписано к слову* отецъ *на полях.*
[14] кипарисъ всемъ древамъ отецъ *надписано над строкой другим почерком и другими чернилами.*
[15] *Второе* а, *кажется, сделано из какой-то другой буквы.*
[16] *Второе* а *сделано, кажется, из* е.
[17] *Первое* о *вписано.*
[18] почему *написано по подскобленному.*

ТАМЪ НАГОРАХЪ НАЕХАЛИ БУХАРЫ

л. 92 об.

Еще тамъ нагора[x] наехали бухары 2̃. весуръ | весуръ валахтантарарахтарандаруфу анаехалъ | жинжа здравствуи мастипане 2̃. весуръ весуръ | валахтантарарахтарандаруфу [1] потонцуиже жинжа | гараздъ мастипане 2̃. весуръ весуръ валахтантарара|хтарандаруфу онъ зачелже скакать учелъ припевати | 2̃. весуръ весуръ валахтантарарахтара[н]даруфу при|вели ему жиду что жидовку хорошу 2̃. весуръ | весуръ валахтантарарахтарандаруфу [1] онъ | зачалъ еѣ охлѣстывати иошевертовати | 2̃. весуръ весуръ валахтантарарахтарандаруфу | еще имали былы свои добрыя кони | 2̃. весуръ весуръ валахтантарарахтарандаруфу | апоехали былы насвоихъ добрыехъ коня[x] | 2̃. весуръ весуръ валахтантарарахтарандаруфȣ | оне схолмы нахолмы нахо[л]мы[2] горы | 2̃. весуръ весуръ валахтантарарахтарандаруфу | еще хе[л]мы да ве[л]ми куварзы визанъ | 2̃. весуръ весуръ валахтантарарахтарандаруфу |ˇеще шанцы дашпенцы бекбеке | бекенцы бекушенцы,

ОХЪ ГОРЮНА ОХЪ ГОРЮ ХМЕЛИНА

л. 93

Ѡхъ горюна ѡхъ горю хмелина гуляли | девушки подле реки покруту покрасну берешку | охъ горюна охъ горю хмелина садили девушки | хмель вогородъ охъ горюна охъ горю хмелина | сами оне приговаривали

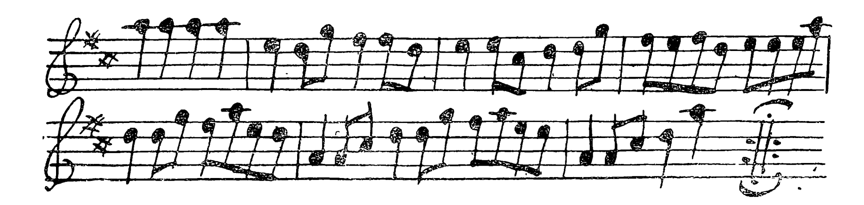
---

[1] *Пятое* а *вписано.*
[2] *Сначала вместо* ы *было написано, кажется,* и,

охъ горюна охъ горю хме|лина рости хмелюшка корнемъ глубокъ корнемъ | глубокъ даты листомъ широкъ охъ горюна | охъ горю хмелина шишки велики белы что | снегъ охъ горюна охъ горю хмелина бе|стебе хмелюшка пива неварятъ ивина не|курятъ добрыя молодцы неженютца красны | девицы замужъ неидутъ охъ горюна охъ | горю хмелина теща кзятю боса пришла она | впологъ кзятю нага легла поутру встала | сама мокра зять злокоманъ нетыли пошу|тилъ нетыли пошутилъ подолъ намочилъ | аитешшинка ты ты тесша ласковая когреху | пришло . . . . . . дошло теща кзятю[1] закаялася | данедаи богъ бывать козятю вдомъ данедаи | богъ бывать узятя вдоме завали боже дорогу | пеньемъ колодьемъ пеньемъ колодьемъ | ǰвыскорью,

л. 93 об.

УСПАСА КОБѢДНЕ ЗВОНЯТЪ



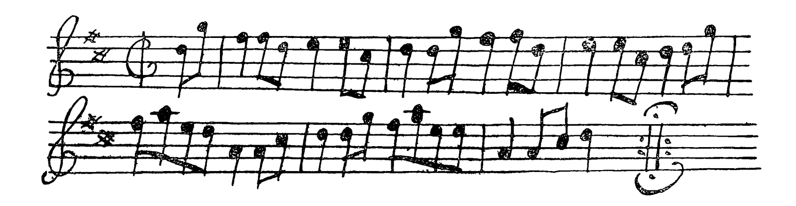
Успаса кобедне звонятъ уприхода часы говорят[т] | поманастырямъ благовестятъ теща кобедни | спешитъ намутовке[1] рубашку сушитъ наповаренки | кокошнечки аитеща кобедни пошла что идетъ | помалешонку ступаетъ потихошунку сноги наногу | поступоваетъ набошмачки посматриваетъ чеботы | накалачиваетъ все боги теща прошла азашотта | николе челомъ аниколе месницкому все люди теща | прошла азашотта она зятю челомъ даденису | борисовичу аизять нанее негледитъ господинъ | слово неговоритъ аивижу я вижу сама ачто есть | нанемъ бешеная бить зятю дочи моя прогневи[т] | серце материна ипролитьбы горячу кровь аичемъ | будетъ зятя дарить чемъ господина дарить | есть умене увдовы будетъ снево живота поиду | млада вторги куплю млада камки сошьюли, я | зятю кофтанъ сошью дочери сарафанъ чтобы | зять дочери небилъ негневилъ серце материна | непроливалбы горячу кровь, успаса кобедни звонятъ | уприхода часы говорятъ поманастырямъ благовестятъ | теща кобедни спешитъ намутовке рубашку сушитъ | наповаренки кокошнички она теща кобедни пошла | аидетъ помалешонку ступаетъ потихошунку сноги | наногу поступоваетъ набошмачки посматриваетъ | чеботы наколачиваетъ авсе боги теща прошла | азашо[т]та николе челомъ аниколе мес-

---

[1] ю *сделано, по-видимому, из какой-то другой буквы.*
[1] м *сделано из какой-то другой буквы.*

ницкому все | люди теща прошла азашотъ она зятю челомъ | даденису борисовичу зять нанѣе неглядитъ г^с^пднъ | слово неговоритъ вижу я вижу сама ачто есть || нанемъ бешеная бить зятю дочерь моя прогне|вить серце л. 94
материна проливатьбы горячу кровь| чемъ будетъ зятя дарить чемъ господина дари^т^ | есть уменя увдовы есть уменя молоды атри це|ркви три каменны аимаковицы серебрены | кресты позолочены промежу теми церквы| протекла быстрая река анатои набыстрои | нареке много гусеи лебедеи много серыхъ малы^х^ | утачекъ аитемъ будетъ зятя дарить мнека | темъ господина дарить идениса борисовича аизя^т^ | нанее погляделъ господинъ слово выговорилъ | теща ты теща моя богоданная матушка | ты подитка живи умене аработы неробь | намене толко ты баню топи толко ты водꙋ | носи еще мне робенки кочаи,

ТЕЩА ТЫ ТЕЩА МОЯ [1]



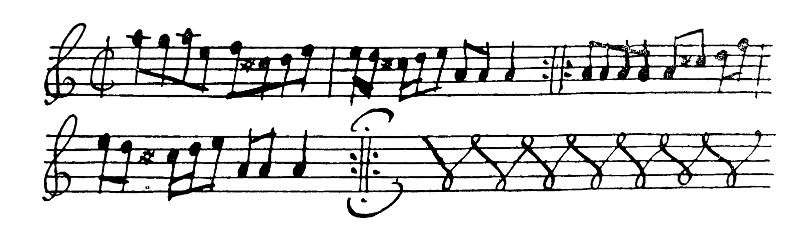
Аитеща ты теща моя аты чертова перешница | ты поди погости умене аиеи выехать неначемъ | пешкомъ она кзятю пришла авпологъ ѿдыхать | легла она вжары петровския азять напирꙋ пиро|валъ аувиделъ заженои засвоеи заеѣта задочерью | наповете чужова мужика онъ худыята шутки | шутилъ осердяся онъ домоита ушолъ ему тутъ | поталанелося изашолъ свою тешшенку усебя | впологу намосту смехъ ѿсмехиваетъ онъ | итрублю ѿтрубливаетъ,

---

[1] *В оригинале выскоблена поперечная линия, соединявшая первоначально верхушки шеек двух первых нот последнего такта.*

л. 94 об.

УСЫ УДАЛЫ МОЛОТЦЫ



Ахъ даселева усовъ ислыхомъ неслыхать аслы|хомъ ихъ неслыхать ивидомъ невидать анонеча | усы проявились наруси авновомъ усолье устрого|нова они щепетко погороду похаживаютъ ака|раблики бобровые верхи бархатные нанихъ | смурые кафтаны сподпушечками скомчатыеми [1] | аисиние чулки астраханския черевики акрасныя | рубашки косые воротники золотые плетни | собиралися усы нацаревъ накабакъ асадилися | молодцы воединои кругъ болшои усища ј҆всемъ | атаманъ агришка мурышка дворянскои сынъ | самъ говоритъ самъ усомъ шевелитъ абратцы | усы удалые молодцы аилето проходитъ зима | настаетъ аинада чемъ усомъ голова кормить | наполатехъ спать инамъ сытымъ быть ахъ | нутятка усы засвои промыслы амечитеся | покузницамъ накуите топоры сподбородышами | анакуите ножеи потри четверти даизделаите | бердыши ирогатины иготовтесь все ахъ знаю | я крестьянина богатъ добре живетъ навысокои | горе далеко встороне хлеба онъ непашетъ | дарожь продаетъ онъ денги беретъ давкубышку | кладетъ онъ пива неваритъ исоседеи непоитъ | апрохожиехта лудеи начевать непущатъ апря|мые дороги несказываетъ ахъ надоде хкре|стьянину умеючи итти

л. 95 апопалю итти | непосвистовати ај҆побору [2] итти непокашливати || кодвору ево итти непошарковати ахъ укресья|нина та вдоме борзые кобели иограда крепка | избушка заперта укрестьянйна ворота крепко| заперты пришли оне усы кокрестьянскому дворꙋ | ахваталися зазаборъ даметалися надворъ | ахъ ктоде водвери атаманъ вокно аитотъ | зборку инои зборку ушъ полна избушка прина|буркалася агришка мурышка дворянскои сынъ | селъ впереди подокномъ самъ илокоть наокно | ноги подгузно онъ самъ говоритъ иусомъ шевелитъ | аинутка ты крестьянинъ поворачиваися аидаи | намъ усамъ ипопить ипоесть ипопить ипоесть | ипозавтрекати охъ метался крестьянинъ | вболшеи анбаръ икрестьянинатъ несетъ пять | пудъ толокна астарухата несетъ три ушата | молока ахъ увидели усы молодые молотцы аикатъ | болшу вчемъ пива варятъ замешали молодцы | оне теплушечку анашли вмолоке лягушечку | атаманъ говоритъ ахъ вы добры молодцы вы | небрезгуите аипонашему

---

[1] и подправлено или сделано из другой буквы.

[2] ј҆ вписано.

поруски холоденушка | оне покусу хватили толко голодъ заманили | подругому хватили приоправилися какъ потре|тьему хватили ему кланелися аспасибате | крестьянинъ нахлебе насоли инакисломъ | молоке наовсяномъ толокне напоилъ насъ | накормилъ даиживотомъ надели надели ты | насъ усовъ попятїдесятъ [3] рублевъ аболшему атаману | поˡтараста рублевъ акрестьянинатъ божитца | права денегъ нетъ астаруха ратитца неполу|шечки адуракъ напечи что клеитъ говоритъ | абратцы усы удалы молоᵈцы аиесть де веть | убатюшки денешки аибудетъ васъ усовъ | всехъ оделять амнеде дураку недостанетца | авсе копитъ зятьямъ растакимъ матеряᵐ | апроговоритъ усища болшеи атаманъ | братцы усы засвои промыслы охъ нутко || афонасъ доведи ево донасъ л. 95 об.
ахъ нутко ага|фонъ давали ево нагонь аберите топоры спо|дбородышами ахъ колите заслонъ дащепаите | лучину добываите огонь кладите наогонь| середи избы валите крестьянина брюхомъ | вогонь астаруху валите жопои наогонь | немогъ крестьянинъ огня стерпеть ахъ | сталъ крестьянинъ наогонь пердеть | побежалъ крестьянинъ вболшои анбаръ выни|малъ исподкаменю зденьгами кубышечку | приносилъ крестьянинъ дабрякъ настолъ | вотъ вамъ усамъ попятїдесятъ [4] рублевъ | аболшомута усищу полтараста рублевъ | вставали усы они крестьянину кланѣются | даспасибо те крестьянинъ нахлебе | насоли инаовсяномъ толокне инакислоᵐ | молоке напоилъ насъ накормилъ живо|томъ наделилъ ахъ мы дворъ твои | знаемъ иопять заидемъ итебя | убъемъ итвоихъ дочереи уведемъ | адурака твоего въесаулы | возмемъ

КТО ТРАВНИКА НЕСЛЫХАЛЪ

л. 96

Аидеялося ввесне настарои наканакже ставиˡ | потанька плужокъ подокоᵚко ксебе налужокъ | ѿморята синева исзагоръ высокиехъ иззалесу | лесу темнова вылеталъ молодои травникъ | прилеталъ молодои травникъ молодои зуи | болотиникъ асадился травникъ налужокъ атра|вку пощипываетъ полушку похаживаетъ | ходюди [1] травникъ полушку дапопалъ травникъ | вплужокъ своеи левои ноженкои онъ правымъ | кры-

---

[3] тї *вписано.*

[4] тї *вписано;* е *сделано из какой-то другой буквы, кажется, из* и.

[1] ю, *кажется, сделано из* и.

лошкомъ дамез | инымъ перстичкомъ аи пикъ | пикъ пикъ травникъ сидючи травникъ налушку | налушку травникъ воплушку едва травникъ | вырволся звился травникъ высоко полетелъ | травникъ далеко залетелъ травникъ вмоскву | инашолъ вмоскве кабачокъ тотъ кабачокъ то кручокъ аитутъ | поимали ево били ево вдуплю посадили ево | втюрму пять недель пять недель посиделъ | пять алтынъ пять алтынъ заплатилъ | изато ево выпустили дакнутомъ ево выстегали | поредамъ ево выводили едетъ дуга надуге шелу | дякъ нахрамои лошеди авсе травника смотре[т] | все, молодова смотреть едва травникъ вырволся | взвился травникъ высоко полетелъ травникъ | далеко настарую канакже косемену егупь | евичу икомарьи алфертьевне икоанне | семеновне залетелъ травникъ въокно |
л. 96 об. поизбе онъ похаживаетъ аниско спину || гнетъ носомъ вземлю претъ збои засобои | держитъ илукавство великое асеменъ тра | вника невзлюбилъ господинъ травника невзлю | билъ ачто заптица та ачто залукавая | она ходитъ лукавитца збои засобои держи[т] | аиниско спину гнетъ аносомъ вземлю претъ | исеменъ травника пощеке господинъ подругои | стороне аспину гребетъ столочилъ тело пече[н] | прочь отопталъ пряники сладкия сапога[м] | печатаныя калачи крупичетыя сапогами | толоченыя втапоры мужики нера | зумныя канакжана оне ходятъ дивую[т]ца | где травника невидать где молодова | неслыхать неклюетъ травынки онъ | вечны зеленыя говоритъ травникова | жена душа анна семеновна аналивная | ягодка виноградная вишенье аглупы | мужики неразумныя канакжана тра | вникъ спохмелья лежитъ сосеменова | почести асеменъ ево подчивалъ | господинъ ево чествовалъ спину | хребетъ столочилъ тело печень | отопталъ

л. 97 СВИНЬИ ХРЮ ПОРОСЯТА ХРЮ

Свиньи хрю поросята гиги гуси гого встани [1] | затопляи перекисла мешаи чья была кручина | нещопана лучина авеликая печаль напече | детеи кочать плачетъ дитя возрыдаетъ дитя | пособити нельзя бачка сердитъ такъ мачка перди[т] | пивото вшубе вино взипуне брага вшебуре прощелыга | вода инога ибоса она беспояса кто напьетца воды | небоитца беды [2] никакои кормолы инедъяволшены | когда москва женилась казань

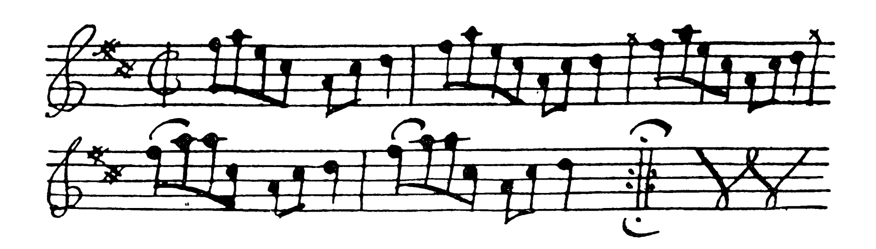
[1] *В оригинале на полях против этого слова находится знак* NB.
[2] беды *написано по подскобленному.*

понела понизовныя | городы вприданыя взела иркуцка якуцка енисеиской| городокъ аиновъ городъ былъ тысяцкои ауфата срака | сваха была кострома городъ хохочетъ впоездꙋ | ехать нехочетъ авздумали згодали покуракина | послали акуракинъ говоритъ изопьемка вина | то прибудетъ ума испили маленько шумитъ вго|лове испить боло поболше поболше шумитъ | изопьемъ посидимъ пошлемъ пожены посвои гп҃жи | ажены наши идутъ будто утачки плывутъ аима|тери идутъ будто свиньи бредутъ аиелъ чеснокъ | ѽрыгаетца целовалъ молодꙋ то забыть нельзя | акапуста вмасле нееᶜтвали то агрибы счеснокоᴹ | невологалито молодица вшапке недевкалито [3] веселои | молодецъ неутехали то мать дочери своеи гова|ривала инаказывала невелела молоденьки смужеᴹ | спать пододежду...... аия молода зглупа разума | ума потихоньку...... ивсего мужа засрала | аспи ты мои мужъ нераскатываися что сизои | голубокъ нагнездушке аимужуто жена свету || видети дала петлю нашею сама вз^ложила ана | милому вокошко конецъ подала милъ потени | мои голубчикъ потени милои потянулъ еѣ мужаᵀ | захрипелъ [4] будто спать захотелъ аия мужа | небила небранивала аитолко бледину сыну говаривала | ешъ мужъ ношъ ты гложи ножны аисохни збоку | боли схреп'ту совсего животу аиела баба сме|тану да брюхо болитъ агледелабы намилова | да мужъ невелитъ подлавкои лежитъ онъ | сабакои ворчитъ кобелемъ визжитъ баба | ...... хочетъ баню збить потолокъ сво|ротить двери выставити баню выстудити | ваня вбаню жена ево забаню василеи насеняˣ | богъ далъ сына сына екима азатемъ | будетъ иванъ добро будетъ инамъ ащюкаде | нерыба лень нееда ачюжа жена ожога ожгла | молодца поперекъ животца асчючины нееᴹ | коросеита неемъ аиемъ треску припрꙋ кшеску | ажена мужу насрала наистопке привела | ево смотреть вотъ муженекъ голубеи | гнездо тебе киевскихъ мохноногинкихъ | попадья напопа разгузынилася распечалилася | акобылуту коломъ икоровуту коломъ она | мелкова скота ослопиною здвора онъ | видитъ попъ неминучую свою ухватилъ | онъ книгу самъ бегомъ изызбы, л. 97 об.

[3] д *сделано из* в.
[4] *Сначала переписчик вместо* п *написал, кажется,* б.

л. 98

СТАТЬ ПОЧИТАТЬ СТАТЬ СКАЗЫВАТЬ



Астать почитать стать сказывати, аиго|роды все пригородья все, ма-
лую деревню иту | спомянуть; авнижнемъ славномъ нове городе, | напере
городье, вбубны звонятъ вгоршки благове|стятъ дапомелами кадятъ
мотовилами кре|стятъ, стихъ постиху надровняхъ волокутъ | аимолодȣ
молодку по^{д}полосью везутъ, аналавицы | коверъ, напече приговоръ,
наполатехъ мужикъ сориною | лежитъ, анемилъ мне семенъ некупил^{ъ}
мне серегъ | толко милъ мне иванъ дакупилъ сарафанъ онъ по|ложа
налавку примеривать сталъ онъ красной клинъ | всередку вбилъ, абылъ
я наволме навол’ме горахъ | акупилъ я девонку даулкой зовутъ далъ за-
девонку | полтину дарубль. . . . . водевонку по^{л}. . . до . . . | вот’те де-
вонка мой сизъ селезень бесперья бескры|лья беспапоротковъ , аичортъ
напече куличи | что печи окоянной пришолъ вопару насралъ ане|веска
светъ неесса хлебъ поидемка вклеть разго|веемса калачомъ рагачомъ
черной . . . . . . что смо|родиною авгороде руде нашла деушка. . . . приточала |
к . . . . . . огленулася назадъ хорошолита висятъ | аунасъ надону чертъ . . . . . .
сатану прислоня ево | ктыну запехалъ . . . вдыру сатаната де верти^{т}ца |
унего жопа болитъ апопъ набазаре . . . . . . про|даетъ пришедши дьяконъ
онъ барышничаетъ | онъ взялъ. . . . . . взубы потягиваетъ розшепе|риваетъ
акабы наша . . . . . вненакладе ушла | аинадобна стара баба здогатки ети
л. 98 об. винцомъ || попоить безштановъ походить зауши грызи̂ | запотылицу дери
ивхребетъ колоти аипуще | стара баба . . . . . реветъ ахтоде . . . . . скомо|ро-
хову жену тово трясся треси комуха ево бей | оздыня ростакумать оземлю
аизарекои старъ | . . . марью сталъ наколоду валить по^{д} . . . . . | велитъ
сусомъ . . . . .бородатой . . . дядя тетку | . . . . . онъ упечи пожаритъ дав-
нуть поведетъ | впо^{д}гузно лотокъ аито^{т}то лотокъ полонъ сусла | натекъ
аималенки ребята бегутъ сусла испить | девушки идутъ имолодȣшки
идутъ аисусло пью^{т} | оне похваливаютъ адва старика шли изастра|хани
пришли к . . . . позавтракали почела | . . . . . мигать надорогу имъ да-
вать напалатя^{х} | баба лежитъ чюдеса ^{баба} творитъ по^{д}нимя ногу | пер-
дитъ темъ . . . . . грозитъ анамесеце напо^{л}не | . . . ростетъ . . . . . лоскнетъ
и . . . . . . легко | животу добро а . . . . . я поповну подлесницею | азато
меня кормила еишницою самоета по|падью . . . по^{д}мостомъ изато мене
кормила хво|ростомъ аитотъ хороберъ даинои хороберъ то^{л}ко | нетъ
хоробрея . . . . . головы онъ ис . . . . . в . . . . . | татаръ загналъ авсе

онъ . . . . мать о^{т}сабакъ забе|жалъ авгузне татары в . . . . . ка^{л}мыки . . . . | бухарцы ставарами стоятъ акаки унихъ товары | эдаки товары даголыя . . . . . почему . . . . ., | болша . . . . . решето овса, нетолоченова немоло|ченова, аималинка . . . . пригоршни ржи аиси | винка зату гривинка чернауса макрауса неты|каная ӏне . . . . непроломленая азату | . . . . . пятдесятъ рублевъ нихто . . . . . некупи^{т} | нихто негледитъ аивышелъ излавки гостиной | сынъ толко цену спросилъ даиденги бросилъ | на . . . . . положилъ ивнее вколотилъ онъ самъ ‖ говорилъ, спасиба те душа устиньюшка воротилася | моя л. 99
пя^{т}десятъ рублевъ свое сердце утешилъ себѣ | звеселилъ душу обложилъ азакустичко^{м} заберезничко^{м} | ачетыре попа дакобылу . . . . . аипятой попъ поска|киваетъ абратцы попы доброхоты мои даите мне | хотя плешъ обмакнуть сукинъ сынъ попъ ты | блядинъ сынъ попъ уте . . . коротокъ возми топо|рокъ побеги наборокъ ассеки дȣбину запехай вглу|бину тамъ тощо по^{д}вигай ещо азабилася . . . . . | шша восиново дуплишша еѣ вилами кололи невы|колали калачами манили невыманили . . . . | показали . . . . . выскочила атокобыде . . . . | крылошка азлетелабы . . . . на. . . . . . . апри|думали бояра пригодали стрелцы обрить . . . . . | опалить . . . . . усъ . . . . . оставить давпопы|еѣ поставить посадить еѣ накамень насини|нкой ана . . . . . татаринъ касимовской аидевушка | шла в . . . . нашла молодица шла два нашла | астара баба шла она желвакъ в . . . . . нашла | селаде напечь росплакалася немоитаде щаски | что мне наити . . . втри локтя толко яде на^{ш}ла | желвакъ в . . . . . гомозитъ везде . . . . . нелзя | аитаде старушка дао^{т}промыслу о^{т}стала зголодȣ | у^{м}ретъ, по^{д}мостомъ замани хвостомъ алежитъ . . . . . | безпокаянья аипопъ пришолъ покаилъ пол . . . | втакарилъ пономарь поновилъ до . . . . | за|билъ адьячокъ записалъ ивесь запихалъ аи . . . | вжопе . . . . в . . . . . обе дыры захламощены удь|яконицы, в . . . . . ящерицы чернилица вгузне | перо в . . . . . два напечи оба наги лежатъ атретеи | наполатехъ нинитки нанемъ первой говоритъ| станемъ бабу . . . адругои говоритъ . . . . | . . . . . атретеи говоритъ оскребемъ да . . . . . | вредову поведемъ исзаволги реки . . . . . волко^{м} ‖ плыветъ . . . ворте несетъ перевертываетъ а | . . . тъ плыветъ будто л. 99 об.
палочка а. . . . . та | пловетъ будто галачка гдека . . . тъ сталъ | тута островъ сталъ где . . . . . та стала | тутъ болото стало учела . . . . . мигать | арыкотины метать сруки персни бросать | понамарь по^{д}бирать попадьямъ про. . . . . | асведали попы свои промыслы добры зачели | попы оне всебя . . . . ошевертовати | аипопъ попа . . . . давновои городъ пошолъ | анамъ веселымъ попа^{д}ю приказалъ вы дети | немрите попа^{д}ю мою . . . . . аимы . . . неделю | мы . . . другую а . . . . . . детину чортовȣ | пучину беспалца рука безмезинца нога безума | голова мать своей дочери говаривала нака|зывала дочюшка устиньюшка преди дочи | куделю смышляи красна аивыди наулицȣ | ты . . . . . . стань то красенной станъ . . . . | набелки да . . . . . . утокъ . . . челночок . . . . . | . . . . зевочокъ тки притыкаи ты к . . . . . . | придвигаи а . . . . . я кобылу коневу жену | она лутче кобыла поповой жены она денегъ | непроситъ вглаза негле-

дитъ целовать не|велитъ аидевку ...... молодку .... астару | бабу ...... по^д^заднимъ окномъ аунашея невески | некакъ улюдей аунашея невески двенатцать | ..... назади ..... спереди ..... наколене^х^ | ..... по^д^коленемъ .... в ..... впри|калиткахъ две аималинка .... наверхъ | ползетъ аигубки жметъ ... вротъ ждетъ | аитеща прозятя блины пекла свинои ...|.... подмазывала
л. 100 азятятъ естъ похваливае^т^ | аитото блины добре хороши блины || блины масленые аитеща прозятя чинень чинила | три годы вгузне говно гноила ипирогъ испекла амужи^к^ | меня бивалъ ростакаде мать бивалъ зашто мене | бивалъ то зато мене бивалъ то зато мене би|валъ жену ево ..... мужева орина алежитъ напе|рине она стеганы роскиня ..... выворотя пришолъ | смосквы ... забилъ стоски ... втрески ..... | вдребезги акнязей ибояръ ..... родила дьяконы | попы онеспо^д^ ...... сползли православныя кресть|яна подле гузна ...... веселыя молодцы бочко^м^ | выскочили аикнязи ..... бȣ^д^то олово льютъ | абояра ..... будто медъ волокутъ крестьяна | ..... будто землю орутъ попадья де напопа | распечалилася разгузынилася асхватила де скуфью | по^д^терла ..... аивотъ те попишка мои масленои | блинъ аиспечушки молодичушки асметли увасъ | пошутить потворить поизбе походить ..... | попрошать аинетли увасъ десятилничко^в^ ї невозму|тли снасъ десети рублевъ аиупопа попа аулошкина | попа .... попадья исполутора блина аидь|яконица исполу еица просвирня злодеика изсинова | ребра хто ее ... потанкой зовутъ по^д^лавкой лежи^т^ | онъ тремя ... грозитъ вся семья дрожитъ вогневе | лежитъ идомалова ребенка безвыдочи охъ где | матушка свекры ты неспораися всегды что | твоя ..... велика моя болше твоеи твоя | ..... слукошка амоя срешето семера теля^т^ | по^д^ .... стоятъ асама сема свинья в ..... | гнездо свила аветь быкъ третьякъ поко|лени вбрелъ:/

л. 100 об.

ОСТАНИШНИКАХЪ ИЛИ РАЗБОИНИКАХЪ

Какъ далече далече вочистомъ полѣ, что ковы^л^ трава | вочистомъ вполѣ шатаетца аи ездитъ вполе ста^р^|матеръ человекъ староили казакъ илья муромецъ аи|конли по^д^нимъ кабы лютои зверь онъ самъ наконе | какъ ясенъ соколъ состарымъ веть денегъ негодилося | толко червонцовъ

золотыхъ снимъ семь тысячеи | дробныхъ денегъ сорокъ тысячеи коню веть по^д^ста|рымъ цены небыло почему то цены ему небыло | потомуто коню цены небыло зарекуто он бродꙋ | неспрашивалъ котора река цела верста аскаче^т^ | онъ зберегу наберегъ наехали настарова стани|шники понашему рускому разбоиники кругомъ | ево старова облавили хотятъ ево старова | ограбити здушеи зживотомъ ево разлучить | хотятъ говоритъ илья муромецъ ивановичь | аи гои есть вы братцы станишники. убить | меня старова вамъ незашто авзяти устарова | нечево вы. . .ъ [1] онъ изналушна крепкои лукъ | винималъ онъ веть стрелку каленую онъ | стреляетъ непостанишникамъ стреляе^т^ онъ | старои посыру дубу аспела титивка утуга | лука станишники сконеи попадали угодила | стрела всыръ кряковистои дубъ изломала | вчеренья вножевыя дубъ ѿтовотаветь | грому богатырскова товота станишники | испужалися аипять оне часовъ безума [2] || лежатъ аи будто отосна сами пробуждаютца л. 101 аселъма стаетъ пересемываетъ аспиря стаетъ | то постыриваетъ авсе оне станишники бьют. | челомъ ты старои казакъ илья муромецъ | возми ты насъ вхолопство вековечное дадим. | рукописанье служить довеку говорит илья | муромецъ ивановичъ аи гои есть вы братцы | станишники поезжаите ѿменя вочисто полѣ | скажите вы чюрилу сыну пленковичу простарова казака илью [3] муромца,

ОАТАМАНЕ ФРОЛЕ МИНѢЕВИЧЕ [1]

Приуныли приутихли 2. надону донскида каза . . | аеицкие донские 2 запороцкие аипочемъ он. . . . . . | уныли потому оне приуныли 2 .надону

[1] *Средние буквы в слове стерлись; у Калайдовича (стр. 419)* — вымал.

[2] *В рукописи на л. 101 и 101 об. края некоторых строк или оборваны, или стерлись. Каждое испорченное место обозначено: если ясно, сколько именно букв недостает, — соответственно числу недостающих букв точками с большими промежутками между ними; если неясно — несколькими точками, поставленными на более близком расстоянии одна от другой.*

[3] ь *сделано, кажется, из* и.

[1] ***В оригинале в том месте, где находятся верхние части трех последних нот предпоследнего такта первой строки, бумага истлела. Судя по уцелевшим остаткам, первая из этих нот — несомненно sol, вторая — по-видимому, la, третья — si. Первая нота третьего такта второй строки — la четвертное.***

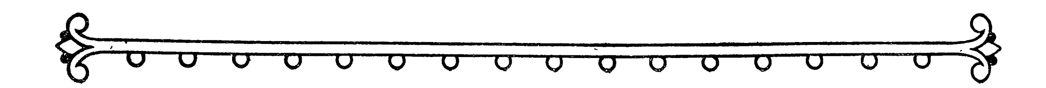
дон. . . . . . . | заки ахъ что взялъ унихъ гсдрь царь 2 жк . . . . | городъ сотремя стемя самалыми спригородка . . | аи сославною сугубаньеи ·скрепкимъ лютикомъ | авославномъ давочеркаскомъ воземляном городке | астоитъ указаковъ золотои бунчюгъ анабунчюге | стоит чюденъ золотъ крестъ апередкрестомъ | тѹто стоитъ воискавои ихъ атаманъ апо|именюли фролъ [2] сынъ минѣевичь кокресту | тутъ собиралися донски казаки аидонские | гребенские запоротски хохлачи становились | молодцы воединои воискои кругъ середи круга | стоитъ воисковои атаманъ апоименюли | фролъ
л. 101 об. сынъ минеевичь атаманъ речи говорил || будто втрубу трубилъ аи вы братцы казаки вы яи|цкие донски 2 жк. запоротские пособите мне атаману | .ы думу думати челобитнали намъ писати гсдрю | . . . . . подавать самомули мне атаману вмоскву ехати | . . ремерьебы намъ взять передсамимъ царемъ | . але . ли пути дороги засине море гулять 2 жк еще | бвора бваски б.олицына здетьми залегли пути | дороги засине море аи нестало намъ добычи наси|немъ морѣ инатихомъ дону наиваныче ипоехал | атаманъ вкаменну москву еще будетъ атаман | . . аменнои москве поклонился гсдрю оправу руку | с . . зь слезы онъ словечко едва выговорилъ: ахъ ты | светъ . ашъ надежда благоверны царь аигрозенъ | судар . петръ алеѯеевичь прикажи намъ надону | чемъ кормитися 2 жк. залегли пути дорош . | за си . е море бвора бваски бголицына здетьми | еще те . . . . . . дороги уволные . . зл . . . труба | . . . . царстве про . р . б . . . . рилъ . . . . | . . . . гои есть атаманъ . . . здонскими казаки | . . . . . атамана веть казачеи с . . ъ есть ли | . . . . . . е . орядочно живетъ ба. . . . . |

ОСТЕНЬКЕ РАЗИНЕ

Аи по . раи было моря синева 2 жк. анаусь. дону тихова | накрутомъ красномъ берегу аи стоитъ крепкои азов | городъ 2 жк состенои белокаменнои 2 жк. исобашными | науголными 2 жк. исорвами глубокими 2 жк. зземляными | роскатами 2 жк. исрогатками железными середи | азова города тутъ сто . . . темна темница ||

[2] *Сначала вместо* р *было написано* л.

ПРИЛОЖЕНИЯ



«СБОРНИК КИРШИ ДАНИЛОВА» И ЕГО МЕСТО В РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКЕ

Собрание русских народных песен, широко известное ныне как «Сборник Кирши Данилова», увидело свет в 1804 году в Москве под названием «Древние русские стихотворения». Редактором книги, как это выяснилось много позднее, был Андрей Федорович Якубович, скромный литератор и чиновник. Личность его почти не привлекла внимания историков литературы [1], и роль его в судьбе Сборника Кирши Данилова была явно недооценена. А между тем эта роль — без преувеличения можно сказать — чрезвычайно велика.

В 1802 или 1803 году рукопись Сборника, созданного — как будет показано ниже — задолго до этих лет и вдали от Москвы, оказалась в руках Ф. П. Ключарева, директора почтового ведомства в Москве, второстепенного литератора. Биография Ключарева не изучена, и образ его представляется неясным. Важно отметить, однако, что он принадлежал к окружению Н. И. Новикова. Ключарев, несомненно, сумел оценить значение попавшего к нему собрания. Решение его издать Сборник поддержал Н. М. Карамзин, которому Ключарев показал рукопись. Доля участия Ключарева в издании «Древних русских стихотворений», по-видимому, ничтожна. Ему принадлежит посвящение (в прозе и в стихах) главному директору почт Д. П. Трощинскому [2]. Всю большую и ответственную работу по подготовке издания выполнил А. Ф. Якубович, служивший в это время под начальством Ключарева [3].

К сожалению, сведения, которыми мы располагаем о Якубовиче, чрезвычайно скудны и в отдельных моментах противоречивы. Известно, что он учился в Московском университете, сотрудничал в журналах

---

[1] Единственная заметка о А. Ф. Якубовиче, принадлежащая Б. Шувалову, имеется в «Русском биографическом словаре».

[2] Посвящение это было вызвано, по-видимому, не только служебными соображениями Ключарева: Трощинский интересовался народной поэзией, вокруг него группировались ранние украинские фольклористы.

[3] Вопрос о литературно-общественной деятельности Ф. П. Ключарева поставлен М. К. Азадовским в его книге «История русской фольклористики», Учпедгиз. М., 1958, стр. 168—169; см. там же о Якубовиче, стр. 170—172.

конца XVIII—начала XIX века, писал стихи, рассказы. Позднее, уже после издания Сборника, он занял должность калужского почтмейстера. Умер он в сороковых годах в Калужской губернии. У Ключарева, несомненно, были веские основания поручить издание «Древних русских стихотворений» Якубовичу. Поздняя критика незаслуженно сурово расценила работу последнего над Сборником. Ему ставили в упрек, что из более чем семидесяти текстов, имевшихся в его распоряжении, он напечатал только двадцать шесть; отмечались неисправности в издании, ошибки в прочтении отдельных мест, отсутствие какого-либо сопроводительного аппарата[4]. На самом же деле заслуги Якубовича решительно превосходят недостатки издания. Якубович первым выполнил нелегкий труд по прочтению рукописи Сборника и по подготовке текстов; в частности, он разделил на стихи тексты Сборника, написанные в сплошную строку. В коротеньком предисловии «К публике» он первым высказался о литературном и научном значении опубликованных материалов. В результате его работы впервые в истории фольклористики появился в печати сборник подлинных записей русских былин и исторических песен.

Якубович не удовлетворился сделанным. Тотчас же он приступил к подготовке второй части книги (вероятно, целиком по собственной инициативе), а одновременно занимался более углубленным изучением материалов Сборника, пытаясь осмыслить их историко-литературное значение. Однако неизвестные обстоятельства помешали Якубовичу, и вторая часть не была им напечатана. Судьба была к нему явно несправедлива: в критике тех лет «Сборник Кирши Данилова» никак не связывался с именем Якубовича; в качестве издателя называли обычно Ключарева.

Между тем «Древние русские стихотворения» имели несомненный успех. Выход книги был прямо связан с тем повышенным интересом к историческому и литературному прошлому России, который проявлялся в русской культуре начала XIX века. Всего четыре года отделяют появление первого собрания русского эпоса от первого издания «Слова о полку Игореве». В это время публикуется ряд статей и книг, в которых так или иначе затрагиваются вопросы теории и истории русского фольклора. «Древние русские стихотворения» ответили, таким образом, на все более возраставший интерес к народной поэзии и вместе с тем дали новый толчок работе по собиранию, изданию и изучению памятников народного творчества.

В этой обстановке понятно то особое внимание, которое проявил к «Сборнику Кирши Данилова» известный кружок Н. П. Румянцева, начинавший развертывать усиленную деятельность по отысканию и публикации памятников русской истории, литературы, этнографии. Рукопись Сборника была приобретена Румянцевым осенью 1816 года, и тогда же подготовка ее к печати была поручена К. Ф. Калайдовичу, который начи-

---

[4] См., например: А. М. Лобода. Русский богатырский эпос. Киев, 1896, стр. 51—53.

нал в это время свою блестящую филологическую деятельность. Предварительно Калайдович ездил в Калугу, где жил несколько месяцев в доме Якубовича [5]. Из имеющихся материалов не совсем ясно, у кого находилась рукопись Сборника после 1804 года — у Ключарева или у Якубовича, — и кто из них передал ее в «подарок» Румянцеву, получив в свою очередь от последнего «подарок» в тысячу рублей [6]. Во всяком случае несомненно, что Сборник являлся центральной темой бесед Калайдовича с Якубовичем в Калуге. Первый издатель «Древних русских стихотворений» сообщил ценнейшие сведения, касавшиеся происхождения Сборника. Можно думать, что именно в итоге калужских бесед у Калайдовича сложились те представления о Сборнике, о его истории, о характере и значении его материалов, которые нашли свое выражение в предисловии ко второму изданию. Историки русской фольклористики отмечали высокий уровень вступительной статьи Калайдовича, впервые поставившего некоторые существенные вопросы изучения русского эпоса. Все это верно. Но в действительности надо говорить о том, что целый ряд положений статьи принадлежит Якубовичу в той же мере, что и Калайдовичу. Об этом неопровержимо свидетельствует документ, опубликованный в свое время М. Н. Сперанским — «Записка» Якубовича о Сборнике [7]. П. Бессонов неверно определял ее как первый вариант предисловия Калайдовича [8]. Многие места «Записки» действительно вошли почти без изменений в статью Калайдовича без всяких оговорок со стороны последнего. И самое имя Якубовича было названо здесь только однажды; правда, благодаря этому упоминанию стала ясна роль Якубовича в подготовке первого издания книги.

Второе издание Сборника вышло в 1818 году под названием «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». Всю основную работу над подготовкой книги проделал Калайдович, за ходом издания, по поручению Н. П. Румянцева, наблюдал А. Ф. Малиновский [9].

Это была первая в истории русской фольклористики публикация, выполненная с применением научных эдиционных принципов. По сравнению с первым изданием Калайдович значительно увеличил число публикуемых текстов: вместо двадцати шести он дал шестьдесят один, выпустив только те, которые не считал возможным включить главным образом по сообра-

---

[5] П. Бессонов. Материалы для жизнеописания К. Ф. Калайдовича.— «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1862, кн. 3, стр. 53—54, 57—58.

[6] М. Н. Сперанский. К истории сборника песен Кирши Данилова.— «Русский филологический вестник», 1911, № 1, стр. 199—204.

[7] Там же.

[8] П. Бессонов. Материалы. . . , стр. 58.

[9] Ценные сведения для истории второго издания Сборника содержатся в письмах Н. П. Румянцева к А. Ф. Малиновскому (см.: «Переписка государственного канцлера гр. Н. П. Румянцева с московскими учеными».— «Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1862, кн. 1, стр. 20, 29—30, 35, 63, 67, 71, 98 и др.; см. также: А. А. Кочубинский. Начальные годы русского славяноведения. Одесса, 1887—1888, стр. 67, 101).

жениям общественной благопристойности или цензурным [10]. Калайдович заново прочел тексты рукописи и дал их без всякой редакторской правки, сохранив ряд особенностей орфографии оригинала [11]. Новое издание сразу же значительно расширило представления о русском эпосе, введя в научный и читательский обиход ценнейшие сюжеты, такие, как о Садко, о Добрыне и Змее, об Иване Годиновиче, Госте Терентьище, Щелкане Дудентьевиче, о взятии Казани.

Сличение текстологической работы Якубовича и Калайдовича сделал в свое время А. М. Лобода. В итоге он пришел к выводу, что «в большинстве случаев при сличении разночтений обоих изданий. . . преимущество принадлежит последнему тексту. . . Кое в чем, однако, мы бы склонны были отдать предпочтение Якубовичу. . . Самый язык подлинника у Якубовича сохранен гораздо лучше, чем у Калайдовича» [12].

Предисловие Калайдовича справедливо называют первым исследованием о русском эпосе [13]. Здесь были поставлены многие из тех вопросов, которые затем долго находились в центре внимания филологической науки. Конечно, многие положения статьи представляются ныне безнадежно устаревшими, отдельные мысли и догадки — наивными. Но тем более заслуживают быть отмеченными те места предисловия, в которых Калайдович предвосхищал наблюдения и выводы ученых, работавших позднее на гораздо более широком материале. Калайдович и Якубович (в своей «Записке», использованной автором предисловия) хотя и придавали большое значение личности Кирши Данилова, однако уже делали вывод, что «стихотворения» принадлежат не ему, что не он первый сложил их, а что в основу Сборника легли более древние народные песни, которые и были переделаны якобы Киршей. Мысль о том, что большинство песен собрания принадлежит далекому прошлому, живо занимает первых исследователей Сборника. Калайдович и ставит своей задачей произвести первую научную разведку в область истории народного эпоса, выяснить его исторические основы, наметить этапы его развития. Он сопоставляет отдельные былинные сюжеты со свидетельствами древнерусских летописей, стремится отграничить в них вымысел от правды. Он ищет соответствия тому, о чем рассказывают былины, в фактах истории Киева и Новгорода, находит в летописях прототипов былинных богатырей, связывает поздние песенные сюжеты с событиями русской истории XVI—XVIII веков. В сущности, предисловие Калайдовича стоит у истоков исторического изучения русского эпоса.

Калайдович обратил внимание и на художественную специфику материалов Сборника. Ему уже было ясно, что песни, которые он публиковал,

---

[10] Сохранилось оглавление рукописи, составленное для Н. П. Румянцева. В нем против песен, не вошедших впоследствии в издание 1818 года, поставлено «непристойная» (см.: «Сборник для истории Румянцевского музея», вып. I, стр. 100—103).

[11] П. Н. Шеффер. Заметка о Сборнике Кирши Данилова.— «Известия ОРЯиС ИАН», т. II, кн. 1. СПб., 1897.

[12] А. М. Лобода. Указ. соч., стр. 51—52.

[13] А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. I. СПб., 1890, стр. 229; А. М. Лобода. Указ. соч., стр. 154—155.

представляют сложный сплав исторической действительности и поэтического вымысла; он указал на связи эпоса со сказкой, отметил некоторые характерные особенности поэтического языка, слога, стихосложения. Наконец, предисловие ввело в науку те скудные факты относительно происхождения Сборника и судьбы его рукописи, которые Калайдович получил от Якубовича. После издания 1818 года «Древние русские стихотворения» оказались прочно связанными с именем Кирши Данилова. Как мы увидим ниже, самую проблему Кирши Данилова впервые поставили и попытались разрешить те же Калайдович и Якубович.

* * *

И первое и особенно второе издания «Древних русских стихотворений» имели большое значение для развития фольклористических интересов в России в первой половине XIX века. «Сборник Кирши Данилова» явился подлинным событием в русской культуре. Его по достоинству оценили в передовых общественных и научных кругах, вокруг него завязались острые споры, неизменно переходившие в полемику о проблемах народности и народного искусства.

Под влиянием знакомства со Сборником принимается за собирание и исследование народной поэзии А. Х. Востоков. Как свидетельствует И. И. Срезневский, Востоков «переписывал и даже переделывал» песни Сборника, составил указатель собственных имен и некоторых слов к изданию 1804 года, делал «сравнительные выписки выражений» [14]. Впоследствии Востоков ознакомился с рукописью Сборника, широко использовав материалы его в своем труде о русском стихосложении. Ему же, кажется, принадлежит первое печатное известие о предстоящем выходе второго издания книги [15].

Вслед за Востоковым многие, занимавшиеся в начале XIX века теорией и историей русского стиха, обращались к «Сборнику Кирши Данилова», находя здесь материал для анализа и характеристик особенностей русской стиховой метрики [16].

Об интересе к Сборнику со стороны передовой молодежи 10—20-х годов свидетельствует тот факт, что издание 1804 года было знакомо воспитанникам Царскосельского лицея: в дневнике В. К. Кюхельбекера (запись от 4 февраля 1832 года) есть воспоминание о том, как в 1815 году он перевел на немецкий язык помещенный в Сборнике духовный стих «Сорок калик со каликою». Реминисценции из былин Сборника обнаруживаются в его повести «Адо» (1824 г.). Живой интерес к «Древним русским стихо-

---

[14] «Филологические наблюдения А. Х. Востокова. Издал, по поручению 2-го отделения Академии наук, И. Срезневский». СПб., 1865, стр. XII.

[15] А. Х. Востоков. Опыт о русском стихосложении.—«Санктпетербургский вестник», 1812; отд. изд.: СПБ., 1817, стр. 139, 147—148, 149, 150, 152—153, 157, 158.

[16] Обзор соответствующей литературы см.: М. П. Штокмар. Исследования в области русского народного стихосложения. М., 1952, стр. 21—27.

творениям» поэт-декабрист сохранял, по-видимому, всю жизнь: он читал их в сибирской ссылке [17].

Мотивы и образы русского фольклора, запечатленного в «Сборнике Кирши Данилова», главным образом — былин, нашли разнообразное отражение в творчестве поэтов первой половины XIX века. Так, следы влияния былинных сюжетов о Добрыне ощутимы в стихотворении В. А. Жуковского «К Воейкову. Послание» (1814 г.) [18].

Для А. С. Пушкина Сборник Кирши Данилова был одним из постоянных источников изучения народной поэзии. В его библиотеке был экземпляр издания 1818 года [19]. Творческое восприятие поэтом материалов сборника отразилось в поэме «Руслан и Людмила», в сказках, в «Песнях западных славян», возможно — в шуточной сказке «Царь Никита и сорок его дочерей». В набросках к поэме «Мстислав» отразились мотивы былины «Илья ездил с Добрынею» и попытки Пушкина по-своему интерпретировать сюжет «Бой Ильи Муромца с сыном». В «Древних русских стихотворениях» Пушкин находил примеры образцового употребления чистой народной речи и этим примерам следовал. Возражая тем критикам, которые осудительно отнеслись к словам «хлоп», «молвь», «топ» в «Евгении Онегине», Пушкин ссылался как на авторитет на «Древние русские стихотворения»: «Слова сии коренные русские. . . Хлоп употребляется в просторечии вместо *хлопание*, как *шип* вместо *шипения*:

Он шип пустил по-змеиному.
(«Древние русские стихотворения»)

Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка» [20].

Оценил песни из Сборника как в художественном, так и в историко-познавательном отношениях и Н. М. Карамзин — автор «Истории государства Российского» [21].

«Сборник Кирши Данилова» скоро стал известен и за пределами России. С особенным вниманием отнеслись к нему деятели славянской культуры. Можно предполагать, что знаменитый сербский ученый и общественный деятель Вук Караджич знал уже первое его издание [22]. Во время пре-

---

[17] «Дневник В. К. Кюхельбекера».—«Русская старина», 1875, т. XII, стр. 502.

[18] О роли «Сборника Кирши Данилова» в развитии русского литературного фольклоризма начала XIX века см.: Ф. М. Селиванов. Былины и русский романтизм первой четверти XIX века.—«Из истории русского романтизма. Сборник статей», вып. I. Кемерово, 1971.

[19] «Пушкин и его современники», вып. IX—X. СПб., 1910, стр. 134; ср. также: Н. Трубицын. Пушкин и русская народная поэзия.—«Пушкин», изд. Брокгауз—Эфрон, т. IV. СПб., 1910, стр. 59.

[20] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, том шестой, изд. АН СССР. М., 1937, стр. 193—194.

[21] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. X. СПб., 1824, Примечания, стр. 138; см. также по изданию В. Максимова: СПб., 1898, стр. 200—202.

[22] «Мала простонародньа славено-сербска песнарица». Издана Вуком Стефановићем. Вена, 1814, стр. 12, 19; Л. Стојановић. Живот и род Вука Стеф. Караџића, 1924, стр. 66.

бывания в Москве он близко сошелся с Калайдовичем. Нет сомнений, что последний, занятый как раз подготовкой издания «Древних русских стихотворений», ознакомил автора «Малой песнарицы» с материалами русского эпоса [23].

Один из ведущих деятелей илиризма, поэт и критик Станко Враз называл Киршу Данилова в ряду выдающихся собирателей славянской народной поэзии [24].

Для чешских и словацких культурных деятелей, поэтов, фольклористов начала XIX века «Древние российские стихотворения» были одним из источников знакомства с русской народной поэзией. Ян Коллар, как свидетельствует его переписка, получил экземпляр книги в подарок от одного русского студента в Иене (это было первое издание Сборника) [25].

Известный чешский поэт и фольклорист Ф. Л. Челаковский, автор сборников «Отзвук русских песен» и «Славянские национальные песни», предполагал осуществить перевод «старинных русских стихотворений». У него был «Сборник Кирши Данилова» (в изд. 1818 г.), откуда он перевел былину о Потыке и песню «Когда было молодцу пора, время великое». Былины о женитьбе Владимира, «Добрыня чудь покорил», «Калин-царь» и «Михайла Казаринов», а также часть сказки «Дурень» перевел в 30-е годы на чешский язык поэт Я. Лангер. Переводы печатались в знаменитом «Журнале Чешского музея». Там же его редактор, выдающийся деятель славянской культуры П. Шафарик в «Библиографическом обзоре сборников славянских народных песен» (1838 г.) писал о «Сборнике Кирши Данилова». Знал этот Сборник и Й. Добровский, великий чешский ученый, один из зачинателей славяноведения. Он пишет о сербских эпических песнях и древних русских стихотворениях в письме к известному филологу-слависту Копитару [26].

«Сборник Кирши Данилова» сыграл важную роль в ознакомлении с русским фольклором европейского читателя первой половины XIX в. К нему, например, широко обращались ранние немецкие переводчики русских народных песен. Знакомство с «Древними российскими стихотворениями» отразилось в сборнике старинных русских героических песен К. Х. Буссе [27]. В частности, в эпиграфе к книге приводится знаменитая запевка «Высота ли, высота поднебесная. . .». Еще большее значение имел

---

[23] П. Бессонов. Материалы. . ., стр. 60.

[24] «Narodne pesni ilircke, koje se pěvaju po Štajerskoj, Vranjskoj, Koruškoj i Zapadnoj Ugárske. Skupio i na svět izdao Stanko Vraz». Zagreb, 1838, str. XVII—XVIII.

[25] См.: М. К. Азадовский. История русской фольклористики. М., 1958, стр. 312. О знакомстве фольклористов славянских стран с «Древними российскими стихотворениями» и о его значении для их деятельности см. там же, стр. 311—315.

[26] См.: W. E. Harkins. The Russian Folk Epos in Czech Literature. 1800—1900. New York, 1951; С. В. Никольский. К вопросу о знакомстве Ф. Л. Челаковского с русской фольклористикой начала XIX века.—«Ученые записки Института славяноведения», т. I. М—Л., 1949; его же. «Отзвук русских песен» Ф. Л. Челаковского.— «Из истории связей славянских литератур». Сборник статей. М., 1959.

[27] K. X. Busse. Fürst Wladimir und dessen Tefelrunde. Alt-Russiche Heldenlieder. Leipzig, 1819.

сборник П. Гетце «Голоса русского народа в песнях» [28]. Немецкий издатель не только привел здесь ряд образцов былинного эпоса, но и подробно рассказал о Сборнике Кирши Данилова, об истории его издания, изложив многие идеи статьи Калайдовича [29].

Итоговый характер в плане освоения русского фольклора (материалов «Сборника Кирши Данилова» в том числе) в середине XIX в. имела известная книга Т. А. Л. фон Якоб (Талвь), посвященная славянской народной поэзии [30].

Важно отметить, что названные немецкие издания послужили в свое время источником для ознакомления с русским фольклором К. Маркса и Ф. Энгельса [31].

Уже после первого издания «Древних русских стихотворений» в отечественных журналах стали появляться статьи, в которых по-разному оценивалось значение Сборника и его материалов. Оценки эти представляют определенный интерес для истории русской фольклористики.

Целый ряд критиков видел в «Древних русских стихотворениях» прежде всего памятник русской старины, стоящий в одном ряду со «Словом о полку Игореве». В этом же плане характерно сближение былин из Сборника с песнями Бояна и Оссиана [32].

М. Н. Макаров в своем издании «Русское национальное песнопение» (ч. I. М., 1809) перепечатывает из книги Якубовича (без указания источника) несколько былин и пространно комментирует их. В этих комментариях много путаного и наивного, однако есть и ценные наблюдения. Представляют интерес настойчиво повторяемая у Макарова мысль о смелости и независимости древнерусского песнотворца, умевшего говорить в своих песнях резкую и прямую правду; замечание об отрицательном изображении в отдельных былинах князя Владимира; наблюдения над элементами сатиры в Сборнике и др.

В обстановке усиливавшейся в литературе борьбы вокруг проблемы народности вопрос о характере песен из «Сборника Кирши Данилова» приобретал особую остроту и актуальность. С одной стороны, консервативная критика интерпретировала былины в тонах ограниченного и мелкого «квасного» патриотизма. Показательно в этом плане выступление С. Глинки, который обнаруживал в «Древних русских стихотворениях»

---

[28] P. V. Götze. Stimmes des russischen Volks in Liedern. Stuttgart, 1828.

[29] Подробно см. об этом: Э. Хексельшнайдер. К истории изучения русского фольклора в Германии в первой половине XIX в.— «Русский фольклор. Материалы и исследования», VII. М.—Л., 1962, стр. 283—287; E. Hexelschneider. Die Russische Volksdichtung in Deutschland bis zur Mitte des 19. Jahrhunderts. Berlin, 1967, S. 40—108.

[30] Therese Albertine Luise von Jakob (Talvj). Übersichtliches Handbuch einer Geschichte der slawischen Sprache und Literatur. Leipzig, 1852.

[31] См., например: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 29, стр. 17, 23.

[32] «Изображение просвещения россиян». — «Северный вестник», 1804, ч. 2, № 5, стр. 205—206; Евгений Болховитинов. Замечания на «Рассуждение о лирической поэзии».— «Сочинения Державина», т. 7. СПб., 1878, стр. 623; Александр Шишков. Разговоры о словесности. СПб., 1811, стр. 87—88 и сл.

выражение всех «праотческих наших добродетелей». Подробно разбирая в своих статьях отдельные былины и исторические песни, он выводил из них мораль в духе охранительного патриотизма. В основе увлечения С. Глинки «Древними русскими стихотворениями» лежали консервативная идеализация старины и проповедь монархических идей [33]. В откровенно монархическом духе было написано стихотворение Глинки «К издателю древних русских стихотворений» [34].

С другой стороны, из лагеря же консервативной критики шли и попытки всячески умалить литературное и общественное значение книги. Цертелев, отрицая древность песен, помещенных в ней, утверждал, что это «антики подложные», что «позднейшие слагатели» совершенно исказили «древние русские повести» [35]. Еще раньше с отрицанием древности былин выступил Н. Грамматин. Он отказывал им совершенно в какой бы то ни было художественной ценности, с пренебрежением отзываясь о них как о «простонародных русских сказках», наполненных «самыми нелепыми выводами» [36].

Для отношения консервативной критики к Кирше Данилову в высшей степени характерно упоминание о нем в известной статье ученика М. Т. Каченовского, А. Г. Глаголева, о поэме Пушкина «Руслан и Людмила». Весь пафос статьи «Жителя Бутырской стороны» был направлен, как известно, против элементов народности и демократизма, содержавшихся в поэме. Именно эти элементы, столь ярко выраженные в «Древних русских стихотворениях», вызвали со стороны «Вестника Европы» резко враждебную оценку «Сборника Кирши Данилова» [37].

Последняя по времени попытка опорочить Сборник принадлежала И. П. Сахарову, который хотел заменить вошедшие уже в научный и литературный обиход подлинные материалы Сборника своими подделками (так называемая рукопись Бельского). В этих же целях Сахаров обвинял Калайдовича в искажении былинных текстов [38].

Против различных антинародных концепций в отношении «Древних русских стихотворений» решительно и последовательно выступал В. Г. Белинский. Характерный для Белинского неизменный интерес к «Сборнику Кирши Данилова» был проявлением его пристального внимания к русскому народно-поэтическому творчеству и его истории. О Сборнике великий критик высказывался неоднократно и по разным поводам; как известно, в основу своих знаменитых четырех статей о русской народной поэзии он положил подробный анализ материалов Сборника [39]. В этих

[33] «Северный вестник». СПб., 1808, ч. 1 и 2.

[34] Там же, ч. 1, март, стр. 340—342.

[35] [Ц е р т е л е в]. Взгляд на русские сказки и песни. СПб., 1820, стр. 3—4.

[36] Николай Г р а м м а т и н. Рассуждение о древней русской словесности. М., 1809, стр. 16—20.

[37] «Вестник Европы», 1820, т. CXI, стр. 219—220.

[38] И. П. С а х а р о в. Сказания русского народа. Изд. 3-е, т. I, кн. I. СПб., 1841, стр. 29—31. История вопроса: А. Н. П ы п и н. История русской этнографии, т. I, стр. 279 и др.; А. М. Л о б о д а. Указ. соч., стр. 60—63.

[39] См.: В. Г. Б е л и н с к и й. Полное собрание сочинений, т. V. М., 1954.

статьях Белинский дал научное — в просветительско-демократическом духе — истолкование русского фольклора.

Белинский расценивал «Древние русские стихотворения» как богатое и авторитетное собрание, дающее ясное и основательное представление о русском эпосе: «Это книга драгоценная, истинная сокровищница величайших богатств народной поэзии, которая должна быть коротко знакома всякому русскому человеку, если поэзия не чужда душе его и если все родственное русскому духу сильнее заставляет биться его сердце»[40]. Белинский не сомневался в древнем характере большинства песен, помещенных в Сборнике, хотя и признавал, что они подвергались позднейшим изменениям. Критик тщательно систематизировал в жанровом и идейно-художественном плане сложный состав Сборника. К оценке его материалов он подходил дифференцированно, стараясь отделить прогрессивные, здоровые начала в песнях от всего того, что привнесено в них уродствами социальных порядков и темными сторонами народной жизни. Стремление точно, без преувеличений, без ложной идеализации определить истинное значение «Древних русских стихотворений» (и старой народной поэзии в целом) для русской литературы вызывало у Белинского трезвые, а подчас и преувеличенно резкие критические оценки Сборника, заставляло его выступать против тех, кто ложными восторгами по адресу Сборника прикрывал свою враждебность идеям народности и реализма в литературе.

Белинский любил цитировать в своих статьях «Сборник Кирши Данилова», часто обращался к образам русских богатырей, в которых видел поэтическое выражение национальных качеств русского народа. О том, какое большое воспитательное значение придавал критик-демократ «Древним русским стихотворениям», свидетельствует следующее его высказывание относительно круга детского чтения: «Очень полезно, и даже необходимо, знакомить детей с русскими народными песнями, читать им, с немногими пропусками, стихотворные сказки Кирши Данилова. Народность обыкновенно выпускается у нас из плана воспитания: часто не только юноши, но и дети знают наизусть отрывки из трагедий Корнеля и Расина и умеют пересказать десяток анекдотов о Генрихе IV, о Людовике XIV, а между тем не имеют и понятия о сокровищах своей народной поэзии, о русской литературе. . . Кто не принадлежит своему отечеству, тот не принадлежит и человечеству»[41].

Высокая оценка, которую дал Белинский «Сборнику Кирши Данилова», во многом определила отношение к последнему со стороны представителей передовой общественной мысли и литературы. Для А. И. Герцена «Древние русские стихотворения» были одним из замечательнейших собраний русского народного творчества. «Народная поэзия вырастает из песней Кирши Данилова в Пушкина»[42] — эти слова выразительно

---

[40] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. IV, стр. 381.
[41] Там же, стр. 88.
[42] А. И. Герцен. Собрание сочинений в тридцати томах, т. V. М.—Л., 1955, стр. 24.

характеризуют понимание Герценом путей развития русской поэзии и места в ее истории материалов Сборника.

И. С. Тургенев — глубокий знаток и ценитель народной поэзии, хорошо знал и «Древние русские стихотворения». Характерно, что в первоначальном тексте «Дворянского гнезда», напечатанном в «Современнике» (1859, № 1), находился эпиграф из «Сборника Кирши Данилова» [43]. Экземпляр издания 1818 года был в библиотеке Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. С. Л. Толстой вспоминает: «Напевы Данилова очень нравились моему отцу. Он даже подобрал аккомпанемент к одной из них, а именно к песне „Высота, высота ль поднебесная, глубота ль, глубота океан-моря"». В 1876 году Л. Н. Толстой послал П. И. Чайковскому сборник народных песен с просьбой обработать их. Сергей Львович предполагает, что это были «Древние русские стихотворения» [44].

С музыкальной стороны «Сборником Кирши Данилова» занимался Н. А. Римский-Корсаков, который, в частности, использовал напев былины о Соловье Будимировиче в опере «Садко».

Для М. Горького «Древние русские стихотворения» всегда стояли в ряду классических собраний русского фольклора, он ценил их наряду со сборниками А. Н. Афанасьева, П. Н. Рыбникова и других, рекомендовал молодым писателям читать их, изучать как образцы народной поэтической речи [45].

Тексты из Сборника неоднократно перепечатывались в различных фольклорных изданиях XIX—XX веков. Почти все записи былин и исторических песен вошли в соответствующие выпуски десятитомного свода «Песен, собранных П. В. Киреевским».

С появлением во второй половине XIX—начале XX столетия новых научных собраний по русскому былинному эпосу (сборники П. Н. Рыбникова, А. Ф. Гильфердинга, А. В. Маркова, А. Д. Григорьева, Н. Е. Ончукова и др.) интерес и внимание в науке к «Древним русским стихотворениям» не только не ослабели, а, наоборот, усилились. Было ясно, что материалы Сборника представляют исключительно важное значения для исследования вопросов о судьбах русского эпоса, об областных эпических традициях, об истории отдельных сюжетов. Все это настоятельно требовало нового, более совершенного в научном отношении издания «Сборника Кирши Данилова». Точная перепечатка в 1878 году издания К. Ф. Калайдовича не могла, конечно, удовлетворить требованиям науки. Дело усложнялось тем, что рукопись после 1818 года исчезла неизвестно куда; розыски не обнаружили ее среди бумаг членов кружка Румянцева.

---

[43] М. К. Азадовский. «Певцы» Тургенева. — «Известия АН СССР, Отделение литературы и языка», 1954, № 2, стр. 146.

[44] С. Л. Толстой. Музыка в жизни Л. Н. Толстого. — «Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник. Собрал и редактировал Н. Н. Гусев». М.—Л., 1928, стр. 307; см. также: Э. Е. Зайденшнур. Народная песня и пословица в творчестве Л. Н. Толстого. — «Лев Николаевич Толстой. Сборник статей и материалов». М., 1951, стр. 530.

[45] М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах, т. 28. М., 1954, стр. 215.

Счастливый случай помог обнаружить затерянную рукопись. Она была найдена в 1894 году Н. В. Чеховым в библиотеке кн. М. Р. Долгорукова, к которому попала в числе бумаг А. Ф. Малиновского [46].

В 1901 году появилось наиболее полное и научное издание Сборника, выполненное П. Н. Шеффером по поручению Публичной библиотеки. Это издание до сих пор является наиболее авторитетным. Здесь были опубликованы тексты, от печатания которых в свое время воздержался Калайдович. Шеффер заново прочел рукопись и с большой точностью воспроизвел ее; благодаря этому стало возможным научное изучение Сборника не только фольклористами, но и лингвистами [47]. В статье Шеффера были обобщены многолетние итоги изучения Сборника, в приложениях к книге он дал материалы по истории Сборника и его первых изданий.

Шестое по счету [48] издание Сборника, выполненное в научно-популярных целях, вышло в 1938 году [49].

II

Целый комплекс историко-фольклористических проблем возникает в связи со Сборником Кирши Данилова. Когда и где он был создан? Кто были инициаторы и исполнители большой и сложной (для XVIII века особенно) работы по собиранию материалов для Сборника? От кого были получены эти материалы? Являются ли песенные тексты подлинными фольклорными записями, произведенными «с голоса», или они записаны с пересказа? В какой мере легла на них печать последующего редакторского вмешательства? Наконец, каким задачам должно было ответить это собрание, задуманное и выполненное с широтой, поистине удивительной для XVIII века?

Эти вопросы в той или иной мере неизбежно оказывались в центре внимания всех, кто занимался «Древними русскими стихотворениями», вокруг них накопилась обширная литература, но и сегодня Сборник во многом продолжает оставаться загадкой. К сожалению, реальные факты, на которые могут опираться исследователи, весьма немногочисленны, чрезвычайно скупо документированы и в некоторых моментах сбивчивы. Отсюда обилие гипотез и догадок (а подчас и фантастических домыслов), разноречивых толкований и скептических выводов.

---

[46] См. об этом: Н. Чехов. Любопытная находка (Рукописный сборник Кирши Данилова, принадлежащий А. Ф. Малиновскому). Письмо к редактору. — «Живая старина», 1894, вып. II, стр. 299—300.

[47] «Сборник Кирши Данилова. Издание Императорской Публичной библиотеки. Под редакциею П. Н. Шеффера». СПб., 1901. Рецензии: «Русский филологический вестник», 1901, № 3—4, стр. 299—301 (автор Е. Карский); «Журнал Министерства народного просвещения», 1902, апрель, стр. 502—521 (автор Е. Ф. Будде); «Этнографическое обозрение», 1902, № 1, стр. 118—120 (авторы А. В. Марков и А. Маслов).

[48] Четвертым является издание А. С. Суворина 1892 г. Оно воспроизводит издание 1878 г.

[49] «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Подготовка текста, статья и комментарии С. К. Шамбинаго». М., 1938.

Прежде всего о рукописи. А. Ф. Якубович в своей «Записке» утверждал, что рукопись Сборника «не восходит старее 50-ти лет, считая до сего времени» (т. е. до 1816 года) и, следовательно, относится к середине 60-х годов XVIII века. Однако К. Ф. Калайдович счел возможным отодвинуть датировку ее еще на двадцать лет, т. е. к середине 40-х годов. Очевидно, и Якубович, и Калайдович опирались не на палеографический анализ рукописи, а на какие-то фактические свидетельства. Палеографические данные здесь противоречат утверждениям первых издателей Сборника: как установил П. Н. Шеффер, большая часть рукописи написана на бумаге 80-х годов [50].

Шеффер же высказал справедливое предположение, что дошедшая рукопись представляет собой не первоначальные (мы бы сейчас сказали — полевые) записи, но переписанную копию [51]. Е. Будде, основываясь на лингвистических наблюдениях, шел еще дальше, полагая, что мы имеем дело «*не с первой копией* оригинала, а, может быть, по крайней мере, *со второй*», причем сделанной уже «южновеликоруссами» [52]. Известно, что Сборник переписан не одной рукой, над ним работало не меньше пяти писцов [53].

Можно предполагать, следовательно, что Сборник (или какие-то его части) был создан ранее 80-х годов. Точно известно во всяком случае, что отдельные тексты существовали уже в 60-е годы: в руках у П. А. Демидова находился список песни «Никите Романовичу дано село Преображенское», который он послал в 1768 году Ф. Миллеру (см. об этом ниже); оба текста полностью совпадают между собой. Однако нет особых оснований отодвигать создание Сборника к началу XVIII века. 40—60-е годы — вот наиболее вероятное время его рождения.

Вопрос об истории Сборника недавно вновь подвергся пересмотру в связи с обнаруженными в архиве листами рукописи, дублирующими часть Сборника [54]. Е. И. Дергачева-Скоп, основываясь на изучении бумажных знаков и палеографических данных, предлагает свою версию этапов работы над Сборником, а также высказывает соображения о текстологической истории некоторых песен. Идеи статьи Е. И. Дергачевой-Скоп требуют внимательной проверки [55], но вполне очевидно, что существующие в науке точки зрения по поводу истории рукописи должны рассматриваться лишь как более или менее приемлемые гипотезы.

---

[50] «Сборник Кирши Данилова», 1901, стр. XVIII.
[51] Там же, стр. XXXV.
[52] «Журнал Министерства народного просвещения», 1902, апрель, стр. 521.
[53] См. в настоящей книге статью А. П. Евгеньевой «Рукопись Сборника Кирши Данилова и некоторые ее особенности».
[54] Е. И. Дергачева-Скоп. Новонайденные листы из Сборника Кирши Данилова. — «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XXI. М.—Л., 1965.
[55] Возражения см.: А. А. Горелов. Диффузия элементов устнопоэтической техники в Сборнике Кирши Данилова. — «Русский фольклор», XIV. Л., 1974, стр. 199—201.

Большинство исследователей сходится на том, что Сборник был создан в одном из юго-западных районов Сибири, примыкающих к Приуралью [56]. Материал Сборника несет на себе ясную печать сибирского происхождения. Соответствующие факты подобрал в свое время Шеффер: «Предположение, что тексты Сборника, — пишет он, — записаны или в Сибири, или в другой местности, но от певца, усвоившего их в Сибири, подтверждают. . . некоторые особенности этих текстов: в трех местах мы встречаем в сборнике характерную оговорку „по нашему, по сибирскому"; для некоторых песен указанием на то, что мы имеем в них дело с сибирскими вариантами, служат признаки местной окраски в подробностях; так, в песне „Агафонушка" упоминаются „тюменьские бабы. . .", в песне „Свиньи хрю, поросята хрю", между прочим, читаем: „Когда Москва женилась, Казань понела, понизовные городы в приданыя взела Иркуцка, Якуцка, Енисейский городок"; только в Сибири, вероятно, могло удержаться в песне о покорении ее Ермаком такое обилие местных географических названий; наконец, нужно отметить, что в Сборнике находятся две песни о сибирских событиях, неизвестные. . . в других вариантах» [57]. Это — казачьи исторические песни «Поход селенгинским казакам» и «Во сибирской украине, во Даурской стороне», обе явно местного характера.

Шеффер же [58] и особенно Е. Будде [59], основываясь на диалектологических данных, извлеченных из рукописи, также приходят к выводу о сибирском происхождении песенных записей.

Современные исследователи устанавливают близость некоторых былин из Сборника Кирши Данилова к алтайской эпической традиции, хорошо зафиксированной в собрании С. И. Гуляева [60].

Я. Р. Кошелев предпринял попытку уточнить район бытования сибирских произведений Сборника и привел ряд аргументов в пользу Красноярского края [61]. Как бы ни были гипотетичны его выводы, необходимо, во всяком случае, считаться с его соображениями о значении Енисея в истории составления Сборника.

«Уральская теория» опиралась на присутствие в текстах Сборника уральских мотивов, а также на роль Демидовых в его создании. В последнее время дополнительные доводы в ее пользу собрал А. А. Горелов, вни-

---

[56] Вс. Миллер относил создание Сборника к северо-восточной части Пермской губернии и южной части Тобольской и Томской (Всеволод Миллер. Очерки русской народной словесности. М., 1897, стр. 79). П. С. Богословский ограничивает район создания Сборника Пермским краем (П. С. Богословский. Песня об Усах из сборника Кирши Данилова и Камская вольница. — «Пермский краеведческий сборник», вып. IV, 1928).

[57] «Сборник Кирши Данилова», 1901, стр. XXV—XXVI.

[58] Там же, стр. XXV.

[59] «Журнал Министерства народного просвещения», 1902, апрель, стр. 521.

[60] М. К. Азадовский. Русская былевая традиция в Сибири и на Алтае. — «Былины и исторические песни из Южной Сибири. Записи С. И. Гуляева». Новосибирск, 1939.

[61] Я. Р. Кошелев. Вопросы русского фольклора Сибири (дооктябрьский период). Томск, 1963, стр. 19—42.

мательно и подчас заново прочитавший ряд песенных реалий [62]. Впрочем, А. А. Горелов не отрицает тесных связей Сборника с Сибирью и признает, что Кирша Данилов превосходно владел сибирской песенной и эпической традицией. Данные его анализа во всяком случае показывают, что крайне трудно без явных натяжек локализовать однозначно весь репертуар Сборника [63].

Скупые сведения о происхождении Сборника принадлежат Якубовичу. По его словам, «собирателем» «Древних русских стихотворений» «был известный по своей странной жизни П. Акинфиевич Демидов». Речь идет об известном урало-сибирском заводчике П. А. Демидове. Что ему принадлежал какое-то время Сборник, сомневаться не приходится: об этом, по-видимому, сообщил Ключареву Н. М. Хозиков, родственник Демидова, передавший директору московского почтамта рукопись в 1802 или в 1803 году. Но вопрос о роли Демидова в создании Сборника требует более тщательного рассмотрения. Уже Калайдович, пользовавшийся как основным источником «Запиской» Якубовича, не называет Демидова собирателем. Возможно, что в ходе бесед с Якубовичем Калайдович выяснил, что для таких утверждений нет никаких оснований. Поэтому в его предисловии мы читаем: «За открытие и сохранение сих старых памятников русской словесности мы обязаны покойному г. действительному статскому советнику Прокофию Акинфиевичу Демидову, для коего они... были списаны» [64]. Ясно, что перед нами полученное от Якубовича, но существенно уточненное утверждение. Одно место в приведенных словах Калайдовича представляется неясным: что означает «списаны»? Значит ли это, что для Демидова производилась запись песен, и, таким образом, его инициативе обязан Сборник своим появлением, или что по его просьбе для него была снята копия с существовавшего уже собрания? Если считать, что Калайдович лишь уточнил утверждение Якубовича, назвавшего Демидова собирателем, то можно предположить скорее первое, а именно — что те устные сведения, которые вместе с рукописью дошли до начала XIX века, отводили Демидову роль главного инициатора в создании Сборника. Уже в середине XIX столетия С. Шевыревым был обнаружен документ, который добавлял в пользу Демидова новые аргументы. Речь идет о письме Демидова известному историку XVIII века Ф. Миллеру [65]. Очевидно, Миллер во время своих путешествий по Сибири и Уралу посетил Демидова и в беседах с ним обнаружил интерес к сибирским фольклорным материалам. Как известно, Миллер был

---

[62] См., например: А. А. Горелов. Цена реалии (Сборник Кирши Данилова — народная книга середины XVIII века). — «Русская литература», 1963, № 3; его же. Трилогия о Ермаке из Сборника Кирши Данилова (полемические заметки). — «Русский фольклор. Материалы и исследования», VI. М.—Л., 1961.

[63] См.: А. М. Астахова. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966, стр. 170—172.

[64] «Сборник Кирши Данилова», 1901, стр. 203.

[65] Впервые опубликовано в сокращении С. Шевыревым в журнале «Москвитянин» (1854, т. I, «Исторические материалы», стр. 9—10). В исправленном виде, с текстом песни, напечатано П. Н. Шеффером в издании 1901 года.

одним из первых у нас ученых, включивших народную поэзию в число исторических источников. По-видимому, отвечая на расспросы Миллера, Демидов выслал в 1768 году текст исторической песни об Иване Грозном, совершенно тожественный тому, который читается в Сборнике. К сожалению, письмо Демидова мало разъясняет дело. Отметим, что в письме говорится об одной песне, никаких упоминаний о других песнях, как и о Сборнике в целом, здесь нет. Ясно, что в этот момент Сборника в руках Демидова не было, а может быть, он и не знал еще о его существовании. Выражение Демидова, что он «достал» песню «от сибирских людей», как будто означает, что песня была скорее переписана для него с уже существовавшего оригинала, чем записана наново [66]. Некоторые исследователи, имея в виду письмо к Миллеру, решительно склонялись к тому, чтобы признать за Демидовым решающую роль в создании Сборника, а песню, посланную Миллеру, считать зародышем всего собрания [67]. Так, по мнению А. М. Лободы, «Демидов начал собирать песни не по собственному почину, а „по приказанию“, т. е. по поручению, просьбе Миллера. Последний, познакомясь с русскими былевыми и историческими песнями. . . или хотя бы даже с одной песнью о Никите Романовиче, легко мог просить или просто заинтересовать Демидова к дальнейшему собиранию подобных песен, сообщив при этом краткую инструкцию для собирания их. Вот где, может быть, следует искать разгадки уменья и даже некоторого научного плана собирателя» [68].

Таким образом, речь идет не просто о личной инициативе Демидова. Появление «Древних русских стихотворений» связывается с началом и развитием тех научных интересов к народной поэзии, одним из проявлений которых была деятельность Ф. Миллера. Вся эта концепция представляется увлекательной, но она, увы, зиждется на очень зыбких доказательствах и, самое главное, не подтверждается анализом самого Сборника. Трудно представить себе, что такое собрание песен, как «Древние русские стихотворения», было сделано по заказу привилегированного лица, да еще по научной инструкции. На всем Сборнике лежит печать яркого демократизма. В нем нет ни следа какого бы то ни было отбора материала, цензурной его обработки, «приглаживания», которые были бы неизбежны, если бы он делался по заказу.

Составитель Сборника вдохновлялся совсем иными целями, он записывал былины, исторические песни и другие материалы не для Демидова или Миллера, а для народного чтения. Демидов мог заинтересоваться Сборником, о существовании которого ему было сообщено; он мог приобрести

[66] Впрочем, как раз из этих слов некоторые исследователи (Н. С. Тихонравов, Л. Майков, А. М. Лобода, С. К. Шамбинаго) делают совершенно противоположный вывод.

[67] См., например: Н. С. Тихонравов. Пять былин по рукописям XVIII века. — «Русские былины старой и новой записи», под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894, стр. 77—79; Л. Майков. Рецензия на издание 1878 года. — «Журнал Министерства народного просвещения», 1878, сентябрь, стр. 329; А. М. Лобода. Указ. соч., стр. 57; С. К. Шамбинаго. Предисловие к кн.: «Древние российские стихотворения. . .», стр. IX.

[68] А. М. Лобода. Указ. соч., стр. 57.

рукопись или для него могли снять копию, которую он сохранил. Но этим, надо думать, и ограничилась роль Демидова в создании Сборника.

Разумеется, «Древние русские стихотворения» не были случайным явлением. Создание Сборника находится в самой непосредственной связи с тем повышенным интересом к фольклору, какой наблюдается в различных кругах русского общества XVIII века и особенно в кругах демократических. Этот интерес находил выражение прежде всего в создании многочисленных рукописных (а позднее и печатных) песенных сборников. Характерно, что большинство этих сборников, дошедших до нас, не содержит былин и исторических песен, а состоит преимущественно из народных лирических песен и романсов. Такой состав сборников объясняется скорее всего принадлежностью их городской демократической среде: здесь, разумеется, уже и в XVIII веке эпос был неизвестен в живой традиции. Все эти сборники создавались и обращались как песенники — таково было их основное и, пожалуй, единственное назначение. «Древние русские стихотворения» в известной мере также предназначались для пения — об этом свидетельствуют ноты, помещенные при каждом тексте. Но именно только «в известной мере», и поэтому связи «Сборника Кирши Данилова» с традициями рукописных песенников XVIII века не столь уж велики. Зато можно определенно говорить о своеобразных связях с другими традициями, более давними и сложными. Речь идет о записях русских былин и исторических песен, которые начинают появляться в России уже с XVII века.

Вопрос о природе и характере старинных записей былин подвергся в недавнее время внимательному и глубокому исследованию, основанному на анализе всех сохранившихся текстов. В результате установлено, что бóльшая часть их представляет собою записи былин, возможно даже непосредственно от исполнителей (с голоса) либо по памяти, или копии таких записей. Иные из них очень точно сохраняют текст оригинала, в других стихотворный склад разрушен, запись превратилась в прозаический пересказ. Наряду с этим в текстах обнаруживаются следы сознательной литературной обработки, подчас превращавшей былинный текст в настоящую повесть [69].

«При всем многообразии типов воспроизведения былинного материала все эти произведения о богатырях, будучи положены на бумагу, воспринимаются и переписчиками, и читателями именно как повествования — „повести“, „сказания“, „истории“» [70].

Распространение такого рода произведений, повысившийся интерес к фольклору в конце XVII—начале XVIII в. были связаны с общим процессом демократизации литературы, с поисками новых художественных

[69] Все известные тексты ныне научно систематизированы и изданы с подробным комментарием: «Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. Издание подготовили А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль». М.—Л., 1960. Исследование здесь же: А. М. Астахова, В. В. Митрофанова. Былины и их пересказы в рукописях и изданиях XVII—XVIII веков.

[70] Там же, стр. 64.

форм, могущих удовлетворить запросы широкого читателя. Фольклорно-повествовательная литература заключала в себе одновременно занимательность, художественный вымысел, героико-патриотическое содержание, историко-познавательные элементы и социальные мотивы.

Можно не сомневаться, что составитель «Древних российских стихотворений» хорошо знал эту рукописную полуфольклорную традицию, может быть — отчасти и воспитался на ней. Но в то же время он не был ее простым продолжателем, а в работе над собиранием народной поэзии сделал решительный и очень важный шаг вперед. Значение «Сборника Кирши Данилова» довольно отчетливо выделяется на фоне предшествующих и сопутствующих ему фактов «массового фольклоризма» (М. К. Азадовский). Его вещественные проявления — «многочисленные рукописные сборники и списки песен, былин, сказок, пословиц и других видов фольклора», создававшиеся в среде крестьянства, городских демократических низов, различных групп, оторвавшихся от крестьянского труда. «В XVIII веке мы имеем уже десятки, сотни таких фактов. Какие-то неизвестные любители, книжники, собиратели записывают народные песни, былины, заносят в свои сборники сказки, пословицы, загадки» [71]. Благодаря проведенной исследовательской работе мы теперь гораздо лучше, чем наши предшественники, представляем размах и социальный характер «массового фольклоризма» XVIII века. В нем выделяются как бы две традиции, которые существовали, в основном, раздельно: одна — с установкой на включение былин, сказок, их обработок в массовую беллетристику, другая, все усиливавшаяся с течением времени, — связанная с созданием песенников, своеобразных альбомов, которые содержали бытовой песенный репертуар, состоявший из произведений народных и литературных и — одновременно — устойчивый и менявшийся [72].

Имеются скудные факты, позволяющие думать, что в своем стремлении не только объединить обе традиции «массового фольклоризма», но и подняться на новую его ступень Кирша Данилов не был одинок. Во второй половине XVIII—начале XIX в. существовали и другие сборники, подобные «Древним российским стихотворениям». Возможно, отсюда некоторые из них попадали в печатные песенники [73]. Однако вполне определенно мы можем говорить лишь о «Сборнике Кирши Данилова», который — при своей несомненной зависимости от рукописной фольклорной традиции XVIII в. — поражает необычайной оригинальностью и смелостью замысла. Прежде всего — это единственный в XVIII в. сборник, составленный целиком из произведений фольклора, даже у́же — из песен-

[71] М. К. Азадовский. История русской фольклористики, стр. 102—103.

[72] См. об этом, например: М. Н. Сперанский. Рукописные сборники XVIII века. Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963; А. В. Позднеев. Рукописные сборники XVII—XVIII веков (Из истории песенной силлабической поэзии). — «Ученые записки» Московского государственного заочного педагогического института, т. I, 1958.

[73] А. М. Астахова, В. В. Митрофанова. Былины и их пересказы в рукописях и изданиях XVII—XVIII веков, стр. 72—73.

ных фольклорных жанров. Создатель его не обращался непосредственно ни к обычному для рукописных собраний литературно-повествовательному материалу, ни к популярному репертуару рукописных песенников. Его единственным источником была устная фольклорная традиция, он осознал ее самодовлеющую ценность и ее единство: в «Древних российских стихотворениях» впервые были объединены в рамках одной книги различные песенные жанры, которые до этого в литературной традиции воспринимались как явления различной природы и разного бытового назначения.

Характерной чертой «Сборника Кирши Данилова», является подлинность и точность записи текстов. То, что у его предшественников встречалось спорадически, что обнаруживалось в «массовом фольклоризме» как постепенно укреплявшаяся тенденция, у Кирши Данилова возведено в принцип. К текстам былин и песен он относился с той бережностью, какая отличает подлинного знатока и любителя (а может быть, и хранителя) народной поэзии, когда он становится собирателем. Добросовестность и точность соединялись у него с чуткостью к поэтическому слову, к песенной строке, к образности народной поэзии. Л. Майков справедливо замечал, что «не только содержание, но и напев, и размер былевого стиха не ускользнули от его внимания, и вообще, записывая прямо с народных уст, он сумел приблизиться к тем приемам, которые употребляются современными собирателями» [74].

Принципы и характер записи позволяют рассматривать «Древние российские стихотворения» как собрание, отражающее с большой достоверностью живую фольклорную традицию, стоящее в одном ряду с классическими сборниками по русскому эпосу. В этом смысле «Сборник Кирши Данилова» выходит за пределы собственно русской культуры: он начинает собою новый этап в истории европейского фольклоризма, представляя один из самых первых по времени образцов подлинно фольклорной поэтической антологии в Европе XVIII века.

Вместе с тем точность и подлинность передачи фольклорных текстов у Кирши Данилова имели свои пределы, и со стороны текстологической Сборник требует внимательного критического анализа.

Надо, конечно, иметь в виду, что передача народной песни с ее языковой и метрической характерностью, с речевыми и исполнительскими особенностями певцов, сохранение диалектных черт и различных подробностей, свойственных живому воспроизведению, — все это у Кирши Данилова отнюдь не результат филологического подхода и осознанных фольклористических принципов. Он писал, как слышал, — а слышал хорошо, потому что знал фольклор не со стороны, сам принадлежал к той же среде, в которой вел записи, мог быть и певцом. С другой стороны, его манера письма была традиционной, обычной для людей из народа, прошедших элементарную школу грамотности и воспитанных на рукописной книге.

---

[74] Л. Майков. Материалы и исследования по старинной русской литературе. — «Сборник ОРЯиС АН», т. 53, № 5. СПб., 1896, стр. 6.

Отсюда — и внешние особенности письма Кирши Данилова (слитное написание предлогов и союзов с другими словами, отсутствие знаков препинания, изложение песен в сплошную строку, без выделения стихов и др.), и нормы правописания. Характерно, что писцы, копировавшие Сборник, и редактор, которому принадлежит окончательный вид дошедшей до нас рукописи, отнеслись к нему безусловно как к обычной старинной книге.

Если же подходить к записям Сборника с выработанными в современной фольклористике критериями, то нельзя не заметить, что эпический стих местами в них сбит, перебивается время от времени явно прозаическими фрагментами; прозаизм вплетается и в безусловно песенные строки; рядом с великолепными по художественной законченности стихами попадаются вялые и невыразительные строчки, которые могли быть дописаны, но вряд ли когда-нибудь пелись; последовательное, поэтически организованное повествование нарушается пропусками или неудачными контаминациями. Тексты неравноценны и как целое: иные из них остаются до сих пор непревзойденными образчиками соответствующих эпических сюжетов, другие же оказываются довольно слабыми вариантами. Последнее обстоятельство, впрочем, обычно для фольклорных сборников, создававшихся на основе полевых записей: состав их всегда неравноценен, поскольку собиратель фиксирует живой репертуар, а не выискивает одни лишь шедевры. В «Сборнике Кирши Данилова» есть недостатки художественного и исполнительского плана, которые надо отнести на счет певцов. Но ряд других отмеченных выше обстоятельств должен быть объяснен иначе. Возможно, что запись местами проводилась не «с голоса», а «со слов», вследствие чего, хотя содержание сохранялось, но поэтическая полнота текста утрачивалась. Создается впечатление, что местами записывавший «не успевал» за певцом, ему приходилось тут же или позднее воспроизводить утерянное не столь точно, вследствие чего естественное движение поэтического текста сбивалось, появлялись прозаизмы и ритмические неловкости.

Наиболее сложным и острым остается вопрос о степени и характере вмешательства собирателя в услышанные им тексты, о наличии «правки», дополнений непесенного плана и т. д.

Очевидно, что Кирша Данилов не занимался мелочной правкой, что он был совершенно свободен от каких-либо соображений цензурного порядка, литературных влияний, указаний «свыше» и т. д. Но он и не был бездумным и безучастным фиксатором услышанного. Вполне возможно, что в отдельных местах он д о п о л н я л былины и песни прозаическими вставками, которым иногда пытался придать форму сказа, либо з а м е н я л прозаическим (отчасти стилизованным под стих) повествованием отдельные фрагменты текста. В былине о Соловье Будимировиче «голой шап Давыд Попов» так сообщает о судьбе Соловья: «Я-де об нем слышал, да и сам подлинно видел в городе Леденце, у того царя заморского; Соловей у царя в протаможне попал и за то посажен в тюрьму, а корабли его отобраны на его ж царское величество». Здесь элементом былинной строки

можно признать лишь «у того царя заморского». И далее в тексте как будто былинная строка «Тут ласковой Владимер-князь закручинился» переходит в прозаическое: «скоро вздумал о свадьбе, что отдать Запаву за голова шапа Давыда Попова». Можно подозревать, что первый фрагмент (слова «шапа») прямо сочинен Киршею Даниловым: на его месте в тексте былины мог быть пропуск или какая-либо условная формула, подобная той, что есть в варианте М. Д. Кривополеновой:

«Еще нынь ведь Со́ловья живого нет,
Разметало по морю по синему,
По тому же по полю по цистому. . .»

Во втором фрагменте мы имеем типичный пример пересказа былинного эпизода прозой, его сокращения и стяжения составляющих его формул.

В былине о Дюке мы находим прозаический фрагмент: «Покушавши, ласковой Владимер-князь велел дом его переписывать, и был в том дому сутки четвера. А и дом его крестьянской переписывали — бумаги не стало, то оттеля Дюк Степанович повел князя Владимера со всемя гостьми и со всемя людьми ко своей сударыне-матушке. . .» Этому краткому изложению соответствует в хороших вариантах серия богато разработанных эпизодов. В данном случае опять происходит их стяжение.

Иной случай в песне о Гришке Расстриге. Вот как изложен фрагмент-рассказ матери Дмитрия: «Потерян мой сын, царевич Димитрей Иванович, на Угличе от тех от бояр Годуновыех; его мощи лежат в каменной Москве, у чудных Сафеи Премудрыя; у того ли-то Ивана Великого завсегда звонят в царь-колокол, соборны попы собираются за всякие праздники совершают панафиды за память царевича Димитрия Ивановича, а Годуновых бояр проклинают завсегда». Песенные строки прошиты здесь прозаическими фразами, причем именно эти последние вносят дополнительные исторические и острые социальные мотивы.

Книжные выражения, в которых трудно найти что-нибудь от песенной речи, эпизодически встречаются в разных местах рукописи: «Отпевавши надлежащее погребение»; «по нынешнему званию Шлюшенбурга»; «А сам он царю рапортует»; «Тотчас по поступкам Соловья опознывали» и т. п.

Особенно показательны для уяснения работы Кирши Данилова над песнями тексты «На Бузане-острове» и «Ермак взял Сибирь». Оба текста начинаются как типичные казачьи песни, но затем они переходят в повествования, которые в сюжетно-композиционном плане, в поэтическом содержании, в сущности, противостоят исторической песне и близки историческим преданиям. Повествования эти исторически насыщены, в них много имен, топонимов. Создается впечатление, что Киршу Данилова не удовлетворяли относительно краткие казачьи песни о Ермаке, в которых историческая конкретность выступала сравнительно бедно и заслонялась поэтическими обобщениями. Опираясь на известные ему предания, Кирша Данилов развернул песни в обширные и исторически полнокровные повествования. При этом он в ряде моментов как бы при-

близил стилистически прозаические дополнения к песенной основе, хотя, естественно, стилистического единства ему достичь не удалось.

А. А. Горелов, специально проанализировавший тексты о Ермаке, пришел к выводу, что они представляют собою цельные (и внутренне связанные между собой) песенные произведения, созданные певцом Киршею Даниловым [75]. Этот свой вывод он распространил и на другие тексты, объяснив содержательные, образные и стилистические их особенности импровизационным характером поэтического таланта Кирши Данилова. Кирше-певцу принадлежат, по мнению А. А. Горелова, и прозаизмы, и книжные выражения, и трансформация предания в песню.

В противоположность этой гипотезе о Кирше — певце импровизаторе, которая, несмотря на свою привлекательность, не объясняет всего комплекса текстологических загадок Сборника, существует тенденция рассматривать все своеобразные случаи отступления от привычной фольклорной традиции в Сборнике, все действительные или кажущиеся проявления творческой оригинальности как результат сознательного вмешательства собирателя-редактора в тексты. Датский ученый А. Стендер-Петерсен в своем докладе для IV Международного съезда славистов в Москве чрезмерно гипертрофировал наличие в Сборнике «сознательной редакции», распространив ее «на все записанные у Кирши Данилова былины и исторические песни» [76]. Концепция Стендер-Петерсена встретила возражение со стороны ряда советских ученых, многие его доводы были фактически опровергнуты [77]. Нет оснований преувеличивать степень собственной работы собирателя над записанными им текстами произведений фольклора. Не стоит также трактовать случаи редактирования отдельных мест как вмешательство «со стороны». Кирша Данилов превосходно знал фольклорную традицию в ее различных жанровых проявлениях и вносил свое в отдельные тексты, исходя из этого знания. В конечном счете определяющим для него был принцип точной записи и сохранения записанного. Разумеется, этот принцип не носил характера научной методологии, он проявлялся стихийно, в силу специфичности интереса Кирши к народной песне. Тем более следует поражаться тому факту, что в годы, когда всюду в Европе ценность самобытной, необработанной народной поэзии только-только начинала осознаваться, — безвестный знаток и любитель русской песни записывал былины с такой бережностью и художественной чуткостью.

Таким образом, изучение принципов записи и обработки текстов, характерных для собирателя, уже проливает некоторый свет на вопрос о природе и назначении Сборника. Еще более важно в этом плане рассмотреть его состав.

---

[75] А. А. Горелов. Трилогия о Ермаке из Сборника Кирши Данилова (полемические заметки). — «Русский фольклор. Материалы и исследования», VI. М.—Л., 1961.

[76] А. И. Стендер-Петерсен. Проблематика Сборника Кирши Данилова. Несколько соображений. — «Scando-Slavica», t. IV, 1958; резюме: IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии, т. I. М., 1962, стр. 489—490.

[77] IV Международный съезд славистов, стр. 500—506.

Основу «Сборника Кирши Данилова» составляют записи былин (24 номера). Естественно, что в науке издавна установился взгляд на «Древние русские стихотворения» прежде всего как на собрание русского былевого эпоса. С точки зрения историко-фольклористической это, конечно, верно. Но очевидно, что сам собиратель мыслил себе состав Сборника гораздо шире и разнообразнее. Поэтому рядом с былинами здесь находится большое количество исторических песен (21 номер — начиная от редчайшего «Щелкана» и кончая песнями Петровского времени). В совокупности былины и исторические песни составляют основную массу текстов Сборника и придают ему вполне определенное лицо: «Древние русские стихотворения» — это прежде всего собрание русской народной исторической поэзии. Несомненно, что сам составитель это отлично понимал и к этому стремился. Для него огромную ценность представляла не только собственно художественная, но фактическая, историко-познавательная сторона песен. Поэтому он не только бережно сохранял все фактические подробности, имена, географические названия и т. д., но и сознательно усиливал эту сторону за счет дополнительного, непесенного материала. Кроме того, в былинах и исторических песнях составитель дорожил повествовательным началом. Песни эти были для него одновременно и своеобразными повестями, занимательными историями. Поэтому он так заботился при записи о сохранении цельности сюжета и различными приемами старался укрепить и усилить в песнях их повествовательную сторону. Приведенные выше примеры (особенно с песнями о Ермаке) в этом отношении достаточно показательны.

Исследователями уже высказывалось мнение, что большинство песен Сборника характеризуется таким значительным стилистическим единством, которое предполагает запись их либо от одного певца, либо от группы исполнителей, принадлежавших к одной песенной школе [78]. Задачу тщательного изучения Сборника с этой стороны выдвинул в свое время Шеффер [79]. Исследования, осуществленные в недавнее время, значительно расширили и углубили наши представления о стилистическом единстве основной части Сборника, которую составляют прежде всего былины и исторические песни. П. Д. Ухов изучил «типические места» и обнаружил, что многие из них в разных текстах одинаковы; легкое их варьирование указывает на то, что исполнители песен помнили и воспроизводили их не механически, а собиратель точно записывал эти варианты. К таким общим местам относятся, например, картины выезда богатыря, стрельбы из лука, формула княжеского поручения и др. Одинаково, например, описаны подарки, которые получает князь Владимир от Соловья Будимировича и от матери Дюка Степановича: «Сорок сороков черных соболей, второе — сорок бурнастых лисиц»; одинакова формула обучения Волха и Васьки Буслаева: «Отдавала его матушка грамоте учиться, а грамота Волху в наук пошла; посадила его уж пером писать, а письмо ему в наук

---

[78] С. К. Шамбинаго. Указ. соч., стр. XVIII.
[79] «Сборник Кирши Данилова», 1901, стр. XXXVI—XXXVII.

пошло»; чрезвычайно сходно описаны дворы гостя Терентища и Чурилы; одинаково «шутят» Васька Буслаев и Саул Леванидович: «Он шутки шутит не по ребячью, а творки творил не по маленьким: которого возьмет за руку, из плеча тому руку выломит; которого заденет за ногу, по гузна ногу оторвет прочь; и которого хватит поперек хребта, тот кричит-ревет, окорачь ползет»; в одной форме выражены поручения, которые дает князь Владимир Михайле Потоку и Михайле Казаринову: «Сослужи ты мне службу заочную, съезди ко морю синему, настреляй гусей, белых лебедей, перелетных серых малых уточек к моему столу княженецкому, до люби я молодца пожалую».

Стилистически сближаются с былинами и некоторые исторические песни: одинаково, например, изображена дорога, по которой едут Иван Грозный и Илья Муромец; одним приемом («согнет корчагою») одолевают своих врагов Иван Годинович, Илья Муромец и Мастрюк, и т. д.

Прав, конечно, П. Д. Ухов, делая из наблюдений над типическими местами вывод, что почти все былины и ряд исторических песен скорее всего принадлежат одному сказителю или по крайней мере сказителям одной былинной школы [80].

Однако единство основной части Сборника не ограничивается стилистическими совпадениями. Оно захватывает более широкую область художественных особенностей песен. Оно проявляется также в согласованности характеристик персонажей, встречающихся в разных текстах; в том, как одни и те же предметы и образы переходят из песни в песню («подворотня — рыбий зуб», «Спасов образ», «дверь на пяту» и др.), в обилии одинаковых географических названий и т. д.

Несколько особняком стоят в Сборнике казачьи и солдатские исторические песни XVII—начала XVIII века. Отличаясь в стилистическом отношении, в манере повествования, в принципах композиции от былин и старших исторических песен, они образуют в Сборнике свою самостоятельную группу и также характеризуются известным внутренним единством. В то же время их связывают с основной массой песен Сборника отдельные стилистические параллели и совпадения.

Некоторые дополнительные наблюдения над стилистическим единством текстов Сборника сделал А. Позднеев [81]. В исследованиях А. А. Горелова эта тема получила наиболее обоснованное и широкое освещение. Им учтен и выявлен значительный круг «текстуальных совпадений» разных уровней, захватывающий подавляющее большинство произведений Сборника. А. Горелов обратил внимание на то, что совпадения эти носят нередко вариационный характер и что отдельные фразеологические единицы, стилистические элементы и даже более сложные структурно-композиционные фрагменты переносятся из одних произведений в другие, полу-

---

80 П. Д. Ухов. Из наблюдений над стилем Сборника Кирши Данилова «Русский фольклор. Материалы и исследования», I, изд. АН СССР. М.—Л., 1956, стр. 113.

81 А. В. Позднеев. Общие места и «перенесения» в былинах. — «Проблемы истории литературы». М., 1964.

чая здесь свое творческое применение [82]. Эти наблюдения укрепили уверенность А. А. Горелова в справедливости взгляда на Киршу как певца-импровизатора. Конечно, здесь далеко еще не все можно считать выясненным. К сожалению, теория фольклора не выработала надежных критериев, на основании которых можно было бы с уверенностью стиль о д н о г о певца выделять из стиля ш к о л ы и тем более с определенностью указывать на наличие системы импровизационной техники.

Довольно значительная группа песен, вполне четко выделяющаяся в составе Сборника, — это песни сатирические и шуточные. Они придают определенный оттенок всему Сборнику, и наличие их дало основание ряду исследователей утверждать тезис о скоморошьем происхождении Сборника в целом [83]. В последнее время эту точку зрения подробно обосновал А. А. Горелов [84]. С одной стороны, он значительно расширил число песен, которые могут называться «скоморошинами», то есть песнями, в которых преобладают острая насмешка, сатира, дерзкая и нередко непристойная шутка, балагурство. Наряду с песнями «Гость Терентище», «Сергей хорош», «Чурилья-игуменья», «Из монастыря Боголюбова старец Игренищо», «Свиньи хрю, поросята хрю», «Стать почитать, стать сказывать», связь которых с репертуаром «веселых людей» скоморохов трудно оспаривать, в состав «скоморошин» попадают былины о Ставре, Чуриле, Садко, исторические песни о Щелкане и Кострюке, песни о теще и зяте и ряд других [85]. С другой стороны, А. А. Горелов находит скоморошье начало в ряде «серьезных» текстов, впрочем — не без преувеличений и натяжек. На наш взгляд, нет оснований весь насмешливо-озорной, сатирический и нарушающий приличия песенный слой в Сборнике, как и вообще в русском фольклоре XVII—XVIII вв., относить на долю скоморохов. Он достаточно ярко обнаруживает себя в разных жанрах крестьянского фольклора, поэзии городских демократических низов. В «Сборнике Кирши Данилова» народная смеховая культура, как она отразилась в песенных жанрах, предстает во всем своем великолепии и стиховом и идейном разнообразии.

Что касается вопроса об участии скоморохов в создании «Сборника Кирши Данилова», то здесь по-прежнему многое остается неясным.

Обычно считают, что именно скоморохов имел в виду Демидов, когда писал Ф. Миллеру, что он достал песню об Иване Грозном от «сибирских людей», «понеже туды (т. е. в Сибирь, — *Б. П.*) всех разумных дураков посылают, которые прошедшую историю поют на голосу».

---

[82] А. А. Г о р е л о в. Диффузия элементов устнопоэтической техники в Сборнике Кирши Данилова.—«Проблемы художественной формы. Русский фольклор», XIV. Л., 1974.

[83] Ф. Е. К о р ш. О русском народном стихосложении.—«Известия ОРЯиС АН», т. I, ч. 1. СПб., 1896, стр. 37; С. К. Ш а м б и н а г о. Указ. соч., стр. XVIII; М. К. А з а д о в с к и й. «Былины и исторические песни из Южной Сибири. Записи С. И. Гуляева».

[84] А. А. Г о р е л о в. Кем был автор сборника «Древние российские стихотворения».—«Русский фольклор. Материалы и исследования», VII. М.—Л., 1962.

[85] Там же, стр. 308.

««Разумные дураки», — пишет М. К. Азадовский, — могло означать тех потешников-профессионалов, в чей репертуар входило, помимо балагурства и шутовства, и знание серьезных былевых и исторических песен... Такими «разумными дураками» несомненно с полным правом могли называться лихие молодцы, веселые скоморохи... Скоморошья, невольная, как свидетельствует письмо Демидова, колонизация Сибири была одним из путей перехода в Сибирь эпических песен и преданий и самого песенного искусства» [86].

Однако нет оснований преувеличивать роль скоморохов в распространении и сохранении эпической традиции. Эпос пришел в Сибирь, так же как и на русский Север, как и на Дон, на Терек, вместе с народными массами, которые всегда были самыми прямыми и непосредственными его носителями. Выражение Демидова «разумные дураки» пока что не поддается убедительному разъяснению.

Давняя точка зрения на Киршу как певца скоморошьего склада, записавшего собственный репертуар, в последнее время получила новую поддержку [87]. По поводу этой концепции могут быть высказаны некоторые сомнения общего и фактического порядка.

Зачем певцам или певцу записывать свой репертуар? Чтобы сохранить его в памяти? Но народные певцы не забывают усвоенных ими былин и песен, особенно если они их систематически исполняют (а для профессиональных певцов это — правило). Чтобы обучать новых певцов? Но известно, что передача и усвоение фольклорной (песенной, былинной, сказочной) традиции в народной среде имеет хорошо выработанные формы, не требующие участия книги.

К тому же тексты, записанные Киршей Даниловым, петь нелегко, несмотря на приложенные ноты. Тексты освобождены от типично песенных элементов — повторов, обрывов, подхватов, вставных слогов и т. п. Песня в записи Кирши Данилова превращается в стихотворение.

Само по себе предположение, что тексты, помещенные в Сборнике, записал певец, не невероятно. Новейшая история фольклористики знает несколько случаев, когда грамотные сказители записывали былины, которые сами исполняли (И. А. Касьянов, П. Калинин, Т. Е. Точилов, П. И. Рябинин-Андреев). Замечу, что во всех известных мне случаях они делали это либо по просьбе собирателей, либо под влиянием встреч с ними, вели записи «для науки» и отсылали их в научные учреждения. В сущности, певцу записи «своих» былин не нужны, и для себя он не станет проводить эту тяжелую и не имеющую какой-то прямой цели работу.

Следовательно, гипотеза о певце — составителе «Сборника Кирши Данилова» не снимает основного вопроса — о целях, ради которых сборник создавался. К тому же эта гипотеза, даже если признать ее правомочность,

---

[86] «Былины и исторические песни из Южной Сибири. Записи С. И. Гуляева», стр. 19; ср. также в статье А. М. Астаховой в кн.: «Русское народное поэтическое творчество», т. II, кн. 1. М.—Л., 1955, стр. 141.

[87] А. А. Горелов. Кем был автор сборника «Древние российские стихотворения».

требует некоторых существенных уточнений. Так, одному певцу вряд ли мог принадлежать весь состав сборника, поскольку исследователям не удалось доказать художественного единства (которое можно было бы отнести за счет одного певца или даже сплоченной группы певцов) всех песен Сборника и поскольку, учитывая позднейшие данные русского народного творчества, трудно представить себе народного сказителя, владеющего столь пестрым в жанровом и стилевом отношении песенным материалом.

Возникает мысль, что Кирша Данилов записал не только «свои» былины и песни, но и песни от других певцов. А это обстоятельство очень важно для понимания Сборника.

Любопытно, что в тетрадях упомянутого выше И. А. Касьянова содержатся фольклорно-этнографические материалы, которые он собрал от крестьян: духовные стихи, причитания невесты, заговоры. Если добавить к этому, что у Касьянова хранились также копии произведений старой книжности, то перед нами вырисовывается облик любителя, делившего свои интересы между фольклором и литературой, — носителя фольклорной традиции и ее собирателя [88]. Составитель Сборника был превосходным собирателем, отличавшимся широтой фольклорных интересов. Он, несомненно, обладал и большими знаниями в области народной поэзии, и необходимой энергией, и той чуткостью к материалу, которая отличает одаренных собирателей от рядовых регистраторов народной песни.

И состав Сборника, и принципы записи песен в нем еще раз доказывают, что он создавался помимо внешних заданий. В работе над Сборником составитель действовал по собственной инициативе, он не был связан никакими условиями и обязательствами. Он создавал не свод фольклорных источников для Миллера, но и не репертуарный сборник для певцов-скоморохов. Только полным непониманием истинного значения Сборника вызвано объяснение Коршем причин, заставивших Киршу Данилова записывать песни: он делал это якобы «по причине более действительной, нежели платоническое любопытство, т. е. либо ему нужно было закрепить эти песни в памяти для воспроизведения их в честной компании, будь то среди собутыльников или «сидючи во беседе смиренныя у боярина великого», либо он взялся за перо по поручению такого боярина, который и был только любителем» [89].

У составителя были гораздо более серьезные и важные цели. Он создал книгу, которая могла бы служить (и служила, вероятно) и песенником, и прежде всего материалом для массового чтения — занимательного, историко-познавательного, развлекательного.

«Сборник Кирши Данилова» правильнее всего можно определить как своеобразную *народную книгу*, рассчитанную на самого широкого, массового читателя XVIII века.

---

[88] См.: В. С. Бахтин. Дополнение к сборнику А. Ф. Гильфердинга (былины И. А. Касьянова).— В сб.: «Русский фольклор. Материалы и исследования», II. М.—Л., 1957, стр. 220—230.

[89] Ф. Е. Корш. О русском народном стихосложении, стр. 36—37.

У этой книги есть свой план; правда, он не выдержан до конца, отдельные его моменты лишь смутно угадываются. Неслучайно, конечно, Сборник открывается великолепной, эпически размашистой запевкой:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота окиян-море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днепровские.

Эти строки могли бы служить эпиграфом ко всей книге. Их большой идейно-художественный смысл по-настоящему понял В. Г. Белинский, который не раз в своих статьях по различным поводам приводил их как яркую поэтическую иллюстрацию к характеристике национальных качеств русского народа [90]. Сборник — и тоже, может быть, неслучайно — завершался песней о Разине, от которой, к сожалению, в рукописи сохранилось только начало.

Отдельные жанры в книге не обособляются. Но заметно, что былины все сосредоточены в нескольких местах; они лишь перебиваются другими песенными текстами. Лучшие, наиболее яркие былины почти все собраны в начале книги, они задают в ней тон наряду со старшими историческими песнями. Последние также тяготеют к нескольким группам, особенно это относится к песням военно-героического содержания. Наконец, и песни сатирические и шуточные собраны главным образом в конце Сборника. Далекая эпическая героика — недавняя история — современность, преломленная сквозь сатиру и юмор, подчас горький («Ох! В горе жить — не кручинну быть»), — такова последовательность материала Сборника, которая хотя и не соблюдена точно и строго, но явственно прослеживается при внимательном анализе.

Кто же был создателем этой замечательной книги?

По давней традиции «Древние русские стихотворения» прочно связываются с именем Кирши Данилова. Но личность его и по сей день остается загадкой. В издании 1804 года его имя не упоминалось. Оно появилось впервые в издании 1818 года — на титульном листе книги и в «Предисловии» Калайдовича, который писал: «Сочинитель или, вернеё, собиратель древних стихотворений. . . был некто Кирша (без сомнения, по малороссийскому выговору Кирилл, так как Павша — Павел) Данилов, вероятно казак, ибо он нередко воспевает подвиги сего храброго войска с особенным восторгом. Имя его было поставлено на первом, теперь уже потерянном листе Древних стихотворений». Калайдович при этом прямо ссылается на свидетельство Якубовича. Последний в своей «Записке» сообщал следующее: «Сочинителем древних стихотворений, как видно из начала рукописи, был некто Кирша (вероятно, Кирилл, так как Павша — Павел) Данилов, может быть казак. . .». Ясно, что сам Калайдович первого листа Сборника уже не видел. Что касается именования Кирши казаком, то эти предполо-

[90] См., например: В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. V, стр. 126.

жения первых издателей Сборника (как и относительно украинского происхождения имени Кирши и относительно времени его жизни) можно оставить без внимания. Ясно, что Якубович не выдумал этого имени, что оно действительно стояло на первом листе рукописи. Неясно, однако, в каком качестве оно было здесь указано. Были ли на этом листе какие-нибудь дополнительные данные, позволявшие издателю 1804 года считать Киршу «сочинителем», а издателю 1818 года — «вернее, собирателем» «Древних русских стихотворений», мы не знаем. Но, имея в виду, что Калайдович, судя по некоторым фактам, брал у Якубовича сведения в дополнение и в объяснение к тем, которые были даны в «Записке», надо думать, что у издателя 1818 года имелись какие-то веские основания поставить имя Кирши Данилова в заглавии книги. Сказанным ограничивается, по существу, фактическая база для изучения вопроса. Один только дополнительный факт извлек сам Калайдович из Сборника. По его мнению, то же имя встречается в песне «Да не жаль добра молодца битого — жаль похмельного» («где он сам себя именует Кириллом Даниловичем») [91].

Никакими документальными данными о Кирше мы не располагаем [92]. Естественно, что в литературе неоднократно раздавались скептические голоса, предлагавшие пренебречь указанием Якубовича. Пожалуй, громче всех в свое время звучал голос И. П. Сахарова, который вообще всячески стремился скомпрометировать Сборник. Дело было, конечно, не в имени. С именем Кирши Данилова в русскую литературу вошел — пусть без достаточных фактических оснований вследствие не вполне ясного представления о природе народных песен Сборника — образ мужицкого поэта. У многих этот образ вызывал явные симпатии. Но он претил консервативным критикам именно как носитель «простонародного искусства». Знаменитое сопоставление Пушкина — автора «Руслана и Людмилы» — с Киршей, представленным мужиком, вваливающимся в дворянскую гостиную в армяке и лаптях, с зычным голосом, сопоставление, сделанное А. Г. Глаголевым, в этом отношении достаточно показательно [93].

Проблема Кирши Данилова не свелась, однако, к вопросу о том, существовало или нет это лицо в действительности. Уже Калайдович поставил

---

[91] Любопытная находка принадлежит А. А. Горелову. В документах XVIII в., относящихся к Нижнетагильскому заводу, он обнаружил рядом стоящие имена мастеровых Кирилла Данилова и Ивана Сутырина («Русская литература», 1963, № 3, стр. 169). Как известно, оба имени стоят, тоже рядом, в песне «Да не жаль добра молодца. . .» Можно, конечно, отнести это совпадение на счет простого случая. Если же связывать документ с песней, то возникает множество вопросов, которые требуют дополнительных разысканий.

[92] По-видимому, фантастические сведения о Кирше Данилове содержатся в «Энциклопедическом лексиконе» А. А. Плюшара (т. XV, стр. 335—336); они приведены и справедливо оценены П. Н. Шеффером: «Сборник Кирши Данилова», 1901, стр. XIX—XX.

[93] Консервативные литераторы и в дальнейшем связывали с образом Кирши Данилова представления о грубой простонародности. М. Катков, критикуя попытки переводить Гомера «на простонародный русский язык», писал, что «пусть уж лучше старый рапсод будет представляться нам неясно, в тумане, чем. . . корчить нашего приятеля казака Киршу Данилова» («Пропилеи», кн. IV. М., 1854, стр. 554).

вопрос о том, кто же такой Кирша — сочинитель или собиратель? И хотя научный уровень представлений о народном творчестве в те годы был еще невысок, Калайдович дал ответ, который в дальнейшем многими поддерживался и развивался. Убежденный в том, что большинство «древних русских стихотворений» действительно древние, Калайдович считал, что Кирша Данилов их усвоил и более или менее переработал. О небольшой части песен Калайдович прямо отзывался как о созданных самим Киршей. Наконец, издатель 1818 года был убежден, что и запись всех песен принадлежит Кирше. Таким образом, для Калайдовича в лице Кирши Данилова совмещались народный сказитель, поэт и собиратель.

Эти же мысли, но в более четкой форме выразил Белинский: «Разумеется, смешно и нелепо было бы почитать Киршу Данилова сочинителем древних стихотворений. . . Все эти стихотворения неоспоримо древние. Начались они, вероятно, во времена татарщины, если не раньше. . . Потом каждый век и каждый певун или сказочник изменял их по-своему, то убавляя, то прибавляя стихи, то переиначивая старые. Но сильнейшему изменению они подверглись, вероятно, во времена единодержавия в России. И потому отнюдь неудивительно, что удалой казак Кирша Данилов, гуляка праздный, не оставил их совершенно в том виде, как услышал от других. И он имел на это полное право: он был поэт в душе. . . Некоторые из них могут принадлежать и самому ему, как выше выписанная нами песня «А и не жаль мне-ко битого, грабленого». . . В следующей песне, отличающейся глубоким и размашистым чувством тоски и грустной иронии (имеется в виду песня о Горе. — *Б. П.*), Кирша является истинным поэтом русским, какой только возможен был на Руси до века Екатерины. . .» [94].

Почти ничего не зная о Кирше Данилове и питая слабые надежды узнать что-нибудь в дальнейшем, мы должны оставить за Сборником его имя. С ним эта книга прочно вошла в историю русской и мировой фольклористики. Но если уж оставлять имя Кирши Данилова, то, конечно, как собирателя и создателя Сборника. Характер Сборника, его состав дают возможность представить и его облик. Кирша Данилов принадлежал к демократической среде, он был одним из тех замечательных деятелей народной культуры XVIII века, о которых мы, к сожалению, знаем очень мало. Ему русская культура обязана сохранением выдающихся памятников народного творчества.

Почти за два столетия, прошедших со дня первого издания «Сборника Кирши Данилова», русская наука обогатилась огромным количеством собраний подлинных записей народных песен. Она располагает теперь множеством первоклассных публикаций былин, исторических и лирических песен; многие сюжеты известны в десятках вариантов. Благодаря усилиям нескольких поколений исследователей стали достоянием русской культуры эпические богатства, сохраненные на Севере.

---

[94] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. V, стр. 353.

Теперь «Древние русские стихотворения» не стоят уже в одиночестве, как в первой половине XIX века, — они занимают свое определенное место в ряду классических собраний русской народной поэзии. Их место рядом с «Песнями, собранными П. В. Киреевским», «Песнями, собранными П. Н. Рыбниковым», «Онежскими былинами» А. Ф. Гильфердинга, южно-сибирским собранием С. И. Гуляева и другими памятниками русской фольклористики. Но тот факт, что «Сборник Кирши Данилова» не является ныне ни единственным, ни самым крупным собранием былин и песен, не снижает его большой литературной и научной ценности. Как раз наоборот, — наличие рядом с ним других крупных собраний позволяет по-настоящему оценить все значение материалов, в нем находящихся.

Прежде всего о былинах. «Сборник Кирши Данилова» был в свое время подлинным открытием русского эпоса. С тех пор наши представления о сюжетном составе былин и об их идейно-художественных качествах чрезвычайно расширились. Однако теперь ясно, что в «Древних русских стихотворениях» были в свое время собраны почти все основные былинные сюжеты (здесь нет былин о Святогоре, Вольге и Микуле, об Илье Муромце и Идолище и некоторых других), что дает возможность изучения эпической традиции в XVIII веке. К тому же здесь есть сюжеты, либо вовсе не зафиксированные другими собирателями («Суровец», «Саул Леванидович»), либо представленные в единичных записях («Волх Всеславьевич»). Исследования показали, что «Сборник Кирши Данилова» хотя и является самым старшим в русской фольклористике по времени записи былин, однако не всегда содержит наиболее древние версии отдельных сюжетов. Доказано, что в ряде случаев тексты, записанные в конце XIX—XX веке, архаичнее по своему характеру, чем тексты в записи XVIII столетия. Но, с другой стороны, «Сборник Кирши Данилова» включает и весьма архаичные версии, в которых сохранились древние эпические мотивы, утерянные сказителями других районов. Таковы, в частности, былины о Волхе, о Дюке Степановиче, Потоке Михайле Ивановиче, Ставре Годиновиче. Некоторые из записей Кирши справедливо признаются одними из лучших среди известных вариантов. Неслучайно они, как правило, помещаются в антологиях русского эпоса. Сюда относятся былины о Буслаеве, об Иване Годиновиче, Иване Гостином сыне, Волхе Всеславьевиче.

Если не все тексты былин из «Сборника Кирши Данилова» являются столь же совершенными в целом, как перечисленные, то во многих из них можно найти немало интересных и высокохудожественных частностей, которые прекрасно иллюстрируют силу и поэтичность русского эпоса.

Так, среди многочисленных вариантов былин о Калине-царе текст Кирши Данилова выделяется потрясающей по яркости и эмоциональности изображения картиной татарского нашествия:

Зачем мать сыра земля не погнется?
Зачем не расступится?

А от пару было от кониного
А и месяц, солнцо померкнуло,
Не видеть луча света белого;
А от духу татарского
Не можно крещеным нам живым быть.

Собирателю удалось запечатлеть в записях те основные особенности эпического стиля, которые характеризовали былинную традицию XVIII века, и, по-видимому, не только в Западной Сибири. Былинные тексты в Сборнике в гораздо меньшей степени связаны теми условностями, какие характерны для севернорусской эпической традиции. В них меньше проявляется ретардация: повествование идет свободнее, динамичнее; характерные образцы в этом отношении дают эпизоды драки в Новгороде («Василий Буслаев») или ряд эпизодов из былины «Три года Добрынюшка стольничал». Заметно, что сказители, ценя конкретность описаний, в то же время не увлекаются детализацией. Одно из немногих детальных описаний — снаряжения Дюка — полностью оправдано художественным замыслом былины; его можно смело причислить к образцам поэтической изобразительности русского эпоса.

Свойственные эпосу троекратные повторения применяются в текстах Сборника, как правило, с тактом и к месту. К тому же они почти никогда не повторяются буквально, но всегда более или менее варьируются, что придает им особую выразительность (сравните, например, рассказ о метании жребиев в былине «Садков корабль стал на море»).

В композиционном отношении былинные тексты Сборника не являются равноценными. Здесь есть песни с исключительно выдержанной композицией, в которых целое и отдельные части гармонически объединены одной художественной идеей и в которых каждый поворот сюжета хорошо мотивирован («Василий Буслаев», «Ставер Годинович»). Но есть и песни с неудачными и неоправданными контаминациями («Соловей Будимирович», «Алеша Попович»), с явными пропусками и немотивированными эпизодами. Композиционные слабости характеризуют уровень мастерства отдельных певцов, представленных в Сборнике (если они не являются результатом неудачной редакторской обработки текстов), но не относятся к состоянию эпической традиции в целом. Изучение сюжетов и композиционных особенностей былинных записей Сборника позволяет как раз сделать вывод, что традиция эта в Западной Сибири в середине XVIII века находилась в полном расцвете. Об этом говорят и примеры великолепной художественной разработки образов. Характеристики богатырей отличаются последовательностью и выдержанностью. Среди них надо выделить образ Васьки Буслаева — замечательный пример глубокой психологической характеристики средствами эпической поэтики. Буслаев в двух былинах Сборника предстает как сложный и богатый характер. Показательно, что Белинский, опираясь исключительно на материалы Кирши Данилова, дал известное истолкование Буслаева как социального типа.

В былинных текстах Сборника неоднократно встречаются прекрасно разработанные эпизоды и картины. Мы найдем здесь и подлинно трагические описания (смерть жены Дуная и самоубийство Дуная), и сцены, в которых историческая конкретность описаний сочетается с напряженным драматизмом (таков рассказ о приходе татарского посла в Киев в былине «Калин-царь»).

Здесь есть эпически величавые картины (образ корабля Соловья Будимировича) — и рядом с этим описания, полные острого юмора (бегство незадачливого любовника — Змея Горыныча из дому Маринки; ссора Блудовой жены и Чесовой жены).

Великолепны в былинах Сборника диалоги: они редко носят эпически бесстрастный характер; чаще всего они по-настоящему экспрессивны и психологически содержательны. В былинах разговаривают, спорят, ссорятся, объясняются ж и в ы е л ю д и, и речи их, предельно сжатые, полны большого художественного смысла. Показательны в этом отношении все диалоги в былине «Три года Добрынюшка стольничал»: Маринки с Добрыней, Добрыни со Змеем, Маринки с Анной Ивановной. У каждого персонажа своя манера говорить, свои особые интонации, свой тон. Столь же выдержанны диалоги в былине об Иване Годиновиче.

Нельзя не отметить также разнообразия стилистических приемов, обнаруживающихся в былинах. Здесь множество сжатых формул, образных выражений, которые отличаются меткостью и своеобразной художественной точностью. Нередко они также экспрессивны. Какой иронии, например, полна фраза, с которой обращаются — в одном случае Соловей Будимирович, в другом Добрыня — к своим незадачливым соперникам: «Здравствуй, женимши, да не с кем спать».

Трудно лучше передать состояние Ивана Гостиного сына, который побился «о велик заклад» — «о своей буйной голове» — и теперь надеется только на своего коня:

Походил он на конюшню белодубову,
Ко своему доброму коню,
К Бурочку-косматочку, троелеточку,
Падал ему в правое копытечка.

Здесь же — чеканная формула, почти пословица:

И ты будешь жив — шубу наживешь,
А не будешь жив — будто нашивал.

Вот примеры былинной образности, сохранившиеся, по-видимому, исключительно в текстах Сборника: «Потащил он Настасью, лишь туфли звенят»; «А рвет на главе кудри черные и бросает о кирпищат пол»; «А и буйные ветры не вихнут на нее»; «А и я бы на свете был попрыжея и полутчея в семь семериц тебя». Отдельные образы строятся здесь на игре слов, иногда — на игре собственных имен. Так, в нескольких текстах

действуют два персонажа — Спиря и Сема. Их испуг, растерянность передаются словами:

А Спиря стал п о с п и р и в а т ь,
Сема стал п е р е с е м ы в а т ь.

Исследователи нашли в былинах Сборника много отдельных сюжетных подробностей, ситуаций, характеристик, которые дают возможность говорить иногда о самостоятельных версиях, чаще же о специфических вариантах известных сюжетов. Однако все такие отличия ни в коем случае не противоречат общему характеру русских былин и полностью согласуются с ним. В идейном отношении былины из Сборника Кирши Данилова представляют органическое и нерасчленимое целое со всем русским эпосом. В них выражены народная героика и патриотизм, народные представления о справедливости. В былинах о борьбе с иноземными захватчиками и насильниками — «Алеша Попович», «Калин-царь», «Первая поездка Ильи Муромца в Киев» и других — богатыри выступают как носители народного героизма, оберегатели родной земли. Яркий демократизм Сборника выявляется, в частности, в том, что Кирша Данилов в своих записях нигде не затушевал, а быть может, даже и подчеркнул обличительные, антикняжеские и антибоярские тенденции. Князья и бояре рисуются здесь чаще всего осудительно, нередко в пренебрежительном и насмешливом тоне, они противопоставляются богатырям. Так, когда Алеша Попович побеждает иноземного врага Змея Тугарина, княгиня бранит его: «Деревенщина ты, засельщина! Разлучил меня с другом милым, с молодым Змеем Тугаретиным!». Возмущенный богатырь отвечает: «А ты гой еси, матушка, княгиня Апраксевна! Чуть не назвал я тебя сукою, сукою-то волочайкою». В былине «Добрыня чудь покорил» богатырь открыто укоряет князя в вероломстве: «Диво князю Владимеру, хочет у жива мужа жену отнять!». В былине «Ставер боярин» так же сильны по сравнению с другими вариантами мотивы унижения князя Владимира женой Ставра. После удачного выстрела Василисы Микулишны «Владимир князь окорачь наползался»; оказался побежденным он и в игре в шахматы: «шах да и мат да и под доску».

В двух местах Сборника встречается любопытная формула, которая в контексте звучит явно иронически. Хотя она и обращена к вражеским царям (Афромею Афромеевичу и Калину), но есть в ней и некий более широкий смысл:

Вас-то, царей, не бьют, не казнят,
Не бьют, не казнят и не вешают.

В науке уже указывалось на то, что «Сборник Кирши Данилова» в своей былинной части интересен как характерное свидетельство живой западносибирской эпической традиции XVIII века [95]. Это, конечно, верно.

[95] Ценные наблюдения в этом направлении сделаны в статье М. К. Азадовского «Русская былевая традиция в Сибири и на Алтае».

Но не местные, областные мотивы определяют его важность, а все то, что связывает его с лучшими традициями русского былинного эпоса.

Большой интерес представляют записанные Киршей Даниловым исторические песни. Их в Сборнике двадцать. Конечно, с точки зрения общего состава русского историко-песенного эпоса это совсем немного. Но все без исключения тексты представляют особую ценность. Они отражают различные этапы развития исторической песни — от периода ее зарождения («Щелкан Дудентьевич») и до начала XVIII века. Они дают известное представление о тематическом многообразии жанра: здесь есть песни и о политических событиях общегосударственного масштаба («Взятье Казанского царства»), и о народных движениях XVI—XVII веков (песни о Ермаке и Разине); преобладают песни с героико-патриотическим содержанием. Наконец, в Сборнике представлены исторические песни различных стилевых разновидностей жанра: эпические и лиро-эпические; родственные былинам и близкие к лирическим бытовым; созданные крестьянами, казаками и представителями городских низов. Собиратель проявлял особый интерес к песням, насыщенным историческими фактами, и, как говорилось выше, даже усиливал эту сторону песен. По крайней мере треть всех текстов дает уникальные записи исторических песен. Среди них особенно интересны те, которые принадлежат местному, сибирскому творчеству: «Поход селенгинским казакам», «Во сибирской украине, во Даурской стороне». Они представляют собой вполне оригинальные сюжеты, но созданы в знакомой по другим источникам художественной манере и являются характерными образцами казачьей исторической песни.

Что касается других исторических песен Сборника, то они очень важны в плане изучения отдельных сюжетов. Такова прежде всего песня о Щелкане. Сюжет ее очень редок и известен еще только в нескольких северных вариантах. Вариант Кирши не только наиболее содержателен в историческом отношении, но и, по-видимому, больше всего сохранил первоначальный вид песни XIV века. Исследователи неоднократно отмечали и своеобразие варианта песни о взятии Казани. В «Сборнике Кирши Данилова» этот сюжет вставлен в рамку широких политических обобщений (см. комментарий в настоящей книге, стр. 446). Песни о Смутном времени известны науке в очень ограниченном числе. В этой связи особую ценность приобретают песни Сборника «Гришка Расстрига» и «Михайло Скопин». Обе они, несомненно, содержат живые свидетельства современников о событиях русской истории начала XVII столетия.

Темам народных движений посвящены в Сборнике песни о Ермаке, о расправе казаков с князем Репниным и о Разине (последняя имеется только в отрывке). К ним непосредственно примыкает песня, не являющаяся собственно исторической — «Усы, удалы молодцы». По поводу казачьих песен Белинский писал: «Какая широкая и размашистая поэзия, сколько в ней силы и простору душевного! Так и говорит: берегись — ушибу!» [96]. В этих песнях раскрывается стихийный характер казачьих

[96] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. V, стр. 436.

выступлений XVI и XVII веков, ярко передаются настроения казачьей вольницы. Песню «Усы» Белинский относил к так называемым «удалым», в которых видел своеобразное выражение народного протеста и свободолюбия: «здесь. . . господствующий элемент — удальство и молодечество, а сверх того и ироническая веселость, как одна из характеристических черт народа русского» [97].

Выделяется в Сборнике небольшой цикл исторических песен о военных подвигах народных героев XVI—XVII веков: «Под Конотопом под городом», «На Литовском рубеже», «Атаман польской». Первые две сходны между собой по сюжетам и содержат несколько общих мест. Идея этих песен — прославление народных героев-патриотов, которые до конца исполняют свой долг перед родиной, проявляя стойкость перед лицом врага и предпочитая мученическую смерть измене или примирению с врагом.

В художественном отношении большинство текстов исторических песен Сборника можно без преувеличения назвать первоклассными. Сюжеты их, как правило, тщательно разработаны, они отличаются композиционной стройностью и завершенностью. Сборник наглядно свидетельствует о том, что разработанная стилистика, устоявшиеся поэтические формулы, сочетание предельной сжатости повествования с большой художественной выразительностью — все это характерно для историко-песенного жанра уже на ранних этапах его развития. Ранняя историческая песня не лишена элементов сатиры. Так, сатирически изображаются порядки в Орде: царь Азвяк Таврулович

Суды рассуживает
И ряды разряживает,
Костылем размахивает
По бритым тем усам,
По татарским тем головам,
По синим плешам.

(«Щелкан Дудентьевич»)

В песне «Мастрюк Темрюкович» народные борцы не только побеждают чужеземного нахвальщика, но и подвергают его позору:

Мастрюк без памяти лежит;
Не слыхал, как платье сняли.
Был Мастрюк во всем,
Стал Мастрюк ни в чем;
. . . .
Со стыду и сорому
Окарачках под крылец ползет.

---

[97] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. V, стр. 439.

В текстах Кирши Данилова уже встречаются те поэтические формулы, которые придают историческим песням особую лирическую окраску:

Что поутру было рано ранешенько,
Как на светлой заре на утренней,
На восходе было красного солнышка,
Как бы гуси, лебеди воскикали,
Говорили солдаты новобраные.

Такого же рода описания сборов казаков, выступления войска, гибели героя на поле битвы.

Отметим также такую специфическую для текстов Сборника стилистическую особенность, как отсутствие в песнях приема отрицательного параллелизма, вместо которого всюду последовательно используется параллелизм положительный:

Кабы черные вороны табуном табунилися,
Собирались, съезжалися
Калмыки со башкирцами.
(«Под Конотопом под городом»)

Как бы гнедого тура
Привезли убитого,
Привезли убитого
Атамана польского.
(«Атаман польской»)

Как два ясные соколы
В чистом поле слеталися,
А съезжались в чистом поле
Пожарской боярин с татарином.
(«Под Конотопом под городом»)

Остальной материал Сборника в жанровом отношении довольно разнообразен. Здесь есть и так называемые балладные песни («Князь Роман жену терял»), и духовные стихи («Сорок калик», «Голубиная книга»), и песни сатирического и шутливого характера.

Последние, хотя и рассыпаны по всему Сборнику, составляют вполне самостоятельный отдел и резко выделяются на фоне основной массы текстов своеобразием содержания и художественной формы. При всем том они определенно связаны с былинами и отчасти лирическими песнями, они во многом вырастают на основе переосмысления (комического чаще всего) элементов поэтики этих двух жанров. Поэтому естественным представляется, что от одних и тех же исполнителей составитель Сборника услышал и серьезные героические былины, и шутливые песни: и те и другие не только могли легко сосуществовать в репертуаре одного исполнителя или одной определенной группы, но и больше того — они и склады-

ваться должны были в пределах одной художественной школы; различия — и подчас очень яркие, — характеризующие песни эпические и песни юмористические, свидетельствуют прежде всего о широте творческого диапазона этой школы. Что отмеченное явление свойственно было не только XVIII веку и не только безвестным певцам, открытым Киршей Даниловым, но и вообще русскому фольклору, свидетельствуют многочисленные примеры собирательской практики XIX—XX столетий; может быть, самый яркий пример — творчество М. Д. Кривополеновой, которая была одновременно прекрасным знатоком героического эпоса и мастером скоморошьего песенного искусства.

Внутри отдела юмористических песен можно видеть значительное разнообразие сюжетов, тем, стилей.

«Гость Терентище» и «Сергей хорош» — это яркие образцы скоморошьей песенной новеллы: сюжеты их, разработанные с удивительным композиционным мастерством, носят откровенно комический характер; персонажи этих песен — хитрые женщины, обманутые мужья, незадачливые любовники — выведены ради полного и явного их осмеяния; блестящее использование комических ситуаций, умелое введение — в целях усиления юмора — смешных деталей (чаще всего бытового порядка), мастерство кратких, законченных психологических характеристик отличают эти песни. Перед нами именно новеллы — сюжетно и идейно законченные бытовые историйки, в пределах которых до конца раскрываются характеры и отношения их героев. В сюжетах этих новелл много условного — достаточно вспомнить хотя бы эпизоды с возвращением домой Терентища спрятанным в мешке и с разоблачением его жены или то, как расправляется Сергей с «чужим мужиком» и как горько сожалеет он о происшедшем.

Этот обязательный элемент условности сближает названные песни отчасти с былинами, в еще большей степени со сказками: неслучайно сюжет «Гостя Терентища» известен и в многочисленных сказочных версиях (и не только в русских); но условность эта — почти неизбежный прием достижения комического эффекта — путь к раскрытию определенных жизненных коллизий и реальных человеческих характеров.

Об удивительном мастерстве, с каким создается в народной песне подлинно комический образ, свидетельствует хотя бы образ недуга в «Госте Терентище»: в начале песни он воплощает похотливые желания жены Терентища, и «облик» его раскрывается довольно прозрачно; комизм усиливается от того, что сам Терентий с наивным простодушием верит в серьезность болезни; в конце недуг персонифицируется, он предстает в виде вполне материальном; картина трусливого бегства любовника производит комический эффект, особенно потому, что бежит тот самый «недуг», излечить который взялся Терентий. Завершая описание «недуга», песня дает детали, как бы указывающие на его социальный облик:

Он оставил, недужище,
Кафтан хрущатой камки
Камзол баберековой,
А и денег пятьсот рублей.

Характер новеллы, по-своему завершенной, имеет и песня «Кто Травника не слыхал», хотя здесь и нет той своеобразной композиционной строгости, какая отличает «Гостя Терентища» и «Сергей хорош». Самый юмор здесь более сдержан и окрашен некоторой долей горечи. Образ «молодого Травника» очерчен в песне довольно определенно; прием, которым создан этот образ, достаточно сложен и тонок, — это не аллегория басенного типа и не параллелизм, типичный для многих лирических песен. Травник — одновременно и болотный кулик, бойкий и неугомонный, терпящий неприятности от своей непоседливости, и неудачливый «молодец», наделенный «лукавством великим» и вызывающий отпор со стороны окружающих. Как кулик он, похаживая «по лужку», попадает «в плужок»

Своей левой ноженькой,
. . . правым крылышком,
Да мизинным перстичком.

Его переживания в этот момент передаются предельно кратко:

А и пик, пик, пик Травник!

Как «молодец» он попадает в Москву в кабак, переносит побои, тюрьму, штраф, наказание кнутом, возвращается домой, и здесь расправу над ним учиняет его тесть Семен Егупьевич. Но и обретая черты «молодца», он сохраняет нечто от кулика — остается «птицей лукавой», перелетающей с места на место. Таков этот живой, удивительно конкретный образ, за трагикомическими злоключениями которого угадывается типическая судьба человека с определенным характером и социальным положением. Можно предположить, что образы, подобные Травнику, с характерным отождествлением в них черт человека и птицы, вырастали в фольклоре из непосредственной языковой практики путем «раскрашивания» метафоры, имевшей хождение в обыденной народной речи (зерном этой метафоры могло явиться хотя бы применение глагола «летает» к непоседливому человеку).

В нескольких песнях Сборника содержится насмешка над монастырскими нравами. В этом отношении соответствующие сюжеты перекликаются с литературной сатирой XVII—XVIII веков, хотя они и не заключают в себе той остроты и того социального обобщения, какие легко обнаруживаются, скажем, в «Калязинской челобитной». В песнях Сборника преобладает простодушное высмеивание, которое, разумеется, несет и определенную идейную нагрузку: монастырская жизнь, наполненная забавными, вполне «мирскими» историйками и страстишками, лишается какого бы то ни было налета отрешенности от «земного» и подобия благообразия. Героем одной песни является старец Игренище; он странствует в поисках «честной милостыни», которая нужна ему, чтобы «душа спасти, ее в рай спусти». Но истинное лицо «старца» легко обнаруживается под его показным смирением: вместо «редечки горькия» он охотно упрятывает в свой мешок приглянувшуюся ему «девушку-чернавушку». В столкновении с «ребятами десятильниковыми» (так называли сборщиков податей

с монастырей и церквей) Игренище проявляет свою вполне земную природу; он жестоко и изобретательно наказывает стяжателей, посягнувших на старческую милостыню. Игренище оказывается отнюдь не беспомощным старцем, помышляющим лишь о спасении души, — в нем живут земные желания, он умеет постоять за себя в борьбе. Вся эта забавная история совершается в стенах монастыря, «промежду обедни и заутрени», под бой монастырских часов.

И в этой песне замечательно богатство и разнообразие деталей, неизменно окрашенных юмором, мастерски вовлекаемых в общую систему комических образов. И здесь есть уже знакомые нам по предыдущим песням элементы отождествления («Горька редька рыхнула, белая капуста крикнула, из красной свеклы рассол пошел»); вся вторая часть песни построена на реализации метафор-загадок, которые предложил старец «ребятам»: он пообещал «пожаловать» каждого подарками, истинный зловещий смысл которых выясняется для них слишком поздно.

Так и в песне о старце Игренище, как и в ранее разобранных, обнаруживается своеобразная художественная сложность основного приема, который разработан всегда с подлинным блеском и который придает каждой песне, ее сюжету, композиции, стилю в целом неповторимость и то впечатление единственно возможного решения замысла, по которому можно отличить подлинное произведение искусства.

Замечателен в этих песнях тот не всегда доступный точному определению иронический тон, с каким описываются в них события и люди. Весьма наглядно проявляется это качество в песне «Чурилья-игуменья». Сюжет ее очень прост и сам по себе комичен: в то время как в монастыре совершается заутреня, одна из девиц развлекается в келье с пономарем. В пределах этого сюжета песня создает целую галерею образов обитателей женского монастыря, и все они, данные предельно сжато, окрашены юмором: игуменья, лицемерная блюстительница нравственности,

Как бы русая лиса голову клонила,
Пошла-то Чурилья к заутрени.

Одно это сравнение содержит целую характеристику. Шествие в церковь песня изображает с нескрываемой, но тонкой насмешкой: следом за Чурильей, «будто галицы летят, за ней старицы идут». Во время службы девицы поют невпопад, так как они заняты мыслями о своей «запевальщице» и о пономаре:

Запевали тут девицы четью петь,
Запевали тут девицы стихи верхние;
А поют они на крылосах, мешаются,
Не по-старому поют, усмехаются.

Комически представлен и Федор-дьяк, «девий староста», обманывающий за стакан вина игуменью. Стафиду Давыдьевну, нарушающую нормы

монастырской нравственности, песня никак не приподымает над окружающей средой и не делает из нее героини: она сродни жене Терентища; песня указывает на ее высокое социальное положение («царская богомольщица», «княженецкая племянница»).

Характерной особенностью всех рассмотренных песен-новелл является то, что конфликты, в них изображаемые, происходят не между непримиримыми силами народной жизни и антинародного лагеря (как в большинстве былин и сказок), а внутри одной социальной среды; песни эти не знают, по существу, деления на героев положительных и отрицательных; и обидчики и обиженные, и потерпевшие и «победители» в одинаковой степени представляют объект насмешки, никто из них не выражает утверждающих начал народной жизни. Можно было бы сказать, что единственным «положительным лицом» здесь выступает здоровый народный смех, не скованный никакими условностями, направленный против тех отношений, нравов, характеров, которые чужды подлинно народной морали.

Среди произведений шутливо-комического характера в Сборнике свое несколько особое место занимают две небольшие группы песен; в одну входят «Ох, горюна, ох, горю хмелина», «У спаса к обедне звонят», «Теща ты, теща моя». Юмор их касается семейных отношений, чаще всего отношений тещи и зятя. Есть в этих песнях налет нескромности. Вторая группа — «Свинья хрю, поросята хрю», «Стать почитать, стать сказывать» пронизаны откровенной эротикой; юмор в них в значительной степени идет за счет элементов непристойности.

Как художественное целое эти произведения просто не существуют (в них нет даже сколько-нибудь законченного и ясного сюжета), но в них можно обнаружить отдельные зерна истинно народного юмора, меткость характеристик и т. д.

Обзор юмористического отдела Сборника был бы неполон без упоминания о былине-пародии «Агафонушка». Привычные, хорошо знакомые исполнителям (и, по-видимому, слушателям) эпические образы, детали, ситуации приобретают в «Агафонушке» травестированную форму: широкие просторы земли, на которых совершались эпические подвиги, уменьшаются здесь до мизерных пределов домашней площадки:

Чистое поле — по подлавочью,
А и синее море — в лохани вода,

но как бы сохраняют свою эпическую значимость; в этом, собственно, и заключен комизм произведения. В «Агафонушке», как в произведении эпическом, происходят битвы, но это — «стрельба веретенная»; скрещивается оружие, но это — «пушки—мушкеты горшечные», «востры сабли—кокошники»; как и во всяком эпосе, у героев есть предмет борьбы — они бьются «о пироге, о ячном мушнике»; есть здесь и жертвы — «убили они курицу пропащую». И, наконец, полны комизма и пародийного смысла персонажи, ведущие борьбу, — «свекры со снохой» — и богатыри, реша-

ющие исход сражения: Агафонушка, одеяние которого явно напоминает идеализированную одежду Ильи, Дюка и других богатырей; «могучие богатыри», у одного из которых «блинами голова испроломана», у другого — «соломой ноги изломаны», у третьего — «кишкою брюхо пропороно». Неистощимая выдумка на «перевертывание» эпических образов, безудержное веселье, юмор, сдобренный обязательной долей непристойности, внешняя несвязанность эпизодов и, по существу, отсутствие законченного сюжета характеризуют тот жанр, который представлен «Агафонушкой». Пародия естественно и незаметно переходит здесь в небылицу — в рассказ о невозможных, невероятных вещах и событиях. . .

Большинство произведений комического характера, находящихся в Сборнике, либо уникально, либо известно в очень редких вариантах. Надо предположить, что либо перед нами та область песенного фольклора, которая преимущественно культивировалась скоморохами, затем была воспринята их творческими наследниками и постепенно сокращалась и исчезала в народном репертуаре, либо — это вполне вероятно — собиратели XIX—XX веков мало интересовались произведениями подобного рода, а исполнители — по ряду обстоятельств — утаивали их.

Во всяком случае «Сборник Кирши Данилова», помимо всего прочего, представляет значительную ценность как собрание редких образцов народного песенного юмора.

Лирических песен в Сборнике немного, но очевидно, что у Кирши Данилова был явный интерес к песням с острой бытовой или социальной коллизией. В песне «По долам девица копала коренья лютые» описан трагический случай: девушка хотела «извести своего недруга», а «невзначае извела своего друга милого». Песню «Перед нашими воротами утоптана трава» В. Г. Белинский приводил в качестве примера народно-поэтической разработки драматической ситуации, характерной для русской народной жизни. Песня «Из Крыму и из Нагаю» говорит о гибели одного из братьев, возвращающихся из «орды басурманской». Особенно острая тема поставлена в песне «Во хорошем высоком тереме»: молодец запивает от «великой печали» — его записывают в солдаты.

Не то мне, доброму молодцу, забедно,
Что царь меня на службу ту посылает,
А то мне, доброму молодцу, забедно,
Отец-мати старешуньки остаются,
А некому поить будет, их кормити.

Приведенные строки делают эту песню одним из первых по времени записи произведений русского фольклора, ставящих тему солдатчины и положения народа в связи с ней.

В «Сборнике Кирши Данилова» записан вариант песни о Горе: «Ох! в горе жить — некручинну быть». Вопрос о ее генезисе не разрешен. Одни исследователи считают ее исконно народной песней и в качестве таковой одним из источников «Повести о Горе и Злочастии »; другие

наоборот, утверждают зависимость ее от «Повести» [98]. Важно, что в песне очень остро ставится тема бедности и богатства, счастья и горя, судьбы человека из народа. Эта тема волновала Киршу, и следы его интереса к ней явственно видны в Сборнике.

Одно из самых значительных произведений Сборника на эту тему — песня «Когда было молодцу пора, время великое». В центре ее — судьба героя, вступившего в конфликт с окружающей средой и трагически погибающего. Сюжет песни ясно перекликается с «Повестью о Горе и Злочастии»: как и в «Повести», герой песни «отламывается», «отстает» от того мира, в котором до сих пор он жил и преуспевал, отправляется «на чужую сторону» искать счастья. Самый факт разрыва «доброго молодца» со своей средой представлен в песне как богатырский подвиг; песня проникнута глубоким сочувствием к своему герою, к его судьбе. Трагическая гибель «доброго молодца», который тонет в реке Смородине, раскрыта в песне в плане большого социально-психологического обобщения: герой погибает, не выдержав испытания, которое встретилось на его пути, вследствие собственной слабости, «глупого разума», из-за отсутствия тех важных нравственных качеств, которые столь необходимы для жизненной борьбы.

Песню «Когда было молодцу пора, время великое» пронизывает то идейно-эмоциональное начало, которое Белинский считал очень важным качеством русской народной поэзии — «Это тоска и грусть души сильной и мощной». Грусть в песне является одновременно выражением и неудовлетворенности действительностью, и порыва к иной жизни, и осознания трагической неспособности героя выстоять и победить в жизненной борьбе. Песня выражает поэтические представления народа о существовании богатырских сил, которые могут противостоять старому миру [99].

Песня «Когда было молодцу пора, время великое» не стоит в Сборнике особняком, в других его сюжетах есть места, явственно перекликающиеся с этим произведением; можно говорить о прямых реминисценциях песни «Когда было молодцу. . .» в песнях «Из Крыму и из Нагаю» и «На Литовском рубеже» (см. комм.). Может быть, они внесены самим Киршей Даниловым; может быть, интерес к этим мотивам характерен для певцов, от которых производилась запись: вопрос этот нуждается в дополнительном изучении.

Но как бы то ни было, все сказанное убеждает в том, что «Сборник Кирши Данилова» заключает в себе гораздо более острый в социальном отношении материал, чем принято обычно думать.

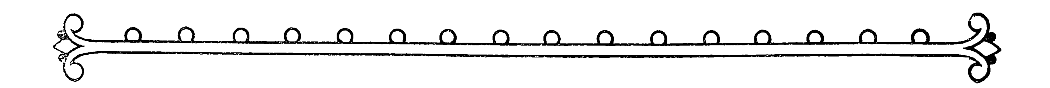
---

[98] См., например: А. В. Марков. Повесть о Горе-Злочастии.—«Живая старина», 1913, вып. I—II; В. Ржига. Повесть о Горе и Злочастии и песни о Горе.—«Slavia», 1931, вып. I—II.

[99] Подробнее об этом см. в статье: Б. Н. Путилов. Песня «Добрый молодец и река Смородина» и «Повесть о Горе-Злочастии». — «Труды Отдела древнерусской литературы», т. XII. М.—Л., 1955.

«Древние русские стихотворения» — не только первое в русской фольклористике собрание былин и исторических песен, но и сборник, по-своему отразивший социально-обличительную проблематику русского народного творчества XVII—XVIII веков и включивший ряд произведений, которые представляют большой интерес для характеристики общественно-политических взглядов народа, как они выразились в песенном фольклоре.

Все это и делает «Сборник Кирши Данилова» ценнейшим памятником русской народной поэзии, сохраняющим и сейчас свое большое художественное и познавательное значение.



О НОТНЫХ ЗАПИСЯХ В «СБОРНИКЕ КИРШИ ДАНИЛОВА»

Музыкальные записи в «Сборнике Кирши Данилова» неоднократно служили предметом суждений о том, действительно ли это воспроизведение народных напевов, насколько верно они нотированы, а также насколько они соответствуют помещенным под ними текстам.

В первом издании сборника 1804 года ноты отсутствовали. Они появились лишь во втором издании 1818 года (без подтекстовки), отредактированные Д. И. Шпревичем (Шпревицем). С этого времени вплоть до 1901 года в ряде статей высказывались разнообразные суждения, в которых брались под сомнение музыкальные записи, считавшиеся искаженными редактором или даже им самим сочиненными [1]. Однако у многих музыкантов напевы не вызывали сомнений в подлинности, и они неоднократно обрабатывали их. Первым обратился к напевам этого сборника Д. Н. Кашин, который получил нотные записи их, по-видимому, от Ф. П. Ключарева или А. Ф. Якубовича еще до издания 1818 года. В предисловии к «Журналу отечественной музыки на 1806 год» [2] сообщалось: «Любовь и привязанность русских ко всему отечественному побуждает г-на Кашина издавать Журнал отечественной музыки. В нем будут помещаемы: 1-е — старинная музыка на древние русские повести, например, о Соловье Будимеровиче, о женитьбе князя Владимира, об Илье Муромце и пр. Музыка на сии повести составляет редкость драгоценную для всякого русского. Издатель имел счастье получить ее от одного из знаменитейших любителей отечественной древности, который издал их под именем: Древние русские стихотворения. Москва. В типографии С. Селивановского 1804». В имеющихся в нашем распоряжении шести выпусках этого журнала помещены две песни из сборника Кирши Данилова: «Соловей Будимерович» — в первом выпуске под № 1 и «Первая поездка в Киев Ильи Муромца» — в третьем выпуске под № 1, в обработках «для голоса и фортепиано или арфы». Оба напева

[1] Например В. Ф. Одоевский. См. об этом: В. В. Пасхалов. Комментарии В. Ф. Одоевского к сборнику Прача.—«Труды музыкально-этнографической комиссии», т. II. М., 1911, стр. 431.

[2] Один из экземпляров этого редчайшего издания хранится в Отделе рукописей и редкой книги Библиотеки АН СССР в Ленинграде, инв. № 4218-П. Журнал состоит из 6 выпусков. Первые четыре были изданы в 1806 г., V и VI — в 1807 г.

изложены очень близко к первоисточнику, с небольшим изменением мелодической линии в конце песни «Соловей Будимирович» и с изменениями и сокращениями в поэтическом тексте. В основном такие же правки мы находим и в редакции Д. И. Шпревича, сделанной для всех напевов издания К. Ф. Калайдовича.

В 1850-х годах записи песен по изданию 1818 г. обрабатывает для голоса и фортепиано М. А. Стахович [3], поместив в 4-й тетради своего собрания русских народных песен под № 5 «Песню про Ермака» («Во славном в понизовом городе Астрахани»), под № 6 — «А и горе, горе, гореваньице», под № 8 — «Не жаль мне доброго молодца битого» и под № 9 — «Ах из Крыму ли, братцы, из Нагаю». Для Стаховича характерно весьма бережное отношение к источнику. Он помещает в неизменном виде нотную запись по изданию 1818 года (считая ее, видимо, точным воспроизведением рукописи), а под ней — свою транскрипцию напева с аккомпанементом фортепиано. Транскрипции Стаховича отличаются от редакций Шпревича смещением напева в №№ 6, 8 и 9 на октаву вниз и небольшими разночтениями в первом и втором тактах № 6 и первом такте № 9. Из предисловия Стаховича к 4-й тетради его собрания русских песен явствует, что напевами Кирши Данилова занималась также и О. Ф. Кошелева, которая, по его словам, изучала и «возобновляла в пении» их, а также помогала Стаховичу в расположении текста под нотами «Песни про Ермака». В предисловии ко 2-й тетради Стахович высказывал предположение о родственности напевов сборника Кирши Данилова величальным песням.

Вскоре после выхода в свет собрания русских песен Стаховича А. Ф. Тюрин в рецензии на его публикацию [4] поставил под сомнение нотные записи издания «Сборника Кирши Данилова» 1818 года, говоря о необходимости проверить их по подлинной рукописи и по напевам, записанным непосредственно от народных певцов. Одним из аргументов сомнения в подлинности напевов А. Ф. Тюрин выдвигает наличие одинаковых напевов к различным текстам.

Спустя 20 с лишним лет Н. А. Римский-Корсаков сделал обработки песен «Сборника Кирши Данилова» для голоса и фортепиано и, вероятно, считая их достоверными, поместил в своем сборнике русских народных песен наряду с записями, сделанными в середине XIX века [5]. Позднее один из напевов «Сборника Кирши Данилова» был положен композитором в основу заключительного хора 1-го действия оперы «Садко». В конце 1870-х годов песни из Сборника звучали с эстрады в концертах Д. А. Агре-

---

[3] «Собрание русских народных песен. Текст и мелодии собрал и музыку аранжировал для фортепиано и семиструнной гитары Михаил Стахович». Тетрадь 1. СПб., 1851; тетрадь 2. СПб., 1852; тетради 3 и 4. М., 1854.

[4] «Известия Академии наук по Отделению русского языка и словесности», т. IV. СПб., 1855, лл. 77—78, стлб. 22—34.

[5] Н. А. Римский-Корсаков. Сборник русских народных песен. Соч. 24. В. Бессель и К°, М., 1877, № 3 —«Соловей Будимирович», № 4 —«А и горе, горе, гореваньице», № 7 —«Ермак Тимофеевич» («Во славном в понизовом городе Астрахани»). Обработки даны по сборнику М. Стаховича (см.: Н. А. Римский-Корсаков. Летопись моей музыкальной жизни, 5-е изд. М., 1935, стр. 142—143).

нева-Славянского [6]. Тексты были сокращены, напевы вариантно развернуты на фоне «гусельного» сопровождения, исполняемого на фортепиано.

Как к подлинно народному источнику отнесся к напевам и Ф. Е. Корш, опиравшийся в исследовании о русском народном стихосложении на анализ их ритма [7].

В 1896 году появилась заметка П. Н. Шеффера о «Сборнике Кирши Данилова»[8] (впоследствии с дополнениями перепечатанная в издании 1901 года), сообщавшая о находке рукописи сборника. Однако в следующем, 1897 году было высказано мнение о том, что напевы Кирши Данилова в значительной части — «Малорусские песни и танцы и притом сравнительно позднего порядка. Предлагать эти мотивы народу — нелепость»[9].

В 1899 году С. Г. Рыбаков, имея в виду заметку П. Н. Шеффера, предполагает, что издание, подготовляемое Публичной библиотекой, даст возможность «разобраться в вопросе о народности напевов Сборника»[10]. В 1901 году, после выхода в свет издания Публичной библиотеки, появилась возможность сличить публикацию с записями былин и песен, сделанными к этому времени музыкантами-этнографами на севере России. На основе такого сличения А. Л. Маслов в 1902 году смог высказать мнение о значительном сходстве ряда напевов Сборника с напевами былин и песен, записанных в Архангельской губернии, и о необходимости реконструкции напевов Сборника в соответствии с манерой народного исполнения [11], а впоследствии обосновывать свои положения о ритме и мелодиях былин, ссылаясь на нотные записи «Сборника Кирши Данилова»[12]. Сделанное Е. Э. Линевой сравнение записи «Камаринской», произведенной ею на фонограф от владимирских рожечников, с напевом «Гость Терентьище» дает возможность предполагать, что и она, несмотря на свою веру в точность записи песен только с фонографа, считала записи напевов в Сборнике достаточно верными [13]. На этом высказывания о напевах Сборника, в сущности, прекратились.

---

[6] См.: О. Х. Агренева-Славянская. Вечера пения Дмитрия Александровича Славянского. Собственность издательницы, вып. IV. М., 1884, стр. 8—22 — «О князе Михаиле Скопине-Шуйском» и стр. 39—41 —«О том, как зачиналась каменна Москва и о Кострюке Кострюковиче».

[7] «Известия 2-го отделения Академии наук», т. I, кн. 1. СПб., 1896, стр. 1—45.

[8] П. Н. Шеффер. Заметка о сборнике Кирши Данилова. СПб., 1896 (перепечатана в «Известиях 2-го отделения Академии наук», т. II, кн. 1. СПб., 1897, стр. 34—53).

[9] Е. Ш. По поводу одного музыкального издания.—«Русское обозрение». М., 1897, июль, стр. 646—684.

[10] В статье «Русская песня» в Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (т. XXVII (53). СПб., 1889, стр. 316).

[11] А. Л. Маслов. Кирша Данилов и его напевы.—«Русская музыкальная газета», 1902, № 43. В статье дана критика суждений А. Ф. Тюрина и Е. Ш.

[12] А. Л. Маслов. Былины, их происхождение, ритмический и мелодический склад.—«Труды Музыкально-этнографической комиссии», т. II. М., 1911, стр. 299—327.

[13] См.: Е. Э. Линева. Великорусские песни в народной гармонизации, вып. I, СПб., 1904, стр. XXXVI. Там же дан и опыт подтекстовки.

Однако две работы более позднего времени показали, что спор еще не был окончен. В 1926 году Н. Ф. Финдейзен приходит к выводу, что напевы в «Сборнике Кирши Данилова» в большинстве случаев чрезвычайно искажены, что их ритмика ничего общего не имеет с ритмикой русских народных песен. Финдейзен утверждал, что иностранные плясовые и песенные ритмы XVIII в. из столицы долетали даже до далекой Сибири [14]. Так, имеющиеся в Сборнике напевы трехдольного размера Финдейзен считал напевами польского происхождения, песню «Перед нашими широкими воротами» — перелицованной в «темп менуэта из Камаринской», ряд напевов — изложенными в ритмах сицилианы и баркаролы. Лишь песню о взятии Казанского царства, родственную, по мнению Финдейзена, Преображенскому маршу, он считал песней «неиноземного» происхождения.

В 1943—1944 годах В. М. Беляев реставрирует напевы Сборника. Считая их музыкальным кодом для импровизации, он допускает перемещения попевок, согласуя новые конструкции с принципиально неизменяемыми начальными стихами [15]. Это отличает его работу от опыта подтекстовки напева песни «Про гостя Терентища», сделанного Е. Э. Линевой, которая, сохранив напев неизменным, реставрировала стихи.

В 1950-х годах А. Н. Александров обрабатывает для фортепьяно русские народные песни, используя, наряду с позднейшими записями, напевы, реконструированные В. М. Беляевым [16].

В 1960—1970-х годах автор настоящей статьи и В. В. Коргузалов сделали для серии «Памятники русского фольклора» свои реставрации 15-ти напевов Сборника с изменением тактировок соответственно с подтекстованными словами [17].

Попытаемся же дать снова оценку нотных записей в Сборнике, учитывая сделанные наблюдения и практические работы.

---

[14] Н. Ф. Финдейзен. Сборники российских песен XVIII в.—«Известия Академии наук по Отделению русского языка и словесности». Л., 1926, т. XXXI, стр. 296—298.

[15] Возможность ознакомления с рукописью этой работы, находившейся в Кабинете народной музыки Московской Государственной консерватории им. П. И. Чайковского, была мне предоставлена с разрешения автора В. И. Харьковым в 1957 г. Несколько лет спустя вышла в свет книга: В. М. Беляев. Сборник Кирши Данилова. Опыт реконструкции песен. М., 1969.

[16] А. Н. Александров. Соч. 76. Русские народные мелодии для фортепиано. Музгиз, М., 1952, тетрадь первая: № 1 — «Про дурня», № 2 — Былинный напев («О женитьбе князя Владимира»), № 3 — «Про старину» («Благословите братцы про старину сказать»), № 4 — «Про Соловья Будимировича»; тетрадь вторая: № 1 — «Голубиная книга сорока пядень», № 2 — «Там на горах наехали Бухары», № 7 — «Ермак взял Сибирь».

[17] «Исторические песни XIII—XVI веков». Издание подготовили Б. Н. Путилов, Б. М. Добровольский. М.—Л., 1960, нотн. прилож. № 9, 10, 21, 44, 52, 65, 69, 71 (в № 9 и 10 ошибки в подтекстовке); «Исторические песни XVII века». Главная редакция: А. М. Астахова, В. Г. Базанов, Б. Н. Путилов. М.—Л., 1966, нотн. прилож. № 1, 6, 22, 26 и «Исторические песни XVIII века». Издание подготовили В. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов. Л., 1971, нотн. прилож. № 1 и 5 — реставрации В. В. Коргузалова (№ 5 — без учета повторов текста).

Ценность музыкальных записей народных песен XVIII века для нас несомненна, и в особенности ценна запись эпических напевов, тем более что «Сборник Кирши Данилова» является единственным сборником песен XVIII века, имеющим их.

Бесспорно, что нотная графика «Сборника Кирши Данилова» имеет много дефектов (допущенных или лицом, производившим запись, или переписчиками — неизвестно), но при внимательном рассмотрении нот почти все неполадки в записи можно определить и дать их истолкование с достаточной точностью.

Песни «Сборника Кирши Данилова» по интонационной структуре некоторых мелодических оборотов безусловно близки и к городским вариантам крестьянских песен, известных по сборникам Трутовского, Львова-Прача, Рупина и др. Это дает возможность высказать мнение, что напевы в «Сборнике Кирши Данилова» отражают тот круг интонаций, который свойствен большинству народных песен в записях XVIII века. Неверно было бы говорить здесь об изменениях напевов музыкантом, записавшим их; следует считать, что они в той среде, где были записаны, именно так и исполнялись. Этим можно объяснить тот факт, что композиторы первой половины XIX века Кашин, Шпревич, Стахович, в большинстве случаев работавшие на материале песен XVIII века, не сомневались в подлинности напевов «Сборника Кирши Данилова». С появлением в позднейших сборниках записей песен от крестьян разница между публикациями народных мелодий XVIII и XIX веков стала очевидной. И все-таки песни, записанные в XVIII веке в городской среде, вовсе не так далеки от песен, собранных позже среди крестьян. Хотя последние зачастую более сложны по ритмической и мелодической структуре, значительно разнятся по своему характеру, но много в них общего, что роднит и делает их, в сущности, памятниками двух смежных музыкальных культур, выросших на одной почве, во многих случаях взаимопроникающих, воздействующих друг на друга. «Сборник Кирши Данилова» в этом отношении как раз очень характерен. Здесь наряду с песнями, близкими к городской музыкальной культуре XVIII века, имеются такие мелодии, параллели к которым нетрудно найти в ряде фольклорных записей XIX и XX веков. Таковы, например, песня об Усах [18], песни «Щелкан Дудентьевич», «Свиньи хрю, поросята хрю», «Сергей хорош», «Первая поездка Ильи Муромца» и другие. Следует также отметить ряд напевов, оканчивающихся в типичной народной манере на V ступени лада (как например: «Благословите, братцы, старину сказать», «Добрыня купался, змей унес», «Голубиная книга сорока пядень»); наличие в некоторых песнях несимметричного построения, в особенности трехтактового («Михайла Каза-

---

[18] Она вошла в «Сборник русских народных лирических песен» Н. М. Лопатина и В. М. Прокурина (М., 1889, № 57), в обработке для голоса с фортепиано. В записях XIX века известна по сборнику «Крестьянские песни, записанные в селе Николаевке Мензелинского уезда Уфимской губ. Н. Пальчиковым» (М., 1896, № 43). В записях нашего времени: Л. Л. Христиансен. Современное народное песенное творчество Свердловской области. М., 1954, стр. 17—19.

ринов», «По край моря синего стоял Азов-город», «Про Бориса Шереметева» и др.). Не могут вызвать сомнения также и напевы, построенные на трехдольных попевках, что нередко встречается в мелодиях эпических песен русского Севера.

Таким образом, можно сказать, что основу музыкальных записей Сборника следует считать подлинно народной.

Однако нотное изложение мелодий сделано не для голоса, а для скрипки (гудка?). Все напевы написаны в двух тональностях, удобных для игры на этом инструменте (ре мажор и ре минор). В нотах к песне «Волх Всеславьевич» обозначен прием скрипичной игры штрихом марτеле. Теситура вызывает необходимость применения двух верхних струн (ля и ми), вероятно, две нижние струны (соль и ре) использовались в качестве бурдона. Можно также предположить, что падение мелодии на звук «ля», когда он стоит за пределами нижней части звукоряда напева (например в песне «Про атамана польскова»), является результатом использования открытой струны и, может быть, эти звуки в пении звучали выше — на кварту, квинту или сексту.

Значительное интонационное родство напевов Сборника, возможность объединения некоторых из них в группы вариантов (среди которых выделяется наиболее крупная — с напевом, использованным Н. А. Римским-Корсаковым в опере «Садко») позволяют думать, что нотные записи отражают репертуар одного музыканта. Такое явление нередко наблюдается у народных певцов (чаще всего на Севере), когда значительное количество песен, особенно эпических, исполняется на небольшое число традиционных напевов, видоизменяемых в зависимости от строения текста.

Но необходимо отметить одну важную особенность Сборника — значительную локализацию характера музыки по отношению к поэтическому содержанию. Так, например, острыми плясовыми напевами, не имеющими аналогий, снабжены шуточные и сатирические песни «Сергей хорош», «Про дурня», «Свиньи хрю, поросята хрю» и др. Очень близки между собой напевы песен, где осуждаются проступки власть имущих — «Гришка расстрига» и «Князь Роман жену терял». Общий напев ликующе молодецкого характера имеют былины «Про Соловья Будимеровича», «Иван, гостиной сын», «Иван Гаденович», «Чурила Пленкович», «Василей Буслаев молиться ездил»; его более узорчатый вариант дан с былинами «Гардей Блудович» и «Потук Михайла Иванович»; особая мелодическая трансформация того же напева у небылицы «Агафонушка», более далекий вариант — «Высота ли, высота поднебесная». Совершенно логично звучат мелодии типа «Камаринской», сопровождающие скоморошины «Про гостя Терентища», «Кто травника не слыхал» и «у Спаса к обедне звонят» (последние особенно близки друг другу) [19]. Характерно помещение рядом двух песен

[19] В этих двух мелодиях ритмическое повторение верхнего звука видимо является инструментальным вступлением — отыгрышем. Такие же «ритурнели» можно подозревать и в других напевах. Отсюда возникает вопрос, не исполнялись ли песни со скрипкой, дублирующей голос, и с прибавлением в некоторых напевах, после каждой строфы или тирады, отыгрыша, как это существует у исполнителей эпиче-

военного содержания «Под Ригою стоял царь государь» и «Поход Селенгинским казакам» с одним маршевым напевом. Таких примеров много.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют мажорные и минорные (редакции) одного напева. Они помещены с песнями на сюжеты XVII века: «Светел радошен царь Алексей Михайлович», «Во сибирской украине во Доурской стороне» (мажорные), «Когда было молодцу пора, время великая» и «Про атамана польскова» (минорные). Пятидольный вариант последних был найден в рукописном сборнике первой половины XVIII века с текстом песни о попе Емеле (сюжет XVII века)[20]. Все указанные «совпадения» убеждают нас, что нотные записи в «Сборнике Кирши Данилова» безусловно принадлежат помещенным под ними текстам.

При общем подсчете вариантов оказывается: Сборник содержит 51 оригинальный напев, 38 — без повторений, 12 — имеют по два текста каждый и 1 («основной») дан с 9-ю текстами.

Неоднократное появление «основного» напева представляется неслучайным. Он делит материал на шесть частей. I часть из семи мелодий в одной тональности (ре мажор), последняя — плясовой напев-формула. Содержание поэтических текстов как бы предопределяет тематику остальных частей — былины, исторические и шуточные песни. II часть — 8 записей. Из них 5 былин с напевами в той же тональности, перед последней, имеющей окончание плясового характера, помещены 3 трехдольных напева в ре миноре (исторические песни). III часть, как и первая, имеет 7 мелодий в ре мажоре. Первые 4 записи — варианты основного напева, поэтические тексты — былины. IV часть — 4 былины, напевы также в ре мажоре. Заключительная фраза последней записи близка напеву, который заканчивает III часть. V часть самая обширная — 31 напев. Здесь сосредоточено все ритмическое и мелодическое разнообразие музыкальных записей. Именно здесь мы находим основную массу трехдольных напевов, мелодий минорного наклонения. Начинается эта часть небылицей и былиной, далее песни даны группами: исторические (7), лирические (5), снова исторические (6), потом, после шуточной, эпическая группа — 4 былины и баллада, лирическая песня, две исторические, лиро-эпическая, пасторально-эротическая, антиклерикальная (плясового характера). VI часть — 11 мелодий, подобно первой и третьей частям в тональности ре мажор. Кроме первой записи — былины (на основной напев) и третьей — стиха о голубиной книге, плясовые напевы с шуточными, в значительной части «глумливыми», порой совершенно непристойными текстами.

ских песен в Югославии, при сопровождении их на гусле, или у русских певцов, аккомпанировавших на колесной лире пению духовных стихов.

[20] См. «Исторические песни XVII века», нотн. прилож. №№ 13 и 13а — фото трехголосной партитуры и расшифровка ее В. В. Коргузаловым. Следует отметить, что сличение записей подтверждает нашу догадку об использовании третьей открытой струны при создании скрипичных редакций напевов в сборнике Кирши Данилова.

Такая хотя и сложная, но достаточно определенная, композиция нарушается появлением после нее трех последних записей — былины и двух исторических песен, которые могли быть пропущены и добавлены после завершения переписки.

Можно полагать, что расположение песен в виде своего рода цепи маленьких сюит было достаточно характерно для музыкальной культуры XVIII века. Такая манера наблюдается в сборнике В. Ф. Трутовского, опубликованном в конце 1770-х годов, то есть за несколько лет до создания последней копии рукописи «Сборника Кирши Данилова». В упомянутой публикации легко обнаруживаются группы песен в одинаковых, одноименных или параллельных тональностях, внутри «тональных сообществ», весьма условных, соблюдается контрастное сопоставление темпов. Однако жанрового или тематического объединения песенных текстов здесь нет [21].

Все записи напевов в «Сборнике Кирши Данилова» сделаны одним лицом (в пользу этого говорят наши наблюдения, приведенные выше), но переписывались ноты малограмотными писцами-графиками: музыкально грамотные писцы, так же как и совсем не знающие нот и потому просто срисовывающие их, неточностей, типичных для данной рукописи (ошибки в расположении знаков на нотоносце, пропуски тактовых черт), не допустили бы. Очевидно, нотописцев, судя по манере начертания скрипичного ключа, было три. Первым почерком написано большинство нот, ключ строгого, простого начертания. Вторым — 11 напевов, сначала чередуясь с первым, на листах 9, 30 об., 40, потом группой — листы 51, 53 об., 57 об., вновь — 66 об., 68 об., и снова чередуясь с первым — листы 70 об., 71 об., 72 об. Ключ наклонен вправо, имеет крупный средний виток, нижний — нередко заканчивается росчерком, нотный стан в ряде случаев обрамлен фестонами. Третьим почерком, несомненно принадлежащим профессионалу-музыканту, написаны три последних напева на листах 100—101 об. Ключ имеет форму, характерную для начала и середины XVIII века, но почти вышедшую из употребления в конце его. Следует также отметить выставленные при ключе два фа диеза, что встречается и в музыкальной грамматике Н. Дилецкого, позднейшая копия которой (львовская рукопись) была сделана в Петербурге 1720-х годов [22].

Наличие нотной записи в рукописи «Никите Романовичу дано село Преображенское», присланной Ф. И. Миллеру, совпадающей с публикуемой рукописью Сборника, а также форма скрипичного ключа в последних песнях, дают основание предполагать существование оригинала середины или начала XVIII века. Переписка нот в 1780-х годах велась не каллиграфически, а скорописью, и, возможно, в ходе переписки шло редактирование записей, с которым писец (видимо первый) не справился, быть

---

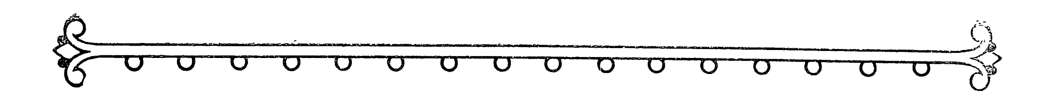
[21] См. В. Трутовский. Собрание русских простых песен с нотами. Под редакцией и с вступительной статьей В. Беляева. М., 1953.

[22] Микола Дилецкий. Граматика музикальна. Фотокопия рукопису 1723 року. Київ, 1970. См., например, лист IX, строка 6.

может из-за спешки в работе, так как в некоторых случаях тактировка просто пропущена.

В заключение следует добавить, что недавно обнаруженная звукозапись былины из Амурской области интонационно и структурно оказалась весьма близкой многим напевам Сборника [23]. Эта близость и сходство с былинами «скоморошьего напева» (терминология А. Л. Маслова), которые довольно часто встречаются на Пинеге, может быть, говорит о существовавшей некогда особой манере исполнения былин, до сих пор еще не подтвержденной достаточным количеством образцов, а возможно уже и утраченной. Тем ценнее для нас нотные записи Сборника.

[23] Фонограммархив ИРЛИ АН СССР, фонограмма 2158, запись М. К. Азадовского в 1914 г. от А. А. Ушакова, ст. Екатерино-Никольская Амурской обл.: Зачин — «Как у князя у Владимира» (текст слышен плохо, условно сюжет определен нами как былина об Иване Гостином сыне).



РУКОПИСЬ «СБОРНИКА КИРШИ ДАНИЛОВА» И НЕКОТОРЫЕ ЕЕ ОСОБЕННОСТИ

Подробное и тщательное описание рукописи было сделано П. Н. Шеффером в издании 1901 года. Это издание принадлежит к числу лучших публикаций старых текстов. Оно сделано без ошибок, «буква в букву, знак в знак», как заявляет редактор во вступительной статье [1]. Напомним, что представляет собой рукопись, обстоятельно описанная П. Н. Шеффером. Она написана на 101 листе (точнее, полулисте) и переплетена в папку уже в XIX веке: характер переплета и бумага, которой оклеены крышки переплета, относятся к XIX веку; на бумаге буквы «УФ» и цифры «1 8»; бумага на переплете отличается от той, на которой написана вся рукопись. Последний лист самой рукописи потерт и загрязнен, что тоже говорит о том, что первоначально рукопись была без переплета. 1-й лист рукописи значительно чище последнего листа. Это объясняется тем, что, по свидетельству первого издателя — А. Ф. Якубовича, Сборник в начале имел еще один лист, на котором «было поставлено» имя «Кирша Данилов». Полулисты, на которых написана рукопись, при переплете обрезаны, и размер их 37,7 × 22,7 см. Бумага, на которой написана рукопись, имеет на многих листах (1—8, 18, 20, 21, 23, 41—50, 53, 54, 57, 60—63, 65—95, 97—100) следующие водяные знаки: на середине одной половины листа — медведь с секирой на плече, на середине другой — буквы «ЯМСЯ», а в верхней части листа — цифры «17 80» или «17 81».

На листах 51, 52, 55, 56, 59, 64, 96, 101 — медведь и буквы «ЯМСЯ», а цифр нет или их нельзя разобрать. Но эти листы, точнее — полулисты, составляют одно целое с полулистами 54, 53, 50, 49, 62, 57, 91, на которых есть цифры. По определению Н. П. Лихачева, это — бумага 80-х годов XVIII века, на что указывают и цифры: 1780 и 1781.

Листы 9—17, 19, 22, 24—40 имеют другие водяные знаки: на середине одной половины листа буквы «РФ», на середине другой — буквы «СЯ». Бумагу с этой филигранью Н. П. Лихачев также отнес

---

[1] «Сборник Кирши Данилова. Издание Императорской Публичной библиотеки под редакциею П. Н. Шеффера». СПб., 1901, стр. XXXIX; палеографическое описание рукописи дано на стр. XLII—XLV.

к 80-м годам XVIII века на основании написанного на такой бумаге документа 1782 года [2]. Однако в вышедшей в 1961-м году работе С. А. Клепикова «Филиграни и штемпели на русской и иностранной бумаге конца XVII—XIX вв.» имеется существенное уточнение к датировке бумаги с филигранью «РФСЯ». Автору удалось установить (на основании печатных указов), что бумага с этой филигранью выпускалась Ярославской бумажной фабрикой Саввы Яковлева до 1765 года, когда фабрика называлась «Рольная фабрика Саввы Яковлева» (филигрань «РФСЯ») [3]. В 1765 году она была переименована в «Ярославскую мануфактуру Саввы Яковлева», что нашло отражение в филиграни «ЯМСЯ».

Таким образом, «Сборник Кирши Данилова» написан на бумаге 60-х и 80-х годов XVIII столетия (28 листов с филигранью «РФСЯ» и 73 листа с филигранью «ЯМСЯ»).

Несомненно, время выпуска бумаги и время ее употребления в дело связаны между собой, но связь эта не непосредственная, и разрыв в 20 лет между выпуском бумаги и ее употреблением возможен, о чем свидетельствует «Сборник Кирши Данилова», а также тот документ 1782 года на бумаге с филигранью «РФСЯ», который послужил Н. П. Лихачеву для ее датировки.

Само размещение бумаги в Сборнике говорит об одновременном и одинаковом употреблении как бумаги 80-х, так и бумаги 60-х годов: бумага 60-х годов находится в первой половине Сборника, но не в его начале, она начинается 9-м листом и, перемежаясь с бумагой 80-х годов, кончается на 40-м листе; с 41-го листа до конца идет бумага 80-х годов.

Рукопись написана несколькими почерками. П. Н. Шеффер пишет: «Почерков в рукописи несколько, но не всегда можно уверенно сказать, где кончается один, где начинается другой. Наше личное впечатление, что почерков в рукописи пять» [4].

При внимательном всматривании в почерк довольно легко обнаружить смену пишущего, что и дало возможность П. Н. Шефферу установить наличие 5 почерков [5]. Обозначим их цифрами — 1, 2, 3, 4, 5, в порядке появления их на страницах рукописи [6].

В самом выполнении рукописи имеется несколько своеобразных особенностей. Не приходится сомневаться в том, что это копия. Можно сказать больше: это копия, сделанная со Сборника, а не копия с от-

---

[2] Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Части I и III, знак № 3592.

[3] С. А. Клепиков. Филиграни и штемпели на русской и иностранной бумаге конца XVII—XIX вв. Всесоюзная книжная палата. М., 1961, Филигрань № 535.

[4] «Сборник Кирши Данилова», 1901, стр. XLIII.

[5] П. Н. Шеффер обращает внимание на то, что листы 64—72 несколько отличаются от предшествующих и последующих, но отличие это не в рисунке, не в написании букв, а в более беглой манере письма, поэтому он приходит к справедливому выводу, что это один и тот же почерк («Сборник Кирши Данилова», 1901, стр. XLIV, прим. 3).

[6] П. Н. Шеффер обозначает почерки буквами: А — 1-й почерк, Б — 2-й, В — 4-й, Г — 5-й, Д — 3-й почерк («Сборник Кирши Данилова», 1901, стр. XLIII—XLIV).

Образец 1-го почерка. Л. 18.

дельных разрозненных записей. Убеждают в этом следующие особенности рукописи.

1. Пять почерков, имеющихся в ней, чередуются не по произведениям, т. е. рукопись не имеет ничего общего с теми старинными сборниками, где почерки обычно сменяются со сменой тетради или произведения.

2. Почерки не располагаются последовательно, а чередуются, причем весьма неравномерно. Так, 1-м почерком написаны первые 8 листов, но на л. 7 несколько строк написано 2-м почерком; на л. 8 появляется 3-й почерк, которым тоже написано всего несколько строк, а с л. 9 начинается 4-й почерк, и, наконец, на л. 25 появляется 5-й почерк, которым написаны 3 строки. Таким образом, уже на первых 25 листах «попробовали» себя все те, кто переписал Сборник.

В самой рукописи нет никаких данных для объяснения чередования переписчиков; смена почерка часто происходит посередине листа, даже

посредине фразы; следовательно, рукопись переходит из одних рук в другие, чтобы опять вернуться в те же руки. Почти вся работа по переписке Сборника выполнена тремя почерками: первым почерком написаны 59 листов (118 страниц), то есть больше половины рукописи, третьим — 20 листов (39 страниц) и четвертым — 22 листа (44 страницы).

Пятым почерком написана одна страница (полностью) и 56 строк на разных страницах Сборника, а также заглавия всех произведений, вошедших в Сборник. Вторым почерком написаны всего 8 строк.

Почерки располагаются в рукописи неравномерно, они не только сменяют, но и перебивают друг друга.

Первый почерк начинает рукопись, им написаны листы 1—8 об., а далее он уступает место четвертому почерку, но трижды вклинивается в него, заполняя листы 18—18 об., 20—21 об., 23—23 об. С середины 35-го листа, сменив на нем четвертый почерк, первый располагается на 47 листах (лл. 35—81 об.).

На листах, написанных первым почерком, есть строки, написанные и другими почерками. Восемь строк на л. 7 об. написаны вторым почерком. По нескольку строк на листах 8, 50, 64 написано третьим почерком, и также по нескольку строк на листах 39 об., 45 об., 49 об. и 58 написано пятым почерком.

С 9-го листа вступает в рукопись четвертый почерк, которым написаны листы 9—17 об., 19—19 об., 22—22 об., 24—34 об. и часть 35-го листа. Четвертый почерк трижды перебивается первым почерком (см. выше), который далее сменяет его на 35-м листе. На листах 25 и 25 об. четвертого почерка по несколько строк написано пятым почерком.

Листы, заполненные четвертым почерком, имеют филигрань «РФСЯ». Это — бумага 60-х годов XVIII века. На бумаге 80-х годов четвертый почерк не встречается в рукописи. Листы же, заполненные первым почерком, которые вклиниваются в ту часть рукописи, которая переписывалась четвертым почерком, имеют филигрань «ЯМСЯ» и цифры 1780. Это — бумага 80-х годов.

В 1963 году в рукописном собрании ГБЛ были обнаружены два рукописных листа, которые оказались идентичными листам 18—18 об. и 23—23 об. нашей рукописи [7]. Эти листы также написаны четвертым почерком на бумаге с филигранью «РФСЯ». Нет сомнения в том, что найденные Е. И. Дергачевой-Скоп листы первоначально занимали свое место в той части, которую переписал писец с четвертым почерком. В дальнейшем, вероятно, при передаче рукописи первому писцу для продолжения работы по копированию оказалось, что некоторые из листов четвертого почерка в чем-то не отвечают требованиям. Поэтому они и были заменены листами, которые заново переписал писец с первым почерком. Основанием для этого послужило как то, что на л. 23 об. писец с четвертым почерком оставил слишком мало места между произведениями для заглавия и нот-

[7] Е. И. Дергачева-Скоп. Новонайденные листы Сборника Кирши Данилова. См. в книге: «ТОДРЛ XXI». М.—Л., 1965, стр. 362—372.

Образец 2-го почерка. Л. 7 об.

ных строк, так и то, что его почерк менее строен, менее выработан, чем другие. Вероятно, писец был менее опытен, поэтому он не достаточно равномерно располагает строки на страницах рукописи, количество знаков в строках сильно колеблется. На листах, найденных в ГБЛ, на л. 18 помещены 44 строки, а на л. 18 об. — 39 строк (колебание в 5 строк на странице). Переписывая эти листы, писец с первым почерком размещает строки на страницах более равномерно (на л. 18 — 38 строк, на л. 18 об. — 40 строк), при этом несколько выравнивает строки по количеству знаков, вмещая тот же текст в 78 строк (на 5 строк меньше, чем в четвертом почерке, у которого на этих двух страницах 83 строки).

Третий почерк заканчивает рукопись, им написаны листы 82—101 об., кроме листа 88 об., который написан пятым почерком. Последние страницы рукописи написаны более бегло и менее тщательно.

3. Нотные строки и названия произведений вписывались после того, как рукопись была закончена, так как все заглавия произведений написаны одним почерком. Это, по всей вероятности, пятый почерк. О том, что дело обстояло именно так, свидетельствуют и новонайденные листы из Сборника, которые подверглись замене до того, как в них были вписаны нотные строки и заглавие. Однако мы вправе утверждать, что и нотные строки, и названия произведений б ы л и уже в той рукописи, с которой делалась наша копия «Сборника Кирши Данилова», потому что отправленная П. А. Демидовым Г. Ф. Миллеру копия исторической песни о Грозном содержит не только тот же самый текст, что и в Сборнике, но и те же две нотные строки.

Нотные строки вписывались в нашу рукопись двумя лицами: об этом говорит разная манера обозначения ключей и отчасти расположения нотных знаков.

4. Необходимо обратить внимание и на самый характер почерков. П. Н. Шеффер замечает, что иногда трудно установить, «где кончается один, где начинается другой». Объясняется это стремлением самих пишущих создать большее единообразие письма. Нарочитое стремление к единообразию сказывается там, где происходит смена почерков. Проявляется

оно также и в том, что писцы стараются сохранять более или менее равное количество строк на странице, «Сборник Кирши Данилова» переписывается ими как книга. Более похожи между собой почерки 1-й и 4-й (с наклоном), 3-й и 5-й (прямые). 2-й почерк, которым написаны несколько строк на л. 7 об., при всем старании писавшего сохранить рисунок 1-го почерка, резко от него отличается и выделяется среди других почерков своей простотой, грубоватой индивидуальностью, неумением соблюдать прямую линию в строке, что, вероятно, и послужило основанием для исключения его автора из числа писавших.

Кто же были те, кто копировал Сборник?

«Писарской» характер почерков был уже отмечен П. Н. Шеффером [8]. Он сказался не только в самом рисунке букв, но и в употреблении тех или иных букв, а также и в некотором сходстве почерков. Это может служить одним из частных подтверждений предположения, что Сборник переписан по заказу Демидова на одном из его горных заводов [9]. Но если даже эта копия и была выполнена в какой-то канцелярии, она выполнялась небольшой группой писцов, знавших текст рукописи, работавших вместе и очень согласованно. Об этом свидетельствует расположение почерков на страницах рукописи: передавать рукопись в руки другого писца, чтобы он написал несколько строк (от 8 до 20) и опять вернул, возможно лишь при совместной работе. Очень интересен в этом отношении пятый почерк, которым написаны 12 строк на двух листах четвертого почерка (бумага 60-х годов), 44 строки на четырех листах первого почерка (один лист — бумага 60-х годов и три листа — бумага 80-х годов) и одна страница на листах третьего почерка. При небольшом количестве написанного этим почерком его расположение в рукописи показывает со всей отчетливостью, как тесно связаны и как согласованно работают писцы. Вероятно, один из них руководил работой. Может быть, это был писец с первым почерком, начавший рукопись и следивший за работой по переписке (именно он заменяет неудавшиеся четвертому почерку листы), кроме того, им переписано больше половины рукописи.

Наличие 5 почерков в Сборнике дает основание для суждения о степени точности воспроизведения оригинала рукописи. Трудно представить себе, чтобы в случае более или менее свободного отношения к копируемому тексту не проявились индивидуальные языковые особенности писцов. Рукопись же представляет собой ц е л о е в отношении языковых особенностей с очень незначительными чертами различия, преимущественно графического и орфографического характера, на страницах, написанных разными почерками. Различия выражаются в том, например, что один из писцов (1-й почерк) употреблял значок краткости над *и* (правда, не всегда), другой (4-й почерк) писал ȣ, тогда как все остальные писали *у*, следующий (3-й почерк) чаще пользуется выносными буквами, следующий (очевидно, более грамотный, 5-й почерк) иногда отступает от обычного

[8] «Сборник Кирши Данилова», 1901, стр. XLIII.

[9] «История русской словесности А. Галахова», т. I. СПб., 1880, стр. 28.

в Сборнике написания глагольного окончания *-тца* и пишет *-тся*, вставляет ь в середине слова как знак мягкости, и т. д. и т. п. Собственно языковые различия, имеющиеся в Сборнике, не совпадают с почерками.

Для Сборника характерны следующие языковые особенности:

1) проявление аканья: а) в заменах неударяемого *о* через *а* в предударном и заударном положениях: *акиян*, *ане* 20 об., *дабычи* 88, *аплеталися* 28 об., *асержается*, *изашолъ* 94, *апричь* 16, *розарить* (раззорить) 9 об., *полтара* 15, *стрелакъ* 5 об., *четвера* 6 об., *шутачка* 19 об., *боемта смертныемъ* 21 об., *лебедушкай*, *утачакъ* 45; б) в замене *а* через *о*: *Строгонова* 94 об., *вытощилъ* 59, *бархотомъ*, *схвотилъ* 103 и т. п.;

2) мена *е* и *а* (*я*) в безударном положении: *на пету*, *есёнъ соколъ*, *десеть*, *кнегинею*; *рештя*, *идемтя* и т. д.;

3) мена *е* и *и*; *веслаухихъ*, *вежлевыя* и т. п.

В характере написаний также можно отметить ряд общих особенностей:

1) глагольное окончание *-тца*;

2) отсутствие ь для обозначения мягкости в середине слова: *болна*, *малехонко*, *стеколчетое* (и обязательное наличие как знака разделительного);

3) чрезвычайно редкое употребление *ѣ* и всегда в том случае, когда рядом два звука *е* или рядом с *е* другой гласный: *нѣе* (нее), *Афромѣевича*, *Афромѣя*, *Тимофѣявне*, *еѣ*;

4) окончание родительного падежа мужского и среднего рода прилагательных *-ова*; в окончаниях именительного падежа мужского рода *-ой*: *старои*, *киевскои* и т. д.

Отсутствие различий, связанных со сменой почерков, дает возможность предполагать, что копия сделана довольно точно, поэтому на основании ее можно судить об оригинале, с которого она сделана.

Чрезвычайно интересно, например, сопоставление текстов песни «Никите Романовичу дано село Преображенское» в нашей рукописи и в письме Прокофия Акинфиевича Демидова к Миллеру от 22 сентября 1768 года. Песня в этом письме несомненно списана с того же текста, с которого делалась копия Сборника. В этом убеждает не только полное совпадение обоих текстов, но и такие написания, как «летнѣетъ день в половина дня», «богатествомъ», «за те живы мосты калиновы» (обычное сочетание для ряда произведений в Сборнике), «неседленова», «во полу путя не дошед»; написания «хватаесся», «подависся», «борабаны» и т. д. Общими для обоих текстов песни являются и перечисленные выше особенности языка произведений Сборника. То небольшое количество отличий копии песни, сделанной для Миллера, от текста песни в Сборнике касается изредка произношения, в большей степени самого характера письма. Разночтения, опирающиеся на иное произношение, представлены следующими написаниями [10]: *безделицай* М, *безделицой* Сб.; *моладой* М, *молодой*

[10] М—копия в письме Демидова Миллеру, Сб.—текст издаваемой здесь рукописи Сборника.

Образец 3-го почерка. Л. 96.

Сб.; *замаралъ* М, *заморалъ* Сб.; *неузданова* М, *неуздонова* Сб.; *скрычалъ* М, *скричалъ* Сб. и т. д.

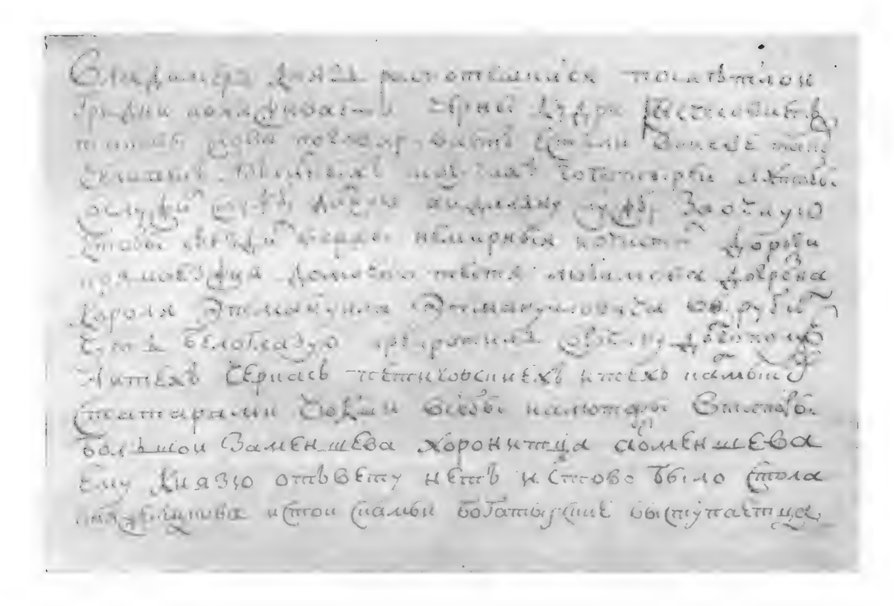
Миллеровская копия, сделанная на 14—16 лет раньше нашего Сборника, характеризуется более архаическим письмом: в ней почти всегда употребляется ȣ, а в текстах Сборника мы находим ȣ лишь в 4-м почерке; в Миллеровской копии выносные буквы — система, в Сборнике — они чрезвычайно редки; в Миллеровском тексте встречается написание *ѿветъ*,

Образец 4-го почерка. Л. 19.

начальное *и* передается через *Ї — Їз* (предлог): *Їванъ Васильевич*, *Їс* и т. д. Интересно отметить, что именно так пишутся эти предлоги и имя *Їван Васильевич* в Сборнике в других текстах.

Отдельные и немногие разночтения не меняют картины и подтверждают, что копия, сделанная в 1780-е годы, довольно точно воспроизводит оригинал, скопированный для Миллера в 1768 году, а поэтому дает достаточно надежный материал для суждения о нем.

В состав Сборника вошли произведения разных жанров, созданные в разные, иногда далеко отстоящие один от другого исторические периоды, притом в разных областях нашей страны. Эти произведения могли собираться в разное время и в разных местах, но они могли сосуществовать и в народно-поэтическом репертуаре определенной местности и быть записанными любителем народной поэзии, возможно, и самим исполнителем. Цельность всего комплекса памятников, составляющих Сборник, подчеркивается единством их языковой системы. Несмотря на яркие



Образец 5-го почерка. Л. 39 об.

диалектные особенности этой системы, она обнаруживает гораздо бо́льшую близость к литературным нормам XVIII века, чем язык фольклорных записей XIX—XX веков. Эта близость проявляется в следующих характерных чертах языка всего Сборника:

1) в большом количестве сложно-подчиненных предложений, присоединяемых к главному при помощи союзов «что», «чтобы», «потому», «который», соотносительных «того», «кого», «то», «что» («и ужасаетца Владимеръ князь, что в теремах хорошо изукрашено», «не тем узда дорога, что вся узда золота», «у которова дитя нет, у того жену возмет», «то-то честь в Москве, что русак тешится», «которова возмет он за руку, ис плеча тому руку выдернет», «делали болшия коломенки, чтобы можно им со всем убратися» и т. д.);

2) в употреблении деепричастий и деепричастных оборотов, а также творительного падежа множественного числа существительных на *-ами*;

3) в богатстве лексики, с одной стороны, вошедшей в язык в XVI—конце XVII века (*флот*, *губернатор*, *солдаты новобраные*, *маэор*, *мыза*, *немецкая подзорная труба*, *репортует*, *Шлюшенбурх*, *лагирь*, *гвардия*, *генерал)*, с другой — книжной («отпевавши надлежащее погребение, бело тело ево погребли», «душа рождена» и т. д. и т. п.), причем все эти выражения не разрушают стиха, а органически входят в него.

Эти особенности в некоторых произведениях Сборника выступают особенно резко (в исторических песнях, а также в некоторых былинах),

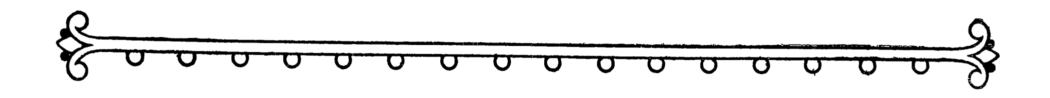
в других их меньше, и очень незначительное количество произведений (главным образом лирические песни и скоморошины) свободно от них.

Однако существующие попытки приурочить составление Сборника на основании его языка к вполне определенной местности на территории западносибирских или уральских говоров не могут быть признаны до конца убедительными, так как современные говоры продолжали складываться на протяжении всего XVIII века, пока шло заселение этих районов. На их основании нельзя дать точно обоснованную классификацию, притом изображающую состояние этих говоров в середине XVIII века, когда сложился оригинал Сборника, а затем была сделана с него копия, связываемая с Киршей Даниловым. Предположение П. С. Богословского [11] о том, что Сборник возник в Пермском крае, не подкреплено достаточно основательно теми немногими примерами чердынско-пермской лексики, которые он приводит (*гузно*, *кадь*, *холодenуша*), и той характеристикой фонетических, морфологических и лексических особенностей, какую он дает языку Сборника, — в этой характеристике многие черты диалекта Сборника сглажены. Следует учесть при этом, что проявление диалектных особенностей в Сборнике, при всей их яркости, настолько обще, что они не могут дать убедительного материала для слишком узкого определения места составления Сборника.

Вместе с тем диалект Сборника и не настолько лишен более или менее ограниченно распространенных черт, чтобы территорию, откуда он мог выйти, определять излишне широко, например от Урала до Колымы, как это предлагает Е. Ф. Будде [12].

[11] П. С. Богословский. Песня об Усах из Сборника Кирши Данилова и Камская вольница. Опыт анализа и локализации текста. «Пермский краеведческий сборник», вып. IV. Пермь, 1928, стр. 1—117.

[12] Е. Ф. Будде. Сборник Кирши Данилова. Рецензия. ЖМНП, 1902, апрель, стр. 502—521.



КОММЕНТАРИЙ

При подготовке текстов Сборника (стр. 9—291) к печати были поставлены три задачи: 1) возможно более облегчить восприятие текстов, данных в Сборнике без разделения на стихи, без знаков препинания, со слитным написанием служебных слов (предлогов, союзов, частиц) с другими словами и т. п.; 2) представить тексты так, чтобы их поэтическая, стиховая структура выступила с наибольшей ясностью; 3) но при этом с наибольшей точностью сохранить особенности записей, сделанных настоящим знатоком устной поэзии, чтобы дать материал для характеристики задач, которые он себе ставил, а также сохранить живой звуковой «облик» произведений, закрепленный собирателем на бумаге.

Поэтому изменения, вносимые в текст, касаются внешней, формальной стороны: расположения строк, графики и лишь отчасти орфографии.

1. Текст дается с разделением на стихи, но не делается никаких попыток восстановить опущенные при записывании элементы или части отдельных стихов. В тех случаях, когда собиратель передает стихи с некоторыми сокращениями, но костяк, остов каждого стиха ясен, такие стихи сохраняются, и лишь когда стих совсем разрушен, соответствующие части набираются как прозаический текст.

2. Вводится современная пунктуация.

3. Вводится современная графика: *і*, *ј* заменяются на *и*, ѣ — на *е*, ѡ — на *о*, ȣ — на *у*, ѯ — на *кс*, ѵ — на *и*.

4. Выносные буквы пишутся в строку.

5. Предлоги, частицы, союзы, написанные в рукописи слитно с другими словами, пишутся раздельно в соответствии с современным написанием.

6. Имена собственные пишутся с прописной буквы.

7. Вводится современная орфография в тех случаях, когда она не затрагивает фонетику или морфологию, причем введение тех или иных элементов современной орфографии производится с учетом принципов, которыми руководствовался собиратель текстов.

Ознакомление с характером записей показывает, что составитель Сборника не просто был грамотным человеком, который хорошо записал устные произведения, но сделал это, руководствуясь определенными задачами.

Общая особенность текстов Сборника заключается в фонетическом характере записи. Это связывает ее с традициями приказной, деловой и обиходной письменности XVII—первой половины XVIII века, которая довольно широко и свободно передавала живое произношение, живые употребительные формы, чем отличалась от церковно-книжной и «высокой» письменности, продолжавшей сохранять традиционное написание, традиционные, давно устаревшие формы. Но не только этим объясняется фонетический характер записей. Следует предположить, что одной из идей собирателя была возможно более точная передача исполняемого произведения, так как «звучание», произносительные особенности он соблюдал тщательно, передавая даже диалектные черты речи исполнителей. Едва ли можно видеть в этом постановку каких-либо филологических задач, причина заключается в особо бережном отношении

знатока и ценителя устных произведений, для которого все детали представляются важными и существенными.

Книжная орфография, расходящаяся с живым произношением, встречается в виде отдельных, редких отступлений. Так, например, собиратель (а за ним и те лица, которые сделали копию с его записей) последовательно пишет в родительном и винительном падежах единственного числа прилагательных мужского рода *-ова*, *-ева* (*булатнова*, *могучева*), в соответствии с живым произношением, и лишь изредка («ошибаясь») дает *-аго*.

Последовательно отражается в записях оглушение звонких звуков в определенных положениях (в конце слов, перед глухими согласными); например: *веть* (ведь), *заклат* (заклад), *тритцать*, *дватцать*, *ис Киева*, *вештво* (вежство), *денешка*. Так же последовательно передается озвончение глухих перед звонкими согласными; например: *збежал*, *зграбился*, *плодбище* (плотбище).

Особенности произношения шипящих (их твердость и мягкость, а также долгота) находят свое отражение в записях. Например, твердое произношение шипящего в суффиксе *-ищ-* передается посредством двойного *-ш-* и последующего гласного: *Терентишша*, *недужишша*, *побоишша* (иногда дается одно *-ш-*), только в единичных случаях собиратель пишет *-щ-* (например: Игренища), очевидно, сбиваясь на книжную орфографию.

Мягкость звука *ч* отражается в написании ь после конечного *ч* (*Буслаевичь*, *Будимеровичь* и т. д.), в написании *ю* после *ч* (во всех случаях): *Чюрила*, *чють* (чудь) и *чють* (чуть), *земчюжинка* и т. п.

Окончания неопределенной формы глаголов на *-ся*, а также 3-го лица единственного и множественного числа настоящего времени собиратель дает в виде *-тца*, при редком отступлении к написанию *-тся* (*боротца*, *подвигаетца*, *потешаютца* и т. д.); передает мягкое произношение окончания 2-го лица единственного числа и ассимиляцию согласных в нем (*боресся*, *упиваесся*, *насмехаеся* и т. д.).

Записывая произведения, собиратель передавал живое произношение, реальное звучание, отражая не только особенности, присущие русскому языку в целом, но и черты, свойственные тому диалекту, в области которого он делал свои записи (который, возможно, был также и его диалектом). Поэтому при подготовке текстов в настоящем издании внесены лишь такие изменения, которые совершенно не затрагивают диалектных особенностей и не отражаются на живом произношении. В основном это изменения, имеющие чисто орфографический характер. Они заключаются в следующем.

1. Устранен ъ на концах слов, а также в тех случаях, когда он не является разделительным знаком, а использовался собирателем для обозначения большего напряжения и большей силы затвора при произнесении смычных звуков (написания рукописи *итъти*, *бутъто* передаются как *идти*, *будто*).

2. Знак ь, в соответствии со старой традицией редко употребляемый в рукописи в середине слова (мягкость часто обозначается паерком), в особенности после плавных, дается согласно современному употреблению его.

3. Восстанавливается «морфологическое» написание глухих и звонких согласных, так как фонетическая их передача в рукописи свидетельствует о том, что особенности их произношения ничем не отличаются от современного произношения.

4. Написание *з* в приставках *раз-*, *воз-* подчиняется современной орфографии.

5. Глагольные окончания даются в современной орфографии (*-тся*, *-ться*, вместо *-тца*; *-шься* вместо *-сся*, *-ся*).

6. Начальное *е* в словах *это*, *этот* заменяется на *э*, так как собиратель сам дает то *е*, то *э*.

7. Слово «*что*», встречающееся с написанием *што*, дается всюду с *ч*.

8. Написания прилагательных с основой на зубной (*д*, *т*) и суффиксом *-ск-* (например, *новгородский*, *посадский*, *якутский*), в рукописи даваемые с аффрикатой *ц* (*новгороцкий*, *посацкий*, *якуцкий*), приведены в соответствие с современной орфографией.

9. Восстанавливаются опущенные (в соответствии с произношением) согласные в словах со стечением нескольких согласных (например, *сонцо*, *серце*, *поеска*); вос-

станавливается второй согласный в суффиксах и приставках, если он опущен в рукописи (*руской*, *росматривает*).

Как видно из перечисленных выше изменений, внесенных в тексты, они не затрагивают ни фонетических, ни морфологических особенностей произведений.

Сохраняются без изменения все фонетические диалектизмы, которые нашли отражение в записях: многие случаи аканья, отдельные случаи еканья и иканья, случаи стяжения гласных в глагольных окончаниях (*отламыват* вместо *отламывает*, *откладыват* вместо *откладывает* и т. п.) и многое другое. Но так как собиратель не всегда был последовательным в передаче фонетических особенностей, а сбивался иногда на принятую орфографию, то одно и то же слово (или одинаковое положение звуков в разных словах) он давал различно (*Масква* и *Москва*, *асударь* и *осударь*, *опазорела* и *опозорила* и т. д.).

Сохраняются без изменения и все морфологические особенности, например окончания прилагательных мужского рода в именительном и винительном падежах единственного числа *-ой*, *-ей* и *-ыя* для именительного падежа множественного числа всех родов (*старой*, *синей*, *малыя* и т. п.).

Сохранение без изменения в особенности последней формы весьма существенно для былинного стиха, в котором прилагательное часто стоит в конце.

Местоимение 3-го лица множественного числа сохраняется в форме *оне*, как оно последовательно дается в рукописи, очевидно, в соответствии с живым произношением его.

Сохраняются окончания дательного падежа *-и*, *-ы* существительных с основой на *а* мужского и женского рода (*Дабрыни*, *щаски*, *поехал по Смородины-реки* и т. д.), родительного и винительного падежей личных местоимений в форме *мене*, *тебе*.

Оставлены без изменения синтаксические особенности, например именительный падеж прямого дополнения существительных женского рода при неопределенной форме глагола (*а и как нам будет стена пройти*), а также некоторые отдельные архаизмы, например, раздельное склонение наименования чисел (*я похвалюсь на трӣ ста̄ жеребцов и на три жеребца похваленые*).

Для облегчения сопоставлений обработанного текста с точной копией рукописи, приводимой вслед за ним, в обработанном тексте сделаны указания на листы рукописи.

В круглые скобки заключены буквы, отсутствующие в рукописи по причине обычного пропуска или в результате фонетического написания слова (например, *сер(д)це*, *со(л)нце*); в квадратных скобках даются буквы, которые представляют собой исправленное чтение ошибочного написания (например, *белод[у]бовы* вместо *столы белодыбовы*), или же восстановленную и наиболее вероятную из опущенных в рукописи букв, например *Урья Повол[ж]скова*[1].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Астахова — «Былины Севера. Подготовка текста и комментарий А. М. Астаховой». М.—Л., т. I, 1938; т. II, 1951.

Белинский — В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. V. М., 1954.

Григорьев — «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.», т. I. М., 1904.

Исторические песни XIII—XVI вв. — «Исторические песни XIII—XVI веков. Издание подготовили Б. Н. Путилов и Б. М. Добровольский». М.—Л., 1960.

Исторические песни XVII в. — «Исторические песни XVII века. Издание подготовили О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев». М.—Л., 1966.

---

[1] С. К. Шамбинаго читает «Повольскова» (см.: «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». М., 1938, стр. 28.)

Калайдович — «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные, с прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для напева». М., 1818.

Киреевский — «Песни, собранные П. В. Киреевским», вып. I—X. М., 1860—1874.

Пропп — В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Издание второе, исправленное. М., 1958.

ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей».

Путилов 1960 — Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.—Л., 1960.

Путилов 1971 — Б. Н. Путилов. Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М., 1971.

Смирнов-Смолицкий — «Добрыня Никитич и Алеша Попович. Издание подготовили Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий». М., 1974.

Соболевский — «Великорусские народные песни. Изданы профессором А. И. Соболевским», тт. I—VII. СПб., 1895—1902.

Соколова — В. К. Соколова. Русские исторические песни XVI—XVII вв. М., 1960.

Шеффер — «Сборник Кирши Данилова». Изд. Императорской Публичной библиотеки. Под редакцией П. Н. Шеффера. СПб., 1901.

Якубович — «Древние русские стихотворения». М., 1804.

[Про] Саловья Будимеровича. Впервые у Якубовича, № 1. Обзор вариантов и исследований сюжета: Астахова, I, стр. 630—632; Пропп, стр. 167—179, 574—575.

Былина о Соловье Будимировиче входит в цикл эпических песен о сватовстве. В отличие от большинства сюжетов этого цикла, где сватовство связано обычно с героическими подвигами и приключениями богатырей («Михайло Потык», «Иван Годинович», «Дунай» и др.), былина о Соловье Будимировиче носит новеллистический характер, в ней есть и сказочные мотивы.

Текст Кирши Данилова — единственная запись сюжета, сделанная не на Севере; главное его отличие от большинства известных вариантов — осложнение сюжета развернутым эпизодом со «щапом» Давыдом Поповым; тот же эпизод встречается еще только в варианте, записанном от М. Д. Кривополеновой (Григорьев, № 124). История о неудачной женитьбе Давыда Попова напоминает некоторыми подробностями былину о Добрыне и Алеше.

Вторая часть былины, начинающаяся с эпизода отъезда Соловья, производит впечатление поздней вставки, сделанной не вполне органично; записана она, по-видимому, с пересказа, в ней преобладает прозаическая манера повествования. Первая, основная и исконная, часть былины принадлежит к числу лучших вариантов сюжета.

Строки 1—4. *Высота ли, высота поднебесная. . . Глубоки омоты днепровския.* Запев, являющийся своеобразным «гимном родной стране» (В. Я. Пропп), встречается только в настоящем сборнике: в более развернутом виде — в былине «Высота ли, высота поднебесная», в пародийной форме — в песне «Агафонушка». Запев использован Н. А. Римским-Корсаковым в опере «Садко».

Строки 6—7. *Из глухоморья зеленова, От славного города Лёденца.* Глухоморье — Лукоморье. В «Хождении» игумена Даниила, памятнике литературы XII века, Лукоморьем названы берега и заливы Мраморного моря и Архипелага. Леденец (в других вариантах — Веденец, земля Веденецкая), по вполне вероятному предположению А. И. Лященко, это Венеция или ее владения X—XII веков — Архипелаг, Сирия, Адриатическое море (А. И. Лященко. Былина о Соловье Будимировиче и сага о Гаральде. «Sertum bibliologicum в честь проф. А. И. Малеина». Пг., 1922). В различных вариантах место, откуда приезжает Соловей Будимирович, определяется по-разному: море Верейское, Днепр, море Турецкое и др. О возможности истолкования гео-

графических реалий былины в связи с древними моментами истории славян см.: В. Б. Вилинбахов. Былина о Соловье Будимировиче в свете географической терминологии.—«Из истории русской народной поэзии. Русский фольклор», XII. Л., 1971, стр. 226—229.

Строки 11—12. *Славнова гостя богатова, Молода Соловья сына Будимеровича.* Соловей Будимирович приезжает в Киев как заморский купец, но его торговые дела — это метафора дел свадебных. С символикой свадебного обряда и свадебной поэзии связано, быть может, имя героя (жених — соловей, он будит невесту). По другому объяснению отчество Соловья происходит от слова «будимир» со значением «строитель».

Строки 15—40. *У того было сокола у кáрабля . . . Подернута беседа рытым бархотом.* Образ сокола-корабля неоднократно встречается в былинах. В нем отражены реальные черты типичного древнерусского торгового судна; в средние века судам нередко придавали вид животного, иногда фантастического; в украшениях корабля Соловья Будимировича преобладают сибирские мотивы. «Беседа дорог рыбей зуб»— образ, постоянно встречающийся в различных текстах Сборника. Рыбий зуб — моржовая кость, служившая для украшений, обычно резных. В русских былинах часто говорится об украшении рыбьим зубом кроватей, скамей, подворотен и др. Подробнее см.: Д. В. Айналов. Очерки и заметки по истории древнерусского искусства.—«Известия ОРЯиС», т. XIII, 1908, кн. 2, стр. 322—323.

Строки 57—62. *Есть, сударь, дорога камка . . . На злате, на серебре — не пóгнется.* Имеется в виду узорчатая камка — шелковая ткань восточного происхождения; в данном случае речь идет о какой-то особенно дорогой камке с необыкновенными узорами и разводами, царьградского и иерусалимского изготовления, сделанной, может быть, по «замыслам» Соловья Будимировича. Вот пример описания камки в одном древнерусском документе: «Камка Кизылбашская полосата, по ней полосы алы, сизы, в полосах люди и птицы золоты да серебряны, меж их каемки жолты» (П. Саваитов. Описание старинных русских утварей, одежды, оружия. . . СПб., 1896, стр. 46). Шелковые узорные ткани были «важнейшей и ценнейшей статьей русской транзитной торговли в IX—XI вв.» («История культуры древней Руси», т. I. М.—Л., 1948, стр. 327—328). В камке часто имелись золотые нити; то, что камка не гнется от золота, в былине характеризуется как признак ее высокого качества; ср. в записи от М. Кривополеновой:

А и в золоте камоцька не помнитьце,
И не помнитьце, и не согнитьце.

(Григорьев, I, № 124).

Строка 74. *Как бы нá пету двери отворялися.* Пята — шип в гнезде, на котором ходит дверь. На пяту — настежь. Выражение это в былинах передает обычно решительность, смелость, с которыми герой входит в дом.

Строки 101—122. *Только ты дай мне загон земли . . . Ко полуноче и двор поспел.* «Вишенье-орешенье» в песнях — обычный свадебный символ. Просьба Соловья разрешить ему построить в саду Запавы «снаряден двор» представляет собой иносказательное сватовство: сооружая в одну ночь чудесные терема, он тем самым проходит брачные испытания и доказывает свое право на невесту.

Строки 126—131. *Хорошо в теремах изукрашено . . . И вся красота поднебесная.* М. Халанский показывает, что здесь в эпической форме отражен действительный обычай московских бояр XVI—XVII веков украшать потолки комнат в своих домах изображением солнца, месяца, звезд и «бегов небесных» (М. Халанский. Великорусские былины Киевского цикла. Варшава, 1885, стр. 198).

Строки 185—186. *А и я-де, девица, на выдонье, Пришла-де сама за тебя свататься.* Мотив самопросватывания может быть объяснен тем, что Забава узнает в строителе теремов своего суженого. Утратой этого исконного смысла объясняется, что в вариантах иногда Соловей укоряет ее за такое поведение. В тексте Кирши Данилова действие с этого места развивается своеобразно: Соловей Будимирович уезжает с товарами за море, а по возвращении должен вести борьбу за невесту со щапом Поповым. Обычно в вариантах брак происходит без всяких препятствий и Соловей Будимирович увозит жену.

Строки 226—228. *Выходил Соловей со дружиною . . . Во белом платье сорок калик со каликою.* О каликах см. комментарий к песне «Сорок калик со каликою» (стр. 442—443).

[Про] гостя Терентиша. Впервые у Якубовича, № 18. Песенные варианты: Киреевский, VII, стр. 48—51; Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. II. М., 1910, № 156; Григорьев, № 41. Сказочные параллели: Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929, № *1361 I. О песне см.: Н. Ф. Сумцов. Песни о госте Терентии и родственные им сказки.—«Этнографическое обозрение», 1892, № 1 (здесь — иноязычные параллели).

Былина-баллада шутливого содержания на тему семейных взаимоотношений. Текст Кирши Данилова — лучший. В нем особенно ярко проявился скомороший характер песни: сочный юмор, с элементами сатиры, насмешливый тон, заостренные характеристики персонажей.

Строки 1—2, 50—51. *В стольном Нове-городе, Было в улице во Юрьевской . . . У честна креста Здвиженья, У жива моста калинова.* Былина сохраняет воспоминания о действительной топографии средневекового Новгорода; в частности, церковь Воздвиженья находилась на Юрьевской улице.

Строка 52. *Встречу Терентишшу веселыя скоморохи.* О скоморохах —«веселых молодцах»— певцах, музыкантах в песнях Сборника упоминается неоднократно. В настоящей песне они играют активную роль в действии, и в этом отношении былина о Терентии может быть сопоставлена с былиной «Вавило и скоморохи» (Григорьев, № 85).

Дюк Степанович. Впервые у Якубовича, № 2. Обзор вариантов и исследований сюжета: Астахова, I, стр. 582—585; II, стр. 741—744; Пропп, стр. 477—507, 592—595.

Былина о Дюке Степановиче в наиболее полных редакциях содержит ряд эпизодов и подробностей, которые в тексте Кирши Данилова отсутствуют либо только намечены. Так, по дороге в Киев Дюк сталкивается с Ильей Муромцем. В Киеве Дюк осматривает улицы, постройки, домашнее убранство и все подвергает уничижению, противопоставляя Киеву родную Волынь (иногда это Индия). Более детально обычно описываются впечатления Владимира (или его посланца) от посещения дома Дюка: подробно описываются его богатства и роскошь, дается эффектный внешне образ матери Дюка. Большое место в былине занимает соперничество в богатстве и щегольстве Дюка с Чурилой. Обычно былина кончается полным торжеством Дюка. В сюжете сильны мотивы сатиры, обращенной против чванства и бессмысленного расточительства верхов.

В тексте Кирши Данилова нет многих существенных подробностей, нет детальных описаний (за исключением описания вооружения и снаряжения Дюка). Образ Дюка дан здесь в тонах определенной идеализации; основной идеей былины оказывается торжество Дюка над князем Владимиром. Противопоставление богатства Дюка богатству князя дано, как отметил В. Г. Белинский, в тоне «простодушной иронии» и «лукавой скромности» (Белинский, стр. 389).

Строки 1—3. *Из-за моря, моря синева. . . Из тое Корелы богатыя.* Противоречия в указании родины Дюка характерны для большинства известных вариантов сюжета. Основываясь на этом, а также на толковании имени героя, некоторые исследователи считали Дюка иноземным богатырем, приезжающим на Русь из чужих земель. Однако Дюк — богатырь русский; может быть, наиболее вероятно объяснение его имени через сопоставление с украинским словом «дук»—«богач».

Строка 14. *Немного с Дюком живота пошло. . .* Живот здесь в значении богатства, достояния; слова «немного. . . живота» звучат здесь, конечно, иронически.

Строки 28—65. *Пошел тугой лук разрывчетой. . . Аравицким золотом.* В этом эпически идеализированном описании лука и стрел Дюка Степановича видны вполне реальные детали древнерусского вооружения. Рогами назывались оконечности лука — они могли покрываться позолотой. Тростяные стрелы были наиболее прочными. Для наложения тетивы в задней части стрелы имелась вырезка, называвшаяся ушком; ушки делались из кости, в них вставлялись цветные камешки; тирон — камень-самоцвет — постоянно упоминается в былинах, возможно, что он является не только укра-

шением, но и оберегом. Стрелы часто оперялись орлиными перьями, под перьем их перевивали золотом и серебром.

Строка 49. *А тоя-ты Камы за синем морем.* По-видимому, внесено сибирскими певцами с целью усилить сказочный характер всей географии былины.

Щелкан Дудентьевич. Впервые у Калайдовича, № 4. Варианты: «Исторические песни XIII—XVI вв», №№ 39—46. Библиография литературы о песне, текстологический и исторический комментарий: там же, стр. 631—632. Дополнительно: Путилов 1960, стр. 116—131; А. А. Зимин. Песня о Щелкане и возникновение жанра исторической песни.—«История СССР», 1963, № 3.

Одна из старейших исторических песен. В основе ее содержания лежат события, связанные с восстанием в Твери против татарского баскака Чол-хана (по русским летописям — Шевкала или Щелкана) в 1327 году. Сохранились летописные рассказы о Шевкаловщине (см., например, ПСРЛ, т. IV, стр. 185; т. VII, стр. 200; т. X, стр. 194; т. XV, стр. 415).

Сюжет песни со многими вымышленными эпизодами шире простого песенного отклика на происшедшие события; в песне поэтически обобщены представления народа о татарских насильниках, о порядках в Орде и выражена его решимость бороться за освобождение родной земли.

Текст Кирши Данилова представляет наиболее полную и в историческом отношении наиболее содержательную версию песни. Характерно для этой версии наличие рассказа об унижениях, которым подвергает Щелкан тверичей, и — что особенно важно — о расправе горожан с насильником. Есть здесь и элементы сатиры, обращенной против порядков в Орде.

Строки 6—7. *Сидит тут царь Азвяк, Азвяк Таврулович.* Азвяк (по другим вариантам — Возвяг, Везвяк) — хан Узбек, правивший в Орде с 1313 по 1342 год. Отчество Таврулович, очевидно, эпического происхождения: оно идет от имени татарского богатыря Таврула (Хостоврула) — персонажа песни о Евпатии Коловрате и Повести о разорении Батыем Рязани.

Строки 14—19. *Шурьев царь дарил. . . Ахрамея к Костроме.* В этих строках отражено характерное для политики Орды XIII—XIV веков баскачество — насаждение в русских городах ханских представителей — баскаков. Русские имена шурьев, видимо, результат поздней замены. Перечень городов носит, быть может, случайный характер, за исключением Костромы, которая в первой половине XIV века неоднократно бывала местом посещения татарских послов.

Строки 26—56. *Уезжал-та млад Щелкан. . . И друга дарить, Щелкана Дюдентевича.* В этом эпизоде Щелкан представлен как типичный татарский «даруга»— сборщик дани. Земля Литовская здесь, конечно, эпическая замена Русской земли. Возможно, что непонятное «друга дарить» получилось из «даруга дарить» (т. е. даругу); в таком случае легко разъясняется весь эпизод с уздой: Щелкан отобрал у князя царский подарок, который нельзя было ни продать, ни променять, ни тем более подарить ханскому даруге.

Строки 61—63. *Пожаловал ты молодцов. . . Двух удалых Борисовичев.* Эти строки здесь неуместны и внесены певцом, видимо, механически.

Строки 71—72. *Двомя братцами родимыми, Дву удалыми Борисовичи.* По вероятному предположению историков, Борисовичи — это тверской тысяцкий с братом, игравшие какую-то особую роль в восстании (Я. С. Лурье. Роль Твери в создании Русского национального государства.—«Ученые записки ЛГУ», № 36, Серия исторических наук, вып. 3, 1939, стр. 106—107). В песне они показаны как вожди тверичей, осуществляющие народное мщение.

Строки 107—128. *Мужики-та старыя. . . Ни на ком не сыскалося.* В изображении расправы с Щелканом есть эпические мотивы (ср. эпизоды с пребыванием Ильи Муромца в татарском стане в былине «Калин-царь»). Идея народного возмездия татарам за их злодеяния получила в песне поэтическое, а не конкретно-достоверное изображение. Летопись следующим образом описывает то же событие: «Народи же гражанстии, повсегда оскорбляеми от поганых, жаловахуся многажды великому князю, дабы их оборонил. Он же, видя озлобление людии своих и не могы их оборонити, трьпети им веляше. И сего не трьпяше Тферичи искаху подобна времени. И бысть

в день 15 аугуста месяца в полутра как торг сънимается, некто диакон Тферитин, прозвище ему Дудко, пове(д)е кобылицу младу и зело тучну, напоити ю на Волзе воды. Татарове же видевше отъяша ю, диакон же съжаливъси зело, начат въпити, глаголя: о мужи тферстии, не выдаваите. И бысть между ими бои, Татарове же надеющеся на самовластие, начаша сечи, и абие сътекошася человеци и смятошася людие и удариша во вся колоколы и сташа вечем и поворотися град весь и весь народ в том часе събрася и бысть в них замятня и кликнуша Тферичи и начаша избивати Татар, где котораго застропив, дондеже и самого Шевкала убиша и всех по ряду, не оставиша и вестоноши, разве иже на поле пастуси стада коневаа пасущеи, тии похватавше лучшии жребци и скоро бежаша на Москву и оттоле в Орду и тамо възвестиша кончину Шевкалову» (ПСРЛ, т. XV, изд. 2-е, вып. 1. Пг., 1922, стр. 42—43). В песне и в приведенном летописном рассказе отразилась народная концепция восстания 1327 года, в противовес другой концепции, которая придавала восстанию характер организованного выступления во главе с князем (см., например, ПСРЛ, т. VII, стр. 200; т. X, стр. 194).

Заключительная фраза песни —«Ни на ком не сыскалося»— находится в резком противоречии с действительными фактами. Хан Узбек направил в Тверь карательный отряд, который опустошил и разорил город. Но песня не говорит о трагических последствиях восстания, финал ее оптимистичен.

Мастрюк Темрюкович. Впервые у Якубовича, № 21. Варианты: Исторические песни XIII—XVI вв., №№ 109—199. Библиография литературы о песне, текстологический и исторический комментарий: там же, стр. 641—644. Дополнительно: Путилов 1960, стр. 144—170; Соколова, стр. 37—48; А. А. Зимин. Историческая песня о Кострюке-Мастрюке.—«Slavia», 1962, seš. 4; Б. Н. Путилов. По поводу нового хронологического приурочения исторической песни о Кострюке-Мастрюке (ответ на статью А. А. Зимина).—«Slavia», 1964, seš. 3.

Песня о Кострюке (Мастрюке) — одна из популярнейших исторических песен XVI века. В ней есть отголоски действительных событий времени царствования Ивана Грозного, но в целом сюжет вымышленный. Песня известна в нескольких редакциях, довольно существенно отличающихся одна от другой. Главное различие касается характеристики Кострюка. В ряде вариантов он выступает как вражеский нахвальщик, замышляющий захват Москвы. Текст Кирши Данилова принадлежит к той группе вариантов, в которых Мастрюк предстает как удалой боец; он ищет себе поединщика, чтобы «потешить» царя и царицу и вместе с тем своей победой унизить москвичей, «Москву загонять». В тексте последовательно развивается идея о том, что от исхода борьбы зависит честь Москвы; посрамление Мастрюка и победа русских бойцов осмыслены патриотически; особенно характерны в этом плане заключительные слова царя. Образы победителей подчеркивают демократическую направленность песни.

Строки 7—40. *Поизволил он женитися. . . И любимова шурина Мастрюка Темрюковича.* Иван Грозный женился на дочери кабардинского (черкесского) князя Марии Темрюковне в 1561 году. Эпизод с поездкой царя за невестой вымышлен. О Мастрюке, брате Марии, известно, что он приезжал в Москву. Некоторые исследователи предполагают, что в образе Мастрюка выведен второй брат Марии — Михаил, который жил в Москве и подвергался постоянным насмешкам и издевательствам со стороны царя; он был казнен в 1571 году.

Строка 82. *Никита Романович.* См. о нем в комментарии к песне «Никите Романовичу дано село Преображенское».

Строка 108. *Середь Урья Повол(ж)скова.* Урье Поволжское — вероятно, Юрьевец Поволжский, на правом берегу Волги, ниже Костромы (Л. С. Шептаев. Исторические песни. «Библиотека поэта», Малая серия, второе издание, Л., 1951, стр. 372).

Строка 127. *Сметь ли нага спустить.* Борцы просят у царя разрешения не просто побороть Мастрюка, но и раздеть его донага (ср. ниже «Не слыхал, как платье сняли»).

Строки 237—238. *Двух братцов родимыех, Двух удалых Борисовичев.* Персонажи эти, быть может, связаны с Борисовичами из песни о Щелкане (см. комментарий на стр. 430).

Волх (В)сеславьевич. Впервые у Калайдовича, № 6. Обзор вариантов и исследований: Пропп, стр. 70—75, 565—566. Дополнительно: Путилов 1971, стр. 70—78 (здесь — славянские параллели); Ф. М. Селиванов. Сюжет и композиция былины о Вольге (Волхе).—«Вестник МГУ. Филология», 1969, № 3.

Сюжет былины относится к числу древнейших в русском эпосе. В нем есть следы древних языческих представлений и тотемистических верований. В образе Волха соединяются архаические черты чудесного охотника, племенного вождя, обладающего магическими качествами, с более поздними чертами древнерусского князя.

Вариант Кирши Данилова — один из лучших; он представляет переработку древнего сюжета в духе героического эпоса Киевской Руси. Поход Волха в чужеземное царство объясняется здесь необходимостью самообороны.

Строки 5—24. *Обвивается лютой змей. . . Соболи, куницы по бостровам.* Мотив чудесного рождения богатыря — от змея или другого животного — очень древен. Идейный смысл начала былины так определен В. Г. Белинским: начало это «есть высочайший зенит, крайняя апогея, до какой только достигает наша народная поэзия; это апофеоза богатырского рождения, полная величия, силы и того размашистого чувства, которому море по колено и которое есть исключительное достояние русского народа» (Белинский, стр. 397—398).

Строка 25. *А и будет Вольх в полтора часа.* Когда Волху исполнилось полтора часа.

Строки 29—36. *А не пеленай во пелену червчатую. . . А весом та палица в триста пуд.* Картина воспитания богатыря-воина, данная здесь, имеет близкую аналогию в характеристике дружины князя Всеволода в «Слове о полку Игореве»: «А мои ти куряни свѣдоми къмети; подъ трубами повити, подъ шеломы възлѣлѣяни, конець копия въскръмлени. . .».

Строки 37—49. *А и будет Вольх семи годов. . . Обвертоваться гнедым туром-золотыя рога.* Волх — это богатырь-кудесник; он одерживает победы благодаря своей способности творить чудеса — обернуться зверем, превращать свою дружину в муравьев и т. д. Некоторыми чертами Волх напоминает князя-волшебника Всеслава Полоцкого из «Слова о полку Игореве».

Строка 65. *Ко славному царству Индейскому.* Название это, конечно, не связано ни с какими историческими фактами. Оно указывает, в частности, на то, что былина отражает эпоху до татарского нашествия. Имена же правителей царства (Салтык Ставрульевич, Батыевич, царица Азвяковна) связаны с татарской темой русского эпоса.

Строки 112—113. *А и буйныя ветры по насту тянут, Царь со царицею в разговоры говорит.* Характерный пример создания былинного сравнения на основе сибирских мотивов.

Сергей хорош. Впервые у Шеффера, стр. 22—23. Вариантов нет.

Скоморошья шуточная песня на тему семейных отношений, с элементами сатиры на нравы имущих горожан. Начало песни пародийно воспроизводит зачины некоторых былин и исторических песен («Благословите, братцы, про старину сказать»). Необычен в песне образ Сергея Боркова, который выступает в начале в роли удачливого любовника, а затем — обманутого ревнивого мужа. Для скоморошьих песен этого типа характерны сочные бытовые подробности, грубоватый юмор.

Строчки «А и тот с борку, Иной с борку, Уже полна изба Принабуркалася» дают пример словесной игры, типичной для песен-скоморошин; эти строки повторяются в песне «Усы, удалы молодцы».

Иван Гостиной сын. Впервые у Якубовича, № 10. Обзор вариантов и исследований сюжета: Астахова, I, стр. 588—589. Дополнительно: Путилов 1971, стр. 239—244 (здесь — славянские параллели); Ю. И. Смирнов. Славянские эпические традиции. Проблемы эволюции. М., 1974, стр. 162—250.

Былина на тему столкновения богатыря с князем; конфликт между ними принимает здесь форму спора-состязания. Идейный смысл былины — в показе торжества народного героя, который одерживает победу несмотря на то, что на стороне князя — богатство и сила.

Текст Кирши Данилова — один из лучших; все эпизоды хорошо разработаны и мотивированы. В варианте заострены антикняжеские и антибоярские тенденции, характерные для сюжета в целом.

Строка 16. *Кто б похвалился на трй стá жеребцов.* Все это место изложено в варианте не вполне ясно. Оно разъясняется через сравнение с другими текстами: князь вначале предлагает биться об заклад — кто быстрее доскачет от Киева до Чернигова, а уж затем объявляет, что у него есть триста жеребцов и еще три чудесных жеребца, которых он готов выставить на состязание.

Строка 19. *И которой полонен Воронко во Большой орде.* Перед этим пропущена строка —«Да третей жеребец — полонян Воронко» (ср. ниже — строка 38). Упоминание о коне, отнятом Ильей Муромцем у Тугарина, связано с былинным сюжетом о поездке русских богатырей в Царьград (известным по пересказам XVII—XVIII веков).

Строка 56. *Владыка черниговской.* Упоминается также в былине об Алеше Поповиче, где он, тоже один против всех, держит сторону богатыря. В других вариантах его нет. Имеется в виду какое-то высокопоставленное духовное лицо.

Строки 145—152. *Прóсты поруки крепкия, записи все изодраныя. . . А князи-де и бояра никуда от нас не уйдут.* «Прóсты» — т. е. пусты, потеряли силу; фраза эта означает, что князь хочет упразднить заклад и отказаться от обязательств по нему. Но здесь в защиту прав Ивана вступает его поручитель — владыка черниговский. Корабли, которые он велит Ивану захватить, — это, вероятно, заклад, внесенный за князя корабельщиками (сравните соответствующее место в былине об Алеше Поповиче, стр. 104). Предлагая прежде всего забрать заклад, принадлежащий купцам, владыка черниговский успокаивает богатыря: князья и бояре, отказавшиеся расплачиваться, «никуда от нас не уйдут».

Три года Добрынюшка стольничел. Впервые у Якубовича, № 4. Обзор вариантов и исследований сюжета: Астахова, I, стр. 573—575; II, стр. 734—735; Пропп, стр. 267—277. Дополнительно: В. Г. Смолицкий. Былина о Добрыне и Маринке. — «Современные проблемы фольклора». Вологда, 1971; Б. Н. Путилов. Об эпическом подтексте (На материале былин и юнацких песен). — «Славянский фольклор». М., 1972, стр. 5—11; Смирнов-Смолицкий, стр. 390—393.

Былина «Добрыня и Маринка» принадлежит к числу эпических песен сказочно-бытового характера на тему столкновения богатыря с колдовскими, враждебными народу силами.

Текст Кирши Данилова — один из лучших. Все моменты сюжета хорошо мотивированы и разработаны. Интересен образ Змея Горыныча, сатирически окрашенный; в отличие от большинства вариантов, Змея здесь не убивают, а он с позором бежит из Киева. В тексте Кирши Данилова есть и другие эпизоды, нигде более не встречающиеся (вечеринка в доме Марины, хвастовство ее на пиру). Образ Марины разработан здесь особенно всесторонне: она — колдунья, злая волшебница, любовница Змея Горыныча; она хвастает своим чародейством, но в то же время она труслива и недальновидна.

Строки 3—5. *Три годы Добрынюшка стольничал. . . Он стольничал, чашничал девять лет.* Сопоставление этой части текста с историко-бытовыми документами привело В. Г. Смолицкого к весьма доказательному выводу, что в данном случае имеется в виду не исполнение высоких придворных должностей, а простая служба, к тому же — в нисходящем по важности порядке. Этим подчеркивается принадлежность Добрыни к демократическим слоям Киева.

Строка 18. *А у молоды Марины Игнатьевны.* Некоторые исследователи полагают, что имя героини пришло в былину от Марины Мнишек, которую считали колдуньей и еретичкой.

Строки 48—59. *Брала она следы горячия молодецкия. . . А и божья крепко, вражья-то лепко.* Здесь былина передает типичный любовный заговор — присуху; заговор наговаривается на след Добрыни. Последняя фраза — несколько измененная формула, которой обычно закреплялся заговор. Дальнейшее поведение Добрыни показывает, что он поддался действию заговора.

С т р о к а 79. *Которыя девицы приговаривают* — здесь в значении «приглашают», «привечают».

С т р о к и 212—214. *А и дам те, Марина, поученьица. . . Тому она, Марина, не поверила.* Очевидно, Марина понимает весь грозный для нее смысл слов Добрыни, но не верит, что он может осуществить свои угрозы.

[Про] Василья Буслаева. Впервые у Якубовича, № 17. Обзор вариантов и исследований сюжета: Астахова, I, стр. 557—560; II, стр. 704—706; Пропп, стр. 442—465, 590—592.

Первый из двух известных сюжетов о Василии Буслаеве. Новгородская былина на тему социальных столкновений. Образ Буслаева принадлежит к числу величайших художественных обобщений, созданных русским эпосом. Это — образ новгородского бунтаря, выступающего на борьбу с социальными верхами.

Текст Кирши Данилова — один из лучших. Все эпизоды в нем подробно разработаны и хорошо мотивированы, прекрасно сохранены здесь многие типично новгородские черты. Образ Василия дан в развитии, он психологически содержателен, намечена его социальная характеристика. Для художественной специфики текста характерны динамичность, экспрессивность в изображении центрального эпизода былины — сражения дружины Васьки с новгородцами.

С т р о к и 15—26. *Будет Васинька семи годов. . . Супротив Василья Буслаева.* Сравните описание ученья Волха в былине «Волх Всеславьевич».

С т р о к и 49—90. *Писал ерлыки скоропищеты. . . Тридцать молодцов без единова.* Характер и состав дружины Васьки Буслаева выясняется при анализе вариантов: как правило, к Ваське приходят представители низов — «голь кабацкая», ремесленники, убогие и т. д. (сравните у Проппа, стр. 449—452). Дружина эта противостоит новгородской верхушке — богатым купцам и боярам. В тексте Кирши Данилова в составе дружины — персонажи, которые упоминаются в других былинах (семь братьев Сбродовичей, мужики Залешана, т. е. залесские — из Владимиро-Суздальской земли), пришлый богатырь Костя Новоторженин (из Нового Торжка), боярские дети Лука и Моисей.

С т р о к и 110—117. *И пришли во братшину в Никольшину. . . Началася драка великая.* Братчина здесь — пир, который устраивался вскладчину в дни церковных праздников; в данном случае это Николин день. Братчиной распоряжался специальный староста. Участники ее вносили каждый свою долю (сыпь). В условиях острой классовой борьбы в средневековом Новгороде братчины нередко становились ареной кровавых столкновений.

С т р о к и 175—186. *А и та-та девушка-чернавушка. . . Прибила уж много дб смерте.* Девушка-чернавушка — персонаж, действующий в ряде былин и песен; здесь — служанка, выполняющая черную работу. Она оказывается на стороне Васьки Буслаева и дерется в составе его дружины как девушка-богатырка.

С т р о к а 179. *Не подай нас у дела у ратнова.* Не подай — не продай (?).

С т р о к а 202. *Стоит тут старец-пилигримишша.* В других вариантах более определенно говорится о связи старца с монастырем. Старчище Пилигримище, с надетым на голову колоколом, «как бы воплощает в своем лице тот старый Новгород, против которого Василий Буслаевич ведет борьбу. . . Колокол — знак старого, торгового, независимого от Москвы Новгорода» (Пропп, стр. 461).

С т р о к а 221. *Начается старец, не шевелнится.* Начаться — ожидать, думать. П. Бессонов толковал это место следующим образом: «Ударил Василий в колокол и думает, старец от того не шевельнется» (Киреевский, вып. V, стр. 21).

С т р о к а 223. *А и во лбе глаз уж веку нету.* Фраза эта разъясняется по другому варианту: «Во лбу у него глаза как век не было».

С т р о к и 224—226. *Пошел Василей по Волх-реке. . . По тои Волховой по улице.* Именно здесь обычно, как свидетельствуют исторические источники, происходили в Новгороде потешные кулачные бои и столкновения социального характера.

С т р о к а 238. *Понесли оне записи крепкия.* Записи — договор об условиях боя и о принятых ставках, заключенный между новгородцами и Василием Буслаевым. Принося эти записи, новгородцы тем самым признают свое поражение.

О женитьбе князя Владимера. Впервые у Якубовича, № 3. Обзор вариантов и исследований сюжета: Астахова, I, стр. 576—582; II, стр. 735—739; Пропп, стр. 134—154, 571—574. Дополнительно: Путилов 1971, стр. 125—157 (здесь — славянские параллели); Б. Н. Путилов. Сюжетная замкнутость и второй сюжетный план в славянском эпосе. — «Славянский и балканский фольклор». М., 1971, стр. 79—83.

Былина о Дунае, очень популярная, принадлежит к циклу эпических песен о сватовстве. В этой былине Дунай едет добывать невесту для князя Владимира, но главным содержанием ее является история женитьбы самого богатыря и трагический конфликт его с женой-богатыркой, заканчивающийся гибелью обоих супругов.

Вариант Кирши Данилова отличается в разработке сюжета лишь некоторыми частными подробностями: невесту князю называет и указывает на Дуная как на подходящего исполнителя княжеского поручения Иван Гостиный сын; Дунай берет себе в помощь Екима (чаще здесь выступает Добрыня); действие происходит в Золотой орде (чаще — в Литве); любопытен эпизод с отсутствием платья у Настасьи; важна архаическая подробность — Настасья дает слово выйти замуж только за того, кто покажет свое превосходство в силе. Большим достоинством текста Сборника является глубокая и психологически тонкая разработка образа Дуная. В. Г. Белинский писал об этом богатыре, опираясь на настоящий текст: «В нем и ум, и сметливость, и богатырская рьяность, и прямота опирающейся на себя силы и храбрости» (Белинский, стр. 368).

Строки 38—123. *Я ли, Иван, в Золотой орде бывал. . . А и тут королю за беду стало.* Предложение Ивана найти невесту для князя в чужой земле отражает реальные отношения в Киевской Руси: для киевских князей брачные союзы с дочерями глав различных европейских государств были обычным делом. Приурочение событий к Орде — обычная эпическая манера. С другой стороны, в сюжете отразились архаические формы заключения брака (см. комментарии к былинам о Потоке и Иване Годиновиче).

Былину о Дунае в ее первой части обычно сопоставляют с историей женитьбы князя Владимира Святославича на полоцкой княжне Рогнеде. Рогнеда отказала Владимиру, оскорбив его, и тогда Добрыня, дядя князя, победил отца Рогнеды и силой увез ее из Полоцка.

Строки 111—113. *Гой еси, Дунай сын Иванович, Али ты ко мне приехал Постарому служить и по-прежнему?* О том, что Дунай служил прежде чужеземному царю, говорится в былине о бое его с Добрыней и в некоторых вариантах настоящего сюжета (сравните: Пропп, стр. 139—143).

Строка 186. *А и ряженой кус, да не суженому есть.* Формула отказа в сватовстве. Из сопоставления вариантов очевидно, что «суженой» Дуная является другая дочь короля — Настасья. В некоторых вариантах былины более определенно указывается на близость Дуная к ней во время его былой службы.

Строка 244. *И горазд он со девицею дратися.* Весь этот эпизод избиения Дунаем Настасьи истолковывался В. Г. Белинским как отражение в былине «сознания целого народа о любви и об отношениях полов» (Белинский, стр. 368). Это, конечно, неверно. Эпизод легко объясняется самым развитием сюжета: Дунай должен был одолеть Настасью, показать свое преимущество в силе, чтобы жениться на ней.

Строка 321. *Молода княгиня Апраксевна.* Девичье имя Афросинья заменено певцом на Апраксевну: Евпраксия, Апраксея и т. п. — обычная форма имени киевской княгини в эпосе.

Строка 385. *Потому быстра река Дунай словет.* В других вариантах заключительные мотивы былины даны более ясно: из крови Дуная и его жены образуются две реки:

Где пала Дунаева головушка,
Протекала речка Дунай-река,
А где пала Настасьина головушка,
Протекала речка Настасья-река.

Гришка Расстрига. Впервые у Якубовича, № 26. Варианты: Исторические песни XVII в., №№ 4—23. Библиография литературы о песне, текстологический и истори-

ческий комментарий: там же, стр. 334—335. Дополнительно: Н. А. Криничная. Народные исторические песни начала XVII века. Л., 1974, стр. 48—73.

Вариант Кирши Данилова очень четко и сжато разрабатывает основные мотивы сюжета, известные по другим записям: воцарение Гришки Отрепьева, его женитьбу на «еретице» Маринке, нарушение Гришкой и Маринкой русских обычаев. Особенностью сибирского текста является прямое упоминание о боярах Годуновых как убийцах царевича Дмитрия (Годуновы как изменники упоминаются также в песне «Никите Романовичу дано село Преображенское»). В настоящем тексте отсутствует характерное для большинства вариантов указание на участие «господ», «бояр», «думных дьяков» в изложении Отрепьева, главная роль в этом деле отводится стрельцам. Тем самым весь вариант приобретает еще более демократическую, антибоярскую направленность. Ясность и последовательность в развитии сюжета, сжатость описаний, идейная острота делают вариант Кирши Данилова лучшим среди известных записей.

Строка 12. *У Юрья пана Седомирскова.* Юрий Мнишек, воевода Сандомирский, отец Марины Мнишек.

Строка 15. *На вешней праздник, Николин день.* Брак Самозванца с Мариной состоялся 8 мая 1806 года, в канун Николина дня.

Строка 34. *В Боголюбов монастырь метались.* См. комментарий к былине «Сорок калик со каликою» (стр. 443).

Строка 35. *К царице Марфе Матвеевне.* Мать царевича Дмитрия — Мария Федоровна Нагая — была пострижена в монахини под именем Марфы. В 1605 году признала в Гришке Отрепьеве своего сына.

Строки 45—54. *Потерен мой сын. . . А Годуновых бояр проклинают завсегда.* Все это место производит впечатление прозаической вставки.

На Бузане-острове. Впервые у Якубовича, № 24. Вариант: Исторические песни XIII—XVI вв., № 357. Текстологический и исторический комментарий: там же, стр. 682—683. См. также: А. С. Орлов. Сказочные повести об Азове. Варшава, 1906, стр. 150; Д. С. Лихачев. Повести о покорении Сибири.—«История русской литературы», т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 89—94; В. П. Адрианова-Перетц. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974, стр. 90—91; А. А. Горелов. Трилогия о Ермаке из Сборника Кирши Данилова. — «Русский фольклор. Материалы и исследования», VI. М.—Л., 1961, стр. 350—359.

Характерный для Сборника Кирши Данилова пример соединения песни и прозаического рассказа. Последний вполне отчетливо прослеживается начиная от слов: «А втапоры и в то время». Однако эта проза основана на фольклорных мотивах и насыщена элементами фольклорной стилистики; отсюда — идейная и художественная близость песенной и прозаической частей. Обе части сюжетно связаны со следующей песней о Ермаке, в которой дважды вспоминается о столкновении казаков с отрядом царского посла на Ахтубе. С другой стороны, вторая часть перекликается с известной песней XVII века — об убийстве Карамышева. Весь текст ярко передает основную идейную направленность казачьего фольклора XVI—XVII веков — выражение разбойных и свободолюбивых настроений казачьей вольницы. Центральный эпизод второй части — столкновение с царскими войсками — истолковывается песней-повестью наперекор официальной версии. Виновниками конфликта здесь являются солдаты, «безумные» и пьяные, которые «напущалися. . . ради корысти своея», и посол Карамышев, который, «не размыслив ничего», поднялся на казаков. Казаки же, согласно песне, вынуждены были прибегнуть к самозащите. Эта же версия повторяется в следующей песне, в рассказе Ермака Ивану Грозному.

Строки 10—11. *Самбур Андреевич, Анофрей Степанович.* Эти имена встречаются еще только в следующей песне о Ермаке; в известных исторических документах их нет.

Ермак взял Сибирь. Впервые у Якубовича, № 25. Варианты к первой части: Исторические песни XIII—XVI вв., №№ 328—369. Библиография литературы о песне, текстологический и исторический комментарий: там же, стр. 673—675, 679—680, 683—684. Дополнительно: Путилов 1960, стр. 235—273; Соколова, стр. 67—78; А. А. Горелов. Трилогия о Ермаке из Сборника Кирши Данилова. — «Русский

фольклор. Материалы и исследования», VI. М.—Л., 1961, стр. 359—374; А. А. Горелов. Исторические песни о Ермаке — поэтический пролог и спутник первой крестьянской войны в России. — «Русская литература», 1961, № 1; Т. И. Тумилевич. Антифеодальные мотивы в донских преданиях о Ермаке. — «Литература советского Дона». Р/Д, 1969.

Первая часть текста, включая слова «И по темным тюрьмам рассаженным», представляет вариант широко распространенной песни о Ермаке. Вариант этот некоторыми подробностями и именами связан с предшествующей песней. Весь остальной текст — не песня, а прозаический рассказ, довольно подробный, изобилующий местными географическими названиями. В основе его лежат устные народные предания о Сибирском походе. Эпизод с поездкой Ермака к Ивану Грозному встречается в песне об участии Ермака во взятии Казани. В этой песне царь «жалует» атамана вольным Доном (Исторические песни XIII—XVI вв., №№ 364—369). Поход Ермака осмыслен в Сборнике вполне по-народному, в духе исторических песен — как героический подвиг небольшой группы вольных казаков. Участие Строгановых сведено здесь к роли поставщиков хлебных запасов, свинца и пороха. В народном же духе рассказано о встрече Ермака с Иваном Грозным, о гибели атамана.

Прозаическая природа второй части обнаруживается при анализе ее стиля. Здесь встречаются лишь отдельные элементы песенной стилистики, в основном же господствует манера прозаического повествования. Нет здесь и песенной ритмики, поэтому разбивка на стихотворные строки чисто условна. Установка на обилие и точность фактов — также специфическая особенность не песен, а преданий.

Текст Кирши Данилова — единственный среди фольклорных записей, в котором столь большое место занимает тема Сибирского похода. Во всех известных исторических песнях о Ермаке о взятии Сибири лишь упоминается. Перед нами, несомненно, тщательно выполненная сибирская разработка сюжета о Ермаке.

[Про] Ставра-боярина. Впервые у Якубовича, № 12. Обзор вариантов и исследований сюжета: Астахова, I, стр. 637—639; II, стр. 797—800. Дополнительно: Путилов 1971, стр. 244—250 (здесь — славянские параллели).

Былина о Ставре очень популярна. В ней есть сказочные мотивы. Основу сюжета составляет история столкновения Ставра и его жены с князем Владимиром; в ходе этого столкновения происходят и забавные, и трогательные, и драматические события, в итоге выявляется полное превосходство умной, ловкой и хитрой женщины над князем и его приближенными. Эта победа и составляет идею былины.

Сюжет былины известен в нескольких основных версиях, которые различаются некоторыми существенными особенностями. В северных вариантах жена Ставра приезжает в Киев обычно под видом жениха, сватающегося к дочери князя; в связи с этим, кроме испытания в борьбе или в стрельбе, она подвергается испытаниям баней и постелью.

Текст Кирши Данилова представляет сибирскую версию сюжета, которую исследователи считают в целом наиболее древней.

В тексте есть места, записанные, видимо, с пересказа или по памяти (приказание Владимира в начале былины и др.).

Строки 16—26. *Таковы речи сказывает. . . Крюки да пробои по булату злачены.* Похвальба своим домом, его богатым убранством более характерна для былин о Дюке. Ставер же обычно похваляется своей женой:

Она всех князей-бояр да всех повыманит,
Тебя, солнышка Владимира, с ума сведет.

Отсюда возникает конфликт: рассерженный Владимир сажает Ставра в погреб, бросая тем самым вызов его жене:

Так пущай-ка Ставрова молода жена
Нас, князей-бояр, всех повыманит,
Тебя, солнышка Владимира, с ума сведет,
А Ставра она из погреба повыручит!

В тексте Кирши Данилова эти интересные подробности отсутствуют, завязка сюжета дана несколько упрощенно.

Строка 117. *Дюжина из перстов не вышли все.* Т. е. на пальцах остались следы колец.

Строка 128. *Притченки да Хапилонки.* Эти персонажи неизвестны русскому эпосу. Два брата Хапиловы упоминаются в былине «Первая поездка Ильи Муромца в Киев».

Строки 176—178. *Хлестнет по сыру дубу — изломал ево в черенья ножевыя.* В результате ошибки писца или переписчика строки здесь перепутаны.

Строки 194—199. *Первую заступь заступовали. . . Шах да и мат да и под доску.* Заступь — ход в шахматной игре; «поиграл» — т. е. выиграл. Все три партии выигрывает посол, а проигравший князь после третьей партии лезет под стол.

Строки 227—230. *Сыгриш сыграл Царя-града, Танцы навел Ерусалима. . . Сверх того играл еврейской стих.* Обычно в вариантах — тонцы, т. е. напевы. Характерная для русских былин формула описания мастерства исполнения.

Строки 256—260. *И втапоры Ставер-боярин догадается. . . И отъезжали во свою землю дальную.* Во многих вариантах жена Ставра сама открывает Владимиру правду, и князь, полностью посрамленный, отпускает их домой. В данном случае можно предполагать, что Владимир так и остается в неведении относительно того, что произошло, а Ставер беспрепятственно уезжает, переодевшись послом.

Иван Гаденович. Впервые у Якубовича, № 7. Обзор вариантов и исследований сюжета: Астахова, I, стр. 585—587; Пропп, стр. 126—134, 571. Дополнительно: Путилов 1971, стр. 181—190 (здесь — славянские параллели).

Былина об Иване Годиновиче входит в цикл эпических песен о сватовстве. Сходна с былиной о Михайле Потоке. Сюжетная тема ее довольно архаична по своим истокам: герой отправляется на поиски невесты-суженой в чужую землю и ведет борьбу за нее с другим претендентом; при этом невеста-волшебница предает героя и способствует его поражению. Тема получила разнообразную разработку в эпическом творчестве многих народов. Русская былина соединяет архаические черты с мотивами Киевского эпоса.

Текст Кирши Данилова, вместе с близким текстом из собрания Гуляева, дает сибирскую версию сюжета. Здесь ряд ситуаций разработан более реалистично: Иван Годинович едет свататься в Чернигов, к богатому купцу; инициатором его женитьбы оказывается Владимир, которого Иван Годинович впоследствии иронически благодарит за выбор невесты; в образе Настасьи нет черт волшебницы: она предает жениха из корыстных интересов, предпочитая заморского царя холопу; отсутствует в тексте и ряд сказочных подробностей.

Вариант Кирши Данилова отличается прекрасно разработанными диалогами. Заключительный эпизод (встреча богатыря с Владимиром и проводы Вахрамея-царя) изложен почти целиком прозой.

Строка 250. *Он перво ученье-то руку ей отсек.* Сравните в былине «Три года Добрынюшка стольничел» (стр. 47).

Гардей Блудович. Впервые у Калайдовича, № 16. Обзор вариантов и исследований сюжета: Астахова, I, стр. 639—641; Пропп, стр. 427—442, 590.

Былина о Хотене Блудовиче принадлежит к позднему эпосу. Сюжет ее, построенный на истории ссоры двух семей, в лучших вариантах носит явно выраженный социальный характер: конфликт происходит обычно между родовитыми и неродовитыми, богатыми и обедневшими. Хотен в таких случаях выступает представителем и защитником обиженных.

Вариант Кирши Данилова — не из лучших; он является, вероятно, результатом обработки былины в скоморошьей среде. Конфликт между двумя семьями приобретает здесь внутрисословный характер («Обе жены богатые, богатые жены, дворянские»), в былине есть тенденция к сатирическому осмеянию сословной дворянской спеси, но эта тенденция не получила развития, на первый план в варианте выступило описание ссор и драк как явлений бытового порядка.

Сюжет изложен в ряде эпизодов слишком кратко и местами — явно с пересказа; выделяется в художественном отношении лишь ссора женщин на пиру.

Чурила Пленкович. Впервые у Якубовича, № 9. Обзор вариантов и исследований сюжета: Астахова, I, стр. 641—644; II, стр. 801—805; Пропп, стр. 484—486.

Чурила Пленкович — один из популярных персонажей русского эпоса. Ему целиком посвящены два сюжета, и, кроме того, он действует в былине о Дюке и в некоторых других. Оба сюжета имеют балладный характер. В первом из них («Чурила и князь») нет героических эпизодов, все внимание уделено Чуриле — его богатству, роскоши его дома, истории вступления на службу к князю. Во втором сюжете — «Смерть Чурилы» — содержание сосредоточено вокруг взаимоотношений Чурилы и жены старого купца Бермяты. Часто эта песня заканчивается трагически: оскорбленный муж убивает Чурилу.

В образе Чурилы почти нет черт богатыря. Это прежде всего образ щеголя («щапа»), красавца, богача, соблазнителя женщин.

В тексте Кирши Данилова подробно разработан один сюжет — «Чурила и князь», и намечен второй — о Чуриле и жене Бермяты. Некоторые эпизоды, характерные для полных версий сюжета, здесь отсутствуют или почти не развиты. Так, не описывается служба Чурилы у князя в качестве стольника; нет интересного эпизода с княгиней: заглядевшись на красоту Чурилы, она нечаянно обрезает себе палец; она просит Владимира дать Чуриле должность постельничего, но Владимир обычно назначает его «зазывальщиком».

С т р о к а 20. *Сверх тое реки Чёреги.* В других вариантах название реки — Сарога, Почай-река. Отсюда прозвище отца Чурилы — Пленка Сароженин. Черега — река близ Пскова.

С т р о к а 92. *Выступался тута старой Бермята Васильевич.* Бермята — персонаж второй былины о Чуриле; обычно — старый купец, муж Катерины.

Василей Буслаев молиться ездил. Впервые у Якубовича, № 19. Обзор вариантов и исследований сюжета: Астахова, I, стр. 557—560; II — стр. 704—706; Пропп, стр. 466—477.

Второй сюжет о Василии Буслаеве (см. выше: «Про Василья Буслаева»). Часто встречается в соединении с первым — о столкновении Василия с новгородцами. Основной смысл былины состоит в том, что здесь он бросает вызов вере, для его времени господствующей и полной предрассудков, преклонению перед судьбой и т. д. Василий Буслаев заявляет, что он не верует «ни в сон, ни в чох», а верует «в свой червленный вяз», т. е. в реальную свою силу; ему не страшны грозные предупреждения, написанные на камне, и он их нарушает; он плюет на слова «пустой головы», предрекающей ему гибель. Поездка Василия в Иерусалим лишь внешне носит характер покаяния; на самом деле эта поездка знаменует решительный отказ Буслаева от смирения; у него нет каких-либо благочестивых намерений, и он кощунствует в Иерусалиме.

Гибель Васьки Буслаева вовсе не означает его осуждения или признания бесплодности его борьбы. Он гибнет как герой, смело нарушающий современные ему принципы морали; «он погибает потому, что он начинает борьбу слишком рано. . . Былина о Василии Буслаеве отражает первые смутные проблески сознания того, что старый мир со всеми его порядками и со всеми его предрассудками должен быть разрушен» (Пропп, стр. 476—477).

Текст Кирши Данилова и в данном случае — один из лучших. Весь сюжет разработан здесь очень обстоятельно, эпизоды хорошо мотивированы. Образ Васьки Буслаева — бунтаря раскрыт в варианте Кирши Данилова с исключительной полнотой и силой. В отдельных местах запись сделана с пересказа, несколько строчек соединены в одну; попытка реконструкции этих мест была предпринята П. Бессоновым (Киреевский, IV, стр. 80).

С т р о к а 71—72. *Прямым путем в Ерусалим-град Бежать семь недель. . .*

С т р о к и 178—179. *Побежали по морю Каспицкому, Будут оне во Ердан-реке.* Водный путь из Новгорода в Иерусалим, описанный в былине, фактически невозможен. Этот путь связан, конечно, с эпическими представлениями певцов. Но важно то,

что Васька Буслаев, отправляясь в Каспийское море, повторяет путь, обычный для новгородских ушкуйников; в былине несомненно отразились реальные воспоминания об этой стороне истории средневекового Новгорода.

Строка 88. *На ту ли гору Сорочинскую.* Сорочинская — т. е. сарацинская. В вариантах эта гора именуется Спасской, Фаворской, Сионской; все эти названия указывают, что гора связана с местами священными; тем самым усиливается момент кощунствования Василия.

Строка 111. *И в том-та подпись подписана.* В тексте Кирши Данилова надпись на камне носит запретительный характер; Василий нарушает запрет и гибнет. Такой мотив надо признать очень архаичным. По вероятному предположению Проппа, камень этот представляет надгробную плиту, и запретительная надпись на нем связана с представлениями о загробном мире (стр. 474—475). В большинстве вариантов запрещения нет, а есть либо вопрос («Кто этот камень скочит да перескочит?»), либо прямое предложение совершить скачок. Этим, конечно, несколько снижается острота конфликта.

Строка 204. *Почто вы купаетесь во Ердан-реке?* Эпизод купанья изложен здесь не вполне ясно. Согласно обычаю, в Иордане — реке священной — купаться можно было только в одежде. В других вариантах Василия Буслаева иногда предупреждают об этом, но он дает на это циничный ответ и купается нагим, совершая тем самым кощунство.

Алеша Попович. Впервые у Якубовича, № 6. Обзор вариантов и исследований сюжета: Астахова, II, стр. 697—700; Пропп, стр. 206—224, 577—578; Смирнов-Смолицкий, стр. 397—400. Дополнительно: Б. Мериджи. Наблюдения над Сборником Кирши Данилова.—«Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры». М.—Л., 1966, стр. 25—27; Путилов 1971, стр. 34—38, 46—54 (здесь — славянские параллели). Былина об Алеше Поповиче и Тугарине входит в центральное ядро русского героического эпоса; древний сюжет о борьбе героя с чудовищем получил здесь типичную для русских былин разработку: Тугарин предстает как враг Русского государства и насильник, а Алеша выступает в роли спасителя Киева, защитника русской земли.

Текст Кирши Данилова очень своеобразен; в нем необоснованно соединены две различные версии сюжета: согласно одной, Алеша встречает Тугарина в поле и убивает его; во второй — встреча происходит в Киеве (эта вторая версия очень напоминает былину «Илья Муромец и Идолище»); в варианте Кирши Данилова получается, что Алеша убивает Тугарина дважды. Как показывают новейшие исследования, две версии принадлежат к различным местным эпическим традициям. Текст сохраняет следы искусной работы редактора (Смирнов-Смолицкий, стр. 404—405).

Важной особенностью настоящего текста, как и вообще сибирской эпической традиции, является то, что образ Алеши Поповича здесь — целиком героический. В других былинах, записанных в разных местах, образ этого богатыря заключает отрицательные черты, отношение к нему обычно двойственное.

Героический образ Алеши противостоит в былине не только Тугарину, но и княжескому окружению: княгине, заступающейся за Змея-любовника, боярам, берущим в предстоящей борьбе сторону Тугарина.

Былина в Сборнике изложена неровно. Рядом с очень хорошими образцами эпической манеры (вся первая часть, до встречи Алеши с Екимом, начало второй части) попадаются прозаические места — результат записи по пересказу, а может быть, даже по памяти (единоборство Екима с Алешей, описание заклада и др.).

Строка 36. *Не доехавши оне до Сафат-реки.* Название реки, по-видимому, вымышлено. Возможно, что оно произведено от Иосафатовой долины. Долина эта, находившаяся вблизи Иерусалима, упоминается в Библии. С Иосафатовой долиной связаны представления о месте, где якобы должен происходить страшный суд при кончине мира.

Строка 58. *Пришел тут к ним калика перехожей.* См. комментарий к песне «Сорок калик со каликою» (стр. 442—443).

Строка 68. *Видел я Тугарина Змеевича.* Образ Тугарина в первой и во второй частях былины внешне не совпадает. По мнению некоторых исследователей, имя

иноземного чудовища восходит к имени половецкого хана Тугоркана (конец XI века), который был убит под Переяславлем в 1096 году.

Строки 269—270. *А зо Алешу подписавал Владыка черниговской.* В той же роли (подписывает заклад за Ивана Гостиного сына) владыка черниговский встречается в былине «Иван Гостиной сын».

Добрыня чудь покорил. Впервые у Якубовича, № 16. Обзор вариантов и исследований сюжета: Астахова, I, стр. 565—568; II, стр. 721—728; Пропп, стр. 277—286. Дополнительно: Путилов 1971, стр. 190—206 (здесь — славянские параллели); Смирнов-Смолицкий, стр. 413—417.

Былина «Добрыня и Алеша», или «Неудавшаяся женитьба Алеши», — одна из популярнейших былин, известная повсеместно в районах бытования русского эпоса. В большинстве имеющихся вариантов особенно подробно разрабатываются эпизоды сватанья Алеши к Настасье; при этом и Алеша, и поддерживающий его князь Владимир изображаются отрицательно. В этих вариантах Добрыня узнает о предстоящей свадьбе обычно от своего коня, быстро возвращается домой и восстанавливает справедливость. Нередко былина оканчивается расправой Добрыни с Алешей. В лучших вариантах обычно много бытовых подробностей, характерно также стремление певцов к тонкой психологической разработке сюжета.

Вариант Кирши Данилова очень своеобразен. Мотив сватанья в нем вовсе не разработан; зато более подробно описаны подвиги Добрыни. В результате героическая тема приобретает в былине большую роль, становясь рядом с темой семейной; характерно в этом же плане заглавие, под которым песня помещена в Сборнике. Содержание былины осложняется конфликтом Добрыни с князем Владимиром; основной пафос обличения направлен против князя, а не против Алеши. Тем самым борьба богатыря за во́сстановление семьи получает в варианте социальный смысл.

Строки 21—25. *Чудь, сорочина, черкасы пятигорские, калмыки, татары, чукши, алюторы.* В этом перечислении отложились, с одной стороны, обычные эпические представления, с другой — уральско-сибирские впечатления. Чукши — чукчи, алю́торы — алюторцы, одна из наиболее значительных групп коряков, населявшая обширную территорию Камчатского перешейка. Возможно, былина отразила воспоминания сибирских певцов о вооруженных столкновениях с коряками во второй половине XVII в., вызванных произвольным взиманием дани.

Строки 89—101. *А и ездит Добрыня неделю в них. . . А втапоры Настасьи шесть лет прошло.* Пример характерного для эпоса нарушения реального представления о времени.

Михайла Казаринов. Впервые у Якубовича, № 5. Обзор вариантов и исследований сюжета: Астахова, II, стр. 770—772; Пропп, стр. 154—167, 574. Дополнительно: Путилов 1960, стр. 105—109; Путилов 1971, стр. 220—235 (здесь — славянские параллели); Б. Н. Путилов. История одной сюжетной загадки (былина о Михаиле Козарине). — «Вопросы фольклора». Томск, 1965.

Былина о Михайле Казарине стоит на грани между героическим эпосом и балладой. В большинстве вариантов повествование о героическом подвиге Михайлы осложняется эпизодами тяжелой и загадочной семейной драмы: богатырь с детства отлучен от семьи, вырастает вдали от родителей и т. д. Мотивы эти восходят к архаическим сюжетным истокам (тема угрозы инцеста).

Текст Кирши Данилова дает своеобразную версию сюжета. Благодаря эпизодам приезда Михаила в Киев, поступления его на службу к князю Владимиру, возвращения в Киев после освобождения сестры вся былина оказывается втянутой в киевский героический цикл,— чего обычно не знают другие варианты. В тексте Кирши Данилова нет характерной для ряда вариантов истории семейных отношений Казарина, нет картины татарского набега и др. Соединение сюжета об освобождении сестры из татарского плена с мотивами службы князю в тексте не очень органично. Вариант Сборника не принадлежит к числу лучших.

Строки 1—38. *Как из далеча было, из Галичья. . . Котора река шириною пятнадцать верст.* Все это место очень сходно с началом былины о Дюке.

Строки 55—96. *Говорил ему ласковой Владимер-князь. . . И поехал от моря от синева.* Все это место очень сходно с описанием поездки Потока (см. следующий текст).

Строки 145—166. *На беседе сидят три татарина. . . За мирнова сына в Золотой орде.* Это место в былине имеет прямые параллели в песнях о девушке-полонянке и татарах (см. Исторические песни XIII—XVI вв., №№ 5—17).

Потук Михайла Иванович. Впервые у Якубовича, № 14. Обзор вариантов и исследований сюжета: Астахова, I, стр. 619—621; II, стр. 779—781; Пропп, стр. 109—126, 569—571; Путилов 1971, стр. 174—182 (здесь — славянские параллели).

Былина о Потоке (Потыке) входит в цикл эпических песен о сватовстве. Сюжет ее и образы очень архаичны, она отличается в наиболее полных вариантах огромными размерами и многосоставностью. Основу сюжета составляет женитьба героя (на волшебнице, представительнице враждебного человеку мира), связанная с обязательством — в случае смерти одного из супругов другому идти живым в могилу; предлагая этот договор, невеста имеет целью увлечь Потока в подземное царство и там погубить его. Несомненна древность этого мотива, в котором живут не только сказочные черты, но и эпическое отражение явлений доисторического быта (обычай хоронить с умершим мужем его жену, рабов и т. д.). Конфликт в былине возникает на почве того, что Поток в начале не видит колдовской сущности своей жены и доверяет ей, а уже позже вступает в борьбу с ней и с теми силами, которые ее окружают.

Былина о Потоке была втянута в ряд героических песен киевского цикла. В полных вариантах она включает эпизоды похищения жены Потока чужеземным царем, историю странствий богатыря, встречи с женой, околдовывания ею мужа, спасения Потока богатырями.

Текст Кирши Данилова — не из лучших, хотя и сохраняет отдельные архаические черты. История трагической женитьбы Потока изложена здесь не так широко и подробно, как в ряде других вариантов, образы Потока и особенно его жены-колдуньи не получили достаточной разработки, конец былины скомкан. Обычно Поток, убедившись в колдовской сущности жены, убивает ее. В тексте Сборника развязка иная — соответствующая условию, заключенному при браке. Она осмыслена вне связи с первоначальной, исконной идеей былины.

В тексте имеются места, записанные с пересказа (в эпизодах венчания и заключения договора и особенно пребывания Потока в могиле).

Строка 162. *Мудрости искала над мужем своим.* Т. е. хотела перехитрить его. Только эти строки в былине намекают на то, что Авдотья Леховидьевна хочет увлечь Потока за собой в могилу и погубить его.

Строки 167—168. *Приказали ему попы соборныя Тотчас на санях привезти.* Обычай хоронить в санях подтверждается рядом литературных свидетельств древней Руси.

Сорок калик со каликою. Впервые у Якубовича, № 15. Обзор вариантов и исследований сюжета: Астахова, I, стр. 634—637; Пропп, стр. 212.

«Сорок калик» — произведение, относящееся скорее к жанру эпических духовных стихов (песен религиозного содержания), чем к былинам. События здесь не носят героического характера, сюжет не содержит ни сказочных мотивов, ни типичных для ряда былин бытовых подробностей. С героическим эпосом это произведение сближается только тем, что события происходят в Киеве, а действующими лицами оказываются князь Владимир, княгиня Апраксевна и богатыри — Алеша и Добрыня. Вся песня посвящена каликам. Калики перехожие в древней Руси — это паломники, странствовавшие по «святым местам»; главными целями паломничества были Царьград и Иерусалим. Калики нередко составляли сплоченные, хорошо организованные дружины с каличьим «кругом», атаманом, со своим судом и т. д. Духовный стих во многих подробностях изображает внутренний быт и понятия такой каличьей дружины.

Основная идея песни — утверждение высоких моральных качеств калик, их нравственного превосходства над княжеской средой. Главный герой песни Касьян предстает как святой, совершающий подвиг аскетического характера и творящий

чудо. В песне есть не только идеализация калик, но и известная критика морали высших классов.

Калики нередко выступают в былинах в роли эпизодических персонажей, чаще всего как вестники (былина об Алеше) либо как спутники богатыря (былина о Соловье Будимировиче).

Текст Кирши Данилова — один из лучших. В нем очень последовательно, через все эпизоды, проведено противопоставление развратной, назойливой княгине Апраксеевне морально стойкого Касьяна Михайловича. От известных вариантов текст Кирши Данилова отличается заключительными эпизодами (чудесное спасение Касьяна, наказание Апраксеевны болезнью, чудесное ее излечение).

Встречаются места, записанные по пересказу (возвращение калик к Касьяну и др.).

Строка 1. *А из пустыни было Ефимьевы.* Предполагают, что речь идет о Спасо-Евфимиевом монастыре близ Вологды, известном в XV—XVII веках.

Строка 2. *Из монастыря из Боголюбова.* В ряде текстов Сборника упоминается этот монастырь. Вероятнее всего, это Суздальский Боголюбов монастырь, основанный в начале XII века близ города Владимира князем Андреем Боголюбским.

Строка 38. *Сверх тое реки Чёреги.* См. комментарий к былине «Чурила Пленкович».

Строки 57—58. *А Спиря стал постыривать, Сема стал пересёмовать.* Ср. также в былине «О станишниках или разбойниках». Означает выражение сильного испуга.

Калин-царь. Впервые у Якубовича, № 13. Обзор вариантов и исследование сюжета: Астахова, I, стр. 595—601; II, стр. 753—757; «Илья Муромец. Подготовка текстов, статья и комментарии А. М. Астаховой». М.—Л., 1958, стр. 462—465; Пропп, стр. 301—354, 581—583.

Сюжет былины — один из центральных в русском героическом эпосе. Патриотизм и идея непобедимости русского народа выражены здесь с особенной художественной силой. Сюжет известен в ряде версий, число записей велико.

Текст Кирши Данилова в некоторых отношениях своеобразен. Он дает наиболее краткую версию, в которой отсутствуют такие эпизоды, как пребывание Ильи Муромца в заточении у князя, получение отсрочки у Калина, сборы богатырей, временное пленение Ильи Муромца и др. Только в варианте Кирши Данилова встречается эпизод с участием Василия Игнатьевича (обычно он развернут в самостоятельную песню). Былина оканчивается необычно — братанием Ильи и Васьки (эпизод этот встречается в былине «Илья Муромец и голи кабацкие»). Необычен также мотив проникновения в стан Калина вместе с Ильей переодетого Владимира.

Текст Сборника отличается высокими художественными достоинствами; особенно замечательны картина татарского нашествия, одна из лучших в русском эпосе, образ татарского посла, сцена ссоры Ильи с Калином, изображение бегства татар.

Строка 2. *Из тое Могозеи богатыя.* Вероятно, Мангазея, первый русский город в Сибири, основанный в 1601 году, известный когда-то крупной торговлей и богатством.

Строка 3. *Когда подымался злой Калин-царь.* Другие наименования татарского царя в этой былине — Скурла, Кудреванка, Батыга. Некоторые исследователи без достаточного основания возводят имя Калина к названию реки Калки и всю былину связывают с Калкской битвой.

Царь Саул Леванидович. Впервые у Якубовича, № 20. Вариант: Киреевский, III, стр. 113 (иная версия). Исследования: В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I. М., 1897, стр. 328—348; Пропп, стр. 263—264; Путилов 1971, стр. 210—212 (здесь — славянские параллели).

Очень редкая в эпосе тема о подвигах богатыря, отправившегося на поиски своего отца. Характерно, что действие былины приурочено не к Киеву, а к эпическому царству Алыберскому, город Углич оказывается «в Орде, в Литве»; встречаются и другие исторические несообразности. В варианте есть следы сибирской обработки сюжета. Былина содержит ряд художественно разработанных эпизодов, но в целом она не

очень удачна: образы героев недостаточно определенны, мотивировки не всегда оправданы, основная идея песни расплывчата, сюжет перегружен; все это обусловило, видимо, слабую распространенность песни. Некоторые исследователи предполагают, что в эпизоде расправы Саула с угличанами нашли отклик факты конца XVI—начала XVII века, — карательные меры, примененные к Угличу по приказу Бориса Годунова в связи с убийством царевича Дмитрия.

Агафонушка. Впервые у Шеффера, стр. 110—111. Обзор вариантов: Астахова, II, стр. 787. Дополнительно: «Народно-поэтическая сатира. Статьи, подготовка текста и примечания Д. М. Молдавского». Л., 1960, стр. 29—31, 434; А. М. Ивлева. Скоморошины (Общие проблемы изучения). — «Славянский фольклор», М., 1972; В. П. Федорова. Небылицы. — «Проблемы изучения русского устного народного творчества», вып. 1. М., 1975, стр. 90—95; Cz. Hernas. Wiek prefolklorystyki polskiej. 1700—1800. — «Pamiętnik literacky», 1963, z. 2, str. 306.

Былина об Агафонушке соединяет в себе два произведения разной жанровой принадлежности. Первая ее часть (до слов «Кишкою брюхо пропороно») — песня-пародия. Шутливый песенный рассказ о драке свекра со снохой изложен в пародийной эпической форме; за каждым эпизодом здесь легко вскрывается былинная первооснова, но эпические мотивы получают шутливую, насмешливую разработку. В песне происходит нарочитое снижение как всего эпического стиля в целом, так и образов богатырей.

Вторая часть, начинающаяся со слов «В то же время и в тот же час», — это типичная песня-небылица; произведения этого рода говорят обычно о совершенно нелепых и невозможных событиях как о реально происходящих; в них есть часто традиционный припев, отсутствующий в тексте Кирши Данилова —«А и небылица, небывальщина». Заключительная строка текста («А и то старина, то и деянье») вновь возвращает всей песне пародийный смысл.

Строки 3—7. *Высока ли высота потолочная. . . А и синее море — в лохани вода.* Пародия на эпический зачин «Высота ли, высота поднебесная» (см. былины «Про Соловья Будимеровича» и «Высота ли, высота поднебесная»).

Строки 8—19. *А у белова города, у жорнова. . . Убили оне курицу пропашшую.* Здесь пародийно переосмыслены типичные описания сражений, имеющиеся в былинах и исторических песнях.

Строки 21—26. *Выбежал сильной-могуч богатырь. . . Сливныя коросты — то петельки.* Все это место представляет острую пародию на идеализированные описания роскошного снаряжения и одежды богатыря в былинах. Обычно у богатыря — шуба соболиная, одна пола ее стоит пятьсот рублей, а всей шубе цены нет; такие же дорогие пуговицы и петли:

Петелки-ты вплетены шелковеньки,
Пуговки-ты вливаны да золоченыи,
В петелки-ты вплетано по красноей по девушке,
А-й во пуговки-ты вливано по доброму по молодцу.

Садко-богатой гость. Впервые у Калайдовича, № 26. Обзор вариантов и исследований сюжета: Астахова, I, стр. 625—627; II, стр. 793—794; Пропп, стр. 87—98, 567—569. Дополнительно: Т. М. Акимова. Структура былинного цикла о Садко.— «Вопросы литературы и фольклора». Воронеж, 1973.

Былина о Садко относится к былинам новгородского цикла. В большинстве вариантов (их не так много) Садко, бедный гусляр, оказывается в разладе с новгородскими купцами и боярами; водяной царь, восхищенный мастерством игры Садко, предлагает ему побиться об заклад с купцами, что он поймает в Ильмень-озере золотую рыбку; с помощью водяного царя Садко выигрывает спор и сам становится богатым купцом.

Текст Кирши Данилова дает совершенно своеобразную разработку этой первой части. Здесь Садко изображается не как гусляр, а как «волжский сур»— вольный удалец, приезжающий в Новгород с Волги. По-иному мотивировано и обогащение Садко: Ильмень-озеро по-сказочному награждает его за привезенный им поклон от

«сестры Волги». Картина артельной ловли рыбы воспроизводит черты новгородской действительности. Во второй части описывается конфликт Садко с купцами. Садко предстает здесь как обладатель несметных богатств, и в богатстве он состязается со всем Новгородом. В большинстве вариантов у Садко недостает денег, чтобы скупить все товары, он терпит поражение в споре и вынужден признать неколебимую торговую мощь Новгорода.

В тексте Кирши Данилова окончание более редкое — Садко полностью торжествует. Его заключительные слова о том, что «богат Новгород», звучат в данном контексте явно иронически: свидетельством былого богатства Новгорода остались лишь гнилые горшки.

Строки 7—9. *Отрезал хлеба великой сукрой, А и солью насолил, Ево в Волгу опустил.* Здесь отражен древний обычай мореплавателей и рыбаков — приносить в дар морю или реке хлеб с солью.

Строка 109. *У тово ли Николы Можайскова.* См. комментарий к песне «Садков корабль стал на море».

Строки 110—111. *Те мужики новогородские Сходилися на братшину Никольшину.* См. комментарий к песне «Про Василья Буслаева».

Строка 146. *А и шод Садко, божей храм сорудил.* Садко (Съдко, Сотко) упоминается в новгородской летописи как строитель каменной церкви Бориса и Глеба (середина XII века). На этом основании некоторые исследователи пытаются искать в былине отражение конкретных исторических фактов.

Михайла Скопин. Впервые у Калайдовича, № 27. Варианты: Исторические песни XVII в., №№ 30—63. Библиография литературы о песне, текстологический и исторический комментарий: там же, стр. 338—339. Дополнительно: В. П. Адрианова-Перетц. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974, стр. 65—71.

В основе этой песни лежат исторические факты. Михаил Скопин-Шуйский сыграл значительную роль в борьбе Русского государства против польских интервентов, в частности, в защите Москвы. Он умер внезапно, весной 1610 года; молва́ приписывала смерть Скопина отравлению на пиру у князя Воротынского.

Текст Кирши Данилова наиболее полон. Он включает повествование о подвигах Скопина по очищению Руси от врагов и рассказ о трагической гибели героя; вариант носит четко выраженный антибоярский характер. Текст Кирши Данилова выделяется среди известных записей ярким историзмом, хотя и на этом тексте лежит отчетливый отпечаток эпической обработки исторической темы, что характерно для большинства вариантов. Окончание песни выполнено в скоморошьем духе.

Строки 1—2. *Как бы во сто двадцать седьмом году, В седьмом году восьмой тысячи.* Т. е. по старому летосчислению — в 7127 (1619) году. Дата неточная: события, описываемые в песне, начались в 1609 году.

Строка 5. *Литва облегла со все четыре стороны.* «Литва» в данном случае — наименование польских интервентов. Другие наименования врагов — сорочина, черкесы, калмыки с татарами, башкиры, чюкши с алюторами, чудь — явились в результате эпической переработки исторической песни; в них есть отголоски сибирских впечатлений. Ср. тот же перечень в песне «Добрыня чудь покорил».

Строка 27. *Он поход чинил ко Нову-городу.* В 1609 году царь Василий Шуйский послал Скопина в Новгород для заключения союза со Швецией.

Строки 36—38. *Во Свицкую землю, Саксонскую. . . Ко свицкому королю Карлосу.* По прибытии в Новгород Скопин действительно начал переговоры о военной помощи с правительством шведского короля Карла IX. Шведский отряд под командованием Якова Понтуса Делагарди прибыл в Новгород весной 1609 года.

Строка 52. *Я зокладоваю три города русския.* Московское правительство вынуждено было уступить Швеции, за оказанную ею помощь, Корельский уезд и отказаться от прав на Ливонию.

Строки 54—55. *Своево любимова шурина, А таво Митрофана Фунтосова.* Такого имени исторические источники не знают. Скопина сопровождал в Новгород его шурин Семен Васильевич Головин. В имени Фунтосова преломились, может быть, воспоминания о Понтусе Делагарди.

Строка 56. *Как и будет почтарь в Полувецкой орде.* Образ чужой земли получает обычное для былин эпическое название.

Строки 125—129. *У тово ли было князя Воротынскова. . . А кума была дочи. . . Малюты Скурлатова.* Скопин, действительно, был крестным отцом сына князя Ивана Михайловича Воротынского. Крестной матерью была дочь Малюты Скуратова, жена Дмитрия Ивановича Шуйского — дяди Скопина.

Взятье Казанское царство. Впервые у Калайдовича, № 28. Варианты: Исторические песни XIII—XVI вв., №№ 47—83. Библиография литературы о песне, текстологический и исторический комментарий: там же, стр. 633—634. Дополнительно: Путилов 1960, стр. 170—181; Соколова, стр. 21—31; А. А. Зимин. Из истории посадской идеологии XVII в. (Песни и легенды о взятии Казани). — «Города феодальной России. Сборник статей памяти Н. В. Устюгова». М., 1966.

Одна из старейших и популярнейших исторических песен. В основе ее содержания — разгром Казанского царства русскими войсками в 1552 году. Вариант Кирши Данилова — один из самых замечательных в идейно-художественном отношении. В большинстве известных вариантов центральное место занимает эпизод с пушкарями. В варианте Кирши Данилова этот эпизод и картина осады Казани вставлены в широкую историческую раму: основная тема песни — утверждение величия и славы молодого Русского государства во главе с царем Иваном IV. Эта тема реализуется в рассказе царицы Елены, в картине похода русского войска, в изображении взятия Казани, особенно — в заключительных строках песни. На фоне этих широких исторических обобщений эпизод с пушкарями несколько теряется.

Строки 5—6, 51, 58. *Царь Семион, царица Елена.* Казанский царь Едигер после падения Казани в 1552 году был взят в плен и привезен в Москву; при крещении получил имя Симеона. Имя царицы Елены вымышлено.

Строка 41. *Еще как бы это дело оттянути.* Есть варианты, где царь, услышав слова пушкаря, отменяет тотчас же приказ о казни и награждает пушкарей. В данном тексте это место разработано психологически тоньше: царь не признает открыто, что он неправ, а думает о том, как ему выйти из создавшегося положения — как «это дело оттянути». О жестокости и несправедливости Ивана Грозного песня говорит и ниже, показывая его расправу с Симеоном.

Под Канатопом под городом. Впервые у Калайдовича, № 29. Варианты: Исторические песни XVII века, №№ 116—118. Библиография литературы о песне и исторический комментарий: там же, стр. 350—351.

Содержание песни связано с событиями середины XVII века. Сражение русских войск с татарами под Конотопом произошло летом 1659 года. Князь Семен Романович Пожарский был взят в плен; при допросе он плюнул в глаза крымскому хану, и тот велел отрубить ему голову (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VI. М., 1961, стр. 50—51).

В военно-исторической песне эти события получили разработку в мотивах единоборства русского героя с вражеским поединщиком и мученической смерти героя, ответившего смелым отказом на предложение вражеского царя перейти к нему на службу. Заключительная часть песни — о том, как казаки выручают тело Пожарского,— изложена прозаично и производит впечатление повествовательного дополнения с характерным житийным мотивом срастания разрубленных частей тела князя.

Светел-радошен царь Алексей Михайлович. Впервые у Калайдовича, № 30. Варианты: Исторические песни XVII в., №№ 136—137.

Возникновение песни о рождении Петра I в данной редакции относится, по-видимому, к последним годам его царствования. Текст Сборника наиболее полон.

Строки 29—33. *Во веселье, в радосте. . . Первова императора.* Производят впечатление позднейшего дополнения. Неясно, относятся ли слова «дни прошли» к молодости или ко всей жизни Петра.

Когда было молодцу пора-время великая. Впервые у Калайдовича, № 31. Обзор вариантов и исследование: Б. Н. Путилов. Песня «Добрый молодец и река Смородина» и «Повесть о Горе-Злочастии». «ТОДРЛ», т. XII. М.—Л., 1956; Н. К. Гуд-

з и й. История древней русской литературы, изд. 7-е. М.—Л., 1966, стр. 409—410. Дополнительно: W. E. H a r k i n s. The Symbol of the River in the Tale of Gore-Zločastie.—«Studies in Slavic Linguistics and Poetics in Honor of Boris O. Unbegaun». New York, 1968.

Песня известна в нескольких редакциях. В северных вариантах герой уезжает от нелюбимой жены, которую выдают за него против его желания. В волжских вариантах причина ухода не объясняется и смысл конфликта неясен.

Текст Кирши Данилова — наиболее значительный среди опубликованных. Главная его особенность — глубокая трактовка конфликта доброго молодца с окружающей средой, показ трагической судьбы героя, порвавшего с привычным для него миром. В этом отношении песня может быть соотнесена с Повестью о Горе-Злочастии; несомненно, что и песня, и Повесть, каждая по-своему, отразили жизненные конфликты, характерные для русской действительности XVII века.

Волжские варианты начинаются эпизодом рождения царевича; эпизод этот никак не связан с данным сюжетом. Однако в сознании певцов какая-то связь существовала. Характерно, что в Сборнике Кирши Данилова есть самостоятельная песня о рождении царевича, которая в рукописи стоит непосредственно перед настоящей песней; возможно, что и певец исполнял их одну за другой (см. предыдущий текст).

Начало песни в более краткой форме повторяется ниже, в песне «Из Крыму и из Нагаю».

В художественном отношении текст Кирши Данилова — лучший. «Поэтически унылый тон» песни отмечал В. Г. Белинский (Белинский, стр. 400).

Под Ригою стоял царь-государь. Впервые у Калайдовича, № 32. Вариантов нет. Имеются скрытые перепечатки и обработки данного текста: см.: Исторические песни XVII в., стр. 351. Библиография литературы о песне и исторический комментарий: там же.

Ср. песню «Из-за лесу, лесу темного» (Соболевский, VI, № 215), в которой солдаты также жалуются на свое положение царю, а он обещает им после трех лет службы «по пяти рублев с полтиною, по три аршина сукна зеленого».

Солдатская песня с элементами исторического содержания. Указание на осаду Риги и на царя Алексея Михайловича позволяет датировать события, описываемые здесь, 1656 годом. Однако можно думать, что песня сложена позднее, может быть, при Петре (царь Алексей назван здесь «бывшим», в песне действуют «солдаты новобранные»). Вместе с песнями «Во хорошем высоком тереме» и «На литовском рубеже» она составляет в Сборнике небольшой песенный цикл о тяжкой доле солдата: «Много холоду, голоду приняли, наготы, босоты вздвое того».

Поход селенгинским казакам. Впервые у Калайдовича, № 33. Вариантов нет. О песне см.: В. С. Л е в а ш о в. Военно-исторические песни предков Забайкальских казаков. — Ученые записки Читинского государственного педагогического института, вып. 23. 1971, стр. 26—33; М. Н. Т у л о х о н о в. Бурятские исторические песни. Улан-Удэ, 1973, стр. 81—83.

Казачья военно-историческая песня лиро-эпического характера. События, о которых говорится в песне, относятся скорее всего к концу XVII века, когда между царскими войсками в районе Селенгинского острога и монгольскими (мунгальскими) князьками участились военные столкновения, стычки, случаи отгона скота и т. д. О ряде таких столкновений говорят документы (см., например, «Дополнения к Актам историческим», т. X, стр. 286—292). В. Левашов датирует события, описанные в песне, 1691 г.

Основные мотивы песни — сборы в поход, переправа через реку, нападение на противника, возвращение и заключительное неудачное сражение — типичны для ряда казачьих песен, особенно XVIII—XIX веков. Особенностью настоящей песни является то, что поход казаков изображается без всякого сочувствия, и отношение к казакам, потерпевшим поражение, здесь явно ироническое.

С т р о к а 3. *Из верхнева острогу Селендинскова.* Селенгинский острог был сооружен в 1665—1666 годах.

Строка 9. *Тобуноцки мужики, люди ясашныя.* В документах XVII века «табунуцкие»; табунуты — одно из бурятских племен в Прибайкалье, платившее царскому правительству дань — ясак.

Строки 7, 10, 12. *Посольские стрельцы, Федор Дементьянович.* По вероятному предположению А. А. Горелова имеются в виду стрельцы посольства Ф. Головина (1687—1689) и нерчинский воевода Федор Дементьев Воейков. *Прокопей Козеев* — в известных документах имя не значится.

По далам девица копала коренья лютая. Впервые у Калайдовича, № 34. Варианты: Соболевский, I, №№ 139, 141—146; «Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях. . .», вып. I. М., 1898, №№ 822, 825, 826, 828; «Русская баллада. Предисловие, редакция и примечания В. И. Чернышева». Л., 1936, стр. 379.

Песня-баллада бытового характера.

Вариант Кирши Данилова уникален; с ним немного сходны только тексты Соболевского, № 139 и Шейна, в которых девушка нечаянно губит брата. В остальных вариантах она сознательно опаивает доброго молодца, мстя ему за какие-то обиды; молодец догадывается о происшедшем, обращается к девушке с последней просьбой — похоронить его. Текст Кирши Данилова, очень цельный в художественном отношении, знает еще одну подробность, усиливающую драматизм песни: «друг милый» — в то же время «по роду братец родимый».

Перед нашими воротами утоптана трава. Впервые у Калайдовича, № 35. Варианты: Соболевский, I, №№ 302—307.

Лирическая песня бытового характера.

Текст Кирши Данилова уникален. Варианты сходны с ним лишь отдаленно. В них муж бранит немилую жену, велит ей постричься в монастырь, обещает дать на постриженье деньги. Позднее муж раскаивается, просит жену расстричься, но она отказывается. В тексте Кирши Данилова вместо конфликта семейного — любовный. Белинский приводит отрывок из этой песни (от слов «держал красну девицу за белы руки» до слов «замарал на девице платье цветное») в качестве примера типичной народной песни любовного содержания; песня эта для Белинского была художественной иллюстрацией к тезису о том, что «противоречие общественности с разумными потребностями и стремлениями человеческой натуры становит общество в трагическое положение» (стр. 446).

Да не жаль добра молодца битова — жаль похмельнова. Впервые у Калайдовича, № 36. Вариантов нет.

Уникальная песня шуточного характера. Заключительные слова «Замените мою смерть животом своим» обычно встречаются в песнях военно-бытового содержания, где их произносит герой песни: он просит не оставлять его смертельно раненным после сражения. В данном тексте эти слова носят шутливый характер: положение «молодца похмельного» как бы уподобляется судьбе молодца, погибающего от ран. Имя Кирилы Даниловича уже Калайдович связывал с Киршей Даниловым и на этом основании считал последнего автором песни. Об этом говорит и Белинский. Однако возможно и другое объяснение. В подобного рода шуточных песнях имена свободно заменялись, при пении могли называться присутствующие. Поэтому не исключено, что в шутку певец вставил здесь имя собирателя.

Из Крыму и из Нагаю. Впервые у Калайдовича, № 37.

Начало типично для песен о бегстве из татарского или турецкого плена (см., например: «Русские народные песни, собранные П. В. Шейном». — «Чтения в Обществе истории и древностей российских», кн. III. М., 1877, стр. 23—24). Первые строки песни (бегство братьев) представляют частичную параллель к думе о бегстве трех братьев-невольников из Азова (см., например: «Исторические песни малорусского народа с объяснениями Вл. Антоновича и М. Драгоманова», т. I. Киев, 1874, стр. 106—133, 332—336; Ф. М. Колесса. Мелодії українських народних дум. Київ, 1969, стр. 263—270, 341—356).

Вторая часть песни (от слов «Когда было добру молодцу время») неожиданно нарушает развитие сюжета. В раздумьях молодца о соколе и куличонке есть какая-то связь с решением младшего брата идти пешком. Строки же о добром молодце, о его судьбе явно перекликаются с первой частью песни «Когда было молодцу пора-время великое».

Приводим единственный известный нам вариант в записи XVIII века, где ощутимо объединяются темы и образы этих двух песен.

Сокол ли в чистом поле не птица,
Да и тот ли по чисту полю гуляя,
Болотную воду попивает,
А я ли, доброй молодец, не удалой.
Как было молодцу пора и время,
Отец и мать меня любили,
Сестры, братья и род-племя хвалили,
Друзей у молодца было много.
А как ныне добру молодцу безвремянье,
Отец и мать детинушку невзлюбили,
Весь род-племя удалова не узнали,
Друзья все и приятели позабыли,
Ссылают добра молодца с подворья,
Пошел я, доброй молодец, сам заплакал,
В слезах пути-дороженьки не взвидел,
В возрыданьице словечушка не молвил.

(М. Чулков. Собрание разных песен, ч. II, № 145).

Строки 1—2. *...Из'Нагаю... орды басурманския.* Этой песенной формуле исторически соответствуют скорее всего Малые Ногаи, занимавшие в XVII в. степи Северного Причерноморья и находившиеся в зависимости от Турции и Крыма.

Покрай моря синего стоял Азов-город. Впервые у Калайдовича, № 38. Варианты: Исторические песни XIII—XVI вв., №№ 378—387. О песне см.: Путилов 1960, стр. 297—298; А. А. Горелов. Трилогия о Ермаке из Сборника Кирши Данилова. — «Русский фольклор. Материалы и исследования», VI. М.—Л., 1961, стр. 344—350.

Сюжет известен в применении к различным историческим личностям. Вариантов с именем Ермака мало. Текст Кирши Данилова — наиболее разработанный. В известных записях песня кончается обычно требованием героя выпустить его на волю. В данном же тексте содержится продолжение. Однако эти эпизоды песни, особенно рассказ Ермака, изложены прозаично и, быть может, представляют повествовательное дополнение к песне. В Сборнике Кирши Данилова налицо стремление создать цельную песенную биографию Ермака, связав между собой отдельные песни. Настоящий сюжет как бы открывает собой поэтическую историю жизни Ермака.

[Про] Бориса Шереметева. Впервые у Калайдовича, № 39. Варианты: «Исторические песни XVIII века. Издание подготовили О. Б. Алексеева и Л. И. Емельянов». Л., 1971, №№ 70—80. О песне см.: Соколова, стр. 208—212; К. В. Чистов. Некоторые моменты истории Карелии в русских исторических песнях. — «Труды Карельского филиала АН СССР», вып. X. Петрозаводск, 1958, стр. 80—81.

Военно-историческая песня Петровского времени.

В большинстве вариантов речь идет о сражении русских войск, которыми руководит Б. П. Шереметев, со шведами у Красной Мызы в 1702 году. В тексте Кирши Данилова сохранились воспоминания о крепости Орешке, взятию которой предшествовало сражение. Данный текст наиболее подробно разрабатывает центральный эпизод песни — допрос взятого в плен шведского майора; своеобразным здесь является введение в действие песни Петра Первого.

Благословите, братцы, про старину сказать. Впервые у Калайдовича, № 40. Варианты (частичные): Соболевский, VII, № 322; Астахова, II, № 220.

Относится к группе песен-«небылиц», слагавшихся иногда на основе пародирования былинных форм. В настоящем тексте пародийным является лишь начало. Для песен этого рода характерно соединение в пределах одного текста ряда историй-«небылиц». Именно такой вид имеют варианты, где эпизод с сыном, матерью и женой входит в ряд других эпизодов. Текст Кирши Данилова дает как бы вполне завершенную самостоятельную песню на тему семейных отношений.

[Про] князя Репнина. Впервые у Калайдовича, № 41. Близкие по содержанию песни о расправе с астраханским губернатором: М. Д. Чулков. Собрание разных песен, ч. III, № 54; Д. Кашин. Русские народные песни. М., 1834, кн. 2, № 18, стр. 69. Неполный вариант с именем Репнина — в рукописном сборнике XVIII века (ГПБ, собр. Титова, 3759, № 63).

Возможно, что песня входила первоначально в разинский цикл и лишь позднее к ней прикрепилось имя Репнина (XVIII век).

Отдельные строчки (описание остановки казаков на «зеленых лугах», появления судов из Астрахани, нападения казаков на «гребные струги») почти дословно совпадают с соответствующими местами песни «На Бузане-острове».

Во второй части текста есть прозаические места (от слов «губернатора из Астрахани Репнина»).

Во сибирской украине, во Доурской стороне. Впервые у Калайдовича, № 42. Вариантов нет. О песне см.: В. С. Левашов. Военно-исторические песни предков Забайкальских казаков. — «Ученые записки Читинского государственного педагогического института», вып. 23, 1971, стр. 17—26.

Военно-историческая песня на тему об отбитой вражеской осаде. События, описанные в ней, произошли в 1655 году. Интересный комментарий к песне содержат документы, опубликованные в «Дополнениях к Актам историческим», т. 4, СПб., 1851, стр. 28—30. В частности, они подтверждают точность описания Комарского острова, достоверность рассказа о начале и ходе осады острога войском бойдоского князька Тагудая (кроме речи к осажденным, их ответа и описания заключительного бегства князька).

Никите Романовичу дано село Преображенское. Впервые у Якубовича, № 22. Варианты: Исторические песни XIII—XVI вв., №№ 200—260. Библиография литературы о песне, текстологический и исторический комментарий: там же, стр. 654—656. Дополнительно: Путилов 1960, стр. 198—218; Соколова, стр. 48—60; A. A. Zimin. Das Lied vom Zorn Groznyjs auf seinen Sohn. — «Zeitschrift für Slawistik», 1964, Bd. IX, H. 1.

Одна из популярнейших исторических песен XVI века.

Многочисленные записи можно разделить на несколько редакций, которые различаются по разработке центрального эпизода — ссоры царя с сыном. В зависимости от того, как мотивируется конфликт Ивана Грозного с царевичем, песня приобретает определенный идейный смысл. К текстам первой редакции относятся те, в которых царь посылает сына на казнь за то, что тот бросает на пиру обвинение в наличии измены, не подкрепляя его фактами, не желая назвать изменников и т. д.; во второй редакции сын сам оказывается изменником. В свою очередь каждая редакция подразделяется на несколько видов. Вариант Кирши Данилова стоит несколько особняком. Антибоярский характер песни выражен в ней особенно наглядно: царевич обвиняет в измене «трех бояр больших», «трех Годуновых»; царь грозит изменникам жестокой расправой. Конфликт Ивана Васильевича с царевичем Федором происходит из-за того, что тот, назвав изменников, не раскрыл их преступлений и обвинил отца в связях с ними; правда, певец изложил это место не совсем четко. Вариант Кирши Данилова дает вполне определенную характеристику села, которое получает Никита Романович за спасение царевича: это убежище для «гулящих людей», «воров» — «кто церкву покрадет, мужика ли убьет, а кто у жива мужа жену уведет. . .». Начальные строки песни связывают ее с песней о взятии Казани, делая ее как бы прямым продолжением последней.

Песня «Никите Романовичу дано село Преображенское» (без этого названия) была послана Демидовым Ф. Миллеру в 1768 году.

Строка 34. *Что меньшей Федор Иванович.* Настойчивое сохранение в абсолютном большинстве текстов песни имени Федора является одним из аргументов против предположения, будто в песне отразился по-своему факт убийства Иваном Грозным сына (Ивана).

Строка 75. *Малюта-палач сын Скурлатович.* Во всех известных текстах Малюта изображается резко отрицательно. В его образе народ высказал свое отношение к тем жестокостям, которые характеризовали правление Ивана Грозного.

Строка 81. *Ко старому Никите Романовичу.* Обычно весть о несчастье приносит мать Федора-царевича. Исторический прототип героя — царский шурин, брат царицы Анастасии Романовны, первой жены Грозного. В песенном фольклоре Никита Романович фигурирует неоднократно: в былинах он стоит на заставе с Ильей Муромцем, в песне о Кострюке он ищет борцов, в песнях «удалого» содержания он выступает иногда как атаман или есаул и т. д. Никита Романович всегда противостоит как внешним врагам Руси, так и боярам.

Строки 124—141. *Сказни ты любимова конюха моево. . . Потом же увидел и голову у них.* Все это место в различных вариантах разрабатывается по-разному: иногда Никита Романович казнит самого Малюту, чаще же просто отнимает племянника. Необходимость казнить подставное лицо мотивируется обычно в песнях тем, что Иван Грозный приказывает принести ему голову казненного в качестве доказательства свершившегося. В тексте Кирши Данилова всех этих подробностей нет, подчеркивается горе царя, увидевшего убитого сына.

Из манастыря Боголюбова старец Игренищо. Впервые у Шеффера, стр. 142—144. Песня очень редкая. Вариант (тоже в записи XVIII века), более краткий и во всех отношениях уступающий тексту Кирши Данилова,— в журнале «Живая старина», 1895, вып. 1, стр. 122—123. Сходный по сюжету рассказ имеется в рукописном сборнике XVIII века, среди жарт: ГПБ, собр. Титова, № 1627, лл. 86 об. и 87 (указано мне В. Д. Кузьминой).

Текст Кирши Данилова представляет блестящий образец скоморошьей песни; все эпизоды хорошо разработаны, в песне много юмора; имеются и элементы сатиры (комическое изображение старца, собирающего милостыню, чтобы «душа спасти», и похищающего девушку, и др.). Во второй части (начиная с возвращения старца в монастырь) ощущается запись с пересказа. В варианте «Живой старины» эта часть отсутствует.

Прозвище Игренище связано, как предполагает В. Чернышев, с названием масти лошадей: игрений — рыжий («Русская баллада. Предисловие, редакция и примечания В. И. Чернышева». Л., 1936, стр. 448).

Строка 37. *И увидели его ребята десятильниковы.* Десятильниками назывались сборщики пошлин с монастырей и церквей. Тот факт, что старец сталкивается именно с десятильниками, усиливает сатирическое начало песни.

Садков корабль стал на море. Впервые у Калайдовича, № 44. Обзор вариантов и исследований сюжета: Астахова, I, стр. 625—627; II, стр. 793—794; Пропп, стр. 98—109. Дополнительно: Б. Мериджи. Наблюдения над «Сборником Кирши Данилова». — «Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры». М.—Л., 1966, стр. 21—22; Б. Н. Путилов. Об эпическом подтексте (На материале былин и юнацких песен).—«Славянский фольклор», М., 1972, стр. 14—17.

Сюжет, являющийся продолжением былины «Садко — богатый гость». Здесь Садко, теперь уже богатый новгородский купец, отправляется за море с товарами. На обратном пути происходит чудо — при полном ветре корабль Садко не двигается с места. Морю приносят богатые дары, но корабль остается на месте; Садко понимает, что море требует человеческой жертвы, тогда начинают бросать жребий, кому идти в море.

В тексте Кирши Данилова вся эта часть изложена очень схематично, без ряда эпизодов и не вполне ясно. Фактически былина начинается здесь сразу с метания жребия. Эпизод этот разработан очень хорошо: Садко прибегает к хитрым уловкам,

чтобы жребий не выпал на него, но из этого ничего не получается. Рассказ о дальнейшей судьбе Садко в варианте Кирши Данилова содержит одно существенное отличие: Садко здесь попадает не на дно морское (как в большинстве вариантов), а на берег, в избу, где встречает морского царя; нет здесь и сказочного описания морского царства.

Мотив женитьбы героя на дочери морского царя очень древний (он известен также по сказкам). Былинный герой не может жениться на девушке из морского царства, иначе он навсегда останется здесь. Благодаря тому, что брак — по совету Николы — не совершается, Садко возвращается домой.

Строки 50—51. *И во то сине море Хвалынское Хлеба с солью не опўсковал.* Приносить дань морю хлебом с солью — обычай, зафиксированный в прошлом в Новгородской области.

Строка 104. *А во сне пришел святитель Николай к нему.* Николай — покровитель мореплавателей, защитник их от бурь и бедствий на море (ср. у Проппа, стр. 104).

Строки 142—148. *С молодой женой на подклете спит. . . А левая нога во Волхреке.* В других вариантах Садко просыпается на берегу реки, а его руки, которыми он обнимал во сне невесту, оказываются в воде. Из этого видно, что в образах дочерей морского царя олицетворены реки, а девушка, которую выбирает Садко, олицетворяет его родную реку Волхов (Пропп, стр. 108).

Строка 70. *По три дни не осматривали.* «Не» надо понимать, видимо, как «нее», «ее»: по три дни ее осматривали.

Добрыня купался — Змей унес. Впервые у Калайдовича, № 45. Обзор вариантов и исследований сюжета: Астахова, I, стр. 570—573; II, стр. 731—733; Пропп, стр. 179—206, 575—577. Дополнительно: Б. Мериджи. Наблюдения над «Сборником Кирши Данилова». — «Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры». М.—Л., 1966, стр. 23—25; Б. Н. Путилов 1971, стр. 32—53 (здесь — славянские параллели); Смирнов-Смолицкий, стр. 371—376.

Один из популярных сюжетов русского эпоса, известный в науке под названием «Добрыня и Змей». Текст Кирши Данилова не принадлежит к лучшим. Сюжет изложен довольно схематично, нет существенных эпизодов, составляющих обычно вторую — наиболее важную — часть былины. По наиболее полным вариантам, Добрыня не убивает Змея при первой встрече, а лишь наносит ему поражение и берет с него «заповедь великую», что он не станет больше чинить вред Киеву. Однако Змей нарушает договор и уносит из Киева племянницу Владимира Забаву Путятишну. По поручению князя Добрыня снова отправляется в путь, убивает Змея и спасает Забаву.

Строка 23. *Купатися на Сафат-реку.* В других вариантах река называется Израй (как и в словах матери Добрыни), Пучай. Здесь представление о том, что нельзя купаться в реке, имеющей священное значение, соединяется с более старыми представлениями о реке — месте обитания фантастического змея. О Сафат-реке см. комментарий к былине «Алеша Попович».

Строка 36. *Надевал на себя шляпу земли греческой.* Образ этот встречается и в других былинах. Он имеет определенный символический смысл: шляпа (по другим вариантам — шапка, колпак) земли греческой есть художественное воплощение могущества Киевской Руси, укреплению которой способствовало принятие христианства через посредство Византии (см. у Проппа, стр. 192).

Первая поездка Ильи Муромца в Киев. Впервые у Якубовича, № 8. Обзор вариантов и исследований сюжета: Астахова, I, стр. 605—609; II, стр. 761—765; Пропп, стр. 237—257, 579—580. Дополнительно: Илья Муромец. Подготовка текстов, статья и комментарии А. М. Астаховой. М.—Л., 1958, стр. 453—456; Путилов 1971, стр. 62—70 (здесь — славянские параллели).

Былина об Илье Муромце и Соловье Разбойнике — один из наиболее популярных и значительных сюжетов русского героического эпоса. В ней есть следы древних представлений о борьбе с чудовищами, но в целом она проникнута идеями эпоса периода древнерусского государства: «Образ Соловья — художественное изображение сил, разъединявших Русь, дробивших ее на части, стремившихся к замкнутости,

к изоляции Киева как столицы от остальной Руси. Подвиг Ильи кладет конец отъединенности Чернигова и других городов от Киева» (Пропп, стр. 255).

Текст Кирши Данилова содержит основные эпизоды сюжета; здесь нет часто встречающихся в других вариантах мотива чудесного исцеления Ильи и рассказа об освобождении им Чернигова. В тексте хорошо разработана заключительная часть былины, в которой Илья Муромец противостоит князю Владимиру и его окружению.

Строка 10. *И залег ее, дорогу, Соловей-разбойник.* Конкретный облик Соловья-разбойника по былинам восстановить нельзя; можно, однако, догадываться, что в нем соединены черты звериные, фантастические, и человеческие. Очень архаичны образы сыновей Соловья, способных «обвернуться черными воронами».

Строка 98. *Оне только Илью видели.* В тех вариантах, где семья Соловья пытается погубить Илью, богатырь обычно уничтожает или пугает ее и затем едет дальше.

Строки 145—152. *Все русские могучие богатыри. . . Только было у князя их тридцать молодцов.* По другим источникам известны былины о Самсоне, Сухане, Святогоре, братьях Сбродовичах.

Илья ездил с Добрынею. Впервые у Якубовича, № 11. Обзор вариантов и исследований сюжета: Астахова I, стр. 609—614; Пропп, стр. 261—264. Дополнительно: «Илья Муромец. Подготовка текста, статья и комментарии А. М. Астаховой». М.—Л., 1958, стр. 475—479; Путилов 1971, стр. 206—210 (здесь — славянские параллели); Б. Н. Путилов. Сюжетная замкнутость и второй сюжетный план в славянском эпосе.—«Славянский и балканский фольклор». М., 1971, стр. 83—90.

Сюжет былины о бое Ильи Муромца с сыном (последний обычно именуется Сокольником) — один из самых замечательных в русском эпосе. Вопрос о его генезисе и идейной сущности очень сложен. Наиболее вероятно толкование былины как отражения противоречий материнского рода и рода отцовского. С другой стороны, былина входит в героический киевский цикл и подчиняется основной специфике этого цикла. Поэтому сын Ильи, приезжающий, чтобы отомстить отцу за бесчестье матери, характеризуется как враг Руси. В более полных вариантах Сокольник упорно хочет убить Илью; былина оканчивается обычно тем, что Илья Муромец, убедившись в вероломстве сына, убивает его.

Вариант Кирши Данилова очень своеобразен. Здесь сюжет о встрече отца с сыном оказывается в составе другой былины — о победе Ильи Муромца и Добрыни Никитича над бабой Горынинкой; эта былина, неизвестная в других записях, изложена схематично. Та часть песни, которая посвящена встрече Ильи и Збута-королевича, также схематична и неполна. Столкновение их рисуется как случайная стычка, а не как закономерный конфликт (Збут лишь от матери узнает, что Илья Муромец — его отец), и поэтому кажется в этой былине лишь эпизодом.

Строка 7. *Как бы сверх тое реки Череги.* См. комментарий к былине «Чурила Пленкович».

Строка 8. *Как бы будут оне у матушки у Сафат-реки.* См. комментарий к былине «Алеша Попович».

Князь Роман жену терял. Впервые у Якубовича, № 23. Обзор вариантов: Астахова, II, стр. 790—793.

Популярная песня-баллада. В русском фольклоре есть целый ряд балладных песен трагического содержания — о семейных конфликтах, заканчивающихся гибелью одного или обоих супругов («Князь Михайла», «Князь, княгиня и старицы» и др.). Содержание этих песен связано с бытовыми отношениями феодальной Руси.

Причина убийства жены Романом в вариантах не мотивируется. Главная тема этой песни — не конфликт мужа и жены (даются лишь его последствия), а трагедия дочери, которая ищет свою мать, узнает о ее судьбе и хоронит ее останки. В ряде вариантов весть о смерти матери приносят волки.

Текст Кирши Данилова сюжетно хорошо разработан. Он принадлежит к той группе вариантов, в которой дочь узнает о судьбе матери, увидев в когтях орла ее руку с золотым перстнем. Художественную цельность песни несколько нарушает заключительный эпизод, содержащий натуралистические подробности.

Во хорошем высоком тереме, под красным косящетым окошком. Впервые у Калайдовича, № 49. Вариантов нет.

Лирическая песня. Замечательна как одно из самых ранних по времени записи фольклорных произведений на тему о рекрутчине. В Сборнике Кирши Данилова это — одна из немногих современных песен. Вместе с песнями «Под Ригою стоял царь-государь» и «На литовском рубеже» составляет в Сборнике небольшой цикл о тяжелой доле солдата и его семьи. По стройности композиции, сюжетной завершенности и эмоциональной насыщенности может быть отнесена к числу лучших лирических песен Сборника.

[Про] атамана польскова. Впервые у Калайдовича, № 50. Вариантов нет. О песне см.: Исторические песни XIII—XVI вв., стр. 668—669. Имя Михаила Черкашенина уводит историческое содержание песни к временам Ивана Грозного: Михаил был одним из тех атаманов (польских, т. е. полевых), которые приводили казаков на царскую службу при Иване Грозном; он же поднял донских казаков на Азов, когда крымский хан казнил его сына Данилу (см.: С. Ф. Платонов. Очерки по истории Смуты в Московском государстве, XVI—XVII вв. СПб., 1910, стр. 112). Черкашенин был убит при обороне Пскова от Стефана Батория в 1582 году.

Однако отдельные подробности песни обнаруживают в ней более далекие исторические связи: город Зарайск, Рязань Старая, образ молодой жены, встречающей убитого мужа «с высокого терема», — все это заставляет вспомнить знаменитый эпизод с князем Федором и его женой Евпраксией, изложенный в «Повести о разорении Рязани Батыем».

На литовском рубиже. Впервые у Калайдовича, № 51. Вариантов нет. О песне см.: «Народные баллады. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Д. М. Балашова». М.—Л., 1963, стр. 403.

Песня четко делится на две части, сюжетно связанные между собой предсказанием коня о гибели молодца. Первая часть развивает тему о горестной судьбе героя «на службе царской, службе воинской»; близка к песням Сборника «Под Ригою стоял царь-государь» и «Во хорошем высоком тереме». Вторая часть — с эпизодами наступления врага, выезда поединщика — «Чуда поганого», единоборства с ним, победы русского воина и его последующей гибели в плену — очень сходна с песней Сборника «Под Конотопом под городом»; здесь нет, однако, характерного для последней мотива стойкости героя.

Особенностью текста является последовательное наименование ее героя дворянином.

Упоминание в песне Смоленска и литовского рубежа позволяет отнести ее создание (в данной редакции) не ранее, чем ко второй половине XVII века.

Ох, в горе жить — некручинну быть. Впервые у Калайдовича, № 52. Обзор вариантов и исследований: В. Ф. Ржига. Повесть о Горе-Злочастии и песни о Горе. «Slavia», 1931, вып. I, стр. 40—66; вып. II, стр. 288—315; Н. К. Гудзий. История древней русской литературы, изд. 7-е. М., 1966, стр. 409—410; «Русская повесть XVII века. Составитель М. О. Скрипиль». Редактор И. П. Еремин. Л., 1954, стр. 400—415. Основные варианты: Соболевский, I, №№ 438—447.

В русском фольклоре известны две группы песен о Горе — лиро-эпические и лирические. Текст Кирши Данилова, относящийся к лирическим песням, своеобразен. В нем очень ясно выражено противопоставление судьбы бедного и богатого. В первой части песни Горе предстает просто как реальный удел бедняка и лишь во второй части приобретает характер персонифицированного образа.

По наблюдениям В. Ф. Ржиги, некоторые стихи варианта Кирши Данилова «дословно повторяют отдельные стихи Повести о Горе-Злочастии». На основании текстологических сопоставлений Ржига сделал вывод о том, что «вариант Кирши является лирической композицией, навеянной повестью и весьма отличной от других песен» («Slavia», стр. 312—313).

Строка 2. *А в горе жить — некручинну быть.* Ср. в Повести о Горе-Злочастии: «а в горе жить — некручинну быть».

С т р о к а 7. *Не бывать гулящему богатому.* Ср. в Повести:

Не бывать бражнику богату.

С т р о к и 10—11. *Не утешити дитя без матери, Не скроить атласу без мастера.* Ср. в Повести:

Что не класти скарлату без мастера,
Не утешити детяти без матери.

С т р о к а 13. *А и лыком горе подпоясалась.* Ср. в Повести:

Еще лычком горе подпоясано.

С т р о к а 16. *А горя прежде век зашол.* Ср. в Повести:

А что злое Горе наперед зашло.

Во зеленом садочку. Впервые у Шеффера, стр. 163. Вариант: «Русская баллада. Предисловие, редакция и примечания В. И. Чернышева». Л., 1936, стр. 155. Текст, возможно, объединяет две самостоятельные песни (вторая начинается со слов «А девушка у девушки спрашала»). Об образности песни см.: А. А. Г о р е л о в. Диффузия элементов устнопоэтической техники в «Сборнике Кирши Данилова». — «Русский фольклор», XIV. Л., 1974, стр. 189—190.

Чурилья-игуменья. Впервые у Калайдовича, № 53. О песне см.: «Народно-поэтическая сатира. Статья, подготовка текста и примечания Д. М. Молдавского». Л., 1960, стр. 416; «Народные баллады. Вступительная статья, подготовка текста и примечания Д. М. Балашова», стр. 413.

Уникальная песня. Сюжет очень хорошо разработан. В песне ярко проявляется характерный для ряда текстов Сборника лукавый юмор, шутливый тон. Насмешка над монастырскими нравами соединяется в песне с явным шутливо-сочувственным отношением к ловкой Стафиде Давыдьевне, нарушающей нормы церковной морали.

С т р о к и 20—21. *А поют оне на крылосах, мешаются, Не по-старому поют, усмехаются.* Сравн. в плаче А. М. Пашковой:

Я стояла, да заметила,
Что попы поют-мешаются,
Дьяки читают-усмехаются
И подаянья не начаются

(«Русские плачи Карелии. Под ред. М. К. Азадовского». Петрозаводск, 1940, стр. 73).

Высота ли, высота поднебесная. Впервые у Калайдовича, № 54. Вариантов нет. Былины о Суровце-Суздальце, известные по другим записям,— на совершенно иной сюжет.

Текст Кирши Данилова представляет начало былины. Замечательна запевка, которая переходит в необычное для эпоса описание «беззаконства великого». Все это вступление, видимо, не связано с основным содержанием былины.

С т р о к и 12—15. *При старце Макарье Захарьевиче. . . Чернецы по дорогам — разбойницы.* По вероятному предположению А. А. Горелова здесь имеются в виду реальные факты XVII века: Покровский монастырь в Туринске, где монахи и монахини жили совместно, славился беспорядками и несоблюдением нравов. Для наведения строгих порядков игуменом был назначен Макарий, но и при нем положение еще долго не менялось. Характерно, что этот реальный мотив в песне включен в широкий эпический контекст.

С т р о к а 32. *И поехал ко городу Покидашу.* В других былинах встречается город Кидиш. Возможно, что это — искаженное наименование легендарного города

Китежа, который якобы при приближении татар опустился на дно озера и был таким образом спасен.

[Про] дурня. Впервые у Калайдовича, № 55. Песенные и стихотворные варианты: «Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях. . . Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном», вып. I. М., 1898, № 966; «Белорусские песни. Сборник П. В. Шейна». СПб., 1874, № 755 и стр. 424—425; М. Дмитриев. Опыт собрания песен и сказок крестьян Северозападного края. Гродно, 1868, стр. 143—149; Н. И. Рождественская. Сказы и сказки Беломорья и Пинежья. Архангельск, 1941, стр. 69—71. О сюжете см.: «Русская сатирическая сказка в записях середины XIX—начала XX века. Подготовка текста, статья и комментарии Д. М. Молдавского». М.—Л., 1955, стр. 252—253.

Сказка о дурне, который говорит все невпопад и из-за этого страдает, известна преимущественно в прозаической форме. В тексте Кирши Данилова все основные сказочные эпизоды сохранены. Сохранены и стилистические сказочные особенности. Окончание придает тексту особую остроту: дурня убивают солдаты. Заключительные строки прозаичны. Текст из Сборника в обработанном виде вошел в «Первую русскую книгу для чтения» Л. Н. Толстого (см.: Э. Е. Зайденшнур. Работа Л. Н. Толстого над русскими былинами. — «Русский фольклор. Материалы и исследования», V. М.—Л., 1960).

Голубина книга сорока пядень. Впервые опубликована П. Н. Шеффером в «Известиях ОРЯиС АН», 1897, т. 2, кн. I. Варианты см.: А. Марков. Беломорские былины. М., 1901, стр. 612.

Духовный стих о Голубиной (т. е. мудрой —«глубинной») книге.

В наиболее полных вариантах стих о Голубиной книге содержит вопросы и ответы, касающиеся происхождения мира, животных, различных святынь, и, кроме того,— возникновения сословий («от чего зачадилися» цари с царицами, князья с боярами, крестьяне и т. д.). Заключительная часть стиха повествует о борьбе между Правдой и Кривдой и о том, как «Кривда Правду приобидела», «Пошла Правда на вышние небеса, а Кривда осталась на сырой земле».

Духовный стих о Голубиной книге сложился на основе апокрифических сказаний —«Беседы трех святителей» и некоторых других. При всей своей религиозности, Голубиная книга не отражает официальных взглядов церкви, в ней содержатся еретические представления; есть в ней и мотивы неудовлетворенности социальным строем, пессимистические настроения о торжестве Кривды на земле и т. д.

Текст Кирши Данилова не содержит вопросов и ответов социального порядка (о создании сословий), характерных для ряда вариантов. Нет здесь также заключительного эпизода о борьбе Правды с Кривдой. В имеющихся пределах вариант Кирши Данилова хорошо разработан. Стилистически он во многом близок к былинам. Своеобразен эпизод о борьбе единорога и льва за право царствовать над зверями. В характеристике льва-царя угадывается элемент скоморошьей сатиры («А и лев подписан — царем ему быть. Царю быть над зверями всем; а и хвост у него колечиком»).

Вступление к стиху, не известное по другим вариантам, очень сходно с началом «Повести о Горе-Злочастии». А. Марков считал первоначальным источником в данном случае стих («Живая старина», 1913, вып. 1—2, стр. 19); В. Ф. Ржига более убедительно доказывает зависимость стиха в этом месте от Повести («Slavia», 1931, № 1, стр. 55).

Там на горах наехали бухары. Впервые у Калайдовича, № 56.

Текст уникален. Песню можно трактовать как шуточную. Возможно, она исполнялась в качестве частой-плясовой. Для песен этого типа характерно отсутствие сюжетной стройности и строгой связанности между стихами. В припеве — смесь искаженных иноязычных слов — польских, еврейских, возможно, бурятских (ср.: А. А. Горелов. Диффузия элементов устнопоэтической техники в «Сборнике Кирши Данилова», стр. 192). В параллель можно привести украинские шуточные песни с припевами на слова, как будто лишенные смысла, искаженные иноязычные (см., например: «Труды Этнографическо-статистической экспедиции в Западно-рус-

ский край. . .» — «Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским», т. V. СПб., 1874, стр. 1130, 1163, 1177, 1181 и др.).

Строка 1. . . *наехали бухары.* Скорее всего имеются в виду бухарские купцы, которые в XVII—XVIII вв. вели широкую торговлю в Сибири, имели лавки в городах. Возможно, однако, что речь идет об очередном посольстве бухарского хана: такие посольства в XVII—XVIII вв. неоднократно проходили в Москву через Тобольск или Тюмень.

Ох, горюна! Ох, горю хмелина! Впервые у Шеффера, стр. 174—175. Варианты: Соболевский, VII, №№ 194—196.

Текст уникален. Сходство с указанными вариантами только в первой части песни — в описании того, как «садили девушки хмель». Вторая часть совершенно отлична. В вариантах сначала теща приглашает зятя на пироги и, возмущенная его обжорством, выгоняет из дому, а затем зять варит для тещи пиво и потчивает «в четыре полена березовых». Тексты только со второй частью: Соболевский, VII, №№ 197—201.

Текст Кирши Данилова входит в группу песен, относящихся к скоморошьему репертуару.

У Спаса к обедне звонят. Впервые у Калайдовича, № 57. Вариант: Соболевский, VII, № 192.

Шуточная скоморошья песня.

Текст Кирши Данилова гораздо богаче по содержанию и более художествен, чем указанный вариант. Все эпизоды хорошо разработаны и мотивированы. В тексте несомненна скрытая ирония по адресу тещи. Имя Дениса Борисовича, быть может, было взято певцом как хорошо знакомое аудитории (ср. выше, в песне «Да не жаль добра молодца»).

Строки 1—3. *У Спаса к обедне звонят. . . По монастырям благовестят.* Вариант к этой песенной формуле есть в шуточной игровой песне:

Тень, тень, потетень,
Выше города плетень.
У Спаса бьют,
У Миколы звонят,
У старого Егорья
Часы говорят.

(«Сказки и песни Вологодской области». Составители: С. И. Минц и Н. И. Савушкина. Вологда, 1955, № 71).

Теща, ты теща моя. Впервые у Шеффера, стр. 176—177. Вариантов нет. Примыкает в Сборнике к группе песен о теще и зяте (см. два предыдущих текста). Несомненно, скоморошья версия.

Усы, удалы молодцы. Впервые у Калайдовича, № 58. Обзор вариантов и исследований: Т. М. Акимова. Народные удалые песни сатирико-юмористического характера. — «Ученые записки Саратовского гос. ун-та», т. 67. Выпуск филологический. 1959, стр. 5—22; П. С. Богословский. Песня об Усах из Сборника Кирши Данилова и камская вольница. Пермь, 1928; В. Чернышев, Рецензия на книгу П. Богословского. «Slavia», 1932, № 1, стр. 176—179.

П. Богословский считает текст Кирши Данилова самым близким к первоначальной форме песни. Более правильны выводы В. Чернышева, который относит его к пермской редакции песни, возникшей первоначально в Москве.

Вариант Кирши Данилова — один из лучших. Основная тема песни — нападение разбойников на богатого мужика — разработана в скоморошьем духе. Начало напоминает песню о разинском сынке; речь атамана выдержана в манере пародии на выступления атамана в исторических песнях. Эпизод с завтраком Усов разработан в манере песен-«небылиц». В результате усиления шутливо-забавных мотивов собственно разбойничья тема в песне оказалась несколько притушенной, зато усилены

мотивы обличения богатого крестьянина. В этом плане характерна и разработка образа дурака в песне.

Гришка Мурышка, предводитель Усов,— лицо реальное; он был известен своими разбоями на Волге в 40-е годы XVII века (см. в кн.: Н. Аристов. Об историческом значении русских разбойничьих песен. Воронеж, 1875, стр. 34).

Строка 43. *А и тот с борку, иной с борку...* См. комментарий к песне «Сергей хорош» (стр. 432).

Кто Травника не слыхал. Впервые у Калайдовича, № 59. Варианты: «Русская баллада. Предисловие, редакция и примечания В. И. Чернышева. Вступительная статья Н. П. Андреева». Л., 1936, стр. 466; «Былины и исторические песни из Южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. Редакция, вступительная статья и комментарии М. К. Азадовского». Новосибирск, 1939, № 12 (то же: «Былины и песни Южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. Под ред. В. И. Чичерова». Новосибирск, 1952, № 58). В. И. Чернышев предположительно относил песню к игровым.

Текст Кирши Данилова — лучший, вероятно, скоморошьего происхождения. Очень интересен здесь образ Травника (Зуй, Травник — куличок). Сохраняя внешне черты кулика, он в то же время вполне человечен. По предположению М. К. Азадовского, в песне следует видеть сатирическое описание похождений какого-то доброго молодца. Травник терпит всяческие невзгоды из-за своего буйного характера и «лукавства великого». Но песня содержит и критическое изображение тех порядков, при которых Травника все бьют, сажают его в тюрьму, берут с него деньги и т. д.

Строка 3. *Ставил Потанька плужок.* Плужок — по-видимому, силок для ловли птиц.

Свиньи хрю, поросята хрю. Впервые у Шеффера, стр. 181—182. Вариантов нет. Эпизод о том, как жена задушила мужа, составляет самостоятельную песню (Соболевский III, №№ 123—129). О песне см.: А. А. Горелов. Частушка с разных сторон. — «Русская литература», 1972, № 4, стр. 213.

Шуточная скоморошья песня с характерным для песен такого рода соединением ряда самостоятельных, не связанных единой логикой сюжета, эпизодов. Основное их содержание — вышучивание семейных отношений; в конце характерен эпизод, в котором насмешливо изображены поп и попадья.

А. А. Горелов находит в составе текста около десяти «мелких песен», скрепленных «внешнетематически, скорее даже эмоционально, и отчасти — интонационно ритмически». Некоторые из них можно было бы отнести к плясовым частушкам.

Строка 22. *Испить боло побольше — побольше шумит.* «Боло»— было. Не вполне ясно, как следует понимать смысл всей фразы: «испито было побольше» или «испить было бы побольше».

Стать почитать, стать сказывать. Впервые у Шеффера, стр. 183—187. Вариантов нет. Песня не может быть напечатана полностью ввиду непристойного характера. О песне см.: А. А. Горелов. Диффузия элементов устнопоэтической техники в Сборнике Кирши Данилова, стр. 193—194. А. А. Горелов предлагает эту песню, как и предыдущую, рассматривать в виде «связки мелких песен» и насчитывает в ней около сорока таких песенок, представляющих образцы «ранних частушек-скоморошин» («Русская литература», 1972, № 4, стр. 213).

О станишниках, или разбойниках. Впервые у Калайдовича, № 60. Обзор вариантов и исследований сюжета: Астахова, I, стр. 601—602; II, стр. 759—761; «Илья Муромец. Подготовка текстов, статьи и комментарии А. М. Астаховой». М.—Л., 1958, стр. 488—491; Пропп, стр. 264—267.

Былина «Илья Муромец и разбойники» часто встречается в составе другой песни, обычно — об Илье Муромце и Соловье Разбойнике. Текст Кирши Данилова принадлежит к числу тех, в которых сюжет выделился в самостоятельную былину.

Строки 37—38. *А Селма стает пересемывает, а Спиря стает, то постыривает.* Характерная для некоторых песен Сборника формула, передающая испуг.

О атамане Фроле Минеевиче. Впервые у Калайдовича, № 61. Вариантов нет. Тексты, встречающиеся в сборниках казачьих песен и почти буквально совпадающие

с нашим, взяты из Сборника Сахарова, который фальсифицировал запись Кирши Данилова.

Содержание песни относится к концу XVII—началу XVIII века. Фрол Минаев — казачий атаман, старавшийся мирными средствами уладить конфликты донских казаков с царским правительством. Жалобы, которые передает песня, с одной стороны, вызваны политикой Петра Первого, направленной на дальнейшее ограничение казачьих прав, а с другой — напоминают о несчастных для донских казаков последствиях неудачного похода в Крым русских войск под командованием Василия Голицына.

В рукописи лист с текстом песни очень плохо сохранился, поэтому некоторые места не поддаются прочтению. Пользуясь тем, что отдельные места заключительной части были прочитаны К. Калайдовичем и П. Шеффером, можно предложить следующий вариант последних строк песни:

Что злата труба в царстве протрубила,
Прогласил надежа благоверны царь:
«А и гой есть атаман и с донски казаки!
У тебя, у атамана, есть казачий суд,
Есть ли . . . непорядочно живет . . .

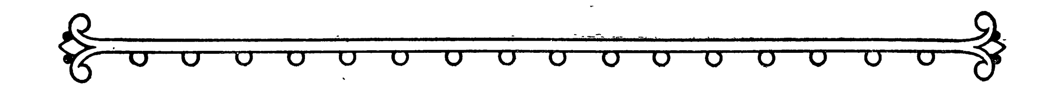
Строка 7. . . .*с крепким Лютиком.* Турецкий форт Лютик, прикрывавший подступы к Азову со стороны Дона, был взят русскими войсками в 1696 г. Упоминание его в данном контексте не оправдано.

О Стеньке Разине. Впервые у Калайдовича, Предисловие, стр. III. Варианты см. в комментарии к песне «По край моря синего стоял Азов-город».

Сохранилось только начало песни, остальных листов в рукописи нет.

Начало песни совпадает с текстом «По край моря синего стоял Азов-город». На этом основании Сахаров и Костомаров печатали песню «По край моря синего» с заменой Ермака на Разина.

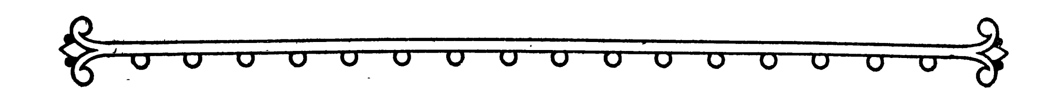
Прикрепление песни к Разину в других записях не встречается.



УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН[1]

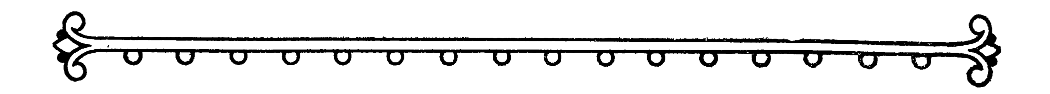
---

[1] Курсивом обозначается номер песни (согласно оглавлению), прямым шрифтом — номер строки.



УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ[1]

[1] Курсивом обозначается номер песни (согласно оглавлению), прямым шрифтом — номер строки. Названия в указателе приводятся в той форме, в которой они встречаются в Сборнике.



СЛОВАРЬ УСТАРЕЛЫХ, ДИАЛЕКТНЫХ И ДРУГИХ МАЛОПОНЯТНЫХ СЛОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В СБОРНИКЕ КИРШИ ДАНИЛОВА

алтын — денежная единица в 6 денег или в 3 копейки; монета в 3 копейки.

атаман — 1) казачий начальник, предводитель; 2) старшина, выборный начальник ватаги.

бабариха — баба (шуточно). («*Добро ты, баба, баба-бабариха, мать Лукерья, сестра Чернава! потом я, дурень, таков не буду*», «[Про] дурня», строки 48—53).

баберековый — из баберека (б а й б е р е к — шелковая ткань, гладкая или с золотыми и серебряными узорами).

баса — краса, красота. («. . .*в передней слуке по тирону по каменю, по дорогу по самоцветному, — а не для-ради мене, молодца, басы, — для-ради богатырские крепости*, Царь Саул Леванидович», строки 99—103).

бат — однодеревка, долбленный из одной колоды челн.

башлык (бошлык) — рыболовный, неводной начальник; глава рыболовной артели. (*Проси бошлыков во Новегороде, их со тремя неводами и с теми людьми со работными*, «Садко богатой гость», строки 43—45).

беда, в выражении *за беду стало* — стало обидно, досадно. (*Тут Добрыни за беду стало, будто над ним насмехаются*, «Три года Добрынюшка. . .», строки 24—25).

безвременный — несчастный. (*Не я тебе топлю, безвремяннова молодца, топит тебе, молодец, похвальба, твоя пагуба!* «Когда было молодцу. . .», строки 129—132).

безвременье — 1) отсутствие времени, досуга для чего-либо (*А втапоры Марине безвременье было, умывалася Марина, снарежалася*, «Три года Добрынюшка. . .», строки 39—40); 2) несчастье, беда; тяжелое время (*А стало доброму молодцу безвременье, некто́-де молодца не почитает*, «Из Крыму. . .», строки 11—12).

белохрущатая см. х р у щ а т ы й.

бердыш — старинное оружие в виде широкого топора, насаженного на длинное древко.

березина — березовое дерево, березовая палка.

беремя — ноша, охапка.

беседа — 1) скамейка; место для сиденья (*В чердаке была беседа-дорог рыбей зуб, подернута беседа рытым бархотом, на беседе-то сидел купав молодец*, «[Про] Саловья Будимеровича», строки 39—41); 2) собрание, вечеринка (*И при всем народе, при беседе, вдову опазорела*, «Гардей Блудович», строки 33—34).

битая печь — печь, сделанная из глины (а не выложенная из кирпича). (*Печки у тебя биты глинены, а подики кирпичные*, «Дюк Степанович», строки 121—122).

богоданный — о свойственниках по замужеству, женитьбе и т. п.; богоданная матушка — теща.

болотиник, в выражении *зуй болотиник* — долгоногий кулик; веретенник (ср. у Даля: болотник).

большина — первенство; старшинство (*Станем мы с тобою боротися о большинé, что кому наша Настасья достанется*, «Иван Гаденович», строки 181—182).

браный — тканый в узор; узорчатый.

братеник — названый брат.

братчина — складчина, ссыпчина; праздник на общий счет (обычно в честь особенно почитаемых святых). (*А и гои вы еси, мужики новогородские! Примите меня во братшину Никольшину, а и я вам сыпь плачу немалую*, «Садко богатой гость», строки 115—119).

бродучий — хорошо заметный, отчетливый; свежий (по рыхлому, вязкому, топкому).

брус полатный — один из брусьев, на которые кладется настил полатей.

булава — палица; дубина с утолщением на одном конце. (*А брал булаву в полтретья пуда, бил молодца по буйной голове* «Из манастыря. . .», строки 82—83).

булат — сталь самого высокого качества.

булатный — из булата.

бумажный — 1) стеганный на хлопчатой бумаге (*Поставил он, Иван, тут свой бел шатер, развернул ковры сорочинския постлал потнички бумажныя, изволил он, Иван, с Настасьею опочив держать*, «Иван Гаденович», строки 150—158); 2) из бумаги.

бурнастый — совсем рыжий. (*Брал Соловей свою золоту казну, сорок сороков черных соболей, второе сорок бурнастых лисиц*, «[Про] Саловья Будимеровича», строка 71).

буса — большое судно; большая лодка. (*Бусы-корабли, бусы-галеры* — синонимические сочетания).

вежство — учтивость, вежливое обращение.

вольящатый (вальящетый) — литой, чеканный, точеный, резной. (*Пуговки вольящатые; тавлеи вольящетые; стремя вальящетое; ворота вальящетые*).

венчальное — плата за венчание. (*Венчальнова дал Дунай пять сот рублев*, «О женитьбе. . .», строка 288).

вера, в выражении *ему вера побоборотися* — намерение, желание, охота.

вереи (ед. в е р е я) — столбы, на которые навешиваются ворота.

верста — старая русская мера длины. В е р с т а м е р н а я — измеренная, в полную меру; в е р с т а п я т и с о т н а я — мерой в пятьсот сажен; в е р с т а т ы с я ч н а я — мерой в тысячу сажен.

вершина — верховье, начало, исток реки. (. . .*я гулял по Волге двенадцать лет, со вершины знаю и до устья ее*, «Садко богатой гость», строки 38—39).

веселый молодец, веселые молодцы — скоморох, скоморохи.

ветляный, **ветляненький** — из дерева ветлы.

вечное петье — заупокойные молитвы; заключительные слова молитв по умершему: «вечная память». (*И пропели петье вечное тому князю Пожарскому*, «Под Канатопом. . .», строки 148—149).

вислоухий — нерасторопный, простофиля.

вихнуть — повеять, венуть. (*А и буйныя ветры не вихнут на ее, а красное солнцо не печёт лицо*, «О женитьбе. . .», строки 45—46).

вместо — вместе. (*А и тут люди дивовалися, что ево тело вместо срасталося*, «Под Канатопом. . .», строки 144—145).

вожий, в выражении *вожий выжлок* — хорошо вывоженный на смычке и своре; послушный.

войский — воинский, войсковый. (*Становились молодцы во единой войской круг, середи круга стоит войсковой атаман,*

«О атамане Фроле Минеевиче», строки 15—16).

волога — приправа к еде; зимний запас соленья — грибов. (*А капуста в масле — не ества ли то? А грибы с чесноком — не волога ли то?* «Свиньи хрю. . .», строки 28—29).

волокитный — обыденный, будничный. (*Не надо мне эти луки богатырския; есть у меня лучонкю волокитной, с которымъ я езжу по чисту полю,* «[Про] Ставра-боярина», строки 163—165).

волочайка — потаскушка, распутная женщина.

волочить, в выражении *волочить медь* — тянуть, вытягивать в нить, в проволоку.

волх — волхв; знахарь. (*Ты поди, дохтуров добывай, волхи-та спрашивати,* «[Про] гостя Терентиша», строки 40—41).

воровинный — из веревки; веревочный.

воровской — мятежный; нарушающий закон.

воскикать — закричать, запеть (о птицах). (*Как бы гуси, лебеди воскикали,* «Под Ригою. . .», строка 10).

вотчина — 1) земля, состоящая во владении; родовое имение (*Сколько по полю я езживал, по ево государевой вотчине, такова чуда не наезживал,* «Михайла Казаринов», строки 7—109); 2) род, происхождение (*Али место тебе было не по вотчине?* «Гардей Блудович», строка 46).

враг — дьявол, черт. (*А ты бы молвил: «Будь, враг, проклят именем господним. . .», черти б убежали,* «[Про] дурня», строки 40—44).

вражба — колдовство, ворожба. (*Скоро он вражбу чинил: обвернется гнедым туром,* «Иван Гаденович», строки 167—168).

вселды — всегда.

втапоры — в ту пору, тогда.

втокарить — воткнуть, втиснуть.

выжлок — ищейная, гончая собака.

выскорь — вывороченное с корнем дерево, бурелом. (*Завали, боже, дорогу пеньем-колодьем. . . выскорью,* «Ох, горюна. . .», строки 29—30).

выходы — дань, оброк (обычно в сочетании со словом «дань»). (*Буду вам платить дани-выходы по смерть свою, на всякой год по три тысячи,* «[Про] Василья Буслаева», строки 137—138).

галера — парусное или гребное судно (обычно военное). (*Грабят бусы-галеры, разбивают червлены карабли,* «Василий Буслаев. . .», строки 79—80).

галица — галка.

глуздырь — птенец, который еще не в силах летать. (*А стой ты, Васька, не попорхивай, молоды глуздырь, не полетывай!* «[Про] Василья Буслаева», строки 206—207).

гоголь — вид дикой утки.

годиться — случиться. (*И в то время годилося мимо идти послу персидскому,* «Ермак взял Сибирь», л. 23 об.; *А и денег со мною не годилося, а и езжу я, князь, за охотою,* «Сорок калик. . .», строки 68—69).

гомозить — возиться, вертеться, щекотать.

горазд (гаразд) — искусен, способен, ловок.

горница — светелка, комната над избой (на чердаке).

горносталь — горностай.

гостиный — 1) купеческий (*Была я, дочи гостиная, из Волынца-города,* «Михайла Казаринов», строки 188—189); 2) в выражении *гостиный двор* — торговые ряды (*И сделан гостиной двор, и лавки каменны,* «Во сибирской украине. . .», строки 93—94).

гость — 1) гость (в современном значении); 2) купец (обычно иноземный).

грабиться — хвататься руками за что-либо (чтобы вылезть, вырваться).

гривна — 1) старинная монета достоинством в 2,5—3 рубля; 2) серебряная монета в 10 копеек. Здесь, вероятно, второе

значение. (*А и денег нету — перед деньгами, появилась гривна — перед злыми дни*, «Ох! в горе жить. . .», строки 4—5).

гридня — особое помещение или особое строение при древних княжеских дворцах, где проводил время князь с дружиной.

грянуть — 1) с грохотом выстрелить. (*В три пушечки гунули, а ружьем вдруг грянули*, «На Бузане-острове», строки 69—70); 2) налечь на весла, начать грести. (*И садилися молодцы во свои струги легкие, оне грянули, молодцы, вниз по матушке Волге-реке*, «На Бузане-острове», строки 27—30).

гунуть — с силой ударить; выстрелить. (*А была у казаков три пушки медныя. . . три пушечки гунули*, «Во сибирской украине. . .», строки 75—78).

десятильник — сборщик пошлин (десятой доли) с монастырей и церквей.

деяние — действие; происшествие; то, что было; то, что произошло.

домовище — гроб.

доход, в выражении *в доходе идет* — идет к концу, кончается.

доходить, дойти — окончиться, прекратиться.

дружина — 1) часть войска, состоящая из приближенных и доверенных людей, сопровождающая князя во всех походах, охотах и т. п.; 2) войско, рать; 3) товарищество, ватага.

дупля — слово не встречается в других записях. К. Ф. Калайдович при издании Сборника обозначил его точками, считая его неприличным, как предполагает П. Н. Шеффер.

дядина-вотчина — род, происхождение. (*Не спросил не дядины-не вотчины: княженецкая ль дочь и боярская*, «Михайла Казаринов», строки 186—187; *Ты скажись мне, молодец, свою дядину-вотчину*, «Илья ездил с Добрынею», строка 68).

епанечка — безрукавая, короткая, сборчатая шубейка; накидка.

еретница — еретичка.

есаул — подручный атамана, исполняющий обязанности адъютанта, дежурного.

ества — еда, кушанья.

жалованье — то, что жалуется, что пожаловано (*Не тем узда дорога, что вся узда золота, она тем узда дорога — царская жалованье. . . а нельзя, дескать, тое узды не продать, не променять*, «Щелкан Дудентьевич», (строки 48—54).

жезло — жезл, посох.

железа — **кандалы**. (*Владимер-князь приказал сковать Ставра-боярина, на руки и на ноги железа ему, посадить ево в погребы глубокия*, «[Про] Ставра-боярина», строки 39—42).

жорный — предназначенный для еды; съестной.

забедно — обидно, прискорбно. (*Не то мне, доброму молодцу, забедно, что царь меня на службу ту посылает, а то мне, доброму молодцу, забедно — отец-мати старешуньки остаются, а некому поить будет их, кормити*, «Во хорошем высоком тереме. . .», строки 23—27).

завозный — привозной; привезенный.

заворочать — ворочая, переваливая накрыть, завалить. (*И заворочали потолокомъ дубовыем, и засыпали песками желтыми*, «Потук Михайла Иванович», строки 180—181).

загон — участок земли.

загрезить — сделать что-либо недозволенное; натворить, напроказничать. (*Перву беду не утушили, а другую беду оне загрезили: — убили зятя любимова*, «Калин царь», строки 83—85).

задорить — начать вздорить, ссориться, спорить.

заздориться — начать ссору, поссориться.

зазнаючи — зная; заведомо.

зазрить — завидеть, увидеть.

займище — места, затопляемые весенним разливом (места, где бывают поемные луга, покосы).

закориться — заупрямиться, начать перекоряться.

залезено (залезти) — приобретено, добыто.

залечь — сделаться недоступным, заглохнуть.

замычется (замыкаться) — замыкается, запирается.

заповедь — обет; нерушимый наказ.

запоручить — сговорить, помолвить, просватать и «запить» невесту.

заручный, в выражении *заручные записи* — подписанный собственной рукой.

зарывчивый — усердный, рьяный.

заселшина (зашелшина) — сельский, деревенский житель, невежа (?).

заслон — заслонка, деревянный щит.

заспороваться — заспорить.

заступь, заступовать — начать игру, сделать ход (в шахматах, шашках и т. п.).

засыкать — засучивать, завертывать.

захламостить — завалить хламом, засорить.

заход — хлев, отхожее место.

зватое — взнос, который делают гости; побор с приглашенных (?).

зголовье — изголовье.

зграбиться см. с г р а б и т ь с я.

здорить — вздорить, ссориться, браниться.

злокоман — тот, кто делает зло, вред; враг, недруг.

злочастный — злосчастный; несчастный.

зуб рыбий — моржовый клык; также название резной кости и перламутра.

зуй — кулик.

изголовь — мыс, конец острова. (*Во тех устьях тобольскиех на изголове становилися*, «Ермак взял Сибирь», л. 22 об.).

изнести, в выражении *сердце не изнести* — сорвать на ком-либо гнев. (*Моей крови тебе не пить будет, моего мяса не есть будет, надо мною сердце не изнести*, «Михайла Казаринов», строки 125—127).

изойти — захватить врасплох, настигнуть.

изъехать — наехать внезапно, захватить наездом.

изымать — поймать, схватить.

изыматься — ухватиться. («*Я-де опустила десятова молодца, Добрыня Никитьевича, он всем атаман-золотые рога!*» *За то-то слово изымается Добрынина матушка родимая*, «Три года Добрынюшка. . .», строки 167—171).

имать — ловить.

истопка — чердак, вышка, все место под кровлей (над избой).

исторговаться — распродать весь товар.

казна — 1) деньги; драгоценности (*А то коли я товары не выкуплю, заплачу казны вам сто тысячей*, «Садко богатой гость», строки 132—133); 2) ценные меха (*И пошли к нему, Ермаку, с подарачками, понесли казну соболиную и бурых лисиц сибирскиех*, «Ермак взял Сибирь», л. 23).

калика — паломник, странник.

камка — шелковая цветная ткань с узорами.

канун — пиво или брага, сваренные к празднику.

кирпищатый — брусчатый, кирпичный.

клюка — палка, посох с загнутым верхним концом.

клюшник — ключник; лицо, заведующее съестными припасами дома, княжеского двора, монастыря и т. п. (*Гой еси, клюшники мои, приспешники! Приспевайте кушанье разное: а и постное и скоромное, заутра будет ко мне гость дорогой*, «Гришка Расстрига», строки 27—30).

кляплый — пониклый, пригнутый книзу; согнутый.

княженецкий — княжеский.

кожух — струпья, короста.

кокора — дерево, вывороченное с корнем; нижняя часть дерева с корнями.

кологривый — с большой, развалистой на обе стороны шеи гривой.

коломенка — род большой лодки, судна.

комуха — лихорадка.

копаруля — заступ, лопатка.

кораблик — теплая шапка, у которой зад и перед вздернуты вверх в виде носов.

корму держать — править судном.

корчага, в выражении *согнуть корчагой* — смять, пригнуть к земле.

косаточка — вилохвостая ласточка.

косица — висок.

косящатый — 1) с косяками (*И сидит она под окошечком косящетым*, «Потук Михайла Иванович», строка 88); 2) обшитый досками. (*Да трои сени косящетыя да трои сени решетчетыя*, «[Про] Саловья Будимеровича», строки 124—125).

котух — хлев.

красная рыба — бескостная, хрящевая рыба: белуга, осетр, севрюга и др.

красное крыльцо — парадное, чистое крыльцо.

крашенина печатная — крашеный холст с набивным узором.

кречатник — охотник, служитель при ловчих кречетах.

кречет — хищная птица из породы соколиных (самая ценная из всех ловчих птиц).

кросенный стан — ткацкий стан

круг — общий сход для обсуждения и решения дел.

кружало — питейный дом, кабак.

крупичатый — крупчатый; из лучшей пшеничной муки.

кряковистый — кряжистый, с толстым, крепким стволом.

кубец — кубок, стопа.

кубышка — ларец для денег; дуплянка.

кукарачь, на кукарачь — на четвереньки.

купавый — красивый.

кут — угол в избе у входной двери; угол за печкой.

куяк — доспех из металлических пластинок, нашитых на бархат, сукно и т. п.

ладонцы — ладони.

ларечник — лицо, которое ведает съестными припасами; род ключника.

ластица — ласточка.

лень — рыба семейства лососевых

лепкий — цепкий, липкий. (*А и божья крепко, вражья-то лепко*, «Три года Добрынюшка. . .», строка 59).

локоть — мера длины, равная расстоянию от локтевого сгиба до конца вытянутого среднего пальца.

лоскнуть — лосниться.

луб — внутренняя часть коры березы или липы, идущая на разные поделки.

лука — деревянный изгиб переднего или заднего края седла.

любь, в выражении *дб люби* — до полного удовлетворения. (*Ты живи в Киеве, служи мне, князю Владимеру, дб люби тебе пожалую*, «Алеша Попович», строки 330—333).

майдан — игорный стол. (*Расставили майданы терския и раздернули ковры сорочинския; а играли казаки золотыми оне тавлеями, кто-де костью, кто-де картами*, «[Про] князя Репнина», строки 15—18).

маковица — глава церкви. (*А и шод Садко, божей, храм сорудил. . . кресты, маковицы золотом золотил*, «Садко. . .», строки 146—148).

маковка — украшение в виде маковой головки. (*А кругом двора железной тын, на тынинки по маковке, а и есть по земчуженке*, «[Про] гостя Терентиша», строки 7—9).

мамка — нянька.

мости пане — сударь, господин, милостивый государь. (польск.: mości panie)

матица — балка, идущая поперек избы, на которую настилается потолок.

мех — мешок. (*А купили шелковой мех — дали два гроша мешок*, «[Про] гостя Терентиша», строки 6—7).

мехоноша — лицо, которое носит мешок (с провизией, с товарами и т. п.) за своими товарищами. (Посадили Терентиша *во тот шелковой мех*, *мехоноша за плеча взял*, «[Про] гостя Терентиша», строки 104—105).

могорец — угощение при заключении сделки.

молодица, молодка, молодушка — молодая замужняя женщина.

мотовило — мотальное орудие; палка, на которую наматывается пряжа.

мурава — зелень, трава на корню.

муравленый — глазурованный, облицованный глазурью. (*Была печка муравленая*, «[Про] гостя Терентиша», строка 17).

мураш — муравей.

мурза — незначительный князек у татар.

мутовка — очищенная сосновая палочка, на конце которой оставляются коротко подрезанные веточки; служит для взбалтывания, взбивания, пахтанья и т. п.

мучник — печеный хлеб; пирог без начинки.

набелки (набилки) — часть ткацкого стана (2 грядки, в которые вставляется бердо).

набойница — лодка-долбленка с набитыми по бортам досками.

надолба — вкопанная стойка, столб.

назола — досада, огорчение.

налучен — чехол, футляр для лука. (*Молоды Дунай он догадлив был*, *вымал из налушна тугой лук*, *из колчана вынул калену стрелу*, «О женитьбе. . .», строки 208—230).

нанести, в выражении *нанести речь напрасную* — оклеветать, оговорить.

напрокучить, напроскучить — наскучить, надоесть.

наступчивый — выступающий бодрой поступью.

нахтарма — мездра, изнанка кожи.

начаяться — ожидать, думать, полагать.

недоладом — грубо, безобразно.

неладом — неистово, неладно.

ногай-птица — гриф.

облавить — окружить.

облелеять — облечь, обступить.

обручница — невеста; обрученная.

обручной — обрученный.

обудиться — пробудиться, проснуться.

однорядочка — однобортный долгополый кафтан без ворота.

оздориться — войти в задор; раззадориться.

оздынуть — поднять.

окольный — находящийся по соседству, близко.

оконница — оконная рама.

окорачиться (окарачиться) — опуститься на четвереньки, осесть назад, подогнув ноги. (*Под Ильею конь окарачелся*, *и падал ведь на кукарачь*, «Первая поездка Ильи. . .», строки 38—39).

опазновати — узнавать, признавать по памяти.

опала — немилость царя, князя.

опальный, в выражении *опальное платье* — темное, ненарядное, как знак печали и немилости.

осек — выгон или участок земли, огороженный поваленными деревьями с несрубленными сучьями.

ослопина — дубина, большая жердь.

остояться — остановиться.

остров — высокое место среди болота, поросшее лесом.

острог — укрепленное поселение, обнесенное высоким частоколом (сваями, заостренными вверху).

отецкий — знающий своего отца (не безотний).

отхожий — находящийся на некотором расстоянии.

охлестывать — пить сразу много и жадно. (*И нечестно Тугарин питья пьет: По*

целой чаше охлестовает Алеша Попович, строки 196—197).

охлуп — гребень, конек крыши, пригнетающий собой доски обоих скатов крыши. (*С теремов верхи поволялися, а с горниц охлупья попадали*, «Сорок калик. . .», строки 87—88).

пала — опала. (*Благослови пред собой слово молвити, и единое слово безопальное, а и без тое палы великия*, «О женитьбе. . .», строки 35—37).

папороток — малое крылышко, второй сустав крыла.

паробочек — слуга. (*Владимер-князь стольной киевской тотчас сам он Екима руками привел: «вот-де те, Дунаю будет паробочок!»*, «О женитьбе. . .», строки 87—89).

перегородье — ? (*А в Нижнем славном Нове-городе, на перегородье в бубны звонят, в горшки благовестят*», «Стать почитать. . .», строки 4—6).

переный — оперенный. (*Строганы те стрелки во Нове-городе, клеены они клеем осетра-рыбы, перены оне перьицам сизá орла*, «Дюк Степанович», строки 43—45).

перепадчивый — изменчивый, непостоянный; пугливый (*А и женское дело прелестивое, прелестивое, перепадчивое*, «Три года Добрынюшка. . .», строки 198—199).

пета см. **п я т а**.

печера — пещера. (*. . .нашли оне печеру каменну на той Чусовой реке*, «Ермак взял Сибирь», строка 36).

пеша — пешком. (*А пеша ту дороженьку повыду*, «Из Крыму. . .», строка 8).

плаши — бляхи, пластинки; *колпачки-золоты плаши* — колпачки с золотыми бляхами, с золотыми верхами (*Есть молодцов. . . и за пятьсот. . . .кафтанцы на них камчатныя, однорядочки-то голуб скурлат, а и колпачки-золоты плаши*, «Чурила Пленкович», строки 26—30).

плетни — завязки, шнурки. (*На них смурые кафтаны с подпушечками с комчатыеми. . . а красная рубашки — косые воротники, золотые плетни*, «Усы. . .», строки 6—9).

плотбище — место на берегу реки, где вяжут плоты, где строят суда. (*А на другой стороне была у них плотбища: делали большия коломенки*, «Ермак взял Сибирь», л. 22 об.).

побоище — оружие, средство боя. (*А у Чуда поганова одно было побоиша, одно было побоишша — большая рогатина*, «На литовском рубиже», строки 68—71).

повалечное (повалешное) — сбор (с валька) за мытье белья на плоту. (*На всякой год будем тебе носить: с хлебников по хлебику, с калачников по калачику, с молодиц повенешное, с девиц повалешное*, «[Про] Василья Буслаева», строки 250—258).

повалуша — общая спальня; помещение (без печи), где спят летом.

поваренка — поварешка, разливательная ложка; ковш.

повенечное — плата, сбор за венчание.

поветь — чердак; помещение над двором, над хлевами; летняя холодная комната над двором.

подбородыш — часть лезвия топора, оттянутая книзу. (*А мечитеся по кузницам, накуйте топоры с подбородышами*, «Усы. . .», строки 20—22).

подворотина — доска, которой закладывается отверстие под воротными створами.

поддернуть — подсунуть. (*В тот час они дело сделали: поддернули зелья лютога, подсыпали в стакан, в меды сладкие*, «Михаил Скопин», строки 152—154).

подклет, подклеть — нижнее жилье избы; брачное ложе, брачная комната молодых.

(*Красное солнцо закатается, Поток Михайла Иванович спать во подклет убирается*, «Потук Михайла Иванович», строки 147—150; *А и тут Садко-купец, богатой гость, с молодой женой на подклете спит*, «Садков корабль. . .», строки 144—145).

подковыривать лапти — проплетать лапти в узор; чинить лапти.

подмолвиться — подольститься.

подсолнучник — зонтик. (*Едет Чурила ко двору своему, перед ним несут подсолнучник, чтоб не запекла солнца бела его лица*, «Чурила Пленкович», строки 166—170).

подсумок — небольшая сумка, которую носят на ремне через плечо.

поиграть — выиграть. (*Стал с ним в шахматы играть. . . первую заступь заступовали, и ту посол поиграл; другую заступь заступовали, и другую заступь посол же поиграл*, «[Про] Ставра-боярина», строки 193—198).

покаянная — место одиночного или строгого заключения; тюрьма. (*Тюрьмы с покаянными оне все распущалися; а и погребы царские оне все растворялися*, «Светел, радошен . . .», строки 17—20).

покаять — исповедать.

покользнуть — поскользнуться, скользнуть.

полть (мн. ч. п о л т е и) — половина туши, разрубленной вдоль. (*Нельзя пройти девки по улице: что полтей по улице валяются тех мужиков новогородских*, «[Про] Василья Буслаева», строки 262—264).

полудновать — жить, доживать последние минуты. (*И скажи Чурилье-игуменье, что мало Стафиде можется, едва душа в теле полуднует*, «Чурилья-игуменья», строки 72—74).

помелечко — помело, которым обметается печной свод перед посадкой хлебов.

помолвить — сговориться, условиться, договориться. (*Тут оне и помолвили. Целовалися оне, миловалися, золотыми перстнями поменялися*», «[Про] Соловья Будимеровича», строки 187—189).

поновить — обновить, освятить. (*И разрывали тое могилу наскоро. . . вынимали Потока и с добрым конем и со ево молодой женой; и объявили князю Владимеру и тем попам соборныем, поновили их святой водой, приказали им жить по-старому*, «Потук Михайла Иванович», строки 210—217).

понос понести — забеременеть. (*А втапоры княгиня понос понесла, а понос понесла и дитя родила*, «Волх (В)сеславьевич», строки 9—10).

понять — взять. (*Он понел, царь-государь, царицу благоверную Марью Темрюковну*, «Мастрюк Темрюкович», строки 31—33).

попрыжея — больше, лучше, скорее (?).

поруки держать — поручиться за кого-либо.

поцапывать (посапывать) — похватывать.

посверстняе — покрепче (?). (*Под большим-то братом конь уставает, а меньшей за большего умирает: «а и гой еси, мой братец родимой! А я тебе, братец, посверстняе, а пеша ту дороженьку повыду*», «Из Крыму. . .», строки 4—8).

пословаться — приветствовать друг друга как полагается, как следует послам.

посрочить — отложить; повременить с чем-либо.

постояться — приостановиться, задержаться.

постыривать — неповоротливо, неохотно что-либо делать.

потаить — утаить, скрыть.

потаковка — ковшик, черпак. (*Он посла стал подчивати, всяко питье потаковкам пьют.— Уж тут ли посол напивается*, «[Про] Ставра-боярина», строки 119—121).

поторчина — кол, столб, врытый, поставленный торчком. (*Заплетайте вы туры высокия, а ставьте* ***поторчины*** *ду-*

бовые, колотите вы надолбы железныя, «Царь Саул Леванидович» строки 163—165).

потылица — затылок, зашеина.

почестный — почетный (эпитет при слове пир).

пошахать — пошагать, пойти.

правильное перушко — крайнее перо (особого вида) в крыле. (*На дубу сидит тут черны ворон, с ноги на ногу переступавает, он правильна перушка поправливает*, «Михаила Казаринов», строки 99—101).

править — исполнять, совершать.

приворотняя изба — изба у ворот; сторожка. (*А живал все Сергей на Уфе на реке, в ямской слободе, у попа во дворе, в приворотней избе*, «Сергей хорош», строки 9—13).

пригодиться — случиться.

примета — цель. (*Тут пьяной Дунай расхвастался: «что нет против меня во Киеве такова стрельца из туга лука по приметам стрелять!»*, «О женитьбе. . .», строки 318—320).

принабуркаться — наполниться, набраться. (*А для-ради Сергея и суседей позвала, а и тот с борку, иной с борку, уже полна изба принабуркалася*, «Сергей хорош», строки 25—30).

приспевать — приготовлять.

приспешник — слуга. (*Гой еси, клюшники мои приспешники, приспевайте кушанье разное, а и постное и скоромное*, «Гришка Расстрига», строки 27—29).

притка — беда; неожиданная помеха, неудача.

притченки да хапилонки — (значение неясно).

причалина — навеска; наставка. (*Попал он в окошечко косящетое, проломил он оконницу стекольчеую, отшиб все причалины серебреныя*, «Три года Добрынюшка. . .», строки 33—35

пробой — пропущенный сквозь дверь ставню) металлический стержень с отверстием на конце, в которое вставляется засов или навешивается замок. (*Двери были у полат железныя, крюки-пробои по булату злачены*, «Волх (В)сеславьевич», строки 178—179).

прозритель — провидец; предвидящий будущее.

пропасть — падаль, мерзость. (*Молоды Касьян, сын Михайлович, а и дунул духом святым своим на младу княгиню Апраксевну,— не стало у ней тово духу-пропасти*, «Сорок калик. . .», строки 318—321).

простой — порожний, пустой; свободный от какого-либо содержимого; в выражении *просты поруки крепкие* — потеряли силу, нарушены (освобождены). (*Гой еси ты, Иван Гостиной сын! Уведи ты уродья со двора долой: прбсты поруки крепкия, записи все изодраныя*, «Иван Гостиной сын», строки 143—146).

протаможье — штраф за продажу товаров, не предъявленных в таможне. (*В городе Леденце у тово царя заморскаго Соловей у царя в пратаможье попал, и за то посажен в тюрьму*, «[Про] Саловья Будимеровича», строки 211—213).

противница — ровня, пара.

прохлад, в выражении «за прохлад» — не торопясь, для развлечения; от нечего делать. (*Обе жены богатыя, богатыя жены дворянския. Промежу собой сидят, за прохлад говорят*, «Гардей Блудович», строки 11—12).

прохладныя речи — приятные, неторопливые разговоры для развлечения. (*А сидели на пиру честныя вдовы. . . промежу собою разговоры говорят, все были речи прохладные*, «Три года Добрынюшка. . .», строки 148—154).

прощаться — просить прощения. (*Втапоры княгиня прощалася, что нанесла речь напрасную*, «Сорок калик. . .», строки 318—319).

прыскучий (зверь) — рыскучий, дикий.

пята — 1) дверной крюк, вбиваемый в ко-

сяк для навешивания дверной петли; 2) нижняя оконечность дверного полотна, упирающаяся в косяк; *отворить дверь на пяту* — отворить дверь настежь. (*Идет во гридню во светлую; как бы на пету двери отворялися*, «[Про] Саловья Будимеровича», строки 73—74).

разгузыниться — рассердиться, разгневаться. (*Попадья на попа разгузынилася-распечалилася, а кобылу-ту колом и корову-ту колом*, «Свиньи хрю. . .», строки 69—70).

разиться —броситься, кинуться. (*Втапоры его матушка. . . разилася о сыру землю и не может во слезах слово молвити*, «Илья ездил с Добрынею», строки 96—99).

разрывчатый — тугой, очень упругий (эпитет ловес при «лук»).

разъясачивать — назначать, распределять. (*Стал он, Иван, разъесачавати: послал он за гнедым туром сто человек и велел поимать ево бережно, без той раны кровавыя*, «Иван Гаденович», строки 99—102).

раменье — густой лес; лес, соседящий с полями. (*Он обвернется серым волком, бегал-скакал по темным по лесам и по раменью, а бьет он звери сохатыя*, «Волх (В)сеславьевич», строки 68—70).

раскаты земляные — земляная насыпь или площадка для установки на ней пушек. (*А стоит крепкой Азов-город со стеною белокаменною, земляными роскатами, и ровами глубокими*, «По край моря синего. . .», строки 5—8).

рассычать — подслащать, прибавлять подслащенной воды. (*Она мыла те кореньица в синем море. . . рассычала коренья белым сахаром*, «По далам девица. . .», строки 7—11).

расшеперивать — растопыривать, раздвигать.

ротиться — клясться, божиться. (*А душечка, удалой доброй молодец ратился, а всякими неправдами заклинался*, «Во хорошем высоком тереме. . .», строки 5—7).

рушать — разрезать на части, делить (о пище).

рытый, в выражении *рытый бархат* — с цветами, с узорами, вытисненными по ворсу.

рыхнуть — рыкнуть (?) или треснуть, рассыпаться, развалиться (?). (*Горька редька рыхнула, белая капуста крикнула*, «Из манастыря Боголюбова. . .», строки 41—42).

ряд и **ряды** — торговые лавки, гостиный двор, а также каждая часть гостиного двора, где торгуют определенными товарами.

сбруя —доспехи, все вооружение. (*И обрал у девицы сбрую всю: куяк и панцырь с кольчугою*, «О женитьбе. . .», строки 268—269).

свашить — быть свахой, сватать. (*Скоро вздумал о свадьбе, что отдать Запаву за голова шапа Давыда Попова. Тысецкой — ласковой Владимер-князь, свашела княгиня Апраксеевна*, «[Про] Саловья Будимеровича», строки 215—219).

сверстаться — сравняться, поравняться. (*Сверстался Алеша Попович млад против Тугарина Змеевича*, «Алеша Попович», строки 108—109).

свершный — сверстный, равный в чем-либо; *свершна умом* — равна умом. (*А кто мне-ка знает сопротивницу, сопротивницу знает, красну девицу: как бы та была девица станом статна. . . и умом свершнá*, «О женитьбе. . .», строки 19—22).

сграбиться — схватиться. (*Казаки оне справилися, за ружье сграбелися*, «Во сибирской украине. . .», строки 73—74).

середа — часть избы; здесь, вероятно, передний, гостиный угол избы. (*Походика, Терентишша, по своей светлой грид-*

ни, и по середи кирпищетой, «[Про] гостя Терентиша», строки 161—163).

скатный (жемчуг) — крупный, круглый и ровный.

скрасть (караулы) — снять, захватить врасплох. (*Как скрали оне швецкия караулы, маэора себе во полон полонили*, «[Про] Бориса Шереметева», строки 17—18).

скурлат (скорлат) — сорт дорогого сукна (*Кафтанцы на них камчатныя, однорядочки-то голуб скурлат*, «Чурила Пленкович», строки 28—29).

скучить — наскучить, надоесть.

сливной — сплошной, слившийся вместе.

слоны сохатные — ? (*Потому цена лука три тысячи: полосы были булатныя, а жилы слоны сохатныя, и рога красна золота*, «Михайла Казаринов», строки 23—25).

смурый — темно-серый, неопределенного темного цвета; *смурое сукно* — крестьянское некрашеное сукно из темной шерсти. (*Принес сукно смурое, да крашенину печатную*, «[Про] Соловья Будимеровича», строки 201—202).

согнуть корчагой см. корчага.

сопротивница — ровня, пара. (*А и холост я хожу, неженат гуляю, а кто мнека знает сопротивницу, сопротивницу знает красну девицу*, «О женитьбе. . .», строки 18—20).

соян (саян) — сарафан особого покроя; распашной сарафан. (*И выдавали оне тут соян хрущетой камки на тое княгиню новобрачную. . . а цена тому сояну сто тысячей*, «О женитьбе. . .», строки 301—304).

сохатый — с рассохами, с рогами (олень, лось и т. п.). (*А бьет он звери сохатыя, а и волку медведю спуску нет*, «Волх (В)сеславьевич», строки 69—71).

спеченик — небольшая спица (?), деревянный гвоздь в стене; заостренная палочка.

спинать — остановить, задержать, не дать ходу.

спорядy — подряд, сплошь.

старица — монахиня.

стол — пир. (*И будет день в половина дни, и будет стол во полу́столе,— Владимер-князь полсыта́ наедается, полпьяна́ напивается*, «Дюк Степанович», строки 146—148).

столование — пир. (*Было пированья почестной пир, было столованья, почестной стол*, «Иван Гостиной сын», строки 3—4).

столовати — пировать.

столочить — вытоптать, примять. (Еще *кто траву стоптал, кто мураву столочил?*, «Перед нашими воротами. . .», строка 4).

стольник — придворный чин: смотритель за царским (княжеским) столом. (*А втапоры стольной Владимер-князь не имел у себя стольников и чашников, наливал сам чару зелена вина*, «Михайла Казаринов», строки 64—66).

стольничать — быть стольником. (*У славнова сударь-князя у Владимера три годы Добрынюшка стольничал. . . он стольничал, чашничал девять лет*, «Три года Добрынюшка. . .», строки 2—5).

стоялый — долго стоявший, выдержанный; застоявшийся.

стряпчий — тот, кто стряпает; повар. (*И тут у Дюка стряпчей был, припас про князя Владимера почестной стол*, «Дюк Степанович», строки 138—139).

струг — лодка (обычно большая), судно.

сугонь — погоня. (*Скричит за молодцом как в сугонь быстра река Смородина человеческим языком, душей красной девицей*, «Когда было молодцу. . .», строки 92—95).

сукрой — ломоть хлеба во всю ковригу. (*Отрезал хлеба великой сукрой, а и солью насолил ево*, «Садко богатой гость», строки 7—9).

сур — (П. Н. Шеффер связывает слово «сур» с прилагательным «суровой», кото-

рое в некоторых диалектах имеет значение «резвый», «молодецкий»). (*И пришел тут к нам удалой доброй молодец, удалой молодец был волжской сур*, «Садко богатой гость», строки 113—114).

счастка — счастье, удача. (*По его по щаски великия, привалила птица к круту берегу, настрелял он гусей, белых лебедей*, «Потук Михайла Иванович», строки 30—32).

съезжий — предназначенный для заезда, заезжий, постоялый.

сыгрыш — напев, мелодия (?). (*И зачал тут Ставер поигравати: сыгриш сыграл Царя-града*, «[Про] Ставра-боярина», строки 226—227).

сыпь (сып) — доля в складчине. (*Не малу мы тебе сып платим: за всякова брата по пяти рублев*, «[Про] Василья Буслаева», строки 99—100).

сыта медвяная — подслащенная медом вода; медовый взвар. (*Медвяною сытою пой и сорочинским пшеном корми*, «Иван Гостиной сын», строки 93—94).

сыть — пища, еда. (*Говорит Илья Муромец Иванович, а ты, волчья сыть, травеной мешок! Не бывал ты в пещерах белокаменных*, «Первая поездка Ильи. . .», строки 40—42).

тавлеи — шашки; шахматы

тарханная грамота — грамота, дававшая льготы, освобождавшая от податей и т. п.

терять — убивать, губить. (*А князь Роман жену терял, жену терял, он тело терзал, тело терзал, во реку бросал*, «Князь Роман. . .», строки 1—3).

тесьмяный — сделанный из тесьмы.

тожно — потом, вслед за тем. (*Еще втапоры турецкой царь напоил-накормил доброва молодца и тожно стал ево спрашивати*, «По край моря синего. . .», строки 52—54).

токо — если, если же. (*А Владимир-князь стал проведывати: тока посол буде женщина, не станет он во Киеве боротися со моими могучими богатырями*, «[Про] Ставра-боярина», строки 123—126).

толды — тогда.

толочить — топтать; вытаптывать.

тонцы — игры, пляска, хороводы (?). (*А и гои еси ты, Стафида Давыдьевна, а и царская ты богомольщица. . . не твое-то дело тонцы водить, а твое бо дело богу молитися*, «Чурилья-игуменья», строки 61—65).

торгаться — дергаться.

торженый, в выражении *торженые усы* — выдерганный, выщипанный. (*Два братца родимые по базару похаживают, а и бороды бритые, усы торженые*, «Мастрюк Темрюкович», строки 110—113).

торока — ремни сзади седла для привязывания поклажи.

травник — кулик. (*Прилетел молодой травник, молодой зуй-болотник*, «Кто травника не слыхал», строки 9—10).

трапезник — церковный сторож; церковный староста.

третьяк — бык по третьему году.

трость-дерево — тростник.

трудный — тяжело больной. (*Трудна-больна* — синонимическое сочетание: «*На зголовье молодая жена, Авдотья Ивановна. Она с вечера трудна-больна, со полуночи недужна вся*», «[Про] гостя Терентища», строки 23—26).

трясца — лихорадка.

тур — вид укрепления, представляющий собой плетеные из хвороста и набиваемые землей корзины. (*Научил тех ли татар поганыех копати ровы глубокие: «Заплетайте вы туры высокие»*, «Царь Саул Леванидович», строки 162—164).

тысяцкий — старший свадебный чин.

тынинка — кол, жердь, из которых делается тын, забор.

улан — ханский чиновник; татарский сановник. (*И отправляет король своих мурзы-улановья везти за Дунаем золоту казну*, «О женитьбе. . .», строки 196—197).

улус — становище кочевников, табор кибиток. (*Переправились казаки за Селенгу за реку, напущались на улусы на мунгальския*, «Поход селенгинским казакам», строки 13—14).

упадка, в выражении *не с упадкою* — безбоязненно, смело. (*Говорит тут маэор не с упадкою, а стал он силу рассказывать*, «[Про] Бориса Шереметева», строки 26—27).

урас — поражение. (*А сели оне, молодцы, во единой круг, выпили ведь по чарочке зелена вина со того урасу молодецкова от мужиков новгородских*, «[Про] Василья Буслаева», строки 276—279).

уреченный — назначенный, условленный. (*И дает ему матушка свое благословение великое на те годы уреченныя*, «Добрыня чудь покорил», строки 76—77).

ускорить — успеть, поспеть. (*Поток Михайла Иванович нигде не мешкал, не стоял; Авдотьюшка Леховидьевна перво ево в свой дом ускорить могла*, «Потук Михайла Иванович», строки 84—87).

ути́н — боль в пояснице; прострел. (*Расходился недуг в голове, разыгрался утин в хребте*, «[Про] гостя Терентиша», строки 27—28).

ускок — лошадиный скачок, скок.

утолочить — вытоптать, выбить ногами.

хайлище — огромный рот.

хмелина — стебель, плеть хмеля.

хмельник — огород, где растет хмель.

хобот — 1) хвост змеи, ящерицы. (*Обвивается лютой змей около чебота зелен сафьян, около чулочика шелкова, хоботом бьет по белу стегну*, «Волх (В)сеславьевич», строки 5—8); 2) окружной окольный путь, крюк (*Он бегал, скакал по чисту полю, хоботы метал по темным лесам. Не нашел он в поле сопротивника*, «Высота ли, высота поднебесная», строки 29—31).

холоденушка — лягушка.

хрущатый —(П. М. Савваитов объясняет как «кружчатый», т. е. с узором из кругов, кружков, но возможно и другое объяснение: хрусткий, т. е. плотный, твердый или хрусткий — хрустящий, шуршащий).

хрящ — крупный песок. (*Запирали дверями железными и засыпали хрещом, пески мелкими*, «Царь Саул Леванидович», строки 220—221).

целовальник — человек, принявший присягу на верность; доверенное лицо. (*А вы, целовальники любимыя, а и все приказчики хорошия, принесите шубу соболиную*, «Садков корабль. . .», строки 52—54).

чебодан — чемодан.

чебурацкий — ? (*Стал ево бити червленым вязом, в половине было налито тяжела свинцу чебурацкова*, «[Про] Василья Буслаева», строки 70—71).

чембур — одинокий (третий) повод, за который водят и привязывают коня. (*Гой еси ты, Настасья Дмитревна! Подай чембур от добра коня*, «Иван Гаденович», строки 210—211).

червленый — красный, багряный.

чердак — 1) помещение на палубе судна. (*На том соколе-корабле сделан муравлен чердак*, «[Про] Саловья Будимеровича», строки 37—38); 2) помещение над избой; светелка (*Гришка Расстрига дагадается, сам в верхни чердаки убирается*, «Гришка Расстрига», строки 59—60).

черевостоя — беременная.

черепан — ? (*И стоят тут черепаны, гнилые горшки, а все горшки уже битые*, «Садко богатой гость», строки 183—184).

черчатый — багряный, пурпурный.

чеснок — частокол; часто поставленные столбы. (*Круг оне острогу Камарскова оне глубокой ров вели, высокой вал валилися, рогатки ставили, чеснок колотили*, «Во сибирской украине. . .», строки 13—17).

чингалище — кинжал, кинжалище. (Он *выдернул чингалишша булатное, а и хочет взрезать груди белые*, «О женитьбе. . .» строки 248—249).

шабура (шабур) — домотканная грубая ткань; рабочая одежда из этой ткани.

шамшура (и шемшура и шешумра) — род шапочки (волосник), надеваемой под платок замужними женщинами.

шап см. щ а п.

шебур см. ш а б у р а.

шелепуга — плеть, кнут; палка (*Шелепуга подорожная, в пятьдесят пуд*, «Алеша Попович», строки 64—65).

ширинка — 1) полотенце. (*Утренней зарею умывается, белаю ширинкаю утирается*, «Алеша Попович», строки 48—49); 2) шеренга, ряд (. . .*в одном мне полку быти, в одной мне ширинючке служити*, «Во хорошем высоком тереме. . .», строки 29—30).

шкарб — скарб.

шлык — женский головной убор, род повойника. (*Он стал молоду жену лечить, Авдотью Ивановну: шлык с головы у нея сшиб*, «[Про] гостя Терентиша», строки 171—179).

шишимора — кикимора (бранно).

щап — щеголь, франт.

щапливый — щеголеватый, франтоватый.

щастка см. с ч а с т к а.

щепетко — щегольски, нарядно.

ягодица — щека. (*Ее белое лицо, как бы белой снег, и ягодицы, как бы маков цвет*, «О женитьбе. . .», строки 23—24).

яловица — овца, корова и т. п., не давшая приплода.

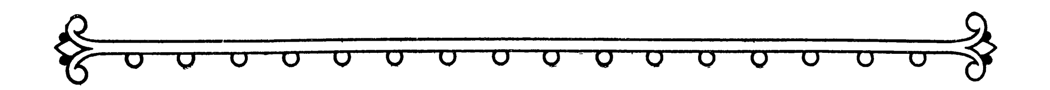
ярлык — письмо, грамота. (*Садился Васька на ременчетой стул, писал ярлыки скоропищеты, от мудрости слово поставлено*, «[Про] Василья Буслаева», строки 48—50).

ярый — белый, светлый.

ярыжка — работник, наемный слуга, прислужник.

ясак — дань. (*Казаки царя белова оне острог поставили, острог поставили, ясак царю собрали*, «Во сибирской украине. . .», строки 6—9).

ясачный — платящий ясак, обложенный ясаком.



СОДЕРЖАНИЕ

ТЕКСТЫ

* Страницы указывают: первые — песню, вторые — воспроизведение ее по рукописи и нотную запись, третьи — комментарий.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДРЕВНИЕ РОССИЙСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ,
СОБРАННЫЕ КИРШЕЮ ДАНИЛОВЫМ

Утверждено к печати
Редколлегией серии «Литературные памятники»
АН СССР

Редактор издательства
Н. А. АЛПАТОВА
Художественный редактор
Т. П. ПОЛЕНОВА
Технический редактор
В. Д. ПРИЛЕПСКАЯ

Сдано в набор 26/I 1977 г.
Подписано к печати 23/V 1977 г.
Формат бумаги $70 \times 90^1/_{16}$. Бумага типогр. № 1.
Усл. печ. л. 35,7. Уч.-изд. л. 34,3.
Тираж 25000. Тип. зак. 1799. Цена 4 р. 70 к.

Издательство «Наука».
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., д. 94а

1-я типография издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
151	20 снизу	Семиону	Симеону
228	10 сверху	втер. му [8]	втерему [8]
267	1 снизу	белу	[6] белу
	2 »	и	[5] и
423	7 и 8 снизу	в XVI—конце XVII	в конце XVII—XVIII

Сборник Кирши Данилова

СБОРНИК КИРШИ ДАНИЛОВА

СБОРНИК
КИРШИ
ДАНИЛОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»